

Организация Объединенных Наций

**Доклад Комитета
по правам человека**

Том II

**Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты • Пятьдесят вторая сессия
Дополнение № 40 (A/52/40)**

Доклад Комитета по правам человека

Том II

Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты • Пятьдесят вторая сессия
Дополнение № 40 (A/52/40)

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

В настоящем документе содержатся приложения VI и VII к докладу Комитета по правам человека. Главы I—VIII и приложения I—V и VIII содержатся в томе I.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава

- I. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ
 - A. Государства — участники Пакта
 - B. Сессии
 - C. Выборы, членский состав и участники
 - D. Торжественное заявление
 - E. Выборы должностных лиц
 - F. Специальные докладчики
 - G. Рабочие группы
 - H. Прочие вопросы
 - I. Кадровые ресурсы
 - J. Освещение работы Комитета
 - K. Документы и публикации, касающиеся работы Комитета
 - L. Последующие совещания Комитета
 - M. Утверждение доклада
- II. МЕТОДЫ РАБОТЫ КОМИТЕТА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА:
ОБЩИЙ ОБЗОР НЫНЕШНИХ МЕТОДОВ РАБОТЫ
 - A. Неофициальное совещание по процедурам и последующие события
 - B. Последние решения по процедурам
 - C. Прочие вопросы, касающиеся методов работы в соответствии со статьей 40
- III. ДОКЛАДЫ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЕ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ
СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА
 - A. Доклады, представленные государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта
 - B. Замечания государств-участников по поводу заключительных замечаний Комитета
- IV. ГОСУДАРСТВА, НЕ ВЫПОЛНИВШИЕ СВОИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО СТАТЬЕ 40

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

- V. РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА
 - A. Дания
 - B. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (Гонконг)
 - C. Швейцария
 - D. Габон
 - E. Перу
 - F. Германия
 - G. Боливия
 - H. Грузия
 - I. Колумбия
 - J. Португалия (Макао)
 - K. Ливан
 - L. Словакия
 - M. Франция
 - N. Индия
- VI. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ КОМИТЕТА
- VII. РАССМОТРЕНИЕ СООБЩЕНИЙ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ
 - A. Ход работы
 - B. Увеличение объема работы Комитета в связи с сообщениями, представленными в соответствии с Факультативным протоколом
 - C. Подходы к рассмотрению сообщений в соответствии с Факультативным протоколом
 - D. Индивидуальные мнения
 - E. Вопросы, рассмотренные Комитетом
 - F. Средства правовой защиты, о которых говорится в соображениях Комитета
- VIII. ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Приложения

<u>Глава</u>	<u>Стр.</u>
I. ГОСУДАРСТВА — УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ И ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРОТОКОЛОВ И ГОСУДАРСТВА, СДЕЛАВШИЕ ЗАЯВЛЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 41 ПАКТА, ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 АВГУСТА 1997 ГОДА	
А. Государства — участники Международного пакта о гражданских и политических правах	
В. Государства — участники Факультативного протокола	
С. Статус второго Факультативного протокола, направленного на отмену смертной казни	
D. Государства, сделавшие заявление в соответствии со статьей 41 Пакта	
II. ЧЛЕНСКИЙ СОСТАВ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, 1996—1997 ГОДЫ	
А. Членский состав	
В. Должностные лица	
III. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКЛАДОВ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА В ТЕЧЕНИЕ РАССМАТРИВАЕМОГО ПЕРИОДА	
IV. СТАТУС ДОКЛАДОВ, РАССМОТРЕННЫХ ЗА ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД, И ДОКЛАДОВ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ РАССМОТРЕТЬ КОМИТЕТУ	
V. СПИСОК ДЕЛЕГАЦИЙ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В РАССМОТРЕНИИ СВОИХ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ДОКЛАДОВ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ЕГО ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ, ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЙ И ШЕСТИДЕСЯТОЙ СЕССИЯХ	
VI. СООБРАЖЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СОГЛАСНО ПУНКТУ 4 СТАТЬИ 5 ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ	1
А. Сообщение № 481/1991: <u>Хорхе Виллакрес Ортега против Эквадора</u> (соображения, принятые 8 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	1
В. Сообщение № 526/1993: <u>Майкл и Брайен Хилл против Испании</u> (соображения, принятые 2 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	5
Добавление	18
С. Сообщение № 528/1993: <u>Майкл Стедман против Ямайки</u> (соображения, принятые 2 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	20
D. Сообщение № 529/1993: <u>Эрвин Эдвардс против Ямайки</u> (соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	26

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Стр.</u>
E. Сообщение № 533/1993: <u>Харольд Элахи против Тринидада и Тобаго</u> (соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	31
F. Сообщение № 535/1993: <u>Ллойделл Ричардс против Ямайки</u> (соображения, принятые 31 марта 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	35
Добавление	41
G. Сообщение № 538/1993: <u>Чарльз Э. Стюарт против Канады</u> (соображения, принятые 1 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	43
Добавление	55
H. Сообщение № 549/1993: <u>Опю и Бессер против Франции</u> (соображения, принятые 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	64
Добавление	74
I. Сообщение № 550/1993: <u>Роберт Фориссон против Франции</u> (соображения, принятые 8 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	76
Добавление	87
J. Сообщение № 552/1993: <u>Веслав Калл против Польши</u> (соображения, принятые 14 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	94
Добавление	101
K. Сообщение № 558/1993: <u>Джозуэ Канепа против Канады</u> (соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	103
Добавление	110
L. Сообщение № 560/1993: <u>А. против Австралии</u> (соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	112
Добавление	132
M. Сообщение № 561/1993: <u>Десмонд Уильямс против Ямайки</u> (соображения, принятые 8 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	134
N. Сообщение № 572/1994: <u>Гезекья Прайс против Ямайки</u> (соображения, принятые 6 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	140
O. Сообщение № 587/1994: <u>Ирвин Ренолдс против Ямайки</u> (соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	144
P. Сообщение № 607/1994: <u>Майкл Адамс против Ямайки</u> (соображения, принятые 30 октября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	150
Q. Сообщение № 612/1995: <u>Аруако против Колумбии</u> (соображения, принятые 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	159

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Стр.</u>
R. Сообщение № 639/1995: <u>Уокер и Ричардс против Ямайки</u> (соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	168
S. Сообщение № 671/1995: <u>Юни Е. Лянсман и др. против Финляндии</u> (соображения, принятые 30 октября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	176
T. Сообщение № 692/1996: <u>А.Р. Дж. против Австралии</u> (соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	189
U. Сообщение № 696/1996: <u>Питер Блейн против Ямайки</u> (соображения, принятые 17 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	200
Добавление	208
V. Сообщение № 702/1996: <u>Клиффорд Маклоуренс против Ямайки</u> (соображения, принятые 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	209
W. Сообщение № 707/1996: <u>Патрик Тейлор против Ямайки</u> (соображения, принятые 14 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	218
Добавление	227
X. Сообщение № 708/1996: <u>Невиль Льюис против Ямайки</u> (соображения, принятые 17 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	228
Добавление	237
VII. РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ОБЪЯВЛЯЮЩИЕ СООБЩЕНИЯ НЕПРИЕМЛЕМЫМИ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ . . .	240
A. Сообщение № 579/1994: <u>Клаус Веренбек против Австралии</u> (решение, принятое 27 марта 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	240
B. Сообщение № 593/1994: <u>Патрик Холланд против Ирландии</u> (решение, принятое 25 октября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	249
C. Сообщение № 601/1994: <u>Э. Дж. и К.М. Дрейк против Новой Зеландии</u> (решение, принятое 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)	255
D. Сообщение № 603/1994: <u>Андрес Баду против Канады</u> (решение, принятое 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	264
E. Сообщение № 604/1994: <u>Жозеф Нарти против Канады</u> (решение, принятое 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	270
F. Сообщение № 632/1995: <u>Герберт Т. Поттер против Новой Зеландии</u> (решение, принятое 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	276

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Стр.</u>
G. Сообщение № 643/1994: <u>Петер Дробек против Словакии</u> (решение, принятое 14 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	281
Добавление	284
H. Сообщение № 654/1995: <u>Кваме Уильямс Аду против Канады</u> (решение, принятое 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	285
I. Сообщение № 658/1995: <u>ван Орд против Нидерландов</u> (решение, принятое 23 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	292
J. Сообщение № 659/1995: <u>Б. Л. против Австралии</u> (решение, принятое 8 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	298
K. Сообщение № 661/1995: <u>Поль Трибуле против Франции</u> (решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	300
L. Сообщение № 674/1995: <u>Людвик Э. Каабер против Исландии</u> (решение, принятое 5 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	307
M. Сообщение № 679/1996: <u>Дарвиш против Австрии</u> (решение, принятое 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	310
N. Сообщение № 698/1996: <u>Гонсало Бонело Санчес против Испании</u> (решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	314
O. Сообщение № 700/1996: <u>Тревор Л. Джарман против Австралии</u> (решение, принятое 8 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)	317
P. Сообщение № 755/1997: <u>Кларенс Т. Малони против Германии</u> (решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	319
Q. Сообщение № 758/1997: <u>Хосе М. Гомес Наварро против Испании</u> (решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	322
R. Сообщение № 761/1997: <u>Ранжит Сингх против Канады</u> (решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)	325
 VIII. ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ВЫПУЩЕННЫХ ЗА ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД	

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Соображения Комитета по правам человека согласно пункту 4 статьи 5
Факультативного протокола к Международному пакту
о гражданских и политических правах

A. Сообщение № 481/1991: Хорхе Виллакрес Ортега против Эквадора
(соображения, принятые 8 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Хорхе Виллакресом Ортегой [представлен Х.Э. Монге]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Эквадор
<u>Дата сообщения:</u>	4 ноября 1991 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	16 марта 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 8 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 481/1991, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Хорхе Виллакреса Ортеги в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является Хорхе Виллакрес Ортега, гражданин Эквадора, проживающий в Кито, Эквадор. На момент представления сообщения он находился в тюрьме [Carcel de Varones] в Кито. Он утверждает, что является жертвой нарушения Эквадором статей 2, 7, 9 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет Экуменическая комиссия по правам человека (ЭКПЧ) [Comisión Ecuánica de Derechos Humanos (CEDHU)], неправительственная организация Кито, Эквадор.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета член Комитета г-н Хулио Прадо Вальехо не принимал участия в утверждении настоящих соображений.

Факты, представленные автором

2.1 19 октября 1989 года автор сообщения, столяр по профессии, был задержан полицейскими, которые нашли в его карманах менее одного грамма кокаина и арестовали за незаконную торговлю наркотиками. Его дело рассматривалось судом Пичинги [Tribunal Cuarto de Pichincha], который признал его виновным в совершении преступления в соответствии с предъявленным обвинением и 3 июня 1991 года приговорил к восьми годам тюремного заключения. Он обжаловал приговор в Верховном суде, который отменил судебное решение и направил его на лечение от наркотической зависимости по реабилитационной программе.

2.2 По поводу своего ареста автор утверждает, что был направлен в Интерпол агентами SIC-P (секретная полиция) и что представитель ЭКПЧ посетил его в полицейском участке и видел следы избиения на его спине, руке и животе.

2.3 Автор признался в том, что у него был кокаин, который, по его словам, он купил для личного потребления. Проведенная судебная экспертиза подтвердила, что он употребляет наркотики. Хотя прокуратура в своем отчете рекомендовала направить его в больницу на лечение от наркотической зависимости, судья, вынесший приговор, проигнорировал эту рекомендацию.

2.4 Адвокат утверждает, что автор подвергался пыткам со стороны тюремного персонала после попытки побега, предпринятой сокамерниками автора 1 июня 1990 года. В медицинском отчете указано, что "... у него обнаружено воспалительное покраснение на обоих веках в результате введения аji (перца) и применения газа; слезливость и гнойный конъюнктивит; множественные черные подтеки на животе и грудной клетке в результате воздействия электрических разрядов, кровоподтеки на бедре и отслоение кожи на ноге ..." ^{1/}.

2.5 Что касается исчерпанности внутренних средств правовой защиты, автор, находясь в тюрьме, подал конституционное ходатайство. Дополнительной информации о состоянии этого обращения не имеется.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что является жертвой нарушения статьи 7, поскольку он подвергался пыткам и плохому обращению после ареста. Это подтверждено членом ЭКПЧ.

3.2 Хотя автор не ссылается конкретно на статью 10 Пакта, сообщенные Комитету факты плохого обращения с автором во время нахождения его в тюрьме представляются затрагивающими вопросы, регулируемые этой статьей.

3.3 Автор также утверждает, что является жертвой нарушения статьи 9, поскольку он подвергся необоснованному аресту и содержанию под стражей, хотя не был торговцем наркотиками, а только употреблял их.

3.4 Кроме того, автор считает слушание его дела в суде несправедливым и проведенным в нарушение статьи 14 Пакта. В этой связи он утверждает, что был осужден, несмотря на представленные прокуратурой рекомендации о направлении на реабилитационное лечение в соответствии с эквадорским законодательством.

Решение Комитета о приемлемости

4. 26 августа 1992 года государству-участнику был направлен запрос, в котором Комитет просил представить информацию и замечания для решения вопроса о возможности принять сообщение к

^{1/} 12 октября 1996 года адвокат представил медицинское заключение от 9 июня 1990 года, с которым ознакомился судья первого уголовного суда Пичинчи (Juez Primero de lo Penal de Pichincha).

рассмотрению. Несмотря на два напоминания, направленных 10 мая 1993 года и 9 декабря 1994 года, какого-либо представления от государства-участника не было получено до принятия Комитетом решения о приемлемости сообщения.

5.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, решить вопрос о том, подлежит ли эта жалоба принятию к рассмотрению согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Комитет определил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

5.3 Комитет с озабоченностью отметил отказ в сотрудничестве со стороны государства-участника, несмотря на два направленных ему напоминания. На основании имеющейся у него информации Комитет пришел к выводу, что препятствий для рассмотрения сообщения согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола нет.

5.4 В отношении жалобы автора сообщения на то, что он подвергся пыткам и плохому обращению в нарушение статей 7 и 10 Пакта, о чем свидетельствует член ЭКПЧ, Комитет пришел к заключению, что представленные автором факты дают основания для решения о приемлемости сообщения.

5.5 Комитет решил в целях установления приемлемости, что арест автора за хранение кокаина не был произвольным. К тому же автор не представил достаточных доказательств по существу дела, что позволило бы с точки зрения приемлемости сообщения считать обоснованной его жалобу на нарушение статьи 14 Пакта.

6. 16 марта 1995 года Комитет по правам человека постановил, что сообщение может быть принято к рассмотрению. У автора следует запросить медицинские заключения в связи с его утверждениями о плохом обращении, которому он подвергся.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии автора

7.1 В двух представлениях по существу сообщения, датированных 18 октября 1995 года и 23 мая 1996 года, государство-участник утверждает, что Хорхе Освальдо Виллакрес Ортега подвергался аресту 22 раза за различные правонарушения, в том числе за хранение кокаина в 1989 году.

7.2 Что касается утверждений автора относительно пыток и плохого обращения (см. пункты 2.2 и 2.4, выше), то государство-участник направляет заключение полицейского расследования от 1 апреля 1996 года, подписанное двумя сотрудниками полиции округа Пичинча, в котором указано, что никакого медицинского заключения или других свидетельств применения пыток или плохого обращения в отношении г-на Виллакреса обнаружено не было. Упоминается заявление адвоката г-на Виллакреса о том, будто существует некое медицинское заключение. Инспекторам полиции удалось получить копию такого заключения в отделении ЭКПЧ в Кито.

8.1 В своем представлении от 31 мая 1996 года ЭКПЧ подтверждает, что г-н Виллакрес был задержан 19 октября 1989 года и освобожден 17 января 1992 года. В связи с жалобами автора на плохое обращение во время содержания под стражей ЭКПЧ заявляет, что не имеет медицинского заключения, запрошенного Комитетом в соответствии с подпунктом с) пункта 6 решения о приемлемости сообщения. ЭКПЧ утверждает, что заключение, возможно, приобщено к делу Виллакреса, находящемуся в эквадорском Верховном суде.

8.2 12 октября 1996 года ЭКПЧ представила копию медицинского заключения от 9 июня 1990 года, заверенного магистратом (Juez Primero de lo Penal de Procuraduria), в котором указывается, что

причиненные повреждения аналогичны травмам, вызванным раздражающими веществами и применением электродов.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всех данных, представленных ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 В связи с утверждениями автора о плохом обращении (см. пункты 2.2 и 2.4, выше) возникают два вопроса: в отношении первого, то есть плохого обращения, которому подвергся автор в полиции после ареста, Комитет считает жалобу необоснованной. По поводу второго вопроса, то есть плохого обращения, которому подвергся автор после попытки побега, предпринятой его сокамерниками, Комитет отметил сделанное государством-участником заявление о том, что оно не смогло найти заключение о медицинском осмотре автора, хотя подшитая к делу копия доказывает, что это заключение было заверено в присутствии магистрата. При таких обстоятельствах следует уделить должное внимание утверждениям автора в той мере, в какой они подтверждаются представленными адвокатом медицинскими заключениями, в частности датированным 9 июня 1990 года, которым подтверждается, что на теле автора обнаружены следы жестокого обращения. По мнению Комитета, обращение, которому подвергся автор после попытки побега его сокамерников, являлось жестоким и бесчеловечным, что нарушает статью 7 и пункт 1 статьи 10 Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

11. Согласно подпункту а) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию за плохое обращение. Комитет вновь указывает на обязательство обращаться с лицами, лишенными свободы, с уважением к достоинству, присущему человеческой личности. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные факты не имели места в будущем.

12. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение изложенных им соображений.

В. Сообщение № 526/1993: Майкл и Брайен Хилл против Испании (соображения, принятые 2 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Майклом и Брайеном Хилл
<u>Жертвы:</u>	авторы сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Испания
<u>Дата сообщения:</u>	1 октября 1992 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	22 марта 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 2 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение Сообщения № 526/1993, представленного Комитету по правам человека г-дами Майклом и Брайеном Хилл в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему авторами сообщения и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Авторами сообщения являются Майкл Хилл, 1952 года рождения, и Брайен Хилл, 1963 года рождения, британские граждане, проживающие в Херефордшире, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Испанией статей 9 и 10, а также пунктов 1, 2 и подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Майкл Хилл также ссылается на подпункт d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Пакт вступил в силу для Испании 27 августа 1977 года, а Факультативный протокол — 25 апреля 1985 года.

Факты, представленные авторами

2.1 Авторы владели строительной фирмой в Челтенхеме, Соединенное Королевство, которая была объявлена банкротом во время содержания авторов под стражей в Испании. В июле 1985 года они отправились в Испанию на отдых. Полиция Гандии арестовала их 16 июля 1985 года по подозрению в поджоге одного из баров в Гандии: это обвинение авторы отклоняли с момента своего ареста,

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин и г-н Максвелл Ялден.

** Тексты двух особых мнений членов Комитета г-на Нисуке Андо и г-на Экарта Клайна прилагаются к настоящему документу.

утверждая, что находились в баре до 2 час. 30 мин. ночи, но не возвращались в 4 часа ночи, чтобы поджечь помещение бара.

2.2 В полицейском участке авторы просили сотрудников полиции разрешить им связаться с британским консульством, с тем чтобы воспользоваться помощью консульского представителя, который мог оказать им содействие в качестве независимого переводчика. Просьба была отклонена, и для выполнения перевода во время допроса, который производился в отсутствие адвоката, была вызвана молодая неопытная студентка-переводчица. Авторы заявляют, что не могли должным образом отвечать на вопросы, поскольку не говорили по-испански, а переводчица слабо владела английским языком. В результате, как они утверждают, возникло серьезное недопонимание. Он отрицает, что были поставлены в известность об их правах в момент ареста или во время проведения допроса, после ареста они также не были должным образом проинформированы о причинах задержания, соответственно, до 7 часов утра и 8 часов утра.

2.3 Авторы также заявляют, что во время так называемого предъявления для опознания с участием авторов, которым надели наручники, и двух полицейских в форме была проведена очная ставка с человеком, якобы являвшимся свидетелем. Свидетель, который сначала не мог описать совершивших преступление, в конце концов указал на авторов сообщения.

2.4 Они также жалуются, что их новый автофургон, оцененный в 2,5 млн. песет, а также все их деньги и другие личные вещи конфискованы полицией и не возвращены им.

2.5 19 июля 1985 года авторам были официально предъявлено обвинение в поджоге и причинении ущерба частной собственности. Обвинительный акт гласил, что авторы 16 июля 1985 года покинули бар в 3 часа ночи на своем автофургоне, затем вернулись в 4 часа ночи и бросили бутылку с бензином и смоченную в бензине бумагу в окно бара.

2.6 20 июля 1985 года они были доставлены к расследующему дело магистрату (Гандия № 1) и подали заявление, в котором отрицали свою причастность к указанному преступлению.

2.7 После пребывания под арестом в полиции в течение 10 дней, из которых пять дней, по их утверждению, они оставались без еды и только получали теплую воду для питья, авторов перевели в тюрьму в Валенсии.

2.8 29 июля 1985 года им был назначен адвокат для предварительного слушания дела в суде; этот адвокат якобы сказал авторам, что если они заплатят определенную сумму, то будут освобождены. Из заявлений авторов осталось неясным, как проходило предварительное слушание. Однако они, по-видимому, утверждают, что путаница и недопонимание возникали на всех стадиях слушания дела из-за некомпетентности переводчика. В частности, утверждается, что в полицейском отчете указано, будто их автофургон работал на "petroleo" (дизельное топливо). На вопрос ведущего допрос магистрата (который также полагал, что их автофургон работал на дизельном топливе), что содержится в их запасном баке, они ответили, что в баке находится бензин, но переводчик перевел "petrol" как "petroleo". После чего судья сказал, что они лгут. Авторы пытались объяснить, что автофургон работает на бензине и что в задней части их автомобиля есть запасной четырехлитровый бак, наполненный бензином. По их словам, судья, должно быть, увидел или понял по запаху пробы содержимого бака, что бак действительно был наполнен "gasolina" (бензином), и поскольку он считал, что автофургон работает на дизельном топливе, то, должно быть, подумал, что у авторов имелся бак с бензином для изготовления "коктейля Молотова".

2.9 По окончании предварительного слушания авторы были проинформированы, что судебный процесс начнется в ноябре 1985 года. Однако суд был отложен на том якобы основании, что не найдены некоторые документы. 26 ноября 1985 года авторы были вызваны в суд для подписания некоторых бумаг, после чего судья сказал им, что свяжется с их адвокатом, чтобы назначить новую дату проведения процесса. 10 декабря 1985 года авторы сообщили назначенному для них адвокату, что более не нуждаются в его услугах, поскольку не удовлетворены тем, как он ведет их дело.

2.10 Авторы нашли частного адвоката 4 декабря 1985 года. 17 января 1986 года адвокат подал заявление в суд с просьбой освободить авторов под залог главным образом на основании того, что их строительная фирма оказалась в состоянии банкротства из-за ареста обвиняемых. По настоянию государственного обвинителя 21 февраля 1986 года в освобождении под залог было отказано. Авторы жаловались, что, хотя они выплатили крупную сумму денег адвокату, в их деле не было прогресса, поскольку адвокат игнорировал их указания. 31 июля 1986 года они отказались от услуг этого адвоката. Поскольку авторы опять не получили от него ответа, они предположили, что им был назначен адвокат от государства. Однако адвокат лишь 22 октября 1986 года уведомил суд о том, что он отстранен от ведения дела.

2.11 1 ноября 1986 года авторам был назначен новый адвокат. Процесс планировалось начать 3 ноября 1986 года. Первый вопрос государственного обвинителя касался того, на каком топливе работал автофургон. Авторы вновь ответили, что фургон работал на бензине; на этот раз слово "бензин" было переведено как "gasolina". После того как авторы трижды дали один и тот же ответ, они обратились с просьбой отложить заседание, с тем чтобы обвинение могло проверить их утверждение. Они просили об отсрочке также на основании того, что у них была лишь 20-минутная беседа с защитником после его назначения для ведения их дела. Суд был отложен на две недели.

3.1 Авторы жалуются на недостаточное усердие их адвоката при подготовке к защите. Они заявляют, что адвоката, посетившего их 1 ноября 1986 года, сопровождал переводчик, который едва изъяснялся на английском языке; у адвоката даже не было с собой материалов дела. После того как процесс был отложен, адвокат посетил их только 14 ноября 1986 года, всего лишь на 40 минут и вновь без материалов дела, причем на этот раз не было и переводчика. Авторы также утверждают, что, хотя адвокат был назначен и его услуги были оплачены государством, он запросил 500 тыс. песет у их отца якобы на оплату расходов, понесенных перед слушанием дела.

3.2 С помощью двух других заключенных, которые владели двумя языками, авторы подготовились к самостоятельной защите. Они решили, что Майкл будет сам защищать себя в суде, а Брайен поручит защиту адвокату, для которого они подготовили все необходимые материалы.

3.3 17 ноября 1986 года авторов судили в Высоком провинциальном суде Валенсии. С помощью переводчика Майкл Хилл сообщил судье о своем намерении защищать себя самостоятельно в соответствии с подпунктом с) пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судья спросил его, говорит ли он на испанском языке и юрист ли он; услышав отрицательный ответ, судья велел ему сесть на место и замолчать.

3.4 Доводы обвинения основывались исключительно на показаниях якобы имеющегося свидетеля, который на предварительном расследовании подтвердил, что видел авторов еще до происшествия и что их автофургон был припаркован перед его домом. Около 4 часов ночи он видел двух молодых людей, похожих на авторов, которые бросили бутылку с зажигательной смесью в бар и уехали на сером автофургоне. Он немедленно позвонил в полицию. Авторы утверждают, что показания, данные свидетелем на предварительном расследовании, противоречивы в ряде аспектов и что в ходе процесса свидетель не смог опознать их. Судья трижды предлагал ему внимательно всмотреться в подсудимых, и каждый раз свидетель говорил, что "он не может вспомнить молодых людей", что "он старый человек" и что "все это произошло 16 месяцев назад". Более того, во время перекрестного допроса он не смог точно описать автофургон и заявил, что "автомобиль, которым воспользовались преступники, мог быть британским, австрийским или даже японским".

3.5 Авторы поясняют, что, поскольку адвокат задал свидетелю только 4 не относящихся к делу вопроса об автофургоне и не воспользовался перечнем вопросов, которые они специально подготовили и которые касались выявленных в ходе так называемого предъявления для опознания несоответствий, Майкл Хилл вновь просил предоставить ему право защищать самого себя. Он сообщил судье, что желает провести перекрестный допрос свидетеля обвинения и вызвать свидетеля защиты, который присутствовал в суде. Судья якобы ответил, что не имеет возможности выполнять все просьбы, явно демонстрируя, что в этот момент он уже решил осудить их в нарушение их права на презумпцию невиновности. После рассмотрения дела по существу, продолжавшегося не более 40 минут, авторы

были осуждены в соответствии с предъявленным им обвинением и приговорены к шести годам и одному дню тюремного заключения и выплате 1 935 000 песет в возмещение ущерба, причиненного владельцу бара.

3.6 По рассмотрении дела в суде авторы сообщения направили множество писем в различные инстанции, в частности в британское посольство в Мадриде, министерство юстиции, Верховный суд, а также королю Испании, омбудсмену и своему адвокату, жалуюсь не несправедливое судебное разбирательство и спрашивая, как им поступить дальше. Адвокат ответил, что его обязанности в качестве назначенного защитника закончились по завершении процесса и, если они нуждаются в дальнейшей помощи, они должны оплачивать его услуги. Министерство юстиции рекомендовало авторам обратиться в суд первой инстанции. В письме от 15 января 1987 года они просили Высокий суд Валенсии пересмотреть дело на том основании, что судебное производство велось в нарушение конституции и Европейской конвенции. В октябре 1987 года они в шестой раз обратились с ходатайством в Высокий суд Валенсии с жалобой на несправедливый процесс и на этот раз с просьбой предоставить им адвоката. В уведомлении от 9 декабря 1987 года суд сообщил, что их жалоба признана необоснованной и суд не может рассматривать это дело.

3.7 Между тем 29 января 1987 года осужденные сообщили о своем намерении подать апелляцию. Впоследствии они пригласили частного адвоката, с тем чтобы тот представлял их интересы. 24 марта 1987 года Верховный суд отклонил назначение частного адвоката, поскольку последний не был зарегистрирован как практикующий юрист в Мадриде. 24 июля 1987 года авторы направили в Верховный суд апелляцию с обоснованием своей жалобы. Поскольку им не было разрешено защищать себя без помощи защитника, 17 декабря 1987 года адвокат был назначен судом. 28 марта 1988 года адвокат заявил суду, что не видит оснований для апелляции, после чего 12 апреля 1988 года суд назначил второго адвоката, который также заявил, что не находит оснований для апелляции. 6 июня 1988 года Верховный суд, действуя в соответствии со статьей 876 Уголовно-процессуального кодекса Испании, не стал заслушивать апелляционную жалобу и предоставил авторам 15 дней на поиск частного адвоката. Затем, в сентябре 1987 года, авторы направили в Ассоциацию адвокатов (*Colegio de Abogados*) письмо с просьбой назначить адвоката и солиситора для представления их апелляции; однако ответа не последовало.

3.8 В марте 1988 года министерство юстиции сообщило авторам, что они могут направить конституционное ходатайство в Конституционный суд, поскольку права, которые, по их мнению, были нарушены, защищаются Конституцией Испании.

3.9 6 июля 1988 года авторы (в официальном порядке) ходатайствовали в суде первой инстанции о своем освобождении согласно статье 504 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает, что заключенный может быть освобожден до вынесения решения по его апелляции, если он или она отбыли половину присужденного срока. 14 июля 1988 года авторы были освобождены из-под стражи и возвратились в Соединенное Королевство, сообщив испанским властям свой адрес в Соединенном Королевстве и уведомив их о намерении довести дело до конца.

3.10 17 августа 1988 года авторы обратились с жалобой (средство правовой защиты в форме *amparo*) в Конституционный суд. По возвращении в Соединенное Королевство авторы предприняли несколько попыток связаться с адвокатом и солиситором в Испании, чтобы получить информацию о состоянии дел с их апелляцией и судебными материалами, но безрезультатно. Наконец, в апреле или мае 1990 года им сообщили через британское посольство в Мадриде, что Конституционный суд постановил отказать в рассмотрении апелляции. На этом, утверждают авторы сообщения, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

4.1 Авторы, заявляющие о своей невиновности, выражают возмущение судебной и бюрократической системой Испании. По их мнению, они скорее всего стали жертвой мошенничества, совершенного владельцем бара, у которого были причины устроить пожар. Они утверждают, что процедура предъявления для опознания не отвечала требованиям закона. Они жалуются, что судья не

вмешался в слушание дела, когда стало ясно, что назначенный судом адвокат не защищал их надлежащим образом. Кроме того, отказав Майклу Хиллу в возможности осуществить право на защиту собственными силами и в вызове свидетеля защиты, судья нарушил принцип равноправия сторон. Утверждается, что использование отделом по расследованию полиции и судьей сведений о прошлой судимости Майкла свидетельствует о неправомерном и предвзятом отношении не только к Майклу, но и к Брайену Хиллу.

4.2 Что касается пункта 2 статьи 14, то авторы утверждают, что этот принцип был нарушен до, в ходе и после судебного процесса: до суда — поскольку судебные органы не раз отказывали в освобождении под залог; в ходе процесса — когда судья сказал Майклу Хиллу, что у него будет возможность защищать себя и вызвать свидетеля защиты при подаче апелляционной жалобы; и сразу после слушания дела — до оглашения вердикта, когда назначенный адвокат начал переговоры с отцом обвиняемых о подаче апелляции.

4.3 Авторы утверждают, что отсутствие какой-либо помощи со стороны испанских властей в решении процессуальных вопросов, в результате чего они сами были вынуждены переводить каждый документ при содействии других заключенных, владеющих обоими языками; отсутствие в тюрьме информации об испанском законодательстве и отсутствие квалифицированных переводчиков во время допроса в полиции и предварительного слушания — все это вместе с ненадлежащим ведением защиты назначенным им адвокатом составляет нарушение подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

4.4 Подпункт d) пункта 3 статьи 14, как утверждается, нарушен в деле Майкла Хилла, так как в процессе судебного разбирательства ему дважды было отказано в праве защищать себя лично. Следовательно, был нарушен и подпункт e) пункта 3 статьи 14, поскольку ему также было отказано в праве допрашивать от имени брата свидетеля, ожидавшего вызова вне зала суда.

Информация и замечания государства-участника

5.1 В заявлении от 11 апреля 1993 года государство-участник утверждает, что авторы сообщения злоупотребили правом на представление сообщения в Комитет и что сообщение следует признать неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола. Из информации, представленной государством-участником, включая тексты судебных решений и другие документы, следует, что вопрос об исчерпанности внутренних средств правовой защиты не вызывает возражений со стороны данного государства.

5.2 Подводя итог, государство-участник излагает ситуацию в данном деле следующим образом:

Относительно содержания под стражей:

«1. 16 июля 1985 года около 4 часов ночи два человека прибыли в сером металлическом автофургоне с горизонтальной отделкой по бокам и сзади и с регистрационным номером, начинающимся с буквы "А", в клуб "JM" в Гандии и, приготовив "коктейль Молотова", бросили его в помещение клуба, в результате чего было разбито несколько стеклянных рам над дверью; сразу же после начала пожара в помещении они скрылись.

2. Свидетель происшествия вызвал полицию.

3. Полиция прибыла на место происшествия вместе с пожарной бригадой и, выслушав свидетеля, обнаружила автофургон с регистрационным номером А811 JAB, внутри которого был найден полупустой пластиковый контейнер с приблизительно четырьмя литрами бензина; полиция арестовала находившихся в фургоне, господ Брайена и Майкла Хилл.

4. В присутствии переводчика задержанные были немедленно проинформированы об их правах.

5. В присутствии переводчика и при содействии присутствующего по просьбе задержанных адвоката, выступавшего в этом качестве по долгу службы, они сделали заявление полиции. Задержанные сказали, что находились в клубе в начале того дня, когда было сделано заявление, и выпив 5—6 порций пива, ушли около 2 час. 30 мин. ночи. Они признали, что автофургон и контейнер с бензином принадлежат им, но отрицали, что совершили поджог, подтвердив, что, "после того как вышли из помещения, действительно проехали в автомобиле на близком расстоянии (от клуба)".

6. Во время процедуры предъявления для опознания свидетелю были предъявлены полицией несколько лиц, и свидетель узнал в Брайене и Майкле Хилл "тех людей, которые подожгли клуб "JM" предыдущей ночью, бросив бутылку с зажигательной смесью в дверь клуба, и которые скрылись в большом автофургоне с иностранным номером"».

5.3 Относительно стадии расследования в магистратуре:

«1. 17 июля 1985 года, на следующий день после происшествия, братья Хилл давали показания ведущему расследование магистрату в Гандии при содействии назначенного им адвоката и повторили заявление, сделанное накануне в полиции.

2. Магистрат № 1 вынес постановление о проведении различных процедур, включая оценку причиненного ущерба, размер которого составил 1 935 000 песет. Другие присутствовавшие в полиции стороны, включая свидетеля, повторили свои показания.

3. Магистрат № 1 Гандии 19 июля вынес постановление о возбуждении уголовного судопроизводства против братьев Хилл за совершение поджога, о заключении их под стражу и установлении залога.

4. Дальнейшие показания обвиняемых, дополнительное полицейское досье с фотографиями и информацией, предоставленными Интерполом по делу Майкла Джона Хилла, осужденного в Соединенном Королевстве за кражу, взлом и проникновение в помещение, мошенничество, хранение краденных вещей, подделку документов, нарушение правил дорожного движения и поджог.

5. Изъятие автофургона, согласно нормам гражданско-правовой ответственности, налагаемой во время досудебного расследования.

6. Постановление о прекращении досудебного расследования, принятое судом 24 октября 1985 года, и направление дела обвиняемых в Высокий суд провинции Валенсии. Вызов в суд обвиняемых, которые по своему собственному выбору назначили адвоката для ведения защиты.

7. 4 декабря 1985 года обвиняемые направили заявление в отделение Высокого суда провинции Валенсии с просьбой назначить г-на Гюнтера Рудигера Джорда своим адвокатом».

5.4 Относительно устного производства:

«1. Защитник, выбранный по желанию обвиняемых, вызвал только одного свидетеля, а именно того же свидетеля, который был выставлен прокуратурой, — г-на П., свидетеля преступления, инкриминируемого задержанным.

2. 22 октября 1986 года было объявлено, что устные слушания будут проведены 3 ноября, о чем стороны были надлежащим образом уведомлены.

3. 28 октября 1986 года представитель защитника сообщил коллегии Высокого суда, которая рассматривала это дело, что, "поскольку между обвиняемыми и защитником возникли разногласия, он отказывается вести дело".

4. Суд вынес постановление о назначении адвоката для обвиняемых. Братья Хилл заявили о своем желании иметь назначенного судом адвоката.

5. После назначения адвоката им сообщили 31 декабря 1986 года дату предстоящего судебного заседания — 3 ноября 1986 года. Из протокола судебного заседания за тот день следует, что судебная коллегия, рассматривавшая это дело, из-за недостаточного времени, отведенного для подготовки защиты, согласилась отложить слушания и назначила их на 17 ноября 1986 года.

6. 17 ноября 1986 года состоялись устные слушания по делу. Заседание началось с того, что защита огласила заявление обвиняемых о происшедшем, которое было принято судебной коллегией; таким образом, мнение обвиняемых было доведено непосредственно до суда. Заседание проводилось с использованием услуг переводчика, а свидетеля допрашивали и обвинитель, и защита.

7. 20 ноября 1986 года Высокий суд провинции Валенсии вынес решение, отметив, что подсудимые не имели ранее судимостей, и после изучения фактов приговорил братьев Хилл к шести годам и одному дню тюремного заключения за совершение поджога, а также возложил на них ответственность за возмещение убытков, вызванных пожаром».

5.5 Относительно апелляционной жалобы об отмене судебного решения Высокого суда, поданной братьями Хилл:

«а) На апелляционные слушания явился только г-н Брайен Хилл. Он назначил своим адвокатом г-на Гюнтера Рудигера Джорда, то есть того же защитника, которого он и его брат уже приглашали для ведения дела, а затем отказались от его услуг за пять дней до судебного заседания;

b) оба брата представили заявление в Верховный суд, которое было подшито к их делу;

c) поскольку г-н Рудигер Джорда не мог представлять интересы братьев в Верховном суде, он просил назначить адвоката для защиты Брайена Энтони Хилла;

d) адвокат был назначен, но не нашел оснований для апелляции;

e) второй адвокат, также назначенный судом в соответствии со статьей 876 Уголовно-процессуального кодекса, также не нашел оснований для апелляции;

f) один за другим оба адвоката посчитали, что для апелляции нет оснований. Затем дело было передано в прокуратуру, чтобы выяснить, считает ли она апелляцию обоснованной. Прокуратура также не нашла оснований для апелляции и возвратила дело;

g) было вынесено постановление об отказе в удовлетворении апелляции, поскольку она не была представлена надлежащим образом, и о праве апеллянта назначить адвоката по собственному выбору, чтобы придать апелляционной жалобе надлежащую правовую форму;

h) поскольку апеллянт не сделал этого в предписанные сроки, дело было сдано в архив;

i) в это время обвиняемые нарушили условия их условного освобождения, покинув то место в Испании, где им надлежало находиться, и уехав из страны».

5.6 Относительно условного освобождения:

«14 июля 1988 года Высокий суд провинции Валенсии еще до рассмотрения апелляции об отмене решения суда принял решение об условном освобождении братьев Хилл под залог и предписал им являться в суд в первый и пятнадцатый день каждого месяца. Обвиняемые,

подыскивающие квартиру, назвали в качестве адреса своего местонахождения британское посольство».

5.7 Относительно средства правовой защиты amparo:

«16 августа 1988 года братья Хилл направили в Конституционный суд заявление о нарушении конституционных положений (amparo) и обратились с просьбой назначить им адвоката. После назначения адвоката было представлено конституционное ходатайство. 8 мая 1989 года Конституционный суд, рассмотрев дело по существу, вынес обоснованное постановление о том, что ходатайство к производству не принимается».

5.8 Что касается гражданско-правовой ответственности, то, согласно заявлению государства-участника, автофургон, оцененный в 2,5 млн. песет, был выставлен на открытые торги, но не был продан. Затем автофургон был передан владельцу бара в качестве компенсации за нанесенный пожаром ущерб.

5.9 Государство-участник отмечает:

«что 14 июля 1988 года обвиняемые были условно освобождены и после решения Верховного суда, в соответствии с которым апелляционная жалоба отклонялась, братья Хилл в нарушение условий их условного освобождения покинули Испанию, и что, "в соответствии с заявлением британского вице-консула, братья после выхода из тюрьмы в июле или августе прошлого года уехали из Испании и не жили со своими родителями, а в настоящее время, по некоторым данным, находятся в Португалии". Поэтому 1 марта 1989 года Высокий провинциальный суд Валенсии объявил, что Майкл Джон Хилл и Брайен Энтони Хилл нарушили условия освобождения, и вынес постановление об их розыске и взятии под стражу».

Замечания авторов сообщения

6.1 В своих замечаниях от 6 июля 1993 года авторы утверждают, что они невиновны и считают свое осуждение следствием ряда недоразумений, возникших из-за отсутствия надлежащего перевода в ходе судебного процесса.

6.2 Авторы повторяют, что их права были нарушены, в частности право на справедливое судебное разбирательство, гарантирующее достаточное время и возможности для подготовки защиты, а также право защищать себя лично и опрашивать свидетелей. Авторы отклоняют предъявленные им государством-участником обвинения в том, что они покинули Испанию сразу после освобождения, и поясняют, что они выполнили условия своего условного освобождения и затем вернулись к своей семье в Соединенном Королевстве, известив власти о своем адресе и намерении продолжить дело, чтобы доказать свою невиновность. Из представленных Комитету документов следует, что в феврале 1990 года братья Хилл действительно обратились с письмом в Конституционный суд, чтобы узнать об исходе их апелляции.

6.3 Авторы возражают против презумпции виновности, из которой исходило государство-участник на основании отчета Интерпола о Майкле Хилле. Прежде всего, отчет относится к событиям, которые происходили в Соединенном Королевстве более 14 лет назад, и к ранее имевшему место уголовному делу, которое было закрыто и потому не могло использоваться в качестве аргумента в суде. Ссылки прокуратуры на упомянутый отчет были неправомерными и предвзятыми, но авторы не имели возможности опровергнуть представление прокуратуры во время слушаний, которые едва ли заняли 40 минут. Они подчеркивают, что Майклу Хиллу было отказано в праве защищать себя лично на основании презумпции виновности и что, более того, назначенный ему адвокат не следовал его указаниям. По этим причинам не были представлены возражения по вопросу о предвзятом характере презумпции виновности. Далее, информация, которую не смог опровергнуть назначенный судом адвокат, имела в высшей степени негативные последствия также для Брайена Хилла, у которого не было никакой уголовной судимости в Соединенном Королевстве.

Решение Комитета о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 своих правил процедуры, выносит решение относительно приемлемости дела в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 Комитет установил, что, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, этот вопрос не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Принимая во внимание всю информацию, представленную сторонами, Комитет пришел к выводу, что внутренние средства правовой защиты, о которых говорится в подпункте б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, были исчерпаны.

7.3 Комитет рассмотрел заявление государства-участника о том, что братья Хилл злоупотребили правом на обращение, но пришел к выводу, что только рассмотрение дела по существу может прояснить, злоупотребили ли этим правом братья Хилл и нарушило ли государство-участник положения Пакта.

7.4 Комитет считает, что заявления, сделанные согласно статье 14, были достаточно обоснованными с точки зрения приемлемости и, соответственно, должны быть рассмотрены по существу. Факты, представленные Комитету, также вызывают вопросы, связанные со статьями 9 и 10 (см. пункты 2.3 и 2.7, выше).

8. 22 марта 1995 года Комитет по правам человека вынес решение о приемлемости сообщения.

Замечания государства-участника

9.1 В своем заявлении от 9 ноября 1995 года государство-участник ссылается на свои сделанные ранее замечания и уже представленные документы и вновь утверждает, что жалоба необоснованна. В своем представлении от 30 мая 1996 года государство-участник настаивает на том, что сообщение следует признать неприемлемым по причине злоупотребления правом на обращение. Оно считает, что авторы были условно освобождены 14 июля 1988 года при условии, что они будут являться в приемную провинциального суда Валенсии в первый день каждого месяца. Вместо этого братья Хилл покинули Испанию и возвратились в Англию. Из-за нарушения ими условий освобождения и испанского законодательства они лишаются права жаловаться на то, что Испания не соблюдает свои обязательства по международному праву.

9.2 Касаясь существа сообщения, государство-участник объясняет, что переводчик был не случайно выбран местной полицией, а был назначен Национальной службой занятости (НСЗ) [Instituto Nacional de Empleo (INEM)] по согласованию с министерством внутренних дел. Прежде чем поступить на службу в НСЗ, переводчики должны пройти проверку на соответствие профессиональным требованиям. Согласно представленным документам, Исабель Паскаль была в надлежащем порядке назначена переводчицей братьев Хилл в Гандии, и назначение г-жи Паскаль и г-жи Риеты подтверждается соответствующей справкой НСЗ.

9.3 Что касается желания авторов связаться с британским консульством, то, по утверждению государства-участника, согласно имеющимся документам, консульство было должным образом извещено об их содержании под стражей.

9.4 В связи с проведением процедуры предъявления для опознания государство-участник опровергает слова авторов, что они предстали перед свидетелем в наручниках и рядом с полицейскими в форме. Государство-участник заявляет, что процессуальные гарантии, предусмотренные статьями 368 и 369 Уголовно-процессуального кодекса, были должным образом соблюдены. Кроме того, процедура идентификации проводилась в присутствии адвоката обвиняемых г-на Сальвадора Виценте Мартинеса Феррера, с которым связалось государство-участник и который, по утверждению этого государства, отрицает представленное авторами описание происшедшего. Документ, направленный государством-участником, подтверждает, что два других лица, участвовавших

в процедуре предъявления для опознания, были "инспекторами" и входили в состав Высшего полицейского корпуса, сотрудники которого не носят формы.

9.5 Государство-участник отвергает утверждение, будто братья Хилл в течение 10 дней оставались без пищи, и прилагает заявление начальника полиции Гандии и расписки, якобы подписанные братьями Хилл.

9.6 Что касается продолжительности уголовных процессуальных действий до начала устного слушания дела — с 16 июля по 24 октября 1985 года, — было проведено расследование, в том числе относительно прежней судимости Майкла Хилла. 26 ноября авторы были извещены о порядке судопроизводства, и они сообщили о приглашении своего адвоката. 4 декабря 1985 года дело было передано гандийским судом в камеру провинциального суда Валенсии (Audiencia Provincial de Valencia). 28 декабря дело было направлено государственному атторнею, который представил свой доклад и выводы 3 марта 1986 года. 10 сентября суд назначил дату проведения устных слушаний — 3 ноября. 22 октября 1986 года представитель защиты отказался от ведения дела. 28 октября братья Хилл обратились с просьбой назначить им адвоката. 30 октября г-н Карбонелл Серрано был назначен их адвокатом. 3 и 17 ноября состоялись устные слушания. По мнению государства-участника, приведенные хронологические выкладки подтверждают, что со стороны испанских властей в рассмотрении дела не было необоснованной задержки.

9.7 Государство-участник заявляет, что предварительное задержание продолжительностью в 16 месяцев не является чем-то необычным: оно было оправданно сложными обстоятельствами дела; решение о залоге не было принято из опасения, что авторы покинут испанскую территорию, что они и сделали, как только были условно освобождены.

9.8 Государство-участник утверждает, что у авторов было достаточно времени и возможностей, чтобы подготовиться к защите. Во-первых, они пользовались услугами адвоката, которого выбрали сами, а когда отказались от его услуг, им был назначен адвокат, и рассмотрение дела в суде было отложено, с тем чтобы новый адвокат мог ознакомиться с материалами дела. Неправда, будто г-н Карбонелл, назначенный судом адвокат, затребовал у авторов 500 тыс. песет перед судебным разбирательством. Он требовал 50 тыс. песет за ведение дела, которое они хотели обжаловать в Верховном суде, — сумму, вполне разумную для адвоката, выбранного по желанию клиента. Однако авторы не воспользовались его услугами, а предпочли двух других адвокатов, назначенных для них судом. Государство-участник отклоняет утверждение авторов, будто им не были представлены материалы дела в переводе на английский язык.

9.9 По поводу устных слушаний государство заявляет, что г-жа Риета — квалифицированный переводчик и что единственный свидетель, г-н Пеллисер, подтвердил, что опознал авторов и их автомобиль-пикап.

9.10 Что касается права Майкла Хилла защищать себя лично, то судебными протоколами не подтверждается, что Майкл Хилл требовал предоставить ему право защищать себя и что суд отказал ему в этом праве. Кроме того, испанское законодательство признает, в соответствии с Пактом и Европейской конвенцией, право защищать себя. Такая защита должна осуществляться компетентным адвокатом, услуги которого в случае необходимости оплачиваются государством. Оговорки Испании в отношении статей 5 и 6 Европейской конвенции касаются только ограничения этого права в отношении служащих Вооруженных сил.

9.11 Что касается презумпции невиновности, то авторы признали, что находились в клубе и выпили несколько порций пива. С учетом показаний свидетеля нет оснований утверждать, что их считали виновными без представления необходимых доказательств.

Замечания авторов

10.1 В письмах от 8 января и 5 июля 1996 года авторы опровергают доводы государства-участника относительно приемлемости жалобы и рассмотрения ее по существу. По поводу якобы

злоупотребления правом на обращение авторы утверждают, что поведение государства-участника, учитывая многочисленные нарушения им прав обвиняемых во время содержания под стражей и судебного процесса, было нечестным в отношении Комитета. Они настаивают на том, что, покидая территорию Испании, действовали правомерно, поскольку опасались дальнейшего нарушения их прав. Кроме того, они покинули Испанию не сразу после освобождения из тюрьмы 14 июля 1988 года, а пять недель спустя, 17 августа, без возражений со стороны британского консульства в Аликанте. Они ссылаются на протокол своего посещения консульства 12 августа 1988 года для получения временного паспорта. Кроме того, государство-участник не предупреждало их о том, что они должны оставаться в Испании после освобождения, а вся документация об освобождении была на испанском языке.

10.2 Что касается переводчицы, они настаивают на утверждении, что г-жа Исабель Паскаль допускала грубые ошибки при переводе, которые в итоге привели к осуждению обвиняемых. Они не высказывают критических замечаний в адрес другой переводчицы, г-жи Риеты, кроме замечания по поводу ошибочного названия топлива, на котором работал их автомобиль.

10.3 В отношении процедуры предъявления для опознания они вновь подтверждают заявление, сделанное ими в сообщении от 6 июля 1993 года.

10.4 Они подтверждают, что не получали никакой еды или питья в течение пяти дней и очень немного еды после, поскольку средства, выделяемые специально на эти цели, присваивались. Они указывают, что в ведомости, представленной государством-участником, не упоминается о первых пяти днях, когда, по их утверждению, они были полностью лишены пищи. Ведомости, представленные государством-участником, относятся к 11 дням, и только на двух из ведомостей, а именно за 21 и 24 июля, есть их подписи.

10.5 Касаясь необходимых для подготовки к защите времени и возможностей, авторы утверждают, что они провели лишь два кратких свидания с назначенным им адвокатом, г-ном Карбонеллом. Они настаивают на своем заявлении о том, что 1 ноября 1986 года г-н Карбонелл потребовал у их родителей полмиллиона песет.

10.6 Относительно права Майкла Хилла защищать самого себя утверждается, что письмо вице-консула в Аликанте от 12 марта 1987 года подтверждает их жалобу на повторившийся дважды отказ судебных органов предоставить право защищать себя в суде, предусмотренное в Конституции Испании. Майкл Хилл недвусмысленно выразил желание защищать себя лично еще до судебного разбирательства через официального переводчика г-жу Риету.

10.7 В отношении продолжительности слушаний авторы вновь утверждают, что первое заседание, состоявшееся 3 ноября, продолжалось только 20 минут; за это время был поднят вопрос о топливе, на котором работал их автомобиль. Не было проведено опроса подсудимых или свидетеля происшествия. Второе заседание, состоявшееся 17 ноября, продолжалось 35 минут и в основном было посвящено формальностям. Таким образом, авторы опровергают утверждение государства-участника, будто суд мог должным образом опросить подсудимых и одного свидетеля; при этом следует учитывать необходимость переводить каждое сказанное слово.

10.8 Что же касается презумпции невиновности, то они утверждают: не только на судебном процессе, но и на протяжении всего расследования к ним относились как к виновным, хотя с самого начала они говорили о своей невиновности.

Рассмотрение дела по существу

11. Комитет по правам человека рассмотрел это сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.1 Относительно утверждения государства-участника, что дело должно быть признано неприемлемым из-за злоупотребления правом на обращение, поскольку авторы не выполнили условий своего освобождения в нарушение испанского законодательства, Комитет считает, что авторы не

утратили права на обращение с жалобой в соответствии с Факультативным протоколом лишь потому, что вышли из-под юрисдикции государства-участника, которому они предъявляют претензии, нарушив тем самым условия своего освобождения.

12.2 В связи с заявлениями авторов о нарушении статьи 9 Пакта Комитет считает, что арест авторов не был незаконным или произвольным. Пункт 2 статьи 9 Пакта требует, чтобы лицо, которое подвергается аресту, было проинформировано в момент ареста о причинах его задержания и незамедлительно поставлено в известность о любых предъявляемых ему обвинениях. Авторы особо подчеркивают, что до извещения их о причинах ареста прошло, соответственно, семь и восемь часов, и жалуются на то, что не поняли, какие им предъявляются обвинения, из-за отсутствия квалифицированного переводчика. Документы, представленные государством-участником, свидетельствуют о том, что выполнение формальных процедур, связанных с арестом, было отложено в полицейском участке с 6 часов утра до 9 часов утра, когда прибыл переводчик и обвиняемых можно было проинформировать в надлежащем порядке в присутствии адвоката. Далее, из документов, представленных государством-участником, следует, что переводчик был не случайным, а официальным переводчиком, назначенным в соответствии с правилами, гарантирующими его компетентность. С учетом этого обстоятельства Комитет считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 9 Пакта.

12.3 В связи с пунктом 3 статьи 9 Пакта, согласно которому содержание под стражей лиц, ожидающих суда, не должно быть общим правилом, авторы жалуются, что им не была предоставлена возможность освобождения под залог и, поскольку они не могли вернуться в Соединенное Королевство, их строительная фирма была объявлена банкротом. Комитет подтверждает свое прежнее заключение, что содержание под стражей до суда должно быть исключением и необходимо освобождать под залог, кроме ситуаций, когда есть вероятность того, что обвиняемый скроется от правосудия или уничтожит доказательства, повлияет на свидетелей или окажется вне юрисдикции страны-участника. Сам по себе тот факт, что обвиняемый является иностранцем, не означает возможности держать его под стражей до суда лишь на этом основании. Государство-участник действительно утверждает, что были веские причины опасаться, что авторы покинут испанскую территорию в случае освобождения под залог. Однако оно не представило никакой информации относительно того, на чем основывались такие опасения и почему нельзя было решить проблему установлением соответствующей суммы залога или иного условия освобождения. Одно лишь предположение государства-участника, что иностранец может оказаться вне его юрисдикции в случае освобождения под залог, не оправдывает несоблюдения положения, предусмотренного в пункте 3 статьи 9 Пакта. С учетом этого Комитет решил, что право на освобождение под залог в отношении авторов было нарушено.

12.4 Авторы были арестованы 15 июля 1985 года, и им было предъявлено официальное обвинение 19 июля 1985 года. Суд над ними не начинался до ноября 1986 года, а их апелляция не рассматривалась до июля 1988 года. Такая задержка лишь в незначительной степени может быть оправдана решением авторов поменять адвокатов. Государство-участник утверждает, что просрочка была вызвана "сложными обстоятельствами дела", но не представило никакой информации, указывающей на такие сложности. Рассмотрев всю имеющуюся информацию, Комитет не установил, что именно в этом деле может считаться сложным. Единственный очевидец происшествия был свидетелем, который давал показания на слушании в июле 1985 года, и ничто не свидетельствует о необходимости проведения какого-либо дополнительного расследования по завершении слушания. С учетом этого Комитет решил, что государство-участник нарушило право авторов на судебное разбирательство без необоснованной задержки, предусмотренное в подпункте с) пункта 3 статьи 14.

13. Что касается утверждений авторов относительно обращения с ними во время заключения, в частности в течение первых 10 дней, когда они находились под стражей в полицейском участке (пункт 2.7), Комитет отмечает, что информация и документы, представленные государством-участником, не опровергают утверждения авторов, что они не получали никакой пищи в течение первых пяти дней после задержания полицией. Комитет пришел к выводу, что такое обращение является нарушением статьи 10 Пакта.

14.1 В отношении права каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты авторы заявили, что у них было мало времени на переговоры с назначенным им адвокатом и что посещение их последним за два дня до судебного процесса длилось всего лишь 20 минут, причем у него не было с собой материалов дела или бумаги для пометок. Комитет отмечает, что государство-участник опровергает это утверждение и указывает, что у авторов был адвокат, выбранный ими лично. Кроме того, судебное заседание было отложено, чтобы назначенный адвокат мог подготовиться к ведению дела. Авторы также утверждают, что, хотя они не говорят по-испански, государство-участник не предоставило им переводов многих документов, которые могли бы помочь им лучше понять суть выдвинутых против них обвинений и организовать защиту. Комитет ссылается на свое прежнее заключение ^{2/} и напоминает, что право на справедливое судебное разбирательство не подразумевает, что подсудимый, не понимающий языка, на котором слушается дело в суде, имеет право получить переводы всех относящихся к делу материалов уголовного расследования, при условии, что относящиеся к делу материалы имеются у его защитника. На основании представленных документов Комитет заключил, что факты не свидетельствуют о нарушении подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

14.2 Комитет напоминает, что Майкл Хилл настаивает на том, что хотел защищать себя лично с помощью переводчика и что суд отказал ему в этой просьбе. Государство-участник заявляет в ответ, что протоколы слушаний не отражают эту просьбу и что Испания признала права на "самозащиту" в соответствии с Пактом и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, но что "такая защита должна осуществляться профессиональным адвокатом, услуги которого оплачиваются государством в случае необходимости", из чего следует, что законодательство Испании не позволяет подсудимому защищать себя лично, как это предусмотрено в Пакте. Комитет, соответственно, пришел к выводу, что право Майкла Хилла на защиту самого себя не было соблюдено, что противоречит подпункту d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

14.3 Далее, Комитет замечает, что апелляция авторов не была должным образом рассмотрена Апелляционным судом, как того требует статья 876 испанского Уголовно-процессуального кодекса, поскольку отсутствовал адвокат, обязанный представить основания для апелляции. Следовательно, предусмотренное Пактом право авторов на пересмотр решения об их осуждении и приговора было нарушено, что противоречит пункту 5 статьи 14 Пакта.

14.4 С учетом заключения Комитета о нарушении права авторов на справедливое судебное разбирательство, согласно статье 14, нет смысла рассматривать их конкретные заявления относительно адекватности представительства их интересов назначенным для них адвокатом, нарушения процедуры предъявления для опознания, уровня профессионализма переводчиков и несоблюдения презумпции невиновности.

15. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, решил, что представленные факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9; статьи 10 и подпункта c) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Пакта в отношении как Майкла Хилла, так и Брайена Хилла, а также подпункта d) пункта 3 статьи 14 в отношении только Майкла Хилла.

16. В соответствии с подпунктом a) пункта 3 статьи 2 Пакта авторы имеют право на эффективное средство правовой защиты и выплату компенсации.

17. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории или подпадающим под его юрисдикцию лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства

^{2/} См. соображения по сообщению № 451/1991 (Харвард против Норвегии), принятые 15 июля 1994 года, пункты 9.4 и 9.5.

правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение соображений Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

А. Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо

[Подлинный текст на английском языке]

Я согласен с соображениями Комитета относительно статьи 14. Однако я не могу согласиться с выводом Комитета относительно статьи 10.

Согласно утверждениям авторов их держали в полиции 10 дней, в течение пяти из которых, по их заверениям, им не давали пищу, а лишь теплую воду для питья (см. пункт 2.7). Государство-участник опровергает это утверждение и прилагает заявление начальника полиции Гандии, а также расписки, якобы подписанные авторами (см. пункт 9.5). Авторы утверждают, что выделяемые на питание средства присваивались и что в ведомостях государства-участника не упоминается о первых пяти днях, когда они были полностью лишены пищи (см. 10.4).

Тем не менее, как признает сам Комитет (см. пункт 10.4), ведомости относятся к 11 дням — с 16 по 26 июля 1985 года и, вопреки заключению Комитета о том, что подписи авторов имеются в ведомостях только за 21 и 24 июля, имена авторов с их подписями есть в ведомостях за все 11 дней. Как представляется, все подписи нельзя назвать абсолютно идентичными, и, возможно, охранники, отвечающие за питание, подписали эти ведомости вместо авторов.

В любом случае авторы не представили никаких доказательств, опровергающих существование и содержание ведомостей: то, что они находились без пищи в течение первых пяти дней после задержания полицией, остается лишь неподтвержденным заявлением. При таких обстоятельствах я не могу согласиться с заключением Комитета о том, что государство-участник не предоставило достаточные свидетельства, опровергающие утверждение авторов, и что оно нарушило статью 10 Пакта (см. пункт 13).

В. Особое мнение члена Комитета г-на Экарта Клайна

[Подлинный текст на английском языке]

Я не разделяю выраженного в пункте 14.4 соображений мнения, согласно которому Комитету нет смысла рассматривать конкретные заявления авторов относительно адекватности представительства их интересов назначенным для них адвокатом, нарушения процедуры предъявления для опознания, уровня профессионализма назначенных судом переводчиков и несоблюдения презумпции невиновности.

Тот факт, что Комитет обнаружил нарушение права авторов на справедливое судебное разбирательство согласно статье 14 в некоторых аспектах [подпункты с) и d) пункта 3 и пункт 5 статьи 14], не освобождает Комитет от обязанности рассмотреть вопрос о том, были ли иные нарушения прав, предусмотренных в статье 14 Пакта. Следовало рассмотреть имевшиеся, по утверждениям авторов, нарушения пунктов 1, 2 и подпункта f) пункта 3 статьи 14.

Статус Комитета отличается от положения национального суда, который в силу ограниченных временных рамок может себе позволить рассмотрение только наиболее очевидных причин, как таковые оправдывающих отмену той или иной принятой меры. Авторитетность представляемых Комитетом соображений обуславливается в значительной мере тщательным рассмотрением всех утверждений, сделанных автором, и убедительными *ratio decidendi* (мотивами решения). Влияние соображений Комитета на поведение государства-участника будет укрепляться только в случае тщательного изучения всех аспектов дела и четкой аргументации всех необходимых заключений.

Помимо этого возражения общего характера я хотел бы отметить, что не считаю, будто статья 14 Пакта должна рассматриваться только как всеобъемлющее положение, предусматривающее право на справедливое судебное разбирательство. Действительно, все положения указанной статьи связаны с этим вопросом, но четкое формулирование различных аспектов права на справедливое судебное разбирательство обосновано многими разнообразными вескими причинами, корнящимися в предшествующей практике. Комитет не должен способствовать формированию представления, будто некоторые права, предусмотренные статьей 14 Пакта, менее важны, чем другие.

Я не думаю, что представленные авторами и относящиеся к данному делу факты свидетельствуют о таком нарушении предусмотренных Пактом прав, которое не отмечено в выводах Комитета, но я обязан высказать собственную позицию по этому принципиальному вопросу.

С. Сообщение № 528/1993: Майкл Стедман против Ямайки (соображения, принятые 2 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Майклом Стедманом [представлен г-ном Т. Хартом]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Ямайка
<u>Дата сообщения:</u>	10 ноября 1992 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	15 марта 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 2 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 528/1993, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Майкла Стедмана в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Майкл Стедман, гражданин Ямайки, который в момент представления сообщения находился в окружной тюрьме Св. Екатерины, Спэниш Таун, в ожидании исполнения смертного приговора. Автор утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статей 6, 9, 10 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Т. Харт.

Факты, представленные автором

2.1 12 декабря 1985 года автор был осужден за убийство некоего Сильвестра Моргана, совершенное 26 июня 1983 года, и приговорен к смертной казни Внутренним окружным судом Кингстона. Его апелляция была отклонена 19 февраля 1988 года Апелляционным судом Ямайки. 21 марта 1990 года Судебный комитет Тайного совета отказал ему в специальном разрешении на апелляцию. В феврале 1993 года вынесенный автору смертный приговор был заменен на более мягкий.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

2.2 Доводы обвинения против автора сводились к тому, что 26 июня 1983 года он вместе с сообвиняемым Карлтоном Коллинзом и двумя другими лицами вошел в сад, принадлежащий некоему Чарли Чаплину, где Коллинз выстрелил в голову Сильвестра Моргана, в результате чего последний скончался. Как утверждалось, убийство стало результатом сговора между автором и его сообвиняемым. Когда они входили во двор, кто-то из них якобы сказал: "Осторожно, осторожно, дай, я выстрелю в него". На судебном процессе автор был опознан как один из участников убийства двумя свидетелями, 13 и 14 лет. Однако, по их словам, они не видели, что автор сам произвел выстрел, хотя у него был пистолет. Один из свидетелей заявил, что после выстрела автор спросил своего сообвиняемого: "Ты уверен, что застрелил его?" Четверо других свидетелей показали, что видели, как автор и трое других убегали с оружием в руках после происшествия.

2.3 Автор заявил под присягой о том, что в момент убийства был на работе. Однако для подтверждения его алиби не было вызвано никаких свидетелей, и во время перекрестного допроса автор признался, что в тот день пришел домой в 7 час. 20 мин. вечера, в то время как убийство было совершено около 7 часов вечера. Кроме того, автор утверждает, что после его ареста полицейский угрожал ему и стрелял по верх его головы.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что был арестован 22 июля 1983 года и обвинен в убийстве 30 июля 1983 года после восьми дней содержания под стражей без контактов с адвокатом, с кем-либо из членов его семьи или с друзьями. Предварительное расследование было проведено в августе 1983 года и сентябре 1984 года. Автор находился под арестом, пока в декабре 1985 года, то есть около 28 месяцев спустя, не начался судебный процесс. По утверждению автора, задержка в проведении судебного разбирательства вызвана недостатками правовой системы Ямайки и является нарушением пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.2 Далее автор утверждает, что его права были существенно ущемлены такой задержкой, поскольку свидетели уже не могли точно воспроизвести происходившее и на их показания оказали влияние местные сплетни и публикации в прессе, из-за чего они не были беспристрастными. Он также утверждает, что по прошествии немалого времени невозможно было выявить потенциальных свидетелей защиты. В этой связи автор указывает, что после предварительного расследования, проведенного в августе 1983 года, он не встречался со своим адвокатом до дня начала процесса.

3.3 Кроме того, автор утверждает, что является жертвой нарушения подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14, поскольку не имел достаточного времени и возможностей для подготовки своей защиты. В этом отношении автор жалуется на то, что был лишен адекватного представительства, предусмотренного законом, как на судебном процессе, так и при обращении с апелляцией в Апелляционный суд Ямайки. Он утверждает, что адвокат, первоначально назначенный для защиты его интересов, не явился на предварительное расследование и что после этого автора представлял младший адвокат. Автор утверждает, что не имел возможности дать указания своему защитнику и что последний присутствовал только на первом предварительном расследовании. После предварительного расследования автор не имел контактов со своим представителем до начала процесса. Поэтому он считает, что был лишен возможности подготовить свою защиту, в то время как обвинение располагало 28 месяцами для подготовки дела к судебному разбирательству.

3.4 В отношении апелляционных слушаний автор утверждает, что его интересы представлял другой адвокат, который до этого не имел отношения к делу. По словам автора, этот адвокат ни разу не общался с ним до начала слушаний и поэтому автор не имел возможности дать ему указания относительно оснований для апелляции. Во время слушаний адвокат заявил, что для обжалования приговора нет оснований, тем самым фактически отозвав апелляцию без согласия автора. Адвокат обратился к Суду только по поводу приговора, ссылаясь на то, что автор и сообвиняемый не достигли 18-летнего возраста на момент убийства и поэтому они не могут быть приговорены к смертной казни. Однако Апелляционный суд пришел к заключению, что в соответствии с данными, установленными начальником службы регистрации, автор родился 31 декабря 1964 года и на момент совершения убийства ему было более 18 лет. Поскольку обвинение не смогло доказать, что сообвиняемому автора

было более 18 лет на момент совершения преступления, вынесенный ему приговор был заменен на тюремное заключение "до тех пор, пока будет угодно Ее Величеству".

3.5 Далее автор утверждает, что ему было отказано в справедливом судебном разбирательстве в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку судья не привлек должным образом внимания присяжных к вопросам, касающимся процедуры опознания и простого убийства, — ключевым вопросам судебного процесса. В этой связи автор подчеркивает, что свидетели давали противоречивые показания относительно точного времени происшествия: некоторые утверждали, что это случилось около 7 часов вечера, а по словам других — около 8 часов вечера. Автор заявляет, что в 7 часов вечера должно было быть еще светло, а в 8 часов — уже темно. Автор считает, что темнота могла повлиять на правильность опознания преступников и что судья должен был обратить внимание присяжных на вопрос о том, было ли на самом деле темно, но он не сделал этого. Далее автор утверждает, что судья не привлек внимания присяжных к некоторым другим несоответствиям в показаниях и не предупредил присяжных, как положено, о необходимости проявлять особую осмотрительность при опознании.

3.6 Автор также утверждает, что судья должным образом не обратил внимания присяжных на вопрос о сговоре в том смысле, что не предположил вероятность того, что обвиняемый автора, который якобы сделал единственный выстрел, мог действовать за рамками того, что подразумевалось сговором. В этой связи автор подчеркивает, что, согласно показаниям свидетелей, четверо мужчин искали некоего Деррика Моргана, а не убитого, и что присяжные должны были решить вопрос о том, имел ли автор на самом деле намерение совершить убийство или причинить серьезные повреждения покойному. Автор утверждает, что присяжным следовало вынести решение о признании или непризнании его виновным в простом убийстве, если он затеял сговор, предусматривающий определенную степень насилия, а его обвиняемый вышел за рамки сговора. Однако судья в своем напутствии присяжным якобы поставил вопрос о признании автора виновным в тяжком убийстве или оправдании.

3.7 Автор также заявляет, что является жертвой нарушения пункта 2 статьи 6 Пакта, поскольку он был приговорен к смертной казни по завершении судебного разбирательства, в ходе которого были нарушены положения Пакта. В этой связи автор ссылается на соображения Комитета по сообщению № 250/1987 3/.

3.8 И наконец, автор заявляет, что является жертвой нарушения Ямайкой статьи 10 Пакта, поскольку государство-участник не обеспечило его в достаточном количестве питанием, медицинской и стоматологической помощью и основными средствами личной гигиены. Для подтверждения своей жалобы автор прилагает копию заключения профессора У.Э. Хеллерштайна, которое основано на изучении условий содержания в ямайских тюрьмах, проведенном в январе 1990 года.

Замечания государства-участника

4. В своем представлении от 19 мая 1994 года государство-участник заявляет, что сообщение не может быть признано приемлемым, поскольку не исчерпаны внутренние средства правовой защиты. В этой связи государство-участник утверждает, что автор имеет возможность предъявить регрессный иск о возмещении ущерба за якобы имевшие место нарушения его прав посредством подачи предусмотренного Конституцией ходатайства в Верховный суд.

5. В письме от 6 февраля 1995 года адвокат автора ссылается на первоначальное сообщение автора и заявляет, что больше ему нечего добавить.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятьдесят третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения.

3/ Карлтон Рейд против Ямайки: соображения, принятые 20 июля 1990 года.

6.2 Комитет установил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же самый вопрос не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принял во внимание заявление государства-участника о неприемлемости сообщения, так как не исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет напоминает о своем прежнем постановлении и считает, что при отсутствии правовой помощи конституционный иск в обстоятельствах данного дела не является доступным средством правовой защиты, которое должно было быть использовано в целях выполнения Факультативного протокола. В этой связи Комитет, соответственно, решил, что подпункт б) пункта 2 статьи 5 не является препятствием для рассмотрения данного дела.

6.4 Комитет отметил ту часть утверждений автора, которая относится к оценке свидетельских показаний и напутствия судьи присяжным. Комитет ссылается на свое ранее принятое постановление и вновь подтверждает, что, как правило, именно апеллиционные суды государств — участников Пакта оценивают факты и показания по конкретному делу. Точно так же в задачи Комитета не входит рассмотрение конкретных напутствий присяжным рассматривающего дело судьи, если только не установлено, что такие напутствия присяжным были явно произвольными или означали отказ в правосудии. Материалы, представленные Комитету, не свидетельствуют о том, что рассматривавший дело судья давал указания или вел процесс с такого рода изъятиями. Соответственно, эта часть сообщения является неприемлемой как несовместимая, согласно статье 3 Факультативного протокола, с положениями Пакта.

6.5 Комитет отметил, что автор, в доказательство обоснованности своей жалобы, направленной в соответствии со статьей 10 Пакта, ссылаясь только на общее заключение об условиях содержания в ямайских тюрьмах. Комитет считает, что при отсутствии какой-либо информации относительно конкретной ситуации, в которой оказался автор, эта жалоба представляется необоснованной с точки зрения приемлемости. Поэтому эта часть сообщения, согласно статье 2 Факультативного протокола, является неприемлемой.

6.6 Комитет считает, что автор и его адвокат достаточно убедительно обосновали, в целях приемлемости сообщения, заявление о том, что в связи с задержкой в проведении судебного разбирательства в отношении автора и его непрерывным содержанием под стражей в этот период могли бы возникнуть вопросы, предусмотренные пунктом 3 статьи 9 и подпунктом с) пункта 3 статьи 14 Пакта и требующие рассмотрения по существу. Комитет также считает, что жалоба автора на то, что ему не были предоставлены время и возможности для подготовки его защиты, и тот факт, что его адвокат фактически отказался от апелляции, могли бы поставить вопросы, как это предусмотрено подпунктами б) и d) пункта 3 статьи 14, требующие рассмотрения по существу.

7. Соответственно, Комитет по правам человека решил, что сообщение является приемлемым в той мере, в какой оно касается вопросов, возникающих согласно пункту 3 статьи 9 и подпунктам б), с) и d) пункта 3 статьи 14, а также пункту 2 статьи 6 Пакта.

Замечания государства-участника по существу сообщения

8.1 В своем представлении от 25 сентября 1996 года государство-участник утверждает, что задержка продолжительностью в 28 месяцев в период между арестом автора и началом судебного процесса против него не является нарушением пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14, поскольку в это время проводились два предварительных слушания. Государство-участник считает, что нет оснований утверждать, будто такая задержка была неоправданной или нарушала права автора, и подчеркивает, что свидетели могли освежить в памяти события по своим собственным показаниям, данным сразу после происшествия.

8.2 Кроме того, государство-участник придерживается мнения, что оно не может нести ответственность за манеру ведения адвокатом процесса или аргументацию апеллиционной жалобы.

Вопросы и процедуры, рассмотренные Комитетом

9. Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.1 Автор утверждает, что задержка в отправлении правосудия над ним более чем на 27 месяцев (с момента его ареста 22 июля 1983 года и до начала судебного разбирательства 9 декабря 1985 года), при том, что все это время он оставался под стражей, нарушает пункт 3 статьи 9 и подпункт с) пункта 3 статьи 14. Комитет отмечает, что, согласно заявлению автора, предварительное расследование в отношении него было проведено в августе 1983 года и что государство-участник не предоставило ему информацию о причинах, по которым было отложено предварительное расследование и судебный процесс не начинался, пока не истекли 26 месяцев после этого. В отсутствие указаний государством-участником на конкретные причины, по которым процесс начался лишь через 26 месяцев после отложенного предварительного расследования, Комитет считает, что задержка в рассмотрении данного дела противоречила обязательству государства-участника провести судебное разбирательство по делу обвиняемого без неоправданной задержки.

10.2 Что касается утверждения автора, будто у него не было достаточного времени и возможностей для подготовки своей защиты, Комитет отмечает, что имеющаяся у него информация свидетельствует о том, что автора представлял в суде тот же самый адвокат, который защищал его в ходе предварительного разбирательства. Далее Комитет отмечает, что ни автор, ни адвокат ни разу не обращались к суду с просьбой о предоставлении дополнительного времени для подготовки защиты. При таких обстоятельствах Комитет считает, что представленные ему данные не свидетельствуют о нарушении подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта в отношении судопроизводства по делу автора.

10.3 Автор далее жалуется, что адвокат, который был назначен для представления его интересов в ходе слушаний по апелляции, не связался с ним до апелляционного рассмотрения и не выдвинул никаких оснований для обжалования решения об осуждении. Из решения Апелляционного суда следует, что адвокат автора (который не представлял его на судебном процессе) в ходе апелляционного слушания признал, что не может выдвинуть аргументов для обжалования приговора. Комитет напоминает, что, хотя подпункт d) пункта 3 статьи 14 не дает обвиняемому права выбирать адвоката, предоставленного ему бесплатно, должны быть приняты меры, обеспечивающие осуществление уже назначенным адвокатом эффективного представительства в интересах правосудия. Это включает консультации с обвиняемым и его уведомление о намерении адвоката отказаться от защиты в ходе апелляционного процесса или заявить в апелляционных инстанциях, что апелляция не имеет оснований. Хотя в задачи Комитета не входит оценка профессионального суждения адвоката по поводу отсутствия оснований для апелляционного обжалования решения об осуждении, Комитет считает, что, если речь идет о смертном приговоре, а адвокат обвиняемого признает отсутствие оснований для апелляции, Суд должен установить, консультировался ли адвокат с обвиняемым и сообщил ли ему о своем намерении. Если адвокат не проводил такие консультации, то Суд должен обеспечить, чтобы обвиняемый был проинформирован об этом и, соответственно, мог рассмотреть любые другие варианты, оставшиеся в его распоряжении. При таких обстоятельствах Комитет пришел к заключению, что автор не был эффективно представлен при рассмотрении апелляции в нарушение подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14.

10.4 Комитет считает вынесение смертного приговора по завершении судебного процесса, в ходе которого не были соблюдены положения Пакта, и при невозможности обжаловать приговор нарушением статьи 6 Пакта. Как отметил Комитет в своих Замечаниях общего порядка 6 [16], положение, согласно которому смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом и без нарушений положений Пакта, означает, что "должны быть соблюдены предписанные в нем процессуальные гарантии, в том числе право на справедливое судебное разбирательство в независимом суде, презумпция невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр решения об осуждении и приговора в суде высшей инстанции" ^{4/}. Таким образом, в данном деле,

^{4/} См. CCPR/C/21/Rev.1, page 7, paragraph 7.

поскольку окончательный смертный приговор был вынесен без обеспечения эффективного представительства интересов автора на апелляционном слушании, была нарушена также статья 6 Пакта.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9 и подпунктов b), c) и d) пункта 3 статьи 14 и, следовательно, пункта 2 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах.

12. Согласно подпункту а) пункта 3 статьи 2 Пакта г-н Стедман имеет право на эффективное средство правовой защиты. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела автор имеет право на соответствующее средство правовой защиты. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не имели места в будущем.

13. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение соображений, изложенных Комитетом.

D. Сообщение № 529/1993: Эрвин Эдвардс против Ямайки
(соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Эрвином Эдвардсом [представлен г-ном Саулем Лерфройндом]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Ямайка
<u>Дата сообщения:</u>	19 января 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	31 октября 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 28 июля 1997 года,

завершив рассмотрение Сообщения № 529/1993, представленного Комитету по правам человека г-ном Эрвином Эдвардсом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Эрвин Эдвардс, гражданин Ямайки, который в момент представления сообщения находился в окружной тюрьме Св. Екатерины в ожидании исполнения смертного приговора и в настоящее время отбывает срок пожизненного заключения в общей тюрьме в Кингстоне, Ямайка. Автор утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статьи 7 и подпункта b) пункта 3 статьи 14, а также статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат г-н Сауль Лерфройнд из лондонской адвокатской фирмы "Саймонс Мюрхед энд Бартон".

Факты, представленные автором

2.1 31 декабря 1983 года автор был арестован и обвинен в убийстве своей жены, совершенном 29 декабря 1983 года. 12 июня 1984 года он был признан виновным в соответствии с предъявленным ему обвинением и приговорен к смерти манчестерским окружным судом. 22 января 1986 года Апелляционный суд отклонил его апелляцию. Убийство, за которое был осужден автор, первоначально квалифицировалось как тяжкое убийство, караемое смертной казнью согласно закону (с внесенной в него поправкой) 1992 года "О преступлениях против личности". После пересмотра дела

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

Апелляционный суд 28 марта 1995 года квалифицировал совершенное автором преступление как не караемое смертной казнью.

2.2 Первый свидетель обвинения, полицейский-стажер, показал, что 29 декабря 1983 года около 1 час. 15 мин. дня он видел автора прогуливающимся со своим сыном и женой, с которой в то время он проживал раздельно. Свидетель видел, как автор толкнул свою жену на землю, выхватил мачете и нанес ей четыре или пять ударов в области груди и шеи; в результате нанесенных ранений она скончалась. В ходе процедуры опознания свидетель заявил, что знал автора уже семь лет, что во время нападения он окликнул автора и тот оглянулся и что, нанеся удары своей жене, автор побежал в его направлении и исчез на боковой дороге. Сын автора последовал за ним, но был остановлен полицейским.

2.3 Второй свидетель обвинения, также полицейский, который знал автора 15 лет, заявил, что утром 29 декабря 1983 года он отправился домой к автору, получив сообщение, что тот забрал своего ребенка у жены. Он видел, как тот, его жена и их ребенок уходили вместе, но позднее видел его жену без ребенка. Он сказал автору, чтобы тот вернул ребенка жене. Еще один свидетель обвинения, производивший арест офицер полиции, показал, что после предупреждения автор сказал: "Она резко говорила со мной, и в раздражении я ударил ее".

2.4 В заявлении, данном без присяги на скамье подсудимых, автор утверждал, что 29 декабря 1983 года он весь день работал на своем участке. В подтверждение его алиби не было представлено никаких доказательств. Он утверждает также, что был одет иначе, чем нападавший, и что просил полицию разыскать вещи, в которые был одет в день преступления.

2.5 Во время предварительного расследования и судебного процесса автора представлял нанятый частным образом адвокат, а во время апелляции — другой частный адвокат. Заявление о получении разрешения на апелляцию для обжалования решения об осуждении и приговора обосновывалось недостаточностью доказательств в поддержку обвинения, но во время апелляционного рассмотрения адвокат автора признал перед Судом, что не может найти основания для апелляции.

2.6 По поводу требования исчерпанности внутренних средств правовой защиты главный лондонский адвокат заявил 7 ноября 1990 года, что не видит разумных оснований для успешного исхода прошения о специальном разрешении для обжалования приговора в Судебном комитете Тайного совета. Главный адвокат сослался, в частности, на положительный результат опознания подозреваемого первым свидетелем обвинения, на то обстоятельство, что напутствие судьи присяжным соответствовало действующим нормам и что алиби автора было серьезно подорвано показаниями второго свидетеля обвинения. Утверждается, что ходатайство о специальном разрешении для обжалования в Судебном комитете Тайного совета не является доступным и эффективным средством правовой защиты по смыслу подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

Жалоба

3.1 Автор считает, что он не был достаточно эффективно представлен на судебном процессе. Он утверждает, что видел своего адвоката только за 15 минут до предварительного разбирательства и больше не встречался с ней до начала суда. Он жалуется на то, что адвокат не спрашивала его указаний и что ей следовало требовать отсрочки для надлежащей подготовки защиты. Далее, она не связалась ни с одним из свидетелей, которые могли бы дать показания в его пользу, не провела перекрестного допроса свидетелей обвинения по важнейшим вопросам, таким как одежда, в которой был нападавший, и признание, которое он якобы сделал полицейскому при аресте. Автор утверждает, что неадекватное поведение его защитника противоречит подпункту b) пункта 3 статьи 14 Пакта. Далее утверждается, что в результате был также нарушен пункт 2 статьи 6, поскольку смертный приговор был вынесен автору по завершении судебного разбирательства, в ходе которого не были соблюдены положения Пакта.

3.2 Автор отмечает, что был приговорен к смерти 12 июня 1984 года, и утверждает, что исполнение смертного приговора после столь продолжительного периода тяжелых душевных

страданий, вызванных такой задержкой, было бы жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 7 Пакта.

3.3 Автор утверждает, что в окружной тюрьме Св. Екатерины он содержался в плохих условиях. В этой связи он заявляет, что последние 10 лет он провел в одиночной камере площадью 6 × 14 футов и что его выпускали из нее на 3,5 часа в день. У него нет возможности заниматься чем-либо, и ему не дают книг.

3.4 Адвокат признает, что автор не обращался в Верховный (Конституционный) суд Ямайки для взыскания ущерба. Он считает, что конституционное ходатайство перед Верховным судом неизбежно закончилась бы неудачей, если учесть прецедент, созданный Судебным комитетом Тайного совета в деле DPP v. Nasralla и в деле Riley & others v. Attorney General of Jamaica, по которым было вынесено решение, устанавливающее, что цель Конституции Ямайки заключается в предотвращении принятия несправедливых законов, а не в предотвращении несправедливого обращения в соответствии с законом. Поскольку автор жалуется на несправедливое обращение в соответствии с законом, а не на то, что постконституционные законы неконституционны, конституционное ходатайство в данном случае не стало бы эффективным средством правовой защиты. Далее адвокат утверждает, что если согласиться с тем, что конституционное ходатайство является последним из средств правовой защиты, которые должны быть исчерпаны, то это средство не было бы доступно автору из-за нехватки у него финансовых средств, отсутствия бесплатной юридической помощи для поддержания такого ходатайства и нежелания ямайских адвокатов представлять интересы заявителей на основе *pro bono*. Как заявил адвокат в подтверждение своих слов, автор сообщил ему, что услуги нанятого частным образом адвоката оплатила его семья и он не в состоянии нанять частного адвоката для подачи конституционного ходатайства.

Замечания государства-участника

4. Государство-участник отмечает, что 28 марта 1995 года Апелляционный суд пересмотрел дело автора и заново квалифицировал совершенное им преступление как убийство, не караемое смертной казнью. Его смертный приговор в соответствии с законом был заменен на пожизненное заключение. Автор должен отбыть еще семь лет тюремного заключения начиная с даты новой квалификации его преступления, прежде чем он сможет рассчитывать на условно-досрочное освобождение.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 На своей пятьдесят пятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил, что относительно осуждения автора главный лондонский адвокат посчитал бесперспективным обращение с ходатайством о специальном разрешении на представление апелляционной жалобы в Судебный комитет Тайного совета. С учетом неоспоримого мнения главного адвоката Комитет считает, что ходатайство о специальном разрешении на обжалование приговора в Судебном комитете Тайного совета не было эффективным средством правовой защиты, которым должен был воспользоваться автор с точки зрения исчерпанности в целях внутренних возможностей Факультативного протокола.

5.2 Что касается жалобы автора на неадекватное представительство его интересов адвокатом, Комитет отмечает, что адвокат автора был нанят частным образом. По мнению Комитета, государство-участник не может отвечать за якобы допущенные ошибки частного адвоката, если только для судьи или судебных органов не было совершенно очевидно, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия. Комитет считает, что в данном деле не было признаков, указывающих на такие изъятия в осуществлении защиты автора. Эта часть сообщения несовместима с положениями Пакта и признана неприемлемой в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

5.3 В отношении жалобы автора на то, что исполнение смертного приговора после десяти лет ожидания в камере смертников является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство наказанием, Комитет отметил, что после новой квалификации его преступления как не караемого

смертной казнью автор более не находится под угрозой смертной казни. Что касается вопроса о том, может ли его продолжительное содержание в камере смертников считаться нарушением статьи 7 Пакта, Комитет сослался на свое постановление о том, что "продолжительное судебное разбирательство само по себе не является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и что в случае смертных приговоров даже продолжительные сроки заключения в камере смертников не могут в общем смысле рассматриваться как жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение" 5/. В связи с данным делом Комитет пожелал рассмотреть сообщение по существу, чтобы определить, было ли продолжительное содержание г-на Эдвардса в камере смертников результатом задержек, вменяемых государству-участнику, и были ли другие обстоятельства, ущемляющие достоинство именно автора, в том числе условия его содержания в тюрьме, которые составили бы нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

5.4 Соответственно, 31 октября 1995 года Комитет по правам человека объявил сообщение приемлемым в той мере, в какой оно поднимает вопросы в связи со статьей 7 и пунктом 1 статьи 10 Пакта.

Представление государства-участника по существу дела и комментарии адвоката

6.1 В представлении от 4 ноября 1996 года государство-участник отметило, что утверждения относительно статьи 7 и пункта 1 статьи 10 касаются того факта, что автор провел 10 лет в камере смертников, прежде чем совершенное им преступление было заново квалифицировано как не караемое смертной казнью, и дополнительно два года, пока наконец он не был переведен из камеры смертников после смягчения приговора.

6.2 Государство-участник заявляет, что автор был арестован 31 декабря 1983 года, а 12 июня 1984 года, то есть через семь месяцев, над ним состоялся суд и он был осужден. 22 января 1986 года, через 18 месяцев после осуждения, апелляционная жалоба автора была отклонена. И лишь спустя четыре года, 7 ноября 1990 года, было получено заключение главного лондонского адвоката относительно гипотетических возможностей успеха или неудачи ходатайства перед Тайным советом. Преступление автора было заново квалифицировано как не караемое смертной казнью согласно закону (с поправкой) 1992 года "О преступлениях против личности". Государство-участник категорически возражает против утверждения, что ему может вменяться в вину время, проведенное автором в камере смертников.

7.1 В своих комментариях адвокат утверждает, что вопросы, возникающие в соответствии со статьей 7 и пунктом 1 статьи 10, подразумевают ответственность государства-участника, поскольку именно государство-участник содержало автора в камере смертников более 11 лет — с 12 июня 1984 года до 10 июля 1995 года. Адвокат утверждает, что государство-участник несет ответственность за задержку в исполнении смертного приговора. В подтверждение своего заявления адвокат ссылается на решение Тайного совета в деле Pratt [1994] 2 AC 1, которым члены Совета постановили:

"государство, которое желает сохранить смертную казнь, должно принять на себя ответственность за обеспечение того, чтобы исполнение последовало по возможности немедленно после вынесения приговора, предоставив разумно обоснованный срок для подачи апелляции и рассмотрения ходатайства о помиловании",

а также на особые мнения, прилагаемые к соображениям Комитета по сообщению № 588/1994 (Эррол Джонсон против Ямайки), согласно которым:

5/ См. соображения по сообщению № 573/1989 (Леннон Стефенс против Ямайки), принятые 18 октября 1995 года, пункт 9.4. См. также соображения по сообщению № 270/1988 и сообщению № 271/1988 (Бэррет и Сатклифф против Ямайки), принятые 30 марта 1992 года, пункт 8.4.

"в соответствии со статьей 7 и пунктом 1 статьи 10 физическое и психологическое обращение с заключенным, его возраст и состояние здоровья должны приниматься во внимание при оценке поведения государства".

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Комитет должен установить, был ли срок, проведенный автором в камере смертников — 11 лет и 1 месяц, — нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. Адвокат настаивает на признании факта нарушения этих положений, ссылаясь на продолжительность пребывания г-на Эдвардса в камере смертников. Комитет подтверждает свое мнение, что содержание в камере смертников в течение определенного периода не является нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 при отсутствии других условий, наносящих ущерб заключенному. В этой связи Комитет ссылается на свои соображения по сообщению № 588/1994 6/, в которых он разъясняет свою позицию по этому вопросу. По мнению Комитета, ни автор, ни его адвокат не доказали наличия дополнительных наносящих ущерб заключенному обстоятельств, кроме продолжительности срока содержания в камере смертников. Хотя период содержания в камере смертников 7/ продолжительностью более 11 лет вызывает серьезную озабоченность, Комитет считает, что как таковая продолжительность срока содержания не является нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

8.3 По поводу условий содержания в окружной тюрьме Св. Екатерины Комитет отмечает, что в своем первоначальном сообщении автор сделал конкретные заявления относительно плохих условий содержания. Он утверждал, что в течение 10 лет находился в камере-одиночке площадью 6 × 14 футов, выходил из нее только на 3,5 часа в день, не имел возможности чем-либо заниматься и не получал книг. Государство-участник не пыталось опровергнуть эти конкретные утверждения. При таких обстоятельствах Комитет принимает данные утверждения как доказательные. Он считает, что содержание заключенного в таких условиях является не только нарушением пункта 1 статьи 10, но и нарушением статьи 7 по причине продолжительности времени содержания автора в таких условиях.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

10. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Эдвардсу эффективные средства правовой защиты, включая компенсацию за условия содержания в камере смертников. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные факты не имели места в будущем.

11. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение изложенных им соображений.

6/ См. соображения по сообщению № 588/1994 (Эррол Джонсон против Ямайки), принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.2—8.5.

7/ В тот период, когда автор содержался в камере смертников (1984—1992 годы) до принятия закона (с поправкой) "О преступлениях против личности", государство-участник соблюдало различные моратории на исполнение смертных приговоров.

Е. Сообщение № 533/1993: Харольд Элахи против Тринидада и Тобаго (соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Харольдом Элахи
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Тринидад и Тобаго
<u>Дата сообщения:</u>	20 февраля 1992 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	12 октября 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 28 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 533/1993, представленного Комитету по правам человека г-ном Харольдом Элахи в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии в пункте 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Харольд Элахи, гражданин Тринидада и Тобаго, который в настоящее время отбывает 4-годовалый срок тюремного заключения с каторжными работами в государственной тюрьме, Тринидад и Тобаго. Он утверждает, что является жертвой нарушения его прав человека со стороны Тринидада и Тобаго, но не ссылается на какое-либо положение Международного пакта о гражданских и политических правах. Освобождение автора должно было состояться 26 ноября 1996 года.

Факты, представленные автором

2.1 Автор был арестован 6 июля 1986 года по обвинению в тяжком убийстве и совершении нескольких других преступлений (покушение на совершение тяжкого убийства, умышленное нанесение ран и умышленное преступление с применением огнестрельного оружия). Магистрат возбудил против него дело, и он был возвращен под стражу. 15 октября 1986 года началось предварительное расследование, и вскоре после этого адвокат сообщил автору, что магистрат отстранен от исполнения своих обязанностей якобы за получение взяток.

2.2 До 22 февраля 1988 года другой магистрат не допрашивал автора, продолжив расследование дела с того момента, на котором оно было прервано в 1986 году. Решение о предании автора суду

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

было принято 25 мая 1988 года, и осталось неясным, в каком преступлении он в конечном счете обвинялся. Из его писем следует, что 18 ноября 1990 года в суде должно было рассматриваться его дело на основании одного из обвинительных актов от 9 июля 1990 года, но перед началом судебного заседания защита заявила ходатайство об отклонении этого обвинительного акта ввиду того, что он базировался на незаконном постановлении о предании суду. По словам автора, обвинение согласилось с этим, и 19 марта 1991 года судья аннулировал обвинительный акт и вынес постановление о проведении нового предварительного расследования. Защита опротестовала это постановление, но, судя по всему, протест был отклонен, так как автор заявляет: "[a] второе расследование в отношении меня было завершено другим магистратом".

2.3 Был назначен новый суд, и 25 марта 1994 года после признания себя виновным в совершении простого убийства автор был приговорен к четырем годам лишения свободы с каторжными работами 8/.

2.4 Автор добавляет, что признал себя виновным в совершении простого убийства по совету адвоката с целью прояснить ситуацию и ускорить судебный процесс. Далее он заявляет, что адвокат посоветовал ему не подавать апелляцию на приговор, так как апелляционные слушания займут больше времени, чем срок, который автору осталось отбывать.

Жалоба

3.1 Хотя автор не ссылается на конкретные положения Пакта, очевидно, что он жалуется на то, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 10 Пакта с точки зрения условий его содержания под стражей и пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 из-за неоправданной задержки судебного разбирательства, поскольку с момента его ареста и до осуждения в 1994 году прошло семь лет. Он жалуется на то, что находился под стражей семь лет и восемь месяцев, прежде чем начался судебный процесс.

3.2 Далее автор утверждает, что подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в тюрьме. В этой связи он заявляет, что вместе с другими четырьмя заключенными он содержится в маленькой камере. Из спальных принадлежностей у них нет ничего, кроме "куска поролона и старых газет", а пищу, непригодную для употребления, им бросают, "как свиньям". Кроме того, во время всех свиданий с родственниками его приковывают наручниками к другому заключенному. Автор утверждает, что каждый раз, когда заключенные жалуются охранникам на условия содержания в тюрьме, с ними обходятся "самым жестоким образом" и никогда не позволяют встретиться с Комиссаром по делам тюрем.

Информация и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости сообщения и соответствующие комментарии автора

4. В представлении от 20 марта 1995 года государство-участник подтверждает, что автор исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты в отношении своей жалобы, касающейся процедуры ведения предварительного расследования. Оно признает далее, что автор исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своей жалобы на условия содержания в тюрьме.

Решение Комитета о приемлемости

5. В ходе своей пятьдесят пятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил признание государством-участником того факта, что автор исчерпал доступные внутренние средства правовой защиты, и пришел к выводу, что обоснование представленной автором жалобы на отсутствие гуманности и уважения достоинства, присущего человеческой личности, в обращении с ним во время содержания под стражей требует рассмотрения ее по существу.

8/ Государство-участник в своем представлении замечает, что автор был осужден 25 марта 1994 года за простое убийство и что другие обвинения были сняты.

6.1 Комитет также считает достаточно обоснованным с точки зрения приемлемости заявление автора о том, что задержка в проведении судебного разбирательства и содержание его под стражей в продолжение всего этого времени без освобождения под залог и без учета срока, который он уже провел в заключении, могут вызвать вопросы соответствия данной ситуации положениям пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта: эти вопросы требуют рассмотрения по существу.

6.2 12 октября 1995 года Комитет по правам человека объявил сообщение приемлемым в той части, в которой оно поднимает вопросы в связи с положениями пункта 1 статьи 10, пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

Дополнительная информация, полученная от государства-участника

7.1 В дополнительном представлении о приемлемости, полученном после принятия решения о приемлемости, государство-участник заявило, что 19 марта 1991 года первоначальный обвинительный акт в отношении автора был аннулирован на том основании, что "он был основан на постановлении о предании суду, которое было недействительным, незаконным, не имело силы и выходило за рамки закона о преступлениях, вменяемых по обвинительному акту (согласно предварительному расследованию)". Судья вынес постановление об аннулировании обвинительного акта и возбуждении нового предварительного расследования.

7.2 В результате нового предварительного расследования автор был отдан под суд за совершение тяжкого убийства, покушение на совершение тяжкого убийства, умышленное нанесение ран и умышленное преступление с применением огнестрельного оружия. В ходе разбирательства в суде Ассизе автор признал свою вину в совершении простого убийства и 25 марта 1994 года был приговорен к четырем годам лишения свободы с каторжными работами.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола. Он отмечает с озабоченностью, что после вынесения Комитетом решения о приемлемости сообщения государство-участник не предоставило никакой дополнительной информации. Комитет напоминает: из положения пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола следует, что государство-участник добросовестно рассматривает все выдвинутые против него обвинения и предоставляет Комитету всю имеющуюся в его распоряжении информацию. В связи с тем что государство-участник не оказало содействия Комитету в рассмотрении представленного ему сообщения, несмотря на напоминание, направленное 11 марта 1997 года, принимаются утверждения автора в той мере, в какой они являются обоснованными.

8.2 Комитет отмечает, что представленная ему информация свидетельствует о том, что автор был арестован 6 июля 1986 года, что вскоре после начала предварительного расследования магистрат, которому было передано дело, был отстранен и что до 22 февраля 1988 года новый магистрат не занимался делом автора. 25 мая 1988 года автор предстал перед судом. 1 ноября 1990 года было подано конституционное ходатайство, в результате обвинительный акт против автора был аннулирован, и 19 марта 1991 года было принято постановление о проведении нового предварительного расследования. 25 марта 1994 года автор был осужден за простое убийство. Приведенная хронология событий свидетельствует о том, что автор находился под арестом семь лет и восемь месяцев, прежде чем в отношении него был вынесен приговор на основании признания подсудимым вины в совершении простого убийства. Автор был приговорен к четырем годам лишения свободы с каторжными работами, причем, как представляется, ему должны были быть зачтены уже проведенные в заключении годы. Тем не менее Комитет считает, что период продолжительностью в семь лет и восемь месяцев с момента ареста автора и до начала судебного процесса над ним является, при отсутствии каких-либо адекватных объяснений со стороны государства-участника относительно причин задержки, нарушением пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта, поскольку процесс над лицом, содержащимся под стражей, не был начат и не был завершен в разумные сроки и поскольку в проведении самого процесса были неоправданные задержки.

8.3 В связи с заявлением автора относительно условий содержания в заключении и плохого обращения с заключенными Комитет отмечает, что государство-участник не представило никакой информации в опровержение утверждений автора. Поэтому следует с особым вниманием отнестись к словам автора о том, что у него не было ничего, кроме "куска поролона и старых газет" для сна, и пищи, "непригодной для употребления", и что охранники "самым жестоким образом" реагировали на любые жалобы. Комитет считает, что с автором обращались бесчеловечно и без уважения достоинства, присущего человеческой личности, в нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 10, пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

10. Согласно подпункту а) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию за плохое обращение и неоправданные задержки в проведении судебного разбирательства по его делу. Комитет подтверждает обязательство государства-участника обращаться с лицами, лишенными свободы, с уважением к достоинству, присущему человеческой личности. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные факты не имели места в будущем.

11. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника предоставить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение сообщенных им соображений.

F. Сообщение № 535/1993: Ллойделл Ричардс против Ямайки
(соображения, принятые 31 марта 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Ллойделлом Ричардсом [представлен г-ном Саулем Лерфройндом]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Ямайка
<u>Дата сообщения:</u>	14 января 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	17 марта 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 31 марта 1997 года,

завершив рассмотрение Сообщения № 535/1993, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Ллойделла Ричардса в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является Ллойделл Ричардс, гражданин Ямайки, который на момент представления его сообщения находился в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка, в ожидании исполнения смертного приговора. Автор утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой пункта 2 статьи 6, статьи 7, пунктов 1 и 2, подпунктов с), d) и e) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Сауль Лерфройнд. Смертный приговор автору был заменен на более мягкий.

Факты, представленные автором

2.1 18 марта 1982 года автору было предъявлено обвинение в совершении 8 или 9 марта 1982 года в округе Вестморленд тяжкого убийства некоей С. Л. 26 сентября 1983 года автор предстал перед внутренним окружным судом Кингстона; на основании предъявленного обвинения автор признал себя

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Тексты несовпадающих особых мнений членов Комитета г-на Нисуке Андо и г-на Дэвида Крецмера прилагаются к настоящему документу.

виновным в совершении простого убийства, и это признание было принято обвинением. Защитник просил отложить разбирательство, чтобы вызвать свидетелей, дающих показания о репутации обвиняемого, в надежде смягчить наказание. Заседание было перенесено на 3 октября 1983 года. Однако директор службы публичных преследований, имеющий право, согласно подпункту с) пункта 3 статьи 94 Конституции Ямайки, прерывать любое уголовное разбирательство на любой стадии до вынесения решения суда, посчитал, что не следовало принимать признание вины в совершении простого убийства, и вынес постановление о прекращении судопроизводства, с тем чтобы автору было предъявлено обвинение в совершении тяжкого убийства на основании нового обвинительного акта.

2.2 Соответственно, на судебном заседании 3 октября 1983 года директор службы публичных преследований представил заявление о прекращении разбирательства; автору был зачитан новый обвинительный акт, и он не признал себя виновным в совершении вменяемого ему преступления. 6 декабря 1983 года автора судил внутренний окружной суд Кингстона под председательством другого судьи. 13 декабря 1983 года обвиняемый был признан виновным в совершении тяжкого убийства и приговорен к смертной казни. В апелляционной жалобе адвокат автора утверждал, что процесс носил неконституционный характер, поскольку обвинение уже приняло признание автором вины в совершении простого убийства. 10 апреля 1987 года Апелляционный суд Ямайки отклонил апелляцию. Впоследствии автор обратился в Судебный комитет Тайного совета за специальным разрешением на обжалование; 20 февраля 1991 года разрешение на обжалование было дано. 29 и 30 июня 1992 года Тайный совет рассматривал апелляцию автора и 19 октября 1992 года отклонил ее с рекомендацией заменить смертный приговор автора на более мягкий. После принятия закона (с поправкой) 1992 года "О преступлениях против личности" правовыми нормами Ямайки предусматриваются две категории тяжких убийств — караемые и не караемые смертной казнью. Следовательно, приговоры, вынесенные всем ранее осужденным за тяжкое убийство, пересматривались и заново квалифицировались в соответствии с новой системой. В декабре 1992 года преступление, совершенное автором, было квалифицировано как караемое смертной казнью.

2.3 Версия обвинения сводилась к следующему: 8 марта 1982 года около 8 часов вечера автор, работавший водителем мини-автобуса, посадил в машину некую С. Л., которая жила в Монтего-Бей. Она оказалась в Саванна-ля-мар, и, хотя Монтего-Бей находился в стороне от маршрута, автор сказал, что подвезет ее домой, поскольку его последний в этот день рейс уже закончился. Сначала он довез до дома кондуктора автобуса. В 9 часов вечера автор остановился и выпил в баре. Владелец бара видел, как С. Л. вышла из автобуса и пыталась поймать одну из машин, следующих в направлении Монтего-Бей. После неудачных попыток она вернулась в автобус и уехала вместе с автором. В 1 час ночи свидетель, который был знаком с автором, видел, как он выходил из гостиницы и затаскивал плачущую С. Л. в свой автобус. Несколько часов спустя автор, измазанный грязью и кровью, появился около дома кондуктора автобуса. Он сказал, что автобус захватили трое вооруженных мужчин и велели ему ехать за город. Когда автобус застрял в грязи, ему удалось сбежать; затем он сказал, что опасается за жизнь С. Л. Автор и еще несколько человек в сопровождении полиции вскоре нашли автобус, а тело С. Л. было обнаружено поблизости в небольшой яме. На трупе были обнаружены также следы изнасилования.

2.4 На скамье подсудимых автор сделал заявление без присяги. Он утверждал, что автобус был угнан и что показания двух свидетелей обвинения мотивировались злым умыслом. Он также заявил, что в полиции его пытали.

Жалоба

3.1 Автор жалуется на несправедливость судебного процесса. Он прилагает две статьи, напечатанные в известной ямайской газете, и утверждает, что представленная в них информация была предвзятой в отношении его дела. В одной из статей, опубликованной 1 октября 1983 года, говорилось: "Автор признал себя виновным в совершении простого убийства по делу об убийстве С. Л., 17-летней школьницы". Далее в ней утверждалось, что "некоторые члены суда считали, что в деле такого рода не может быть простого убийства", и кратко излагалась версия обвинения. Автор отмечает, что статья появилась за два дня до заседания суда, на котором ему должен был быть вынесен приговор на основании признания вины в простом убийстве, и до вынесения обвинением

постановления nolle prosequi. Во второй статье, опубликованной 4 октября 1983 года, излагался ход состоявшегося накануне процесса в явно, по словам автора, недоброжелательном, применительно к его защите, тоне. Автор заявляет, что широкая публикация информации о том, что он уже признал себя виновным в совершении простого убийства, лишила его права на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта.

3.2 Далее автор утверждает, что предание гласности различных аспектов судебного разбирательства нарушило его право на презумпцию невиновности, пока, в соответствии с законом, не доказана его вина.

3.3 Автор отмечает, что был арестован 9 марта 1982 года, предан суду 6 декабря 1983 года, а Апелляционный суд отклонил его апелляцию 10 апреля 1987 года. Он утверждает, что задержка продолжительностью в один год и девять месяцев до проведения суда и в три года и четыре месяца до рассмотрения апелляции является неоправданной, и это нарушает его права, предусмотренные подпунктом с) пункта 3 и пунктом 5 статьи 14 Пакта.

3.4 В отношении подпункта d) пункта 3 статьи 14 автор отмечает, что 26 сентября 1983 года, когда он признал себя виновным в совершении простого убийства, его представлял главный адвокат, г-н С. М., который просил отложить рассмотрение дела. На слушании дела 3 октября 1983 года его также представлял С. М., который был уведомлен обвинением о намерении прекратить разбирательство. Перед заседанием суда 6 декабря 1983 года С. М. отказался от ведения дела по соображениям профессиональной этики и просил отложить слушания, поскольку младший адвокат, которому передавалась защита, не могла присутствовать на разбирательстве. Судья отклонил обе просьбы, главным образом на том основании, что процесс переносился уже несколько раз, и высказал критические замечания в адрес С. М., который не приступил к работе в Вестморленде до 27 ноября 1983 года и не уведомил клиента о своей позиции. Потом С. М. заявил, что в тот день он осуществил бы защиту. При таких обстоятельствах, утверждает автор, он не был адекватно представлен со стороны С. М.

3.5 Далее автор утверждает, что младший адвокат не смогла эффективно его представлять и сама признала это. В связи с этим автор отмечает, что 7 декабря 1983 года она, извинившись перед судом за свое отсутствие в первый день слушаний, сказала: «Но я хотела бы заявить суду, что не намерена брать какие-либо деньги от правительства за ведение этого дела, поскольку признаю, что не смогла сделать все возможное; сегодня я здесь для того, чтобы "бороться изо всех сил", но не приму никаких денег в связи с назначением в качестве адвоката, ибо не считаю это оправданным, и не пойду на сделку с совестью, хотя и намерена защищать своего клиента».

3.6 Автор утверждает, что в пятницу, 9 декабря 1983 года, перед самым концом слушаний, адвокат объявила, что для дачи показаний со стороны защиты будет вызван свидетель-эксперт, врач по профессии. Однако в понедельник, 12 декабря 1983 года, она заявила, что свидетель не явился. Другие свидетели защиты вызваны не были. По мнению автора, это является нарушением подпункта e) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.7 В свете вышеизложенного утверждается, что нарушен пункт 2 статьи 6, поскольку вынесение смертного приговора по завершении процесса, в ходе которого не соблюдались положения Пакта, является — при недоступности такого средства правовой защиты, как дальнейшее обжалование приговора, — нарушением указанного пункта.

3.8 Автор утверждает, что во время допроса 9 марта 1982 года он подвергся пыткам в полиции. Он заявляет, что арестовавший его офицер подвесил его за рубашку в положении распятого, так что он не мог отвечать на какие-либо вопросы. Затем в тот же день его привели в кабинет, где, по его словам, он был окружен пятью-шестью полицейскими, которые пускали слезоточивый газ ему в глаза, уши и ноздри и били его палкой. В результате, как он утверждает, он с трудом видел и слышал в течение нескольких дней и не мог пить 17 дней. Он утверждает, что ему не было оказано медицинской помощи.

3.9 Утверждается, что казнь автора в данный момент явилась бы нарушением статьи 7, поскольку при рассмотрении его дела были допущены задержки и поскольку слишком продолжительное время он провел в камере смертников. В подтверждение сказанного заявляется, что Тайный совет, отказав автору в апелляции, выразил озабоченность по поводу задержки в проведении судебного разбирательства по данному делу и рекомендовал смягчить смертный приговор. Далее утверждается, что автор подвергся жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и наказанию во время пребывания в камере смертников в окружной тюрьме Св. Екатерины, условия содержания в которой, по словам автора, "ужасающие". И наконец, психическая подавленность и тревога как результат продолжительного содержания в камере смертников, усугубленные изменением отношения ямайских властей к исполнению приговоров, являются еще одним аспектом нарушения статьи 7.

3.10 Что касается исчерпанности внутренних средств правовой защиты, автор признает, что он не обращался в Верховный (Конституционный) суд Ямайки с иском о взыскании нанесенного ущерба. Он считает, что направление конституционного ходатайства в Верховный суд неизбежно закончилось бы неудачей с учетом прецедента, созданного решениями Судебного комитета по делу DPP v. Nasralla [(1967) 2 ALL ER 161] и делу Riley et al. v. Attorney General of Jamaica [(1982) 2 ALL ER 469], установившими, что цель Конституции Ямайки заключается в предотвращении возможности принятия несправедливых законов, а не несправедливого обращения в соответствии с законом. Поскольку автор жалуется на несправедливое обращение в соответствии с законом, а не на то, что изданные после принятия Конституции законы неконституционны, конституционное ходатайство в данном случае не стало бы эффективным средством правовой защиты. Далее автор утверждает, что, если согласиться с тем, что конституционное ходатайство является последним из средств правовой защиты, которые должны быть исчерпаны, то это средство не было бы доступно автору из-за нехватки у него финансовых средств, отсутствия бесплатной правовой помощи для поддержания такого иска и нежелания ямайских адвокатов представлять интересы заявителей на основе *pro bono*.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и комментарии адвоката

4. В представлении от 23 июня 1993 года государство-участник заявляет, что сообщение является неприемлемым, поскольку не исчерпаны внутренние средства правовой защиты. В этой связи государство-участник утверждает, что автор имеет возможность взыскать возмещение ущерба за якобы имевшие место нарушения его прав посредством подачи конституционного ходатайства в Верховный суд.

5. В своих комментариях адвокат вновь утверждает, что конституционное ходатайство не является эффективным и доступным внутренним средством правовой защиты в деле автора. В этой связи он ссылается на вынесенное Комитетом постановление, согласно которому при отсутствии бесплатной правовой помощи конституционное ходатайство не является доступным средством правовой защиты. Утверждалось, что вопрос о конституционности приведения в исполнение смертного приговора не может быть поставлен перед Судебным комитетом Тайного совета, прежде чем не будут исчерпаны внутренние средства правовой защиты путем слушания дела в Верховном (Конституционном) суде.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятидесят третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он принял во внимание утверждение государства-участника, что сообщение не является приемлемым, поскольку не исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет напоминает о своем постоянном суждении: в целях подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола внутренние средства правовой защиты должны быть и эффективными, и доступными. Что касается приведенного государством-участником довода, что автор еще может воспользоваться конституционным средством правовой защиты, то Комитет отмечает, что Верховный суд Ямайки в некоторых случаях удовлетворял конституционные ходатайства о взыскании ущерба в связи с нарушением основных прав, после того как были отклонены апелляции в рамках уголовного судопроизводства. Однако Комитет также напоминает, что государство-участник в ряде случаев заявляло, что по конституционным ходатайствам правовая помощь со стороны государства не предоставляется.

Комитет считает, что при отсутствии правовой помощи конституционное ходатайство не является в обстоятельствах данного дела доступным средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано в целях Факультативного протокола. Поэтому в отношении данного вопроса Комитет пришел к заключению, что подпункт б) пункта 2 статьи 5 не является препятствием для рассмотрения представленного автором сообщения.

6.2 Комитет считает, что автор и его адвокат достаточно убедительно с точки зрения приемлемости обосновали жалобу на то, что задержка в проведении судебного разбирательства не соответствует требованиям, изложенным в статье 14 Пакта. Комитет считает, что прекращение судебного разбирательства со стороны обвинения, после того как автор признал себя виновным в совершении простого убийства, и связанные с этим публикации могли негативно сказаться на реализации принципа презумпции невиновности в деле автора. Комитет также считает, что отказ судьи отложить процесс после заявления адвоката о том, что он более не желает вести защиту, мог затронуть право автора на достаточную подготовку своей защиты и обеспечение явки свидетелей с его стороны. Далее, Комитет считает, что задержка в проведении судебного разбирательства могла поставить вопросы, предусмотренные подпунктом с) пункта 3 и пунктом 5 статьи 14 Пакта. Комитет решил, что эти вопросы требуют рассмотрения дела по существу.

6.3 Комитет считает, что при отсутствии информации со стороны государства-участника автор достаточно убедительно с точки зрения приемлемости обосновал свою жалобу на то, что он подвергнулся плохому обращению после ареста и что впоследствии ему не была оказана медицинская помощь. Эта жалоба может поставить вопросы, предусмотренные статьями 7 и 10 Пакта и подлежащие рассмотрению по существу.

6.4 Далее Комитет обратился к жалобе автора на то, что его продолжительное содержание в камере смертников является нарушением статьи 7 Пакта. Хотя Комитет с должным вниманием отнесся к решению Тайного совета по делу Эрла Пратта и Ивана Моргана (на которое автор, очевидно, не ссылался в национальных ямайских судах), он вновь подтверждает свое прежнее заключение, что продолжительное содержание в камере смертников само по себе не является жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением в нарушение статьи 7 Пакта. Комитет отметил, что с точки зрения приемлемости автор не доказал наличия таких конкретных обстоятельств своего дела, которые могли бы поставить вопрос, предусмотренный статьей 7 Пакта. Поэтому эта часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами. Он отмечает с озабоченностью, что после вынесения Комитетом решения о приемлемости государство-участник не предоставило никакой дополнительной информации, разъясняющей вопрос, поднятый в данном сообщении. Конечный срок для представления государством-участником информации и замечаний в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола истек 1 ноября 1995 года. Никакой дополнительной информации от государства-участника не поступило, несмотря на напоминание, направленное ему 2 августа 1996 года. Комитет напоминает, что, в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник должно добросовестно рассмотреть все утверждения, выдвинутые против него, и представить Комитету всю имеющуюся у него информацию. В связи с тем что государство-участник не оказало содействия Комитету по рассматриваемому вопросу, принимаются утверждения автора в той мере, в какой они обоснованы.

7.2 Автор жалуется на то, что судебное разбирательство по его делу было несправедливым, поскольку обвинение выступило с заявлением о прекращении процесса после признания автором своей вины в совершении простого убийства. Автор заявляет, что широкое освещение в средствах массовой информации вопроса о признании им своей виновности негативно сказалось на его праве на презумпцию невиновности и тем самым на праве справедливого судебного разбирательства. Апелляционный суд Ямайки признал, что автор, возможно, оказался в невыгодном положении при осуществлении его защиты на процессе, но посчитал, что "ничто не указывает на то, что этот факт повлиял на суд присяжных, вынесших вердикт об осуждении". Заявление о прекращении судебного

разбирательства было принято ямайскими судами и Судебным комитетом Тайного совета как юридически допустимое, поскольку, в соответствии с законодательством Ямайки, автор не являлся окончательно осужденным до вынесения приговора. Однако в задачи Комитета входит не определение законности прекращения разбирательства, а определение совместимости применения процедуры *nolle prosequi* с гарантиями справедливого судебного разбирательства, предусмотренными в Пакте, в рамках конкретных обстоятельств данного дела. *Nolle prosequi* — это процедура, которая позволяет директору службы публичных преследований прекратить уголовное преследование. Государство-участник утверждает, что можно прибегнуть к такой процедуре в интересах правосудия и что она была использована в данном деле для предотвращения ошибки в отправлении правосудия. Однако Комитет замечает, что обвинитель в данном деле в полной мере знал обстоятельства дела г-на Ричардса и согласился принять его признание в собственной виновности. Процедура *nolle prosequi* была использована не для прекращения судебного разбирательства в отношении автора, а для того, чтобы немедленно возбудить новое уголовное преследование против автора, основанное на точно таком же обвинении, в отношении которого он уже признал себя виновным в совершении простого убийства, и это признание было принято. Таким образом, цель указанной процедуры и ее результат заключались в обходе последствий признания виновности, которое было сделано в соответствии с ямайским законодательством и практикой. По мнению Комитета, использование процедуры *nolle prosequi* при таких обстоятельствах и возбуждение нового обвинения против автора несовместимы с требованиями справедливого судебного разбирательства по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта.

7.3 Касаясь других жалоб на нарушение подпунктов b), c) и e) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 в отношении неадекватного представительства автора и неоправданной задержки в отправлении правосудия, Комитет выражает озабоченность в связи со сделанными заявлениями. Однако Комитет придерживается мнения, что в свете первоначально допущенных ошибок в проведении суда над автором, указанных выше, он может не высказывать своего заключения по этим вопросам.

7.4 По поводу жалобы автора на плохое обращение после ареста и последующий отказ в медицинской помощи Комитет отмечает, что жалоба была представлена присяжным и присяжные отклонили ее; более того, автор предпочел сделать заявление на скамье подсудимых без присяги, что помешало провести перекрестный допрос по этому вопросу. При таких обстоятельствах данного дела Комитет считает, что нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта не было.

7.5 Комитет придерживается мнения, что вынесение смертного приговора по завершении судебного процесса, в ходе которого не были соблюдены положения Пакта, является, в отсутствие возможности обжаловать приговор, нарушением статьи 6 Пакта. Как отметил Комитет в своих Замечаниях общего порядка 6 [16], положение, согласно которому смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом и без нарушений положений Пакта, подразумевает, что "должны быть соблюдены предписанные в нем процессуальные гарантии, в том числе право на справедливое судебное разбирательство в независимом суде, презумпция невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр решения об осуждении и приговора в суде высшей инстанции". В данном случае, поскольку окончательный смертный приговор был вынесен без соблюдения требований статьи 14 относительно справедливого судебного разбирательства и презумпции невиновности, следует сделать вывод, что право, защищаемое статьей 6 Пакта, было нарушено.

8. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 и, следовательно, статьи 6 Пакта.

9. Согласно подпункту a) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты. Комитет отмечает, что государство-участник смягчило смертный приговор автору и считает это достаточным средством правовой защиты в данном деле.

10. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах

его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, а также предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение сообщенных им соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

А. Особое [несовпадающее] мнение г-на Нисуке Андо

[Подлинный текст на английском языке]

Я не могу согласиться с соображениями Комитета в отношении данного дела по следующим причинам.

По моему мнению, цель уголовного процесса заключается в определении того, что произошло на самом деле в данном случае, то есть выявить "подлинные факты" дела, на которых должны базироваться осуждение и приговор. Разумеется, "подлинные факты" в представлении подсудимого могут отличаться от "подлинных фактов", представленных обвинением, и, поскольку подсудимые, как правило, находятся в менее выгодном положении по сравнению с обвинением, существуют различные процессуальные гарантии для обеспечения "справедливого судебного разбирательства". Требование равенства сил, нормы доказательственного права, контроль за судопроизводством, осуществляемый независимыми и беспристрастными судьями, обсуждение и решение, принимаемое нейтральными присяжными, а также система обжалования — все это составные элементы таких гарантий.

В данном деле автор первоначально признал свою вину в совершении простого убийства, что было принято обвинением. Однако директор службы публичных преследований, который обладает правом прекращать любое уголовное разбирательство на любой стадии до вынесения решения суда, посчитал, что признание вины в совершении простого убийства принимать не следовало, и решил прекратить судебный процесс по данному делу, с тем чтобы обвинить автора в тяжком убийстве на основании нового обвинительного акта (см. пункт 2.1). Следовательно, процедура nolle prosequi была предпринята обвинением с целью прекратить разбирательство и предъявить новое обвинение в совершении тяжкого убийства. В ходе дальнейшего разбирательства автор был признан виновным в совершении тяжкого убийства и приговорен к смерти. Его апелляция в Апелляционном суде Ямайки была отклонена, а Судебный комитет Тайного совета, который разрешил автору обратиться с апелляцией, заслушал его апелляционную жалобу и отклонил ее (см. пункт 2.2).

По мнению Комитета, обращение к процедуре nolle prosequi в данном деле и предъявление другого обвинения автору были несовместимы с требованиями справедливого судебного разбирательства по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта (см. пункт 7.2). Однако я считаю, что справедливость разбирательства в данном деле должна определяться не только на основе применения процедуры nolle prosequi со стороны обвинения. Такое определение требует тщательной оценки всех обстоятельств дела, в том числе отношения к использованию процедуры nolle prosequi со стороны соответствующих судей, то есть в первой инстанции, в Апелляционном суде и в Судебном комитете Тайного совета. Как я понимаю, судьи не обязаны были принимать выдвинутое обвинение после применения процедуры nolle prosequi. Мне также представляется, что независимость и беспристрастность судей надежно укоренились на Ямайке, как и в Соединенном Королевстве. Учитывая все эти обстоятельства и как таковую цель справедливого судебного разбирательства, как это изложено выше, я не могу заставить себя согласиться с соображениями Комитета в том, что использование процедуры nolle prosequi со стороны обвинения на начальной стадии сделало весь процесс над автором несправедливым в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта.

В. Особое [несовпадающее] мнение г-на Дэвида Крецмера

[Подлинный текст на английском языке]

Как и мой коллега Нисуке Андо, я не могу согласиться с мнением Комитета, что государство-участник нарушило право автора на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 14 Пакта.

В декабре 1993 года автора судили за тяжкое убийство судья и присяжные в соответствии с обычной процедурой в рамках судебной системы Ямайки. Суд присяжных признал его виновным, заслушав и оценив все показания против него. Комитет не указал на какое-либо отступление во время этого процесса от минимальных гарантий, предусмотренных в пункте 3 статьи 14 Пакта. Его мнение о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта основывается только на том факте, что процесс проводился вслед за применением процедуры *polle prosequi* по представлению директора службы публичных преследований после признания автором собственной вины в совершении простого убийства на первоначальном процессе на основании того же обвинения.

Хотя отсутствие согласованности действий обвинителя на первом процессе, который принял признание вины в совершении простого убийства, и директора службы публичных преследований, который прекратил судебное разбирательство, может вызвать только сожаление, я не могу согласиться, что такая несогласованность неизбежно означала, что автору было отказано в праве на "справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона" в ходе второго процесса. Если бы защита на втором процессе посчитала, что присяжные не могут быть независимыми и беспристрастными, поскольку находятся под влиянием публикаций о признании автором своей вины на первом процессе, она могла бы поднять этот вопрос в самом начале судебного разбирательства или попытаться дать отвод присяжным. Защита не сделала ни того, ни другого. Кроме того, в своем напутственном слове присяжным судья дал ясно понять, что они должны исходить при вынесении вердикта исключительно из представленных им доказательств. Против автора были представлены веские доказательства, и нет никаких оснований предполагать, что присяжные проигнорировали указания судьи. Поэтому я считаю, что для решения относительно нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта в данном деле нет достаточных оснований.

Г. Сообщение № 538/1993: Чарльз Э. Стюарт против Канады
(соображения, принятые 1 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

<u>Представлено:</u>	Чарльзом Э. Стюартом [представлен адвокатом]
<u>Жертва:</u>	автор
<u>Государство-участник:</u>	Канада
<u>Дата сообщения:</u>	18 февраля 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	18 марта 1994 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 1 ноября 1996 года,

завершив рассмотрение сообщения № 538/1993, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Чарльза Э. Стюарта в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола*

1. Автор сообщения является Чарльз Эдвард Стюарт, британский гражданин, 1960 года рождения. Он проживает в Онтарио, Канада, с семи лет и в настоящее время ему грозит депортация из Канады. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статей 7, 9, 12, 13, 17 и 23 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат.

Факты, представленные автором

2.1 Автор родился в Шотландии в декабре 1960 года. Его мать вместе с ним эмигрировала в Канаду; его отец и старший брат в то время уже жили в Канаде. Родители автора стали проживать раздельно, и автор живет вместе со своей матерью и младшим братом: у матери — слабое здоровье, а брат — психически неполноценен и страдает хронической эпилепсией. Старший брат автора был депортирован в Соединенное Королевство в 1992 году, поскольку ранее имел уголовную судимость. За исключением брата, все родственники автора живут в Канаде; сам автор — отец двух малолетних близнецов, живущих со своей матерью, с которой автор развелся в 1989 году.

2.2 Автор заявляет, что большую часть своей жизни считал себя канадским гражданином. Он утверждает, что только тогда, когда ему пришлось столкнуться с иммиграционными чиновниками из-за уголовной судимости, он понял, что по закону является лишь постоянно проживающим лицом, так как его родители ни разу во времена его юности не обращались с просьбой о предоставлении ему канадского гражданства. Автор заявляет, что за период с сентября 1978 года по май 1991 года он был осужден 42 раза, в основном за мелкие правонарушения и нарушение правил дорожного движения.

* Тексты пяти особых мнений, подписанных восьмью членами Комитета, прилагаются к настоящему документу.

Два раза его судили за хранение семян марихуаны и запрещенного оружия, применяемого в "искусстве боя"; он был также осужден за совершенное в сентябре 1984 года нападение на свою бывшую подругу с причинением ей телесных повреждений. Адвокат указывает, что большинство судимостей ее клиента связаны со злоупотреблением различными веществами, в частности алкоголем. С момента его освобождения под обязательный надзор в сентябре 1990 года автор проходил несколько курсов лечения от наркотической и алкогольной зависимости. Кроме того, врачи рекомендовали ему воздерживаться от употребления алкоголя, и, за исключением одного рецидива, он абсолютно не употребляет алкоголь.

2.3 Заявляется, что, хотя автор не может полностью обеспечивать свою семью, но по возможности делает это и помогает по дому своей больной матери и умственно отсталому брату.

2.4 В 1990 году против автора было возбуждено иммиграционное расследование в соответствии с пунктом 1 статьи 27 закона об иммиграции. Согласно положению этого пункта лицо, постоянно проживающее в Канаде, должно быть депортировано из Канады, если судья по расследованию иммиграционных дел получит доказательства того, что ответчик был осужден за некоторые конкретно установленные преступления, предусмотренные законом об иммиграции. 20 августа 1990 года был издан приказ о депортации автора из-за его уголовных судимостей. Он обжаловал приказ в Отделе апелляций по иммиграционным делам. Совет этого Отдела заслушал апелляцию 15 мая 1992 года и отклонил ее решением от 21 августа 1992 года, о чем автор был уведомлен 1 сентября 1992 года.

2.5 30 октября 1992 года автор обратился в Федеральный апелляционный суд с просьбой об отсрочке исполнения приказа, чтобы ходатайствовать о получении разрешения на апелляцию. Сначала суд удовлетворил просьбу, но потом отклонил ходатайство о получении разрешения на апелляцию. Других средств обжалования или ходатайства о получении разрешения Федерального апелляционного суда о представлении апелляции в Верховный суд Канады или любой другой суд страны не имеется. Таким образом, как утверждает, другое эффективное внутреннее средство правовой защиты не является доступным.

2.6 Если автор будет депортирован, он не сможет вернуться в Канаду без прямого согласия канадского министра по делам занятости и иммиграции в соответствии со статьями 19 (1) (i) и 55 закона об иммиграции. Новое заявление о разрешении на выезд в Канаду потребует не только согласия министра, но и выполнения автором всех других условий, установленных законом для иммигрантов. Кроме того, вследствие имеющихся у него судимостей автору будет закрыт въезд в Канаду согласно статье 19 (2) (a) указанного закона.

2.7 Поскольку приказ о депортации автора может быть приведен в исполнение в любой момент, адвокат просит Комитет сообщить государству-участнику о желательности применения временных мер защиты в соответствии с правилом 86 его правил процедуры.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что вышеизложенные факты свидетельствуют о нарушении статей 7, 9, 12, 13, 17 и 23 Пакта. Он утверждает, что в связи со статьей 23 государство-участник не предусмотрело четко сформулированного положения о законодательном признании и необходимости защиты семьи. При отсутствии такого законодательства, которое обеспечило бы надлежащий учет интересов семьи в ходе административного разбирательства, в частности в Совете по делам иммиграции и беженцев, прежде всего, по мнению автора, возникает вопрос, совместимо ли канадское законодательство с требованиями защиты семьи.

3.2 Автор также ссылается на Замечания общего порядка, принятые Комитетом в отношении статьи 17, согласно чему "вмешательство [в семейную или частную жизнь] может совершаться только на основании закона, который должен, в свою очередь, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта". По утверждению автора, в стране нет закона, который обеспечил бы возможность учитывать его законные семейные интересы или интересы членов его семьи при решении вопроса о его депортации из Канады; есть лишь сформулированное в неопределенных и общих выражениях

дискреционное правило, оставляющее на усмотрение Отдела апелляций по иммиграционным делам рассмотрение всех обстоятельств дела, а этого, как утверждается, недостаточно для обеспечения баланса между интересами его семьи и другими законными интересами государства. В своем решении Отдел апелляций по иммиграционным делам не учел состояние здоровья матери и брата автора, вместо этого он постановил, что "принимая во внимание, что апеллянт никого не имеет на своем иждивении, и отсутствие реальной привязанности к кому-либо и реальной поддержки от кого-либо, Отдел апелляций не видит достаточных оснований, оправдывающих присутствие апеллянта в стране".

3.3 По мнению автора, термин "дом" следует толковать широко, подразумевая все сообщество, членом которого является тот или иной индивидуум. В этом смысле его "дом", как он считает, — это Канада. Кроме того, автор утверждает, что его личная жизнь подразумевает возможность жить в рамках этого сообщества без произвольного или неправомерного вмешательства. Поскольку канадское законодательство не ограждает иностранцев от такого вмешательства, автор настаивает, что в его случае была нарушена статья 17.

3.4 Автор утверждает, что пункт 4 статьи 12 применим к его ситуации, поскольку во всех практических аспектах Канада является его собственной страной. Его депортация из Канады привела бы к абсолютному запрету вернуться в Канаду на основании закона. В этой связи отмечается, что из контекста пункта 4 статьи 12 не следует, что каждый имеет право на въезд в страну своего гражданства или рождения, в ней говорится лишь о въезде в "свою собственную страну". Адвокат утверждает, что Соединенное Королевство более не является "собственной страной" автора, поскольку он покинул ее в возрасте семи лет и вся его жизнь теперь связана с его семьей в Канаде; таким образом, хотя формально он и не является канадцем, он должен де-факто рассматриваться как канадский гражданин.

3.5 Автор настаивает, что его ссылки на статьи 17 и 23 следует рассматривать также в свете других положений, в частности статей 9 и 12. Хотя статья 9 касается лишения свободы, в ней не говорится о том, что единственным аспектом понятия "свобода" является физическая свобода. Статья 12 признает понятие свободы в более широком смысле: автор полагает, что его депортация из Канады была бы нарушением "его свободы передвижения в пределах Канады и его общины" и что она не является необходимой с точки зрения какого-либо из легитимных оснований, перечисленных в пункте 3 статьи 12.

3.6 Автор считает, что принудительное исполнение приказа о депортации было бы жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 7 Пакта. Он признает, что Комитет еще не принимал решения о том, является ли постоянное разлучение лица с его/ее семьей и/или близкими родственниками и фактическая высылка человека из единственной страны, которую он знает и в которой вырос, жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением; он полагает, что этот вопрос следует рассмотреть по существу.

3.7 В этой связи автор напоминает, что: а) он проживает в Канаде с семи лет; б) на момент вынесения приказа о депортации все ближайшие члены его семьи проживали в Канаде; в) несмотря на его неоднократные судимости, это ни в коем случае не означает, что он представляет угрозу государственной безопасности; г) он добровольно предпринял усилия для решения своих проблем, связанных со злоупотреблением различными веществами; е) депортация из Канады реально и навсегда оборвет все его связи в Канаде; и ф) сроки тюремного заключения, которые он отбыл по различным приговорам, уже являются достаточным наказанием, а доводы Отдела апелляций по иммиграционным делам, который акцентирует внимание на его уголовных судимостях, представляя собой дополнительное наказание.

Просьба Специального докладчика о предоставлении временных мер защиты и реакция государства-участника

4.1 26 апреля 1993 года Специальный докладчик по новым сообщениям передал сообщение автора государству-участнику с просьбой представить, в соответствии с правилом 91 правил процедуры, информацию и замечания о приемлемости рассматриваемого сообщения. Согласно правилу 86 правил

процедуры Докладчик обратился к государству-участнику с просьбой не депортировать автора в Соединенное Королевство на время рассмотрения Комитетом его сообщения.

4.2 В представлении от 9 июля 1993 года в ответ на просьбу об обеспечении временных мер защиты государство-участник заявило, что, хотя автору, несомненно, будут причинены личные неудобства в случае его депортации в Соединенное Королевство, в данном деле нет особых или непреодолимых обстоятельств, которые могли бы причинить кому-либо непоправимый ущерб. В этой связи государство-участник отмечает, что автора не высылают в страну, где его безопасность или жизнь были бы поставлены под угрозу; кроме того, он не лишается раз и навсегда возможности вернуться в Канаду. Далее государство-участник отмечает, что, хотя социальные связи автора с его семьей могут быть затронуты, из его жалобы вполне определенно следует, что его семья ни в финансовом, ни в ином отношении объективно от него не зависит: автор не оказывает финансовой поддержки своему брату, не поддерживает контактов со своим отцом в течение семи или восьми лет и после развода с женой в 1989 году, по всей видимости, не поддерживает каких-либо отношений с ней или с детьми.

4.3 Государство-участник считает, что применение правила 86 не должно быть общим правилом для государств-участников в плане приостановления мер или решений на национальном уровне, если только нет особых обстоятельств, когда такая мера или решение могут противоречить реальному осуществлению права автора на обращение с жалобой. Сам факт обращения с жалобой в Комитет не должен автоматически подразумевать, что государство-участник ограничивается в своих полномочиях на исполнение решения о депортации. Государство-участник полагает, что соображения государственной безопасности и общественного порядка должны считаться приоритетными и их следует принять во внимание, прежде чем ограничивать государство-участника в осуществлении законно принятого решения. Поэтому оно просит Комитет разъяснить критерии, лежащие в основе решения Специального докладчика относительно принятия временных мер защиты, и рассмотреть вопрос об отзыве требования о временных мерах защиты в соответствии с правилом 86.

4.4 В своих комментариях от 15 сентября 1993 года адвокат оспаривает аргументы государства-участника относительно применения правила 86. Она считает, что депортация действительно навсегда лишила бы автора возможности вернуться в Канаду. Кроме того, вопрос о том, что именно может явиться "непоправимым ущербом" для апеллянта, следует рассматривать не с точки зрения критериев, выработанных канадскими судами, которые, как заявляется, свели вопрос о непоправимом ущербе в отношении семьи почти полностью к финансовой зависимости, а с точки зрения критериев, которыми руководствуется сам Комитет.

4.5 По мнению адвоката, сообщение было представлено именно потому, что канадские суды, в том числе Отдел апелляций по иммиграционным делам, не признают существования интересов семьи, если они выходят за рамки финансовой зависимости ее членов. Она добавляет, что именно этот критерий, который был использован Отделом апелляций по иммиграционным делам и Федеральным судом, и является вопросом, подлежащим рассмотрению Комитетом по правам человека: если сейчас отозвать требование, выдвинутое согласно правилу 86, это отрицательно скажется на действенности любого постановления, которое Комитет может принять в пользу автора в будущем. И наконец, адвокат утверждает, что было бы неоправданным применение критерия "баланса удобств" при определении, нужно ли ссылаться на правило 86, поскольку этот критерий не подходит, когда речь идет о правах человека.

Замечания государства-участника о приемлемости сообщения и комментарии адвоката

5.1 В своем представлении от 14 декабря 1993 года, направленном согласно правилу 91, государство-участник заявляет, что автор не обосновал свои утверждения относительно нарушения статей 7, 9, 12 и 13 Пакта. Оно напоминает, что международные и национальные нормы о правах человека вполне определенно устанавливают: право оставаться в стране и не быть высланным из нее ограничивается гражданами этого государства. Согласно этим нормам любые такие права, которыми обладают лица, не являющиеся гражданами, доступны только при некоторых обстоятельствах и более ограничены, чем права, которыми обладают граждане. Статья 13 Пакта "ограничивает сферу

применения этого документа в отношении права иностранца оставаться на территории государства-участника... Статья 13 прямо регулирует только процедуру, а не материально-правовые основания для высылки. Ее цель явно заключается в предотвращении произвольной высылки. [Это положение] нацелено на обеспечение того, чтобы процедура высылки такого лица соответствовала нормам внутреннего законодательства государства и чтобы она не оказалась связанной с недобросовестностью или злоупотреблением властью". Приводится ссылка на соображения Комитета по сообщению № 58/1979 Маруфиду против Швеции.

5.2 Государство-участник утверждает, что применение закона об иммиграции в отношении данного дела соответствует требованиям статьи 13. В частности, в ходе расследования в иммиграционном суде автор был представлен адвокатом, и ему была предоставлена возможность предъявить доказательства для решения вопроса о том, следует ли дать ему разрешение остаться в Канаде; он также мог провести перекрестный допрос свидетелей. Судья издал приказ о депортации автора на основании доказательств, приведенных в ходе расследования. Государство-участник поясняет, что Совет по рассмотрению апелляций иммигрантов, в который обращался автор, является независимым и беспристрастным судом, уполномоченным рассматривать любые основания для обжалования, которые касаются вопросов прав или факта, или того и другого, вместе взятых. К его юрисдикции относится также рассмотрение в апелляционном порядке просьбы о невысылке на гуманных основаниях того или иного лица из Канады. Как заявляется, Совет тщательно рассмотрел и взвесил все представленные ему доказательства и обстоятельства дела автора.

5.3 Хотя государство-участник признает, что право оставаться в стране может в исключительных случаях подпадать под сферу применения Пакта, оно заявляет, что в данном деле таких обстоятельств нет: решение о депортации г-на Стюарта, как указывается, "основывается на фактах дела и обязанности Канады приводить в исполнение законы о государственных интересах и защищать общество. Канадские суды решили, что самой важной задачей государства является охрана безопасности его граждан. Это соответствует позиции, выраженной Верховным судом Канады, которая заключается в том, что исполнительная ветвь власти имеет первостепенные права в вопросах, касающихся безопасности граждан... и что основополагающий принцип иммиграционного права заключается в том, что лица, которые не являются гражданами, не имеют безусловного права въезжать в страну или оставаться на ее территории".

5.4 Государство-участник утверждает, что решение о депортации г-на Стюарта и подтверждение приказа о депортации отвечают требованиям закона об иммиграции и соответствуют международным нормам; не существует никаких особых обстоятельств, которые могли бы служить основанием для "применения Пакта в оправдание дальнейшего пребывания подателя жалобы в Канаде". Кроме того, нет никаких доказательств злоупотребления властью со стороны компетентных органов Канады, а при отсутствии таких злоупотреблений "Комитету не надлежит оценивать толкование и применение канадского законодательства такими органами".

5.5 В связи с заявлением о нарушении статей 17 и 23 Пакта государство-участник отмечает, что его законы об иммиграции, подзаконные акты и практика совместимы с требованиями этих положений. В частности, статья 114 (2) закона об иммиграции позволяет делать исключения из положений подзаконных актов, принятых на основании закона, или разрешать въезд в Канаду некоторым лицам из сочувствия к ним или по соображениям гуманности. Основанием для этого может быть, в частности, наличие семьи в Канаде или нанесение ей потенциального ущерба как следствие высылки одного из членов семьи из Канады.

5.6 Общий принцип канадских иммиграционных программ и практики заключается в том, что иждивенцы иммигрантов, въезжающих в Канаду, имеют право на постоянное жительство одновременно с основным заявителем. Кроме того, если члены семьи остаются за пределами Канады, закон об иммиграции и подзаконные акты предоставляют возможности для их воссоединения посредством оказания помощи членам семьи и поддерживаемым родственникам, и "фактически воссоединение происходит в результате такой помощи почти во всех случаях".

5.7 С учетом вышеизложенного государство-участник утверждает, что любые возможные последствия депортации автора для его семьи в Канаде станут результатом применения законодательства, совместимого с положениями, целями и задачами Пакта: "В данном случае соображения гуманности и сочувствия, включая интересы семьи, были приняты во внимание в ходе расследования в иммиграционных органах и соотнесены с обязанностью Канады защищать общество и надлежащим образом осуществлять законы о государственных интересах".

5.8 В заключение государство-участник утверждает, что г-н Стюарт не смог обосновать довода о нарушении прав, защищаемых Пактом, и фактически требует права остаться в Канаде. По мнению государства-участника, ссылаясь на Пакт, он в действительности пытается заявить претензию на право не быть депортированным из Канады: эта претензия в материально-правовом аспекте несовместима с положениями Пакта и неприемлема с точки зрения соответствия статье 3 Факультативного протокола.

6.1 В своих комментариях адвокат отмечает, что государство-участник создает неверное представление, будто дело автора дважды разбиралось иммиграционными органами, которые учли все особые обстоятельства этого дела. Она замечает, что иммиграционный судья, проводивший расследование, "не имеет компетенции суда права справедливости". Если судья убедится, что данное лицо является тем, о ком говорится в первоначальном отчете, что это лицо является постоянно проживающим в Канаде и что оно было осуждено за уголовное преступление, приказ о высылке последует обязательно. Адвокат утверждает, что судья "может не принять во внимание любые другие факторы и не имеет опирающегося на закон дискреционного права облегчить сложную ситуацию, связанную с изданием приказа о высылке".

6.2 Что касается предусмотренного в статье 114 (2) закона об иммиграции дискреционного права на исключения, в отношении некоторых лиц, из правил подзаконных актов и допуск в страну по гуманным соображениям, то адвокат отмечает, что это право не используется для облегчения положения какого-либо лица и его/ее семьи, вызванного высылкой постоянного жителя Канады: Отдел апелляций по иммиграционным делам осуществляет квазисудебное дискреционное полномочие на основе закона после полного расследования, и считается, что министру или должностным лицам министерства нецелесообразно фактически "опрокидывать" отрицательное решение... этого органа.

6.3 Адвокат утверждает, что право учесть соображения гуманности и сочувствия, делегированное министру иммиграционными правилами, в любом случае вряд ли может рассматриваться как эффективный механизм, обеспечивающий возможность сбалансировать интересы семьи и прочие интересы. Последние годы Канада, как заявляется, следует практике разлучения семей или пытается разлучить семьи, даже когда речь идет об интересах малолетних детей; таким образом, "наивысшие интересы детей не учитываются в процессе такого административного разбирательства".

6.4 Адвокат утверждает, что из заявления Канады создается впечатление, будто почти всегда обеспечивается помощь членам семей и поддерживаемым родственникам. По мнению адвоката, возможно, это и соответствует действительности, если речь идет о помощи членам семьи, но дело определенно обстоит иначе в отношении помощи поддерживаемым родственникам, поскольку поддерживаемые родственники-заявители должны соответствовать всем критериям отбора, предъявляемым к заявителям-иждивенцам. Кроме того, адвокат опровергает как "явно неверное" утверждение государства-участника, будто суд при рассмотрении ходатайства о судебном пересмотре приказа о депортации может уравновесить государственные интересы с проблемами, вызванными высылкой. Как неоднократно повторялось, суд не может соотносить эти интересы, он ограничен рамками сугубо судебного пересмотра и не может заменить решение чиновников собственным решением, даже если он приходит к другим выводам в отношении фактов: его функциональные обязанности ограничиваются отменой решения в случае юрисдикционной ошибки, нарушения принципов правосудия, основанного на естественном праве или праве справедливости, ошибки в праве или в установлении фактов из-за их искажения или произвольного толкования [статья 18 (1) Закона о Федеральном суде].

6.5 По поводу совместимости жалоб автора с Пактом адвокат отмечает, что г-н Стюарт не претендует на абсолютное право остаться в Канаде. Она соглашается с тем, что сам по себе Пакт не признает права лиц, не являющихся гражданами, въехать на территорию государства или оставаться

там. Тем не менее представляется, что положения Пакта должны восприниматься не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом; соответственно, статья 13 должна толковаться в свете других положений.

6.6 Адвокат признает, что, согласно определению Комитета, статьей 13 предусматривается процессуальная, а не материально-правовая защита; однако процессуальная защита не может толковаться в отрыве от защиты, предоставляемой в соответствии с другими положениями Пакта. Таким образом, законодательство, регулирующее высылку, не может быть дискриминационным ни по одному из признаков, перечисленных в статье 26; оно также не может допустить произвольного или незаконного вмешательства в семейную или личную жизнь и посягательства на неприкосновенность жилища (статья 17).

6.7 Относительно жалобы в соответствии со статьей 17 адвокат отмечает, что государство-участник изложило лишь положения закона об иммиграции, которые предусматривают воссоединение семьи, то есть те положения, которые, по ее мнению, не могут быть применимы в случае автора. Она добавляет, что статья 17 налагает позитивные обязательства на государство-участника и что в Канаде нет закона, который признавал бы интересы семьи, личной жизни или неприкосновенности жилища в контексте дела автора. Далее, хотя она признает, что существует предусмотренная законом процедура, которая дает Отделу апелляций по иммиграционным делам общее дискреционное право учитывать личные обстоятельства постоянно проживающего лица, в отношении которого вынесен приказ о депортации, это дискреционное право не принимается во внимание при рассмотрении главных интересов, таких как единство семьи. Адвокат ссылается на дело Sutherland как на еще один пример непризнания того, что единство семьи является важным и подлежащим защите интересом. С точки зрения адвоката, "интересы не могут быть сбалансированы, если... семейные... интересы не признаются как фундаментальные с точки зрения баланса. Главным интересом с точки зрения канадского законодательства и судебной практики является защита общества...".

6.8 Относительно утверждения государства-участника о том, что "право оставаться" в стране может подпадать под сферу применения Пакта только при исключительных обстоятельствах, адвокат считает, что при разбирательстве, в ходе которого было принято и санкционировано решение о депортации автора, не ставился вопрос о признании или подтверждении прав автора, предусмотренных в статьях 7, 9, 12, 13, 17 и 23. Хотя Канада действительно обязана охранять общество, этот законный интерес должен быть соотнесен с другими защищаемыми личными правами.

6.9 Адвокат соглашается, что г-н Стюарт получил возможность представить все обстоятельства дела в Отделе апелляций по иммиграционным делам. Однако она считает, что внутреннее законодательство и судебная практика не признают, что в случае депортации будут нарушены основные права ее клиента. Это происходит потому, что такие права не учитываются и не должны учитываться, если принять во внимание направленность разработки иммиграционного законодательства. Такие понятия, как "дом", "частная жизнь", "семья" или "проживание в собственной стране", охраняемые Пактом, чужды канадскому законодательству в его иммиграционном аспекте. При принятии решения о высылке постоянного жителя не проводится никакого различия между теми, кто давно проживает в стране, и теми, кто прибыл недавно, а во главу угла ставятся интересы государственной безопасности.

Решение Комитета о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению каких-либо жалоб, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своего регламента, решить вопрос о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Комитет отметил, что не был опровергнут тот факт, что у автора не осталось никаких внутренних средств правовой защиты, которые могли быть им исчерпаны, и что требования, изложенные в подпункте б) пунта 2 статьи 5 Факультативного протокола, были соблюдены.

7.3 Что касается жалоб автора, представленных в соответствии со статьями 7 и 9 Пакта, то Комитет рассмотрел вопрос о том, были ли соблюдены условия статей 2 и 3 Факультативного протокола. В отношении статей 7 и 8 Комитет, исходя из представленных ему материалов, не считает, что автор обосновал с точки зрения приемлемости свою жалобу на то, что депортация в Соединенное Королевство и разлучение с семьей были бы жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 7 или что они нарушили бы его право на свободу и безопасность личности по смыслу пункта 1 статьи 9. Поэтому Комитет решил, что в этом отношении автор не имеет оснований для жалобы по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

7.4 Относительно статьи 13 Комитет отметил, что приказ о депортации автора был издан во исполнение решения, принятого на основании закона, и что государство-участник аргументировало его соображениями защиты общества и национальной безопасности. Нет явных указаний на то, что такое решение было принято произвольно. В этом отношении Комитет считает, что автор не смог обосновать свою жалобу с точки зрения ее приемлемости и что эта часть сообщения является неприемлемой по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

7.5 Относительно жалобы, поданной в соответствии со статьей 12, Комитет отметил утверждение государства-участника об отсутствии обоснования в поддержку такой жалобы, а также заявление адвоката о том, что пункт 4 статьи 12 применим к делу г-на Стюарта. Комитет отметил, что решение вопроса о применимости пункта 4 статьи 12 к ситуации автора требует тщательного анализа вопроса о том, может ли Канада рассматриваться как "собственная страна автора" в значении статьи 12, и, в этом случае, будет ли препятствовать депортация автора в Соединенное Королевство его возврату в "свою собственную страну", а при положительном ответе — будет ли это сделано в дискреционном порядке. Комитет считает, что нет априорных доказательств того, что ситуация, в которой оказался автор, не может быть отнесена к положению, подпадающему под сферу применения пункта 4 статьи 12, и поэтому пришел к выводу, что данный вопрос надлежит рассмотреть по существу.

7.6 Относительно жалоб, касающихся статей 17 и 23 Пакта, Комитет замечает, что вопрос о том, запрещается ли государству на основании статей 17 и 23 осуществлять право на депортацию иностранца, в иных случаях соответствующее статье 13 Пакта, следует рассмотреть по существу.

7.7 Комитет отметил просьбу государства-участника разъяснить критерии, обусловившие требование Специального докладчика о применении временных мер защиты согласно правилу 86 правил процедуры Комитета, а также просьбу государства-участника отозвать требование, предъявленное согласно правилу 86. Комитет замечает, что нельзя в общем плане определить, что именно может нанести "непоправимый ущерб" жертве по смыслу правила 86. Действительно важным критерием является необратимость последствий в том смысле, что у автора не будет возможности обеспечить свои права, если позднее будет вынесено заключение о нарушении Пакта по вопросам существа. В любом случае Комитет может принять решение не обращаться с требованием согласно правилу 86, если посчитает, что компенсация послужит адекватным средством правовой защиты. Применяя эти критерии к ситуациям, связанным с депортацией, Комитету необходимо знать, что автор сможет вернуться, если решение по существу вопроса будет принято в его пользу.

8. 18 марта 1994 года Комитет объявил сообщение приемлемым в той части, в какой оно поднимает вопросы, предусмотренные в пункте 4 статьи 12, статьях 17 и 23 Пакта.

Замечания государства-участника и комментарии автора

9.1 В своем представлении от 24 февраля 1995 года государство-участник утверждает, что г-н Стюарт никогда не приобретал безусловного права оставаться в Канаде как в "своей стране". Кроме того, его депортация не станет непреодолимым препятствием для его возвращения в Канаду. Рассмотрение вопроса с гуманных позиций в контексте будущего заявления о возвращении в Канаду в качестве иммигранта представляет собой практически осуществимую административную процедуру, которая не влечет пересмотра судебного решения, принятого Советом по рассмотрению апелляций иммигрантов.

9.2 Статьи 17 и 23 Пакта не могут толковаться как несовместимые с правом государства-участника депортировать иностранца при условии соблюдения положений статьи 13 Пакта. В соответствии с канадским законодательством каждый имеет право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в семейную и личную жизнь и посягательства на неприкосновенность жилища, как того требует статья 17. Государство-участник заявляет, что, когда решение выслать иностранца принимается после тщательного и справедливого разбирательства в соответствии с законом и практикой, которые сами по себе не являются несовместимыми с Пактом и в которых важные и насущные интересы государства, безусловно, сбалансированы с правами личности, предусмотренными в Пакте, такое решение не может быть признано произвольным. В этой связи государство-участник считает, что изложенные в законе условия, касающиеся продолжительного проживания в Канаде лиц, не являющихся ее гражданами, обоснованы и объективны, а применение закона канадскими органами совместимо с положениями Пакта, воспринимаемыми как единое целое.

9.3 Государство-участник заявляет, что решение о предстоящей депортации г-на Стюарта — результат не упрощенного производства, предпринятого канадскими властями, а тщательного рассмотрения всех имеющихся отношении к делу факторов, проведенного в соответствии с четко разработанной и справедливой процедурой, отвечающей требованиям статьи 13 Пакта, в ходе которой автор был представлен адвокатом и мог изложить веские аргументы в поддержку своей жалобы о том, что депортация якобы представляет собой необоснованное вмешательство в его личную и семейную жизнь. Компетентные канадские органы правосудия приняли во внимание интересы г-на Стюарта и соотнесли их с интересами государства по защите общества. В этой связи государство-участник ссылается на Конвенцию о статусе беженцев, которая прямо признает право на защиту общества от преступников и тех, кто ставит под угрозу безопасность; утверждается, что эти соображения в равной мере уместны при толковании Пакта. Кроме того, Канада ссылается на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 15 "О положении иностранцев в соответствии с Пактом", который предусматривает, что "именно компетентные органы государства-участника, действующие в духе доброй воли и осуществляющие свои полномочия, должны применять и толковать внутреннее законодательство, соблюдая при этом такие требования Пакта, как равенство перед законом". Оно также ссылается на соображения Комитета по сообщению № 58/1979, Маруфиду против Швеции, в которых Комитет определил, что депортация г-жи Маруфиду не повлекла за собой нарушения Пакта, поскольку она была выслана в соответствии с процедурой, установленной внутренним законодательством государства, и не было обнаружено признаков недобросовестности или злоупотребления властью. Комитет считает, что при таких обстоятельствах в его компетенцию не входят переоценка доказательств и рассмотрение вопроса о корректности толкования и применения своих законов компетентными органами государства, если только не было очевидно, что они действовали недобросовестно или злоупотребили своей властью. В данном сообщении не говорится о недобросовестности или злоупотреблении властью. Поэтому государство-участник утверждает, что Комитет не должен изменять свои собственные решения, не имея объективной причины полагать, что установление фактов и добросовестность решений канадских властей непротиворечивы в силу пристрастности, беспринципности или иных факторов; ведь только это могло бы оправдать вмешательство Комитета в вопросы, находящиеся в рамках компетенции национальных судебных органов.

9.4 В отношении обязательства Канады защищать, в соответствии со статьей 23 Пакта, семью делается ссылка на соответствующее законодательство и практику, в том числе на Конституцию и Хартию прав человека Канады. Канадское законодательство обеспечивает защиту семьи, совместимую с требованиями статьи 23. Однако защита, предусмотренная в пункте 1 статьи 23, не абсолютна. При рассмотрении вопроса о депортации автора компетентные суды Канады должным образом приняли во внимание последствия депортации для его семьи, соотнося их с законными интересами государства с точки зрения защиты общества и регулирования процесса иммиграции. В этой связи государство-участник утверждает, что конкретные факты данного дела, в том числе возраст автора и отсутствие у него иждивенцев, предполагают, что характер и качество его семейных взаимоотношений могли бы в достаточной мере поддерживаться посредством переписки, телефонных звонков и визитов в Канаду, которые он свободно сможет осуществлять согласно канадским иммиграционным законам.

9.5 Государство-участник в заключение указывает, что депортация не влечет нарушения Канадой какого-либо из прав г-на Стюарта, предусмотренных Пактом.

10.1 В представлении от 16 июня 1995 года адвокат г-на Стюарта утверждает, что в силу продолжительного проживания в Канаде г-н Стюарт имеет право считать Канаду "своей собственной страной" в целях пункта 4 статьи 12 Пакта. Она заявляет, что это положение не подлежит ограничениям и что отказ во въезде какому-либо лицу в ситуации г-на Стюарта равнозначен высылке. Адвокат рассматривает и подвергает критике соответствующие положения прецедентного права Канады, в том числе судебное решение, вынесенное в 1992 году по делу Chiarelli v. M.E.I., в котором утрата права на постоянное жительство была приравнена к нарушению контракта; если условия контракта нарушены, может быть осуществлена высылка. Адвокат утверждает, что постоянное проживание в стране и семейные узы не могут рассматриваться с позиций коммерческого права.

10.2 Относительно возможности г-на Стюарта возвратиться в Канаду после депортации адвокат автора отмечает, что из-за своих уголовных судимостей он столкнется с серьезными препятствиями в получении доступа в Канаду в качестве постоянного жителя; он должен соответствовать отборочным стандартам, чтобы с учетом его профессиональной подготовки, образования и опыта ему разрешили прибыть в страну в качестве независимого иммигранта. Что касается иммиграционных правил, то потребовалось бы снятие всех его прежних судимостей, иначе ему будет закрыт доступ в качестве постоянного жителя.

10.3 В отношении лиц, стремящихся получить статус постоянного жителя Канады, адвокат ссылается на решения канадских иммиграционных властей, которые, по ее утверждению, не учитывали должным образом смягчающие обстоятельства. Кроме того, адвокат утверждает, что решение, оставленное на усмотрение судьи, не подлежит пересмотру в порядке обжалования.

10.4 В связи с нарушением статей 17 и 23 Пакта адвокат автора отмечает, что такие понятия, как "семья", "частная жизнь" и "дом", не нашли отражения в положениях закона об иммиграции. Поэтому, хотя иммиграционные власти могут принять во внимание семейные и иные обстоятельства, закон не обязывает их делать это. Кроме того, соображения, относящиеся к наличию иждивенцев, ограничиваются рассмотрением такого аспекта, как финансовая зависимость, о чем свидетельствуют решения по делам Langner v. M.E.I., Toth v. M.E.I. и Robinson v M.E.I.

10.5 Утверждается, что канадские власти, принимая решение, не смогли в достаточной мере разобраться в семейной ситуации г-на Стюарта и учесть ее. В частности, адвокат возражает против оценки канадскими судами семейных связей г-на Стюарта как поверхностных и ссылается на неофициальные записи разбирательства дела о депортации, на котором г-н Стюарт подчеркивал аспект моральной поддержки в его отношениях со своей матерью и братом. Мать г-на Стюарта подтвердила, что он помогал ей ухаживать за ее младшим сыном. Далее адвокат высказывает критические замечания по поводу мотивировки решения Отдела апелляции по иммиграционным делам в решении вопроса по делу Стюарта, где якобы слишком явно акцентировался финансовый аспект поддержки: "Апеллянт находится в хороших отношениях со своей матерью, которая написала письмо в его поддержку. Но мать апелланта всегда жила независимо, и он никогда не оказывал ей материальной помощи. Младший брат апелланта проходит курс лечения для инвалидов, и поэтому о нем заботятся социальные службы. Фактически никто не находится на иждивении апелланта или пользуется его поддержкой..." Адвокат утверждает, что Отдел, делая упор на финансовом аспекте взаимоотношений, не учитывает эмоционального значения семейных уз; в подтверждение своего довода адвокат приводит заключение психолога д-ра Ирвина Сильвермана, который обращает внимание на сложность человеческих взаимоотношений. Кроме того, адвокат приводит цитаты из книги Джонатана Блум-Фесбаха Психология разлучения и потери, в которой рассматриваются длительные последствия разрыва семейных связей.

10.6 Адвокат отклоняет аргумент государства-участника, будто было найдено правильное соотношение между государственными интересами и индивидуальными правами человека.

Вопросы и процедуры, рассмотренные Комитетом

11.1 Данное сообщение было объявлено приемлемым в той части, в какой оно поднимает вопросы, предусмотренные в пункте 4 статьи 12 и статьях 17 и 23 Пакта.

11.2 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.1 В связи с данным делом предстоит решить вопрос о том, является ли высылка г-на Стюарта нарушением обязательств Канады по пункту 4 статьи 12 и статьям 17 и 23 Пакта.

12.2 Пункт 4 статьи 12 Пакта предусматривает: "Никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну". В этой статье не содержится прямой ссылки на высылку или депортацию того или иного лица. Разумеется, можно утверждать, что смысл этого положения состоит в утверждении обязанности государства-участника воздерживаться от депортации кого-либо и что государство-участник, на котором лежит обязательство разрешать въезд лицу, не имеет также права депортировать это лицо. Комитет, опираясь на сделанный им вывод относительно пункта 4 статьи 12, который будет разъяснен ниже, считает, что в задачи Комитета в связи с данным делом не входит решение, касающееся приведенного аргумента. Он просто исходит из того, что, если бы пункт 4 статьи 12 применялся в отношении автора, государство-участник не имело бы права его депортировать.

12.3 Теперь следует поставить вопрос о том, можно ли рассматривать Канаду как "страну г-на Стюарта". При толковании пункта 4 статьи 12 важно отметить, что смысл выражения "своя собственная страна" шире, чем понятие "страна своего гражданства", которое охватывается этим выражением и которое используется в положениях некоторых региональных международных договоров о правах человека о гарантиях права на въезд в страну. Кроме того, пытаясь понять значение пункта 4 статьи 12, необходимо учитывать также формулировку статьи 13 Пакта. В этом положении говорится об "иностранце, законно находящемся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств", при ограничении прав государств на высылку лица, подпадающего под категорию "иностранец". Таким образом, представляется, что выражение "своя собственная страна" как концепция применяется в отношении лиц, являющихся гражданами, и в отношении некоторых категорий лиц, которые, не будучи гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются и "иностранцами" в значении статьи 13, хотя они могут считаться иностранцами в других целях.

12.4 Еще менее ясным представляется вопрос о том, кто, помимо граждан, защищается положениями пункта 4 статьи 12. Поскольку понятие "своя собственная страна" не ограничивается гражданством в формальном смысле слова, то есть гражданством, приобретенным на основании рождения или официально предоставленным, оно охватывает, по меньшей мере, лиц, которые в силу своих особых связей или правоприязний в отношении данной страны не могут считаться просто иностранцами. Это относится, в частности, к гражданам той или иной страны, которые были лишены гражданства в нарушение международного права, и к тем лицам, чья страна гражданства стала составной частью другого национального образования, в гражданстве которого им отказано. Короче говоря, хотя эти лица могут и не быть гражданами в формальном смысле слова, они в то же время не являются и иностранцами в значении статьи 13. Более того, формулировка пункта 4 статьи 12 допускает более широкое толкование, которое может охватывать другие категории лиц, продолжительное время проживающих в стране, в частности лиц без гражданства, произвольно лишенных права приобретать гражданство страны проживания.

12.5 В связи с данным делом встает вопрос о том, может ли лицо, которое въехало в данное государство в соответствии с иммиграционным законодательством этого государства и на условиях, предусмотренных этим законодательством, считать это государство своей собственной страной, если оно не приобрело гражданства этой страны и по-прежнему сохраняет гражданство страны своего происхождения. Ответ мог быть положительным, если бы страна иммиграции ставила необоснованные препятствия при получении гражданства новыми иммигрантами. Но когда, как в данном случае, страна иммиграции создает благоприятные возможности для приобретения гражданства, а иммигрант воздерживается от этого — по собственному выбору или совершая

действия, которые лишат его права приобрести это гражданство, — страна иммиграции не становится для него "своей собственной страной" по смыслу пункта 4 статьи 12 Пакта. В этой связи следует отметить, что, хотя при разработке пункта 4 статьи 12 от использования термина "страна гражданства" отказались, было отклонено также предложение сделать ссылку на страну постоянного проживания.

12.6 Г-н Стюарт является британским гражданином и по рождению, и по гражданству своих родителей. Хотя он прожил в Канаде основную часть своей жизни, он ни разу не обращался за получением канадского гражданства. Верно и то, что его уголовные судимости могли мешать ему приобрести канадское гражданство к моменту, когда он достиг возраста, достаточно зрелого для того, чтобы сделать это самому. Однако он фактически ни разу не делал попытки приобрести такое гражданство. Кроме того, если бы он обратился с просьбой предоставить ему гражданство и получил отказ из-за уголовных судимостей, это ограничение его прав было бы результатом его собственных поступков. Нельзя сказать, что на основании канадского иммиграционного законодательства произвольно или необоснованно отказывается в канадском гражданстве лицам, имеющим уголовные судимости.

12.7 Это дело не вызывало бы очевидных проблем с правами человека в связи с депортацией г-на Стюарта, если бы не тот факт, что он не был депортирован ранее. Если Комитет будет исходить из этого довода, чтобы сейчас воспрепятствовать высылке г-на Стюарта из Канады, он создаст прецедент, который может отрицательно сказаться на иммигрантах по всему миру, которые при первом же столкновении с законом дадут повод для своей депортации, дабы их продолжительное проживание в стране не превратило их в лиц, имеющих право на защиту согласно пункту 4 статьи 12.

12.8 Такие страны, как Канада, где иммигрантам разрешается стать гражданами после разумно обоснованного периода проживания, имеют право рассчитывать на то, что эти иммигранты должным образом получают все права и будут нести все обязательства, связанные с получением гражданства. Можно считать, что лица, которые не воспользовались такой возможностью и уклоняются от обязательств, налагаемых статусом гражданина, предпочли оставаться в Канаде иностранцами. Они имеют полное право так поступать, но при этом должны осознавать и последствия. Тот факт, что уголовные судимости г-на Стюарта лишили его возможности стать гражданином Канады, не может дать ему больших прав по сравнению с любым другим иностранцем, который по каким-либо причинам предпочел не становиться канадским гражданином. Следует проводить различие между лицами, оказавшимися в таких ситуациях, и теми категориями лиц, о которых говорилось в пункте 12.4, выше.

12.9 Комитет пришел к заключению, что, поскольку Канада не может считаться "страной" г-на Стюарта в целях пункта 4 статьи 12 Пакта, государство-участник не нарушило эту статью.

12.10 Депортация г-на Стюарта, несомненно, будет вмешательством в его семейные отношения в Канаде. Однако вопрос заключается в том, можно ли такое вмешательство рассматривать как незаконное или произвольное. Иммиграционным законом Канады прямо предусматривается, что статус постоянного жителя в отношении лица, не являющегося гражданином, может быть аннулирован и это лицо может быть после этого выслано из Канады, если он или она осуждены за серьезные преступления. В процессе обжалования Отдел апелляций по иммиграционным делам имеет право отменить приказ о депортации, "приняв во внимание все обстоятельства дела". В данном случае в процедуре, связанной с депортацией, г-ну Стюарту была предоставлена достаточная возможность представить Отделу апелляций по иммиграционным делам доказательства его семейных связей. В своем обоснованном решении Отдел апелляций по иммиграционным делам учел все представленные доказательства, но пришел к выводу, что семейные связи г-на Стюарта в Канаде не являются достаточным основанием для отмены приказа о депортации. Комитет считает, что вмешательство в семейные отношения г-на Стюарта, которое станет неизбежным последствием его депортации, не может рассматриваться как незаконное или произвольное, поскольку приказ о депортации был вынесен в соответствии с законом в обеспечение законных государственных интересов и семейные связи депортируемого лица были надлежащим образом приняты во внимание во время разбирательства вопроса о депортации. Поэтому в данном случае не было нарушения статей 17 и 23 Пакта.

13. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные Комитету факты не свидетельствуют о нарушении какого-либо из положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

ДОБАВЛЕНИЕ

А. Особое мнение г-на Экарта Клайна (совпадающее с мнением большинства)

[Подлинный текст на английском языке]

В полной мере соглашаясь с выводами Комитета о том, что факты дела не свидетельствуют о нарушении пункта 4 статьи 12 и статей 17 и 23 Пакта по причинам, приведенным в соображениях, я не могу согласиться с определением взаимосвязи между пунктом 4 статьи 12 и статьей 13. Хотя этот вопрос не является решающим для исхода данного дела, он может иметь значение при рассмотрении других сообщений, и поэтому я считаю себя обязанным пояснить свою позицию.

В своих соображениях Комитет исходит из того, что есть категория лиц, которые не являются "гражданами в формальном смысле слова", но вместе с тем не являются "иностранцами в значении статьи 13" (пункт 12.4). Хотя я признаю, что сфера действия пункта 4 статьи 12 не ограничивается гражданами, а может распространяться и на других лиц, как указано в соображениях, тем не менее я полагаю, что эта категория лиц — неграждан, но подпадающих под действие пункта 4 статьи 12, — может считаться "иностранцами в смысле статьи 13". Я не думаю, что положения статьи 13 распространяются лишь на некоторых иностранцев. Эта статья имеет четкие формулировки, и в ней не делается никаких исключений; иностранцы — это все лица, не являющиеся гражданами. Связь между пунктом 4 статьи 12 и статьей 13 не взаимоисключающая. Оба положения могут применяться одновременно.

Поэтому я считаю, что статья 13 применяется во всех случаях, когда иностранец должен быть выслан из страны. В статье 13 говорится о процедуре высылки иностранцев, а пункт 4 статьи 12 и, в некоторых обстоятельствах, другие положения Пакта могут препятствовать депортации по веским причинам. Таким образом, пункт 4 статьи 12 может применяться даже в том случае, если речь идет о лице, которое является "иностранцем".

В. Особое мнение г-на Лауреля Б. Фрэнсиса (совпадающее с мнением большинства)

[Подлинный текст на английском языке]

Я излагаю свое мнение, основываясь на запротоколированных мною соображениях, высказанных в ходе предварительного рассмотрения Комитетом данного дела в начале сессии, когда я заявил, в частности, что: а) г-н Стюарт был жителем "собственной страны" в соответствии со статьей 12 Пакта и б) его высылка, согласно статье 13, не была нарушением пункта 4 статьи 12.

Я буду по возможности избегать непоследовательности в изложении своего мнения по поводу принятого 1 ноября решения Комитета по вопросу о том, была ли высылка г-на Стюарта из Канады (согласно статье 13 Пакта) нарушением обязательства государства-участника по пункту 4 статьи 12 и статьям 17 и 23 Пакта.

Я хотел бы заявить следующее:

1. Во-первых, я согласен с доводами, приведенными Комитетом в пункте 12.10, и его решением о том, что положения статьей 17 и 23 Пакта не были нарушены.
2. Во-вторых, я, тем не менее, не согласен с тем, что применение Комитетом понятия "собственная страна" в четвертом предложении пункта 12.3 решения Комитета имело ограничительный характер (в этом положении говорится об иностранце, законно находящемся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, при ограничении прав государств на высылку лица, подпадающего под категорию "иностранец"). Препятствует ли оно "высылке" незаконных иностранцев? Конечно же, нет, так как они подпадают под другой правовой режим. Я подчеркиваю этот момент, для того чтобы показать,

что правовое значение фразы "иностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств", содержащейся в первой строке статьи 13 Пакта, связано с фразой, содержащейся в первой строке статьи 12: "Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства", то есть включающей и иностранцев; но, возможно, при этом подразумевается, что какой-либо соотечественник г-на Стюарта, законно находящийся в Канаде по гостевой визе (и не являющийся лицом, постоянно проживающим в Канаде), обычно не приобретает статуса жителя "собственной страны", как г-н Стюарт, и ему безразлична сфера применения пункта 4 статьи 12. Но г-на Стюарта это определенно касается, что он и продемонстрировал.

3. В-третьих, если было намерение ограничить применение статьи 13, то есть исключить из сферы ее применения законно находящихся на территории государства-участника иностранцев, которые приобрели статус жителя "собственной страны", то такое исключение было бы особо оговорено в самой статье 13 и не оставлено для толкования сферы применения пункта 4 статьи 12, бесспорно относящегося и к гражданам, и к другим лицам, о которых говорится в решении Комитета.

4. В связи со статусом жителя "собственной страны" государство-участник утверждает в своем представлении от 24 февраля 1995 года, что г-н Стюарт никогда не приобрел безусловного 9/ права оставаться в Канаде, как в "своей стране". Кроме того, его депортация не станет непреодолимым препятствием для его возвращения в Канаду. Рассмотрение вопроса с гуманных позиций в контексте будущего заявления о возвращении в Канаду в качестве иммигранта представляет собой практически осуществимую административную процедуру, которая не влечет пересмотра судебного решения, принятого Советом по иммиграционным апелляциям (см. пункт 9.1) 10/.

Согласно вышеизложенному подразумевается, что государство-участник признает статус г-на Стюарта в качестве постоянно проживающего в Канаде, как в своей "собственной стране". Именно это условное право, связанное с таким статусом, позволило принять решение о высылке г-на Стюарта.

Если бы не приведенное выше заявление государства-участника, мы могли бы заключить, что решение о высылке г-на Стюарта прекратило его статус жителя "собственной страны" в отношении Канады, но в свете такого заявления статус жителя "собственной страны" лишь приостанавливается по воле государства-участника и остается на его усмотрение.

Исходя из вышеизложенного я не могу поддержать решение Комитета о том, что г-н Стюарт никогда не имел статуса жителя "собственной страны" в Канаде.

С. Особое (несовпадающее) мнение г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кироги, подписанное также г-ном Франсиско Хосе Акиларом Урбиной

[Подлинный текст на английском языке]

1. С нашей точки зрения, нельзя согласиться с заключением Комитета о том, что автор не может претендовать на защиту согласно пункту 4 статьи 12.

9/ Подчеркнуто мною (см. пункт 9.1). — Прим. Л.Б. Фрэнсиса.

10/ См. также пункт 4.2.: Заявления, сделанные государством-участником, в том числе следующее: "...кроме того, он не лишается раз и навсегда возможности вернуться в Канаду".

2. Предварительный вопрос: следует ли приравнивать произвольную депортацию какого-либо лица из его/ее собственной страны к произвольному лишению права на въезд в эту страну в обстоятельствах, когда еще не было предпринято попытки въехать или вернуться в эту страну? Комитет не сделал заключения по этому вопросу; он просто исходил из того, что, если бы пункт 4 статьи 12 применялся в отношении автора, государство не имело бы права его депортировать (пункт 12.2). Следствием различных разбирательств, инициированных Канадой, и вынесенных приказов стало лишение автора права на проживание и издание приказа о его депортации. Он более не может по праву въехать в Канаду, и перспектива того, что ему когда-либо удастся получить разрешение на въезд на более чем короткий срок, и в лучшем случае представляется отдаленной. По нашему мнению, его право на въезд в страну перспективно в той же мере, в какой перспективны его нынешние права, и лишение этого права может иметь место, как и в обстоятельствах, присущих данному делу, независимо от наличия фактического отказа на въезд. Если государство-участник обязано разрешить въезд какому-либо лицу, оно не имеет права депортировать его. С нашей точки зрения, автор был лишен права на въезд в Канаду, вне зависимости от того, находится ли он в Канаде в ожидании депортации или уже депортирован.

3. Сообщение автора, направленное в связи со статьей 13, было признано неприемлемым, и вопросов по поводу рассмотрения этого положения не возникает. Однако Комитет считает, что пункт 4 статьи 12 применяется только в отношении тех лиц, которые являются гражданами или которые, не будучи гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются иностранцами в значении статьи 13 (пункт 12.3). Из этого суждения следуют два вывода. Согласно первому, взаимоотношения между личностью и государством сводятся не только к отношениям между государством и гражданином или иностранцем (в частности, лицами без гражданства), они могут подпадать и под иную, не определенную Комитетом категорию. Мы не думаем, что это обуславливается статьей 12 Пакта или общими нормами международного права. Из суждения Комитета вытекает также, что то или иное лицо не может претендовать на защиту ни по статье 13, ни по пункту 4 статьи 12. Мы не согласны с таким положением. На наш взгляд, статья 13 предусматривает минимальный уровень защиты в отношении высылки любого иностранца, то есть любого не являющегося гражданином лица, которое законно находится на территории государства. Кроме того, формулировка статьи 13 никоим образом не свидетельствует о том, что она должна стать исключительным источником прав для иностранцев, или также о том, что иностранец, законно находящийся на территории государства, не имеет права претендовать на защиту согласно пункту 4 статьи 12, если он или она может установить, что это его/ее собственная страна. Каждое положение следует толковать исходя из его исчерпывающего значения.

4. Комитет пытается идентифицировать дополнительную категорию лиц, которые могли бы воспользоваться пунктом 4 статьи 12, заявляя, что лицо не может считать собственной страной государство по смыслу пункта 4 статьи 12, если только это лицо не является гражданином данного государства или не лишено своего гражданства, или если ему не отказано в гражданстве данным государством в обстоятельствах, о которых говорится выше (пункт 12.4). Комитет также считает, что если необоснованные препятствия не мешали приобретению иммигрантом гражданства, лицо, которое въезжает в страну в соответствии с ее иммиграционным законодательством и которое имеет возможность приобрести ее гражданство, не может рассматривать это государство как свою собственную страну, если ему не удалось приобрести это гражданство (пункт 12.5).

5. По нашему мнению, подход Комитета к толкованию пункта 4 статьи 12 слишком узок и не учитывает смысла формулировки этого пункта. Нельзя лишать права на въезд в "собственную страну", поскольку считается неприемлемым лишение любого человека непосредственных контактов с его семьей или друзьями или, говоря обобщенно, лишить его/ее всех связей, которые составляют его/ее социальную среду. Именно поэтому данное право изложено в статье 12, которая адресована к лицам, законно находящимся на территории государства, а не тем, кто состоит с этим государством в формальных отношениях. С точки зрения прав, изложенных в статье 12, наличие формальной связи с государством не имеет значения; в этом отношении Пакт охраняет тесные личные и эмоциональные узы, которые сложились у индивидуума на той территории, где он живет, и в той социальной среде, где он их обрел. Именно это и защищает пункт 4 статьи 12.

6. Цель и предмет права, изложенного в пункте 4 статьи 12, подтверждаются его формулировкой. Ничто в этом пункте, как и в статье 12 в целом, не говорит об ограничительном ее применении предложенным Комитетом образом. Хотя "собственная страна" лица, безусловно, включает и страну его гражданства, есть факторы помимо гражданства, которые могут установить тесные и устойчивые связи между лицом и страной, связи, которые могут оказаться сильнее гражданства. Кроме того, человек может иметь несколько гражданств и при этом лишь слабые — или вообще никакие — фактические домашние или семейные узы, связывающие его с одним или несколькими такими государствами. Слова "своя собственная страна" вызывают такие ассоциации, как постоянное проживание в течение длительного времени, тесные личные и семейные узы и намерение остаться (как и отсутствие таких уз в любой другой стране). Если определенное лицо не является гражданином данной страны, должно быть установлено наличие тесных уз, которые подтверждали бы вывод, что это его "собственная страна". Тем не менее, по нашему мнению, иностранец вправе иметь возможность доказать, что с государством его связывают такие тесные узы, которые дают ему право претендовать на защиту согласно пункту 4 статьи 12.

7. Обстоятельства, на которые ссылался автор, чтобы доказать, что Канада является его собственной страной, — это его проживание в Канаде в течение свыше 30 лет, тот факт, что его привезли в Канаду в возрасте семи лет и что здесь он женился и развелся. Его дети, мать, больной брат продолжают жить здесь. У него нет никаких связей с какой-либо другой страной, кроме того, что он является гражданином Соединенного Королевства. Несколько лет назад в Соединенное Королевство был депортирован его старший брат. Фактическая сторона совершения его братом правонарушений изложена в пункте 2.2; последствия этих правонарушений остаются неясными: имел ли когда-либо автор право обратиться за приобретением гражданства? В основе тех связей, о которых шла речь, лежит тот факт, что автор и его семья были приняты в Канаду как иммигранты, когда автор был еще ребенком, и что практически он стал членом канадского общества. Он не знает никакой другой страны. С учетом всех этих обстоятельств автор, как мы считаем, доказал, что Канада является его собственной страной.

8. Было ли лишение автора права на въезд в страну произвольным? В другом контексте Комитет посчитал, что "произвольный" означает необоснованный в конкретной ситуации или противоречащий целям и задачам Пакта (Замечания общего порядка по статье 17). Этот подход представляется также приемлемым в контексте пункта 4 статьи 12. В случае, когда речь идет о гражданах, могут возникнуть ситуации, в которых депортация не будет считаться произвольной в указанном смысле. В случае, касающемся иностранца, такого как автор, депортация может рассматриваться как произвольная, если основания для лишения его права въехать в страну и оставаться в ней были в конкретной ситуации необоснованными с учетом обстоятельств, при которых эта страна является его "собственной страной".

9. Основания, которые приводит государство-участник в оправдание высылки автора, — его уголовные судимости. Следует поставить под сомнение, может ли совершение уголовных преступлений само по себе оправдать высылку лица из его собственной страны, если государство не смогло доказать, что были веские причины, связанные с государственной безопасностью или общественным порядком, которые требовали такого решения. Характер преступлений, совершенных автором, не дает прямых оснований для такого вывода. В любом случае Канада вряд ли может утверждать, что эти причины были вескими в отношении автора, если в другом контексте было заявлено, что автор вполне может получить въездную визу на короткий срок для свидания со своей семьей. Далее, хотя разбирательство по вопросу о депортации не было несправедливым с процессуальной точки зрения, вопрос, который выяснялся в ходе разбирательства, заключался в определении, мог ли автор обосновать доводы против депортации, а не в установлении того, были ли основания для лишения его права на въезд в "свою собственную страну". Ответственность была возложена на автора, а не на государство. При таких обстоятельствах мы пришли к выводу, что решение о депортации автора было произвольным и, следовательно, принято в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 4 статьи 12.

10. Мы согласны с выводом Комитета о том, что депортация автора, несомненно, будет вмешательством в его семейные отношения в Канаде (пункт 12.10), но не можем согласиться, что это

вмешательство не было произвольным, поскольку мы пришли к заключению, что решение о депортации автора, ставшее причиной вмешательства в семью, было произвольным. Поэтому мы должны сделать вывод, что Канада также нарушила права автора, предусмотренные статьями 17 и 23.

D. Особое (несовпадающее) мнение г-жи Кристины Шане,
подписанное также г-ном Хулио Прадо Вальехо

[Подлинный текст на французском языке]

Я не разделяю позицию Комитета по делу Стюарта, которая изложена в пункте 12.9 и в соответствии с которой он делает вывод: «поскольку Канада не может считаться "собственной страной" г-на Стюарта», Канада не нарушила пункт 4 статьи 12 Пакта.

Я не согласна с подходом к рассматриваемому делу в связи с данным вопросом:

— Если исходить из того, что неправомерные действия лишили автора права возможности приобрести гражданство и что в результате этого Канада может считать, что не является его собственной страной, то такой вывод должен был бы подвести Комитет к решению отклонить сообщение на стадии определения его приемлемости, поскольку, осознавая наличие препятствия для решения о приемлемости, Комитет должен был исключить какое-либо применение пункта 4 статьи 12 Пакта.

— Ни в самом Пакте, ни в материалах подготовительных обсуждений нет формулировок, относящихся к определению понятия "собственная страна"; поэтому Комитет должен или решать этот вопрос в связи с каждым конкретным делом, или установить критерии определения этого понятия и известить о них государства и авторов сообщений, избегая таким образом несоответствия с решениями о приемлемости; если лицо не может приобрести гражданство страны по причине правовых препятствий, то, независимо от любого другого критерия или фактических обстоятельств, сообщение не следует признавать приемлемым в соответствии с пунктом 4 статьи 12 Пакта.

Я согласна с положениями существа, изложенными в особом мнении, сформулированном г-жой Эватт и г-жой Мединой Кирогой.

E. Особое (несовпадающее) мнение г-на Прафуллачандры Бхагвати

[Подлинный текст на английском языке]

Я полностью согласен с особым мнением г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кироги, но относительно важности затронутых в данном деле вопросов выражаю особое мнение. Это особое мнение может рассматриваться как дополняющее мнение г-жи Эватт и г-жи Медины Кироги, с которым я полностью согласен.

Это вопрос, касающийся не одного частного лица. Его решение будет иметь последствия для жизни десятков тысяч иммигрантов и беженцев. Поэтому данное дело чрезвычайно взволновало меня. Если мнение, которого придерживается большинство членов Комитета, верно, тогда люди, постепенно завязавшие тесные связи со страной не только в результате продолжительного проживания в ней, но и в силу других разнообразных факторов, воспринимающие страну как свою собственную, привыкшие считать ее своей родной страной, останутся без какой-либо защиты. Вопрос заключается в следующем: рассматриваем ли мы права человека в его широком и целенаправленном значении или в узком и ограничительном? Не будем забывать, что по сути права человека в Международном пакте охраняются как права личности в отношении государства; они защищают ее от государства и поэтому должны толковаться широко и либерально. Этот принцип следует иметь в виду при толковании пункта 4 статьи 12.

Прежде всего, я бы хотел опровергнуть аргумент, касающийся смысла статьи 13. Комитет заявил, что сообщение неприемлемо в соответствии со статьей 13 и что поэтому оно не требует рассмотрения. В отношении пункта 4 статьи 12 Комитет поставил три вопроса. Первый: распространяется ли пункт 4 статьи 12 на случаи депортации или сфера его действия ограничивается только правом на въезд? Второй: каково значение и дополнительный смысл слов "своя собственная

страна" и можно ли считать Канаду собственной страной автора? И третий: каковы критерии определения того, было ли действие, вменяемое как нарушение пункта 4 статьи 12, произвольным и была ли произвольной депортация автора Канадой? Я могу сразу подчеркнуть, что если действия Канады не были произвольными при данных обстоятельствах, то нет и нарушения пункта 4 статьи 12, даже если присутствуют два других элемента; это значит, что пункт 4 статьи 12 распространяется на депортацию и Канада является собственной страной автора по смыслу пункта 4 статьи 12, и в таком случае нет необходимости рассматривать вопрос о том, присутствуют или нет эти два других элемента. Но поскольку большинство членов Комитета исходили в своем решении из толкования слов "своя собственная страна" и заняли, по моему мнению, неверную, ошибочную позицию, согласно которой Канада не может считаться собственной страной автора, я считаю необходимым рассмотреть все эти три элемента пункта 4 статьи 12.

Я полагаю, что при правильном толковании пункт 4 статьи 12 защищает каждого от произвольной депортации из его собственной страны. И такое мнение я могу подкрепить двумя доводами. Во-первых, если не толковать пункт 4 статьи 12 как распространяющийся на депортацию, гражданин государства не будет иметь защиты от высылки или депортации в соответствии с Пактом. Предположим, что внутреннее законодательство государства дает ему право выслать или депортировать гражданина по определенным конкретным причинам, которые могут не иметь никакого отношения к рассматриваемому вопросу и быть абсолютно нереальными или произвольными. Можно ли представить на минуту, что Пакт не предоставляет защиты гражданину от высылки или депортации согласно такому внутреннему законодательству? Единственная статья Пакта, в которой можно найти такую защиту, — это статья 12, пункт 4. Возможно, в соответствии с международным правом гражданин не может быть выслан из страны своего гражданства. Я не знаком со всеми аспектами международного права и поэтому не могу подтвердить или опровергнуть такое предположение. Но как бы то ни было, государство может принять закон, предусматривающий высылку гражданина. Такой закон может противоречить соответствующему принципу международного права, но это не сделает недействительным внутренний закон. Принцип международного права не обеспечит защиту конкретного лица от применения положений внутреннего закона. Единственной защитой такого лица был бы пункт 4 статьи 12. Мы не должны толковать пункт 4 статьи 12 таким образом, чтобы гражданин остался беззащитным в случае высылки согласно внутреннему законодательству. Действительно, есть страны, внутреннее законодательство которых предусматривает высылку даже граждан, и при правильном толковании пункт 4 статьи 12 предоставляет защиту от произвольной высылки гражданина. Те же самые доводы применяются и к тем случаям, когда речь идет о лицах, не являющихся гражданами. Поэтому пункт 4 статьи 12 должен толковаться как распространяющийся на высылку или депортацию.

Более того, очевидно, что, если лицо имеет право на въезд в свою собственную страну и ему/ей произвольно не могут чиниться препятствия для въезда в его/ее собственную страну, но он/она может быть произвольно выслан(а), это лишает смысла пункт 4 статьи 12. Предположим, что лицо выслано из своей собственной страны произвольно, потому что его/ее права не защищены в соответствии с пунктом 4 статьи 12, и что сразу же после высылки он/она пытается въехать в эту страну. Очевидно, что ему/ей не может быть запрещено сделать это, поскольку пункт 4 статьи 12 защищает его/ее право на въезд. Тогда какой смысл высылать такое лицо? Поэтому мы должны толковать пункт 4 статьи 12 как обеспечивающий, по логике, защиту от произвольной высылки лица из его собственной страны.

Это подводит меня ко второму вопросу. Каковы сферы применения и пределы понятия "своя собственная страна"? По общему признанию, "своя собственная страна" не может быть приравнена к "стране гражданства", и поэтому я не буду останавливаться на этом. Очевидно, что выражение "своя собственная страна" шире, чем "страна гражданства", и с этим согласилось большинство членов Комитета. "Своя собственная страна" включает "страну гражданства и что-то еще". Что же это такое: "что-то еще"? Большинство членов Комитета признает, что понятие "своя собственная страна" охватывает, по меньшей мере, "лиц, которые в силу своих особых связей или правоприязнаний в отношении данной страны не могут считаться просто иностранцами". Я полностью разделяю эту точку зрения. Но затем большинство членов Комитета ограничивает это понятие следующими тремя ситуациями:

- 1) если граждане какой-либо страны лишены гражданства в нарушение международного права;
- 2) если страна гражданства лиц стала составной частью другого национального образования, в гражданстве которого им отказано; и
- 3) если лица без гражданства произвольно лишены права приобретать гражданство страны, где они проживают.

По мнению большинства членов Комитета, эти лица, не будучи "гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются и иностранцами в значении статьи 13" и в их отношении применяется пункт 4 статьи 12.

Есть два замечания, которые я хотел бы сделать в связи с этой позицией большинства членов Комитета. Они считают, что пункт 4 статьи 12 и статья 13 взаимоисключающие. В сообщении, представленном Комитетом, отмечается, что выражение "своя собственная страна" как концепция применяется в отношении лиц, являющихся гражданами, и в отношении некоторых категорий лиц, которые, не будучи гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются и "иностранцами" в значении статьи 13, хотя они могут считаться иностранцами в других целях. Таким образом, согласно мнению большинства, лицо, подпадающее под действие пункта 4 статьи 12, не является "иностранцем" в значении статьи 13. Я также придерживаюсь этой точки зрения. Но на этом мое согласие с позицией большинства заканчивается. Возникает вопрос: кого защищает пункт 4 статьи 12? Кто подпадает под сферу его защиты? Могу повторить еще раз в подтверждение точки зрения большинства, что пункт 4 статьи 12, по меньшей мере, распространяется на лиц, которые в силу особых связей или правоприязнаний в отношении данной страны не могут считаться иностранцами. Это верный критерий, но я не могу понять, почему применение указанной статьи должно ограничиваться тремя ситуациями, на которые ссылается большинство членов Комитета. Эти три ситуации, несомненно, соответствуют указанному критерию, но ведь могут быть и другие ситуации, которые также соответствовали бы этому критерию. Я не вижу никакой веской причины, чтобы исключать их и исходить из позиции большинства членов Комитета, согласно которой они не соответствуют упомянутому критерию, поскольку это затронуло бы иммиграционную политику развитых стран. Приведу в качестве примера большое число африканцев, латиноамериканцев или индийцев, которые осели в Соединенном Королевстве, но не получили британского гражданства. Их дети, родившиеся и выросшие в Соединенном Королевстве, зачастую даже не посещают страну своего гражданства. Если вы спросите их: "Где твоя собственная страна?", они, не задумываясь, ответят: "Соединенное Королевство". Разве можно сказать, что только Индия или какая-то страна в Африке или в Латинской Америке, в которой они никогда не были и с которой их ничто не связывает, является единственной страной, которую они считают своей собственной страной? Я согласен, что сама по себе продолжительность срока проживания в стране не является главным критерием, но продолжительность проживания может быть фактором, который следует учитывать наряду с другими факторами. При решении вопроса о том, является ли данная страна той страной, которую конкретное лицо воспринимает как свою собственную или с которой у него особые связи либо самые тесные узы, чтобы ее можно было считать "своей собственной страной" в значении пункта 4 статьи 12, надо принимать во внимание совокупность всех факторов.

Прежде чем завершить обсуждение этого вопроса, я должен упомянуть еще одно нелогичное суждение большинства членов Комитета. Большинство полагает, что если страна иммиграции ставит перед новым иммигрантом необоснованные препятствия на пути приобретения гражданства, то можно сказать, будто в отношении этого нового иммигранта, который не приобрел гражданства страны иммиграции и по-прежнему сохраняет гражданство страны своего происхождения, страна иммиграции может рассматриваться как "его собственная страна". Против такого утверждения можно выдвинуть как минимум два возражения. Во-первых, решение вопроса о том, на каких условиях предоставлять гражданство лицу, не являющемуся гражданином, является суверенным правом государства. Комитет не может определять, являются ли эти условия обоснованными или нет и ставят ли эти условия необоснованные препятствия на пути приобретения гражданства новым иммигрантом; Комитет также не вправе выяснять вопрос о том, является ли действие государства, отклонившего

заявление нового иммигранта о приобретении гражданства, обоснованным или нет. Во-вторых, я не вижу разницы между двумя ситуациями: первая, когда подается заявление на приобретение гражданства и оно необоснованно отклоняется, и другая, когда заявление на приобретение гражданства не подается вообще. В обоих случаях новый иммигрант будет оставаться лицом, не являющимся гражданином, и, если в одном случае особые связи или тесные узы со страной иммиграции делают такую страну "его собственной страной", было бы не логично полагать, что в другой ситуации не будет тех же самых последствий.

Я решительно не могу понять, на чем основывается заявление большинства членов Комитета о том, что такие страны, как Канада, имеют право рассчитывать, что иммигранты надлежащим образом приобретут все права и будут выполнять все обязательства, связанные с гражданством. Согласен, лица, не воспользовавшиеся возможностью обратиться за приобретением гражданства, должны нести бремя последствий того, что они не являются гражданами. Но возникает вопрос: каковы эти последствия? Входит ли в их число исключение таких лиц из сферы применения пункта 4 статьи 12? Этот вопрос требует ответа, и нельзя исходить из того, что, похоже, и сделало большинство членов Комитета, будто исключение из сферы действия пункта 4 статьи 12 и есть такое последствие. Относительно решения Комитета в целом я придерживаюсь следующего мнения: большинство исходит из посылки, что в случае автора Канада не может считаться "его собственной страной", хотя особые связи и самые тесные узы соединяют его с Канадой и он всегда воспринимал ее как свою собственную страну, а затем пытается оправдать такой вывод тем, что у автора не было разумно обоснованных препятствий для получения канадского гражданства, но автор не воспользовался возможностью обратиться за канадским гражданством и поэтому должен нести бремя последствий того, что Канада не считается его собственной страной и на него не распространяется пункт 4 статьи 12. Еще раз повторяю: тот факт, что автор не обращался за предоставлением канадского гражданства в ситуации, когда не было разумно обоснованных препятствий для его получения, не может повлиять на решение вопроса, считать ли Канаду "его собственной страной". Вопрос возник именно потому, что автор не является канадским гражданином, и утверждение, что Канаду нельзя считать "его собственной страной", так как он не приобрел или не мог приобрести канадского гражданства, ничего не доказывает.

Несомненно, что с этих позиций и Соединенное Королевство, и Канада являются для автора "его собственной страной". Одна из них — страна гражданства, а другая — то, что я бы назвал приобретенной страной. Вполне понятно, что то или иное лицо может иметь две страны, которые считает своими собственными: одна из них может быть страной его гражданства, а другая — страной, воспринимаемой им как его собственная страна. Поэтому на основании представленных в сообщении фактов я склоняюсь к точке зрения, что Канада является собственной страной автора в значении пункта 4 статьи 12 и что он не мог быть произвольно выслан или депортирован из Канады правительством Канады.

Тогда возникает вопрос, можно ли назвать произвольной высылку или депортацию автора. В этой связи напомним прежнее решение Комитета, согласно которому понятие "произвол" не должно ограничиваться процессуальным произволом, а должно включать материально-правовой произвол, который нельзя приравнивать к понятию "не в соответствии с законом", а следует толковать широко, с включением таких элементов, как нецелесообразность, или чрезмерность, или несоразмерность. Если действия, предпринятые государством против какого-либо лица, чрезмерны или несоразмерны по сравнению с предотвращаемым ущербом, они будут необоснованны и произвольны. В данном деле автора пытаются выслать на основании его неоднократных судимостей. Он совершил порядка 40 преступлений, в том числе кражу и грабеж, за которые был наказан. Вопрос в том, есть ли необходимость при всех обстоятельствах дела высылать или депортировать его, чтобы защитить общество от его преступных наклонностей, и может ли эта цель быть достигнута посредством принятия менее жестких мер, чем высылка или депортация. Следует учитывать элемент несоразмерности. Я думаю, что, если применять этот критерий, действия Канады в отношении высылки или депортации автора представляются произвольными, особенно с учетом успешного воздержания автора от употребления алкоголя и отсутствия правонарушений с мая 1991 года. Если автор совершит еще какие-либо преступления, он может быть соответствующим образом наказан и помещен в тюрьму, а если, с учетом его прежних судимостей, ему будет вынесен достаточно строгий приговор в виде тюремного заключения, это послужит сдерживающим фактором в отношении

совершения дальнейших преступлений, и в любом случае он будет изолирован от общества на период заключения. Именно такие действия были бы предприняты в отношении гражданина, чтобы оградить его от общества, и по отношению к нему как к гражданину это будет считаться адекватным. Не вижу оснований не считать это адекватным по отношению к лицу, которое не является гражданином, но воспринимает Канаду как свою собственную страну. Я полагаю, что высылка или депортация автора из Канады, в результате чего будут полностью разорваны его связи с домом, семьей и местом, где он обосновался, является чрезмерной и несоразмерной мерой по сравнению с ущербом, который стремятся предотвратить, и, следовательно, должна рассматриваться как произвольная.

Поэтому я считаю, что в данном деле нарушен пункт 4 статьи 12 Пакта. В соответствии с такой позицией нет необходимости рассматривать вопрос о нарушении статей 17 и 23 Пакта.

Н. Сообщение № 549/1993: Опю и Бессер против Франции
(соображения, принятые 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Франсис Опю и Топоаиту Бессер [представлены г-ном Франсуа Ру, французским адвокатом]
<u>Жертвы:</u>	авторы
<u>Государство-участник:</u>	Франция
<u>Дата сообщения:</u>	4 июня 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	30 июня 1994 года
<u>Дата решения об изменении решения о приемлемости:</u>	30 октября 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 549/1993, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Франсиса Опю и г-на Топоаиту Бессера в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему авторами сообщения, их адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола ** ***

1. Авторы сообщения — Франсис Опю и Топоаиту Бессер, этнические полинезийцы, проживающие на Таити, Французская Полинезия. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Францией пункта 1 и подпункта а) пункта 3 статьи 2, пунктов 14 и 17 статьи 3, пункта 1 статьи 23 и статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их интересы представляет г-н Франсуа Ру, предъявивший надлежащим образом оформленную доверенность.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, лорд Корвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-жа Кристин Шане не принимала участия в утверждении настоящих соображений.

*** Тексты двух особых мнений, подписанных девятью членами Комитета, прилагаются к настоящему документу.

Факты, представленные авторами

2.1 Авторы являются потомками владельцев земельного участка (площадь приблизительно 4,5 га) под названием Тетаитапу в Нууроа, на острове Таити. Они утверждают, что их предки были лишены этой собственности по решению гражданского суда Папеэте 6 октября 1961 года. Согласно решению суда право собственности на земельный участок было передано "Сосьете отельер дю Пасифик сюд" (СОПС) [*Société hôtelière du Pacifique sud (SHPS)*]. С 1988 года единственным акционером указанной компании являлась Территория Полинезия.

2.2 В 1990 году СОПС сдала этот участок в аренду "Сосьете д'этуод э де промосьон отельер" (*Société d'étude et de promotion hôtelière*), которая, в свою очередь, сдала его в субаренду "Сосьете отельер РИВНАК" (*Société hôtelière RIVNAC*). РИВНАК намеревается в ближайшие, по возможности, сроки начать на граничащем с лагуной участке строительство роскошного гостиничного комплекса. Уже проведены некоторые предварительные работы, как то: рубка деревьев, очистка территории от кустарников, постройка забора вокруг участка.

2.3 В июле 1992 года авторы и другие потомки владельцев земельного участка мирно заняли его в знак протеста против намеченного строительства гостиничного комплекса. Они утверждают, что эта земля и прилегающая к ней лагуна занимают важное место в их истории, культуре и жизни. Они также утверждают, что на этом месте располагалось существовавшее до прихода европейцев захоронение и что лагуна остается традиционным местом рыболовства и обеспечивает средства к существованию примерно 30 семьям, живущим поблизости от нее.

2.4 30 июля 1992 года РИВНАК подал в суд первой инстанции Папеэте иск с просьбой вынести решение о промежуточном судебном запрете; в тот же день просьба была удовлетворена, и авторам и другим лицам, занявшим этот участок, было приказано незамедлительно покинуть его и выплатить РИВНАК 30 тыс. тихоокеанских франков. 29 апреля 1993 года Апелляционный суд Папеэте утвердил вынесенное решение и вновь потребовал незамедлительно покинуть занятый земельный участок. Авторы были уведомлены о том, что они могут подать апелляцию в Кассационный суд в течение месяца с даты уведомления о решении суда. По-видимому, они не воспользовались предоставленной возможностью.

2.5 Авторы утверждают, что строительные работы приведут к уничтожению традиционного захоронения и пагубно скажутся на рыболовстве. Они добавляют, что приближается срок их изгнания с земельного участка и что Верховный комиссар Республики, представляющий правительство Франции в Полинезии, вскоре применит полицейскую силу, чтобы очистить участок и сделать возможным начало строительства. В этой связи авторы отмечают, что, по сообщениям местной прессы, с этой целью на Таити прибыли самолетом до 350 полицейских (в том числе республиканский корпус безопасности). Поэтому авторы просят Комитет принять временные меры защиты в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета.

Жалоба

3.1 По утверждению авторов, был нарушен подпункт а) пункта 3 статьи 2, а также пункт 1 статьи 14, поскольку они не имели возможности обратиться в законно созданные суды, чтобы воспользоваться эффективными средствами правовой защиты. В этой связи они отмечают, что земельные иски и споры на Таити традиционно разрешались местными судами (*tribunaux indigènes*) и что компетенция таких судов была признана Францией, когда Таити оказалось под суверенитетом Франции в 1880 году. Однако отмечается, что с 1936 года, когда прекратил свое существование так называемый Верховный суд Таити, государство-участник не приняло надлежащих мер для обеспечения дальнейшего функционирования местных трибуналов; в результате, как утверждают авторы, земельные иски разрешались гражданскими и административными судами без тщательного рассмотрения и зачастую без законного обоснования.

3.2 Авторы далее утверждают, что были нарушены пункт 1 статьи 17 и пункт 1 статьи 23, поскольку было принято решение о их насильственном удалении с оспариваемого земельного участка

и поскольку строительство гостиничного комплекса приведет к разрушению захоронения, где, как утверждается, похоронены их родственники; кроме того, их переселение явится вмешательством в их частную и семейную жизнь.

3.3 Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушения пункта 1 статьи 2. Они заявляют, что полинезийцы не защищены законами или нормативными актами [такими как статьи R 361 (1) и 361 (2) Code des Communes, касающиеся обычно правовых форм наследственного права, в частности захоронений, а также законодательства о природоохранных зонах и археологических раскопках], которые были приняты для регулирования правоотношений в территориях метрополии с целью охраны мест захоронений. Авторы утверждают, что являются жертвами дискриминации.

3.4 Наконец, авторы утверждают, что имеет место нарушение статьи 27 Пакта, так как они лишены права пользоваться своей культурой.

Решение Комитета о приемлемости

4.1 В ходе своей пятьдесят второй сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Он с сожалением отметил, что государство-участник не представило свои замечания относительно приемлемости данного дела, несмотря на три уведомления, направленные ему в период с октября 1993 года по май 1994 года

4.2 Комитет прежде всего отметил, что авторы могли бы обратиться в Кассационный суд с апелляционной жалобой на постановление Апелляционного суда от 29 апреля 1993 года. Однако если бы такая апелляция была подана, она касалась бы обязательства покинуть земельный участок, занятый авторами, и возможности выступить против строительства запланированного гостиничного комплекса, а не вопроса о праве собственности на землю. В этой связи Комитет отметил, что так называемые "местные суды" компетентны выносить решения по земельным спорам на Таити в соответствии с указами от 29 июня 1880 года, ратифицированными французским парламентом 30 декабря 1880 года. В данном случае нет оснований считать, что юрисдикция этих судов была официально отменена государством-участником, скорее их перестали использовать, и государство-участник не привело никаких возражений, опровергающих в этой части заявление авторов. Не было высказано возражений и против утверждения авторов о том, что земельные споры на Таити решаются "без тщательного рассмотрения" гражданскими и административными судами. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу, что авторы не имели эффективных внутренних средств защиты, которые они могли бы исчерпывающим образом использовать.

4.3 В связи с утверждением о нарушении статьи 27 Пакта Комитет напомнил о том, что, присоединяясь к Пакту, Франция заявила, что "в свете статьи 2 Конституции Французской Республики... статья 27 неприменима в том, что касается Французской Республики". Комитет подтвердил свое ранее принятое решение о том, что сделанное Францией "заявление" по статье 27 действовало как оговорка, и, соответственно, заключил, что не компетентен рассматривать жалобы против Франции по статье 27 Пакта.

4.4 Комитет пришел к выводу, что жалобы, принесенные в соответствии с другими положениями Пакта, являются обоснованными и приемлемыми, и 30 июня 1994 года объявил о приемлемости сообщения в той его части, которая касается вопросов, предусмотренных пунктом 1 статьи 14, пунктом 1 статьи 17 и пунктом 1 статьи 23 Пакта.

Прошение государства-участника о пересмотре вопроса о приемлемости и информация по существу дела

5.1 В двух представлениях от 7 октября 1994 года и 3 апреля 1995 года, касающихся пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник возражало против неприемлемости сообщения и просило Комитет пересмотреть это решение в соответствии с пунктом 4 правила 93 правил процедуры.

5.2 Государство-участник утверждает, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты, которые государство-участник считает эффективными. Так, относительно доводов авторов о незаконности лишения их земельного участка, который был сдан в субаренду РИВНАК, и исключительной компетенции местных судов по разрешению их жалобы, оно отмечает, что ни один французский суд никогда не рассматривал иски, предъявленные г-дами Опю и Бессером. Так, в момент продажи оспариваемого участка и судебного разбирательства, завершившегося решением суда Папеэте от 6 октября 1961 года, они могли оспорить законность начатой процедуры или компетенции суда. Любое решение, принятое в отношении такого протеста, могло дать основание для апелляции. Однако решение от 6 октября 1961 года никогда не оспаривалось и, следовательно, стало окончательным.

5.3 Кроме того, в 1992—1993 годах, когда данный участок был занят, авторы, по утверждению государства-участника, имели все возможности вмешаться в разбирательство между РИВНАК и Ассоциацией "IA ORA O NU'UROA". Эта процедура, известная под названием "протест третьей стороны", позволяет любому лицу опротестовать решение, затрагивающее или нарушающее его или ее права, даже если он/она не является участником судебного процесса. Процедура "протеста третьей стороны" определяется статьей 218 и последующими статьями Гражданско-процессуального кодекса Французской Полинезии. Государство-участник отмечает, что авторы могли бы опротестовать ("auraient pu former tierce opposition") как решение суда первой инстанции Папеэте, так и решение Апелляционного суда Папеэте, оспорив законность правового титула РИВНАК на оспариваемый участок и компетенцию указанных судов.

5.4 Государство-участник подчеркивает, что любой жалобщик может всегда оспорить компетенцию суда. В статье 65 Гражданско-процессуального кодекса Французской Полинезии говорится, что жалобщик, оспаривающий юрисдикцию суда, обязан указать суд, который, по его мнению, обладает надлежащей компетенцией ("*s'il est prétendu que la juridiction saisie est incompétente..., la partie qui soulève cette exception doit faire connaître en même temps et à peine d'irrecevabilité devant quelle juridiction elle demande que l'affaire soit portée*").

5.5 По мнению государства-участника, авторы также могли, в контексте "протеста третьей стороны", утверждать, что их изгнание с земельного участка, на который претендовал РИВНАК, является нарушением их права на частную жизнь и их права на семейную жизнь. Государство-участник напоминает, что положения Пакта имеют прямое действие во французских судах; в настоящем деле могли быть применены статьи 17 и 23. Что касается жалоб, принесенных в соответствии со статьей 17 и пунктом 1 статьи 23, то государство-участник также утверждает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

5.6 Наконец, государство-участник утверждает, что судебные решения, принятые в контексте "протеста третьей стороны", могут быть опротестованы так же, как постановления того же суда ("*... les jugements rendus sur tierce opposition sont susceptible des même recours que les décisions de la juridiction dont ils émanent*"). Если бы авторы опротестовали постановление Апелляционного суда Папеэте от 29 апреля 1993 года на основании "протеста третьей стороны", в отношении любого решения по их протесту можно было бы подать апелляцию в Кассационный суд. В этой связи государство-участник отмечает, что, согласно статье 55 Конституции Франции от 4 июня 1958 года, положения Пакта включены в правовую систему Франции и имеют приоритет над обычными законами. Авторы могли бы поднять в Кассационном суде те же вопросы, с которыми они обратились в Комитет по правам человека.

5.7 По мнению государства-участника, авторы не являются "потерпевшими" по смыслу статьи 1 Протокола. Так, в отношении их утверждений в связи со статьей 14 они не приводят никаких доказательств права собственности на землю или права занимать этот участок. В результате их изгнание с данного участка не может быть квалифицировано как нарушение каких-либо принадлежащих им прав. Согласно аргументации государства-участника то же самое относится к заявлениям по статье 17 и пункту 1 статьи 23. Авторы не смогли доказать, что человеческие останки, выкопанные на оспариваемом участке в январе 1993 года или до этой даты, являются останками их родственников или предков. Патологоанатомические экспертизы, проведенные Полинезийским

центром науки о человеке, засвидетельствовали большой возраст этих скелетов и удостоверили тот факт, что они были захоронены до появления европейцев в Полинезии.

5.8 Наконец, государство-участник утверждает, что сообщение не может быть приемлемым ratione materiae и ratione temporis. Оно считает, что жалоба авторов на самом деле относится к спору о собственности. Поскольку право собственности не является предметом Пакта, данное дело не может считаться приемлемым в силу статьи 3 Факультативного протокола. Далее, государство-участник отмечает, что продажа земельного участка, занятого авторами, с процедурной точки зрения является правильной и соответствует решению суда первой инстанции от 6 октября 1961 года. Таким образом, в основе дела лежат фактические обстоятельства, предшествующие вступлению в силу для Франции как Пакта, так и Факультативного протокола, и потому сообщение является неприемлемым ratione temporis.

5.9 Государство-участник высказывает следующие дополнительные замечания по существу утверждений авторов: в отношении требования на основании статьи 14 государство-участник напоминает, что король Помаре V, объявивший 29 июня 1880 года о сохранении местных судов по земельным спорам, сам подписал 29 декабря 1887 года декларацию, касающуюся упразднения этих судов. Декларации от 29 декабря 1887 года были, в свою очередь, ратифицированы статьей 1 закона от 10 марта 1891 года. По утверждению государства-участника, с тех пор земельные споры подсудны обычным судам. Вопреки утверждениям авторов, земельные споры разрешаются специалистами, так как в суде первой инстанции Папеэте имеются двое судей, специализирующихся на рассмотрении земельных споров, и каждый из них председательствует ежемесячно на двух сессиях суда, посвященных рассмотрению таких дел. Кроме того, утверждается, что право обращения в суд не подразумевает права истца на неограниченный выбор состава суда; право обращения в суд должно пониматься как право обращения в судебную инстанцию, которой подсудно данное дело.

5.10 По поводу заявлений, сделанных согласно статье 17 и пункту 1 статьи 23, государство-участник напоминает, что даже сами авторы не утверждают, будто обнаруженные на оспариваемой территории останки принадлежат членам их семей или родственникам, но говорят, что они принадлежат их "предкам" в самом широком смысле слова. Распространение понятия "семья" на человеческие останки неясного возраста и происхождения означает чрезмерно широкое и практически неприменимое толкование этого понятия.

Замечания авторов относительно представления государства-участника в соответствии с пунктом 2 статьи 4

6.1 В своих замечаниях авторы опровергают утверждение государства-участника, что в их распоряжении еще остались эффективные внутренние средства правовой защиты. Они обращаются к Комитету с просьбой отклонить возражение государства-участника против объявления приемлемым их сообщения по той причине, что оно якобы представлено с опозданием.

6.2 Авторы вновь заявляют, что они ссылаются не на право собственности, а на право обращения в суд и на свое право на частную и семейную жизнь. Поэтому они отвергают аргумент государства-участника о неприемлемости сообщения ratione materie и добавляют, что их права были нарушены в момент подачи их сообщения, то есть в июне 1993 года, и после того, как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Франции.

6.3 Авторы считают, что они должны рассматриваться как "жертвы" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, поскольку, по их мнению, они имеют право быть заслушанными в местном суде, компетентном рассматривать земельные споры во Французской Полинезии, — право, которое не признает за ними государство-участник. Они утверждают, что государство-участник не вправе критиковать их за то, что они не сослались на свое право собственности или право проживания на оспариваемых землях именно тогда, когда доступ к местному суду, компетентному рассматривать подобные споры, был для них невозможен. Аналогичным образом они считают себя "жертвами" по смыслу статьи 17 и пункту 1 статьи 23, утверждая, что именно судам, а не французскому правительству надлежит доказывать наличие либо отсутствие семейных или

родственных связей между человеческими останками, обнаруженными на оспариваемом участке, и семьями авторов.

6.4 Относительно необходимости исчерпать все внутренние средства защиты авторы напоминают, что они не участвовали в разбирательстве между "Сосьете отельер РИВНАК" и Ассоциацией "IA ORAO NU'UROA" и, не будучи стороной в судебном процессе, не могли ставить вопрос о компетенции суда. Они повторяют, что находятся в ситуации, когда их требования не могут рассматриваться в суде в силу того, что французское правительство упразднило местные суды, которые оно по Договору 1881 года согласилось сохранить. Утверждается, что этот аргумент применим и к возможности подачи кассационной жалобы: поскольку авторы не участвовали в судебном разбирательстве в Апелляционном суде Папезте 29 апреля 1993 года, они не могли обратиться с кассационной жалобой в Кассационный суд. Даже если предположить, что они имели бы возможность обратиться в Кассационный суд, это, по их утверждению, не было бы эффективным средством защиты, так как такой суд мог только решить, что суды, рассматривающие данный земельный спор, не обладают необходимой компетенцией для решения данного вопроса.

6.5 Авторы подтверждают, что только местные суды компетентны рассматривать земельные споры во Французской Полинезии. Декларации от 29 сентября 1887 года не отвергают такой вывод, а скорее подтверждают его, так как в них говорится, что местные суды будут ликвидированы после того, как будут урегулированы споры, для разрешения которых они были созданы ("Les Tribunaux indigènes, dont le maintien avait été stipulé à l'acte d'annexion de Taxiti à la France, seront supprimés dès que les opérations revalives à la délimitation de la propriété auxquelles elles donnent lieu auront été vidées"). Авторы выражают сомнение в законности Деклараций 29 декабря 1887 года и добавляют, что поскольку земельные споры не прекращались на Таити, и само государство-участник этого не отрицает (см. пункт 5.9, выше), то следует полагать, что местные суды по-прежнему компетентны выносить по ним решения. Только этим можно объяснить тот факт, что Верховный суд Таити продолжал выносить решения по таким спорам до 1934 года.

Соображения, представленные после решения вопроса о приемлемости

7.1 В ходе своей пятьдесят пятой сессии Комитет дополнительно изучил сообщение и принял к сведению просьбу государства-участника о пересмотре решения о приемлемости сообщения согласно пункту 4 правила 93 правил процедуры. Он принял к сведению заявление государства-участника о том, что правительство не представило свои замечания о приемлемости сообщения вовремя из-за сложных обстоятельств дела и краткости предоставленных государству-участнику сроков, однако Комитет отметил, что правительство не отреагировало на три уведомления, что государству-участнику понадобилось шестнадцать месяцев вместо двух, для того чтобы ответить на вопрос о приемлемости доказательств, представленных авторами, и что первые замечания государства-участника были представлены через три месяца после принятия решения о приемлемости сообщения авторов. Комитет пришел к выводу, что, поскольку ко времени принятия решения о приемлемости сообщения представлений от государства-участника не поступило, Комитет должен полагаться на информацию авторов; далее, молчание государства-участника отчасти подталкивало к выводу, что государство-участник согласно с тем, что все требования в отношении приемлемости сообщения были выполнены. В этих обстоятельствах Комитет имел право рассматривать утверждения авторов по существу.

7.2 Однако, исходя из замечаний государства-участника, Комитет пересмотрел свое решение о приемлемости сообщения. В частности, он принял к сведению утверждение авторов о том, что они подверглись дискриминации, поскольку полинезийцы не защищены законами и нормативными актами, применяемыми на территории метрополии, особенно в том, что касается охраны захоронений. Такое утверждение может привести к постановке вопросов, предусмотренных статьей 26 Пакта, но не охваченных положениями решения о приемлемости от 30 июня 1994 года; тем не менее Комитет счел, что соглашение должно быть объявлено приемлемым и рассмотрено по существу. Государству-участнику было предложено передать в Комитет информацию относительно заявления авторов о дискриминации. Если государство-участник намеревалось оспорить приемлемость сообщения авторов, то ему было предложено присоединить свои замечания на этот счет к замечаниям по существу сообщения, и Комитет рассмотрел бы их при изучении существа жалобы.

7.3 Таким образом, 30 октября 1995 года Комитет принял решение об изменении своего решения о приемлемости сообщения от 30 июня 1994 года.

8.1 Письмом от 27 февраля 1996 года адвокат информирует Комитет о том, что Верховный комиссар Французской Республики по делам Французской Полинезии вызвал силы охраны порядка для очистки (археологической) площадки в Нууроа от людей, с тем чтобы обеспечить возможность немедленно приступить к строительству гостиничного комплекса. В 5 час. 30 мин. утра большое число полицейских, к которым затем присоединилось воинское подразделение, заняли земельный участок и огородили его забором. 19 января на побережье у данного участка около 100 жителей района провели акцию протеста против строительства гостиничного комплекса, а также против оскорбления, как утверждалось, священного характера этого участка, где в 1993 году были найдены человеческие останки, свидетельствующие о существовании древнего захоронения. По заявлению ассоциации "Paruru Ia Tetaitapu Eo Nuuroa", столбы для забора были поставлены на месте старых могил.

8.2 Авторы направляют копию показаний, данных под присягой 22 января 1996 года адвокатом, действовавшим по указанию г-на Дж. Беннетта, президента ассоциации "Paruru Ia Tetaitapu Eo Nuuroa". Из этих показаний, в частности, следует, что в некоторых местах на земельном участке, где намечено строительство гостиницы, были обнаружены человеческие останки. Для того чтобы доказать, что на этом участке найдены человеческие кости, г-н Беннетт раскопал песок на небольшом песчаном возвышении, и там показались края нескольких человеческих костей. Затем г-н Беннетт вновь засыпал их песком. Столбы забора были установлены менее чем в метре от этого возвышения. Г-н Беннетт высказал опасение, что человеческие останки могли быть по небрежности выкопаны и выброшены во время строительства забора.

8.3 Авторы вновь подтверждают, что являются жертвами дискриминации по смыслу статьи 26, поскольку французское законодательство, определяющее порядок и формы охраны захоронений, не применяется во Французской Полинезии.

9.1 В представлении от 6 июня 1996 года государство-участник вновь высказало возражения против приемлемости жалобы авторов в той части, которая касается статьи 26, на том основании, что они не могут утверждать, что являются "жертвами" нарушения этого положения 11/. Оно полагает, что авторы не смогли доказать, что человеческие останки, обнаруженные на оспариваемых землях в январе 1993 года, действительно принадлежат их предкам или что их предки были захоронены в этом могильнике. Государство-участник еще раз заявляет, что, по данным судебно-медицинской экспертизы, проведенной в Полинезийском центре науки о человеке, обнаруженные скелеты по своему возрасту предшествуют появлению европейцев в Полинезии. Следовательно, у авторов нет личной, прямой и существующей на настоящий момент заинтересованности в том, чтобы сослаться на применение законодательства, регулирующего охрану захоронений, поскольку они не могли доказать наличие родственных связей между ними и обнаруженными останками.

9.2 В этом контексте государство-участник отмечает, что уважение к покойным не обязательно распространяется на людей, которые были давно захоронены и память о которых была утрачена много веков назад. В противном случае следует допустить, что каждый раз, когда на земельном участке, расчищаемом под строительство, обнаруживаются человеческие останки, строительство становится невозможным, так как гипотетически эти останки принадлежат предкам людей, живущих в настоящее время. Соответственно, государство-участник приходит к выводу, что французское законодательство, регулирующее вопросы, связанные с захоронениями, неприменимо в отношении жалобы авторов и что их требования, предъявленные согласно статье 26, должны считаться неприемлемыми в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

11/ Приводится ссылка на компетенцию Комитета в этих вопросах, в частности на решение о неприемлемости сообщения № 187/1985 (Дж. Х. против Канады), принятое 12 апреля 1985 года.

9.3 Дополнительно государство-участник утверждает, что в настоящем деле не может быть и речи о нарушении статьи 26. На самом деле соответствующие положения Уголовного кодекса Франции 12/ применяются также во Французской Полинезии после принятия Постановления № 96267 от 28 марта 1996 года, касающегося вступления в силу нового Уголовного кодекса в заморских территориях Франции и на Майотте. Следовательно, авторы необоснованно жалуются на дискриминационное применение уголовного законодательства по охране захоронений. Государство-участник добавляет, что авторы никогда ранее, вплоть до середины 1996 года, не предъявляли каких-либо исков с жалобами на осквернение захоронений.

9.4 В своих дополнительных замечаниях государство-участник утверждает, что существование различных законов во Франции и ее заморских территориях никоим образом не означает нарушения принципа недискриминации, закрепленного в статье 26. Оно разъясняет, что, согласно статье 74 Конституции Франции и имплементирующим законам, законодательство, принятое в метрополии, не применяется автоматически и полностью в заморских территориях, учитывая географические, социальные и экономические особенности этих территорий. Таким образом, законодательство, применимое во Французской Полинезии, принято либо государственными органами, либо компетентными властями Французской Полинезии.

9.5 Напоминая о компетенции Комитета, государство-участник отмечает, что статья 26 не запрещает различий в подходе к осуществлению недискриминационного режима, если такие различия основаны на разумных и объективных критериях. Оно полагает, что различия в законодательстве и нормативной базе метрополии и заморских территорий Франции основаны на таких разумных и объективных критериях, как критерии, определенные в статье 74 Конституции, в которой содержится ясное указание на "специфические интересы" заморских территорий. Понятие "специфические интересы" имеет целью обеспечить сохранение характерных особенностей заморских территорий и обосновывает придание особой компетенции властям Французской Полинезии. Кроме того, нормативные базы метрополии и Французской Полинезии, регулирующие вопросы охраны захоронений, имеют очень много общего.

9.6 В свете последних замечаний государство-участник отмечает, что параграф 2 статьи L.131 Code des Communes фактически применяется как в метрополии, так и в Полинезии. Нормативная база по применению данного положения закона может основываться на разных текстах в метрополии и во Французской Полинезии, но на практике эти различия незначительны. Таким образом, запрет на эксгумацию тела без предварительного разрешения содержится в статье 28 Постановления (Arrêté) № 583 S от 9 апреля 1953 года, применяемого во Французской Полинезии, и в статье R. 361-15 Code des Communes.

9.7 Далее государство-участник отмечает, что в 1989 году во Французской Полинезии был принят закон, регулирующий вопросы благоустройства территории (Code d'aménagement du territoire). Вопросы охраны мест и памятников, имеющих историческое значение, а также вопросы археологической деятельности регулируются в главе пятой указанного закона. Положения данного закона во многом основываются на законах от 2 мая 1930 года и 27 сентября 1941 года (последний регламентирует деятельность, связанную с археологическими раскопками), применяемых в метрополии 13/. Государство-участник ссылается на пункт 1 статьи D. 151-2 Кодекса (Code de l'aménagement de la Polynésie française), в котором, в частности, говорится о возможности частичной или полной охраны мест и памятников, имеющих историческое, художественное, научное или иное значение ("... peuvent faire l'objet d'un classement en totalité ou en partie"). Утверждается, что настоящее положение применимо к охране мест, представляющих особый интерес. В статье D. 151-8 упомянутого Кодекса говорится о том, что предметы и места или памятники, поставленные под охрану, не должны подвергаться разрушению или перемещению, или реставрации без предварительного разрешения главного

12/ Статьи 225-17 и 225-18 Уголовного кодекса Франции.

13/ Копии текстов указанных законов были представлены государством-участником.

административного лица Французской Полинезии 14/. Наконец, статья D. 154-8 Кодекса конкретно касается обнаруженных захоронений; согласно этому положению, компетентные органы управления должны быть немедленно поставлены в известность об обнаружении захоронения.

9.8 Государство-участник утверждает, что вышеуказанные положения полностью обеспечивают защиту интересов авторов и могут способствовать разрешению их проблем. Вопреки утверждениям авторов, во Французской Полинезии существует законодательство, обеспечивающее охрану исторических мест и захоронений, а также археологических раскопок, представляющих особый интерес.

9.9 В своем письме от 26 августа 1996 года адвокат ставит Комитет в известность о кончине г-на Опю и отмечает, что его наследники выразили желание, чтобы рассмотрение сообщения было продолжено.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Авторы утверждают, что в нарушение пункта 1 статьи 14 они были лишены возможности обратиться в независимый и беспристрастный суд. В этой связи они утверждают, что единственными судами, компетентными рассматривать земельные споры во Французской Полинезии, являются местные суды и что им должна была быть предоставлена возможность обратиться в такой суд. Комитет отмечает, что авторы могли обратиться во французский суд, но намеренно не сделали этого, утверждая, что французские власти обязаны были сохранить действующие местные суды. Комитет отмечает, что спор о праве собственности на землю был разрешен судом Папеэте в 1961 году и что предыдущие владельцы не оспаривали это решение. Кроме мирного занятия участка авторы не предприняли никаких дополнительных шагов для того, чтобы оспорить право собственности на землю или ее использование. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14.

10.3 Авторы утверждают, что строительство гостиничного комплекса на спорном участке привело бы к разрушению захоронения их предков, которое занимает важное место в их истории, культуре и жизни, и явилось бы произвольным вмешательством в их частную и семейную жизнь в нарушение статей 17 и 23. Они также утверждают, что на этом участке захоронены члены их семей. Комитет отмечает, что цели Пакта требуют расширительного толкования понятия "семья", которое включает в себя семью в том понимании, которое существует в данном обществе. Этим обуславливается необходимость учитывать культурные традиции при определении понятия "семья" в конкретной ситуации. Из утверждений авторов следует, что они считают отношения со своими предками важным элементом своего самосознания, играющим значительную роль в их семейной жизни. Государство-участник не оспаривает этого; государство-участник также не оспаривает утверждения о том, что указанное захоронение играет важную роль в истории, культуре и жизни авторов. Государство-участник оспаривает обращение авторов только на том основании, что они не установили наличия родственных связей между останками, обнаруженными в захоронении, и собой. Комитет считает, что то обстоятельство, что авторы не установили прямых родственных связей, не может быть обращено против них в обстоятельствах, которые изложены в сообщении: захоронение возникло до прихода европейских поселенцев и признано, что в нем имеются останки предков современного полинезийского населения Таити. Таким образом, Комитет заключает, что строительство гостиничного комплекса на месте захоронения предков авторов составляет вмешательство в их право

14/ "... les biens, les sites et les monuments naturels classés et les parcelles de ceux-ci ne peuvent être détruits et déplacés ni être l'objet d'un travail de restauration ... sans l'autorisation du chef de territoire suivant les conditions qu'il aura fixées..." (это положение аналогично статье 12 закона от 2 мая 1930 года, применяемого в метрополии).

на семейную и частную жизнь. Государство-участник не доказало, что такое вмешательство является разумным в данных обстоятельствах, и ничто в информации, имеющейся в Комитете, не свидетельствует о том, что государство-участник надлежащим образом учло значение захоронения для авторов, когда оно приняло решение о сдаче участка в аренду под строительство гостиничного комплекса. Комитет считает, что имело место произвольное вмешательство в права авторов на семейную и частную жизнь в нарушение пункта 1 статьи 17 и пункта 1 статьи 23.

10.4 Как указано в пункте 7.3 решения от 30 октября 1995 года, Комитет также рассмотрел утверждения авторов об осуществляемой в нарушение статьи 26 Пакта дискриминации в связи с отсутствием конкретных мер юридической защиты захоронений во Французской Полинезии. Комитет принял к сведению возражения государства-участника против приемлемости рассмотрения жалобы, а также дополнительную подробную аргументацию, относящуюся к существу дела.

10.5 На основании информации, представленной государством-участником и авторами, Комитет не имеет возможности определить, имело ли место нарушение статьи 26 в деле, описанном в настоящем сообщении.

11. На основании положений пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет считает, что представленная ему информация о фактических обстоятельствах дела свидетельствует о нарушении пункта 1 статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта.

12. Комитет по правам человека полагает, что авторы имеют право, согласно подпункту а) пункта 3 статьи 2 Пакта, на соответствующую защиту. Государство-участник обязано эффективно защитить права авторов и обеспечить, чтобы аналогичные нарушения не имели места в будущем.

13. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить не позднее чем через 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение изложенных Комитетом соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

- А. Особое (частично несовпадающее) мнение членов Комитета г-жи Элизабет Эватт, г-жи Сесилии Медины Кироки, г-на Фаусто Покара, г-на Мартина Шейнина и г-на Максвелла Ялдена

[Подлинный текст на английском языке]

Мы не согласны с решением Комитета от 30 июня 1994 года о признании жалобы авторов неприемлемой для рассмотрения в связи со статьей 27 Пакта. Сколь бы юридически обоснованным ни было заявление Франции о применимости статьи 27 в отношении территории метрополии, мы не считаем, что замечания, высказанные в указанном заявлении, применимы к заморским территориям, находящимся под французским суверенитетом. В тексте указанного заявления содержится ссылка на статью 2 французской Конституции 1958 года, которая исключает различия между французскими гражданами перед законом. Однако в статье 74 указанной Конституции содержится положение, специально касающееся заморских территорий, согласно которому они имеют особую организацию, учитывающую их собственные интересы в рамках общих интересов Республики. Наличие такой особой организации может, как отмечает сама Франция в своих представлениях по настоящему сообщению, привести к тому, что такие территории будут иметь иное законодательство, учитывающее их географические, социальные и экономические особенности. Таким образом, само заявление, обоснованное Францией, делает статью 27 Пакта применимой в отношении заморских территорий.

По нашему мнению, в сообщении поднимаются важные вопросы, предусмотренные статьей 27 Пакта, которые должны были быть рассмотрены по существу, несмотря на заявление, сделанное Францией в связи со статьей 27.

После того как Комитет принял решение не открывать вновь вопрос о приемлемости жалобы авторов по статье 27, мы можем присоединиться к мнению Комитета по остальным аспектам сообщения.

- В. Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета г-на Дэвида Крецмера и г-на Томаса Бургенталя, подписанное также г-ном Нисуке Андо и лордом Колвиллем

[Подлинный текст на английском языке]

1. К сожалению, мы не можем присоединиться к мнению Комитета о том, что в настоящем сообщении получили подтверждение факты нарушения статей 17 и 23 Пакта.

2. Ранее Комитет постановил (сообщение № 220/1987 и сообщение № 222/1987, объявленные неприемлемыми 8 ноября 1989 года), что заявление Франции относительно статьи 27, сделанное при ратификации Пакта, должно рассматриваться как оговорка, в соответствии с которой Франция не связана обязательствами по данной статье. Основываясь на этом решении, Комитет постановил в своем решении о приемлемости от 30 июня 1994 года, что сообщение авторов не может быть принято к рассмотрению в той его части, которая относится к вопросу о нарушении статьи 27. Это решение, сформулированное в общих выражениях, не позволяет нам рассмотреть вопрос о применимости заявления Франции по отношению не только к метрополии, но и к ее заморским территориям, на которых, по заявлению самого государства-участника, могут действовать особые условия.

3. Авторы утверждают, что государство-участник не обеспечило охраны захоронения их предков, которое играет важную роль как их культурное наследие. Представляется, что в связи с данным заявлением может возникнуть вопрос о том, не отрицает ли таким образом государство-участник право религиозных или этнических меньшинств совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой или исповедовать свою религию. Однако по причинам, изложенным

выше, Комитет не смог рассмотреть этот вопрос. Вместо этого Комитет счел, что строительство гостиницы на месте захоронения представляет собой произвольное вмешательство в семейную и частную жизнь авторов. Мы не можем согласиться с этими утверждениями.

4. Сделав вывод о том, что приведенные в деле факты не свидетельствуют о вмешательстве в семейную и частную жизнь авторов, мы не отвергаем точку зрения, изложенную в Замечании общего порядка 16, принятом Комитетом по статье 17 Пакта, согласно которому понятие "семья" должно "толковаться широко и охватывать всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника". Таким образом, термин "семья" применительно к местному населению Французской Полинезии может включать в себя и родственников, которые в это понятие не входят в других обществах, в том числе и во французской метрополии. Однако при расширительном толковании термин "семья" приобретает дискретное значение. Он не включает всех членов этнической или культурной группы. Он также не обязательно включает в себя всех предков с незапамятных времен. Утверждение о том, что какое-то место является захоронением предков этнической или культурной группы, само по себе не подразумевает, что в данном захоронении погребены члены семьи авторов. Авторы не представили свидетельств того, что данное захоронение связано с их семьей, а не со всем коренным населением данной местности. Общего утверждения о том, что члены их семей захоронены на этом участке, без уточнения характера отношений между ними и теми, кто там погребен, недостаточно для обоснования приведенных авторами аргументов, даже если допустить, что местное понятие семьи отличается от понятий, существующих в других обществах. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Комитета, будто авторы обосновали свое утверждение о том, что строительство на месте захоронения равносильно вмешательству в их семейную жизнь.

5. Комитет упоминает утверждение авторов, что "они считают отношения со своими предками важным элементом своего самосознания, играющим значительную роль в их семейной жизни". Исходя из того, что государство-участник не оспаривало ни этого утверждения, ни заявления авторов о том, что захоронения играют важную роль в их истории, культуре и жизни, Комитет пришел к выводу, что строительство гостиничного комплекса на месте захоронения является вмешательством в право авторов на семейную и частную жизнь. Ссылка Комитета на историю, культуру и жизнь авторов говорит о многом, ибо она показывает, что защищаются не такие ценности, как семья или частная жизнь, а культурные ценности. Мы разделяем озабоченность Комитета судьбой таких ценностей. Однако такие ценности охраняются статьей 27 Пакта, а не положениями, на которые ссылается Комитет. Мы сожалеем, что в данном случае Комитет не может применить статью 27.

6. Вопреки мнению Комитета мы не можем согласиться с тем, что утверждение авторов о вмешательстве в их право на частную жизнь было обосновано. Единственное, на чем основывается вывод Комитета в данном вопросе, это утверждение авторов, что связь с предками играет важную роль в их самосознании. Центральным элементом представления о частной жизни является защита таких аспектов жизни личности или ее отношений с другими, которые скрываются от посторонних глаз или вторжения со стороны. Оно не включает в себя доступ к общественному имуществу, какова бы ни была его природа или цель такого доступа. Более того, тот факт, что посещения определенного места играют важную роль в чем-то самосознании, не трансформирует такие посещения в право данного человека на частную жизнь. Можно представить себе множество видов деятельности, например участие в коллективном богослужении или в культурных мероприятиях, играющих важную роль в самосознании членов различных обществ. Вмешательство в такую деятельность может представлять собой нарушение статей 18 или 27, но не составляет вмешательства в частную жизнь.

7. Мы с определенным сожалением приходим к выводу об отсутствии в настоящем сообщении фактов нарушения прав авторов, закрепленных в Пакте. Мы так же, как и Комитет, озабочены проявленным государством-участником неуважением к месту, которое играет бесспорно важную роль в культурном наследии коренного населения Французской Полинезии. Однако мы полагаем, что эта озабоченность не оправдывает искажения обычного и общепринятого смысла понятий "семья" и "частная жизнь".

I. Сообщение № 550/1993: Роберт Фориссон против Франции
(соображения, принятые 8 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

<u>Представлено:</u>	Робертом Фориссоном
<u>Жертва:</u>	автор
<u>Государство-участник:</u>	Франция
<u>Дата сообщения:</u>	2 января 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	19 июля 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 8 ноября 1996 года,

завершив рассмотрение сообщения № 550/1993, представленного Комитету по правам человека г-ном Робертом Фориссоном в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола * **

1. Автором сообщения от 2 января 1993 года является Роберт Фориссон, родившийся в Соединенном Королевстве в 1929 году и имеющий двойное французско-британское гражданство, в настоящее время он проживает в Виши, Франция. Он утверждает, что является жертвой нарушения его прав человека Францией. Автор не ссылается на конкретные статьи Пакта.

Факты, представленные автором

2.1 Автор, профессор, преподавал литературу в Университете Сорбонны в Париже до 1973 года и Лионском университете до 1991 года, когда он был уволен с кафедры. Зная об историческом значении Холокоста, он собирал свидетельства методов убийства, в частности отравления газом. Он не оспаривает применение газа в целях дезинфекции, но сомневается в существовании газовых камер для целей уничтожения людей ("chambres à gaz homicides") в Аушвице и других нацистских концентрационных лагерях.

2.2 Автор признает, что его мнение опровергалось в многочисленных академических журналах и подвергалось осмеянию в периодической печати, особенно во Франции; тем не менее он продолжает

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета члены Комитета г-жа Кристина Шане и г-н Томас Бургенталь не принимали участия в утверждении настоящих соображений. Заявление г-на Бургенталья прилагается к настоящему документу.

** Тексты пяти отдельных мнений, подписанных семью членами Комитета, прилагаются к настоящему документу.

ставить под сомнение существование газовых камер, предназначенных для уничтожения людей. Он заявляет, что в результате публичного обсуждения его точки зрения и полемики, сопровождавшей это обсуждение, с 1978 года ему стали угрожать смертью и восемь раз избивали. В 1989 году, по его словам, ему нанесли тяжкие телесные повреждения, в частности сломали челюсть, и он был госпитализирован. Он утверждает, что, хотя внимание компетентных судебных органов было обращено на эти нападения, по ним не было проведено серьезного расследования и никто из ответственных за них не был арестован или предан суду. 23 ноября 1992 года Апелляционный суд Риома по просьбе прокурора суда высшей инстанции (Tribunal de Grande Instance) Кюссе прекратил слушание дела (ordonnance de non-lieu), начатого властями против X.

2.3 13 июля 1990 года французские законодатели приняли так называемый "закон Гейссо", содержащий поправки к закону о свободе печати 1881 года: закон был дополнен статьей 24 bis, которая объявляет преступлением отрицание существования такой категории преступлений, как преступления против человечества, определенной в Лондонской хартии от 8 августа 1945 года; последняя послужила основанием для осуждения Международным военным трибуналом в Нюрнберге нацистских руководителей в 1945—1946 годах. Автор считает, что, по сути, закон Гейссо возводит Нюрнбергский процесс и утвержденный на нем приговор в ранг догмы, устанавливая уголовную ответственность для тех, кто осмеливается бросить вызов его результатам и исходным посылкам. Г-н Фориссон утверждает, что у него есть достаточные основания полагать, что документы Нюрнбергского процесса могут быть поставлены под сомнение и что доказательства, использованные против нацистских руководителей, вызывают сомнения так же, как, по его мнению, и свидетельства о числе жертв, уничтоженных в Аушвице.

2.4 В обоснование своих утверждений о том, что документы Нюрнбергского процесса нельзя считать непогрешимыми, он ссылается в качестве примера на обвинительное заключение, в котором немцев обвинили в массовых убийствах в Катыне (Нюрнбергский документ USSR-054). Он отмечает, что сейчас ответственность Советского Союза за это преступление не вызывает сомнений. Далее автор отмечает, что среди членов советской Катынской (Лысенковской) комиссии по Катыни, которая представила доказательства ответственности немцев за массовые убийства в Катыне, были профессора Бурденко и Николас, которые также показали, что немцы использовали газовые камеры в Аушвице для уничтожения четырех миллионов человек (документ USSR-006). Впоследствии, утверждает автор, число жертв в Аушвице было снижено до приблизительно одного миллиона.

2.5 Вскоре после принятия закона Гейссо г-н Фориссон дал интервью французскому ежемесячному журналу Le Choc du Mois ("Ле шок дю муа"), который опубликовал это интервью в журнале № 32 за сентябрь 1990 года. Автор выразил озабоченность в связи с тем, что новый закон угрожает свободе исследований и слова, кроме того, автор вновь выразил свою личную убежденность в том, что в нацистских концентрационных лагерях отсутствовали газовые камеры для уничтожения евреев. После опубликования интервью одиннадцать ассоциаций французских бойцов Сопротивления и лиц, депортированных в германские концентрационные лагеря, возбудили уголовный иск против г-на Фориссона и Патриса Буазо, редактора журнала Le Choc du Mois. 18 апреля 1991 года 17-я Палата по уголовным делам суда высокой инстанции Парижа признала г-на Фориссона и Буазо виновными в совершении преступления "оспаривания преступлений против человечества" и присудила к уплате штрафа и судебных издержек в сумме 326 832 франц. франков.

2.6 Приговор, в частности, основан на следующих высказываниях Фориссона:

«... Никто не может заставить меня сказать, что дважды два — пять, что земля — плоская или что Нюрнбергский процесс был безупречным. У меня есть весьма убедительные основания не верить в существование политики уничтожения евреев или в магические газовые камеры...

Мне бы хотелось, чтобы 100 процентов граждан Франции поняли, что миф о газовых камерах является бесчестной выдумкой ("est une gredinerie"), одобренной государствами-победителями в Нюрнберге в 1945—1946 годах и официально утвержденной 14 июля 1990 года нынешним французским правительством с одобрения "придворных историков"».

2.7 Автор и г-н Буазо подали апелляцию в Апелляционный суд Парижа (11-я Палата). 9 декабря 1992 года 11-я Палата под председательством г-жи Франсуаз Симон поддержала приговор и оштрафовала г-д Фориссона и Буазо на общую сумму в 374 045,50 франка. В эту сумму вошла компенсация морального ущерба одиннадцати ассоциациям истцов. Апелляционный суд, в частности, рассмотрел обстоятельства дела в свете статей 6 и 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и пришел к выводу, что суд первой инстанции правильно оценил их. Автор добавляет, что помимо штрафа он понес значительные дополнительные расходы, включая гонорар адвокату и стоимость лечения в больнице травм, полученных в результате нападения на него членов Бетар и Тагар в первый день судебного процесса.

2.8 Автор отмечает, что закон Гейссо подвергся критике даже в Национальном собрании. Так, в июне 1991 года г-н Жак Тубо, депутат парламента от Объединения в поддержку Республики (РПР), в настоящее время министр юстиции Франции, призвал к отмене закона. Г-н Фориссон также ссылается на критику закона Гейссо г-жой Симоной Вейл, бывшей узницей Аушвица и ведущим юристом, представляющей одну из еврейских ассоциаций. В этом контексте автор присоединяется к сделанному г-ном Филиппом Коста — французским гражданином, которого судили по статье 24 bis и которого Апелляционный суд Парижа оправдал 18 февраля 1993 года, — предложению о замене закона Гейссо законодательным актом, который конкретно защищал бы всех, кто мог бы стать жертвой разжигания расовой ненависти и, в частности, антисемитизма, и при этом не препятствовал бы научным исследованиям и дискуссии.

2.9 Г-н Фориссон признает, что он мог бы обратиться в Кассационный суд, однако, по его словам, у него нет 20 тыс. франков для оплаты услуг адвокатов, которые понадобятся для подачи апелляции; к тому же в любом случае с учетом атмосферы, в которой проходило разбирательство в суде первой инстанции и подача апелляции, дальнейшее обращение в Кассационный суд было бы бессмысленным. Автор полагает, что, даже если бы Кассационный суд отменил приговоры судов более низкой инстанции, он, вне всякого сомнения, приказал бы провести новый процесс, соответственно, с теми же результатами, что и первый процесс 1991 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что закон Гейссо ограничивает его право на свободное выражение мнения и свободу научных исследований в целом, и считает, что закон направлен лично против него ("lex Faurissonia"). Он приносит жалобу на то, что этот законодательный акт представляет собой введение неприемлемой цензуры, препятствующей научным исследованиям и наказывающей за них.

3.2 Что касается судебной процедуры, то г-н Фориссон ставит под сомнение, в частности, беспристрастность Апелляционного суда (11-я Палата). Так, он утверждает, что председатель Палаты отворачивалась от него все время, пока он давал показания, и не позволила ему зачитать ни одного документа в суде, даже выдержки из приговора Нюрнбергского трибунала, которые, по его утверждению, были важны для его защиты.

3.3 Автор заявляет, что из-за нескольких уголовных исков, поданных различными организациями, он и г-н Буазо подвергаются судебному преследованию за одно и то же интервью, данное 10 сентября 1990 года, в двух других судебных инстанциях, заседания которых, на момент подачи данного сообщения, запланированы на июнь 1993 года. Он считает это явным нарушением принципа ne bis in idem.

3.4 Наконец, автор заявляет, что он по-прежнему подвергается настолько серьезным угрозам и физическому насилию, что это представляет угрозу его жизни. Так, он утверждает, что на него было совершено нападение французскими гражданами 22 мая 1993 года в Стокгольме и вновь 30 мая 1993 года в Париже.

Представление государства-участника по вопросу о приемлемости и соответствующие замечания автора

4.1 В своем представлении, сделанном согласно правилу 91, государство-участник изложило хронологию обстоятельств дела и разъяснило правовое основание закона от 13 июля 1990 года. В этой связи оно отмечает, что данный закон заполняет пробел в уголовных санкциях, криминализируя действия тех, кто ставит под сомнение геноцид евреев и существование газовых камер. В этом контексте оно добавляет, что так называемые "ревизионистские" работы ранее не квалифицировались как уголовные деяния и не попадали под положения о запрете (расовой) дискриминации, подстрекательства к расовой ненависти либо прославления военных преступлений или преступлений против человечества.

4.2 Государство-участник далее отмечает, что, для того чтобы выражение мнения не стало уголовным преступлением ("délit d'opinion"), законодательная власть сочла необходимым четко определить состав преступления, криминализируя в статье 23 Закона о свободе печати 1881 года только отрицание ("contestation") одного или нескольких преступлений против человечества по смыслу статьи 6 Устава Международного военного трибунала. Роль судьи, занимающегося расследованием обстоятельств дела, подпадающего под действие нового закона, заключается не в том, чтобы вмешиваться в теоретические или исторические дебаты, а в том, чтобы удостовериться, что публикация отрицает факты совершения преступлений против человечества, признанные международными судебными инстанциями. Государство-участник отмечает, что закон от 13 июля 1990 года был с удовлетворением встречен Комитетом по ликвидации расовой дискриминации в марте 1994 года.

4.3 Государство-участник полагает, что сообщение неприемлемо на том основании, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны в том, что касается нарушения свободы слова г-на Фориссона, так как он не подал апелляцию по своему делу в Кассационный суд. Государство-участник напоминает о компетенции Комитета, согласно которой просто сомнения в эффективности доступных средств защиты не освобождают автора от необходимости ими воспользоваться. Более того, оно утверждает, что для сомнений автора в том, что обращение в Кассационный суд могло бы обеспечить восстановление его прав, нет оснований.

4.4 В этой связи государство-участник отмечает, что, хотя Кассационный суд действительно не рассматривает фактические обстоятельства дела и свидетельские показания, он, тем не менее, устанавливает правильность применения закона в отношении изложенных в деле фактов и может определить, имело ли место нарушение закона, неотъемлемую часть которого составляет Пакт (статья 55 Конституции Франции от 4 июня 1958 года). Статьей 55 устанавливается приоритет международных договоров над внутренним законодательством страны, и, согласно решению Кассационного суда от 24 мая 1975 года, национальные законы, вступающие в противоречие с международным договором, не применяются, даже если они были приняты после подписания договора. Таким образом, автор вполне мог сослаться на Пакт в Кассационном суде, так как положения Пакта имеют преимущественную силу по сравнению с законом от 13 июля 1990 года.

4.5 По поводу расходов в связи с апелляцией в Кассационном суде государство-участник отмечает, что, согласно статьям 584 и 585 Уголовно-процессуального кодекса, осужденный не обязательно должен быть представлен адвокатом в Кассационном суде. Более того, оно отмечает, что в ответ на достаточно мотивированную просьбу автору была бы предоставлена юридическая помощь в соответствии с положениями закона 91-647 от 10 июля 1991 года (и особенно его пункта 10). Автор не обратился с такой просьбой, и государство-участник заявляет, что в отсутствие информации о финансовом положении автора нет никаких оснований говорить о том, что просьба об оказании юридической помощи была бы отклонена.

4.6 Относительно нарушения пункта 7 статьи 14 государство-участник подчеркивает, что принцип ne bis in idem закреплен во французском законодательстве, и это неоднократно подтверждалось решениями Кассационного суда (см., в частности, статью 6 Уголовно-процессуального кодекса).

4.7 Следовательно, если бы против автора были вновь поданы иски и возбуждены уголовные дела в судах по деяниям, по которым Апелляционный суд Парижа уже вынес решение 9 декабря 1992 года,

тогда, как утверждает государство-участник, прокурор и суд должны были бы применить *ex officio* принцип *non bis in idem* и таким образом прекратить новое судебное разбирательство.

4.8 Государство-участник опровергает заявление автора о том, что его дело было предметом других уголовных процессов по тем же обстоятельствам, как явно вводящее в заблуждение в том смысле, что приговора от 9 декабря 1992 года было уже достаточно для того, чтобы предотвратить какое-либо дальнейшее судебное преследование. Во всяком случае, государство-участник утверждает, что г-н Фориссон не представил каких-либо доказательств такого преследования.

5.1 Комментируя представление государства-участника, автор утверждает, что главный редактор журнала *Le Choc*, который в сентябре 1990 года опубликовал спорное интервью, действительно обращался в Кассационный суд; 20 декабря 1994 года Палата по уголовным делам Кассационного суда отклонила его апелляцию. Автор был информирован об этом решении заказным письмом от 21 февраля 1995 года канцелярией Апелляционного суда Парижа.

5.2 Г-н Фориссон вновь заявляет, что в свете существующей юридической практики помощь адвоката при рассмотрении дела в Кассационном суде необходима, даже если она не требуется по закону: если суд правомочен только определять правильность применения закона к обстоятельствам дела, то обвиняемый должен обладать специальными юридическими знаниями для того, чтобы следить за ходом судебного слушания. Что же касается юридической помощи, то автор просто отмечает, что такая помощь обычно не гарантируется лицам, получающим зарплату университетского профессора, даже если такая зарплата, как в его ситуации, резко сократилась из-за лавины штрафов, карательных санкций и прочих судебных расходов.

5.3 Автор отмечает, что он ссылается не столько на нарушение его права на свободу слова, которое допускает некоторые ограничения, сколько на свое право свободного выражения мнения и сомнений, а также свободы теоретических изысканий. Последняя, как он утверждает, уже по определению может подвергаться ограничениям. Однако, в отличие от аналогичного законодательства Германии, Бельгии, Швейцарии или Австрии, закон от 13 июля 1990 года на самом деле жестко ограничивает свободу выражать сомнения и проводить исторические исследования и тем самым возводит в ранг непогрешимой догмы разбирательство и приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге. Автор отмечает, что судебные разбирательства Международного трибунала, способ сбора и оценки доказательств и сами личности судей подвергались настолько резкой критике в течение многих лет, что сам процесс можно было бы назвать *фарсом* (*la sinistre et déshonorante mascarade judiciaire de Nuremberg*).

5.4 Автор отклоняет как абсурдное и нелогичное правовое обоснование упомянутого закона, приведенное государством-участником, так как оно запрещает даже историкам доказывать, не то что отрицать факт "Shoah", или массового уничтожения евреев в газовых камерах. Он утверждает, что в силу формулировок и практического применения данный закон раз и навсегда закрепляет ортодоксально-еврейскую версию истории Второй мировой войны.

5.5 Что касается нарушения пункта 7 статьи 14, то автор вновь заявляет, что одно и то же интервью, опубликованное в одном и том же издании, вызвало три (различных) судебных процесса в 17-й Палате по уголовным делам суда высокой инстанции Парижа. Эти дела были зарегистрированы под следующими номерами: 1) P. 90 302 0325/0; 2) P. 90 302 0324/1; и 3) P. 90 271 0780/1. 10 апреля 1992 года суд принял решение отложить рассмотрение дела, так как автор принимал участие в двух других процессах, до принятия решения по апелляции автора на постановление по первому делу. Процесс не был возобновлен после вынесения решения Апелляционным судом, но возобновился после того, как 20 декабря 1994 года в Кассационном суде была отклонена апелляционная жалоба журнала *Le Choc du Mois*. После этого два последних процесса возобновились и слушания проходили 27 января и 19 мая 1995 года. Следующее слушание назначено на 17 октября 1995 года.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения на своей пятьдесят четвертой сессии. Он отметил, что к моменту представления сообщения от 2 января 1993 года автор не подал апелляции на решение Апелляционного суда Парижа (11-я Палата) от 9 декабря 1992 года в Кассационный суд. Автор утверждает, что не имеет средств для приглашения для этой цели адвоката и что в любом случае такая апелляция бесполезна. В отношении первого аргумента Комитет заметил, что у автора имелась возможность получить юридическую помощь, которую он не реализовал. В отношении второго аргумента Комитет сослался на свод правил, согласно которым просто наличие сомнений в эффективности процедуры не освобождает автора от необходимости ею воспользоваться. Следовательно, в момент подачи сообщение не отвечало требованиям использования до предела внутренних средств защиты, о которых говорится в подпункте б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. Тем временем другой обвиняемый по делу автора, главный редактор журнала Le Choc, опубликовавшего вызвавшее споры интервью в сентябре 1990 года, обратился с апелляцией в Кассационный суд, который 20 декабря 1994 года отклонил апелляцию. Решение Палаты по уголовным делам Кассационного суда свидетельствует о том, что Суд пришел к выводу о правильности применения закона к обстоятельствам дела, что закон конституционен и его применение соответствовало обязательствам Французской Республики по международным договорам о правах человека, особенно положениям статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые защищают право на свободу мнения и слова в выражениях аналогичных тем, что используются в тех же целях в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Учитывая эти обстоятельства, Комитет счел неразумным требовать от автора обращения в Кассационный суд по тому же вопросу. Данное средство защиты уже нельзя рассматривать как эффективное по смыслу подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, то есть как средство, которое обеспечило бы автору необходимые шансы на справедливый пересмотр дела в суде. Таким образом, более нельзя считать, что сообщению присущ такой недостаток, как несоответствие основному критерию приемлемости — исчерпанию средств внутренней защиты в той части, в какой оно ставило вопросы, предусмотренные статьей 19 Пакта.

6.2 Комитет пришел к заключению, что с точки зрения приемлемости сообщения автор достаточно обосновал свою жалобу о нарушениях его права на свободу слова, мнения и теоретических исследований. Следовательно, его утверждения должны рассматриваться по существу.

6.3 С другой стороны, Комитет счел, что с точки зрения критериев приемлемости автор не обосновал свое утверждение о нарушении его права не быть судимым дважды за одно и то же преступление. Обстоятельства дела не свидетельствуют о том, что он воспользовался этим правом в связи с теми процессами, которые ему надо пройти. Комитет принял к сведению представление государства-участника, заявившего, что прокурор и суд были бы обязаны применить принцип non bis in idem, если бы на него была сделана ссылка, и отменить новые процессы, если бы они касались тех же самых обстоятельств, по которым вынес решение Апелляционный суд Парижа 9 декабря 1992 года. Автор, следовательно, не имел оснований для жалобы по статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Аналогичным образом Комитет установил, что с точки зрения приемлемости автор не обосновал свои утверждения относительно пристрастности судей 11-й Палаты Апелляционного суда Парижа и нежелания судебных органов провести расследование совершенных, по его словам, на него нападений. В этом отношении автор также не может приносить жалобу по статье 2 Факультативного протокола.

6.5 19 июля 1995 года Комитет по правам человека объявил настоящее сообщение приемлемым в той части, в какой оно поднимало вопросы в связи со статьей 19 Пакта.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии автора

7.1 В своем представлении по пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник заявляет, что утверждения автора должны быть отклонены как несовместимые ratione materiae с положениями Пакта и, кроме того, как явно необоснованные.

7.2 Государство-участник вновь объясняет историю принятия закона Гейссо. Оно отмечает в этой связи, что антирасистское законодательство, принятое во Франции в 80-е годы, считалось недостаточным для преследования и наказания, в частности за тривиализацию преступлений, совершенных нацистами во время Второй мировой войны. Закон, принятый 13 июля 1990 года, снимал озабоченность французских законодательных органов развитием на протяжении ряда лет "ревизионизма", главным образом со стороны отдельных лиц, которые оправдывали свои работы (субъективно воспринимаемым) статусом историков и ставили под сомнение факт уничтожения евреев. По мнению правительства, подобные ревизионистские труды представляют собой "утонченную форму современного антисемитизма" ("... constituent une forme subtile de l'antisémitisme contemporain"), за которую по действовавшему в то время уголовному законодательству Франции до 13 июля 1990 года невозможно было преследовать в судебном порядке.

7.3 Таким образом законодательные органы стремились заполнить правовой вакуум и в то же время пытались определить новые, направленные против ревизионизма, положения как можно точнее. Бывший министр юстиции г-н Арпайланж очень точно сформулировал позицию тогдашнего правительства, когда он сказал, что нельзя было не посвятить себя полностью борьбе с расизмом, добавив, что расизм является не мнением, а агрессией и что каждый раз, когда расизму дозволяется публично выразить себя, общественный порядок нарушается немедленно и серьезным образом. Именно потому, что г-н Фориссон выражал свой антисемитизм путем опубликования ревизионистских тезисов в журналах и таким образом очернил память жертв нацизма, он и был осужден по закону от 13 июля 1990 года.

7.4 Государство-участник напоминает, что пункт 1 статьи 5 Пакта позволяет государству-участнику лишить какую-либо группу или лицо права заниматься какой бы то ни было деятельностью, направленной на уничтожение любых прав или свобод, признанных в Пакте; аналогичная формулировка содержится в статье 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Государство-участник ссылается на дело, рассмотренное Европейской комиссией по правам человека 15/, которое, по его мнению, во многом аналогично настоящему делу и мотивы решения которого могли бы использоваться при вынесении постановления по делу г-на Фориссона. По этому делу Европейская комиссия отметила, что статья 17 Европейской конвенции затрагивает в основном те права, которые позволяют осуществлять деятельность, на самом деле направленную на уничтожение прав, закрепленных в Конвенции ("... vise essentiellement les droits qui permettraient, si on les invoquait, d'essayer d'en tirer le droit de se livrer effectivement à des activités visant à la destruction des droits ou libertés reconnus dans la Convention"). Она считает, что авторы, осужденные за хранение работ, содержание которых разжигает расовую ненависть, и ссылающиеся на право на свободу слова, не могут ссылаться на статью 10 Европейской конвенции (эквивалент статьи 19 Пакта), так как они требуют предоставить им это право в целях осуществления деятельности, противоречащей букве и духу Конвенции.

7.5 Применяя эти доводы к делу г-на Фориссона, государство-участник отмечает, что направленность интервью с автором, которое было опубликовано в журнале Le Choc (в сентябре 1990 года), была правильно квалифицирована Апелляционным судом Парижа как подпадающая под действие статьи 24 bis закона от 29 июля 1881 года с поправками, внесенными в закон от 13 июля 1990 года. Ставя под сомнение реальность уничтожения евреев во время Второй мировой войны, автор подстрекает читателя к антисемитским действиям ("... conduit ses lecteurs sur la voie de comportements antisémites"), противоречащим Пакту и другим международным конвенциям, ратифицированным Францией.

7.6 По мнению государства-участника, суждение автора о ratio legis закона от 13 июля 1990 года, изложенное в его сообщении, представленном в Комитет 14 июня 1995 года, а именно о том, что данный закон закрепляет ортодоксально-еврейскую версию истории Второй мировой войны, раскрывает суть маневра, предпринятого автором: под прикрытием фразы о проведении исторических

15/ Сообщение № 8348/78 и сообщение № 8406/78 (Глимервен и Хагенбек против Нидерландов), объявленные неприемлемыми 11 октября 1979 года.

исследований он стремится обвинить еврейский народ в фальсификации и искажении фактов, имевших место во Второй мировой войне, и создании мифа об уничтожении евреев. Еще одной иллюстрацией методов автора по разжиганию антисемитской пропаганды является то, что автором закона от 13 июля 1990 года он назвал бывшего главного раввина, несмотря на то что закон был инициирован парламентом.

7.7 Исходя из вышесказанного, государство-участник приходит к выводу, что в "деятельности" автора, по смыслу статьи 5 Пакта, явно содержатся элементы расовой дискриминации, которые запрещены Пактом и другими международными документами о правах человека. Государство-участник ссылается на статью 26 и, в частности, на пункт 2 статьи 20 Пакта, где говорится, что "всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом". Далее государство-участник напоминает, что оно является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; согласно статье 4 указанной Конвенции государства-участники "объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти" [пункт а) статьи 4]. В ходе рассмотрения периодического доклада Франции в 1994 году Комитет по ликвидации расовой дискриминации особо приветствовал принятие закона от 13 июля 1990 года. В свете вышесказанного государство-участник заключает, что оно лишь выполняло свои международные обязательства, объявив (публично) отрицание преступлений против человечества уголовно наказуемым деянием.

7.8 Государство-участник далее напоминает о решении Комитета по правам человека по сообщению № 104/1981 16/, в котором Комитет установил, что "мнения, которые г-н Т. стремился распространять по системе телефонной связи, безусловно составляют пропаганду расовой или религиозной ненависти, которую Канада обязана запретить в соответствии со статьей 20 (2) Пакта", и что утверждения автора, основывающиеся на статье 19, были недопустимыми, так как они несовместимы с положениями Пакта. Государство-участник считает, что эта аргументация должна быть применима к делу г-на Фориссона.

7.9 В дополнение к сказанному государство-участник заявляет, что жалоба автора, принесенная по статье 19, явно необоснованна по существу. Оно отмечает, что право на свободу слова, закрепленное в статье 19 Пакта, имеет определенные ограничения (ср. пункт 3 статьи 19) и что французское законодательство, регулирующее использование этого права, полностью соответствует принципам, изложенным в статье 19; это было подтверждено решением Конституционного суда Франции от 10 и 11 октября 1984 года 17/. В данном деле ограничения на свободу слова г-на Фориссона обусловлены положениями закона от 13 июля 1990 года.

7.10 Государство-участник подчеркивает, что текст закона от 13 июля 1990 года свидетельствует о том, что состав преступления, за которое был осужден автор, четко определен на основании объективных критериев, с тем чтобы избежать создания категории преступлений, связанных просто с высказыванием мнения ("*délit d'opinion*"). Данное преступление считается совершенным, если имеет место: а) отрицание преступлений против человечества, признанных таковыми согласно международно принятому определению, и б) осуждение таких преступлений против человечества в судебных инстанциях. Иными словами, закон от 13 июля 1990 года предусматривает наказание не за выражение мнения, а за отрицание общепризнанной исторической реальности. По мнению государства-участника, это положение необходимо было принять не только для защиты прав и репутации других лиц, но и для защиты общественного порядка и нравственности.

7.11 В этой связи государство-участник еще раз напоминает о злобных формулировках, которые автор использует в своем сообщении, представленном в Комитет 14 июня 1995 года, критикуя

16/ Сообщение № 104/1981 (Д.Р.Т. и Партия У.Г. против Канады), объявленное неприемлемым 6 апреля 1983 года, пункт 8 (b).

17/ № 84-181 D.C. от 10 и 11 октября 1984 года, Res. p. 78.

решение Международного военного трибунала в Нюрнберге, который он называет зловещим и бессовестным судебным фарсом ("... *la sinistre et déshonorante mascarade judiciaire de Nuremberg*"). Поступая таким образом, он не только оспаривает обоснованность решения Нюрнбергского трибунала, но и в нарушение закона совершает нападки на репутацию и память жертв нацизма.

7.12 В поддержку своих доводов государство-участник ссылается на решения Европейской комиссии по правам человека о толковании статьи 10 Европейской конвенции (эквивалента пункта 19 Пакта). 16 июля 1982 года 18/ в постановлении по делу о запрете судебным решением выставления напоказ и продажи брошюр, содержащих утверждение о том, что убийство миллионов евреев во Второй мировой войне было сионистской выдумкой, Комиссия определила, что "не является произвольным или неразумным рассматривать брошюры, выставленные заявителем, как клеветнические нападки на еврейскую общину и отдельных ее членов. Называя исторический факт уничтожения миллионов евреев — факт, который был признан даже самим заявителем, — ложью и сионистской выдумкой, указанные брошюры не только создают искаженную картину соответствующих исторических фактов, но и содержат нападки на репутацию всех тех..., кто охарактеризован как лжецы и обманщики...". Далее Комиссия обосновывает ограничения на свободу слова заявителя, утверждая, что "ограничение... не только соответствует законной цели, признанной в Конвенции (а именно — защите репутации других), но также может рассматриваться как необходимая в демократическом обществе мера. Такое общество покоится на принципах терпимости и широты мышления, которые в указанной брошюре не соблюдаются. Защита этих принципов может быть особенно необходимой в отношении групп, которые исторически страдали от дискриминации...".

7.13 Государство-участник отмечает, что идентичные соображения вытекают из решения Апелляционного суда Парижа от 9 декабря 1992 года, в котором утверждается приговор, вынесенный г-ну Форрисону, в частности путем ссылки на статью 10 Европейской конвенции и на Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Оно приходит к выводу, что приговор автору был полностью обоснован не только в силу необходимости обеспечить уважение к приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге и таким образом к памяти оставшихся в живых и потомков жертв нацизма, но и необходимостью поддержания социального согласия и общественного порядка.

8.1 В своих комментариях автор утверждает, что замечания государства-участника основываются на неправильном понимании вопроса: он согласен с тем, что свобода слова и свобода мнения имеют некоторые пределы, но он ссылается не на эти свободы, а на свободу выражать сомнение и свободу проводить научные исследования, которые, по его мнению, не имеют ограничений. Эти, последние из упомянутых, свободы нарушаются законом от 13 июля 1990 года, который возводит в ранг единственной и нерушимой истины то, что одна группа людей, судьи Международного военного трибунала, провозгласила как истину. По словам г-на Форрисона, правительства Испании и Соединенного Королевства недавно признали, что антиревизионистское законодательство, построенное по французской модели, является шагом назад с точки зрения законности и истории.

8.2 Автор повторяет, что стремление бороться с антисемитизмом не может оправдать какие-либо ограничения на свободу исследований в вопросе, явно представляющем интерес для еврейских организаций: автор называет "чрезмерными" "цензурные привилегии", которыми пользуются представители еврейской общины во Франции. Он отмечает, что практически ни одна из известных ему тем не становилась табу для исследований по просьбе другого политического или религиозного сообщества. По его мнению, ни один закон не должен запрещать публикацию результатов исследований на любую тему под тем предлогом, что в данной теме нет материала для исследований.

8.3 Г-н Форрисон утверждает, что государство-участник не представило ни малейшего доказательства, что его работы и тезисы являются "утонченной формой современного антисемитизма" (см. пункт 7.2, выше) или подстрекают общественность к антисемитским действиям (см. пункт 7.5,

18/ Сообщение № 9235/81 (X. против Федеративной Республики Германии), объявленное неприемлемым 16 июля 1982 года.

выше). Он обвиняет государство-участника в высокомерии, так как оно отвергает его исследования и работы как псевдонаучные ("prétendument scientifique"), и добавляет, что он не отрицает, а только ставит под сомнение то, что государство-участник называет общепризнанной реальностью ("une réalité universellement reconnue"). Далее автор отмечает, что за последние два десятилетия ревизионистская школа смогла отвергнуть как сомнительные или неверные столь многие элементы "общепризнанной реальности", что данный спорный закон становится еще более необоснованным.

8.4 Автор отрицает существование какого-либо действующего законодательства, которое могло бы помешать ему ставить под сомнение приговор и решение Международного военного трибунала в Нюрнберге. Он оспаривает и называет чистой тавтологией и petitio principis утверждение государства-участника, что основой такого запрета является закон от 13 июля 1990 года. Далее он отмечает, что даже французские суды признали, что процедуры и решения Международного трибунала можно обоснованно критиковать 19/.

8.5 Автор замечает, что в связи с недавним ревизионистским делом (дело Роже Гароди) ограниченное большинство мыслящих людей Франции, а также представители Французской лиги по правам человека открыто выступили против сохранения в силе закона от 13 июля 1990 года.

8.6 Касаясь нарушения его права на свободу слова и свободу мнения, автор отмечает, что эти свободы остаются серьезно ограниченными: он лишен права на ответ в крупных средствах массовой информации, и судебные разбирательства по его делу имеют тенденцию превращаться в закрытые процессы ("... mes procès tendent à devenir des procès à huis-clos"). Именно из-за применения закона от 13 июля 1990 года предоставление места на страницах газет автору или рассказ о характере аргументации в его защиту на судебных процессах стали преступлением. Г-н Фориссон отмечает, что он подал в суд на газету "Либерасьон" за отказ предоставить ему право на ответ; он был осужден судом первой инстанции, его апелляция была отклонена, а ему было предписано уплатить штраф директору газеты. Г-н Фориссон заключает, что он "был похоронен заживо" в своей собственной стране.

8.7 Г-н Фориссон утверждает, что было бы неправильным рассматривать его дело и ситуацию только в свете правовых понятий. Он полагает, что его дело должно рассматриваться в более широком контексте: в качестве примера он ссылается на дело Галилея, чьи открытия были истинными, и любой закон, по которому он мог быть осужден, по своему характеру был бы ошибочным или абсурдным. Г-н Фориссон утверждает, что закон от 13 июля 1990 года был написан второпях и сведен воедино тремя авторами и что проект не прошел в Национальном собрании в начале мая 1990 года. Он полагает, что закон был принят только после осквернения еврейского кладбища в Карпентрасе (Воклюз) 10 мая 1990 года и бесстыдной эксплуатации ("exploitation naïuséabonde") этого события тогдашним министром внутренних дел П. Жоксом и председателем Национального собрания Л. Фабиусом. Автор приходит к выводу, что если закон был принят в таких обстоятельствах, то однажды он должен исчезнуть так же, как и "миф" о газовых камерах в Аушвице.

8.8 В другом представлении, от 3 июля 1996 года, государство-участник частично объясняет цели издания закона 13 июля 1990 года. Оно отмечает, что введение этого закона имело целью содействовать борьбе с антисемитизмом. В этом контексте государство-участник ссылается на сделанное тогдашним министром юстиции г-ном Арпайлажем в Сенате заявление, в котором он охарактеризовал отрицание существования Холокоста как современное выражение расизма и антисемитизма.

8.9 В своих замечаниях по представлению государства-участника от 11 июля 1996 года автор повторяет ранее утвержденные аргументы, в частности он вновь ставит под сомнение "принятую" версию уничтожения евреев из-за отсутствия доказательств. В этом контексте он ссылается, например, на то, что указ об уничтожении евреев не был найден и что еще не удалось доказать техническую возможность убийства столь многих людей с помощью газа. Далее он напоминает о том, что

19/ Ср. 17-я Палата по уголовным делам, исправительный трибунал Парижа, 18 апреля 1991 года.

посетителям Аушвица внушают, что газовая камера, которую они видят, является настоящей, хотя власти знают о том, что это реконструкция, поставленная не на том месте, где, как говорят, находился оригинал. Он заключает, что как историк, интересующийся фактами, он не желает принимать традиционную версию событий и должен опровергать ее.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей предоставленной ему сторонами информации, как этого требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает к сведению проходившие во Франции публичные дебаты, в том числе негативные замечания французских парламентариев по закону Гейссо, а также доводы, приведенные другими странами, в основном европейскими, которые поддерживают или выступают против принятия аналогичных законов.

9.3 Хотя Комитет не отрицает, что применение положений закона Гейссо, в соответствии с которым сомнения в выводах и приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге признаются уголовно наказуемыми, может привести, при обстоятельствах иных, чем фактические обстоятельства настоящего дела, к решениям или действиям, несовместимым с Пактом, Комитет не призван абстрактно критиковать законы, принятые в государствах-участниках. Согласно Факультативному протоколу задача Комитета — выяснить, выполняются ли условия, устанавливаемые в связи с введением ограничений на свободу слова, о которых говорится в представленных ему сообщениях.

9.4 Любое ограничение свободы слова должно в совокупности удовлетворять следующим условиям: оно должно быть установлено законом, оно должно быть направлено на достижение одной из целей, изложенных в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19, и оно должно быть необходимым для достижения законной цели.

9.5 Ограничение свободы выражения своего мнения автором действительно предусмотрено законом, а именно законом от 13 июля 1990 года. Согласно своей постоянной компетенции Комитет устанавливает, отвечает ли сам ограничительный закон требованию соответствия положениям Пакта. В этом отношении Комитет, ознакомившись с приговором 17-й Палаты по уголовным делам суда высокой инстанции Парижа, заключает, что решение о вине автора основывается на двух его высказываниях: "... У меня есть весьма убедительные основания не верить в существование политики уничтожения евреев или в магические газовые камеры... Мне бы хотелось, чтобы 100 процентов французских граждан поняли, что миф о газовых камерах является бесчестной выдумкой". Следовательно, приговор суда не нарушил право автора иметь и высказывать мнение вообще, а суд осудил г-на Фориссона за нарушение прав и репутации других. По этим причинам Комитет считает, что закон Гейссо в том виде, в каком он был прочитан, истолкован и применен в деле автора французскими судами, соответствует положениям Пакта.

9.6 Для того чтобы оценить, было ли решение об ограничении свободы автора выражать свое мнение приговором ему как уголовному преступнику применено для достижения целей, предусмотренных Пактом, Комитет начал с того, что как и в Замечании общего порядка 10, отметил: права, для защиты которых вводятся ограничения на свободу слова, установленные в пункте 3 статьи 19, могут относиться к интересам других лиц или интересам общества в целом. Поскольку замечания автора, прочитанные в их полном контексте, вызывают или усиливают антисемитские настроения, указанное ограничение способствовало тому, что еврейская община могла не опасаться атмосферы антисемитизма. Поэтому Комитет заключил, что ограничение свободы выражения мнения в отношении автора допустимо согласно подпункту а) пункта 3 статьи 19 Пакта.

9.7 Наконец, Комитету необходимо рассмотреть вопрос о том, была ли необходимость в ограничении свободы слова автора. Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что принятие закона Гейссо было направлено на борьбу с антисемитизмом. Он также принял к сведению заявление члена французского правительства, тогдашнего министра юстиции, который

охарактеризовал отрицание существования Холокоста как основное средство распространения антисемитизма. В отсутствие материалов о каких-либо аргументах, ставящих под сомнение обоснованность позиции государства-участника относительно необходимости ограничения свободы слова, Комитет пришел к выводу, что ограничение свободы г-на Фориссона выразить свое мнение было необходимым по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта.

10. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека придерживается того мнения, что установленные Комитетом факты по данному делу не свидетельствуют о нарушении Францией пункта 3 статьи 19 Пакта.

ДОБАВЛЕНИЕ

A. Заявление г-на Томаса Бургенталя

[Подлинный текст на английском языке]

Как бывший узник концентрационных лагерей Аушвиц и Заксенхаузен, чьи отец, бабушка и бабушка по материнской линии и многие другие родственники были уничтожены во время нацистского Холокоста, я вынужден отказаться от участия в рассмотрении данного дела.

B. Особое (совпадающее) мнение г-на Нисуке Андо

[Подлинный текст на английском языке]

Я не выступаю против соображений Комитета по правам человека в отношении настоящего дела, но, тем не менее, хотела бы выразить свою озабоченность по поводу возможной опасности, связанной с рассматриваемым французским законом, законом Гейссо. Насколько я понимаю, данный закон криминализирует отрицание (по-французски — "contestation") одного или ряда преступлений против человечества по смыслу статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге одним из способов, приведенных в статье 23 Закона о свободе печати 1881 года (см. пункт 4.2). По моему мнению, термин "отрицание" ("contestation") при свободном толковании может охватывать различные формы выражения мнения и, таким образом, может угрожать нарушением или нарушать право на свободу слова, которое является необходимым предварительным условием надлежащего функционирования демократического общества. Для того чтобы устранить эту возможность, было бы, наверное, целесообразнее заменить данный закон конкретным законом, запрещающим точно определенные действия антисемитского характера, или отражением в уголовном кодексе положения, в целом защищающего права или репутацию людей.

C. Особое (совпадающее) мнение г-жи Элизабет Эватт и г-на Дэвида Крецмера, подписанное также г-ном Экартом Клайном

[Подлинный текст на английском языке]

1. Хотя мы согласны с мнением Комитета о том, что в конкретных обстоятельствах данного дела право автора на свободу слова не было ограничено, но, учитывая важность вопроса, мы решили приложить наше особое мнение, совпадающее с мнением Комитета.

2. Любое ограничение свободы слова должно в совокупности удовлетворять следующим условиям: оно должно быть установлено законом, оно должно быть направлено на достижение одной из целей, изложенных в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19, и оно должно быть необходимым для достижения этой цели. В данном случае нас беспокоит ограничение свободы слова автора в связи с его осуждением за заявления, сделанные в интервью Le Choc du Mois. Поскольку осуждение основывается на запрете, установленном законом Гейссо, это было действительно установленное законом ограничение. Основной вопрос заключается в том, смогло ли государство-участник доказать необходимость такого ограничения по смыслу подпункта а) пункта 3 статьи 19 с целью обеспечить уважение к правам или репутации других лиц.

3. Государство-участник утверждает, что осуждение автора было оправданно "необходимостью обеспечить уважение к приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге и таким образом к памяти оставшихся в живых и потомков жертв нацизма". Мы никоим образом не сомневаемся в том, что заявления автора весьма оскорбительны как для переживших Холокост, так и для потомков его жертв (и многих других), но если ставить вопрос в соответствии с положениями

Пакта, то он заключается в том, можно ли рассматривать ограничение свободы слова для достижения этой цели как необходимое для обеспечения уважения к правам других.

4. Каждый человек имеет право быть свободным не только от дискриминации по признаку расы, религии и национального происхождения, но и от подстрекательства к такой дискриминации. Об этом недвусмысленно заявлено в статье 7 Всеобщей декларации прав человека. Это подразумевается обязательством государств-участников согласно пункту 2 статьи 20 Пакта — обязательством запретить законом любую пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Преступление, за которое был осужден автор по закону Гейссо, явно не содержит элемента подстрекательства, а заявления, которые послужили основанием для приговора, определенно не подпадают под категорию подстрекательства, которое государство-участник обязано запретить в соответствии с пунктом 2 статьи 20. Однако могут возникнуть обстоятельства, в которых право человека на свободу от подстрекательства к дискриминации на основании расы, религии или национального происхождения не может быть защищено в полном объеме с помощью узкого по смыслу закона, конкретно направленного против подстрекательства, точно подпадающего под действие пункта 2 статьи 20. Так обстоит дело, когда заявления, сделанные в определенном социальном и историческом контексте, не отвечают строгим юридическим критериям подстрекательства, являющегося частью системы подстрекательства против данной расовой, религиозной или национальной группы, или когда те, кто заинтересован в распространении враждебности и ненависти, используют софистские речевые обороты, не подлежащие наказанию по закону, запрещающему подстрекательство к расовой вражде, хотя по своему воздействию они могут быть столь же, если не более вредными, как и явные подстрекательские заявления.

5. При обсуждении закона Гейссо во французском Сенате тогдашний министр юстиции г-н Арпейланж пояснил, что указанный закон, который, в частности, запрещал отрицание Холокоста, был необходим, поскольку отрицание Холокоста являлось современным выражением расизма и антисемитизма. Кроме того, вопрос о влиянии высказываний автора на пропаганду расовой или религиозной ненависти рассматривался в Апелляционном суде Парижа, который нашел, что такие высказывания, способствуя распространению идей, возрождающих нацистскую доктрину и политику расовой дискриминации, нарушают гармоничное сосуществование различных групп населения во Франции.

6. Нельзя отрицать, что в современных условиях жизни Франции отрицание Холокоста может явиться формой подстрекательства к антисемитизму. Это следствие не просто сомнений в хорошо документированных исторических фактах, установленных как историками различных направлений и культуры, так и международными и национальными трибуналами, но и контекста заявлений, когда под прикрытием беспристрастных материалов научных исследований выдвигаются скрытые идеи, что жертвы нацизма виновны в бесчестных выдумках, что история их страданий есть миф и что газовые камеры, в которых погибло так много людей, есть некая "магия".

7. Комитет справедливо указал, как это сделано в Замечании общего порядка 10, что право на защиту, в контексте которого ограничения на свободу слова разрешены пунктом 3 статьи 19, может распространяться на интересы всего общества. Это особенно верно, когда защищается право быть свободным от подстрекательств к расовой, национальной или религиозной вражде. Французские суды рассмотрели заявления автора и пришли к выводу, что по своему характеру они вызывали или укрепляли антисемитские настроения. Поэтому представляется, что ограничение свободы автора выражать свое мнение служит делу защиты права еврейской общины во Франции на жизнь, свободную от страха подстрекательства к антисемитизму. Это подводит нас к выводу о том, что государство-участник показало: цель ограничения на свободу автора выражать свое мнение заключалась в обеспечении уважения к правам других, как об этом говорится в пункте 3 статьи 19. Сложен вопрос о том, необходимо ли было для защиты такого права устанавливать ответственность за подобные заявления.

8. Предоставляемые государствам-участникам пунктом 3 статьи 19 полномочия по ограничению свободы слова не должны толковаться как разрешение на запрет непопулярных высказываний или

высказываний, которые какая-либо часть населения считает оскорбительными. Многие оскорбительные высказывания могут рассматриваться как нарушающие ценности, упомянутые в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19 (права или репутация других, государственная безопасность, общественный порядок, здоровье или нравственность). Поэтому в Пакте оговаривается, что цель защиты какой-либо одной из таких ценностей не является сама по себе достаточным основанием для ограничения свободы слова. Ограничение должно быть необходимо для защиты данной ценности. Требование необходимости подразумевает элемент пропорциональности. Степень ограничения свободы слова должна быть пропорциональной ценности, которую данное ограничение призвано защитить. Оно не должно превышать необходимую степень защиты. Как заявил Комитет в своем Замечании общего порядка 10, ограничение не должно ставить под угрозу само право.

9. Формулировки закона Гейссо носят очень общий характер, и может создаться впечатление, что они запрещают публикацию результатов настоящих исследований, относящихся к вопросам, по которым были приняты решения Нюрнбергским трибуналом. Даже если цель запрещения — защитить право на свободу от подстрекательства к антисемитизму, налагаемые ограничения не удовлетворяют критериям пропорциональности. Они не увязывают ответственность с намерением автора или с такой прослеживающейся в этой публикации тенденцией, как подстрекательство к антисемитизму. Более того, вполне легитимная цель принятия данного закона могла бы, разумеется, быть достигнута с помощью менее жестких норм, не подталкивающих к выводу, что государство-участник пытается превратить историческую правду и опыт в законодательную норму, которую невозможно было бы поставить под сомнение, независимо от цели и последствий такого сомнения. Однако в данном случае нас беспокоит не сам закон Гейссо *in abstracto*, а только ограничение на свободу слова автора в связи с его убеждениями, высказанными в интервью журналу *Le Choc du Mois*. Отвечает ли это ограничение критерию пропорциональности?

10. Французские суды сугубо детально изучили заявления автора. Их решения и само интервью опровергают довод автора о том, что в своих действиях он руководствовался лишь стремлением установить истину в ходе исторических исследований. В своем интервью автор потребовал, чтобы историкам, "в частности еврейским историкам" ("les historiens, en particulier juifs"), соглашающимся с некоторыми ошибочными результатами Нюрнбергского процесса, было предъявлено обвинение в судебном порядке. Автор говорил о магических газовых камерах ("la magique chambre à gaz") и мифе о газовых камерах ("le mythe des chambres à gaz"), которые были "бесчестной выдумкой" ("une gredinerie"), получившей одобрение победителей в Нюрнберге. В этих заявлениях автор выделил еврейских историков и явно дал понять, что евреи, жертвы нацизма, сочинили сказку о газовых камерах в своих собственных целях. Есть все основания для защиты права проведения *bona fide* исторических исследований от каких-либо ограничений, даже если они ставят под сомнение общепринятые исторические истины и таким образом оскорбляют тех или иных людей, однако антисемитские заявления автора, которые нарушают права других, как это происходило в данном случае, не могут быть таким же образом защищены от ограничений. Ограничения свободы выражения автором своего мнения не сказались на его основополагающем праве на свободу слова, никоим образом они не повлияли на свободу его научных исследований; такие ограничения непосредственно связаны с уважением тех ценностей, которые они призваны защищать, — права быть свободными от пропаганды расизма или антисемитизма; в данных обстоятельствах защита этих ценностей не могла быть обеспечена менее решительными мерами. По этой причине мы присоединяемся к выводу Комитета о том, что в конкретных обстоятельствах данного дела ограничение на свободу автора выражать свое мнение отвечает критерию пропорциональности и было необходимо для защиты прав других лиц.

D. Особое (совпадающее) мнение г-жи Сесилии Медины Кироги

[Подлинный текст на испанском языке]

1. Я согласна с мнением Комитета, изложенным в связи с данным делом, и хочу присоединиться к особому мнению, сформулированному г-жой Эварт и г-ном Крецмером, поскольку оно наиболее четко выражает мои собственные мысли.

2. Мне хотелось бы добавить, что определяющим фактором для моей позиции является то обстоятельство, что, хотя при практическом применении формулировки закона Гейссо могут привести к явному нарушению статьи 19 Пакта, французские суды, судившие г-на Фориссона, толковали и применяли этот закон в свете положений Пакта, таким образом адаптируя закон к принятым Францией международным обязательствам в отношении свободы слова.

Е. Особое (совпадающее) мнение г-на Раджсумера Лаллаха

[Подлинный текст на английском языке]

1. У меня есть некоторые оговорки в отношении подхода Комитета к определению своих выводов. Я пришел к тем же выводам, но по другим причинам.

2. Вероятно, необходимо определить, во-первых, какие ограничения или запреты государство-участник может на законном основании наложить на свободу слова или мнения, будь то в соответствии с пунктом 3 статьи 19 или пунктом 2 статьи 20 Пакта; и во-вторых, там, где несоблюдение таких ограничений или запретов наказуется по закону, какие элементы правонарушения должны быть оговорены в законе, с тем чтобы человек знал, что это за элементы, и мог бы защитить себя в связи с их действием, используя основополагающее право на справедливое разбирательство в суде, предоставленное ему статьей 14 Пакта.

3. Комитет, а также мои коллеги г-жа Эватт и г-н Крецмер, с особым мнением которых я имел возможность ознакомиться, тщательно проанализировали цели, во имя которых на законном основании могут быть наложены ограничения согласно пункту 3 статьи 19 Пакта. Они также были правы, подчеркнув, что для достижения этих целей необходимы ограничения. Нет нужды что-либо добавлять в связи с этим конкретным аспектом рассматриваемого вопроса.

4. Что касается ограничений или запретов во исполнение пункта 2 статьи 20, то элемент необходимости соединяется с самим характером высказывания, которое может быть обоснованно запрещено законом, то есть имеется в виду такое высказывание, которое сводится к пропаганде национальной, расовой или религиозной ненависти, что является подстрекательством к дискриминации, враждебности или насилию.

5. Второй вопрос — о том, что должны предусматривать формулировки закона, — более сложный. Не думаю, что могут встретиться трудности при разработке закона, который в тех же выражениях, что и пункт 2 статьи 20, запрещал бы пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию. Формулирование закона становится более проблематичным для целей пункта 3 статьи 19, поскольку, в отличие от пункта 2 статьи 20, речь здесь идет не столько об ограничении конкретного высказывания, сколько о неизбежно неблагоприятном его воздействии на конкретные объекты или интересы, для защиты которых и разрабатывались подпункты а) и б) пункта 3. Материальным элементом ограничения или запрета и, следовательно, правонарушения становится ущерб, наносимый этим объектам или интересам.

6. Как отметили мои коллеги г-жа Эватт и г-н Крецмер, закон Гейссо сформулирован очень широко и создается впечатление, что он запрещает настоящие исследования, связанные с принципами и вопросами, решенными Нюрнбергским трибуналом. Он предусматривает абсолютную ответственность, в отношении которой никакая защита не представляется возможной. Он не увязывает ответственность с намерением автора или ущербом, наносимым уважению к правам или репутации других, как того требует подпункт а) пункта 3 статьи 19, или с защитой государственной безопасности или общественного порядка, или нравственности населения, как того требует подпункт б) пункта 3 статьи 19.

7. Очень важной особенностью закона Гейссо является то, что он криминализирует, по сути, любое сомнение в выводах и приговоре Нюрнбергского трибунала. В практическом плане закон

криминализирует само отрицание исторических фактов. Допущенное в законе предположение, что такое отрицание обязательно носит антисемитский характер или имеет целью подстрекательство к антисемитизму, сделано парламентом или законодателем и не оставлено на усмотрение судов. По этой причине закон, по-видимому, в принципе ставит под сомнение право любого человека, обвиненного в нарушении закона, на рассмотрение его дела независимым судом.

8. Однако я сознаю, что закон должен истолковываться не абстрактно, а применительно к делу автора. В этой связи следует обратить внимание на такой вопрос: были ли какие-либо недостатки закона, обнаруженные при его применении к делу автора, исправлены или не исправлены судами?

9. По-видимому, как было отмечено и моими коллегами г-жой Эватт и г-ном Кретцмером, французские суды рассмотрели заявления автора о расовой или религиозной ненависти и пришли к выводу, что данные заявления способствовали распространению идей, которые вели к возрождению нацистской доктрины и политики расовой дискриминации. Было сочтено, что данные заявления по своему характеру пробуждают или усиливают антисемитские настроения. Из расследования, проведенного французскими судами, несомненно следует, что заявления автора были равносильны пропаганде расовой или религиозной ненависти к лицам иудейской веры и представляли собой по меньшей мере подстрекательство к дискриминации и вражде, что, согласно пункту 2 статьи 20 Пакта, Франция имеет право запретить. В этом отношении при рассмотрении дела и формулировании своих выводов французские суды совершенно обоснованно использовали право принять решение по вопросу, который законодатель стремился решить законодательным путем.

10. Каковы бы ни были недостатки закона, они в ходе разбирательства по делу автора были исправлены судами. При рассмотрении сообщения, согласно Факультативному протоколу, следует учесть действия государства как такового независимо от того, действовало данное государство через законодательные или судебные органы либо через те и другие, вместе взятые.

11. Таким образом, я прихожу к выводу, что более правомерным решением для Франции было бы, с моей точки зрения, решение действовать в соответствии с пунктом 2 статьи 20 Пакта при определении нового состава преступления, предусмотренного в законе Гейссо и установленного судами в деле автора. В результате Франция не допускает нарушения Пакта.

12. Я знаю, что сообщение автора было сочтено неприемлемым только в соответствии со статьей 19. Однако я отмечаю, что в своем сообщении автор не упомянул какие-либо конкретные статьи. В ходе обмена замечаниями между автором и государством-участником существо вопросов, относящихся к пункту 2 статьи 20, также обсуждалось или затрагивалось. Я не вижу никаких трудностей ни процедурного характера, ни по существу дела в решении вопроса о целесообразности сделать ссылку на пункт 2 статьи 20.

13. Введение ограничений, в принципе допустимых в связи с пунктом 3 статьи 19, серьезно осложняет ситуацию возможностью уничтожить само право, на которое налагается ограничение. Право на свободу слова и мнения — наиболее важное право, и оно может оказаться слишком хрупким в случае слишком частого его ограничения по широкому кругу вопросов, предусмотренных в подпунктах а) и b) пункта 3 статьи 19.

Ф. Особое (совпадающее) мнение г-на Прафуллчандры Н. Бхагвати

[Подлинный текст на английском языке]

Обстоятельства, послужившие причиной представления данного сообщения, подробно представлены во мнении большинства членов Комитета и не нуждаются в повторном изложении. Поэтому я перейду сразу к правовому вопросу, который автор поднимает в своем сообщении. Вопрос заключается в следующем: является ли осуждение автора по закону Гейссо нарушением пункта 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах?

Пункт 2 статьи 19 провозглашает право каждого на свободное выражение своего мнения, которое включает свободу передачи всякого рода информации и идей через любые средства массовой информации, однако на эту свободу могут быть наложены ограничения, согласно пункту 3 статьи 19, при условии, что такие ограничения в совокупности удовлетворяют следующим критериям: а) они должны быть установлены законом, б) они должны быть направлены на достижение одной из целей, изложенных в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19, и с) они должны быть необходимыми для достижения законной цели; причем это последнее требование связано с принципом пропорциональности.

Закон Гейссо был принят французскими законодателями 13 июля 1990 года, и в связи с этим в Закон о свободе печати было внесено изменение — была добавлена статья 24 bis, которая квалифицирует как правонарушение оспаривание существования такой категории преступлений, как преступления против человечества согласно определению Лондонской хартии от 8 августа 1945 года, на основании которой Международный военный трибунал в Нюрнберге осудил нацистских лидеров. Закон Гейссо установил ограничения на свободу слова, превратив в уголовно наказуемое деяние устные или письменные высказывания, отрицающие факт Холокоста или удушение нацистами евреев в газовых камерах. Автор был осужден за нарушение положений закона Гейссо, и ему в вину вменялось именно нарушение этого ограничения. Основанием для осуждения автора послужили его следующие нарушившие закон заявления:

«... Никто не может заставить меня сказать, что дважды два — пять, что земля — плоская или что Нюрнбергский процесс был безупречным. У меня есть весьма убедительные основания не верить в существование политики уничтожения евреев или в магические газовые камеры...

Мне бы хотелось, чтобы 100 процентов граждан Франции поняли, что миф о газовых камерах является бесчестной выдумкой ("est une gredinerie"), одобренной государствами-победителями в Нюрнберге в 1945—1946 годах и официально утвержденной 14 июля 1990 года нынешним французским правительством с одобрения "придворных историков"».

Эти высказывания безусловно нарушают ограничение, наложенное законом Гейссо, и охватываются запретом, установленным этим законом. Но вопрос заключается в следующем: соответствует ли ограничение, установленное законом Гейссо и составившее основу приговора автору, двум другим элементам, изложенным в пункте 3 статьи 19, и является ли оно допустимым?

Второй элемент в пункте 3 статьи 19 требует, чтобы ограничение, установленное в законе Гейссо, касалось одной из целей, перечисленных в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19. Оно должно быть необходимым а) для уважения прав или репутации других лиц или б) для защиты государственной безопасности, общественного порядка или здоровья или нравственности населения. Было бы затруднительно подвести ограничение под положение подпункта б) пункта 3, так как нельзя сказать, что это необходимо для достижения каких-либо из целей, установленных в подпункте б) пункта 3. Остается единственный вопрос: можно ли сказать, что ограничение необходимо для уважения прав и репутации других лиц и что потому его применение оправданно согласно подпункту а) пункта 3.

Если бы закон просто запрещал любую критику работы Международного военного трибунала в Нюрнберге или любое отрицание исторического события без каких-либо исключений и под страхом наказания, такой закон в силу подпункта а) пункта 3 статьи 19 не был бы правомерным и абсолютно не соответствовал бы пункту 2 статьи 19. Но из представлений государства-участника, особенно из представления от 3 июля 1996 года, вполне очевидно следует, что задача и цель установления в законе Гейссо ограничения на свободу слова состоит в запрете или предотвращении скрытого выражения антисемитизма. Согласно государству-участнику:

"отрицание Холокоста авторами, которые называют себя ревизионистами, может быть квалифицировано только как выражение расизма и как основное средство распространения антисемитизма.

... отрицание геноцида евреев в ходе Второй мировой войны служит пищей для глубоко антисемитских дебатов, поскольку в нем содержится обвинение евреев в том, что они сами создали миф о своем уничтожении".

Таким образом, по мнению государства-участника, разжигание антисемитских настроений было неизбежным следствием отрицания факта умерщвления евреев в газовых камерах, поскольку недвусмысленно говорилось о газовых камерах как о мифе и бесчестной выдумке, сочиненной евреями, и именно эта мысль содержалась в высказывании автора.

Поэтому ясно, что ограничение права на свободное выражение мнения, установленное законом Гейссо, имело целью защитить еврейскую общину от враждебности, антагонизма и недоброжелательности, порождаемых высказываниями, которые приписывают ей создание бесчестных выдумок, мифов о газовых камерах и умерщвлении евреев в этих газовых камерах. Можно отметить, как это сделал Комитет в своем Замечании общего порядка 10, что права на защиту, включая ограничения на свободу слова, разрешенные в подпункте а) пункта 3 статьи 19, могут распространяться на интересы других лиц или общины в целом. Поскольку высказывание автора, толкуемое в контексте его неизбежных последствий, было рассчитано на то, чтобы по меньшей мере возбудить или усилить антисемитские настроения и вызвать или усилить ненависть, враждебность или презрение к еврейской общине как бесчестным лжецам, то ограничение на такое высказывание, установленное законом Гейссо, имело целью обеспечить уважение к правам еврейской общины на жизнь, свободную от страха перед атмосферой антисемитизма, враждебности или презрения, и ее заинтересованность в этом. Следовательно, был учтен и второй элемент, необходимый для применения пункта 3 статьи 19.

Это подводит меня к рассмотрению вопроса о том, был ли учтен третий элемент в настоящем деле. Было ли необходимым ограничение свободы выражения автором своего мнения, в соответствии с законом Гейссо, для обеспечения уважения к правам и интересам еврейской общины? Очевидно, что ответ должен быть положительным. Если бы ограничение на свободу слова не было установлено так, как это сделано в законе Гейссо, и за высказывания, отрицающие Холокост и уничтожение евреев в газовых камерах, не было предусмотрено уголовного наказания, автор и прочие подобные ему ревизионисты могли бы и впредь делать заявления, аналогичные тем, которые повлекли за собой приговор автору, а обязательным следствием таких заявлений было бы — в ситуации, преобладающей в Европе, — распространение и усиление антисемитских настроений, как решительно подчеркнуло это обстоятельство государство-участник в своих представлениях. Следовательно, установление ограничений законом Гейссо было необходимым для обеспечения прав и интересов еврейской общины на жизнь в таком обществе, в котором безусловно уважается человеческое достоинство и которое свободно от атмосферы антисемитизма.

Поэтому ясно, что ограничение свободы выражения своего мнения, установленное законом Гейссо, отвечает всем трем элементам, необходимым для применения пункта 3 статьи 19, и соответствует пункту 2 статьи 19, а следовательно, приговор, вынесенный автору на основании закона Гейссо, не нарушал его права на свободу слова, гарантированного пунктом 2 статьи 19. Я пришел к этому выводу с большим сожалением, так как твердо верю, что в демократическом обществе свобода слова и высказываний является одной из наиболее ценимых свобод, которые необходимо защищать и поддерживать любой ценой, и это должно быть особенно верно в стране Вольтера. Прискорбно, что в современном мире, когда наука и техника раздвинули границы знания и человечество начинает понимать, что счастье каждого из нас возможно лишь при условии взаимозависимости и сотрудничества всех, планка терпимости опускается. Пора человеку осознать, что главное в нем — его духовное начало, и заменить горечь и ненависть на любовь и сочувствие, терпимость и прощение.

Я представил это особое мнение потому, что, несмотря на свое согласие с мнением большинства об отсутствии нарушения, ход рассуждений, приведших меня к излагаемому мной заключению, несколько отличается от того заключения, которое было поддержано большинством членов Комитета.

Ж. Сообщение № 552/1993: Веслав Калл против Польши
(соображения, принятые 14 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Веслав Калл
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Польша
<u>Дата сообщения:</u>	31 марта 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	5 июля 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 14 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 552/1993, представленного Комитету по правам человека г-ном Веславом Каллом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автор сообщения от 31 марта 1993 года — Веслав Калл, гражданин Польши, проживающий в настоящее время в Хербы, Польша. Он утверждает, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 2 и статьи 25 с) Международного пакта о гражданских и политических правах. Пакт вступил в силу для Польши 18 марта 1977 года. Факультативный протокол вступил в силу для Польши 7 февраля 1992 года.

Факты, представленные автором

2.1 Автор работал на различных должностях в гражданской милиции министерства внутренних дел в течение 19 лет; с 1982 по 1990 год — кадровый офицер отдела политики и пропаганды в ранге старшего инспектора. Он подчеркивает, что гражданская милиция не идентична полиции безопасности, и он никогда не носил формы полиции безопасности, а только гражданской милиции. 2 июля 1990 года он был задним числом объявлен офицером полиции безопасности и 31 июля 1990 года

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Текст особого мнения членов Комитета г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кироги, подписанный также г-жой Кристиной Шане, прилагается к настоящему документу.

уволен со своей должности в соответствии с законом о защите государственной службы 1990 года, которым полиция безопасности был упразднена и заменена новой организацией.

2.2 В соответствии с этим законом учрежден специальный комитет, на который было возложено решение вопроса о назначении бывших сотрудников полиции безопасности на те или иные должности в новом управлении. Автор утверждает, что не должен был подвергаться процедурам "проверки", поскольку никогда не был офицером службы безопасности. По причине его левых взглядов и членства в Польской объединенной рабочей партии заявление автора было отклонено провинциальным квалификационным комитетом округа Жесточова. Комитет посчитал, что автор не отвечает требованиям, предъявляемым офицерам министерства внутренних дел. Автор обратился в Центральный квалификационный комитет в Варшаве, который 21 сентября 1990 года отменил это решение и постановил, что автор может претендовать на должность в министерстве внутренних дел.

2.3 Однако последующее обращение автора с просьбой о восстановлении на службе в провинциальной полиции округа Жесточова было отклонено 24 октября 1990 года. Письмом от 11 марта 1991 года автор направил жалобу министру внутренних дел. Министр ответил, что его увольнение со службы было законным и соответствовало процедурам реорганизации управления. В этой связи министр сослался на инструкцию № 53 от 2 июля 1990 года, в соответствии с которой офицеры, проходившие службу в отделе политики и пропаганды, считались сотрудниками полиции безопасности.

2.4 16 декабря 1991 года автор обратился в Административный суд с жалобой на несправедливое увольнение и на то, что его ошибочно подвергли процедуре проверки. 6 марта 1992 года Суд отклонил его заявление на том основании, что рассмотрение обращений в провинциальные квалификационные комитеты не входит в его компетенцию.

Жалоба

3. Автор утверждает, что был уволен необоснованно. Он утверждает, что объявление его сотрудником полиции безопасности потребовалось для его увольнения, поскольку закон не предусматривал пересмотра контрактов с сотрудниками гражданской милиции. Кроме того, он утверждает, что впоследствии ему был закрыт доступ на гражданскую службу из-за его политических взглядов, поскольку он был активным членом Польской объединенной рабочей партии и отказался сдать свой партийный билет во время происходивших в министерстве перемен политического характера. Он утверждает, что подвергся дискриминации и в нарушение положений статьи 25 с) Международного пакта.

Решение Комитета о приемлемости

4. 25 октября 1993 года сообщение было передано государству-участнику в соответствии с правилом 91 правил процедур Комитета по правам человека. От государства-участника не было получено никакого представления в соответствии с правилом 91, несмотря на направленное ему 7 декабря 1994 года уведомление. В своем письме от 11 мая 1995 года автор сообщил, что его положение не изменилось.

5.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости этого сообщения в ходе своей пятьдесят четвертой сессии. Комитет отметил с обеспокоенностью, что государство-участник не представило какой-либо информации или замечаний по вопросу о приемлемости сообщения.

5.2 Комитет подтвердил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же самый вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет установил, что автор действует в соответствии с положениями подпункта в) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

5.3 Комитет отметил, что, по словам автора, ему было отказано в возможности получить, на основании общепризнанных принципов равноправия, работу на гражданской службе, и его заявление может быть признано приемлемым *ratione materiae*, в частности согласно статье 25 с) Пакта.

6. 5 июля 1995 года Комитет по правам человека объявил сообщение приемлемым.
Представление государства-участника по вопросам существа и соответствующие замечания автора

7.1. В представлении от 11 марта 1996 года государство-участник приносит свои извинения за несвоевременное направление замечаний по вопросу о приемлемости сообщения. Как утверждает государство-участник, задержка была вызвана интенсивными консультациями по существу дела. Государство-участник выражает готовность в полной мере сотрудничать с Комитетом в рассмотрении сообщения, представленного в соответствии с Факультативным протоколом.

7.2 Государство-участник представляет информацию, касающуюся правовых аспектов фактов, изложенных в сообщении. Оно разъясняет, что после кардинальных политических перемен, имевших целью восстановление демократии, необходимо было реорганизовать министерство внутренних дел, особенно структуру его политической службы. 6 апреля 1990 года парламент принял закон о полиции и закон о защите государственной службы. Закон о защите государственной службы предусматривал роспуск полиции безопасности и *ex lege* увольнение ее офицеров. Законом о полиции предусматривался роспуск гражданской милиции, но при этом ее офицеры *ex lege* становились сотрудниками полиции. Однако статья 149 (2) делает исключение в отношении тех офицеров милиции, которые до 31 июля 1989 года оставались офицерами полиции безопасности, занимавшими должности в милиции. Эти офицеры *ex lege* увольнялись со своих должностей. Положение о таких изменениях вступило в силу 1 августа 1990 года.

7.3 В соответствии со статьей 132 (2) Закона о защите государственной службы Совет министров выпустил инструкцию № 69 от 21 мая 1990 года, предусматривавшую "процедуры проверки" *ex lege* уволенных офицеров в квалификационном комитете. Офицеры, получившие отрицательную аттестацию в региональных квалификационных комитетах, могли обращаться в Центральный квалификационный комитет. В связи с их заявлениями Комитет рассматривал вопрос о том, отвечает ли автор заявления требованиям, предъявляемым к офицерам министерства внутренних дел, а также обладает ли он высокими моральными качествами. Лица, получившие положительные аттестации, имели право занять определенную должность в министерстве 20/. Государство-участник разъясняет, что реорганизация министерства привела к значительному сокращению числа должностей, и положительная аттестация была лишь условием, позволявшим обращаться с заявлением о предоставлении работы, но не гарантировала ее получения.

7.4 2 июля 1990 году министерство внутренних дел издало приказ, устанавливающий категории должностей, относящиеся к полиции безопасности. В соответствии с этим приказом офицеры, занимавшие до 31 июля 1989 года должности, в частности, начальников и заместителей начальников отдела политики и пропаганды, считались сотрудниками полиции безопасности.

7.5 Государство-участник отмечает далее, что в соответствии с законом о полиции и законом о защите государственной службы прием на работу регулируется не Кодексом о труде, а Кодексом об административных процедурах, в соответствии с которым назначение на должность производится в результате специального представления, а не на основе трудового контракта. Заинтересованные стороны могут, таким образом, подавать апелляции, касающиеся решений о их приеме на работу, в высшие административные органы. Апелляция на решение о приеме или неприеме на работу в министерство внутренних дел может быть подана в высшую инстанцию — Высший административный суд.

20/ Как утверждает государство-участник, 10 349 бывших офицеров полиции безопасности, прошедших проверку, были аттестованы положительно, а 3595 офицеров — отрицательно.

8.1 В отношении дела автора государство-участник отмечает, что он начал свою гражданскую службу в сентябре 1971 года в гражданской милиции, с 1972 по 1977 год учился в школе милиции, а затем служил в Штабе региональной милиции в Жесточове. 16 января 1982 года он стал заместителем начальника регионального отдела внутренних дел в Люблиенице, курировавшего управление политики и пропаганды. С 1 февраля 1990 года он занимал должность старшего инспектора регионального отдела внутренних дел в Жесточове.

8.2 17 июля 1990 года автор представил свое заявление в региональный квалификационный отдел в Жесточове с просьбой принять его на работу в полицию. По мнению государства-участника, это само по себе уже свидетельствует о том, что автор считал себя офицером полиции безопасности, поскольку, если бы он уже был сотрудником милиции, его пребывание на службе было бы автоматически продлено. Региональный квалификационный комитет дал негативную аттестацию делу автора. Однако в связи с его апелляцией Центральный квалификационный комитет отменил аттестацию и констатировал, что автор может работать в полиции или в других подразделениях министерства внутренних дел.

8.3 Впоследствии, 3 октября 1990 года, автор подал заявление о приеме на работу в региональный штаб полиции в Жесточове. 24 октября 1990 года начальник региональной полиции поставил его в известность, что "не может удовлетворить" его заявление о приеме на работу. Государство-участник отмечает, что автор мог опротестовать отказ предоставить ему работу, обратившись к главному начальнику полиции. Автор не сделал этого, вместо этого он 11 марта 1991 года направил министру внутренних дел жалобу на то, что был несправедливо подвергнут "процедуре проверки". Министр ответил, что процедура была законной и что решение о его увольнении не будет пересмотрено. Далее, 16 декабря 1991 года, автор направил жалобу в Высший административный суд с просьбой изменить оценку региональной квалификационной комиссии. 6 марта 1992 года Суд отклонил жалобу автора по той причине, что в его компетенцию не входило рассмотрение исков против квалификационных комитетов, поскольку они не являлись административными органами.

9.1 Государство-участник просит Комитет пересмотреть решение о признании сообщения приемлемым. Государство-участник констатирует, что Пакт вступил в силу для Польши 18 марта 1977 года, а Факультативный протокол — 7 февраля 1992 года, из чего следует, что Комитет может рассматривать только те сообщения о якобы имевших место нарушениях прав человека, которые имели место после вступления Протокола в силу для Польши. Поскольку процедура проверки автора закончилась 21 сентября 1990 года после принятия Центральным квалификационным комитетом решения о том, что он имеет право на работу в министерстве, и автору было отказано в приеме на работу 24 октября 1990 года, государство-участник считает, что его сообщение неприемлемо *ratione temporis*. В этой связи государство-участник поясняет, что автор мог оспорить отказ предоставить ему работу, обратившись в течение 14 дней в более высокую инстанцию. Поскольку он этого не сделал, решение от 24 октября 1990 года стало окончательным. Государство-участник утверждает, что жалобы автора, направленные министру и в Высший административный суд, не могут быть приняты во внимание, поскольку этими инстанциями не исчерпывались все доступные ему внутренние средства правовой защиты.

9.2 Государство-участник придерживается мнения, что в отношении данного дела нет оснований для применения обратной силы Факультативного протокола, как это предусмотрено разработанными юридическими правилами Комитета. Государство-участник отрицает, что якобы имевшие место нарушения имеют продолжающийся характер, и ссылается на решение Комитета по сообщению № 520/1992 21/ о том, что продолжающееся нарушение должно истолковываться как следующее за вступлением в силу Факультативного протокола подтверждение действием или очевидным последствием предыдущих нарушений со стороны государства-участника.

9.3 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты государство-участник ссылается на правило 90 (1) f) правил процедуры Комитета, согласно которому Комитет должен

21/ Э. и А. К. против Венгрии, объявленное неприемлемым 7 апреля 1994 года.

удостовериться, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Государство-участник ссылается на обстоятельства рассматриваемого в суде дела и утверждает, что внутренними средствами правовой защиты, доступными автору, которому отказали в приеме на работу, были обращение к высшему начальнику полиции и, в случае необходимости, в Высший административный суд. Автор предпочел не пользоваться этими средствами защиты, а вместо этого направил жалобу министру внутренних дел. По мнению государства-участника, эта жалоба не может рассматриваться как средство правовой защиты, поскольку она относится не к факту отказа в приеме на работу, а к квалификационным процедурам. Подобным же образом обращение автора в Высший административный суд по поводу аттестации, проведенной Региональным квалификационным комитетом, не было адекватным средством правовой защиты, чтобы можно было считать исчерпанными все средства, доступные автору. Соответственно, государство-участник заявляет, что сообщение неприемлемо, поскольку автор не исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

10.1 В отношении существа сообщения государство-участник отмечает, что, по утверждению автора, ему было безосновательно отказано в приеме на работу в новой полиции и что объявление его бывшим офицером полиции безопасности было всего лишь предлогом для увольнения за политические убеждения. Государство-участник допускает, что автор не был поставлен в известность, что членство в партии или политические взгляды являются основанием для увольнения или отказа в предоставлении работы. Государство-участник ссылается на действующее законодательство и отмечает, что автор был уволен со своей должности *ex lege* вместе с другими офицерами, занимавшими подобные должности. Государство-участник особо подчеркивает, что решение парламента распустить полицию безопасности было правомерным и законным. Оно добавляет, что приказ министра от 2 июля 1990 года был не чем иным, как уточнением перечня должностей, который был утвержден в соответствии с новым законодательством и не менял существовавшей классификации должностей.

10.2 Государство-участник разъясняет, что как полиция безопасности, так и гражданская милиция входили в состав министерства внутренних дел. Как заявляет государство-участник, на уровне региональных и районных административных органов министерства внутренних дел существовали специальные отделения полиции безопасности, возглавляемые офицерами в должности заместителя начальника регионального или районного управления министерства внутренних дел. Автор занимал пост заместителя начальника регионального управления министерства внутренних дел, курировавшего отдел политики и пропаганды. Согласно утверждению государства-участника нет никаких сомнений в том, что эта должность входила в штатное расписание полиции безопасности. Закон о защите государственной службы был, таким образом, правомерно применен в отношении автора, и в результате он был уволен с занимаемого им поста *ex lege*. Государство-участник добавляет, что полученное офицерами образование и форма, которую они носили, не являются решающими факторами при определении их квалификаций.

10.3 В отношении отказа вновь принять автора на службу в полицию государство-участник настаивает на том, что решения о приеме на службу относятся к компетенции руководителя организации, который делает выбор по своему усмотрению. Кроме того, возможность приема на работу зависит от количества вакантных должностей. Государство-участник ссылается на принцип *travaux préparatoires* статьи 25 с) и отмечает, что преследуемая цель состояла в предотвращении монополизации государственного аппарата привилегированными группами, но при этом считалось, что государства должны иметь возможность установления определенных критериев приема своих граждан на государственную службу. Государство-участник отмечает, что при упразднении полиции безопасности значительную роль сыграли этические и политические соображения. В этой связи государство-участник ссылается на высказанную Комитетом экспертов Совета Европы точку зрения относительно того, что отбор государственных служащих на ключевые административные посты может осуществляться по политическим соображениям.

10.4 Государство-участник далее отмечает, что права, предусмотренные статьей 25, не являются абсолютными, а разрешают разумные ограничения, отвечающие цели этого закона. По мнению государства-участника, реорганизация полиции и управления государственной безопасности и ограниченное число вакантных должностей достаточно убедительно свидетельствуют об

обоснованности отказа автору в приеме на службу в полицию. Более того, государство-участник утверждает, что статья 25 с) не обязывает государство гарантировать принятие на государственную службу. По мнению государства-участника, эта статья обязывает государства установить общедоступные гарантии, в частности процедурного характера, обеспечивающие равные возможности при приеме на государственную службу. Государство-участник считает, что законодательство Польши установило эти гарантии, как об этом говорилось выше. Государство-участник утверждает поэтому, что права автора, предусмотренные статьей 25 с), не были нарушены.

11.1 В своем ответе на представление государства-участника автор повторяет, что никогда не был сотрудником полиции безопасности, а всегда служил в структурах гражданской милиции. Он утверждает, что в его личном деле не содержится приказа, который свидетельствовал бы о том, что он стал сотрудником полиции безопасности. По мнению автора, приказ министра от 2 июля 1990 года носил произвольный характер и его должность задним числом квалифицировалась как должность офицера полиции безопасности. В этой связи автор отмечает, что в соответствии с циркуляром министерства внутренних дел, изданным до обнародования приказа от 2 июля 1990 года, к штату полиции безопасности были причислены следующие должности: все должности департаментов I и II, должности оперативной группы штаба полиции безопасности, советники министерства, секретариат разведки и контрразведки, заместители начальников провинциальных отделений полиции безопасности, начальники и старшие специалисты по делам полиции безопасности провинциальных отделений министерства внутренних дел. Автор считает, что из приведенного перечня видно, что его должности не было в штатном расписании полиции безопасности.

11.2 Автор ссылается на доклад омбудсмена 1993 года, в котором он приходит к выводу, что причисление задним числом офицеров к сотрудникам полиции безопасности является незаконным. Автор ссылается также на сделанные в 1996 году заявления членов парламента по поводу неприемлемой практики принуждения сотрудника милиции, который никогда не был сотрудником полиции безопасности, к прохождению процедур проверки.

11.3 Автор не оспаривает утверждение государства-участника о том, что полиция безопасности была расформирована на законных основаниях. Однако он утверждает, что процедуры проверки, введенные законом и приказом министра, были неправомерными и произвольными.

11.4 Что касается требования исчерпать внутренние средства правовой защиты, то автор заявляет, что он не получил каких-либо имеющих законную силу документов, в которых разъяснялось бы, на каких основаниях он уволен со службы. Он не получил приказа об увольнении, его не проинструктировали о возможностях подачи апелляции. Он утверждает, что направил жалобу министерству внутренних дел потому, что не знал, к кому конкретно следует обращаться, и надеялся, что министр направит его жалобу соответствующему должностному лицу, как того требует статья 65 Кодекса административных процедур. Он также утверждает, что направил жалобу в Высший административный суд, как только узнал из прессы, что можно прибегнуть к такой мере защиты. Не имея возможности получить юридическую консультацию, он, однако, в своей жалобе оспаривал решение квалификационной комиссии, а не отказ в приеме его на службу.

11.5 Что касается процедуры проверки, то автор заявляет, что у него был выбор — пройти ее или быть уволенным. Он не согласен с тем, что, согласившись на процедуру проверки, он тем самым продемонстрировал, что считает себя сотрудником полиции безопасности. В этой связи он отмечает, что на бланке, где было указано "заявление бывшего сотрудника полиции безопасности", он вычеркнул слова "полиции безопасности" и заменил их словами "гражданской милиции".

11.6 Что же касается существа дела, то автор убежден: если бы он был добропорядочным католиком, то в настоящее время он наверняка служил бы в полиции. Поскольку Центральный квалификационный комитет вынес в отношении его положительное решение, он не видит иных причин, по которым ему не могут предложить должность в полиции, кроме его членства в коммунистической партии и его политических убеждений. В этом контексте он заявляет, что его коллега, рекомендованный епископом Жесточова на должность начальника региональной полиции, был принят на службу.

Решение Комитет о приемлемости

12. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о неприемлемости сообщения *ratione temporis*, а также по той причине, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Комитет рассмотрел относящуюся к делу информацию, представленную государством-участником. Однако Комитет рассмотрел также соответствующую информацию, представленную автором, и пришел к выводу, что факты и аргументы, выдвинутые государством-участником в пользу своего утверждения, не дают оснований для пересмотра решения Комитета о приемлемости.

Рассмотрение дела по существу

13.1 Комитету предстоит решить вопрос о том, являются ли увольнение автора, процедуры проверки и последующий отказ в приеме на службу в полицию нарушением его прав, предусмотренных статьей 25 с) Пакта.

13.2 Комитет отмечает, что статья 25 с) предусматривает, что каждый гражданин должен иметь право и возможность без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства допускаться в своей стране к государственной службе. Комитет, однако, далее отмечает, что это право не предусматривает, что каждый гражданин должен иметь гарантию получения места на государственной службе.

13.3 Комитет отмечает, что, согласно утверждению автора, он был уволен незаконно, так как он не был сотрудником полиции безопасности. Комитет, однако, обращает внимание на то, что 2 июля 1990 года автор был задним числом объявлен офицером полиции безопасности; что в результате упразднения полиции безопасности, в соответствии со вступившим в силу законом о защите государственной службы, должность автора как сотрудника полиции безопасности была упразднена и это привело к его увольнению 31 июля 1990 года. Комитет отмечает, что автор не был специально выбран для ретроспективного пересмотра статуса его должности — одновременно задним числом была проведена реклассификация аналогичных должностей в различных региональных участках. Пересмотр штатного расписания был частью процесса всесторонней реорганизации министерства внутренних дел с целью восстановления в стране демократии и верховенства закона.

13.4 Комитет отмечает, что упразднение должности автора было результатом упразднения полиции безопасности в соответствии с законом о защите государственной службы и в связи с упразднением полиции безопасности должности всех сотрудников полиции безопасности были упразднены без каких-либо различий и дифференциации.

13.5 Кроме того, по поводу жалобы автора, касающейся процедуры проверки, которой он был подвергнут, Комитет отмечает, что после апелляции автор был признан достойным получения должности в полиции. Таким образом, факты свидетельствуют, что на том этапе автору не было отказано в доступе на государственную службу.

13.6 Остается вопрос, является ли факт отказа в приеме автора на службу в полицию достаточным основанием для вывода о том, что ему было отказано по политическим соображениям или же этот отказ был обусловлен ограниченным числом вакантных должностей. Как указывалось выше, статья 25 с) не предусматривает предоставления каждому гражданину места на государственной службе, а устанавливает право доступа на государственную службу на общих условиях равенства. Информация, имеющаяся у Комитета, не подтверждает вывода о том, что это право было нарушено в случае с автором.

14. Комитет пришел к выводу, что факты, которыми он располагает, не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Пакта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета г-жи Элизабет Эватт
и г-жи Сесилии Медины Кироги, подписанное также
г-жой Кристиной Шане

[Подлинный текст на английском языке]

Автор утверждает, что в его случае имело место нарушение статьи 25 с) Пакта, поскольку он был необоснованно уволен из гражданской милиции. Комитет установил, что государство не нарушало Пакта. Мы не можем согласиться с таким соображением на основании следующих фактов и причин:

1. Согласно принятому Польшей закону от 6 апреля 1990 года была упразднена полиция безопасности и de lege уволены все ее сотрудники. Действительно, полиция безопасности была упразднена по этическим и политическим соображениям, как об этом заявляет само государство-участник (пункт 10.3). Этот закон не распространялся на автора, поскольку он не был сотрудником полиции безопасности.

В соответствии с изданной позднее инструкцией № 69 от 21 мая 1990 года все сотрудники упраздненной полиции безопасности были подвергнуты процедуре проверки, которая, если ее результаты оказывались положительными, давала им возможность обращаться в министерство внутренних дел с просьбой предоставить новые должности в его подразделениях.

Последующий приказ министра внутренних дел от 2 июля 1990 года ввел перечень должностей, которые считались принадлежащими к полиции безопасности, среди которых оказалась и должность автора. Внутренних средств правовой защиты, для того чтобы оспорить этот приказ, не существовало (пункт 8.3.).

2. Государство-участник утверждает, что автор был уволен со своей должности ex lege, поскольку не было никаких сомнений в том, что его должность относилась к штатному расписанию полиции безопасности (пункты 10.1 и 10.2). Однако уволить его с должности на основании одного только закона было невозможно, и потребовался изданный позднее приказ министра. Таким образом, трудно себе представить, что не было никаких сомнений в принадлежности автора к сотрудникам полиции безопасности, и это приводит нас к выводу, что автор не был уволен со своей должности ex lege.

Поскольку дело обстоит таким образом, то мы должны начинать с предположения, что автор был уволен в соответствии с приказом министра от 2 июля 1990 года и, следовательно, надлежало выяснить, было бы причисление должности автора к штатным должностям полиции безопасности необходимым и адекватным средством достижения законных целей, а именно цели восстановления служб внутреннего правопорядка, свободных от влияния прежнего режима, как утверждает государство-участник, или незаконным, произвольным и дискриминационным актом, как утверждает автор. Из самой формулировки вопроса ясно, что данное дело связано с серьезной проблемой, возникающей в связи со статьей 25 с), и что существовал вопрос, который должен был поставить автор при выборе правового средства, которое позволило бы ему оспорить приказ министра.

3. Это приводит к рассмотрению вопроса о том, соблюдала ли Польша пункт 3 статьи 2 Пакта в отношении автора. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государства-участники обязуются обеспечить каждому лицу, права которого нарушаются, эффективное средство защиты от этого нарушения. Комитет встал на ту точку зрения, что констатировать нарушение этой статьи государством-участником невозможно до тех пор, пока не будет выявлено

соответствующего нарушения другого права, признаваемого в настоящем Пакте. Мы не думаем, что это правильная форма толкования пункта 3 статьи 2.

Следует принять во внимание, что статья 2 обращена не к Комитету, а к государствам-участникам; она формулирует обязательства, которые берут на себя государства, с тем чтобы обеспечить возможность находящимся под их юрисдикцией людям пользоваться провозглашенными Пактом правами. В трактовке этой статьи Комитетом она видится лишённой смысла, поскольку тогда Пакт должен предписывать государствам-участникам принимать меры по исправлению ситуации лишь после того, как Комитет выявит факт нарушения прав. Такая трактовка пункта 3 статьи 2 лишает её смысла. Статья 2 имеет целью обеспечить ситуацию, при которой в случае любого нарушения прав человека, признаваемых в Пакте, в результате действий государства существует установленная государством процедура, позволяющая лицу, права которого ущемлены, обратиться в компетентный орган с жалобой на имевшее место нарушение прав. Такое толкование соответствует главной идее Пакта, а именно: государства-участники должны выполнять Пакт и обеспечивать соответствующие средства предотвращения возможных нарушений прав граждан государственными ведомствами. основополагающий принцип международного права состоит в том, что вмешательство международного сообщества требуется только в том случае, если государство не соблюдает взятые на себя международные обязательства.

Следовательно, поскольку автор не имел возможности получить ответ на свою жалобу на то, что он был уволен произвольно и за свои политические убеждения, а эта жалоба формально ставила вопрос о существовании дела, мы считаем, что права автора, предусмотренные пунктом 3 статьи 2, были нарушены.

К. Сообщение № 558/1993: Джозуэ Канепа против Канады
(соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Джозуэ Канепой [представлен г-жой Б. Джекман]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Канада
<u>Дата сообщения:</u>	16 апреля 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	13 октября 1994 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 3 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 558/1993, представленного Комитету по правам человека г-жой Б. Джекман от имени Джозуэ Канепа в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автор сообщения от 16 апреля 1993 года — Джозуэ Канепа, гражданин Италии, проживавший в момент подачи сообщения в Канаде, имея приказ о депортации. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статьи 7, пункта 4 статьи 12, статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат.

Факты, представленные автором

2.1 Автор родился в Италии в январе 1962 года; в возрасте пяти лет он с родителями эмигрировал в Канаду, там родился его младший брат, который является гражданином Канады по рождению. У автора большая семья в Италии, он немного говорит по-итальянски, но не чувствует сколько-нибудь значимых для него связей с этой страной.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин и г-н Максвелл Ялден.

** Тексты трех особых мнений, подписанные четырьмя членами Комитета, прилагаются к настоящему документу.

2.2 Большую часть жизни автор считал себя канадским гражданином. И только когда он встретился с сотрудниками иммиграционной службы по поводу его уголовных судимостей, он узнал, что имеет статус постоянно проживающего. В период 1978—1987 годов автор был осужден 37 раз, в большинстве случаев за кражи со взломом, воровство и хранение наркотиков. Несколько раз он был приговорен к тюремному заключению. Адвокат обращает внимание на то, что проступки автора объясняются пристрастием ее клиента к героину с 13 лет. За ним не числятся случаи насилия. Адвокат отмечает, что, находясь в тюрьме, автор не имел возможности пройти курс лечения от употребления наркотиков, но по своей инициативе в 1988 году предпринял попытку вылечиться от пристрастия к наркотикам. Он не применял наркотиков до 1990 года, но под влиянием депрессии, вызванной осознанием своего иммиграционного статуса, он снова стал применять наркотики. В 1990 году он был вновь осужден за хранение наркотиков и приговорен к тюремному заключению сроком на 18 месяцев. После освобождения из тюрьмы в январе 1993 года он снова стал жить вместе с родителями и братом. Но он продолжал употреблять героин и вскоре после освобождения снова совершил преступление: он был осужден по новым обвинениям в кражах со взломом и в момент подачи сообщения отбывал годовой срок заключения в тюрьме.

2.3 1 мая 1985 года автору было приказано покинуть страну: причиной высылки стали его уголовные судимости. Автор подал апелляцию на приказ о депортации в Совет по рассмотрению апелляций иммигрантов. Совет заслушал его апелляцию 25 февраля 1988 года и отклонил ее решением от 30 марта 1988 года. 26 апреля 1988 года автор подал петицию в Федеральный апелляционный суд с просьбой разрешить подать апелляционную жалобу на решение Совета по рассмотрению апелляций иммигрантов. 31 августа 1988 года он получил разрешение подать апелляцию. Федеральный апелляционный суд заслушал апелляцию 25 мая 1992 года и отклонил ее своим решением от 8 июня 1992 года. 1 октября 1992 года автор обратился в Верховный суд Канады с просьбой разрешить подать апелляцию в отношении решения Федерального апелляционного суда. Верховный суд Канады отклонил его просьбу 21 января 1993 года. Таким образом, по его словам, других внутренних средств правовой защиты не было.

2.4 Заявляется, что после депортации автор не может возвратиться в Канаду без специального согласия министра по делам иммиграции. Повторное обращение за разрешением вновь иммигрировать в Канаду потребует не только согласия министра, но и соблюдения автором всех других установленных для иммигрантов критериев. Поскольку автор имеет судимости, ему будут чинить препятствия при выдаче повторного разрешения на проживание в Канаде в соответствии со статьей 19 (2) а) закона об иммиграции.

3.1 2 июня 1994 года адвокат автора информировала Комитет, что автор закончил срок тюремного заключения и ему неминуемо грозит депортация. Она просит Комитет обратиться в соответствии с правилом 86 его правил процедуры к государству-участнику с просьбой не выдворять автора из Канады до тех пор, пока его сообщение находится на рассмотрении Комитета. Предполагается, что депортация сделает фактически невозможным лечение автора, и без гарантий правительства Канады относительно разрешения автору вернуться в Канаду, если Комитет установит, что депортация является нарушением его прав, депортация представляется окончательной.

3.2 7 июня 1994 года автор информировал Комитет, что 6 июня 1994 года он был депортирован из Канады в Рим, Италия. Как утверждает адвокат, автору сообщили о дате и времени его отъезда за несколько часов до этого события. Он не имел возможности собрать вещи и получить от семьи деньги, что, по его мнению, противоречит нормальной процедуре. Адвокат просит Комитет обратиться к государству-участнику с просьбой разрешить автору возвратиться в Канаду до завершения процесса рассмотрения его сообщения в соответствии с Факультативным протоколом. Предполагается, что если автор останется в Италии — незнакомой ему стране, где он чувствует себя в изоляции, — психическое состояние его здоровья ухудшится и это причинит ему невосполнимый ущерб.

Жалоба

4.1 Автор утверждает, что изложенные факты свидетельствуют о нарушении статей 7 и 17 и пункта 3 статьи 23 Пакта, истолкованных в свете статей 9, 12 и 13 Пакта. Он утверждает, что во

исполнение изложений статей 17 и 23 государство-участник не обеспечило четкого законодательного признания права на защиту личной и семейной жизни, а также неприкосновенности жилища лиц, оказавшихся в положении автора. В отсутствие такого законодательства, которое обеспечивало бы должное внимание к интересам семьи при рассмотрении административных дел, таких, например, как поступающие в Совет по рассмотрению апелляций иммигрантов, проблемой *prima facie* является, по утверждению автора, определение, соответствует ли канадское законодательство требованию защиты семьи. Автор также ссылается на Замечание общего порядка Комитета 15 ("Положение иностранцев в соответствии с Пактом"), согласно которому иностранцы могут пользоваться защитой Пакта даже в связи с вопросами въезда или проживания в случае возникновения проблем в отношении семьи. Автор далее ссылается на Замечание общего порядка Комитета 16 по статье 17, в соответствии с которым государства берут на себя позитивные обязательства обеспечить защиту права каждого человека от произвольного или незаконного вмешательства в его личную и семейную жизнь и посягательств на неприкосновенность жилища.

4.2 Автор считает, что депортацией нарушается его право на семейную жизнь, поскольку депортация разлучает его с основной семьей в Канаде, в состав которой входят его отец, мать и брат, с домашним кругом, частью которого неженатый автор был всегда.

4.3 Автор далее заявляет, что были нарушены его права на личную жизнь и неприкосновенность жилища. Подразумевается, что термин "жилище" толкуется в широком смысле и включает сообщество, частью которого является индивидуум. В этом смысле его "жилищем", как заявляет автор, является Канада. Подразумевается также, что право автора на личную жизнь включает его способность жить в этом сообществе без произвольного и незаконного вмешательства. В той степени, в какой канадское законодательство не защищает иностранцев от такого вмешательства, имеет место, по утверждению автора, нарушение статьи 17.

4.4 Автор далее заявляет, что в его случае были нарушены статьи 17 и пункт 1 статьи 23, поскольку в результате его депортации имело место произвольное вмешательство в его семейную жизнь и жилище. По мнению автора, депортация иностранца, проживающего в стране и имеющего в ней длительные глубокие и прочные связи, уже понесшего заслуженное наказание за совершенные им преступления, не отвечает законным интересам государства. В этой связи автор заявляет, что содержащееся в статье слово "произвольный" должно толковаться в свете статей 4, 9, 12 и 13 Пакта. Он утверждает, что "произвольное посягательство" в контексте статьи 17 Пакта означает посягательство, которое не является "необходимым для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, или прав и свобод других" или не "совместимо с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами".

4.5 Автор утверждает, что пункт 4 статьи 12, которым признается право каждого на въезд в свою собственную страну, применим к его ситуации, поскольку практически во всех отношениях Канада является его "собственной страной". Его депортация из Канады приведет к узаконенному запрету на повторный въезд в Канаду. В этом контексте подчеркивается, что пункт 4 статьи 12 свидетельствует о праве каждого на въезд в "свою собственную страну", а не в страну, гражданство которой он имеет или в которой он родился. Считается, что Италия не является "собственной страной" автора, поскольку он покинул ее в возрасте пяти лет, а вся его жизнь была связана с его семьей в Канаде, — таким образом, хотя он формально и не является канадцем, де-факто его следует считать канадским гражданином 22/.

22/ В этом контексте адвокат ссылается на решение Комитета по сообщению Лавлейс против Канады, согласно которому тот факт, что автор жалобы не был признан гражданином Индии в соответствии с канадским законодательством, не послужил препятствием для признания Комитетом автора жалобы в качестве представителя соответствующего национального меньшинства и для применения в интересах его защиты статьи 27 Пакта. Адвокат также ссылается на решение Европейского суда по правам человека в деле Белджоуди (55/1990/246, 26 марта 1992).

4.6 Наконец, автор утверждает, что депортация осуществлялась в жестокой, бесчеловечной и унижающей достоинство, по смыслу статьи 7 Пакта, форме. Он признает, что Комитет еще не рассматривал вопрос о том, является ли полное разлучение человека с его семьей и ближайшими родственниками и реальная высылка его из единственной страны, которую он когда-либо знал и в которой он вырос, жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением с ним, однако полагает, что этот вопрос должен быть рассмотрен по существу 23/.

4.7. В этой связи автор напоминает, что: а) он жил в Канаде с пяти лет; б) в момент депортации все члены его семьи проживали в Канаде; с) хотя перечень его преступлений длинный, из него не следует, что он является лицом, представляющим опасность для общественной безопасности, поскольку он никогда не совершал преступлений, связанных с насилием; д) хотя в вынесенном ему приговоре предусматривалось, в частности, лечение от наркомании, он не получал такого лечения в заключении и фактически мог достать героин в тюрьме; е) депортация из Канады практически полностью прервала его связи с Канадой, и ф) сроки отбытого им тюремного заключения за его различные проступки уже являются адекватным и достаточным наказанием, и депортация означает для него дополнительное наказание.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости

5. В представлении от 21 июля 1994 года государство-участник информирует Комитет, что у него нет замечаний по вопросу о приемлемости сообщения. Оно оставляет за собой право сделать представление по существу сообщения, если Комитет объявит сообщение приемлемым.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости настоящего сообщения на своей пятьдесят второй сессии.

6.2 Комитет отметил, что у автора, несомненно, не было других средств правовой защиты, которыми он мог бы воспользоваться, и что требования подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола были выполнены.

6.3 Комитет отметил, что в определенной степени утверждения автора в отношении статьи 17 Пакта касались отсутствия в Канаде законодательства, которое гарантировало бы защиту семейной жизни постоянно проживающих лиц, против которых начинается иммиграционное разбирательство с целью их последующей депортации. Комитет напомнил, что в его задачи не входит, в соответствии с процедурой Факультативного протокола, рассмотрение in abstracto, соблюдает ли государство-участник свои обязательства, вытекающие из Пакта 24/. Поэтому в той части, которая относится к заявлению автора об отсутствии в канадском законодательстве положений, которые могут гарантировать семейную жизнь проживающих в стране неканадцев в целом, его сообщение было признано неприемлемым.

6.4 Комитет считает, что утверждение автора, что его депортация делает его жертвой нарушения статьи 7, пункта 4 статьи 12, статей 17 и 23 Пакта, должно быть рассмотрено по существу.

23/ Адвокат ссылается на особое мнение судьи Европейского суда по правам человека де Мейера по делу Белджоуди, который заявил, что выдворение автора жалобы из страны проживания с учетом его тесных связей с женой и членами семьи могло бы рассматриваться как бесчеловечное обращение с ним.

24/ См., в частности, решение Комитета по сообщению № 61/1979 (Хертцберг и др. против Финляндии, Соображения, принятые 2 апреля 1982 года, пункт 9.3) и по сообщению № 163/1984 (С. и др. против Италии, объявленное неприемлемым 10 апреля 1984 года, пункт 6.2).

7. Относительно запроса адвоката, сделанного в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета, Комитет пришел к выводу, что депортацию автора из Италии нельзя рассматривать как "невозполнимый ущерб" в отношении тех его прав, которые автор считает нарушенными в результате депортации. Если бы Комитет принял решение в пользу автора и пришел к выводу, что его депортация противоречит Пакту, государство-участник было бы обязано разрешить автору вновь въехать в Канаду. Соответственно, последствия депортации, как бы против этого ни возражал автор в его ситуации, не причинили "невозполнимого ущерба" правам автора, которые можно было бы обоснованно защищать в данное время в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета.

8. На основании вышесказанного Комитет по правам человека 13 октября 1994 года принял решение о приемлемости сообщения, поскольку в нем поднимаются вопросы, которые затрагиваются в статье 7, пункте 4 статьи 14 и статьях 17 и 23 Пакта.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии адвоката

9.1 В представлении от 21 декабря 1995 года государство-участник утверждает, что заявления автора относительно нарушения статьи 7 Пакта необоснованны, поскольку нет доказательств того, что разлучение автора с семьей влечет за собой какую-либо особую угрозу для психического или физического здоровья. Государство-участник считает, что сфера применения статьи 7 не столь широка, как ее трактует автор, и не применима к сложившейся ситуации, поскольку автор в стране высылки не встретится с серьезными угрозами пыток или негуманного обращения с ним. Автор не доказал, что в результате депортации он будет переживать какие-либо чрезмерные трудности. Государство-участник добавляет, что возвращение автора в Канаду запрещено не полностью. Более того, вероятно, семья автора может воссоединиться с ним в Италии, о чем заявил отец автора во время слушаний в Совете по рассмотрению апелляций иммигрантов. Государство-участник считает, что вопрос о разлучении с семьей — это скорее проблема, решать которую следует на основе статей 17 и 23 Пакта.

9.2 Государство-участник утверждает, что у автора никогда не было безоговорочного права оставаться в Канаде как в его "собственной стране" и он не может обрести такой статус только по причине своего долгосрочного проживания в Канаде. Государство-участник выражает сомнение в том, что толкование понятия "собственная страна" иначе, чем страна гражданства, значительно уменьшает возможность государств обеспечивать свой суверенитет посредством пограничного контроля и выполнения требований, касающихся приобретения гражданства. По мнению государства-участника, такое толкование упомянутого понятия может быть подтверждено статьей 13 Пакта, из которой вполне возможен вывод о том, что не существует такой категории иностранцев, которые могут пользоваться безоговорочным правом пребывания в Канаде. Государство-участник утверждает также, что если бы Комитету пришлось принимать решение относительно того, что статья 12 может предоставить лицам, постоянно проживающим в стране, право остаться на ее территории или вернуться в страну проживания, то такое право должно было бы зависеть от сохранения правового статуса. Автор же утратил это право, когда лишился статуса постоянно проживающего в Канаде.

9.3 Государство-участник далее утверждает, что права, предусмотренные статьями 17 и 23 Пакта, не являются абсолютными и должны уравниваться общественными интересами. Совет по рассмотрению апелляций иммигрантов изучил все имеющие отношение к делу факторы и соотнес права автора с той опасностью, которую он представляет для канадского общества. Совет отметил, что связи автора с обществом не были особенно прочными, и пришел к выводу, что личные проблемы автора имеют меньший вес, нежели широкие интересы общества. Срок проживания автора в Канаде был должным образом учтен и оценен вместе с другими обстоятельствами.

9.4 Если Комитет придет к выводу, что к ситуации, в которой оказался автор, применимы статьи 12, 17 и 23, то государство-участник, ко всему прочему, заявляет, что у автора нет доказательств произвольного лишения прав. Действия, предпринятые сотрудниками иммиграционной службы, предусмотрены законом, и каждый раз автору предоставлялись все процедурные гарантии. Решение, принятое по делу автора, было результатом судебного процесса, который предоставил ему возможность участвовать в полномасштабных слушаниях и отвечал требованиям как естественного права, так и Канадской хартии прав и свобод.

10.1 В своих комментариях по представлению государства-участника адвокат автора утверждает, что депортация автора, которая привела к его отделению от его социальной и семейной среды, относится к разряду жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, как это видится в контексте статьи 7 Пакта. В этой связи адвокат автора обращает внимание на зависимость автора от героина и на то общепризнанное обстоятельство, что семейные и социальные связи являются важнейшими факторами успешной реабилитации.

10.2 В отношении пункта 4 статьи 12 адвокат разъясняет, что вопрос состоит не в том, следует ли считать автора гражданином Канады или лицом, имеющим канадское гражданство, а в том, применима ли статья 12 к сложившимся обстоятельствам. В этом контексте адвокат допускает, что государства ввели ограничение своего суверенитета, ратифицировав международные договоры, подобные Пакту. Адвокат ссылается на понятие *travaux préparatoires*, поскольку создается впечатление, что значение словосочетания "его собственная страна" было оставлено без определения составителями Пакта. По этой причине Комитет имеет возможность дать такую трактовку этого положения, которая наилучшим образом обеспечит защиту прав человека в отношении той или иной личности. По поводу приведенного государством-участником довода, что если для постоянно проживающих в стране существует предусмотренное статьей 12 право, то такое право должно зависеть от наличия этого статуса, адвокат придерживается точки зрения, что такой довод полностью сводит на нет права, предоставляемые в соответствии со статьей 12. В этой связи адвокат заявляет, что права, предоставляемые Пактом, не могут зависеть от внутренних законов государства.

10.3 Относительно уравнивания интересов адвокат признает, что интересы автора были сбалансированы с интересами канадского общества, но заявляет, что, в соответствии с канадским законодательством, в процессе депортации не признаются права индивидуума, в то время как признается право государства осуществлять депортацию. Адвокат далее заявляет, что в процессе принятия решений целостность семьи не считается фактором, достойным внимания, а внимание уделяется только экономической зависимости.

10.4 Адвокат утверждает, что автору практически чинятся все препятствия для возвращения в Канаду, поскольку в свете решения Совета по рассмотрению апелляций иммигрантов министр не даст на это своего согласия. Кроме того, автор не может подать апелляцию как обычный иммигрант, поскольку за ним числятся уголовные преступления, и даже если бы он мог это сделать, то по критериям отбора ему было бы отказано во въезде в страну.

10.5 В связи с вопросом о том, было ли вмешательство в права автора произвольным или нет, адвокат считает решение по делу автора незаконным, поскольку закон об иммиграции, который был применен к нему, противоречит положениям, целям и задачам Пакта, при том что отсутствие положения о признании значения целостности семьи считается допустимым. В этой связи адвокат утверждает, что, хотя с точки зрения процедуры процесс с учетом этих обстоятельств проводится, вопросы, касающиеся существа вопроса, на нем не рассматриваются. Адвокат полагает, что в обстоятельствах, которые имеют место в деле автора, особенно ввиду его зависимости от наркотиков, вмешательство в его право на жилище и семью было произвольным и является нарушением данного права. В этой связи утверждается, что семья автора после его депортации в действительности осталась в Канаде.

Вопросы и процедуры, рассмотренные Комитетом

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей предоставленной ему сторонами информации, как того требуют положения пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 Автор утверждал, что его выдворение из Канады является нарушением статьи 7 Пакта, поскольку изоляция его от семьи является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. Исходя из имеющихся материалов, Комитет считает, что факты, связанные с данным делом, по своему характеру таковы, что не дают оснований для возбуждения дела по статье 7 Пакта. Комитет приходит к выводу, что в данном деле не было нарушения положений статьи 7 Пакта.

11.3 По поводу утверждения автора, что его выдворение из Канады нарушает положение пункта 4 статьи 12 Пакта, Комитет напоминает, что в ходе своей предыдущей юридической практики^{25/} он уже выразил мнение о том, что лицо, въезжающее в государство в соответствии с его иммиграционным законодательством и обязанное выполнять условия, предусмотренные этим законодательством, не может считать это государство своей собственной страной до тех пор, пока не получит гражданства этой страны и продолжает сохранять гражданство страны, в которой он родился. Исключения могут иметь место в тех редких обстоятельствах, когда чинятся необоснованные препятствия на пути получения гражданства. Таких обстоятельств не было ни в предыдущем деле, которое рассматривал Комитет, ни в данном деле. Автору не ставились препятствия в получении канадского гражданства, он также не был произвольно лишен своего первичного гражданства. В этих обстоятельствах Комитет приходит к выводу, что автор не может претендовать на то, что Канада является его собственной страной с точки зрения пункта 4 статьи 12 Пакта.

11.4 В отношении ссылки автора на статью 17 Пакта Комитет отмечает, что высылка автора из Канады действительно была вмешательством в его семейную жизнь и что это вмешательство было осуществлено в соответствии с законодательством Канады. Проблема, стоявшая перед Комитетом, состояла в том, чтобы определить, было ли это вмешательство произвольным. Комитет принял во внимание утверждение государства-участника о том, что решение о высылке автора из Канады не было произвольным, поскольку автор участвовал в полномасштабных судебных слушаниях, в ходе которых ему были предоставлены процедурные гарантии и его права оценивались в сравнении с интересами общества. Комитет отмечает, что по смыслу статьи 17 произвольное вмешательство не ограничивается произвольностью процедурного характера, принимаются во внимание также вопросы целесообразности вмешательства в права личности в значении статьи 17 и совместимости с замыслом, целями и задачами Пакта. Изоляция личности от семьи путем высылки могла бы расцениваться как произвольное вмешательство в дела семьи и как нарушение положений статьи 17, если бы, судя по обстоятельствам дела, разлучение автора с его семьей и грозящие ему последствия такого решения были непропорциональны целям выдворения.

11.5 Обстоятельства таковы, что автор совершил много преступлений, по большей части кражи со взломом, воровство, преимущественно в целях получения денег для удовлетворения своего пристрастия к наркотикам. Его высылка расценивается как решение, необходимое в интересах общества и защиты общественной безопасности от новых преступлений автора. Он имеет почти непрерывающийся во времени список приговоров (за исключением периода с 1987 по 1988 год) начиная с 17 лет и до 31 года, когда он был выслан из Канады. Автор, у которого в Канаде нет ни жены, ни детей, имеет большое число родственников в Италии. Он не доказал, что его высылка в Италию причинит невосполнимый ущерб его связям с его семьей, оставшейся в Канаде. Его семья мало чем могла помочь ему или убедить его избавиться от преступных наклонностей и пристрастия к наркотикам. Он не доказал, что помощь и поддержка семьи могут в будущем оказаться полезными ему в этом отношении или что разлучение с семьей может в будущем ухудшить его положение. В его семейных связях нет финансовой зависимости. Оказывается, что отсутствуют особые обстоятельства для автора или семьи, которые могли бы послужить основанием для вывода Комитета, что его высылка из Канады была произвольным вмешательством в его семейную жизнь, его личную жизнь или неприкосновенность жилища.

11.6 Наконец, Комитет считает, что факты по делу не дают оснований для постановки вопроса в соответствии с положениями статьи 23 Пакта.

12. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических свободах, считает, что факты, которыми он располагает, не указывают на нарушение каких-либо положений Пакта.

^{25/} См. соображения по сообщению № 538/1993 (Стюарт против Канады), принятые 1 ноября 1996 года, пункты 12.2—12.9.

ДОБАВЛЕНИЕ

А. Особое (совпадающее) мнение члена Комитета г-на Мартина Шейнина

[Подлинный текст на английском языке]

Хотя я разделяю соображения Комитета о том, что не было допущено нарушений прав автора, я хотел бы разъяснить свое видение оснований для такого заключения.

Что касается якобы имевшего место нарушения положений пункта 4 статьи 12, мне было трудно принять большинство аргументов, изложенных в сообщении № 538/1993 (Стюарт против Канады), решение по которому было принято до того, как я стал членом Комитета. По моему мнению, существуют ситуации, в которых человек нуждается в защите одновременно и потому, что он иностранец (то есть не является гражданином), в соответствии с положениями статьи 13, и потому, что считает страну проживания своей "собственной страной", в соответствии с положениями пункта 4 статьи 12. В пункте 11.3 данного дела есть ссылка на соображения по делу Стюарта, согласно которым, с моей точки зрения, слишком узко рассматривается ситуация, когда лица, не являющиеся гражданами страны, должны квалифицироваться как проживающие в его или ее "собственной стране". Помимо ситуации, в которой необоснованно чинятся препятствия в получении гражданства, как об этом упоминается в соображениях, подобные же выводы, на мой взгляд, должны также быть сделаны в связи с рядом других ситуаций, например если то или иное лицо не имеет гражданства или для него или нее очевидна бессмысленность попытки интегрироваться в общество, де-юре соответствующее его или ее гражданству. Можно привести в качестве иллюстрации следующий пример: если слепой или глухой знает язык страны проживания, но не знает языка страны, гражданином которой он или она является, то в этом случае, в соответствии с пунктом 4 статьи 12, страна проживания должна квалифицироваться как "собственная страна" этого лица.

В отношении того, были ли нарушены права автора в соответствии со статьей 17, я также согласен с определением об отсутствии нарушения. Помимо факторов, упомянутых в пункте 11.5 соображений, я подчеркиваю, что депортация автора сама по себе не означала, что его контакты с членами его семьи в Канаде оказались невозможными. Если автор, которому на момент депортации было 32 года, и его родители или брат, живущие в Канаде, хотят поддерживать такие контакты, они могут делать это, переписываясь, общаясь по телефону или через других членов семьи, посещающих Италию, страну, выходцами из которой являются его родители. Со временем автор сможет также обратиться за разрешением посетить свою семью в Канаде, и государство-участник в этой ситуации будет связано взятыми на себя в соответствии со статьей 17 Пакта обязательствами не вмешиваться произвольно или незаконно в семейную жизнь автора.

В. Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кируги

[Подлинный текст на английском языке]

По причинам, более детально изложенным в особом мнении по делу Стюарт против Канады (№ 538/1993), мы не согласны ни с ограничительным методом, с помощью которого Комитет истолковал выражение "его собственная страна", ни с заключениями Комитета, изложенными в пункте 11.3. По нашему мнению, существуют другие факторы, кроме гражданства, которые могут формировать тесные и продолжительные связи между лицом и страной. Обстоятельства жизни автора свидетельствуют о том, что он имеет такие связи с Канадой. Поэтому мы придерживаемся мнения, что у автора есть веские основания для защиты в соответствии с положениями пункта 4 статьи 12, основания, которые следовало рассмотреть по существу.

С. Особое (несовпадающее) мнение г-жи Кристин Шане

[Подлинный текст на французском языке]

В отношении этого дела я придерживаюсь замечаний, которые сделала при рассмотрении дела Стюарта (№ 538/1993).

В настоящем деле соображения Комитета, изложенные в пункте 11.3 более четко, чем в предыдущем, ассимилируют два различных понятия, относящихся к положениям пункта 4 статьи 12 Пакта, а именно понятия "собственная страна", с одной стороны, и, с другой стороны, понятия, связанного с произвольным характером решения "лишить" (возможности въезда или повторного въезда).

Понятие "собственная страна" не относится к установившимся правовым категориям, таким как гражданство или статус постоянного или временного жителя; это термин, который относится не к государству, а к географическому региону, особенности и границы которого менее ярко выражены, и, следовательно, при отсутствии каких-либо ссылок на конкретную правовую концепцию необходима оценка содержания этого термина по мере изучения конкретных дел. Такую оценку должно дать государство — участник Пакта, которое может привести определение понятия "собственная страна" в своем внутреннем законодательстве, призванном обеспечить соблюдение других положений Пакта, совершенно очевидно отвергающего "разноплановое, дискриминационное" толкование. Если государство-участник должно решить эту задачу, создается ситуация произвольности — произвольности определения понятия "собственная страна".

Однако подобные действия не следует путать с другими, более ограниченными ситуациями произвольности, что предусмотрено положением Пакта (пункт 4 статьи 12), которое в этом случае касается реального решения о депортации личности или о лишении личности права въезда в его собственную страну ("никто не может быть произвольно лишен..."). В той формулировке, которая содержится в пункте 11.3 соображений Комитета, не проводится такого различия и имеет место смешение, с одной стороны, критериев, по которым определяется, является ли государство "собственной страной" автора сообщения, а с другой — условий въезда и выезда для иностранцев. Такая путаница приводит к упрощению, сводящему текст к единственному критерию гражданства, к его получению или лишению его, а меры депортации (или правила въезда) никогда не являются произвольными, когда они отвечают условиям получения такого гражданства или лишения его.

Толкование применимости пункта 4 статьи 12 Пакта в неразрывной связи с гражданством — или в действительности с натурализацией, — с моей точки зрения, является слишком простым решением проблемы и игнорированием буквального смысла текста, который, если бы его не истолковывали в столь узком смысле, содержал бы более уместные термины, касающиеся национальности как правового понятия, дать дефиницию которому легче. Умышленное использование более неопределенного и по этой причине более широкого термина свидетельствует о том, что составители проекта Пакта не хотели сузить сферу применения текста в таком плане, как это решил сделать Комитет.

L. Сообщение № 560/1993: А. против Австралии
(соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	А. (фамилия опущена) [представлен адвокатом]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Австралия
<u>Дата сообщения:</u>	20 июня 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	4 апреля 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 3 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 560/1993, представленного Комитету по правам человека от имени А. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором сообщения от 16 апреля 1993 года является А., гражданин Камбоджи, который в момент подачи сообщения 20 июня 1993 года находился под стражей в Центре Управления по делам иммиграции Порт-Хедленда, Кок-Пойнт, Западная Австралия. Он был освобожден из заключения 27 января 1994 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пунктов 1, 4 и 5 статьи 9, пункта 1 и подпунктов b), c) и d) пункта 3 статьи 14 вместе с пунктом 1 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат. Факультативный протокол вступил в силу для Австралии 25 декабря 1991 года.

Факты, представленные автором

2.1 А., гражданин Камбоджи, 1934 года рождения, прибыл в Австралию на судне под названием "Пендер-Бей" вместе с 25 другими гражданами Камбоджи, в том числе членами его семьи, 25 ноября 1989 года. Вскоре после прибытия он обратился к властям с просьбой предоставить ему статус

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Текст особого (совпадающего) мнения члена Комитета г-на Прафуллачандры Н. Бхагвати прилагается к настоящему документу.

беженца в соответствии с положениями Конвенции 1951 года о статусе беженцев и Протокола к ней 1967 года. Его просьба в декабре 1992 года была отклонена на формальных основаниях.

2.2 Адвокат представляет подробную хронологию событий, связанных с данным делом. Первоначальное заявление автора с просьбой предоставить ему статус беженца было зарегистрировано 9 декабря 1989 года при содействии переводчика кхмерского языка и сотрудника иммиграционной службы. При подготовке заявления автору не оказывалось никакой юридической помощи. 13 декабря 1989 года автор и другие прибывшие на судне были поодиночке опрошены тем же сотрудником иммиграционной службы. 21 декабря 1989 года автор вместе с другими прибывшими на судне "Пендер-Бей" людьми был направлен в центр для содержания под стражей в Виллавуде, Сидней. 27 апреля 1990 года автор был вновь опрошен сотрудниками иммиграционной службы в связи с его апелляцией о предоставлении статуса беженца. Его апелляция была отклонена Комитетом федерального правительства по определению статуса беженца 19 июня 1990 года; о решении Комитета автору сообщено не было. Адвокат отмечает, что в это время ни один из задержанных, прибывших на судне "Пендер-Бей", ни разу не встречался с юристом.

2.3 После взаимных контактов заинтересованных сторон министр по делам иммиграции разрешил Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса рассмотреть дела прибывших в страну на судне "Пендер-Бей". На основе выводов, сделанных после рассмотрения этих дел, Комиссия была уполномочена представить дальнейшие заявления и материалы в Управление по делам иммиграции. Юристы Комиссии впервые посетили автора в Виллавуде в сентябре 1990 года. Комиссия приняла официальные заявления, представленные от его имени, 24 марта и 13 апреля 1991 года, но в связи с введением в декабре 1990 года новых правил деятельности Комитета по определению статуса беженца все апелляции подлежали повторному рассмотрению сотрудниками аппарата Управления по делам иммиграции. 26 апреля 1991 года Комиссии был предоставлен срок в две недели для подготовки материалов о результатах повторного рассмотрения; ответы были представлены 13 мая 1991 года. 15 мая 1991 года представитель министра отклонил апелляцию автора.

2.4 20 мая 1991 года автору и другим задержанным было сообщено, что по их делам были приняты неблагоприятные решения, что им предоставляется 28 дней на подачу апелляции и что их переведут в Дарвин, расположенный в нескольких тысячах километров от Виллавуда — в Северном округе. Им была вручена копия письма с отказом в апелляции, но без перевода на кхмерский язык. В то время задержанные думали, что их возвращают в Камбоджу, им не разрешали разговаривать с другими задержанными, не позволяли звонить по телефону. Вскоре Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса была оповещена о том, что ее юрисдикция более не распространяется на ее недавних клиентов.

2.5 Затем автор был переведен в лагерь Карраганди, в 85 километрах от Дарвина. Это место было охарактеризовано комиссаром австралийской организации по правам человека и равным возможностям как "полностью неприемлемый" центр содержания беженцев под стражей, поскольку в сезон дождей оно становилось зоной наводнений. Однако более серьезным обстоятельством оказалось то, что перевод в Северный округ прервал контакты между автором и Комиссией по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса.

2.6 11 июня 1991 года Комиссия по оказанию правовой помощи Северного округа представила апелляцию в Комитет по оценке статуса беженца (заменивший Комиссию по определению статуса беженца), в которой просила пересмотреть решение об отказе предоставить статус беженца автору сообщения и другим задержанным, прибывшим на судне "Пендер-Бей". 6 августа 1991 года автора перевели в лагерь Берриммах, расположенный ближе к Дарвину, и оттуда 21 октября 1991 года — в центр содержания Порт-Хедленд, Западная Австралия, находящийся на расстоянии около 2000 километров от прежнего места его пребывания. В результате последнего перевода автор потерял контакт с юристом, представлявшим его интересы в Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа.

2.7 5 декабря 1991 года Комитет по оценке статуса беженца отклонил все апелляции задержанных, прибывших на судне "Пендер-Бей", о предоставлении им статуса беженца, включая апелляцию автора.

Задержанных не информировали об этих решениях до тех пор, пока бывшие представители их интересов в Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса не получили письма, датированные 22 января 1992 года. 29 января Комиссия обратилась к Комитету с письмом, в котором просила пересмотреть принятое им решение и предоставить задержанным, прибывшим на судне "Пендер-Бей", достаточно времени, чтобы они могли найти юриста, представляющего их интересы, и подготовить ответные замечания по поводу принятого решения.

2.8 В начале 1992 года Федеральное управление по делам иммиграции поручило Совету Австралии по делам беженцев выступить в качестве юридического консультанта, оказывающего правовую помощь ищущим убежища лицам, которые содержались под стражей в Порт-Хедленде. 4 февраля 1992 года юристы Совета приступили к опросу тех, кто содержался в Порт-Хедленде, и 3 марта 1992 года Совет направил представителю министра от имени автора ответ на решение Комитета по оценке статуса беженца. 6 апреля 1992 года автор и несколько других задержанных пассажиров судна "Пендер-Бей" были поставлены в известность, что представитель министра отклонил их апелляции о предоставлении статуса беженца. Управление по делам иммиграции решило без промедления принять меры, с тем чтобы никто из задержанных не был депортирован до тех, пока им не будет предоставлена возможность оспорить это решение в Федеральном суде Австралии; в принятии таких мер было отказано. Однако впоследствии, 6 апреля, автор получил судебный запрет Федерального суда Дарвина, который предотвращал выполнение принятого решения. 13 апреля 1992 года министр по делам иммиграции отдал распоряжение аннулировать решение своего представителя на том основании, что в судебном процессе якобы была допущена ошибка. В соответствии с этим решением это дело должно было быть выведено из юрисдикции Федерального суда.

2.9 14 апреля 1992 года слушания в Федеральном суде были прекращены, и юристы Управления по делам иммиграции уверили Суд, что предусмотренный доклад о ситуации в Камбодже будет представлен Совету Австралии по делам беженцев министерством иностранных дел и внешней торговли в двухнедельный срок. Тем временем адвокат автора посоветовал ему продолжать настаивать на рассмотрении его апелляции Федеральным судом, с тем чтобы добиться освобождения его из-под стражи; слушания по делу были назначены на 7 мая 1992 года в Федеральном суде в Мельбурне.

2.10 5 мая 1992 года австралийский парламент принял поправки к закону о миграции, которые изменили положения Закона о миграции 1958 года; в закон был включен новый раздел 4В, в соответствии с которым автор и другие лица в ситуации, подобной той, в какой оказался автор, квалифицируются как "обозначенные лица". Статья 54R оговаривает: "Суд не имеет права освобождать из-под стражи обозначенных лиц". 22 мая 1992 года по настоянию автора начались слушания в Верховном суде Австралии, благодаря которым он рассчитывал добиться деклараторного решения о том, что соответствующие положения поправок к закону о миграции не имеют силы.

2.11 Пересмотренный доклад министерства иностранных дел и внешней торговли, который обещано было представить в конце апреля 1992 года, в окончательном варианте появился только 8 июля 1992 года. 27 июля 1992 года Совет Австралии по делам беженцев представил ответ на этот пересмотренный вариант доклада Управлению по делам иммиграции, и 25 августа 1992 года Комитет по оценке статуса беженца вновь рекомендовал отклонить апелляцию автора о предоставлении ему статуса беженца. 5 декабря 1992 года представитель министра отказал автору в иске.

2.12 Автор пытался еще раз добиться пересмотра этого решения в Федеральном суде Австралии, и поскольку Управление по делам иммиграции отказалось дать гарантии, что автор не будет немедленно депортирован в Камбоджу, судебный запрет на высылку автора Управлением был получен в Федеральном суде. Между тем своим решением от 8 декабря Федеральный суд аннулировал действие основных разделов поправок к закону о миграции, которые означали, что автор должен был бы оставаться в заключении.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что его клиент был задержан "произвольно" по смыслу пункта 1 статьи 9. Он ссылается на Замечание общего порядка по статье 9 Комитета по правам человека, который

распространяет сферу действия статьи 9 на случаи иммиграционного контроля; он также ссылается на соображения Комитета по сообщению № 305/1988 26/, в которых "произвольный характер" был определен не просто как противозаконный, но и как включающий элементы "неуместности, несправедливости и отсутствия предсказуемости". Ссылаясь на статью 31 Конвенции о статусе беженцев и на вывод № 44 (1986) Исполнительного комитета Программы Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций о задержании беженцев и ищущих убежища лиц, он утверждает, что в соответствии с положениями международных договоров и обычного международного права необходимо, как правило, избегать задержания лиц, ищущих политического убежища. Там, где такое задержание может оказаться необходимым, оно должно быть резко ограниченным [см. вывод № 44, подпункт b)]. Адвокат представляет результаты сравнительного анализа правил иммиграционного контроля и законодательства нескольких европейских стран, а также Канады и Соединенных Штатов Америки. Он отмечает, что, в соответствии с австралийским законодательством, не все нелегальные иммигранты подлежат задержанию, как и не все лица, ищущие убежища. Те, кто прибывает на границы Австралии без юридически действующей визы, квалифицируются как "нарушающие запрет" и могут быть задержаны в соответствии со статьями 88 и 89 закона о миграции 1958 года. Статья 54В относит лиц, задержанных до или во время прибытия в Австралию, к "лицам, не прошедшим процедуры". Такие лица не расцениваются как въехавшие в Австралию, и их доставляют в "места прохождения процедур".

3.2 Автор и другие лица, прибывшие в Австралию до 1992 года, содержались федеральным правительством в соответствии с положением статьи 88 в качестве "лиц, не прошедших процедуры", до вступления в силу раздела 4В поправок к закону о миграции. Адвокат утверждает, что в соответствии с этими положениями государство-участник ввело более строгий режим для лиц, ищущих убежища, которые прибыли в Австралию по морю, без документов ("люди в лодках") и которые квалифицируются в соответствии с данным положением. Практическим следствием этой поправки стало автоматическое задержание лиц, попадающих под положения раздела 4В, до тех пор и если их не высылают из Австралии или они не получают разрешение на въезд.

3.3 Утверждается, что политика государства-участника, которое задерживает "людей в лодках", является неуместной, несправедливой и произвольной, поскольку ее главная цель состоит в устрашении "людей в лодках" и недопущении таким образом их въезда в Австралию, а также в устрашении тех, кто уже находится в стране и подал ходатайство о получении статуса беженца. Применение нового законодательства квалифицируется как политика "устрашения людей", в основе которой лежит практика строгого содержания под стражей лиц, ищущих убежища, в таких условиях и в течение столь продолжительного времени, что потенциально ищущие убежища лица принуждаются путем устрашения даже не подавать ходатайство о получении статуса беженца, а те, кто уже является лицом, ищущим убежища, теряют всякую надежду и возвращаются домой.

3.4 Утверждается, что нет каких-либо объективных причин для задержания автора, так же как нет законных оснований для использования в качестве основания для содержания под стражей вывода № 44 (см. пункт 3.1, выше). Далее, срок задержания — 1299 дней, или 3 года и 204 дня, по состоянию на 20 июня 1993 года — квалифицируется как нарушение пункта 1 статьи 9.

3.5 Адвокат также утверждает, что в деле автора был нарушен пункт 4 статьи 9. Вследствие применения положений раздела 4В поправок к закону о миграции предусматривается, что объявление лица "обозначенным лицом" не оставляет никакой альтернативы его заключению, а факт заключения не может быть эффективно рассмотрен в суде, поскольку суды лишены права издавать приказ об освобождении такого лица. Это было признано в письме министра по делам иммиграции, адресованном Постоянному сенатскому комитету по анализу законопроектов, который выразил озабоченность тем, что данная законодательная поправка имела целью лишить "обозначенные лица" доступа в суды для рассмотрения их проблем в свете обязательств Австралии по Пакту. Комиссар Австралии по правам человека также выразил мнение, что недоступность судебных процедур, с

26/ См. соображения (Ван Альфен против Нидерландов), принятые 23 июля 1990 года, пункт 5.8.

помощью которых можно было бы проверить целесообразность или необходимость такого задержания, составляет нарушение пункта 4 статьи 9.

3.6 Далее утверждается, что такие лица, как автор, не имеют эффективного доступа к юридическим консультациям, что противоречит статье 16 Конвенции о статусе беженцев. Тот факт, что лица, подобные автору, в течение долгого времени содержатся под стражей, делает обеспечение им доступа к услугам юристов еще более важной проблемой. В связи с делом автора адвокат утверждает, что государство-участник нарушило пункт 4 статьи 9 и статью 14 в отношении следующих положений:

- a) при подготовке ходатайства о предоставлении статуса беженца;
- b) при лишении доступа к услугам юриста на административном этапе процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца;
- c) при лишении доступа к услугам адвокатов на этапе судебного рассмотрения вопроса о предоставлении статуса беженца; в этом контексте отмечается, что частые переводы автора в места содержания под стражей, расположенные на значительном расстоянии от основных городских центров, существенно затруднили предоставление ему юридических консультаций. Так, например, в Порт-Хедленд, где автор содержался в течение двух лет, можно попасть только самолетом, что связано со значительными расходами, а ближайший крупный город — Перт — находится на расстоянии более 2000 километров. По причине значительных расходов, а также проблем, связанных с материально-техническим обеспечением, было трудно найти компетентных адвокатов — сотрудников Совета Австралии по делам беженцев, которые могли бы заняться этим делом.

3.7 Адвокат утверждает, что серьезные отсрочки, допущенные государством-участником в рассмотрении ходатайства автора о предоставлении ему статуса беженца, представляют собой нарушение подпункта с) пункта 3 статьи 14, особенно с учетом того обстоятельства, что в течение большей части этого процесса он находился в заключении.

3.8 Утверждается, что, поскольку А. был задержан произвольно, он имеет право на компенсацию в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта. Адвокат считает, что под "компенсацией" в этом случае следует понимать "справедливое и адекватное" возмещение нанесенного ему ущерба, и добавляет, что государство-участник исключило из законодательства любое право на компенсацию за незаконное заключение в соответствии с поправкой к закону о миграции. Он отмечает, что в результате решения Верховного суда Австралии по делу А. в Верховном суде начались дальнейшие судебные слушания от имени задержанных пассажиров судна "Пендер-Бей", включая автора, которые требовали возмещения ущерба в связи с незаконным заключением. 24 декабря 1992 года парламент добавил статьи 54RA(1)—(4) в раздел 4В закона о миграции, что, по мнению адвоката, было прямой реакцией на постановление Верховного суда по делу автора и на сложившуюся ситуацию в связи с неизбежностью подачи новых исков с требованием компенсации за незаконное задержание. Новое положение пункта 3 ограничивает компенсацию за незаконное задержание до символической суммы в 1 доллар за день. Предполагается, что автор должен получить справедливую и адекватную компенсацию за: а) денежный ущерб, связанный с потерей судна, на котором он прибыл в Австралию; б) неденежный ущерб, включая ущемление свободы, ущерб, нанесенный репутации, и моральные страдания; в) отягчающий и очевидный ущерб, имеющий в своей основе, в частности, длительность содержания под стражей и условия содержания. Символическая сумма, которая могла бы полагаться автору в соответствии со статьей 54RA раздела 4В, не отвечала бы критериям компенсации, установленным в соответствии с пунктом 5 статьи 9.

3.9 Наконец, адвокат утверждает, что автоматическое задержание "людей в лодках", прежде всего азиатского происхождения, на единственном основании, что они отвечают критериям раздела 4В закона о миграции 1958 года, является актом дискриминации согласно положению об "ином обстоятельстве", о котором говорится в пункте 1 статьи 2 Пакта, имея в виду, что "иное обстоятельство" относится к статусу "людей в лодках".

4.1 В своем представлении государство-участник, в соответствии с правилом 91, излагает дополнительные факты помимо представленных автором и приводит хронологию судебного процесса, в котором участвовал и продолжает участвовать автор. Оно отмечает, что, после того как в декабре 1992 года было принято окончательное решение отклонить ходатайство автора о предоставлении ему статуса беженца, автор продолжал возбуждать судебные дела, имевшие целью оспорить законность этого решения. Содержание под стражей после декабря 1992 года, говорится в представлении, является исключительно следствием судебного иска автора, оспаривающего упомянутое решение. В этом контексте государство-участник напоминает, что в своем письме от 2 ноября 1993 года министр по делам иммиграции предложил автору — в случае его добровольного возвращения в Камбоджу — подать апелляцию о повторном въезде в Австралию через 12 месяцев с постоянной визой согласно категории "оказание специальной помощи". Государство-участник далее добавляет, что ходатайство жены автора о получении статуса беженца было удовлетворено, что в результате этого 21 января 1994 года автор был освобожден из-под стражи и ему было разрешено остаться в Австралии.

4.2 Государство-участник допускает приемлемость сообщения в той его части, в которой содержится утверждение, что задержание автора было "произвольным" по смыслу пункта 1 статьи 9. Государство-участник, однако, решительно возражает против утверждения, что заключение под стражу носило "произвольный характер" и содержало элементы "неуместности, несправедливости и отсутствия предсказуемости".

4.3 Государство-участник оспаривает приемлемость других элементов, относящихся к пункту 1 статьи 9. В этой связи оно отмечает, что сообщение неприемлемо *ratione materiae* в том отношении, что в нем содержатся ссылки на положения обычного международного права или положения других международных документов, таких как Конвенция о статусе беженцев 1951 года. Государство-участник утверждает, что Комитет компетентен только определять, имели ли место нарушения каких-либо прав, предусмотренных Пактом; недопустимо использовать обычное международное право или другие международные документы в качестве основы для иска.

4.4 Подобным же образом государство-участник утверждает, что заявление адвоката о том, что проводимая Австралией политика по задержанию "людей в лодках" противоречит пункту 1 статьи 9, неприемлемо, поскольку в компетенцию Комитета не входит оценка *in abstracto* конкретных действий правительства или рассмотрение практики проведения такой политики в качестве оснований для выявления нарушений Пакта. Поэтому государство-участник считает сообщение неприемлемым в той его части, где Комитету предлагается определить в общем плане, противоречит ли политика задержания "людей в лодках" пункту 1 статьи 9.

4.5 Государство-участник оспаривает приемлемость заявления, сделанного в соответствии с положениями пункта 4 статьи 9, и утверждает, что существующие методы пересмотра вопроса о законности задержания в соответствии с законом о миграции не противоречат пункту 4 статьи 9. Оно отмечает, что адвокат не утверждает, будто австралийское законодательство не предусматривает права оспаривать в суде законность задержания. *Habeas corpus*, например, как средство, предназначенное для урегулирования таких ситуаций, не было использовано автором. Отмечается, что автор не оспорил конституционную законность раздела 4В части 2 закона о миграции в Верховном суде Австралии, опротестовавшем соответствующее постановление, согласно которому автор с 6 мая 1992 года находился под стражей. В своем решении Верховный суд подтвердил, что, если лицо незаконно задержано, оно может обратиться в суд с просьбой об освобождении. До освобождения из-под стражи А. не возбуждал никаких судебных разбирательств с целью оспорить законность его задержания, хотя у него была такая возможность. Однако другие задержанные успешно инициировали судебные процессы и были освобождены на том основании, что содержались под стражей в течение более

длительного срока, чем это разрешено положениями раздела 4В закона о миграции 27/. После проведения этих судебных разбирательств еще 34 задержанных были освобождены из-под стражи. Государство-участник считает, что в представленных адвокатом материалах нельзя найти "абсолютно никаких оснований, опираясь на которые Комитет мог бы констатировать нарушение пункта 4 статьи 9 по той причине, что автор был не в состоянии оспорить незаконность своего задержания". Заявление о допущенном нарушении не было в достаточной степени обосновано, как того требует правило 90 b) правил процедуры Комитета. Государство-участник добавляет, что заявления о нарушении пункта 4 статьи 9 могут быть расценены как злоупотребление правом подачи жалобы и что в любом случае автор не исчерпал имевшиеся при этих обстоятельствах в его распоряжении внутренние средства правовой защиты, поскольку он не принял меры для определения в суде законности своего задержания.

4.6 Что касается попытки автора сообщения констатировать нарушение пункта 4 статьи 9 на том основании, что целесообразность или уместность задержания не может быть опротестована в суде, то государство-участник считает, что отсутствие у суда полномочий для издания приказа об освобождении лица из-под стражи никоим образом не подпадает под действие положений пункта 4 статьи 9, которые касаются только определения законности задержания.

4.7 Относительно содержащегося в сообщении утверждения, что имело место нарушение пункта 4 статьи 9 из-за отсутствия эффективного доступа к услугам профессиональных юристов, с тем чтобы они представляли автора, государство-участник отмечает, что это положение не предусмотрено статьей: доступ к услугам профессиональных юристов для представления интересов автора, по мнению государства-участника, следует в любом случае толковать как предусмотренное положением указанной статьи право, имеющее отношение к обязательной правовой норме или предоставляющее эту обязательную норму, которая обусловлена гарантией участия того или иного лица в судебных разбирательствах. Оно утверждает, что у автора был доступ к юридическим консультациям. Так, средства для оплаты услуг по оказанию юридической помощи выделялись на всех этапах административной процедуры; следовательно, у автора был доступ к юридическим консультациям как средству правовой защиты. По этим причинам государство-участник утверждает, что изложенных фактов недостаточно для того, чтобы констатировать нарушение пункта 4 статьи 9 по причине отсутствия доступа к услугам профессиональных юристов. Что касается утверждения о доступе к услугам профессиональных юристов, которое в сообщении связывается со статьей 16 Конвенции о статусе беженцев, то государство-участник ссылается на свои аргументы, изложенные в пункте 4.3, выше.

4.8 Государство-участник оспаривает, что обстоятельства задержания автора дают основания для предъявления каких-либо исков о компенсации в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта. Оно отмечает, что само правительство Австралии признало в ходе судебного разбирательства, начатого автором и другими лицами по этому делу, что авторы апелляции были задержаны без законных на то полномочий, дававших право содержать под стражей "людей в лодках" до введения в действие раздела 4В закона о миграции: это было результатом добросовестной, но ошибочной трактовки положений законодательства, в соответствии с которыми автор содержался под стражей. В отношении оснований для незаконного задержания лиц, решение о котором было принято по небрежности и которое может относиться к лицам, оказавшимся в ситуации, подобной той, в какой находится автор, австралийский парламент принял специальный закон о компенсации. Государство-участник считает, что этот закон соответствует положениям пункта 5 статьи 9.

4.9 Государство-участник отмечает, что многие "люди в лодках" начали судебное разбирательство, имеющее целью опротестовать конституционность соответствующего законодательства. Поскольку автор участвует в этом разбирательстве, нельзя считать, что он исчерпал все доступные ему

27/ Танг Джиа Ксин против министра по делам иммиграции и этническим проблемам, № 1 (1993), 116 ALR 329; Танг Джиа Ксин против министра по делам иммиграции и этническим вопросам, № 2 (1993), 116 ALR 349.

внутренние средства правовой защиты в отношении его жалобы, принесенной в соответствии с пунктом 5 статьи 9.

4.10 Государство-участник отвергает утверждение автора, согласно которому статья 14 применима к задержанию иммигрантов, и считает неприемлемым сообщение в той его части, где в нем содержатся ссылки на статью 14. Оно напоминает, что статья 14 применима только в случае обвинений в совершении уголовных преступлений; задержание в интересах соблюдения правил иммиграции не является задержанием, предусмотренным уголовным правом, а представляет собой административное задержание, к которому абсолютно неприменим пункт 3 статьи 14. По этой причине данная часть сообщения не может считаться приемлемой *ratione materiae*.

4.11 Наконец, государство-участник опровергает утверждение автора о якобы имевшей место дискриминации, подпадающей под положения статей 9 и 14 в сочетании с пунктом 1 статьи 2, на том основании, что в деле отсутствуют свидетельства в поддержку жалобы о дискриминации по признаку расы. Оно утверждает далее, что статус "людей в лодках" не может быть отнесен к "иным обстоятельствам" по смыслу статьи 2. Соответственно, в этом отношении дело представляется неприемлемым *ratione materiae*, как не имеющее отношения к положениям Пакта.

4.12 Касаясь заявления о якобы имевшей место дискриминации по признаку расы, государство-участник настаивает, что для этой жалобы отсутствуют основания, поскольку закон, согласно положениям которого задерживаются "люди в лодках", относится к лицам всех национальностей независимо от их этнического происхождения или расы. Государство-участник исходит из анализа содержания термина "иное обстоятельство", содержащегося в статьях 2 и 26 Пакта, и, ссылаясь на правовую компетенцию Комитета в данном деле, напоминает о высказанном самим Комитетом мнении относительно необходимости установить в толковании термина "иное обстоятельство" определенные ограничения. Для того чтобы автор был причислен к статусу, обозначаемому этим термином, утверждает государство-участник, в сообщении должны быть упомянуты определенные обстоятельства, в основе которых лежат личные характеристики лица, о котором идет речь. В соответствии с австралийским законодательством единственным основанием может быть факт нелегального прибытия лица на лодке: "С учетом того обстоятельства, что государство должно в соответствии с международным правом установить, кому оно разрешает въезд на свою территорию, оно не может допустить нарушения положений статей 9 и 14 в сочетании с пунктом 1 статьи 2, касающихся особых методов обращения с нелегально въехавшими лицами, с учетом способа, использованного ими для въезда на его территорию". По мнению государства-участника, правовые полномочия Комитета не дают ему оснований для рассмотрения вопроса о дискриминации в свете положений статьи 26, согласно которой "людей в лодках" можно считать лицами, оказавшимися "в иных обстоятельствах" по смыслу статьи 2.

5.1 В своих комментариях адвокат обратился к некоторым аргументам государства-участника. Он оспаривает утверждение, что трехлетний период, который оказался необходимым для окончательного рассмотрения заявления автора о предоставлении ему статуса беженца, был в значительной степени обусловлен задержками в предоставлении документов и апелляциям юристами, стремившимися опротестовать процесс принятия решения. В этой связи он отмечает, что из 849 дней, в течение которых продолжалась административная процедура, 571 день — две трети всего этого периода — заявление автора находилось у австралийских властей. Он далее напоминает, что за это время автора четыре раза переводили в иное место содержания под стражей и по этой причине он был вынужден иметь дело с тремя различными группами юристов, представлявших его интересы; все они располагали лишь ограниченными средствами из общественных фондов, и им требовалось время для ознакомления с его делом.

5.2 Адвокат признает, что 21 января 1994 года автору было предоставлено (временное) разрешение на проживание в интересах внутренней защиты и он был освобожден из-под стражи, после того как его жена как вьетнамка по происхождению получила статус беженца. Подразумевается, что автор не мог добиться своего освобождения из-под стражи, согласившись добровольно покинуть Австралию и возвратиться в Камбоджу, во-первых, потому, что искренне боялся преследований в случае

возвращения в Камбоджу, и, во-вторых, потому, что было бы бессмысленно ожидать, что он вернется в Камбоджу без своей жены.

5.3 Адвокат автора еще раз подтверждает, что его ссылка на статью 31 Конвенции о статусе беженцев 1951 года или другие международные документы в подтверждение своих утверждений относительно нарушений положений пункта 1 статьи 9 имеет лишь одну цель — истолковать и расширить рамки обязательства государства-участника в соответствии с Пактом. Он утверждает, что другие международные документы могут оказаться релевантными при толковании положений Пакта, и в этой связи обращает внимание Комитета на заявление управления Генерального прокурора на заседании Объединенного комитета по делам миграции; согласно этому заявлению органы, наблюдающие за соблюдением международных договоров, такие как Комитет по правам человека, могут ссылаться на другие международные документы в целях толкования сферы применения договора, за соблюдением которого они наблюдают.

5.4 Адвокат повторяет, что не оспаривает политику государства-участника в отношении "людей в лодках" *in abstracto*, но допускает, что цель политики Австралии, а именно устрашение, имеет отношение к делу в том плане, что дает возможность оценить степень "произвольности" по смыслу пункта 1 статьи 9: "Невозможно определить, было ли задержание того или иного лица уместным, справедливым и предсказуемым, не выяснив, что в действительности было целью задержания". В случае с автором цель задержания была сформулирована в предисловии министра по делам иммиграции к законопроекту о поправках к закону о миграции 1992 года; этот закон, как утверждает, был принят как прямая ответная реакция на заявление автора и других граждан Камбоджи с просьбой освободить их из-под стражи, которое было направлено в Федеральный суд и должно было рассматриваться в Суде через два дня.

5.5 Относительно утверждения, касающегося пункта 4 статьи 9, адвокат полагает, что при отсутствии дискреционных полномочий, предусмотренных разделом 4В закона о миграции 1958 года в отношении освобождения из-под стражи "обозначенного лица", проведение слушаний в суде с целью освобождения из-под стражи теряет смысл.

5.6 Адвокат признает, что после решения Верховного суда, вынесенного в декабре 1992 года, не предпринималось попыток опротестовать законность задержания автора. Причина этого состояла в том, что автор полностью попадал под действие раздела 4В, а не в сферу применения статьи 54Q, предусматривавшей 273-дневное задержание, и поэтому дальнейшие попытки опротестовать его задержание были бы бессмысленными. Утверждается, что автору не было необходимости продолжать бесплодные поиски средств правовой защиты с целью установления факта нарушения пункта 4 статьи 9 или доказательства, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны, как того требует подпункт b) пункта 2 Факультативного протокола.

5.7 Адвокат настаивает, что право на разбирательство дела в суде, предусмотренное пунктом 4 статьи 9, предполагает императивное обязательство предоставлять заинтересованному лицу услуги адвоката. Когда же лицо находится под стражей, его интересы в суде обычно могут быть представлены назначенным для этого адвокатом. В этом контексте адвокат оспаривает, что его клиенту были предоставлены адекватные услуги адвоката: с 30 ноября 1989 года до 13 сентября 1990 года, когда его интересы начала представлять Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса, он был лишен возможности пользоваться услугами адвоката. Утверждается, что автора, который не знал о своем праве пользоваться юридической помощью и не говорит по-английски, должны были уведомить о его праве на такую помощь и что государство-участник, безусловно, однозначно было обязано выяснить, желает ли автор воспользоваться помощью адвоката. Это обязательство государства-участника предусмотрено принципом 17(1) Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, и правилом 35 (1) Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

5.8 Адвокат автора добавляет, что в двух случаях его клиент был принудительно выведен из-под государственной юрисдикции и поэтому не имел возможности воспользоваться помощью адвоката. Ни

в одном из случаев его адвокаты не были своевременно оповещены о его перемещении. Утверждается, что эти события представляют собой лишение автора доступа к помощи его адвокатов.

5.9 Что касается замечаний государства-участника в отношении жалобы, заявленной в соответствии с пунктом 5 статьи 9, адвокат отмечает, что в настоящее время автор не представлен на судебном процессе, который имеет целью оспорить легитимность законодательных положений, ограничивающих размер компенсации за незаконное задержание суммой в 1 долл. за день. Кроме того, автор выступает истцом в отдельном процессе, в котором еще не завершены процессуальные действия и слушания в котором не начнутся еще по крайней мере в течение года. Адвокат утверждает, что его клиенту нет необходимости ждать завершения этого судебного разбирательства, для того чтобы выполнить требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. В этой связи он отмечает, что в июне 1994 года парламент Австралии принял новый закон, который задним числом внес поправки в закон о миграции 1958 года, таким образом ликвидировал любые права истцов в деле Чу Кенг Лима (касающемся незаконного задержания "людей в лодках") на компенсацию ущерба в результате незаконного задержания. 21 сентября 1994 года правительство внесло законопроект о поправках к закону о миграции (№ 3) 1994 ("поправка № 3"), цель которого — аннулировать первоначальное положение закона "1 доллар за день". Прямым следствием принятия этого закона стал перенос слушаний по делу Ли Сок Фенг против министра по делам иммиграции, местного управления и этническим вопросам с октября 1994 года по крайней мере на апрель 1995 года. Если поправка № 3 получит статус закона, что продолжает оставаться намерением федерального правительства, любые действия автора, предпринятые с целью получить компенсацию за незаконное задержание, окажутся бессмысленными.

5.10 Адвокат оспаривает аргумент страны-участника о неприменимости пункта 3 статьи 14 в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию, и в этом контексте ссылается на правило 94 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, которое приравнивает права лиц, находящихся в заключении за уголовные преступления, с правами "заключенных по гражданским делам".

5.11 Наконец, адвокат еще раз подтверждает, что "люди в лодках" представляют собой сплоченную группу, положение которой можно охарактеризовать термином "иное обстоятельство" в значении пункта 1 статьи 2 Пакта: "Все они имеют общую характеристику лиц, прибывших в Австралию в установленное время, не имея визы, и получивших квалификацию Управления по делам иммиграции". Все лица, подпадающие под это определение, должны быть задержаны. По мнению адвоката, именно «эта "непреложная" характеристика, которая определяет причастность к этой группе, будет рассматриваться как обстоятельство, отличающее их от других лиц, ищущих убежища в Австралии».

Решение Комитета о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения на своей пятьдесят третьей сессии. Он принял к сведению, что ряд событий, которые составляют жалобу автора, произошли до вступления в силу для Австралии Факультативного протокола; однако, поскольку государство-участник не пожелало оспаривать приемлемость сообщения на этом основании и поскольку автор оставался под стражей после вступления в силу для Австралии Факультативного протокола, Комитет удовлетворен тем, что жалоба признана приемлемой ratione temporis. Было также признано, что государство-участник согласилось с приемлемостью жалобы автора, принесенной в соответствии с пунктом 1 статьи 9.

6.2 Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что у него не было другой возможности добиться реальной оценки законности его задержания, что противоречит положениям пункта 4 статьи 9, и возражение государства-участника против аргументации автора. Комитет посчитал, что вопросы о том, имели ли место в случае автора нарушения пункта 4 статьи 9, и о том, предусматривают ли эти положения право получить доступ к помощи адвоката, должны рассматриваться по существу дела.

6.3 Комитет специально отметил отличие этого определения от принятого ранее решения по делу В.М.Р.Б. против Канады 28/, поскольку в данном случае право автора на получение статуса беженца предстояло установить в ходе рассмотрения сообщения, в то время как в предыдущем случае уже действовал приказ о запрещении въезда.

6.4 Относительно иска, заявленного в соответствии с пунктом 5 статьи 9, Комитет отметил, что судебное дело, имевшее целью оспорить конституционность статьи 54RA закона о миграции, в то время продолжалось. Автор утверждал, что было бы слишком сложно оспорить конституционность этого положения и было бы бессмысленным пытаться воспользоваться этим средством защиты вследствие продолжительных отсрочек в судебных разбирательствах и по причине намерения правительства аннулировать это средство защиты. Комитет отметил, что сами по себе сомнения относительно эффективности внутренних средств правовой защиты или перспектива значительных финансовых издержек не освобождали автора от необходимости пользоваться этими средствами правовой защиты. Касаясь ссылки адвоката на проект закона, принятие которого свело бы на нет действие желаемых средств защиты, Комитет отметил, что проект еще не был принят в качестве закона, и поэтому адвокат полагался в своих утверждениях на гипотетические изменения австралийского законодательства. Эта часть сообщения, соответственно, была признана неприемлемой в контексте положений подпункта b) пункта 2 Факультативного протокола.

6.5 В связи со ссылкой на статью 14 Комитет напомнил заявление государства-участника о том, что задержание "людей в лодках" квалифицировалось как "административное задержание", которое не может расцениваться как попадающее под действие пункта 1 статьи 14, не говоря уже о пункте 3. Комитет отметил, что задержание автора, как вопрос, относящийся к австралийскому законодательству, не имело отношения ни к обвинениям в уголовных преступлениях, выдвинутых в его адрес, ни к определению его прав и обязанностей в рамках судебного иска. Однако считается, что вопрос о том, попадают ли, тем не менее, слушания по делу, имеющие целью определить статус автора в соответствии с поправками к закону о миграции, под сферу применения пункта 1 статьи 14, должен рассматриваться по существу.

6.6 Наконец, по поводу иска, предъявленного в соответствии с пунктом 1 статьи 2 в сочетании со статьями 9 и 14, Комитет отметил, что с точки зрения приемлемости сообщения он не был обоснован в плане утверждения, что в отношении А. была допущена дискриминация по признаку его расы и/или этнического происхождения. Из этого далее следовало, что внутренние средства правовой защиты в этом отношении не были исчерпаны, поскольку вопрос о предполагаемой дискриминации по признаку расы или этнического происхождения никогда не поднимался в ходе судебных разбирательств. Учитывая эти обстоятельства, Комитет признал упомянутый иск неприемлемым в соответствии с подпунктом b) пункта 2 Факультативного протокола.

6.7 Таким образом, 4 апреля 1995 года Комитет объявил настоящее сообщение приемлемым в той его части, в какой оно может затрагивать вопросы, касающиеся пунктов 1 и 4 статьи 9 и пункта 1 статьи 14.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии адвоката

7.1 В своем представлении в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола, датированном маем 1996 года, государство-участник приводит дополнительные факты по делу и обращается к искам, заявленным в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 9 и пунктом 1 статьи 14. Оно напоминает, что политика задержания лиц, прибывших в страну без разрешения, является составной частью иммиграционной политики Австралии. Смысл ее сводится к тому, чтобы создать условия, при которых лица, въехавшие в страну без разрешения, не допускались в австралийское сообщество до тех пор, пока право, которым они якобы обладают, не будет соответствующим образом оценено и не будет сделан вывод о том, что их въезд в страну оправдан. Задержание имеет целью обеспечить

28/ Сообщение № 2366/1987 (В.М.Р.Б. против Канады), объявленное неприемлемым в силу решения от 18 июня 1988 года, пункт 6.3.

положение, при котором любое лицо, въехавшее на территорию Австралии без разрешения, может рассчитывать на то, что его просьба остаться здесь будет рассмотрена, а если она будет отклонена, оно будет подлежать высылке. Государство-участник отмечает, что начиная с конца 1989 года имело место неожиданное и беспрецедентное увеличение числа заявлений с просьбой о предоставлении статуса беженца от лиц, высадившихся на побережье страны. Это привело к резкому увеличению сроков содержания под стражей лиц, подавших такие заявления, а также к реформам законодательства и процедур рассмотрения заявлений лиц, высадившихся на побережье и обратившихся с просьбой о предоставлении им права на убежище.

7.2 В отношении необходимости задержания государство-участник напоминает, что лица, высадившиеся без разрешения на побережье Австралии в 1990 и в начале 1991 года, содержались в не огороженных гостиницах для мигрантов и должны были регулярно сообщать о своем местонахождении. Однако из-за того, что ряд лиц, содержащихся в этих гостиницах, скрылись, и из-за трудностей в получении помощи от местных этнических общин в поимке лиц, не выполнявших обязательства докладывать о своем местонахождении, пришлось усилить меры безопасности; за период с 1991 по октябрь 1993 года 59 человек, прибывших в Австралию на лодках, совершили побег из места содержания. Что касается лиц, которым было разрешено проживание в Австралии, пока рассматривались их апелляции о предоставлении им статуса беженца, то отмечается, что из группы численностью 8000 человек, которым было отказано в статусе беженца, около 27 процентов незаконно остались на территории Австралии, не имея для этого никаких оснований.

7.3 Государство-участник отмечает, что проводимая им политика обязательного задержания некоторых истцов по делам о пересечении границы должна рассматриваться в свете полного и детального рассмотрения их заявлений о предоставлении статуса беженца и в свете предоставляемых им широких возможностей оспорить отрицательные решения по заявлениям о предоставлении статуса беженца. С учетом сложности обстоятельств настоящего дела, при том что потребовалось время для сбора информации о постоянно меняющейся ситуации в Камбодже, а также для подготовки адвокатами А. необходимых представлений, время содержания под стражей автора не было оскорбительно продолжительным. Более того, условия содержания А. под стражей не были суровыми, не напоминали содержания в тюрьме и каким-либо другим образом бесосновательно не ограничивали его существования.

7.4 Государство-участник повторяет, что автор был информирован в ходе его первого опроса после высадки в Австралии о том, что ему необходимо заняться поиском юридических консультаций и юридической помощи. У него были продолжительные контакты с группами поддержки сообществ, которые могли информировать его о таком его праве. По мнению государства-участника, юридическая консультация не требуется для того, чтобы подать заявление с просьбой о предоставлении статуса беженца, поскольку предоставление такого права — прежде всего вопрос факта. Государство-участник подчеркивает, что в течение всего времени задержания автора разумные средства для получения юридических консультаций или возбуждения судебного разбирательства были бы предоставлены автору, если бы он стремился к этому. После 13 сентября 1990 года автор действительно выступал в качестве одной из сторон в нескольких судебных процессах; по мнению государства-участника, отсутствуют доказательства, что автору когда-либо отказывали в юридических консультациях или в представительстве его интересов адвокатом, когда он к этому стремился. В целом условия, в которых автор содержался под стражей, не затрудняли для него доступа к юридическим консультациям (см. пункты 7.8—7.11, ниже). Государство-участник считает, что, несмотря на утверждение адвоката, длительные задержки не были вызваны сменой юридических консультантов в результате последовательных переводов А. из одного центра содержания под стражей в другой.

7.5 Касаясь заявления, сделанного в соответствии с пунктом 1 статьи 9, государство-участник утверждает, что задержание автора было законным и нет никаких оснований считать его произвольным. А. въехал в Австралию без разрешения и впоследствии ходатайствовал о предоставлении ему права остаться в стране в статусе беженца. Сначала его содержали под стражей в ожидании рассмотрения его ходатайства. Последующее его задержание было вызвано его апелляциями на решения об отказе в его просьбе, в соответствии с которыми он должен был быть

депортирован. Задержание считалось необходимым прежде всего для того, чтобы не дать ему возможности скрыться и пребывать в австралийском обществе нелегально.

7.6 Государство-участник отмечает, что *travaux préparatoires* по пункту 1 статьи 9 свидетельствует о том, что, с точки зрения составителей проекта Пакта, понятие "произвольность" включало "несовместимость с принципами справедливости или достоинством человеческой личности". Кроме того, государство-участник ссылается на сферу юриспруденции Комитета, в соответствии с которой понятие "произвольность" не должно отождествляться с понятием "противозаконность", а должно толковаться шире — как включающее элементы неуместности, несправедливости и непредсказуемости ^{29/}. В этом контексте государство-участник полагает, что задержание в таких обстоятельствах, какие имеют место в случае автора, не было ни непропорциональным, ни несправедливым; оно не было также непредсказуемым, поскольку австралийское законодательство широко освещалось в печати. По мнению государства-участника, утверждение адвоката о несоответствии закону *per se* задержания лиц, въезжающих в Австралию без разрешения, не подтверждается ни одним из положений Пакта.

7.7 Государство-участник настаивает на том, что утверждение, будто существует норма публичного международного права — независимо от того, выводится ли это утверждение из обычного или договорного права, — запрещающая задержание лиц, ищущих убежища, не только ошибочно, но и не подтверждается установившейся практикой Комитета и к тому же не имеет отношения к делам, которые рассматривает Комитет по правам человека. Документы и практика, на которые, среди прочего, ссылается адвокат, а именно Конвенция о статусе беженцев 1951 года, вывод 44 Исполнительного комитета Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, Конвенция о правах ребенка, практика 12 западных государств, в конечном счете вовсе не доказывают существования нормы обычного международного права. В частности, государство-участник не согласно с утверждением, что нормы или стандарты, которые, как известно, действуют в соответствии с обычным международным правом или с другими международными соглашениями, могут быть инкорпорированы в Пакт. Государство-участник делает вывод, что задержание, даже если требуется высылка из страны, необходимое для рассмотрения заявлений о предоставлении защиты и о предоставлении статуса беженца или о разрешении на въезд в страну, а также для защиты государственной безопасности, полностью совместимо с положениями пункта 1 статьи 9.

7.8 В отношении иска, заявленного в соответствии с положениями пункта 4 статьи 9, государство-участник вновь подтверждает, что оно никогда не запрещало автору возбуждать иски, опротестовывая законность его задержания, например обращаться с требованием дать определение, отвечает ли его задержание положениям австралийского законодательства. Судебные инстанции действительно имели право освободить А. из-под стражи, если бы они установили, что он задержан незаконно. В этой связи государство-участник обращается к вопросу о соображениях Комитета относительно приемлемости сообщения на основании положения пункта 4 статьи 9. С точки зрения государства-участника, это положение не требует, чтобы судебные органы государства всегда имели право подменять своими полномочиями полномочия парламента, когда речь идет о задержании: "Пакт не требует, чтобы суд в обязательном порядке имел возможность издавать приказ об освобождении задержанного, даже если такое решение об освобождении и соответствует закону".

7.9 Кроме того, государство-участник особенно решительно отвергает замечание о том, что пункт 4 статьи 5 косвенно подразумевает предоставление тех же (процедурных) гарантий оказания юридической помощи, что и пункт 3 статьи 14: по его мнению, следует проводить различие между положением об оказании бесплатной юридической помощи, предусмотренной пунктом 3 статьи 14, и разрешением доступа к юридической помощи. В любом случае, продолжает государство-участник, нет оснований для заявления автора о том, что ему чинились препятствия в реализации им, в соответствии с пунктом 4 статьи 9, своих прав, поскольку он якобы был лишен адекватного доступа к

^{29/} См. соображения по сообщению № 305/1988 (Хуго ван Альфен против Нидерландов), принятые 23 июля 1990 года, пункт 5.8.

юридической помощи. У автора "был широкий доступ к юридической помощи, и ему была предоставлена возможность иметь лицо, представляющее его интересы, при подаче протеста относительно законности его задержания", и когда он направил этот протест, его интересы представлял адвокат.

7.10 Чтобы подтвердить свою аргументацию, государство-участник приводит подробную хронологию попыток информировать А. о его праве на юридические консультации:

- а) бланк, который используется для заполнения заявления о предоставлении статуса беженца, уведомляет заявителей о их праве требовать присутствия во время опроса их адвоката, а также о праве просить об оказании юридической помощи. Содержание бланка было зачитано автору 9 декабря 1989 года в Уилли-Крик переводчиком на кхмерском языке; бланк был заполнен и подписан автором. В то время автор не просил предоставить ему юридические консультации или услуги адвоката;
- б) в течение первых шести месяцев своего задержания автор имел контакты с представителями австралийского общества, в том числе с камбоджийской, кхмерской и индийско-китайской общинами Сиднея, которые оказывали определенную поддержку задержанным, прибывшим на судне "Пендер-Бей". Эти этнические группы могли бы обеспечить автору доступ к юридическим консультациям;
- в) в июне/июле 1990 года иезуитская служба по делам беженцев обратилась в Комиссию по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса с предложением дать ей возможность представлять интересы задержанных пассажиров "Пендер-Бей". 11 сентября 1990 года А. уполномочил Комиссию по оказанию правовой помощи представлять его интересы. В начале октября 1990 года, еще до того как Комиссия по оказанию правовой помощи приступила к оказанию услуг автору, Управление по делам иммиграции и этническим вопросам планировало перевести задержанных лиц, прибывших на судне "Пендер-Бей", из Сиднея. Для того чтобы члены этой группы имели постоянный доступ к представлявшим их юристам, группу не переводили в Дарвин до 20 мая 1991 года;
- г) во время перевода группы в Дарвин Комиссия по оказанию правовой помощи сообщила Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, что группа будет переведена. Юристы Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа прибыли в лагерь Карраганди (около Дарвина) через неделю после перевода туда группы лиц с судна "Пендер-Бей". После перевода А. в Порт-Хедленд 21 октября 1991 года Комиссия Северного округа продолжала представлять его интересы вплоть до 29 января 1992 года, когда она поставила в известность Управление по делам иммиграции и этническим вопросам, что не может больше представлять интересы задержанных лиц, прибывших на судне "Пендер-Бей". 3 февраля 1992 года функции по представительству всех задержанных лиц с судна "Пендер-Бей" взял на себя Совет Австралии по делам беженцев;
- е) члены группы лиц с судна "Пендер-Бей" сохранили за собой возможность пользоваться услугами Комиссии по правовой помощи Северного округа на слушаниях в Федеральном суде в апреле 1992 года. Совет Австралии по делам беженцев продолжал проводить юридические консультации по вопросам, связанным с заявлениями о предоставлении статуса беженца.

7.11 Государство-участник отмечает, что до периода 1991—1992 годов средства на оказание юридической помощи адресно не направлялись на оплату услуг задержанным — лицам, ищущим убежища, — однако отдельные заявители получали юридическую помощь по обычным каналам; поддержку им оказывали также неправительственные организации. С 1992 года юридическая помощь заявителям предоставляется на основании контрактных соглашений между Управлением по делам иммиграции и этническим вопросам и Советом Австралии по делам беженцев и организацией "Австралийские юристы — в защиту беженцев". Государство-участник отмечает, что на судебном разбирательстве дела по опротестованию решения об отказе предоставить автору статус беженца А. представляли юристы. Среди его юридических консультантов были представители не только

Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса и Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, но и Службы консультаций по делам беженцев и двух крупных адвокатских фирм.

7.12 Государство-участник оспаривает утверждение, что отсрочки в разбирательстве дела А. были вызваны утратой его связей с адвокатами после каждого перевода его в новый центр содержания под стражей. Когда автора 21 мая 1991 года перевели из Сиднея в Карраганди, Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса незамедлительно сообщила об этом Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, и 11 июня Комиссия по оказанию правовой помощи Северного округа направила в Комитет по оценке статуса беженца заявление с просьбой пересмотреть решение об отказе предоставить статус беженца членам этой группы. Когда 21 октября 1991 года автор был переведен в Порт-Хедленд, это заявление о пересмотре решения рассматривалось Комитетом по оценке статуса беженца, и не было необходимости в том, чтобы адвокаты автора немедленно предпринимали еще какие-либо действия. После того как 22 января 1992 года рекомендация Комитета об отказе автору в предоставлении статуса беженца стала известна Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, Комиссия направила запрос о предоставлении приемлемого времени для оказания ему юридической помощи. Представители Совета Австралии по делам беженцев прибыли 3 февраля 1992 года в Порт-Хедленд, чтобы представлять автора, и 3 марта 1992 года опротестовали рекомендацию Комитета по оценке статуса беженца. По утверждению государства-участника, нет никаких данных о том, что в обоих этих случаях протесты, касающиеся пересмотра решения, могли быть направлены значительно раньше, если бы не изменились юристы, представлявшие интересы автора.

7.13 Наконец, государство-участник отрицает, что какие-либо данные свидетельствуют о том, что удаленность центра содержания под стражей Порт-Хедленда от центра страны затрудняла получение автором юридической помощи. Ежедневно в Перт и из Перта совершается 42 авиарейса, причем время в полете составляет 130—140 минут; первым утренним рейсом адвокаты могут прибыть в Порт-Хедленд ранее 9 часов утра. Государство-участник отмечает, что группа из шести адвокатов и шести переводчиков, работавших по контракту с Советом Австралии по делам беженцев, который финансировался Управлением по делам иммиграции и этническим вопросам, жила в Порт-Хедленде большую часть 1992 года и оказывала задержанным юридическую помощь.

7.14 Относительно пункта 1 статьи 14 государство-участник заявляет, что заявления о нарушении права автора на равенство перед законом в судах не имеют под собой почвы: автор, в частности, не подвергался какой бы то ни было форме дискриминации на том основании, что является иностранцем. Государство-участник отмечает, что если бы Комитет должен был рассматривать вопрос о равенстве перед судами как норму, предусматривающую право на (обязательное) оказание юридической помощи и представительство в суде, то следовало бы напомнить, что на пути доступа автора к таким консультациям никогда, ни на одном этапе его содержания под стражей не чинились препятствия (см. пункты 7.9 и 7.10, выше).

7.15 Государство-участник утверждает, что второе и третье предложения пункта 1 статьи 14 неприменимы к проведению судебных разбирательств для определения статуса беженца. Такое судопроизводство не может квалифицироваться как процесс, призванный "определить его права и обязанности в гражданском процессе". В этой связи государство-участник ссылается на решения Европейской комиссии по правам человека, которые, по его словам, подтверждают такой вывод^{30/}. Государство-участник полностью допускает, что иностранцам, находящимся под его юрисдикцией, должны быть обеспечены условия для защиты их прав, предусмотренных Пактом: "Однако при определении, какие положения Пакта применимы в таких условиях, необходимо проанализировать используемые в тексте термины. Такая трактовка подтверждается терминами, содержащимися во втором и третьем предложениях пункта 1 статьи 14 и относящимися лишь к ограниченному типу процедур определения тех видов прав, которые не затрагиваются в (данном) деле". Если бы Пакт

^{30/} См. X.Y.Z и W. против Соединенного Королевства (сообщение № 3325/67); и Эйджи против Соединенного Королевства (сообщение № 7729/76).

устанавливал процедурные гарантии для определения права на получение статуса беженца, то, по мнению государства-участника, в этом случае более уместными были бы термины, используемые в статье 13, чем в пункте 1 статьи 14.

7.16 Если бы Комитету пришлось рассматривать вопрос о применимости второго и третьего предложений пункта 1 статьи 14 к делу автора, то следовало бы отметить, по словам государства-участника, что:

- a) во всех случаях, когда автор был одной из сторон, разбирательство велось компетентными, независимыми и беспристрастными судами;
- b) судебные слушания по пересмотру ранее принятых постановлений проводились публично, и выносимые решения принимались также публично;
- c) административные процедуры, имевшие целью определить, должен ли министр по делам иммиграции, местного управления и этническим вопросам предоставлять статус беженца, проводились в закрытом судебном заседании, но государство-участник утверждает, что закрытость этих административных процедур была обусловлена соображениями поддержания общественного порядка, поскольку публичное рассмотрение дел лиц, обратившихся за получением статуса беженцев, могло бы нанести им ущерб;
- d) подобные решения административных судов, разбиравших дело автора, не должны приниматься открыто. По мнению правительства Австралии, ограниченные исключения из правила публичного вынесения судебных решений, предусмотренные формулировками пункта 1 статьи 14, свидетельствуют о том, что понятие "гражданский процесс" не должно применяться к административным процедурам, в ходе которых рассматриваются заявления о предоставлении статуса беженца;
- e) А. всегда имел доступ к юридическому представительству его интересов и к юридическим консультациям;
- f) наконец, принимая во внимание сложность дела и юридических процедур, связанных с делом автора, государство-участник повторяет, что задержки в рассмотрении дела не были такими, чтобы их можно было квалифицировать как нарушение его права на справедливое разбирательство.

8.1 В комментариях, представленных 22 августа 1996 года, адвокат поднимает вопрос, касающийся обоснованности причин задержания иммигрантов, согласно объявлениям, приведенным государством-участником. Во время нахождения автора под стражей единственной категорией лиц, которые въехали в страну без разрешения и обязательно подвергались задержанию, были так называемые "люди в лодках". Он полагает, что власти Австралии необоснованно боялись притока в страну без разрешения "людей в лодках" и что политика обязательного задержания использовалась как форма устрашения. Касаясь утверждения, что в период с конца 1989 года имел место "беспрецедентный приток" в Австралию "людей в лодках", адвокат отмечает: число прошений о предоставлении статуса беженца, поданных в период 1989—1993 годов — 33 414 — должно быть представлено в истинном свете; эта цифра "бледнеет" по сравнению с числом таких прошений, поданных за тот же период во многих государствах Западной Европы. Австралия остается единственной западной страной убежища, в которой проводится политика обязательного задержания, не подлежащего изменению.

8.2 В любом случае, добавляет адвокат, неготовность и отсутствие достаточных ресурсов у государства не может оправдывать нарушения прав личности на свободу от произвольного задержания; он ссылается на установившуюся практику рассмотрения судебных дел Комитетом в том отношении, что отсутствие бюджетных ассигнований на осуществление процедур уголовного судопроизводства не оправдывает четырехлетний период содержания под стражей до начала судебного разбирательства. Утверждается, что 77-недельный период содержания под стражей, в

течение которого заявление автора о предоставлении ему убежища проходило первичную обработку, было результатом отсутствия необходимых ресурсов.

8.3 Адвокат возражает против попытки государства-участника отнести задержки в рассмотрении дела на счет автора и его адвокатов. Он повторяет, что Австралия неправильно рассматривала дело автора, и вновь заявляет, что не может быть оправдания действиям властей, которым потребовалось семь месяцев для вынесения первичного решения по его заявлению и которые даже не оповестили его об этом, и еще восемь месяцев для принятия дополнительного первичного решения, шесть месяцев — для пересмотра решения и около пяти месяцев — для окончательного отказа удовлетворить его просьбу, которое нельзя оспорить в суде. Адвокат утверждает, что не столь большое значение имеет выявление причин задержек, гораздо важнее ответ на вопрос, почему автор находился под стражей в течение всего периода рассмотрения его заявления: когда первичное решение было направлено обратно иммиграционным властям, после чего правительство Австралии не могло защищать его в суде, государство-участник предприняло беспрецедентный шаг, приняв специальный законодательный акт (Поправки к закону о миграции 1992 года), единственной целью которого было оставить под стражей автора и других лиц, ищущих убежища.

8.4 По поводу вопроса о доступе автора к юридической помощи адвокат утверждает, что, вопреки оговоркам государства-участника, юридическая экспертиза необходима при подаче заявления с просьбой о предоставлении статуса беженца, так же как и в случае подачи любых других апелляций; автор был бы депортирован из Австралии в начале 1992 года, если бы он не получил доступа к услугам адвокатов. Адвокат считает относящимся к делу то обстоятельство, что, согласно современной практике, власти Австралии немедленно назначают адвокатов и предоставляют юридические консультации лицам, ищущим убежища, как только они выражают желание обратиться за получением убежища. Утверждается, что автору должны были быть предоставлены услуги юриста, когда в декабре 1989 года он обратился с просьбой о предоставлении ему убежища.

8.5 Адвокат повторяет, что автор не имел контактов с каким-либо юристом, который представлял бы его интересы, в течение почти 10 месяцев после своего прибытия в Австралию, то есть до сентября 1989 года, хотя окончательное решение по его заявлению было принято в июне 1990 года. Когда в 1992 году он обратился за юридической помощью, чтобы получить правовую оценку решения об отказе удовлетворить его заявление о получении статуса беженца, в этой просьбе ему было отказано. Просьба обеспечить представительство автора pro bono была удовлетворена только тогда, когда ему было отказано в юридической помощи, и, по мнению адвоката, утверждение, что в юридической помощи, оплачиваемой государством, не было необходимости, потому что автору была оказана помощь pro bono некорректно; в действительности pro bono оказалось необходимым потому, что автору уже было отказано в юридической помощи.

8.6 Адвокат признает, что прибыть в Порт-Хедленд и уехать из него можно многими авиарейсами, но подчеркивает, что это дорогой вид передвижения. Он считает, что удаленность от центра Порт-Хедленда фактически затрудняет доступ к получению помощи юристов; этот вопрос неоднократно ставился перед Объединенным постоянным комитетом по делам миграции, который хотя и признал, что существуют определенные трудности, тем не менее отверг любые рекомендации относительно изменения местоположения места содержания под стражей.

8.7 По вопросу о "произвольности" задержания автора адвокат отмечает, что государство-участник поступает некорректно, стремясь переложить вину за увеличение срока содержания автора под стражей на самого автора. В этой связи он утверждает, что А. не следовало наказывать длительным содержанием под стражей за попытки реализовать свои законные права. Он также отрицает, что задержание было правомерным из-за гипотетического предположения, что автор мог совершить побег из центра содержания под стражей; адвокат отмечает, что государство-участник не сумело представить никаких объяснений в связи с этим вопросом, кроме общих деклараций. В действительности, утверждает адвокат, последствия длительного содержания под стражей столь велики, что тяжесть доказательства справедливости задержания в конкретных обстоятельствах этого дела ложится на власти государства; бремя доказательства нельзя уменьшить, прибегая к пустой

фразеологии, типа: лицо может совершить побег, если будет выпущено из места содержания под стражей.

8.8 Адвокат вновь подтверждает, что существует норма обычного международного права, которая состоит в том, что ищущие убежища лица не должны подвергаться задержанию на длительный срок, и что заявления авторитетных международных органов, таких как Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, а также практика других государств однозначно свидетельствуют о том, что такое правило существует.

8.9 В связи с утверждением государства-участника, что у автора всегда была возможность оспорить законность его задержания и что такая попытка вовсе не обязательно окончится неудачей, адвокат обращает внимание на следующее:

а) Хотя Верховный суд определил, что статья 54R превышает законодательные полномочия государства-участника и по этой причине является неконституционной, это положение, не могущее быть осуществленным в принудительном порядке, на практике не означает, что, если лицо является "обозначенным лицом" в контексте закона о миграции, оно действительно в состоянии оспорить факт задержания. Проще говоря, это означает, что у парламента, согласно статье 54R, нет полномочий, чтобы приказывать судебной власти не освобождать из заключения "обозначенное лицо". На практике, однако, если кто-либо попадает под определение "обозначенное лицо", у него по-прежнему нет возможности получить в суде распоряжение об освобождении из мест содержания под стражей.

б) Утверждается — со ссылкой на статью 54Q закона (в новой редакции статья 182), в соответствии с которой положения о задержании утрачивают силу в отношении "обозначенного лица", чей срок задержания в связи с иммиграцией превысил 273 дня, — что срок продолжительностью в 273 дня, в течение которого отсутствует возможность освобождения из-под стражи по решению суда, является *per se* произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9. По мнению адвоката, "обозначенному лицу" практически невозможно добиться освобождения из-под стражи даже по истечении 273 календарных дней, поскольку, в соответствии со статьей 54Q, отсчет 273 дней, когда истекает срок, прекращается, как только Управление по делам иммиграции и этническим вопросам обращается за информацией к лицам, не находящимся в его ведении.

8.10 Адвокат отвергает утверждение, что А. не имел права доступа к юридической помощи, оплачиваемой государством, поскольку гарантии, предоставляемые в соответствии с подпунктом d) пункта 3 статьи 14, не прописаны в пункте 4 статьи 9. Он заявляет, что задержание в связи с иммиграцией представляет собой квазиуголовное заключение, которое, по его мнению, требует процедурной защиты в соответствии с положениями пункта 3 статьи 14. В этом контексте он отмечает, что другие международные документы, такие как Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или содержанию под стражей в какой бы то ни было форме (Принцип 17), признают: все лица, подвергаемые любой форме задержания, должны иметь доступ к юридическим консультациям и им бесплатно должны быть назначены адвокаты, когда этого требуют интересы правосудия.

8.11 Наконец, адвокат еще раз подтверждает, что судебное разбирательство по делу о статусе А., в соответствии с поправками к закону о миграции, может быть отнесено к сфере применения пункта 1 статьи 14: (даже) на административном этапе заявление автора о предоставлении ему статуса беженца подпадало под сферу действия статьи 14. Пересмотр дела о его правах в связи с заявлением о предоставлении статуса беженца в судебном порядке, а также иск, направленный в местные суды в связи с его задержанием, послужили причиной начала "гражданского процесса". В этой связи адвокат утверждает, что с началом слушаний против Управления по делам иммиграции и этническим вопросам с целью пересмотра решения об отказе предоставить автору статус беженца процедура вышла за пределы рассмотрения жалобы по существу и превратилась в гражданский спор о неспособности Управления гарантировать ему справедливую процедуру разбирательства. Инициировав судопроизводство с целью добиться освобождения из-под стражи, автор оспорил конституционность

новых положений закона о миграции, в соответствии с которыми он был лишен свободы, и это опять, по словам адвоката, представляет собой гражданско-правовой спор.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей представленной ему информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту. Следующие три вопроса должны быть рассмотрены по существу:

- a) было ли длительное содержание автора под стражей в ожидании предоставления ему права на обретение статуса беженца "произвольным" в контексте пункта 1 статьи 9;
- b) были ли предположительно имевшая место невозможность оспорить законность задержания автора и отсутствие доступа к юридическим консультациям нарушениями пункта 4 статьи 9;
- c) подпадает ли производство по делу о его заявлении с просьбой предоставить статус беженца под сферу применения пункта 1 статьи 14, и если попадает, то имело ли место нарушение пункта 1 статьи 14.

9.2 По поводу первого вопроса Комитет напоминает, что понятие "произвольный" не должно отождествляться с понятием "противозаконный", а должно истолковываться в более широком смысле слова, чтобы оно включало в себя такие элементы, как понятия "неуместный" и "несправедливый". Кроме того, возвращение под стражу могло бы считаться произвольным, если бы этого не требовали обстоятельства его дела, например задержание в целях предотвращения побега или воздействия на свидетелей: в этом контексте становится уместным элемент пропорциональности. Однако государство-участник пытается обосновать задержание автора тем обстоятельством, что он незаконно прибыл в Австралию и, если он останется на свободе, у него будут мотивы скрыться от властей. Комитет должен решить вопрос, достаточно ли этих оснований для оправдания содержания под стражей, не имеющего правового определения и продолжительного по сроку.

9.3 Комитет согласен с тем, что в данном случае нет оснований для утверждения автора, будто задержание лиц, обращающихся с просьбой об убежище, является *per se* произвольным актом. Комитет не может также найти оснований в поддержку утверждения, что существует норма обычного международного права, в соответствии с которой все подобного рода случаи задержания квалифицируются как произвольные.

9.4 Комитет, однако, отмечает, что любое решение о содержании лица под стражей должно быть открыто для периодических пересмотров, позволяющих оценить основания, которыми оправдывалось бы задержание. В любом случае содержание под стражей не должно продолжаться дольше срока, который государство может надлежащим образом обосновать. Например, факт нелегального въезда в страну может свидетельствовать о необходимости расследования, могут существовать и другие факторы, такие как вероятность побега или нежелание сотрудничать с властями, что может оправдывать задержание на определенный срок. При отсутствии таких факторов задержание может квалифицироваться как произвольное, даже если имел место незаконный въезд в страну. В данном случае государство-участник не представило каких-либо оснований, относящихся к делу автора, которые оправдывали бы его непрерывное содержание под стражей в течение четырех лет; причем за это время его переводили в различные центры содержания под стражей. Поэтому Комитет приходит к выводу, что содержание автора под стражей в течение четырех лет было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9.

9.5 Комитет отмечает, что автор мог в принципе апеллировать к суду с просьбой дать правовую оценку оснований его задержания до вступления в действие поправок к закону о миграции от 5 мая 1992 года; после этой даты внутренние суды сохранили свои полномочия издавать приказы об освобождении того или иного лица из-под стражи, если они установят, что задержание противоречит австралийскому законодательству. В действительности, однако, контроль со стороны судов и их

полномочия отдавать приказ об освобождении лица были ограничены возможностью лишь вынести определение о том, принадлежит ли лицо к категории "обозначенное лицо" в контексте поправок к закону о миграции. Если бы соблюдались установленные для такого определения критерии, у судов не было полномочий оценивать факт непрерывного содержания лица под стражей и отдавать приказ о его/ее освобождении. По мнению Комитета, оценка судом правомерности содержания под стражей с точки зрения соответствия пункту 4 статьи 9, которая должна включать возможность издания приказа об освобождении из-под стражи, не ограничивается лишь установлением факта соответствия задержания национальному законодательству. В то время как различные национальные правовые системы могут предусматривать разные методы оценки судом постановления об административном задержании, решающим для целей пункта 4 статьи 9 является то обстоятельство, что такая оценка, с учетом ее последствий, является реальной, а не просто формальной. В соответствии с содержащейся в пункте 4 статьи 9 оговоркой о том, что суды должны иметь полномочия отдавать распоряжение об освобождении, "если задержание незаконно", Пакт требует, чтобы суд был правомочен издавать приказ об освобождении, если заключение несовместимо с требованиями пункта 1 статьи 9 или другими положениями этого документа. Этот вывод подкрепляется положениями пункта 5 статьи 9, который со всей очевидностью утверждает право на компенсацию за содержание под стражей, являющееся "незаконным" либо в соответствии с национальным законодательством, либо по смыслу положений Пакта. Поскольку факты, представленные государством-участником по данному делу, свидетельствуют о том, что оценка суда, которой мог воспользоваться А., реально сводилась к формальной констатации очевидного факта, что он действительно является "обозначенным лицом" в значении поправок к закону о миграции, Комитет приходит к заключению, что предусмотренные пунктом 4 статьи 9 права автора на возможность разбирательства обстоятельств его задержания в суде были нарушены.

9.6 Касаясь утверждения автора, что положения пункта 4 статьи 9 предусматривают право на юридическую помощь, для того чтобы имелся доступ к судам, Комитет отмечает на основе имеющихся у него материалов, что автор имел право на юридическую помощь со дня его обращения с просьбой о предоставлении убежища, и получил бы ее, если бы попросил об этом. Действительно, 9 декабря 1989 года автор, ознакомившись с приложением к бланку, который он подписал в тот день, получил информацию о том, что он имеет право на юридическую помощь. Весь текст бланка был зачитан ему на кампучийском, его родном, языке опытным переводчиком. Тот факт, что автор в то время не воспользовался этой возможностью, не может быть поставлен в вину государству-участнику. Впоследствии (по состоянию на сентябрь 1990 года) автор обращался за юридической помощью и всегда получал ее, когда просил об этом. Тот факт, что А. неоднократно переводился из одного центра содержания под стражей в другой и что ему приходилось менять юристов, представлявших его интересы, не может отвлечь внимание от того обстоятельства, что он снова получал доступ к юридическим консультациям; тот факт, что этот доступ был неудобным — по причине удаленности Порт-Хедленда, — не дает оснований, по мнению Комитета, для постановки вопроса в соответствии с пунктом 4 статьи 9.

9.7 Исходя из обстоятельств дела и с учетом приведенных выше постановлений, Комитет не видит необходимости в рассмотрении вопроса о соответствии дела пункту 1 статьи 14 Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к выводу, что факты, установленные Комитетом, свидетельствуют о нарушениях Австралией пунктов 1 и 4 статьи 9 и пункта 3 статьи 2 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, что, по мнению Комитета, должно включать адекватную компенсацию за продолжительность срока содержания под стражей, которому был подвергнут А.

12. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признает компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые Пактом, и предоставлять

эффективное и подлежащее принудительному осуществлению средство правовой защиты в случае установления факта нарушения эти прав, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по практической реализации изложенных им соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (совпадающее) мнение г-на Прафулладандры Н. Бхагвати

[Подлинный текст на английском языке]

Я согласен с высказанным Комитетом мнением, кроме и за исключением того, что в связи с пунктом 5 статьи 9 предпочел бы следующую формулировку:

«9.5 Комитет отмечает, что автор в принципе мог апеллировать к суду с просьбой дать оценку оснований его задержания до вступления в действие поправок к закону о миграции от 5 мая 1992 года; после этой даты внутренние суды сохранили свои полномочия представлять правовую оценку задержания, имея в виду перспективу освобождения лица из-под стражи, если они установят, что задержание было незаконным. Однако, согласно поправкам к закону о миграции, полномочия судов оценивать законность задержания и отдавать приказ об освобождении из-под стражи в отношении некоторых категорий лиц, подпадающих под определение "обозначенные лица", если задержание признается незаконным, были аннулированы статьей 54R поправок к закону о миграции. Если задержанное лицо являлось "обозначенным лицом", суды не имели полномочий, для того чтобы оценивать продолжающееся содержание такого лица под стражей и отдавать приказ о его/ее освобождении. Единственная форма судебного контроля, которая была доступна в обстоятельствах настоящего дела, сводилась к установлению факта, что данное лицо было "обозначенным лицом", и, если он таковым являлся, суд не мог продолжать процедуру рассмотрения дела о законности его задержания и не мог издать приказ о его/ее освобождении из-под стражи. Автору сообщения, представленного в связи с настоящим делом, который, по общему признанию, считался "обозначенным лицом", согласно статье 54R поправок к закону о миграции было отказано в возможности оспорить законность его продолжающегося заключения и добиваться своего освобождения в соответствии с судебным решением».

Однако от имени государства-участника утверждается, что пункт 4 статьи 9 Пакта требует всего лишь предоставления задержанному лицу права и возможности возбудить в суде дело с целью оценить законность его/ее задержания, причем установление законности должно ограничиваться определением, соответствует ли факт задержания внутреннему законодательству. Единственное разбирательство, на которое задержанное лицо должно было бы иметь право, согласно положениям пункта 4 статьи 9, состояло бы в обращении в суд с просьбой установить, соответствовало ли задержание внутреннему законодательству, каким бы это законодательство ни было. Но в этом случае было бы слишком узким толкование формулировок пункта 4 статьи 9, которыми предусматривается обеспечение права человека. И было бы неправильным соглашаться с таким толкованием, которое сузит представление о праве человека. Толкование пункта 4 должно быть полнообъемным и расширительным. Предлагаемая государством-участником трактовка даст ему возможность принимать внутреннее законодательство, практически игнорируя право, предусмотренное пунктом 4 статьи 9, и тем самым лишая его смысла. В этом случае государство могло бы принять внутренний закон, разрешающий задержание определенной категории лиц, и лицо, подпадающее под такую категорию, действительно лишилось бы его/ее права, предусмотренного пунктом 4 статьи 9. Поэтому я предложил бы широкое толкование слова "законный", которое включало бы в себя предмет и цель Пакта, и, по моему мнению, пункт 4 статьи 9 требует, чтобы у суда были полномочия освобождать из-под стражи, "если содержание незаконно", то есть если задержание было произвольным или не отвечающим требованиям пункта 1 статьи 9 или других положений Пакта. Нет никаких сомнений в том, что составители проекта Пакта действительно использовали слово "незаконный" наряду со словом "произвольный" в тексте статьи 17, тогда как в формулировках пункта 4 статьи 9 слово "произвольный" отсутствует. Однако, само собой разумеется — если задержание произвольно, то оно незаконно, иными словами, противоречит закону. Более того, слово "законность", которое требует толкования в пункте 4 статьи 9, используется в тексте Пакта и поэтому должно толковаться в контексте положений Пакта и во взаимосвязи с предметом и целью Пакта. Такое заключение к тому же подкрепляется пунктом 5 статьи 9, который предусматривает предоставление компенсации за

задержание потому, что оно было "незаконным", либо согласно положениям внутреннего законодательства, либо по смыслу Пакта или же потому, что оно было произвольным. Поскольку в данном случае автор в силу действия статьи 54R поправок к закону о миграции был полностью лишен возможности опротестовать "законность" своего задержания и принять меры к освобождению из-под стражи, его право, предусмотренное пунктом 4 статьи 9, было нарушено.

М. Сообщение № 561/1993: Десмонд Уильямс против Ямайки
(соображения, принятые 8 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Десмондом Уильямсом [представлен г-жой К. Астон]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Ямайка
<u>Дата сообщения:</u>	30 июня 1993 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	6 июля 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 8 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 561/1993, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Десмонда Уильямса в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Десмонд Уильямс, гражданин Ямайки, ожидающий в настоящее время приведения в исполнение приговора к смертной казни в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой пункта 1 и подпунктов а), b), c) и e) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-жа К. Астон.

Факты, представленные автором

2.1 Автор был взят под стражу в июне 1985 года в связи с убийством Эрнеста Харта 29 мая 1985 года в церковном приходе Св. Андрея. 9 июля 1985 года после проведения процедуры предъявления для установления личности, в ходе которой он был опознан Рафаэлом и Элейн Харт, сыном и женой убитого, ему было предъявлено обвинение в убийстве г-на Харта. 5 октября 1987 года суд присяжных признал его виновным в убийстве и приговорил к смертной казни.

2.2 Апелляционный суд отклонил апелляцию г-на Уильямса 21 июня 1988 года. Его петиция о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции, направленная в Судебный комитет Тайного совета, была отклонена 23 июля 1992 года. После этого, говорится в сообщении, были

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

использованы все доступные внутренние средства правовой защиты. Преступление, за которое был осужден автор сообщения, квалифицируется как деяние, карающееся смертной казнью согласно закону (с поправками) о преступлениях против личности 1992 года.

2.3 Версия обвинения основывалась на факте идентификации личности автора в качестве доказательственного факта. Сын убитого дал свидетельские показания о том, что 29 мая 1985 года примерно в 2 час. 30 мин. ночи он был разбужен матерью. Еще не поднявшись с постели, он услышал, как дверь в столовую с шумом открыли и сразу после этого раздались выстрелы. Он вышел из своей комнаты и столкнулся с двумя мужчинами, один из которых был вооружен ножом ("нападавший с ножом"), а другой — пистолетом ("нападавший с пистолетом"). "Нападавший с ножом", которого он позднее опознал как участника убийства, приказал ему включить свет и отдать все их деньги. Он сказал им, что в доме нет электричества, а деньги лежат под матрасом в постели его матери. После того как он вошел в спальню родителей, ему приказали поднять матрас; "нападавший с ножом", который стоял рядом с ним, поджег кусок бумаги спичкой и начал искать деньги. Однако, ничего не отыскав, "нападавший с ножом" начал искать деньги в комнате, освещая ее горящими кусками газеты. После того как оба человека покинули их дом, он прошел в столовую, где обнаружил отца, лежащего в луже крови на пороге двери. Далее Рафаэл Харт дал свидетельские показания о том, что он находился вместе с обоими преступниками в течение примерно 13 минут и благодаря свету от уличного фонаря, освещавшего столовую, и свету от горячей газеты имел полную возможность видеть лицо автора сообщения.

2.4 Жена убитого дала свидетельские показания о том, что, обеспокоенная шумом за стенами дома, она предупредила мужа и пошла в спальню сына; позднее она спряталась под кроватью, откуда слышала своеобразный голос мужчины, требовавшего денег у ее сына. Хотя она никогда не видела лица автора сообщения, она опознала его в ходе процедуры опознания по пронзительному голосу.

2.5 Результаты исследования трупа показали, что г-н Харт был убит тремя выстрелами из легкого оружия, причем выстрелы были произведены с расстояния примерно в 18 дюймов. Стрелявший вооруженный преступник так и не был найден полицией.

2.6 Защита автора сообщения строилась на доказательстве его алиби. Десмонд Уильямс не представил доказательств; его отец свидетельствовал в его защиту, заявив, что сын находился вместе с ним все время и не мог совершить преступление.

2.7 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то автор признает, что он не обращался в Верховный (Конституционный) суд Ямайки с просьбой о пересмотре его дела. Он утверждает, что направление предусмотренного Конституцией ходатайства в Верховный суд неизбежно потерпело бы неудачу в свете прецедента, созданного решениями Судебного комитета по делу Департамента государственного обвинения против Насраллы 31/ и по делу Райли и других против Генерального прокурора Ямайки 32/, которыми было определено, что цель Конституции Ямайки заключается в предупреждении возможности принятия несправедливых законов, а не просто в предупреждении несправедливого обращения с преступниками в соответствии с законом. Поскольку автор утверждает, что имеет место несправедливое обращение в соответствии с законом, а не то, что законы, изданные после принятия Конституции, являются неконституционными, то направленность предусмотренного Конституцией ходатайства не стала бы эффективным средством правовой защиты в его деле. Далее он доказывает, что даже если признать, что предусмотренное Конституцией ходатайство является средством правовой защиты, которое следует использовать, то оно было бы для него недоступно вследствие нехватки у него средств, отсутствия правовой помощи для этой цели и нежелания адвокатов Ямайки представлять заявителей на основе pro bono для этой цели.

31/ (1967) 2 ALL ER 161.

32/ (1982 год) 2 ALL ER 469.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку не было представлено никаких доказательств того, что он когда-либо держал в руках пистолет или стрелял из него, и что, соответственно, он должен быть признан виновным в убийстве лишь в том случае, если суд присяжных признает его участником общего преступного сговора, целью которого являлось убийство или нанесение тяжких телесных повреждений. Адвокат указывает на отдельные места в напутственном слове судьи присяжным и заявляет, что судья, принимавший участие в разбирательстве, не смог обеспечить надлежащей направленности в рассмотрении дела присяжными в том, что касается определения степени тяжести насилия, совершенного нападавшими, — определения, необходимого для обоснования обвинения в убийстве. В связи с этим заявляется, что суду присяжных потребовалось менее 10 минут для вынесения вердикта; по мнению адвоката, обсуждение дела судом присяжных в течение столь непродолжительного времени свидетельствует о том, что рассматривался лишь один вопрос: был ли автор человеком, вооруженным ножом, а не вопрос о том, что если он был тем самым "нападавшим с ножом", то был ли он участником общего преступного сговора, целью которого являлось убийство или нанесение тяжких телесных повреждений.

3.2 Кроме того, адвокат заявляет, что во время проведения опознания автора не представлял адвокат в нарушение правила 554А служебных правил (с поправками) полицейских сил Ямайки 1977 года, поскольку офицер полиции, ответственный за процедуру предъявления для опознания, не знал о таком требовании. Апелляционный суд отверг это основание апелляции, опираясь на свое более раннее решение по делу Р. против Грейма и Левиса (SCCA № 158 и № 159/81), в соответствии с которым правила проведения процедуры опознания носят не обязательный, а процедурный характер и несоблюдение этих правил влияет только на совокупность доказательств по делу, а не на законность проведения процедуры опознания как такового. Адвокат подвергает сомнению выводы Апелляционного суда и отмечает, что формулировка, используемая в правиле 554А ("адвокат присутствует"), носит императивный характер; она заявляет, что предъявление автора для опознания не имело законной силы и поэтому доказательства, полученные при опознании, не должны были приниматься к рассмотрению при судебном разбирательстве дела в отношении автора 33/.

3.3 Что касается нарушения подпункта а) пункта 3 статьи 14 Пакта, то заявляется, что автор содержался под стражей в течение шести недель до предъявления ему обвинения в преступлении, за которое он впоследствии был осужден.

3.4 Автор утверждает, что он не имел достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты, а это является нарушением положений подпункта б) пункта 3 статьи 14 Пакта. Он заявляет, что встречался со своим юридическим представителем только в первый день рассмотрения его дела в суде, после того как провел в заключении более двух лет. Адвокат посоветовал ему не представлять доказательств в суде. Автор жалуется на то, что у него не было возможности обдумать этот совет. Он далее жалуется на то, что адвокат не вызвал его подругу Д. О. для дачи свидетельских показаний в его защиту, хотя он просил сделать это. В этой связи он ссылается на письменные показания Д. О., данные 17 февраля 1993 года под присягой и подписанные ею, где Д. О. заявляет, что не была вызвана в суд, хотя и хотела дать показания в защиту автора. Она далее заявляет, что 29 мая 1985 года с 21 час. 45 мин. и далее автор был с ней дома 34/. Автор утверждает, что неисполнение адвокатом его просьбы о вызове Д. О. для дачи свидетельских показаний нарушило его права по подпункту е) пункта 3 статьи 14 Пакта. Относительно составления апелляции автор утверждает, что встречался с адвокатом по этому поводу только один раз, незадолго до рассмотрения его дела в суде.

33/ Однако из решения Апелляционного суда следует, что до проведения опознания автора спрашивали о том, есть ли у него адвокат, которого он хотел бы видеть во время опознания, и что автор дал отрицательный ответ. При проведении опознания присутствовали мировой судья и отец автора.

34/ Однако совершенно очевидно, что преступление было совершено в ранние утренние часы 29 мая 1985 года.

3.5 Автор отмечает, что он был арестован 9 июля 1985 года и его дело рассматривалось в суде с 1 по 5 октября 1987 года, то есть спустя почти 27 месяцев. В сообщении заявляется, что задержка в судебном рассмотрении дела нанесла ущерб интересам автора, в частности потому, что возбужденное против него дело было полностью основано на показаниях, идентифицирующих его личность, и, соответственно, говорится в сообщении, составляет нарушение подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

Замечания государства-участника и соответствующие комментарии автора

4. В представлении от 6 апреля 1994 года государство-участник утверждает, что сообщение автора является неприемлемым, поскольку автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Государство-участник отмечает, что автор все еще может использовать предусмотренное Конституцией право на ходатайство о пересмотре дела; в связи с этим оно отмечает, что права, на которые ссылается автор и которые защищаются пунктом 1 и подпунктами а), b), с) и е) пункта 3 статьи 14 Пакта, соответствуют содержанию статей 20 (1) и (6) а), b) и d) Конституции Ямайки. В соответствии со статьей 25 Конституции автор может воспользоваться правом на ходатайство в отношении его предположительно нарушенных прав, направив предусмотренное Конституцией ходатайство в Верховный суд.

5. В своих замечаниях от 3 февраля 1995 года адвокат автора заявляет, что, поскольку правовой помощи при подготовке предусмотренных Конституцией ходатайств не оказывается, такое ходатайство не является эффективным средством правовой защиты в деле автора.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятьдесят четвертой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости настоящего сообщения. Он принял к сведению довод государства-участника о том, что предусмотренное Конституцией средство правовой защиты по-прежнему может быть использовано автором, и напомнил о том, что Верховный суд Ямайки разрешил представление предусмотренных Конституцией апелляций на нарушение основных прав в порядке регресса, после того как апелляции по этим уголовным делам были отклонены. Однако Комитет напомнил о том, что, согласно приведенной государством-участником информации, правовая помощь в связи с представлением конституционных ходатайств не оказывается; при отсутствии правовой помощи предусмотренное Конституцией ходатайство не может рассматриваться как доступное для неимущего осужденного средства правовой защиты и не должно считаться неисчерпанным для целей Факультативного протокола. Соответственно, подпункт b) пункта 2 статьи 5 Протокола не составляет препятствия для рассмотрения Комитетом данного дела.

6.2 Что касается утверждений автора, касающихся оценки доказательств и инструкций, данных судьей присяжным, то Комитет напомнил о своей практике рассмотрения судебных дел, из которой, в частности, следует, что в принципе апелляционные суды государств — участников Пакта, а не Комитет, должны оценивать факты и доказательства по любому конкретному делу. Аналогичным образом Комитет не должен рассматривать конкретное содержание напутствия принимающего участие в рассмотрении дела судьи, адресованного присяжным, если только не установлено, что такие наказания носили явно произвольный характер или даже препятствовали отправлению правосудия. Поскольку подобных нарушений не было выявлено в деле автора, Комитет пришел к выводу о том, что часть этого дела, согласно статье 3 Факультативного протокола, неприемлема.

6.3 Комитет пришел к выводу, что автор и его адвокат достаточно обосновали остальные претензии, которые, как представляется, поднимают вопросы в соответствии со статьей 14 Пакта. Поэтому 6 июля 1995 года сообщение было объявлено приемлемым в соответствии со статьей 14 Пакта.

Замечания государства-участника по существу дела

7.1 В представлении от 18 октября 1995 года государство-участник излагает свои замечания по существу утверждений автора. Что касается утверждения о нарушении подпункта а) пункта 3 статьи

14 Пакта, то, поскольку г-н Уильямс содержался в заключении шесть недель, прежде чем ему было предъявлено обвинение, государство-участник обещает провести необходимое расследование. Однако к 1 марта 1997 года государство-участник не информировало Комитет о результатах, если таковые были получены, своего расследования.

7.2 Государство-участник опровергает утверждение автора о нарушении подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14 Пакта, так как он встречался со своим адвокатом лишь в первый день судебного разбирательства и его представитель не вызвал для дачи показаний свидетеля, который мог обеспечить возможное алиби. Государство-участник отмечает, что если адвокат встречался с г-ном Уильямсом лишь в первый день рассмотрения дела в суде, то она могла бы и должна была бы добиваться, чтобы рассмотрение дела было отложено; нет никаких доказательств того, что она предпринимала такую попытку. Ее решение не вызывать Д. О. в качестве свидетеля — вопрос обеспечения защиты, то есть вопрос, за который государство-участник не может нести никакой ответственности. В связи с этим заявляется, что коль скоро государство-участник предоставило обвиняемому компетентного адвоката и не препятствовало выполнению адвокатом своих обязанностей ни действием, ни бездействием, то в отношении вопроса, касающегося метода проведения адвокатом защиты, государство-участник не несет ответственности. В этом отношении нельзя провести различия между ответственностью государства за проведение защиты частным адвокатом и ответственностью за проведение защиты юристом, назначенным для предоставления правовой помощи.

7.3 Согласно замечаниям государства-участника, не может подниматься вопрос о нарушении подпункта c) пункта 3 статьи 14 Пакта в результате задержки в проведении судебного процесса из-за того, что между арестом и рассмотрением дела в суде прошло более двух лет, поскольку в течение этого времени проводилось предварительное расследование и нет никаких доказательств, что задержка судебного разбирательства нанесла ущерб интересам автора.

8. Адвокат автора имела возможность представить свои комментарии по поводу замечаний государства-участника. Комментарии адвоката получено не было.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, как это требуется в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Подпункт а) пункта 3 статьи 14 Пакта дает право каждому обвиненному в уголовном преступлении "быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения". Автор утверждает, что он содержался под стражей в течение шести недель до предъявления ему обвинения в преступлении, за которое он впоследствии был осужден. В целях подпункта а) пункта 3 статьи 14 Пакта подробная информация об обвинениях, предъявляемых обвиняемому, не должна немедленно сообщаться при его аресте, а должна быть сообщена в начале проведения предварительного расследования или проведения каких-либо других слушаний по делу, которые дают основания для заявления о наличии определенного официально подтвержденного подозрения в отношении обвиняемого ^{35/}. Хотя по судебным протоколам нельзя установить конкретную дату проведения предварительного судебного слушания дела, тем не менее из находящихся на рассмотрении Комитета материалов явствует, что г-н Уильямс был уведомлен о причинах его ареста и выдвинутых против него обвинений к началу предварительного судебного слушания дела. Исходя из обстоятельств данного дела, Комитет не может сделать вывод о том, что г-н Уильямс не был без промедления и в соответствии с требованиями подпункта а) пункта 3 статьи 14 Пакта проинформирован о предъявляемых ему обвинениях.

^{35/} См. Замечание общего порядка 13 [21] Комитета от 12 апреля 1984 года, пункт 8.

9.3 Право обвиняемого иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты является важным аспектом гарантии справедливого правосудия и важным аспектом реализации принципа равенства возможностей. В том случае, если обвиняемому может быть вынесен приговор к смертной казни, ему и его адвокату должно быть предоставлено достаточное время для подготовки защиты в суде. Определение того, что представляет собой "достаточное время", требует проведения оценки конкретных обстоятельств каждого дела. Автор также утверждает, что он не смог получить в суде показания одного свидетеля, подтверждающего его алиби. Однако Комитет отмечает, что из представленного на рассмотрение материала не следует, что адвокат или автор когда-либо обращались к судье, ведущему дело, с жалобой на то, что необходимого для подготовки защиты времени было недостаточно. Если адвокат или автор считали защиту недостаточно подготовленной, они должны были просить о приостановлении слушания дела в суде. Кроме того, нет указаний на то, что решение адвоката не вызывать Д. О. в качестве свидетеля не было основано на ее профессиональном опыте, или на то, что в случае удовлетворения просьбы о вызове Д. О. для дачи свидетельских показаний судья не допустил бы этого. При данных обстоятельствах нет основания считать, что было допущено нарушение подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14 Пакта.

9.4 Автор утверждал, что имело место нарушение подпункта c) пункта 3 статьи 14 Пакта, поскольку имелись "неоправданные задержки" в расследовании уголовного дела и задержка в судебном разбирательстве, так как прошло более двух лет между его арестом и рассмотрением дела в суде. В представлении по существу дела государство-участник просто отмечает, что за период заключения автора до суда проводилось предварительное расследование и что нет никаких доказательств нанесения вследствие этого ущерба интересам автора. Отвергая в общем утверждение автора, государство-участник не смогло представить веских доказательств того, что продолжительность времени, прошедшего между арестом и судом, в данном деле совместима с подпунктом c) пункта 3 статьи 14 Пакта; государство-участник должно привести доказательства, что конкретные обстоятельства дела оправдывали длительное предварительное заключение обвиняемого. Комитет делает вывод о том, что, согласно обстоятельствам рассматриваемого дела, имело место нарушение подпункта c) пункта 3 статьи 14 Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении подпункта c) пункта 3 статьи 14 Пакта.

11. Комитет считает, что г-н Десмонд Уильямс имеет право, согласно подпункту a) пункта 3 статьи 2 Пакта, на соответствующее средство правовой защиты, включая в любом случае отмену приговора к смертной казни.

12. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признает компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективное и подлежащее принудительному осуществлению средство правовой защиты в случае установления факта нарушения этих прав, Комитет просит государство-участника предоставить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по реализации изложенных им соображений.

N. Сообщение № 572/1994: Гезекья Прайс против Ямайки
(соображения, принятые 6 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено: г-ном Гезекья Прайсом
[представлен г-ном Солом Лехрфреундом, адвокатская фирма "Симонс Мюрхед энд Бартон"]

Жертва: автор сообщения

Государство-участник: Ямайка

Дата сообщения: 23 сентября 1993 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный согласно статье 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 6 ноября 1996 года,

завершив рассмотрение сообщения № 572/1994, представленного Комитету по правам человека г-ном Гезекья Прайсом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола*

1. Автором сообщения является г-н Гезекья Прайс, гражданин Ямайки, отбывающий в настоящее время пожизненный срок тюремного заключения в тюрьме общего режима в Кингстоне, Ямайка. Автор утверждает, что является жертвой нарушения Ямаикой подпунктов с) и d) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

Факты, представленные автором

2.1 Автор был арестован 19 июня 1983 года, и ему было предъявлено обвинение в убийстве его гражданской жены, совершенном ранее в тот же день. 26 января 1984 года после рассмотрения его дела в окружном суде Св. Екатерины он был признан виновным в убийстве и приговорен к смертной казни.

2.2 Ходатайство автора о разрешении на подачу апелляции было отклонено Апелляционным судом 29 ноября 1985 года. Уведомление об устном судебном решении было передано автору 6 октября 1987 года. В начале 1989 года судебный приговор автору был изменен на пожизненное заключение.

2.3 Версия обвинения основывалась на показаниях очевидцев, которые слышали, как ссорились между собой автор и его гражданская жена. Они дали свидетельские показания о том, что, когда автор и его жена вышли из дома, он держал ее рукой, бил ее плашмя лезвием мачете, а после ее падения на землю убил несколькими сильными ударами мачете. Затем автор пошел в отделение

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета член Комитета г-н Лорел Фрэнсис не принимал участия в утверждении настоящих соображений.

полиции и сдался властям. Версия защиты основывалась на самообороне. Судья обвинил защиту в провоцировании присяжных.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что суд в отношении него был несправедливым. В частности, он утверждает, что было нарушено его право, предусмотренное подпунктом d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Ходатайство о получении разрешения на подачу апелляции было направлено в Апелляционный суд и обосновывалось несправедливостью судебного разбирательства и недостаточностью улик для вынесения судом обвинительного приговора. Назначенные судом адвокаты, которым было поручено подать апелляцию, не консультировались с автором до слушания его дела. Кроме того, как видно из уведомления об устном судебном решении, защитник автора сообщил Апелляционному суду во время слушания дела о том, что он не может найти основания, позволяющие разрешить апелляцию. По словам автора, он попросил бы назначить другого адвоката для ведения его дела, если бы знал, что адвокат не представит никаких оснований для апелляции.

3.2 Тот факт, что решение Апелляционного суда по его делу не было представлено в письменном виде, утверждает также автор, является нарушением подпункта с) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Пакта, поскольку отсутствие документа с изложением обоснования отказа существенно препятствовало его обращению с ходатайством в Судебный комитет Тайного совета.

Замечания государства-участника о приемлемости и соответствующие комментарии автора

4. В представлении от 11 ноября 1994 года государство-участник доказывает, что сообщение является неприемлемым согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, поскольку автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Государство-участник отмечает, что автор по-прежнему может обратиться в Судебный комитет Тайного совета, направив петицию о специальном разрешении на подачу апелляции. Государство-участник дополнительно сообщает о том, что автор может по-прежнему использовать право на подачу предусмотренного Конституцией ходатайства. В этой связи государство отмечает, что права, на которые ссылается автор и которые защищаются подпунктами с) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта, соответствуют содержанию статей 20 (6) и 110 Конституции Ямайки. В соответствии со статьей 25 Конституции автор имеет право использовать средство правовой защиты в отношении заявленных нарушений его прав путем направления предусмотренного Конституцией ходатайства в Верховный суд.

5. В своих комментариях от 30 января 1995 года адвокат автора заявляет, что главный адвокат проконсультировал его о том, что нет никаких оснований для подачи петиции в Тайный совет, и делает вывод о том, что не имеется эффективных внутренних средств правовой защиты, которые еще не исчерпаны автором. Он далее заявляет, что поскольку при подаче предусмотренных Конституцией ходатайств правовая помощь не предоставляется, то такое ходатайство не является эффективным средством правовой защиты в данном деле.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятьдесят четвертой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Комитет пришел к заключению о том, что соблюдены формальные требования о приемлемости согласно подпунктам a) и b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

6.2 По мнению Комитета, адвокат автора не смог представить для целей приемлемости сообщения достаточно данных, которые обосновывали бы возможное нарушение подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта. В частности, адвокат автора не доказал, что при особых обстоятельствах дела г-на Прайса представление в более ранние сроки судебного решения в письменном виде или уведомления об устном судебном решении привело бы к иному результату.

6.3 По мнению Комитета, автор и его адвокат в достаточной мере обосновали для целей приемлемости возможное нарушение подпункта d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Напоминая о своей

практике рассмотрения судебных дел, Комитет считает, что "должны быть приняты меры для обеспечения назначенным адвокатом эффективного представительства автора в интересах правосудия. Это предусматривает, в частности, консультирование и информирование обвиняемого в случае, если он намерен взять назад апелляцию, или в случае выступления его представителя в Апелляционном суде с обоснованием причин, по которым апелляцию не следует рассматривать по существу" 36/. Комитет пришел к заключению о том, что эта часть сообщения требует рассмотрения по существу.

6.4 Комитет пришел к заключению, что автор и его адвокат не смогли обосновать с точки зрения приемлемости заявление о том, что в сообщении подняты вопросы, предусмотренные пунктом 5 статьи 14 Пакта.

6.5 Поэтому 21 июля 1995 года Комитет по правам человека заявил о приемлемости сообщения в той мере, в какой доказано, что в нем поднимаются вопросы в соответствии с подпунктом d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии адвоката

7.1 В замечаниях от 19 февраля 1996 года, представленных согласно пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник вновь повторяет, что сообщение является неприемлемым, поскольку не исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

7.2 Что касается предполагаемого нарушения подпункта d) пункта 3 статьи 14 Пакта, поскольку адвокат не обосновал апелляцию автора, то государство-участник утверждает, что его обязанностью является предоставление адвоката, оказывающего компетентную правовую помощь, представляя лиц, не имеющих возможности ее оплатить, и поэтому профессиональный аспект представления адвокатом обвиняемого не может иметь отношения к обязательствам государства-участника.

8. В своих комментариях в отношении представленных государством-участником замечаний адвокат опровергает утверждение государства-участника о том, что автор по-прежнему имеет возможность воспользоваться внутренними средствами правовой защиты, и вновь повторяет, что государство-участник несет ответственность за качество предоставляемой адвокатом правовой помощи, а также указывает на практику рассмотрения судебных дел Комитетом.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 По утверждению адвоката, г-н Прайс не имел представителя, эффективно защищавшего его в связи с подачей апелляции, и Комитет принимает к сведению, что из решения Апелляционного суда следует: официальный защитник г-на Прайса в связи с апелляцией согласился на слушании с тем, что нет смысла в рассмотрении апелляции по существу. Комитет отмечает, что это фактическое обстоятельство дела, видимо, поднимает также вопрос соответствия такой практики подпункту b) пункта 3 статьи 14 Пакта, который в целях установления, было ли совершено такое нарушение, не рассматривался, поскольку подобное требование никогда не выдвигалось адвокатом. Комитет напоминает о его собственной практике рассмотрения судебных дел, заявляя 37/, что хотя подпункт d) пункта 3 статьи 14 Пакта не дает обвиняемому права выбора адвоката, который предоставляется ему бесплатно, Суд должен обеспечить, чтобы предоставление апелляции адвокатом не шло вразрез с

36/ См. соображения по сообщению № 253/1987 (Келли против Ямайки), принятые 8 апреля 1991 года, пункт 5.10.

37/ См., в частности, соображения Комитета по сообщению № 459/1991 (Осбурн Врит и Эрик Харвей против Ямайки), принятые 27 октября 1995 года, пункт 10.5, и по сообщению № 461/1991 (Джордж Грейм и Артур Моррисон против Ямайки), принятые 25 марта 1996 года, пункт 10.5.

интересами правосудия. Рассмотрение вопроса о профессионализме адвоката не входит в задачу Комитета, тем не менее Комитет полагает, что, если адвокат обвиняемого, ведущий дело о преступлении, караемом смертной казнью, соглашается с тем, что, по существу, нет смысла в апелляции, Суд должен удостовериться в том, консультировался ли адвокат с обвиняемым, и, соответственно, поставить последнего в известность о происходящем. По мнению Комитета, г-на Прайса должны были проинформировать о том, что его адвокат не собирается представлять какие-либо основания в поддержку апелляции, с тем чтобы он мог рассмотреть любые другие имеющиеся у него возможности. В этих обстоятельствах Комитет приходит к заключению, что у г-на Прайса не было адвоката, эффективно представлявшего его в связи с апелляцией, и что это составляет нарушение подпункта d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

9.3 По мнению Комитета, вынесение приговора к смертной казни на основании выводов суда, в ходе которого не соблюдались положения Пакта, при том что невозможно подать другую апелляцию на вынесенный приговор, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта. Как отмечал Комитет в своем Замечании общего порядка 6 [16], положение о том, что вынесение приговора к смертной казни может осуществляться только в соответствии с законом и не должно противоречить положениям Пакта, означает, что "предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться, включая право на справедливое разбирательство независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр судом высшей инстанции". Что касается данного дела, то, поскольку окончательный приговор к смертной казни был принят без соблюдения требования об эффективном представительстве при подаче и рассмотрении апелляции, как это предусмотрено в статье 14, следует сделать вывод о том, что было нарушено право, которое защищается статьей 6 Пакта. Комитет принимает к сведению тот факт, что государство-участник изменило приговор к смертной казни автору, и считает, что в обстоятельствах данного дела это является достаточным средством правовой защиты против нарушения пункта 2 статьи 6 Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении подпункта d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

11. В соответствии с подпунктом a) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на соответствующее средство правовой защиты. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные случаи не возникали в будущем.

12. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признает компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективное и подлежащее принудительному осуществлению средство правовой защиты в случае установления факта нарушения этих прав, Комитет просит государство-участника предоставить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по реализации соображений, изложенных Комитетом.

О. Сообщение № 587/1994: Ирвин Ренолдс против Ямайки
(соображения, принятые 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Ирвин Ренолдс [представлен г-ном А.Р. Пултоном]
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Ямайка
<u>Дата сообщения:</u>	26 апреля 1994 года (первоначальное представление)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	6 июля 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 3 апреля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 587/1994, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Ирвина Ренолдса в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Ирвин Ренолдс 38/, гражданин Ямайки, во время представления сообщения ожидавший приведения в исполнение приговора к смертной казни в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка. Приговор к смертной казни автору 13 марта 1995 года был изменен после переквалификации его преступления в качестве не являющегося преступлением, караемым смертной казнью. Г-н Ренолдс утверждает, что он является жертвой нарушений Ямайкой статей 6,7, пункта 1 статьи 10 и пунктов 1, 3 и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н А.Р. Пултон.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

38/ В ранее представленном сообщении г-на Ренолдса (сообщение № 229/1987) утверждалось, что во время суда над ним имели место несколько случаев несоблюдения правил. Комитет принял свои соображения по сообщению № 229/1987 8 апреля 1991 года, не установив каких-либо нарушений (ССПР/С/41/D/229/1987).

Факты, представленные автором

2.1 Ирвин Ренолдс был обвинен вместе с другим обвиняемым, Эрролом Джонсоном ^{39/}, в убийстве некоего Реджиналда Кемпбелла и приговорен к смертной казни судом округа Кларендон 15 декабря 1983 года. Его апелляция была отклонена Апелляционным судом Ямайки 29 февраля 1988 года. Судебный комитет Тайного совета отклонил его петицию о специальном разрешении на подачу и рассмотрение апелляции 9 июля 1992 года.

2.2 В суде версия обвинения заключалась в том, что 31 октября 1982 года между 6 и 9 час. утра Реджиналд Кемпбелл был зарезан Ирвином Ренолдсом, который ограбил его магазин. Во время суда два свидетеля дали свои показания о том, что они видели утром 31 октября 1982 года Ирвина Ренолдса и Эррола Джонсона вблизи магазина г-на Кемпбелла. 12 ноября 1992 года г-н Ренолдс (но не г-н Джонсон) был опознан одним из свидетелей как человек, стоявший около магазина. Другой свидетель опознал обоих обвиняемых как людей, которые проходили сзади магазина. При обыске, произведенном полицией, в комнате г-на Ренолдса были обнаружены чеки, подписанные г-ном Кемпбеллом. В заявлении, сделанном после предупреждения о даче ложных показаний, Эррол Джонсон сообщил, что он видел лежащего на земле и истекающего кровью г-на Кемпбелла и стоявшего в стороне с ножом в руках г-на Ренолдса. Сам г-н Ренолдс утверждал в заявлении, сделанном без присяги со скамьи подсудимых в суде, что у него было алиби.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что задержка судебного разбирательства — между судом и апелляцией прошел 51 месяц — представляет собой нарушение пунктов 1, 3 и 5 статьи 14 Пакта. В связи с этим адвокат ссылается на соображения Комитета по ранее представленному сообщению автора № 229/1987; тогда Комитет рассматривал задержку в свете приемлемости сообщения и пришел к выводу о том, что такие задержки в использовании внутренних средств правовой защиты, как происшедшая, не могут быть отнесены к автору или его адвокату. Однако в своих соображениях Комитет не решал вопрос по существу. Адвокат утверждает, что продолжительное время, прошедшее между осуждением автора и слушанием его дела в Апелляционном суде, должно быть полностью отнесено на счет государства-участника. Он ссылается на письмо судебного распорядителя Апелляционного суда от 14 июля 1986 года, в котором тот подтвердил, что апелляция не может быть рассмотрена в суде, поскольку Суд еще не получил копию материалов судебного разбирательства. Адвокат утверждает, что автор не имел возможности ознакомиться с копией материалов судебного разбирательства в течение разумных сроков и это реально нарушило его право на пересмотр, согласно закону, осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией.

3.2 Адвокат отмечает, что автор находился в камере смертников с 15 декабря 1983 года и что задержка в исполнении превращает приговор к смертной казни в жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 7 Пакта. В подкрепление этого аргумента адвокат ссылается, среди прочего, на судебную практику Тайного совета [Эрл Пратт и Иван Мартин против Генерального прокурора Ямайки], судебное решение от 2 ноября 1993 года].

3.3 Автор заявляет, что в окружной тюрьме Св. Екатерины ему постоянно угрожали и постоянно избивали тюремные надзиратели в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. В одном случае, 9 июля 1988 года, во время обыска в тюрьме, который проводился тюремными надзирателями, солдатами и полицейскими, автор, как утверждает, был избит прикладами и дубинками, с него сорвали всю одежду и порезали ножом. В другом случае, 4 мая 1993 года, автора, как утверждает, солдаты били по мошонке. Хотя он страдал от боли, ему не было оказано никакой медицинской помощи. В сообщении содержится ссылка на Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и на доклад организации "Международная амнистия" от декабря 1993 года ("Ямайка —

^{39/} Сообщение г-на Джонсона было зарегистрировано в Комитете как сообщение № 588/1994. Соображения Комитета по этому сообщению были приняты 22 марта 1996 года.

предложение о проведении расследования случаев смерти заключенных и плохого с ними обращения") ("Jamaica — Proposal for an Inquiry into Death and Ill-Treatment of Prisoners").

3.4 И наконец, утверждается, что при рассмотрении дела в суде, который вынес приговор к смертной казни, были нарушены — при отсутствии возможности подать другую апелляцию на вынесенный приговор — положения Пакта, что представляет собой нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта.

3.5 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то адвокат утверждает, что автор не обращался в Верховный суд Ямайки с предусмотренным Конституцией ходатайством, поскольку такое ходатайство неизбежно потерпело бы неудачу ввиду прецедента, созданного решениями Судебного комитета Тайного совета по делу Департамента государственного обвинения против Насраллы и по делу Райли и других против Генерального прокурора Ямайки, которыми было определено, что цель Конституции Ямайки заключается в предупреждении возможности принятия несправедливых законов, а не просто в предупреждении, как утверждает заявитель, несправедливого обращения с преступниками согласно закону. В любом случае, как утверждает, предусмотренные Конституцией средства правовой защиты не могут быть использованы автором на практике, поскольку он испытывает недостаток в необходимых средствах для обеспечения услуг своего юридического представителя. В связи с этим сделана ссылка на установившуюся практику рассмотрения судебных дел Комитетом по правам человека.

3.6 Что касается заявления автора о плохом обращении с заключенными, то утверждается, что 9 июля 1988 года и 16 ноября 1993 года автор и его юридический представитель обращались с просьбой к омбудсмену о проведении расследования целого ряда заявлений об избиениях в тюрьме. Хотя омбудсмен утверждал, что эти случаи расследуются, конкретного ответа получено не было. В связи с этим утверждается, что ведомство омбудсмена действует неэффективно и поэтому обращение к нему не является эффективным средством правовой защиты. Адвокат заявляет, что все доступные внутренние средства правовой защиты исчерпаны.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и соответствующие комментарии автора

4.1 В представлении от 15 декабря 1994 года государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку не исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Государство-участник ссылается на дело Альберта Хантли против Генерального прокурора Ямайки, которое рассматривается Судебным комитетом Тайного совета и которое представляет собой конституционное возражение против правил классификации преступлений в соответствии с законом (с поправками) о преступлениях против личности. Государство-участник утверждает, что решение по этому делу имеет отношение к сообщению автора, поскольку оно может повлиять на квалификацию совершенного автором преступления как тяжкого убийства, караемого смертной казнью, или тяжкого убийства, не караемого смертной казнью.

4.2 Государство-участник заявляет, что оно проведет расследование утверждений автора о плохом обращении с заключенными в тюрьме и представит результаты расследования, как только они будут получены.

4.3 Государство-участник отвергает утверждение о том, что задержка судебного разбирательства из-за длительного периода, прошедшего между судом и рассмотрением апелляции, представляет собой нарушение статьи 14 Пакта. В этой связи государство-участник утверждает, что сам факт рассмотрения дела автором судом высшей инстанции Ямайки — Тайным советом — указывает на то, что его случай нельзя расценивать как нарушение права автора на пересмотр приговора суда и осуждения вышестоящей судебной инстанцией.

5.1 В своих комментариях по поводу замечаний, представленных государством-участником 21 марта 1995 года, автор заявляет, что решение по делу Альберта Хантли против Генерального

прокурора Ямайки 40/ в настоящее время уже принято Тайным советом и что оно не оказывает никакого влияния на сообщение автора, представленное на рассмотрение Комитета. Автор утверждает, что, поскольку совершенное им преступление было квалифицировано как преступление, караемое смертной казнью, он имеет право заявлять о нарушениях статьи 6 Пакта.

5.2 Что касается длительного периода времени, прошедшего между судом и рассмотрением апелляции, то, по словам автора, как таковая задержка судебного разбирательства на 51 месяц представляет собой нарушение статьи 14 Пакта и факт пересмотра его дела Тайным советом не имеет отношения к заявленной им претензии.

5.3 В своем следующем представлении от 6 апреля 1995 года автор информирует Комитет о том, что после проведения 13 марта 1995 года переквалификации совершенное им преступление было квалифицировано как деяние, не караемое смертной казнью, с одновременной рекомендацией о том, что он должен отбыть 15 лет тюремного заключения, прежде чем будет иметь право на условно-досрочное освобождение. По информации адвоката, он будет иметь право на условно-досрочное освобождение в декабре 1998 года.

5.4 Автор подтверждает, что он хотел бы просить о дальнейшем рассмотрении его сообщения.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятьдесят четвертой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Относительно утверждения автора о том, что период в 51 месяц между судом и рассмотрением апелляции представляет собой нарушение статьи 14 Пакта, Комитет отметил, что претензии автора в связи с несправедливым судебным разбирательством его дела уже были представлены на рассмотрение Комитета в его предыдущем сообщении 41/, после изучения которого Комитет принял решение о том, что изложенные факты не свидетельствуют о нарушении какого-либо из положений Пакта. Поэтому Комитет посчитал, что теперь эта претензия представляется неприемлемой.

6.2 Следовательно, жалоба автора на то, что вынесение приговора к смертной казни после несправедливого судебного рассмотрения дела представляет собой нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта, также является неприемлемой.

6.3 В связи с заявлением автора о том, что его длительное содержание под стражей в камере смертников представляет собой нарушение статьи 7 Пакта, Комитет напомнил, что, хотя некоторые национальные суды последней инстанции признавали длительное содержание под стражей в камере смертников, до пяти лет или более, нарушением конституций или законов 42/ их стран, Комитет, основываясь на собственной практике правоведческого характера, по-прежнему считает, что при отсутствии некоторых дополнительных обстоятельств, связанных с принуждением заключенных к чему-либо, содержание под стражей в течение любого конкретного периода времени не составит нарушения статьи 7 Пакта 43/. Комитет отметил, что автор не сообщил в качестве обоснования

40/ Судебное решение от 12 декабря 1994 года.

41/ См. сообщения по сообщению № 229/1987, принятые Комитетом 8 апреля 1991 года.

42/ См., в частности, судебное решение Судебного комитета Тайного совета от 2 ноября 1993 года (Пратт и Морган против Ямайки).

43/ См. сообщения Комитета по сообщению № 210/1986 и сообщению № 225/1987 (Эрл Пратт и Иван Морган против Ямайки), принятые 6 апреля 1989 года, пункт 12.6. См. также, в частности, сообщения Комитета по сообщению № 270/1988 и сообщению № 271/1988 (Рендолф Барретт и Клайд Сатклифф против Ямайки), принятые 30 мая 1992 года, и сообщение Комитета по сообщению № 470/1991 (Киндлер против Канады), принятое 30 июля 1993 года.

сообщения с точки зрения его приемлемости о каких-либо конкретных обстоятельствах своего дела, которые позволили бы поставить вопрос в соответствии со статьей 7 Пакта. Поэтому эта часть сообщения, согласно статье 2 Факультативного протокола, была признана неприемлемой.

6.4 Комитет пришел к выводу, что автор в достаточной мере обосновал для целей приемлемости заявленную им претензию о плохом обращении с ним в тюрьме. Комитет отметил, что государство-участник не выдвинуло никаких возражений против решения о приемлемости этой претензии и заявило о готовности провести расследование в связи с этим обвинением.

7. Соответственно, 6 июля 1995 года Комитет по правам человека принял решение о том, что настоящее сообщение приемлемо в той его части, которая касается заявленного плохого обращения в заключении, и в той мере, в какой могут возникнуть вопросы, предусмотренные статьей 7 и пунктом 1 статьи 10 Пакта.

Замечания государства-участника по существу и соответствующие комментарии адвоката

8. В представлении от 19 февраля 1996 года государство-участник замечает, что его обязательство провести расследование данного вопроса не означает признания предъявляемого обвинения по существу. Государство-участник подтверждает, что 8 июля 1988 года 44/ и 4 мая 1993 года в тюрьме были беспорядки, однако добавляет, что оно не может незамедлительно дать ответ на конкретные претензии автора по поводу дурного обращения, а проведет расследование этого вопроса и проинформирует Комитет о его результатах.

9. Комментируя замечания государства-участника, адвокат автора отмечает, что государство-участник не представило ни информации о результатах расследования претензий автора, ни копии медицинского заключения о состоянии его здоровья. Адвокат утверждает, что признание происходивших в тюрьме 8 июля 1988 года и 4 мая 1993 года беспорядков является прежде всего признанием достоверности фактов, изложенных автором.

Вопросы и судебные процедуры, рассмотренные Комитетом

10.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной сторонами. Он с сожалением отмечает, что спустя более двух лет после того, как внимание государства-участника было обращено на жалобы в связи с плохим обращением с заключенными, государство-участник не сообщило о результатах проведенных им расследований, а просто заявляет, что оно не может рассматривать конкретные утверждения автора о плохом обращении. В этих обстоятельствах должное внимание надлежит уделить утверждениям автора — в той мере, в какой они обоснованы.

10.2 Автор утверждал, что 9 июля 1988 года он находился в своей камере, когда солдаты и тюремные надзиратели начали проводить обыск. Его камеру открыли, и трое мужчин избивали его прикладами и дубинками. Позднее в коридоре с него сорвали одежду, его избили, порезали ножом, ударили металлоискателем. Тюремный надзиратель, имя которого упомянуто автором, как утверждается, приказал солдатам убить автора. Вещи автора, находившиеся в камере, были уничтожены, а его одежда и спальный тюфяк были облиты водой. Затем автора заперли в камере, не оказав какой-либо медицинской помощи. Позднее, 9 июля 1988 года, он направил письмо с жалобой парламентскому омбудсмену, ответа на которое не получил.

10.3 Автор утверждал, что были и другие случаи плохого обращения, и назвал имена виновных в этом тюремных надзирателей. В частности, он утверждал, что 4 мая 1993 года во время обыска его вывели из камеры и дважды ударили, при этом один раз по мошонке, ему не дали болеутоляющих лекарств и не оказали никакой медицинской помощи.

44/ В своих замечаниях и комментариях по существу дела как государство-участник, так и адвокат ссылаются на инцидент, происшедший 8 июля 1988 года, в то время как утверждения автора касаются инцидента, происшедшего 9 июля 1988 года.

10.4 Комитет считает, что в отсутствие какой-либо конкретной информации государства-участника по данному вопросу описанное автором обращение подпадает под обращение, запрещенное статьей 7 Пакта, и, в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Пакта, является также нарушением обязательства о гуманном обращении с заключенными и уважении достоинства, присущего человеческой личности.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

12. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, предусматривающее получение компенсации. Государство-участник должно принять меры для недопущения в будущем подобных нарушений. В этой связи Комитет хотел бы подчеркнуть, что расследования по заявлениям о плохом обращении должны проводиться быстро и незамедлительно.

13. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признает компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективное и подлежащее принудительному осуществлению средство правовой защиты в случае установления факта нарушения этих прав, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по реализации соображений, изложенных Комитетом.

Р. Сообщение № 607/1994: Майкл Адамс против Ямайки
(сообщения, принятые 30 октября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено:

Майклом Адамсом (представлен г-ном Саулом Лерфрейндом, адвокатская фирма "Саймонс Мьюрхед энд Бартон")

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Ямайка

Дата сообщения:

1 ноября 1994 года (первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости:

30 октября 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 30 октября 1996 года,

завершив рассмотрение сообщения № 607/1994, представленного Комитету по правам человека г-ном Майклом Адамсом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола*

1. Автором сообщения является гражданин Ямайки Майкл Адамс, который на момент подачи своей жалобы ожидал смертной казни в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой положений статьи 7, пункта 1 статьи 10, а также пунктов 1 и 2 и подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат. Вынесенный автору сообщения смертный приговор был заменен более легким наказанием 14 ноября 1994 года.

Факты, представленные автором сообщения

2.1 7 марта 1991 года автор сообщения был осужден окружным судом Кингстона за убийство и приговорен к смертной казни. Он обратился с ходатайством о предоставлении ему разрешения на подачу апелляции на обвинение и приговор; 24 февраля 1992 года Апелляционный суд Ямайки, относящийся к рассмотрению ходатайства о предоставлении разрешения на подачу апелляции как к рассмотрению самой апелляции, отклонил апелляцию автора сообщения. 4 ноября 1993 года было отклонено ходатайство автора о предоставлении ему специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета. Утверждается, что тем самым все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. 14 ноября 1994 года было принято решение о том, что автор относится к категории преступников, не подлежащих наказанию в виде смертной казни.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета член Комитета г-н Лорел Фрэнсис не принимал участия в утверждении настоящих соображений.

2.2 Автор сообщения был обвинен на основании общего умысла. Согласно доказательствам, представленным обвинением, 3 мая 1990 года автор сообщения склонил неустановленное лицо (вооруженного преступника), с которым он, как утверждалось, вместе работал, к тому, чтобы застрелить охранника, некоего Чарлза Уилсона; однако этот вооруженный преступник убил другого человека, некоего Элвина Скарлетта.

2.3 Утром 3 мая 1990 года г-н Уилсон находился на дежурстве у ворот свалки при разливочном комплексе на Спэниш Таун-Роуд, Кингстон. Приблизительно в 8 часов утра он пропустил на свалку два грузовика с территории комплекса. Несколько человек влезли на первый грузовик. Во время суда Чарлз Уилсон показал, что видел двух мужчин (в одном из которых он в суде опознал автора сообщения), сидящих у огораживающего свалку забора; автор сообщения проследовал за вторым грузовиком пешком до самой свалки. Через пятнадцать минут второй грузовик вернулся, и на нем находились Элвин Скарлетт, некто Карлтон Макки и автор; грузовик остановился у ворот и эти трое выгрузили какие-то поддоны. Когда грузовик медленно въехал на территорию комплекса, г-н Уилсон стал закрывать ворота и вдруг услышал выстрел и почувствовал боль в руке. Он увидел того другого человека, которого видел раньше у забора рядом с автором сообщения, с наведенным на него пистолетом. Свой пистолет г-н Уилсон вытащить не смог, поскольку был ранен в руку. Согласно его показаниям, автор сообщения, находившийся вне поля зрения, обошел грузовик и сказал вооруженному напарнику следующее: "Охранник ранен, давай заберем его пистолет". После этого г-н Уилсон бросился бежать, преследуемый автором сообщения и его вооруженным напарником. Пока он бежал, прозвучало еще три выстрела. Спустя некоторое время оба преследователя прекратили погоню, и он увидел, как они побежали назад к свалке.

2.4 Г-н Уилсон утверждал, что впервые он встретил автора сообщения за три года до этого, когда работал охранником на кондитерской фабрике, и что тот обычно просил у него печенье. Однажды он увидел его на свалке, но не разговаривал с ним.

2.5 Карлтон Макки показал, что во время разгрузки поддонов он увидел, как какой-то человек выстрелил в охранника и Элвин Скарлетт, который стоял позади грузовика, упал на спину. Затем он увидел находившегося с другой стороны грузовика автора сообщения. Он видел, как автор сообщения и вооруженный преступник какое-то время преследовали охранника, а затем побежали назад к свалке. Далее в своих показаниях г-н Макки заявил, что знает автора сообщения около года и что в течение этого времени он часто встречал его на свалке.

2.6 Согласно показаниям Блэндфорда Дэвиса, следователя полицейского участка в Хантс-Бей, 4 мая 1990 года он получил санкцию на арест автора сообщения; 4 июня 1990 года он встретил автора сообщения в полицейском участке, арестовал его и предъявил ему обвинение в убийстве Элвина Скарлетта. Оказавшись под арестом, автор сообщения заявил о своей невиновности.

2.7 Доводы защиты основывались на данных автором сообщения показаниях под присягой. Он отрицал, что находился у забора вместе с другим человеком, и показал, что с группой людей шел в сторону свалки. Когда они дошли до зданий разливочного комплекса, грузовик уже подъезжал к воротам, и он влез на него вместе с шестью другими людьми. После возвращения со свалки он вместе с г-ном Скарлеттом, с которым был знаком четыре года, сгружал поддоны. По утверждению автора сообщения, он услышал выстрел, когда находился с другой стороны грузовика, и не мог видеть г-на Уилсона; он не мог сказать, с какой стороны был произведен выстрел. Далее автор заявил, что вместе с другими он бросился бежать, что он ни с кем не разговаривал и не знал, кто бежал впереди него. Он услышал еще несколько выстрелов и убежал домой. Позднее он вернулся на территорию разливочного комплекса, чтобы собрать поддоны; здесь он узнал, что Элвин Скарлетт был убит. Автор заявил, что он не говорил слов: "Охранник ранен, давай заберем его пистолет", и не преследовал Чарлза Уилсона; он не отрицал, что видел г-на Уилсона на территории разливочного комплекса до 3 мая 1990 года, но отрицал, что когда-либо встречал его на кондитерской фабрике.

2.8 Протокол судебного разбирательства свидетельствует о том, что г-н Уилсон впервые упомянул слова автора "Охранник ранен, давай заберем его пистолет" в письменном заявлении на имя полиции. Он не ссылаясь на них на предварительном следствии в суде по делам об использовании оружия, но

вновь упомянул их во время судебного разбирательства в ходе первоначального опроса свидетеля королевским адвокатом. Далее представляется, что адвокат автора сообщения (который не представлял его на предварительном следствии) ничего не знал об этом письменном заявлении и во время перекрестного допроса г-на Уилсона оспаривал утверждение о том, что автор произнес эти слова. При повторном допросе королевский адвокат показал письменное заявление на имя полиции адвокату автора сообщения и обратился к судье с просьбой признать его в качестве доказательства; ссылаясь на сложившуюся судебную практику, он утверждал, что если заявление, сделанное свидетелем во время первоначального опроса свидетеля выставившей стороной, оспаривается на том основании, что оно недавно сфабриковано, обвинение может представить сделанное ранее письменное заявление в подтверждение того, что такое заявление было действительно сделано. Адвокат автора сообщения возражал против признания этого письменного заявления в качестве вещественного доказательства на том основании, что оно является субъективным, не подтвержденным другими доказательствами свидетельским показанием. Тем не менее судья согласился признать это заявление в качестве доказательства и тем самым опроверг предположение о том, что оно недавно сфабриковано.

Жалоба

3.1 Утверждается, что неознакомление защиты с этим заявлением до судебного разбирательства представляет собой нарушение прав автора сообщения, предусмотренных пунктами 1 и 2 и подпунктами b) и e) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.2 В связи с этим адвокат цитирует письмо, полученное от предыдущего представителя автора на Ямайке: «Я считаю, что фактом, склонившим чашу весов не в пользу Майкла Адамса, стало сделанное свидетелем Уилсоном заявление в полиции о том, будто Адамс сказал: "Застрели охранника, давай заберем его пистолет". На предварительном следствии Уилсон об этом не упоминал. В этом заключалось существенное расхождение, поскольку для обеспечения справедливого судебного разбирательства данное заявление должно было быть доведено до сведения защиты. Если бы защита была ознакомлена с указанным заявлением, то перекрестный допрос Чарлза Уилсона проводился бы по-другому. В свете этого было ли судебное разбирательство по делу Адамса справедливым?»

3.3 Адвокат ссылается на общее замечание Комитета по статье 14 Пакта, в котором в отношении права обвиняемого иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты отмечается, что "[...] такие возможности должны включать доступ к документам и другим доказательствам, необходимым обвиняемому для подготовки своей защиты по данному делу". Утверждается, что, несмотря на заявление адвоката автора сообщения на Ямайке о том, что у него было достаточно времени для подготовки защиты по делу и что ему было разрешено участвовать в перекрестном допросе свидетелей на равных с обвинением условиях, этого нельзя сказать в отношении ситуации, возникшей в связи с г-ном Уилсоном. Адвокат настаивает на том, что если бы это заявление было доведено до сведения защиты, то адвокат по-иному провел бы перекрестный допрос свидетеля, и что, как следствие, автор сообщения был лишен надлежащих возможностей для подготовки своей защиты, гарантируемых подпунктом b) пункта 3 статьи 14. Он утверждает далее, что без предварительного ознакомления с данным заявлением последующий перекрестный допрос, который провел адвокат, был не столь эффективным, каким он должен был бы быть, и его возможности были ограничены судьей, что составляет нарушение положений подпункта e) пункта 3 статьи 14. Утверждается также, что, таким образом, защита не имела возможности опровергнуть заявления свидетеля, что противоречит пункту 2 статьи 14, и что, соответственно, автор сообщения был лишен права на справедливое судебное разбирательство (пункт 1 статьи 14).

3.4 В обоснование этих утверждений адвокат ссылается на соображения Комитета, касающиеся сообщения № 283/1988 (Астон Литл против Ямайки). Он также ссылается на письменные показания под присягой, полученные посетившей г-на Адамса в окружной тюрьме Св. Екатерины с 29 августа по 5 сентября 1994 года г-жой Шелаг Анной Симонс, в которых говорится следующее: «Я сказал моему адвокату, [...] что есть свидетели, которые готовы дать показания в мою пользу, однако он ответил, что у обвинения столь мало доказательств против меня, что свидетели мне не понадобятся. Этими свидетелями были лица, оказавшиеся на месте совершения преступления. [...] Они могут подтвердить, что я не участвовал в убийстве, в котором меня обвиняют. Этими свидетелями были Альфред

Кэмпбелл [...], человек, известный мне как "Вилли" [...], и девушка по имени Рини [...]». Адвокат подчеркивает, что если бы заявление г-на Уилсона на имя полиции было доведено до сведения адвоката автора сообщения, то скорее всего он вызвал бы указанных автором свидетелей для дачи показаний в его пользу. Таким образом, утверждается, что отказ предоставить достаточное время и возможности для подготовки защиты является также нарушением положений подпункта е) пункта 3 статьи 14, поскольку автор сообщения не имел возможности получить свидетельские показания в свою пользу.

3.5 Из письменных показаний под присягой от 10 сентября 1994 года, представленных тремя указанными автором свидетелями, следует, что все они по разным поводам пытались дать показания полиции, в частности следователю. По утверждению этих свидетелей, им было рекомендовано не делать этого. В связи с этим делается ссылка на недавнее решение Апелляционного суда Соединенного Королевства 45/. Адвокат утверждает, что хотя прокуратура или адвокат автора конкретно не запрашивали получение показаний от трех вышеупомянутых свидетелей, следователь был обязан провести расследование и принять заявления от свидетелей, желающих дать показания в пользу автора. Тот факт, что полиция Ямайки и, в частности, следователь не допросили свидетелей, которые могли бы подтвердить алиби автора, согласно утверждению, представляет собой нарушение положений пунктов 1 и 2 статьи 14.

3.6 Адвокат далее заявляет, что в своей заключительной речи судья первой инстанции неправильно напутствовал присяжных относительно того, как им следует рассматривать доказательства, что представляет собой отказ в правосудии. Он утверждает, что, разрешив обвинению представить в качестве доказательства заявление Чарлза Уилсона, сделанное им в полиции, судья неизбежно подвел присяжных к выводу о виновности. Напутствуя присяжных относительно того, как использовать данное заявление, судья не смог достаточно четко пояснить, что его не следует использовать для определения достоверности фразы "охранник ранен, давай заберем его пистолет"; а что оно имеет отношение лишь к вопросу о доверии к г-ну Уилсону как к свидетелю. Кроме того, он фактически напутствовал присяжных не принимать во внимание возможность ошибки со стороны г-на Уилсона. Далее судья, в сущности, давал присяжным напутствие о том, что, признав факт наличия такого заявления, они должны неизбежно сделать вывод о том, что на тот момент, когда вооруженный преступник выстрелил в Элвина Скарлетта, автор должен был иметь необходимое намерение участвовать в этой совместной акции. Помимо этого, в своей заключительной речи судья первой инстанции неоднократно использовал слова "застрели охранника..." вместо слов "охранник ранен...", которые г-н Уилсон использовал в суде и своем заявлении в полиции. Адвокат подчеркивает, что, таким образом, судья представил доказательство в ложном свете и побудил присяжных к тому, чтобы слово "ранен" истолковывать как слово "застрели".

3.7 Адвокат утверждает, что автор сообщения является жертвой нарушения положений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 вследствие жестокого обращения со стороны полиции после его ареста. По утверждению автора сообщения, прежде чем ему было предъявлено обвинение в убийстве, он почти шесть месяцев провел в заключении по обвинению в стрельбе. После ареста его сначала содержали в полицейском участке в Спэниш-Таун, а затем перевели в полицейский участок в Хантс-Бей. Он утверждает, что здесь "я подвергался избиениям со стороны полицейских, а именно Бобби Уильямса и Р. Скотта, которые, действуя под руководством сотрудника сыскного подразделения капрала Дэвиса, наносили мне удары по спине, по груди, по шее и ступням, что привело к появлению крови в моче и расстройству нервной системы. Меня избивали по два раза в день на протяжении двух недель. Полицейские не пускали ко мне посетителей и отказывали мне в медицинской помощи. [...] Каждый раз, когда полицейские отправлялись на поиски людей, которые, по их утверждениям, совершили преступление, и возвращались ни с чем, они всегда приходили ко мне и избивали меня, пытаясь получить от меня неизвестную мне информацию. Я рассказал об этих избиениях своему адвокату, однако это не дало никаких результатов".

45/ См. сообщения Комитета по сообщению № 588/1944 (Эррол Джонсон против Ямайки), принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.2—8.5.

3.8 Утверждения автора сообщения о жестоком обращении с ним со стороны полиции, как представляется, подтверждают показания его тети, Джанет Гейл; в своих письменных показаниях под присягой от 10 сентября 1994 года она сообщила следующее: "Когда я посетила Майкла в полицейском участке, он рассказал мне, что во время допроса [...] он заявил о своей невинности, после чего был избит следователями. По его словам, его избивали не менее трех-четырёх раз в неделю. Во время посещения его в полиции я заметила у него открытые раны и шрамы. Майкл рассказал мне, что однажды после избиения он потерял сознание и был доставлен к врачу, а затем обратно в полицейский участок". Она заявила, что, по ее мнению, адвокат, представлявший автора на судебном процессе, ничего не знал о жестоком обращении с ним. Далее она заявила следующее: "Майкл никогда не страдал эпилепсией до того, как его стали избивать, когда он оказался в заключении. Я полагаю, что диагноз "эпилепсия" был поставлен ему примерно год спустя после судебного разбирательства по обвинению в убийстве. Майкл рассказал мне, что впервые он потерял сознание после первого же избиения, которому он подвергся, находясь под стражей в полицейском участке в Спэниш-Таун. Он также рассказал, что припадки эпилепсии случались с ним и в тюрьме. Как правило, они случались с ним после того, как его избивали. Так, однажды я пошла в тюрьму, чтобы навестить Майкла, но опоздала и время для свиданий вышло. Тогда я пошла в больницу Спэниш-Тауна, чтобы навестить друга, и, к моему удивлению и ужасу, увидела там Майкла с открытой кровоточащей раной на голове. [...] В настоящее время Майкл проходит лечение от эпилепсии и, если он его прекращает, то страдает от припадков. Сейчас он зависит от такого лечения. [...] Я полагаю, что припадки эпилепсии спровоцированы избиениями". Джанет Гейл ссылается на действия полиции в полицейском участке Спэниш-Тауна, однако автор сообщения подтвердил, что избиения в действительности имели место в полицейском участке в Хантс-Бей, а не в Спэниш-Тауне.

3.9 В письме от 18 февраля 1994 года адвокату из Лондона автор сообщения поясняет: "Несколько раз полицейские [...] выводили меня из камеры и доставляли в комнату для охранников, где [они] избивали меня обломками досок размером примерно 2 × 4, металлическими трубками и черенком от мотыги. У меня несколько шрамов на голове и кровоподтеки на руках и ногах. О внутренних повреждениях свидетельствует кровь в моче, и всякий раз при кашле открывается желудочное кровотечение. Несколько шрамов остались и на спине. Кроме того, меня били по ступням. Поскольку меня более месяца держали взаперти и не позволяли ни с кем общаться, я до суда не мог никому сообщить об избиениях, а в суде мне запретили разговаривать с кем бы то ни было на всем протяжении судебного разбирательства".

3.10 Кроме того, 19 июля 1993 года сотрудник по правам человека из Англии г-жа Симмонс от имени автора сообщения представила доклад Комиссии по правам человека Ямайки; она заявила, что 24 июня 1993 года автор сообщения был жестоко избит тюремным надзирателем в окружной тюрьме Св. Екатерины и в результате нанесенных ему травм головы провел три с половиной дня в больнице Спэниш-Тауна.

3.11 20 июля 1993 года адвокат от имени автора обратился с жалобой к парламентскому омбудсмену Ямайки, требуя проведения расследования в связи с этими инцидентами. Он также обратился в Комиссию по правам человека Ямайки с просьбой обеспечить фактическое проведение омбудсменом расследования по этому вопросу. 4 августа 1993 года служба омбудсмена сообщила адвокату, что "его жалоба будет рассмотрена в кратчайшие сроки". 3 февраля и 5 июля 1994 года адвокат обращался к омбудсмену с запросами о результатах расследований, если таковые имеются. Он заявляет, что на данный момент ответа от службы омбудсмена не поступило. 1 октября 1993 года Комиссия по правам человека Ямайки обратилась также к Директору Международной организации против пыток с просьбой о принятии неотложных мер. Кроме того, 23 июля 1993 года капеллан окружной тюрьмы Св. Екатерины его преподобие отец Брайэн Масси обратился к директору тюрьмы с письменной просьбой провести расследование в связи с утверждениями автора и представить краткий отчет на заседании Совета посетителей. 30 марта 1994 года отец Масси связался с адвокатом и пояснил, что ничего существенного сделано не было.

3.12 В своих письменных показаниях под присягой г-жа Симмонс отмечает тот факт, что каждое ее свидание с автором сообщения проходило в присутствии тюремного надзирателя и что, по словам автора, ему трудно прямо отвечать на ее вопросы о жестоком обращении с ним со стороны тюремных

надзирателей, поскольку он опасается репрессалий. Г-жа Симмонс добавляет, что однажды она сама в течение 30 минут подвергалась унижительному обращению со стороны директора тюрьмы и некоторых его сотрудников и что ее свидания с автором сообщения были ограничены. Комиссия по правам человека Ямайки попыталась обратиться с этим вопросом к Комиссару исправительных служб, однако автор предпочел не принимать никаких дальнейших действий, опасаясь репрессалий со стороны надзирателей. Утверждается, что во время его нахождения под стражей в полицейском участке в Хантс-Бей и в окружной тюрьме Св. Екатерины не соблюдались Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Организацией Объединенных Наций, и что обращение, которому он подвергся 24 июня 1993 года, неудовлетворительное лечение, а также постоянные опасения репрессалий представляют собой нарушение положений статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

3.13 Адвокат отмечает, что автор три года и семь месяцев провел в камере смертников, прежде чем его смертный приговор был заменен на пожизненное заключение вследствие процесса переклассификации. В этой связи он ссылается на решение Судебного комитета Тайного совета по делу Пратта и Моргана 46/, в котором, в частности, предусмотрено, что государство-участник должно иметь возможность завершить весь внутренний апелляционный процесс в течение приблизительно двух лет. Утверждается, что допущенное в деле автора увеличение этого срока, в течение которого ему пришлось испытывать муки страха в ожидании смертной казни, представляет собой нарушение положений статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

3.14 Наконец, делается ссылка на выводы делегации организации Международная амнистия, которая в ноябре 1993 года посетила окружную тюрьму Св. Екатерины. Было, в частности, отмечено, что число заключенных в этой тюрьме более чем вдвое превышает ее возможности, с учетом которых она была построена в XIX веке, и что условия содержания в ней, обеспечиваемые государством, весьма плохие: в камерах нет матрацев, других постельных принадлежностей или мебели; отсутствует встроенный санузел; водопроводно-канализационная сеть вышла из строя, повсюду груды мусора, а канализационный коллектор является открытым; в камерах отсутствует искусственное освещение, и дневной свет может поступать лишь через небольшие вентиляционные отверстия; заключенные практически не имеют возможности работать; в тюрьме нет своего врача, поэтому медицинские проблемы, как правило, разрешаются тюремными надзирателями, получившими очень ограниченную подготовку в этой области. Утверждается, что конкретное влияние этих общих условий на автора сообщения состояло в том, что в течение 22 часов в сутки он был заперт в своей камере. Он почти весь день находился в полной изоляции и был лишен возможности каким-либо образом занять себя. Основную часть времени он был вынужден проводить в темноте. Кроме того, он жаловался на боли в груди и на проблемы с пищеварением, однако по состоянию на 29 августа 1994 года его так и не показали врачу. Условия, в которых автор сообщения содержался под стражей в окружной тюрьме Св. Екатерины, как утверждается, представляют собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

Информация и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и комментарии автора сообщения по ним

4.1 В представлении от 1 июня 1995 года государство-участник конкретно не рассматривает вопрос о приемлемости и предлагает замечания по существу дела.

4.2 В отношении утверждения о том, что неознакомление с заявлением, сделанным г-ном Уилсоном в полиции, представляет собой нарушение положений подпункта b) пункта 3 статьи 14, государство-участник утверждает, что адвокат мог бы потребовать проверки заявления свидетелей защиты в суде и, таким образом, у него бы появились возможности для защиты интересов своего подзащитного. Далее оно утверждает, что все это касается вопросов о доказательствах, которые, согласно собственной практике Комитета, лучше всего решаются апелляционными судами.

46/ Эрл Пратт и Айван Морган против Генерального прокурора Ямайки; апелляция ТС № 10 от 1993 года, решение, вынесенное 2 ноября 1993 года.

4.3 В связи с утверждением о том, что автор сообщения не имел возможности для проведения перекрестного допроса свидетелей на равных с обвинением условиях, государство-участник ссылается на комментарии, представленные адвокатом автора на Ямайке лондонскому адвокату, и утверждает, что заключение первого адвоката является убедительным доказательством в связи с происшедшими событиями, которое опровергает утверждение, сделанное на основании подпункта b) пункта 3 статьи 14.

4.4 Государство-участник отрицает нарушение положений подпункта e) пункта 3 статьи 14. Оно утверждает, что если бы автор решил вызвать своих свидетелей, то они были бы ему предоставлены.

4.5 Что касается заявления о неправильном напутствии присяжных судьей первой инстанции, то государство-участник утверждает, что это вопрос об оценке фактов и доказательств, решения по которому должны приниматься не Комитетом, а апелляционными судами.

4.6 В связи с заявлениями о том, что автор, находясь под стражей в полицейском участке, подвергнулся жестокому обращению, государство-участник подчеркивает существенное значение того факта, что г-н Адамс не сообщил об этом своему адвокату и что, по признанию тети автора, он был доставлен к врачу. В отношении утверждения автора о жестоком обращении с ним в тюрьме государство-участник сообщает, что оно проведет расследование по этому вопросу и, как только появятся определенные результаты, представит Комитету соответствующую информацию. По состоянию на 1 марта 1996 года никакой дополнительной информации получено не было.

4.7 В связи с утверждением о "феномене камеры смертников" государство-участник считает, что решение, принятое Тайным советом по делу Эрл Пратт и Айван Морган против Генерального прокурора Ямайки, не является основанием для предположения о том, что содержание в камере смертников в течение определенного периода времени представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение. Каждое дело необходимо рассматривать с учетом его собственных фактов в соответствии с применимыми правовыми принципами. В обоснование своего довода государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу Пратта и Моргана, которые сводились к тому, что сама по себе задержка судопроизводства не является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением.

5.1 В своих замечаниях адвокат подтверждает, что его подзащитный является жертвой нарушения положений пунктов 1 и 2 и подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14. Он считает, что неознакомление защиты с указанным заявлением лишило автора возможности провести допрос свидетелей на равных условиях, поскольку он не мог опровергнуть это заявление и, фактически, был лишен справедливого судебного разбирательства. Что касается вопроса о наличии свидетелей защиты, то они были "запуганы" следователем и, значит, вопреки утверждению государства-участника, не "находились в распоряжении автора".

5.2 Адвокат отмечает, что государство-участник не отрицает того факта, что во время нахождения в предварительном заключении и в окружной тюрьме Св. Екатерины автор подвергнулся жестокому обращению.

Соображения по вопросу о приемлемости и рассмотрение дела по существу

6.1 До рассмотрения какой-либо жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, должен принять решение о ее приемлемости на основании Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что после отклонения Судебным комитетом Тайного совета 4 ноября 1993 года ходатайства автора о предоставлении ему специального разрешения на подачу апелляции автор исчерпал внутренние средства правовой защиты по смыслу Факультативного протокола. В этой связи он принимает к сведению, что государство-участник конкретно не рассматривало вопрос о приемлемости и сформулировало замечания по существу этого дела. Комитет напоминает, что в пункте 2 статьи 4 Факультативного протокола предусмотрено, что получившее уведомление

государство в течение шести месяцев с момента направления ему сообщения для замечаний представляет свои письменные замечания по существу этого сообщения. Комитет повторяет, что, в интересах правосудия и если государство-участник того пожелает, указанный срок может быть сокращен. Комитет также отмечает, что адвокат автора сообщения не возражает против рассмотрения дела по существу на данной стадии.

6.3 В отношении утверждений о нарушениях, допущенных в ходе судебного разбирательства, в частности о неправильном напутствии судьей присяжных по вопросу оценки доказательств, таких как заявление, сделанное г-ном Уилсоном в полиции, Комитет напоминает, что в каждом конкретном деле оценка фактов и доказательств, как правило, производится судами государств — участников Пакта. Аналогичным образом рассмотрение конкретных напутствий судьи присяжным в суде присяжных относится к компетенции апелляционных судов, а не Комитета, если только не будет установлено, что такие напутствия присяжным носили явно произвольный характер или представляли собой отказ в правосудии, либо что судья явно нарушил свою обязанность сохранять беспристрастность. Утверждения автора не свидетельствуют о том, что напутствия судьи имели подобные недостатки. Таким образом, в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола в этой части сообщение является неприемлемым как несовместимое с положениями Пакта.

7. В отношении остальных утверждений автора Комитет принимает решение о приемлемости этого дела и без дальнейшего промедления приступает к рассмотрению его утверждений по существу с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это требуется положениями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 В связи с утверждением автора о том, что продолжительность его содержания в камере смертников представляет собой нарушение положений статей 7 и 8 Пакта, Комитет ссылается на свое предыдущее решение о том, что при отсутствии некоторых других неоспоримых обстоятельств само по себе содержание в камере смертников не дает оснований для утверждения о жестоком, бесчеловечном и унижающем достоинство обращении в нарушение статьи 7 Пакта 47/. Комитет отмечает, что автор сообщения не привел достаточных свидетельств того, что срок его содержания в камере смертников отразился на нем настолько, чтобы можно было поднимать вопрос, предусмотренный в статьях 7 и 10 Пакта. Несмотря на целесообразность скорейшего проведения апелляционного разбирательства, с учетом обстоятельств настоящего дела Комитет приходит к выводу о том, что задержка в три года и семь месяцев не представляет собой нарушение положений статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

8.2 В связи с утверждением автора о жестоком обращении с ним Комитет считает, что в данном случае существуют два отдельных вопроса: жестокое обращение с автором во время предварительного заключения и позднее, в окружной тюрьме Св. Екатерины. По вопросу о жестоком обращении во время предварительного заключения Комитет отмечает, что государство-участник не отрицает факта жестокого обращения, а лишь заявляет, что автор получил медицинскую помощь. В отношении утверждения автора о жестоком обращении с ним в окружной тюрьме Св. Екатерины Комитет отмечает, что эти утверждения имеют весьма конкретный характер и документально подтверждены в жалобах на имя парламентского омбудсмана Ямайки и в Комиссию по правам человека Ямайки. Государство-участник обещало провести расследование по данным утверждениям, но по прошествии почти 10 месяцев с того момента оно так и не уведомило Комитет о своих выводах. В данных обстоятельствах Комитет считает, что утверждения автора относительно обращения, которому он подвергся как во время предварительного заключения, так и в тюрьме Св. Екатерины, достаточно обоснованны, и приходит к выводу о том, что положения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта были нарушены.

8.3 Автор заявлял о нарушении положений пунктов 1 и 2 и подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14 в том, что неуведомление со стороны обвинения о заявлении, сделанном г-ном Уилсоном в полиции, не

47/ См. сообщения Комитета по сообщению № 588/1994 (Эррол Джонсон против Ямайки), принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.2—8.5

позволило ему провести перекрестный допрос свидетелей на равных с обвинением условиях, и, таким образом, у него не было достаточных возможностей для подготовки своей защиты. Однако Комитет отмечает, что даже если адвокат и возражал против представления этого заявления в качестве доказательства, из протоколов судебных заседаний следует, что он не обращался с просьбой об отсрочке заседания суда и даже не запрашивал копию данного заявления. Таким образом, Комитет считает, что заявление автора является необоснованным, а следовательно, в этой части нет никаких нарушений положений Пакта.

8.4 Автор утверждает, что у него не было возможности вызвать и допросить свидетелей, показывающих в его пользу, наравне со свидетелями, показывающими против него, поскольку эти свидетели были "запуганы" полицией. Государство-участник не пояснило, почему не были взяты показания у трех свидетелей, способных подтвердить алиби автора, которые по различным поводам указывали на свою готовность дать показания в его пользу, что подтверждается письменными показаниями под присягой, которые дали все три свидетеля. Однако Комитет считает, что, поскольку эти свидетели находились в распоряжении автора, именно адвокат принял профессиональное решение не вызывать их. Комитет подтверждает свою стандартную практику, согласно которой он не вправе подвергать сомнению профессиональное решение адвоката, если только для судьи не было или не должно быть очевидным, что поведение адвоката является несовместимым с интересами правосудия. В настоящем деле нет оснований полагать, что решение адвоката было не самым лучшим. В данных обстоятельствах Комитет считает, что имеющиеся у него факты не свидетельствуют о нарушении положений Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении положений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

10. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, влекущее за собой предоставление компенсации.

11. Принимая во внимание, что при присоединении государства-участника к Факультативному протоколу оно признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и обеспечивать эффективное и доступное средство правовой защиты в случае установления какого-либо нарушения, Комитет был бы признателен за получение от государства-участника в течение 90 дней информации о мерах, принятых для выполнения настоящих соображений Комитета.

Q. Сообщение № 612/1995: Аруако против Колумбии
(соображения, принятые 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, Диоселина Торрес Креспо, Эрмес Энрике Торрес Солис и Висенсио Чапарро Искьердо [представлены г-ном Федерико Эндрю]
<u>Жертвы:</u>	Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес
<u>Государство-участник:</u>	Колумбия
<u>Дата сообщения:</u>	14 июня 1994 года (первоначальное сообщение)
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	14 марта 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 612/1995, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Хосе Висенте и г-на Амадо Вильяфанье Чапарро, г-на Луиса Наполеона Торреса Креспо, г-на Анхеля Мария Торреса Арройо и г-на Антонио Угэса Чапарро Торреса в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему авторами сообщения, их адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Авторами сообщения являются Хосе Висенте Вильяфанье Чапарро и Амадо Вильяфанье Чапарро, подающие жалобу от своего имени, и Диоселина Торрес Креспо, Эрмес Энрике Торрес Солис и Висенсио Чапарро Искьердо, действующие от имени своих умерших отцов, соответственно, Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Все авторы сообщения являются членами общины Аруако, группы коренного населения Колумбии, проживающей в Вальедупаре, департамент Сесар, Колумбия. Утверждается, что они являются жертвами нарушения Колумбией положений пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9, 14 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет адвокат г-н Федерико Эндрю Гусман.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета один из членов Комитета г-жа Пилар Гаитан де Помбо не принимала участия в утверждении настоящих соображений.

Факты, представленные авторами сообщения

2.1 28 ноября 1990 года приблизительно в 13 часов Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес сели в Вальедупаре на автобус, следующий до Боготы, где они должны были принять участие в ряде встреч с государственными чиновниками. В тот же день приблизительно в 23 часа Хосе Висенте Вильяфанье и его брат Амадо Вильяфанье были арестованы солдатами из 2-го артиллерийского батальона "Ла Попа", расположенного в Вальедупаре. Командир батальона подполковник Луис Фернандо Дуке Искьердо дал санкцию на проведение обыска в домах братьев Вильяфанье, приказав лейтенанту Педро Фернандесу Окампо взять четырех солдат и провести этот обыск. Обыск был санкционирован на основании сведений военной разведки о том, что эти двое являются членами подразделения поддержки партизанской группы ЭЛН ("Эхерсито де Либерасьон Насьональ") и хранят оружие и материалы, предназначенные для использования исключительно вооруженными силами. Братья были освобождены 4 декабря 1990 года после серьезного давления, оказанного со стороны общины Аруако.

2.2 Мануэль де ла Роса Пертус Пертус был тоже арестован 28 ноября 1990 года, когда он вышел из своего дома, чтобы помочь братьям Вильяфанье. Его доставили в казармы "Ла Попа", где, как утверждает, армейские офицеры жестоко обращались с ним, завязали ему глаза и подвергли допросу. Он был освобожден 29 ноября приблизительно в 19 часов 15 минут. Амарилис Эррера Араухо, гражданская жена Амадо Вильяфанье Чапарро, была также арестована ночью 28 ноября 1990 года, доставлена в казармы "Ла Попа" и допрошена. Она была освобождена около 1 часа ночи 29 ноября 1990 года. В двух последних случаях санкций на арест не было, однако оба арестованных были лишены возможности получить правовую помощь.

2.3 Вскоре выяснилось, что лидеры общины Аруако так и не прибыли в пункт их назначения в Боготе. 12 декабря 1990 года делегация общины Аруако отправилась в Курумани для проверки полученной информации о насильственном похищении ее лидеров. Было установлено, что 28 ноября 1990 года водитель автобуса (в котором ехали лидеры общины Аруако) сообщил полиции в Курумани, что примерно в 16 часов, когда автобус остановился около ресторана в Курумани, четверо вооруженных людей силой усадили в машину трех пассажиров из числа коренного населения. Полиция, тем не менее, не приняла никаких мер по этому заявлению.

2.4 13 декабря 1990 года в муниципалитете Босконьи делегации общины Аруако сообщили, что 2 декабря 1990 года в окрестностях Босконьи были обнаружены три трупа: один в самой Босконьи, второй в г. Эль-Пасо, а третий — в Лома-Линде возле реки Аргуари. Попытка опознать тела не предпринималась, однако одежда и другие детали, перечисленные в свидетельствах о смерти, указывали на то, что это были тела Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. В свидетельствах о смерти далее было указано, что на всех трех телах были обнаружены следы пыток. По распоряжению следователя из Вальедупара была произведена эксгумация этих тел. Первые два тела были эксгумированы 14 декабря, а третье — 15 декабря 1990 года. Приглашенные для опознания члены общины Аруако подтвердили, что это были тела Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Вскрытие показало, что они были подвергнуты пыткам, а затем убиты выстрелом в голову.

2.5 В тот же день, 14 декабря 1990 года, община Аруако организовала встречу с государственными чиновниками и средствами массовой информации в Вальедупаре. На этой встрече Хосе Висенте Вильяфанье рассказал, что, когда он и его брат находились под арестом в казармах батальона "Ла Попа", на них оказывалось психическое давление, их подвергали телесным пыткам и допросам по поводу насильственного похищения партизанской группой одного землевладельца, некоего Хорхе Эдуардо Маттоса. Хосе Висенте Вильяфанье указал на командира батальона "Ла Попа" подполковника Луиса Фернандо Дуке Искьердо и командира разведывательного подразделения батальона лейтенанта Педро Антонио Фернандес Окампо как на лиц, которые несут ответственность за жестокое обращение с ним и с его братом. Далее он показал, что во время допроса и пыток они (офицеры) утверждали, что "у них под арестом находятся трое других лиц, которые уже во всем признались", и угрожали ему тем, что "если он не признается, они убьют других индейцев". Кроме того, однажды его допрашивал

брат Хорхе Эдуардо Маттоса, Эдуардо Энрике Маттос, который сначала предлагал ему деньги в обмен на информацию о местонахождении его брата, а затем угрожал тем, что, если он не признается в течение 15 дней, они убьют еще несколько индейцев. По мнению Хосе Висенте Вильяфанье, тот факт, что его арест и исчезновение лидеров общины Аруако произошли в один и тот же день, а также угрозы в его адрес явно свидетельствуют о том, что лейтенант Фернандес Окампо и подполковник Дуке Искьердо несут ответственность за убийство трех лидеров общины Аруако и что Эдуардо Энрике Маттос заплатил им за это.

2.6 Община Аруако, далее, обвинила директора Управления по делам коренного населения в Вальедупаре Луиса Альберто Урибе в соучастии в этом преступлении, поскольку он сопровождал лидеров общины Аруако до автобусной остановки и был одним из очень немногих, кто знал о цели и пункте назначения этой поездки; кроме того, он, как утверждает, препятствовал попыткам общины добиться немедленного освобождения братьев Вильяфанье.

2.7 В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств правовой защиты установлено, что предварительное следствие по этому делу первоначально вел следователь суда № 7 Вальедупара (Juzgado 7° de Instrucción Criminal Ambulante de Valledupar); 23 января 1991 года дело было передано следователю суда № 93 в Боготе (Juzgado 93° de Instrucción Criminal Ambulante de Bogotá), а 14 марта 1991 года — суду № 65 в Боготе. 30 мая 1991 года командир второй бригады в Барранкилье, действуя в качестве судьи военного трибунала первой инстанции, попросил следователя суда № 65 прекратить производство по делу в отношении подполковника Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо, поскольку военный суд № 15 (Juzgado 15° de Instrucción Penal Militar) приступил к собственному расследованию этого дела. Кроме того, поскольку предполагаемые преступления были совершены соответствующими офицерами во время несения службы, то есть в статусе военнослужащих, они подпадают исключительно под военную юрисдикцию.

2.8 Следователь суда № 65 отказался прекратить производство по делу и обратился в дисциплинарный трибунал с просьбой вынести решение по этому вопросу; 23 июля 1991 года дисциплинарный трибунал вынес решение о том, что компетенцией судить подполковника Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо фактически обладают военные суды, то есть вторая бригада в Барранкилье. При вынесении этого решения было зарегистрировано одно особое мнение, поскольку один из судей считал, что поведение этих двух офицеров не имело непосредственного отношения к их военному статусу. Утверждается, что военное уголовное разбирательство по делу двух обвиняемых в отношении заявления братьев Вильяфанье было прекращено 30 апреля 1992 года, а в отношении исчезновения и последующего убийства трех индейских вождей — 5 мая 1992 года. Эти решения были подтверждены Высоким военным судом (Tribunal Superior Militar) 8 марта 1993 года и в июле 1993 года.

2.9 Тем временем часть уголовного дела, в рамках которой предъявлялись обвинения Эдуардо Энрике Маттосу и Луису Альберто Урибе, была передана суду № 93; 23 октября 1991 года суд оправдал обоих обвиняемых и постановил прекратить любое возбужденное против них уголовное преследование. После этого адвокат подал апелляцию в Высокий суд в Вальедупаре, который оставил в силе решение от 23 октября 1991 года. Он постановил, что доказательств, имеющих против Луиса Альберто Урибе, недостаточно для подтверждения его причастности к убийствам, и принял во внимание тот факт, что к тому времени Эдуардо Энрике Маттос скончался.

2.10 Отдел по правам человека Генеральной прокуратуры (Procuraduría Delegada para la Defensa de los Derechos Humanos) начал независимое дисциплинарное разбирательство по этому делу. В решении от 17 апреля 1992 года он признал подполковника Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо виновными в пытках Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье и в участии в тройном убийстве Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Он вынес постановление об увольнении их из армии в дисциплинарном порядке. В то же время директор Управления по делам коренного населения был оправдан. Адвокат утверждает, что выводы Отдела по правам человека Генеральной прокуратуры упорно игнорируются колумбийскими властями, как явствует из ответа генерал-майора Эрнандо Камило Суньиха Чапарро от 3 ноября 1994 года на запрос информации, направленный колумбийской секцией Андской комиссии юристов. В своем ответе он

заявил, что эти два офицера уволились из армии в декабре 1991 года и в сентябре 1992 года по собственному желанию.

Жалоба

3.1 Утверждается, что, как показывает вышеизложенная ситуация, члены общины Аруако Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес, а также оба брата Вильяфанье являются жертвами нарушения Колумбией положений пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9, 14 и 27 Пакта.

3.2 Адвокат утверждает, что исчезновение 28 ноября 1990 года и последующее убийство трех лидеров коренной общины военными вооруженных сил представляют собой нарушение положений статьи 6 Пакта.

3.3 Адвокат утверждает, что насильственное похищение и последующее убийство трех лидеров коренной общины населения без санкции на их арест являются нарушением положений статьи 9 Пакта.

3.4 Братья Вильяфанье утверждают, что жестокое обращение, которому они подвергались со стороны военнослужащих вооруженных сил, находясь под арестом в батальоне № 2 "Ла Попа" (им завязывали глаза и погружали с головой в канал и т. д.), представляет собой нарушение положений статьи 7.

3.5 Кроме того, допрос братьев Вильяфанье, членов коренной общины, военными вооруженных сил при полном игнорировании правил надлежащего процесса, что выразилось в лишении их помощи адвоката, а также убийство трех человек из числа коренного населения явно в нарушение колумбийской правовой системы, которая прямо запрещает вынесение смертных приговоров, представляют собой нарушение положений статьи 14 Пакта.

3.6 Наконец, братья Вильяфанье утверждают, что произвольное задержание и пытки двух членов общины Аруако, являющейся коренной общиной, а также исчезновение и убийство трех других членов этой общины, двое из которых были ее духовными лидерами, представляют собой нарушение культурных и религиозных прав членов общины Аруако по смыслу статьи 27 Пакта.

Информация и замечания, представленные государством-участником

4.1 В представлении от 22 марта 1995 года государство-участник утверждает, что его власти делали и делают все возможное для того, чтобы предать правосудию тех, кто повинен в исчезновении и убийстве Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Государство-участник утверждает, что в данном деле внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

4.2 Государство-участник резюмирует положение дел в области дисциплинарного разбирательства следующим образом:

Дисциплинарное расследование было предпринято Отделом по правам человека Генеральной прокуратуры в связи с пытками, которым подвергались братья Вильяфанье, а затем в связи с насильственным похищением и убийством Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Результатом этого расследования стала рекомендация об увольнении двух офицеров и об оправдании директора Управления по делам коренного населения Альберто Урибе Оньяте. Это решение было обжаловано, однако 27 октября 1992 года решение суда низшей инстанции было оставлено в силе.

Уголовное преследование было возбуждено судом № 65 в Боготе и военным судом № 15; коллизия юрисдикций была разрешена в пользу военной юрисдикции. Государство-участник отмечает, что Генеральной прокуратурой был назначен специальный представитель для

участия в этом разбирательстве. 5 мая 1993 года военный суд постановил, что доказательств, достаточных для обвинения подполковника Луиса Фернандо Дуке Искьердо и лейтенанта Педро Фернандеса Окампо (к тому времени капитана), нет и расследование следует прекратить. Высоким военным судом это решение было оставлено в силе.

Тем временем 23 октября 1991 года уголовный суд № 93 вынес постановление о прекращении дела против Альберто Урибе Оньяте и Эдуардо Энрике Маттоса; он также вынес решение о том, что это дело должно быть возвращено в судебную полицию Вальедупара для дальнейшего расследования. В соответствии со статьей 324 Уголовно-процессуального кодекса предварительное расследование должно проводиться до тех пор, пока не будет собрано достаточно доказательств либо для обвинения, либо для установления личности тех, кто, как предполагается, повинен в совершении преступления.

4.3 В своем ответе адвокат утверждает, что заявление государства-участника о наличии внутренних средств правовой защиты является ложным доводом, поскольку в военном кодексе Колумбии нет положений, позволяющих жертвам нарушений прав человека или их семьям возбуждать уголовное судопроизводство о возмещении ущерба в военном суде.

4.4 В последующем представлении от 8 декабря 1995 года государство-участник отмечает, что своим решением по апелляции на приговор от 26 августа 1993 года, вынесенный административным трибуналом Вальедупара в отношении причастности военнослужащих к исчезновению и последующему убийству трех лидеров коренной общины, третья секция Административной палаты Государственного совета оставила в силе решение нижестоящего суда о том, что нет доказательств, подтверждающих их участие в убийстве трех лидеров коренной общины.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 На своей пятьдесят шестой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения и принял к сведению просьбу государства-участника признать это сообщение неприемлемым. В связи с вопросом об исчерпании имеющихся внутренних средств правовой защиты Комитет отметил, что об исчезновении жертв водитель автобуса немедленно сообщил полиции в Курумани, что в жалобе, поданной в Отдел по правам человека Генеральной прокуратуры, четко указано, кто из армейских офицеров несет ответственность за нарушения и должен понести наказание, и что в уголовном суде № 93 было возбуждено дальнейшее судопроизводство. Невзирая на эти существенные доказательства, было проведено военное расследование, в результате которого оба офицера были оправданы и не предстали перед судом. По мнению Комитета, решения военного суда № 15 ставят под сомнение эффективность средств правовой защиты, находящихся в распоряжении авторов сообщения. В данных обстоятельствах необходимо сделать вывод о том, что авторы сообщения настойчиво, но безуспешно ходатайствовали о средствах правовой защиты, направленных на уголовное преследование двух армейских офицеров, которые должны нести ответственность за исчезновение трех лидеров общины Аруако и пытки братьев Вильяфанье. С момента событий, о которых идет речь в настоящем сообщении, прошло более пяти лет, а тем, кто несет ответственность за смерть трех лидеров общины Аруако, так и не было предъявлено обвинение, не говоря уже о суде над ними. Комитет пришел к выводу о том, что авторы сообщения выполнили требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

5.2 Комитету пришлось принимать решение о том, можно ли считать дисциплинарное и административное разбирательство эффективными внутренними средствами правовой защиты по смыслу подпункта b) пункта 2 статьи 5. Комитет напомнил, что внутренние средства правовой защиты должны быть не только доступными, но и эффективными и что термин "внутренние средства правовой защиты" необходимо истолковывать как касающийся в первую очередь средств судебной защиты. Комитет признал, что эффективность средства правовой защиты зависит также от характера предполагаемого нарушения. Иными словами, если предполагаемое преступление является наиболее серьезным, как, например, в случае нарушений основных прав человека, в особенности права на жизнь, чисто административные и дисциплинарные средства правовой защиты нельзя считать достаточными и эффективными. Такой вывод касается, в частности, ситуаций, в которых, как и в

настоящем деле, жертвы или их семьи не могут быть стороной в судебном процессе или даже вступать в процесс в рамках военной юрисдикции и тем самым лишены возможности получить какую-либо компенсацию в рамках этих юрисдикций.

5.3 В отношении жалобы на основании статьи 27 Комитет признал, что авторы сообщения не смогли в достаточной степени обосновать, каким образом действия, приписываемые военнослужащим и властям государства-участника, нарушили право общины Аруако пользоваться своей культурой или исповедовать свою религию. Соответственно, в этой части жалоба была признана неприемлемой.

5.4 В свете вышеизложенных пунктов 5.1 и 5.2 Комитет признал, что авторы сообщения выполнили требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. Их жалобы на основании пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9 и 14 Пакта были достаточно обоснованными и могут быть рассмотрены по существу дела.

Информация и замечания государства-участника по существу дела и комментарии адвоката по ним

6.1 В своем представлении от 14 ноября 1996 года в соответствии с пунктом 2 статьи 14 Факультативного протокола государство-участник отмечает, что при получении информации, необходимой для подготовки ответа Комитету по рассматриваемому делу, возникали трудности внутреннего характера. Оно считает, что это дело следует признать неприемлемым, поскольку внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, и отмечает, что готово вернуться к рассмотрению данного дела в случае появления новых доказательств, обосновывающих такие действия.

6.2 В отношении уголовного разбирательства государство-участник утверждает, что первое разбирательство по делу, возбужденному против г-на Эдуардо Энрике Маттоса и г-на Альберто Урибе после убийства лидеров коренной общины, закончилось безрезультатно и установить виновных не представилось возможным. 18 января 1995 года проведение расследования было поручено семнадцатой прокуратуре при окружном суде Вальедупара, и на основании статьи 326 Уголовно-процессуального кодекса прокуратура приостановила расследование, поскольку с 30 июня 1992 года новых доказательств не появилось. 23 марта 1995 года прокурор семнадцатой прокуратуры возобновил расследование с целью рассмотрения возможности обеспечения взаимодействия с предполагаемым свидетелем событий. 9 мая 1995 года этот свидетель был допрошен штатным психологом Группы технического расследования в Букараманге. 1 ноября 1995 года психолог представил отчет по вопросу о надежности свидетеля. Учитывая противоречия в показаниях, которые свидетель дал прокурору и психологу, прокурор принял решение о том, что этот свидетель не заслуживает доверия. 2 сентября 1996 года он распорядился временно приостановить расследование по этому делу на основании той же статьи 326 Уголовно-процессуального кодекса.

6.3 Что касается дисциплинарного расследования и увольнения подполковника Луиса Фернандо Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо, то они вышли в отставку по собственному желанию на основании решений от декабря 1991 года и сентября 1992 года, которые были оставлены в силе решением от 7 ноября 1996 года.

7.1 В своих комментариях к уголовному расследованию адвокат отмечает, что это расследование проводилось в двух сферах: в рамках обычной юрисдикции и в рамках военной юрисдикции. Обычное уголовное расследование имело запутанный характер: 30 июня 1992 года расследование было приостановлено решением Высокого суда Вальедупара; 23 марта 1995 года расследование было возобновлено на основании постановления Генерального прокурора страны; 2 сентября 1995 года расследование было временно приостановлено по ходатайству прокурора семнадцатой прокуратуры в Вальедупаре. Через шесть лет после начала следствия проводившееся по обоим направлениям расследование завершилось закрытием дела.

7.2 Адвокат утверждает, что это уголовное расследование резко отличается от четких и убедительных действий со стороны Отдела по правам человека Генеральной прокуратуры. В решении № 006 от 27 апреля 1992 года Отдел по правам человека признал обоснованными следующие факты:

Вожди индейской общины Аруако Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес 28 ноября 1990 года были задержаны подразделениями колумбийской армии вблизи Курумани, департамент Сесар.

В тот же день, 28 ноября, приблизительно в 22 часа братья Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, являющиеся членами коренной общины, а также Мануэль де ла Роса Пертус были задержаны в Вальедупаре, департамент Сесар, группами военнослужащих под командованием лейтенанта Педро Антонио Фернандеса Окампо в ходе операции, проводимой по приказу военного суда № 15, и позднее доставлены в казармы артиллерийского батальона "Ла Попа", где они подверглись пыткам (листы дела 12 и 13). По мнению Отдела по правам человека, "нет никаких сомнений в том, что подполковник Дуке Искьердо играл активную роль в расследуемых событиях" (лист дела 13).

Хосе Висенте Вильяфанье Чапарро против его воли и после применения к нему пыток был доставлен на вертолете в одно из горных мест (листы дела 14 и 17), где его в рамках расследования, проводимого группой военных, прикомандированных к военному суду № 15, пытали военнослужащие подразделений второго артиллерийского батальона "Ла Попа" с целью определения местонахождения г-на Хосе Эдуардо Маттоса, похищенного повстанческой группой.

Когда братья Вильяфанье Чапарро находились под стражей в армейских казармах, они в присутствии военного персонала подверглись допросу и пыткам со стороны Эдуардо Энрике Маттоса, который был гражданским лицом и братом похищенного лица. Эдуардо Энрике Маттос угрожал братьям Вильяфанье тем, что убьет индейцев, если братья не раскроют ему местонахождение его брата, и сказал "в подтверждение этого, что трое из них ими уже задержаны" (лист дела 31).

Согласно доказательствам, собранным Отделом по правам человека, военные операции, в ходе которых были задержаны лидеры коренной общины Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес, с одной стороны, и братья Вильяфанье Чапаррос и Мануэль де ла Роса Пертус — с другой, координировались из Вальедупара и, почти несомненно, из 2-го артиллерийского батальона "Ла Попа" (лист дела 19).

7.3 В вышеупомянутом решении 1992 года Отдел по правам человека признал, что участие этих двух офицеров в данных событиях установлено, о чем в решении была сделана следующая запись:

"Луис Фернандо Дуке Искьердо и Педро Антонио Фернандес Окампо принимали участие как в телесных пытках членов местной общины Аруако Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро и одного гражданского лица Мануэля де ла Роса Пертуса Пертуса, так и в оказании психического давления на них, а также в насильственном похищении и последующем убийстве Анхеля Мария Торреса, Луиса Наполеона Торреса и Антонио Угэса Чапарро" (лист дела 30). Основываясь на доказательствах, собранных Отделом по правам человека, адвокат отвергает доводы колумбийского правительства, оправдывающие задержки и остановки в проведении расследования.

7.4 Адвокат утверждает, что дисциплинарная процедура, в результате которой было принято постановление о двух санкциях, имела не судебный, а административный характер, то есть характер "дисциплинарного расследования", направленного "на сохранение упорядоченного прохождения государственной службы и защиту принципа законности, нарушаемого представителями государства, которые совершают незначительные административные проступки". В силу своих дисциплинарных полномочий Генеральный прокурор страны после завершения дисциплинарной процедуры может, в случае необходимости, распорядиться о применении административных санкций. Частные лица не могут быть сторонами дисциплинарного расследования и не могут возбуждать уголовное разбирательство по делу о возмещении ущерба. Аналогичным образом, лица, получившие телесные повреждения в результате административных правонарушений, не могут использовать дисциплинарную процедуру для получения соответствующей компенсации за нанесенные им травмы.

Цель дисциплинарного разбирательства заключается не в том, чтобы обеспечить компенсацию за телесные повреждения, полученные в результате действий представителя государства, или восстановление нарушенного права. В этой связи адвокат ссылается на предыдущие решения Комитета 48/.

7.5 Адвокат настаивает на том, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, когда соответствующее заявление о возбуждении уголовного дела было подано в компетентный обычный суд и когда было возбуждено уголовное разбирательство по делу о возмещении ущерба. Разбирательство по этому делу было прекращено. В ходе разбирательства была допущена необоснованная задержка.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 В своем представлении от 14 ноября 1996 года государство-участник отмечает, что лейтенант Фернандес Окампо и подполковник Искьердо уволились из армии по собственному желанию на основании решений 7177 от 7 сентября 1992 года и 9628 от 26 декабря 1991 года, соответственно. Кроме того, рекомендация Отдела по правам человека Генеральной прокуратуры об увольнении этих двух человек не была осуществлена, поскольку они уволились из армии по собственному желанию. Государство-участник также еще раз заявляет о своем стремлении в полной мере гарантировать осуществление прав человека и основных свобод. Эти замечания, как представляется, должны означать, что, по мнению государства-участника, вышеупомянутое решение представляет собой эффективное средство правовой защиты для семей погибших лидеров коренной общины и для братьев Вильяфанье. Комитет не разделяет это мнение: как отмечается в его решении о приемлемости, чисто дисциплинарные и административные средства правовой защиты нельзя считать достаточными и эффективными средствами правовой защиты по смыслу пункта 3 статьи 2 Пакта в случае наиболее серьезных нарушений прав человека, в особенности когда речь идет о нарушении права на жизнь.

8.3 В отношении предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 6 Комитет отмечает, что в решении Отдела по правам человека № 006/1992 от 27 апреля 1992 года четко устанавливается ответственность представителей государства за исчезновение и последующую смерть трех индейских вождей. Комитет, соответственно, приходит к выводу о том, что в данных обстоятельствах государство-участник несет непосредственную ответственность за исчезновение и последующее убийство Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса в нарушение статьи 6 Пакта.

8.4 В том что касается утверждения на основании статьи 7 в отношении трех лидеров коренной общины, Комитет отметил результаты вскрытия, а также содержащиеся в свидетельствах о смерти данные, которые говорят о том, что лидеры общины были подвергнуты пыткам, а затем убиты выстрелом в голову. Учитывая обстоятельства насильственного похищения г-на Луиса Наполеона Торреса Креспо, г-на Анхеля Мария Торреса Арройо и г-на Антонио Угэса Чапарро Торреса, а также результаты вскрытия и отсутствие информации по этому вопросу со стороны государства-участника, Комитет делает вывод о том, что г-н Луис Наполеон Торрес Креспо, г-н Анхель Мария Торрес Арройо и г-н Антонио Угэс Чапарро Торрес после своего исчезновения подвергались пыткам в нарушение статьи 7.

8.5 В отношении утверждения братьев Вильяфанье на основании статьи 7 Комитет отметил содержащиеся в решении от 27 апреля 1992 года выводы о том, что братья подвергались жестокому

48/ См. соображения по сообщению № 563/1993 (Нидия Баутиста де Ареллана против Колумбии), принятые 27 октября 1995 года, пункт 8.2.

обращению со стороны солдат 2-го артиллерийского батальона "Ла Попа", в частности им завязывали глаза и погружали их с головой в канал. Комитет приходит к выводу о том, что Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье подвергались пыткам в нарушение статьи 7 Пакта.

8.6 Адвокат утверждал о нарушении статьи 9 в отношении трех убитых лидеров индейской общины. В вышеупомянутом решении Отдела по правам человека содержался вывод о том, что насильственное похищение и последующее содержание под стражей лидеров коренной общины было незаконным (см. пункты 7.2 и 7.3, выше), поскольку не было санкции на их арест и им не было предъявлено никаких официальных обвинений. Комитет приходит к выводу о том, что содержание авторов сообщения под стражей было незаконным и произвольным, что является нарушением статьи 9 Пакта.

8.7 Адвокат утверждал о нарушении статьи 14 Пакта в связи с допросом братьев Вильяфанье военными вооруженных сил и гражданским лицом с разрешения военнослужащих в отсутствие адвоката и при полном игнорировании правил надлежащего процесса. Поскольку братьям Вильяфанье не было предъявлено никаких обвинений, Комитет считает целесообразным вести речь о произвольном задержании, а не о несправедливом судебном разбирательстве или несправедливых процессуальных действиях по смыслу статьи 14. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье подверглись произвольному задержанию в нарушение статьи 9 Пакта.

8.8 Наконец, Комитет неоднократно заявлял о том, что в Пакте не предусматривается право частных лиц требовать от государства осуществления уголовного преследования других лиц 49/. Тем не менее Комитет считает, что государство-участник обязано провести тщательное расследование предполагаемых нарушений прав человека, в частности насильственных исчезновений и нарушений права на жизнь, и подвергнуть тех, кто, как предполагается, повинен в таких нарушениях, уголовному преследованию, суду и наказанию. Эта обязанность применяется a fortiori к тем случаям, когда установлены лица, совершившие такие нарушения.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 7 и 9 Пакта по делу братьев Вильяфанье и статей 6, 7 и 9 Пакта по делу трех вождей — Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Хосе Висенте и г-ну Амадо Вильяфанье и семьям убитых лидеров коренной общины эффективные средства правовой защиты, включая компенсацию за ущерб и травмы. Комитет принимает к сведению содержание решения Отдела по правам человека № 029/1992 от 29 сентября 1992 года, подтверждающего решение № 006/1192 от 27 апреля, однако обращается к государству-участнику с настоятельным призывом ускорить уголовное разбирательство в целях быстрого осуществления уголовного преследования и привлечения к суду лиц, ответственных за насильственное похищение, пытки и смерть г-на Луиса Наполеона Торреса Креспо, г-на Анхеля Мария Торреса Арройо и г-на Антонио Угэса Чапарро Торреса, а также лиц, ответственных за насильственное похищение и пытки братьев Вильяфанье. Кроме того, государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные случаи не повторялись в будущем.

11. Принимая во внимание, что при присоединении государства-участника к Факультативному протоколу оно признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем

49/ См. соображения по сообщению № 213/1986 (Н.С.М.А. против Нидерландов), принятые 30 марта 1989 года, пункт 11.6; сообщению № 275/1988 (С.Е. против Аргентины), принятые 26 марта 1990 года, пункт 5.5; сообщениям № 343—345/1988 (Р.А., V.N. и др. против Аргентины), принятые 26 марта 1990 года, пункт 5.5.

находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и обеспечивать эффективные средства правовой защиты в случае установления какого-либо нарушения, Комитет был бы признателен за получение от государства-участника в течение 90 дней информации о мерах, принятых для выполнения настоящих соображений Комитета.

Р. Сообщение № 639/1995: Уокер и Ричардс против Ямайки
(соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Тревором Уокером и Лоусоном Ричардсом (представлены г-жой Вероникой Бирн, адвокатская фирма "Мишкон де Рейя")

Жертвы:

авторы сообщения

Государство-участник:

Ямайка

Дата сообщения:

24 и 27 февраля 1995 года
(первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости
и утверждения соображений:

28 июля 1997 год

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 28 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 639/1995, представленного Комитету по правам человека г-ном Тревором Уокером и г-ном Лоусоном Ричардсом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему авторами сообщения, их адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения являются два гражданина Ямайки — Лоусон Ричардс и Тревор Уокер, которые на момент представления сообщения ожидали смертной казни в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Ямайкой статей 6, 7, 9, 10 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Они представлены адвокатом из лондонской адвокатской фирмы "Мишкон де Рейя".

Факты, представленные авторами сообщения

2.1 Г-н Уокер был арестован 23 июня 1980 года, а г-н Ричардс — 26 июня 1980 года. 17 мая 1982 года оба автора сообщения были осуждены за убийство некоего Сэмюэля Андерсона и приговорены к смертной казни 50/. 31 мая 1982 года они обратились с ходатайством о предоставлении им

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

50/ В июне 1995 года смертный приговор авторам сообщения был заменен пожизненным заключением.

разрешения на подачу апелляции на осуждение и приговор в Апелляционный суд Ямайки. Во время слушания адвокат Лоусона Ричардса отказался от первоначальных оснований для своей апелляции, но запросил и получил разрешение на то, чтобы аргументировать дополнительные основания. Адвокат Тревора Уокера отказался от первоначальных оснований для своей апелляции и заявил суду, что ему нечего аргументировать. 24 октября 1984 года Апелляционный суд отклонил апелляцию авторов сообщения. 3 декабря 1992 года Судебный комитет Тайного совета рассмотрел апелляцию авторов сообщения и отклонил ее в той части, которая касается их осуждения, но постановил предоставить авторам специальное разрешение на обжалование их приговоров. 2 ноября 1993 года Тайный совет отклонил апелляцию, поскольку к нему обращались с просьбой вынести решение по конституционному вопросу о задержке как к суду первой инстанции, а не как к апелляционному суду.

2.2 На судебном процессе доводы обвинения сводились к тому, что 20 июня 1980 года Лоусон Ричардс и Тревор Уокер ограбили и убили Сэмюэля Андерсона. Первичным доказательством обвинения служили показания единственного свидетеля ограбления. На судебном процессе этот свидетель показал, что он помогал Сэмюэлю Андерсону продавать мясо и вдруг заметил приближающихся к ним авторов сообщения, в поведении которых было что-то подозрительное. Затем он увидел, как эти двое ограбили Сэмюэля Андерсона, направив на него пистолет. Однако он не мог видеть, чей выстрел был смертельным, поскольку пытался спрятаться от них. Далее свидетель показал, что, когда он попытался помочь Сэмюэлю Андерсону, один из этих мужчин выстрелил в него.

2.3 22 июля 1980 года были проведены очные ставки с участием единственного свидетеля 51/. На очной ставке свидетель опознал г-на Уокера. Г-н Ричардс также присутствовал на очной ставке, но не был опознан свидетелем. Свидетель опознал его позднее, когда он находился на скамье подсудимых на самом судебном процессе.

2.4 Кроме того, обвинение основывалось на заявлениях под присягой, которые якобы были сделаны авторами сообщения в полиции и в которых они свидетельствуют о причастности друг друга к совершению преступления. В ходе процедуры *voir dire* авторы сообщения отрицали, что они сделали свои заявления добровольно, и утверждали, что эти заявления были получены от них с помощью физического насилия или под угрозой физического насилия. Полицейские, которым были сделаны данные заявления, на судебном процессе показали, что они были сделаны добровольно, и отрицали тот факт, что авторов сообщения избивали, запугивали или заставляли сделать свои заявления. Мировой судья также показал, что оба заявления были сделаны в его присутствии, что авторы сообщения сделали их добровольно и на них не было никаких следов избиений. К тому же обвинение основывалось на результатах медицинского освидетельствования, согласно которому причиной смерти погибшего стали шок и кровотечение, вызванные пулевым ранением.

2.5 В своих показаниях без присяги со скамьи подсудимых г-н Ричардс заявил, что он находился в данном месте в момент, когда началась стрельба, и убежал, как только услышал выстрел. Кроме того, он утверждает, что некоего Делроя Джонсона 52/ избивали в полиции до тех пор, пока тот не сделал заявление, где ложно обвинял Ричардса в убийстве.

51/ Существуют расхождения относительно даты проведения очной ставки. Согласно показаниям свидетеля на судебном процессе и письменным показаниям под присягой проводившего очную ставку офицера очная ставка проводилась 2 июля 1980 года (письменные показания под присягой были приняты в качестве доказательства, поскольку во время судебного разбирательства этот офицер находился за пределами страны). Со своей стороны, офицеры, производившие арест, показали, что очная ставка проводилась 22 июля 1980 года.

52/ На различных стадиях судебного разбирательства Делрой Джонсон упоминается также как Делрой Джексон и Делрой Кэмпбелл.

3.6 Г-н Уокер дал показания без присяги со скамьи подсудимых, в которых он утверждает, что он и еще один человек находились в данном месте, когда началась стрельба, и что оба они убежали, как только услышали выстрел.

Жалоба

3.1 Адвокат заявляет, что доводы обвинения были основаны на показаниях свидетеля, полученных во время опознания, которые являются ненадежными и противоречивыми. Утверждается, что в основе показаний свидетеля на опознании лежало то, что в условиях очень плохого освещения он, находясь под воздействием сильнейшего страха, на короткое мгновение увидел авторов сообщения. Кроме того, утверждается, что этот свидетель не смог опознать г-на Ричардса на проведенной через месяц после убийства очной ставке и на предварительном разбирательстве в суде по делам об использовании оружия, но заявил, что опознал его на скамье подсудимых во время судебного процесса, который состоялся спустя почти два года.

3.2 Адвокат утверждает, что негативные аспекты судебного разбирательства, в частности неправильное напутствие судьей присяжных относительно добровольного характера сделанных авторами заявлений под присягой и отсутствие надлежащих напутствий по вопросу о полученных во время опознания показаниях в целом и, в отношении г-на Ричардса, по вопросу о признании опознания на скамье подсудимых, представляют собой нарушение пункта 1 и подпункта с) пункта 3 статьи 14. Тот факт, что эти недостатки не были рассмотрены в Апелляционном суде, а также задержка, допущенная в Апелляционном суде, как утверждается, являются нарушением статьи 14. Заявляется также, что Апелляционный суд допустил ошибку, оставив в силе решения суда первой инстанции и отклонив апелляцию.

3.3 Далее адвокат утверждает, что вынесение смертного приговора в результате судебного разбирательства, в ходе которого были нарушены положения Пакта, и в том случае, когда отсутствует возможность для последующей апелляции, представляет собой нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта.

3.4 Кроме того, адвокат утверждает, что после ареста авторам пришлось около двух лет дожидаться суда и еще почти два с половиной года — решения Апелляционного суда, который отклонил их апелляцию. Вдобавок к этому прошло почти пять лет, прежде чем канцелярия Верховного суда уведомила Комиссию по правам человека Ямайки о наличии судебных протоколов по делу авторов сообщения и решения Апелляционного суда — документов, необходимых при определении возможности подачи апелляции в Тайный совет. Адвокат заявляет, что такие задержки в уголовном судопроизводстве по делу авторов сообщения представляют собой нарушение пунктов 3 и 4 статьи 9 Пакта.

3.5 Далее утверждается, что неопределенность, вызываемая содержанием в камере смертников с мая 1982 года, позволяет вести речь о жестоком, бесчеловечном и унижающем достоинство обращении или наказании в нарушение статьи 7 Пакта. В этой связи адвокат ссылается на решение Тайного совета по делу Пратта и Моргана 53/.

3.6 Кроме того, адвокат утверждает, что ужасные условия, в которых содержались заключенные в камере смертников тюрьмы Св. Екатерины, представляют собой дополнительное нарушение статьи 7. Адвокат ссылается на доклады организаций "На страже прав человека" и "Международная амнистия".

3.7 Далее утверждается, что 29 мая 1990 года г-н Уокер был избит, в результате чего на одну из полученных им ран пришлось наложить пять швов, а также подвергался другим видам жестокого обращения со стороны тюремных надзирателей в камере смертников. 4 мая 1993 года надзиратели в камере смертников сломали радиоприемник г-на Ричардса в преднамеренной попытке запугать и унижить его. Адвокат утверждает, что избиение авторов сообщения и жестокое обращение с ними во

53/ Эрл Пратт и Айван Морган против Генерального прокурора Ямайки, апелляция Т.С. № 10 от 1993 года, решение, вынесенное 2 ноября 1993 года.

время допросов, когда они находились в руках полиции, и после осуждения — со стороны тюремных властей являются нарушением пункта 1 статьи 10.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу дела

4.1 В представлении от 24 октября 1995 года государство-участник не оспаривает приемлемость сообщения и в целях ускорения рассмотрения жалобы предлагает свои замечания по существу дела. В связи с предполагаемым нарушением статьи 7 государство-участник заявляет, что само по себе содержание в камере смертников на протяжении двенадцати лет не является жестоким и бесчеловечным обращением. Далее оно утверждает, что правило пяти лет, предусмотренное в решении по делу Пратта и Моргана, не имеет прямого применения и что скорее необходимо рассматривать каждое дело по существу в соответствии с применимыми к нему правовыми принципами. Оно сообщает Комитету, что смертные приговоры авторам сообщения заменены более мягким наказанием.

4.2 В отношении предполагаемого нарушения пунктов 3 и 4 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 вследствие задержки почти в два года между арестом авторов сообщения и судом над ними, почти в два с половиной года — между приговором и отклонением их апелляции Апелляционным судом и вынесения Апелляционным судом письменного решения по истечении пяти лет, государство-участник отрицает, что эти задержки являются чрезмерными, в частности в том, что касается двухлетнего срока между арестом и судом, поскольку в течение этого периода велось предварительное расследование. Оно также не согласно с тем, что два с половиной года являются чрезмерным сроком для рассмотрения апелляции. Государство-участник, по существу, признает, что пять лет для вынесения письменного решения были бы чрезмерным сроком, если бы эта задержка произошла по его вине, однако оно утверждает, что авторы сообщения не приложили надлежащих усилий для получения документов, и, таким образом, снимает с себя ответственность за данную задержку.

4.3 В отношении предполагаемого жестокого обращения с авторами сообщения во время предварительного заключения и позднее в тюрьме государство-участник заявляет, что у него нет никаких доказательств какого-либо жестокого обращения с ними, и категорически отрицает, что упомянутые инциденты имели место. В связи с жалобой г-на Уокера на жестокое обращение с ним в тюрьме государство-участник признает, что этот случай имел место во время тюремного бунта в мае 1990 года, и обещает провести расследование по данной жалобе. По состоянию на 30 июня 1997 года от государства-участника не поступило никакой информации по этому вопросу.

4.4 В отношении предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 14 государство-участник утверждает, что порядок напутствия судьей присяжных относительно того, как рассматривать доказательства, полученные в результате очной ставки, и как истолковывать общий умысел в делах об убийствах, является вопросом, который надлежащим образом отнесен к компетенции апелляционного суда.

5.1 25 мая 1996 года адвокат сообщила Комитету, что в соответствии с решением по делу Пратта и Моргана вынесенный авторам смертный приговор был заменен более мягким наказанием и, следовательно, первая жалоба на основании статьи 7 — задержка исполнения приговора — снимается, равно как и просьба о принятии временных мер защиты на основании правила 86. Тем не менее она настаивает на том, что длительный срок содержания под стражей в камере смертников, составляющий для обоих авторов сообщения свыше 13 лет, в условиях, не отличающихся от тех, в которых находились Пратт и Морган, представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение в нарушение статьи 7.

5.2 Адвокат заявляет, что в связи с решением генерал-губернатора о замене вынесенного авторам смертного приговора пожизненным заключением возникают вопросы, вытекающие из статей 9 и 14 Пакта. Адвокат утверждает, что процедура, в соответствии с которой авторы все еще находятся в тюрьме, является неясной и несправедливой, и приводит следующие доводы:

«— Содержание их в тюрьме не регулируется процедурой, установленной законом, как это требуется в пункте 1 статьи 9, в том, что суд не выносил приговора о лишении их свободы (приговором суда была смертная казнь). Таким образом, они находятся в тюрьме на основании неизвестной, неопределенной и таинственной административной процедуры.

— Они не имеют права возбудить процедуру обжалования своего заключения в тюрьму (либо самого факта заключения, либо, что более важно, срока такого заключения), как это требуется в пункте 4 статьи 9.

— Отсутствует процедура пересмотра их приговора (в частности, его срока), как это требуется в пункте 5 статьи 14.

— Долгие годы, проведенные подателями жалобы в камере смертников, по всей видимости, не были учтены при определении срока их содержания в тюрьме. Если же они учитывались, то авторы сообщения несут двойное наказание.

— Если установлен "тариф" (срок тюремного заключения, который, по мнению государства-участника, они должны провести в тюрьме, прежде чем смогут получить право на условно-досрочное освобождение), то они не знают, каков этот срок, не имеют информации о материалах, на основе которых устанавливается любой такой тариф, им не предоставляется возможность делать представления по вопросу о таком тарифе и они не могут оспаривать решение по этому вопросу».

5.3 Государство-участник оставило эти вопросы без ответа, однако Комитет осведомлен о законодательстве Ямайки, которым регулируется дело авторов сообщения.

5.4 В отношении жестокого обращения с г-ном Ричардсом адвокат отмечает, что государство-участник не рассматривало этот вопрос. В отношении г-на Уокера адвокат отмечает, что государство-участник предложило провести расследование, но при этом подчеркивает, что соответствующие события произошли свыше шести лет назад и что в октябре 1992 года адвокат г-на Уокера обратился к парламентскому обмудсмену с письменным ходатайством, в котором поднимался тот же вопрос, но к октябрю 1995 года, когда настоящее сообщение было впервые направлено государству-участнику, оно так и не провело расследования по этой жалобе.

5.5 В связи с вопросом о задержке в судебных разбирательствах, включая вынесение письменного решения и подготовку копии судебного протокола, адвокат настаивает на том, что эти задержки допущены исключительно по вине государства-участника, и отмечает, что за период с 23 июня 1986 года по 17 марта 1989 года Комиссия по правам человека Ямайки восемь раз обращалась к регистратору Апелляционного суда с письменным запросом (23 июня 1986 года, 10 июня и 8 декабря 1987 года, 23 марта, 14 апреля, 14 и 16 ноября 1988 года и 17 марта 1989 года). Она отмечает, что авторы прилагали надлежащие усилия для получения этих документов, однако так и не смогли их получить.

Решение Комитета о приемлемости и рассмотрение дела по существу

6.1 До рассмотрения какой-либо жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, должен принять решение о ее приемлемости на основании Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что после отклонения Судебным комитетом Тайного совета 2 ноября 1993 года ходатайства авторов сообщения о предоставлении им специального разрешения на подачу апелляции авторы исчерпали имеющиеся внутренние средства правовой защиты. В этой связи он принимает к сведению, что государство-участник не выдвинуло никаких возражений против приемлемости настоящей жалобы и представило свои замечания по существу дела. Это позволяет Комитету в соответствии с пунктом 1 правила 94 его правил процедуры принять решение о приемлемости и рассмотреть настоящее дело по существу. В соответствии с пунктом 2 правила 94 правил процедуры Комитет не должен принимать решение по существу сообщения без рассмотрения вопроса о применимости любого из оснований для приемлемости, упомянутых в Факультативном протоколе.

6.3 В отношении утверждений авторов сообщения о нарушениях, допущенных в ходе судебного процесса, в частности о неправильном напутствии судьей присяжных по вопросам оценки доказательств, полученных в результате опознания, и толкования общего умысла в делах об убийствах, Комитет напоминает, что в каждом конкретном деле оценка фактов и доказательств, как правило, относится к компетенции апелляционных судов государств — участников Пакта. Аналогичным образом конкретные напутствия судьи присяжным в любом суде присяжных должны рассматривать апелляционные суды, а не Комитет, если только не будет установлено, что такие напутствия присяжным носили явно произвольный характер или представляли собой отказ в правосудии, либо что судья явно нарушил свою обязанность сохранять беспристрастность. Утверждения авторов сообщения не свидетельствуют о том, что напутствия судьи имели подобные недостатки. Таким образом, в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола в этой части сообщение является неприемлемым как несовместимое с положениями Пакта.

6.4 В связи с утверждением авторов сообщения о том, что длительный срок их содержания в камере смертников представляет собой нарушение статьи 7 Пакта, Комитет ссылается на свое предыдущее решение о том, что при отсутствии других неоспоримых доказательств длительное содержание в камере смертников как таковое не является жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением в нарушение статьи 7 Пакта 54/. Поскольку таких других неоспоримых доказательств представлено не было, в этой части настоящее сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 В отношении утверждений, о которых идет речь в пункте 5.2, выше, Комитет отмечает, что после осуждения 17 мая 1982 года авторам сообщения был вынесен обязательный смертный приговор, но в соответствии с решением Тайного совета по делу Пратта и Моргана генерал-губернатор заменил этот приговор более мягким наказанием. Несмотря на то что такая замена произошла в июне 1995 года, она была произведена на основании прерогативы о помиловании, а не подробных положений Закона о преступлениях против личности 1992 года (с поправками), касающихся переклассификации обвинительных приговоров в делах об убийствах, включая процедуру установления тарифа в делах об убийствах, которые не караются смертной казнью.

6.6 Адвокат утверждает о нарушении положений статей 9 и 14 Пакта, поскольку она считает, что вынесенные авторам сообщения смертные приговоры были заменены пожизненным заключением на основании "неизвестной, неопределенной и таинственной административной процедуры". Имеющиеся в распоряжении Комитета материалы свидетельствуют о том, что замену вынесенных авторам сообщения смертных приговоров пожизненным заключением осуществил генерал-губернатор, который ratio decidendi руководствовался решением по делу Пратта и Моргана, принятым Тайным советом 2 ноября 1993 года. В соответствии со статьей 3 Факультативного протокола Комитет считает, что подобное утверждение является злоупотреблением правом на представление сообщения.

6.7 В отношении утверждения авторов сообщения о том, что с ними жестоко обращались и принуждали их к признанию, Комитет отмечает, что этот вопрос был предметом судебного разбирательства в рамках судопроизводства с целью определения того, допустимы ли заявления авторов в качестве доказательств. В связи с этим Комитет ссылается на свое предыдущее решение и повторяет, что в каждом конкретном деле оценка фактов и доказательств, как правило, относится к компетенции судов государств — участников Пакта. Он отмечает, что суды Ямайки рассматривали жалобы авторов и признали, что их заявления не были сделаны под давлением. При отсутствии очевидных доказательств предубеждения или неправомерных действий со стороны судьи Комитет не может осуществить переоценку фактов и доказательств, лежащих в основе выводов судьи. Соответственно, в этой части настоящее сообщение является неприемлемым как несовместимое с положениями Пакта согласно статье 3 Факультативного протокола.

54/ См. сообщения Комитета по сообщению № 588/1994 (Эррол Джонсон против Ямайки), принятые 22 марта 1996 года.

6.8 Комитет отмечает, что на протяжении всего срока содержания авторов сообщения под стражей на основании приговоров о пожизненном заключении вопрос, касающийся установления срока тарифа или каких-либо оснований для этого, не возникал. Если у авторов есть основание полагать, что государство-участник в надлежащее время не обеспечило систему оценки их права на освобождение по разрешению или разрешительную систему либо критерии для вынесения судебного решения по этому вопросу, то такой вопрос должен прежде всего рассматриваться во внутренних судах, а такие обстоятельства в деле еще не возникали.

7. С учетом обстоятельств дела Комитет принимает решение о приемлемости других утверждений авторов сообщения и приступает к рассмотрению этих утверждений по существу в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это требуется положениями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 В связи с предполагаемым нарушением пункта 1 статьи 10 Пакта, заключающимся в жестоком обращении во время содержания в камере смертников, Комитет отмечает, что в отношении жалобы г-на Уокера на то, что в мае 1990 года его избили, в результате чего на одну из полученных им ран пришлось наложить пять швов, государство-участник признало, что эти травмы были нанесены во время бунтов в тюрьме в мае 1990 года, и пообещало провести расследование по этому вопросу и сообщить Комитету о его результатах. Комитет далее отмечает, что по прошествии 20 месяцев после того, как настоящее сообщение было доведено до сведения государства-участника, и более семи лет после рассматриваемых событий он не получил никакой информации в разъяснение этого вопроса. В данных обстоятельствах и при отсутствии информации со стороны государства-участника Комитет считает, что обращение, которому г-н Уокер подвергся в камере смертников, представляет собой нарушение положений пункта 1 статьи 10 Пакта.

8.2 Авторы утверждали, что задержка почти в два года между арестом и судом и дальнейшая задержка в 30 месяцев между судом и апелляцией являются неоправданно длительными и представляют собой нарушение пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта. Согласно пункту 3 статьи 9 арестованному предоставляется право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Комитет отмечает, что представленные государством-участником доводы не дают ответа на вопрос о том, почему авторы сообщения, после того как их не выпустили под залог, в течение почти двух лет не предстали перед судом. Комитет считает, что в контексте пункта 3 статьи 9 и в отсутствие удовлетворительных объяснений такой задержки со стороны государства-участника задержка почти в два года, в течение которой авторы сообщения содержались под стражей, является необоснованной и, следовательно, представляет собой нарушение этого положения. В отношении задержки в рассмотрении апелляции авторов сообщения с учетом того факта, что это дело связано с вынесением смертного приговора, Комитет отмечает, что задержка в 30 месяцев между завершением судебного разбирательства и отклонением апелляции авторов сообщения в отсутствие каких-либо объяснений со стороны государства-участника, оправдывающих такую задержку, несовместима с положениями Пакта; одного лишь утверждения, что эта задержка не была чрезмерной, недостаточно. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что допущено нарушение положений пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

8.3 Авторы заявляют о нарушении подпункта с) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 в связи с тем, что прошло почти пять лет прежде, чем канцелярия Верховного суда уведомила Комиссию по правам человека Ямайки о наличии протокола судебного разбирательства по делу авторов сообщения и решения Апелляционного суда. Государство-участник признало, что если бы эта задержка была допущена исключительно по его вине, то она представляла бы собой нарушение положений Пакта, однако в данном деле авторы не приложили надлежащих усилий для получения соответствующих документов. В свою очередь, адвокат утверждала, что в период с 23 июня 1986 года по 17 марта 1989 года Комиссия по правам человека Ямайки восемь раз обращалась с просьбой о предоставлении таких документов. Комитет считает, что в данных обстоятельствах авторы прилагали надлежащие усилия для получения документов и что ответственность за допущенные задержки необходимо возложить на государство-участника. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что имело место нарушение положений подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 10 в отношении г-на Уокера и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта в отношении обоих авторов сообщения.

10. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Уокеру и г-ну Ричардсу эффективные средства правовой защиты, предусматривающие компенсацию за задержку в вынесении письменного решения и подготовке судебного протокола, а в отношении г-на Уокера — за жестокое обращение с ним. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не совершались в будущем.

11. Принимая во внимание, что при присоединении государства-участника к Факультативному протоколу оно признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и обеспечивать эффективное и доступное средство правовой защиты в случае установления какого-либо нарушения, Комитет был бы признателен за получение от государства-участника в течение 90 дней информации о мерах, принятых в связи с настоящими соображениями Комитета.

S. Сообщение № 671/1995: Юни Е. Лянсман и др. против Финляндии
(соображения, принятые 30 октября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено:

Юни Е. Лянсман и др.

[представлены адвокатом]

Жертвы:

авторы сообщения

Государство-участник:

Финляндия

Дата сообщения:

28 августа 1995 года (первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости:

14 марта 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 30 октября 1996 года,

завершив рассмотрение сообщения № 671/1995, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Юни Е. Лянсмана и др. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

принимая во внимание все письменные материалы, представленные ему авторами сообщения, их адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения (от 28 августа 1995 года) являются Юни Е. Лянсман, Юни А. Лянсман, Эйно А. Лянсман и Марко Торрика — члены Комитета пастухов Муоткатунтури. Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушения Финляндией статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет адвокат.

Факты, представленные авторами сообщения

2.1 Авторы являются оленеводами саамского этнического происхождения; они оспаривают планы Центрального лесохозяйственного совета Финляндии утвердить заготовку и транспортировку леса и строительство дорог в районе площадью 3 тыс. га, находящемся на территории, принадлежащей Комитету пастухов Муоткатунтури. Члены Комитета пастухов Муоткатунтури занимают районы на севере Финляндии общей площадью 255 тыс. га, из которых для зимних пастбищ пригодна лишь пятая часть. Район площадью 3 тыс. га приходится как раз на эти зимние пастбища.

2.2 Авторы отмечают, что вопрос о владении землей, традиционно используемой саами, еще не разрешен.

2.3 Деятельность Центрального лесохозяйственного совета по заготовке и транспортировке леса была начата в конце октября 1994 года, но 10 ноября 1994 года она была приостановлена на основании судебного запрета, вынесенного Верховным судом Финляндии (*Korkein oikeus*). По утверждению авторов сообщения, представитель Центрального лесохозяйственного совета недавно заявил, что до наступления зимы его деятельность возобновится; они выражают озабоченность по

поводу того, что заготовка и транспортировка леса возобновится в октябре или ноябре 1995 года, поскольку срок действия судебного запрета, вынесенного Верховным судом, истек 22 июня 1995 года.

2.4 Спорный район находится неподалеку от деревни Ангели рядом с норвежской границей, а также недалеко от принадлежащей Комитету пастухов Муоткатунтури скотобойни и места ежегодного загона северных оленей. Авторы сообщения утверждают, что зимой около 40 процентов общего поголовья оленей, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури, пасутся на оспариваемых землях. Авторы отмечают, что в данном районе находятся старые девственные леса, а это означает, что как почва в этих местах, так и деревья покрыты лишайником. Это особенно важно, поскольку лишайник используется как корм для оленей и служит в качестве "резервного корма" для взрослых оленей в экстремальных погодных условиях. Авторы добавляют, что весной в оспариваемом районе самки оленей производят на свет потомство, поскольку здесь тихо и спокойно.

2.5 Авторы отмечают, что экономическая целесообразность оленеводства продолжает снижаться и что финские оленеводы саами с трудом выдерживают конкуренцию со шведскими оленеводами, поскольку шведское правительство субсидирует производство оленины. Кроме того, традиционные финские оленеводы саами на севере Финляндии с трудом конкурируют с производителями оленины на юге территории саами, которые используют ограждения и сено в качестве корма — методы, резко отличающиеся от методов традиционных саами, основанных на использовании природных ресурсов.

2.6 Авторы отмечают, что заготовка и транспортировка леса — не единственный вид деятельности, имеющий негативные последствия для оленеводства саами. Они признают, что спор касается конкретного географического района и заготовки и транспортировки леса, а также строительства дорог в этом районе. Однако они полагают, что и другие виды деятельности, как, например, добыча камня, которая уже ведется, заготовка и транспортировка леса, которые уже осуществляются или будут осуществляться, а также любая деятельность горнодобывающих компаний (на которую министерство торговли и промышленности уже выдало лицензии) во всем районе, традиционно используемом саами, будут приняты во внимание при рассмотрении фактов по их новому делу. В этом контексте авторы ссылаются на представление Центрального лесохозяйственного совета в суд первой инстанции в Инари (Inarin kihlakunnanoikeus) от 28 июля 1993 года, в котором Совет заявил о своем намерении к 2005 году заготовить и вывезти в общей сложности 55 тыс. куб. метров древесины с лесного массива площадью 1100 га в западных районах зимних пастбищ, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури. Авторы отмечают, что заготовка и транспортировка леса уже осуществляются в других районах зимних пастбищных земель, в частности в районе Паадарскайди на юго-востоке.

2.7 Авторы повторяют, что на севере Финляндии для саами складывается очень трудная ситуация и что любые новые меры, чреватые негативными последствиями для оленеводства в районе Ангели, будут означать отказ местным саами в праве на пользование собственной культурой. В этом контексте авторы ссылаются на пункт 9.8 соображений по сообщению № 511/1992, положения которого они истолковывают как предупреждение государству-участнику относительно принятия новых мер, которые могли бы затрагивать условия жизни местных саами.

2.8 В связи с требованием об исчерпании внутренних средств правовой защиты авторы сообщения, ссылаясь на статью 27 Пакта, обратились с жалобой в суд первой инстанции в Инари (Inarin kihlakunnanoikeus). Авторы просили суд запретить любую заготовку и транспортировку леса и строительство дорог в ограниченном географическом районе. Суд признал это приемлемым, но по существу дела 20 августа 1993 года вынес решение не в пользу авторов. По мнению суда, деятельность, являющаяся предметом спора, в течение ограниченного периода времени может иметь определенные негативные последствия, но лишь в незначительной степени.

2.9 После этого авторы подали апелляцию в Апелляционный суд в Рованиеми (Rovaniemen hovioikeus), который после устных слушаний вынес 16 июня 1994 года свое решение. Апелляционный суд постановил, что негативные последствия деятельности, являющейся предметом спора, намного серьезнее, чем считает суд первой инстанции. Тем не менее двое из трех входящих в состав судейской группы судей пришли к выводу о том, что негативные последствия для оленеводства не представляют

собой "отказа в праве на пользование своей культурой" по смыслу статьи 27 Пакта. Апелляционный суд признал недоказанным, "что заготовка и транспортировка леса на указанной в ходатайстве территории, а также строительство дорог... помешают им совместно с другими членами их группы пользоваться культурой саами, занимаясь оленеводством". Третий судья выразил особое мнение, утверждая, что заготовку и транспортировку леса и строительство дорог следует запретить и прекратить. Авторы обратились с ходатайством о предоставлении им разрешения на подачу апелляции в Верховный суд (*Korkein oikeus*), отметив, что они удовлетворены установлением фактов Апелляционным судом и просят Верховный суд лишь рассмотреть вопрос о том, являются ли негативные последствия рассматриваемой деятельности "отказом" авторам в их правах в соответствии со статьей 27 Пакта. 23 сентября 1994 года Верховный суд предоставил разрешение на подачу апелляции, но не вынес постановления о принятии временных мер защиты. Однако 10 ноября 1994 года он издал судебный приказ Центральным лесохозяйственным советом деятельности, которая была начата в конце октября 1994 года. 22 июня 1995 года Верховный суд оставил в силе решение Апелляционного суда во всей его полноте и отозвал временный судебный запрет. Авторы утверждают, что они исчерпали все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что изложенные факты свидетельствуют о нарушении их прав в соответствии со статьей 27, и ссылаются на соображения Комитета по делам Иван Кито против Швеции (сообщение № 197/1985), Оминайяк против Канады (сообщение № 167/1984) и Илмари Лянсман и др. против Финляндии (сообщение № 511/1992), а также на Конвенцию МОТ о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах № 169, общее замечание Комитета № 23[50] по статье 27 и проект декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов.

3.2 Наконец, авторы, которые утверждают, что заготовка и транспортировка леса и строительство дорог могут возобновиться в октябре или ноябре 1995 года и, таким образом, неминуемы, обращаются с просьбой о принятии временных мер защиты на основании правила 86 правил процедуры, с тем чтобы предотвратить невозполнимый ущерб.

Дополнительные сообщения, представленные сторонами

4.1 В соответствии с правилом 91 правил процедуры Комитета 15 ноября 1995 года сообщение было направлено государству-участнику. В соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитет обращался к государству-участнику с просьбой воздержаться от принятия мер, которые могли бы причинить невозполнимый ущерб окружающей среде, имеющей, по утверждению авторов, жизненно важное значение для их культуры и жизненного уклада. Государству-участнику было предложено, чтобы в том случае, если оно будет утверждать, что с учетом обстоятельств дела просьба о принятии временных мер защиты нецелесообразна, оно уведомило об этом Специального докладчика по новым сообщениям Комитета и обосновало свое утверждение. После этого Специальный докладчик пересмотрит вопрос о целесообразности поддержания этой просьбы на основании правила 86.

4.2 В дополнительном представлении от 8 декабря 1995 года авторы отмечают, что отделение Центрального лесохозяйственного совета в Верхней Лапландии приступило к заготовке и транспортировке леса в районе, указанном в настоящем сообщении от 27 ноября 1995 года. Согласно плану деятельность по заготовке и транспортировке леса продлится до конца марта 1996 года: намечено вырубить около 13 тыс куб. метров древесины. В период с 27 ноября по 8 декабря 1995 года было вырублено около 1 тыс. куб. метров древесины на площади в 20 га. Учитывая эту ситуацию, авторы сообщения просят Комитет вновь обратиться к государству-участнику с просьбой в соответствии с правилом 86 и настоятельно рекомендовать ему немедленно прекратить заготовку и транспортировку леса.

4.3 Со своей стороны группа чиновников в области лесного хозяйства из числа саами из района Инари, зарабатывающих на жизнь занятием лесохозяйственной деятельностью и деревообработкой, в своем представлении на имя Комитета от 29 ноября 1995 года утверждает, что лесохозяйственная

деятельность в том виде, в каком она осуществляется в настоящее время, не препятствует оленеводству и что в одних и тех же районах можно одновременно заниматься оленеводством и лесным хозяйством. Такая оценка получила поддержку со стороны Верховного суда в его решении от 22 июня 1995 года. Если запретить лесохозяйственную деятельность в районе Инари, то группы саами, занимающиеся двумя различными видами деятельности, окажутся в неравном положении.

4.4 В представлении от 15 декабря 1995 года государство-участник утверждает, что следует сдержанно относиться к принятию временных мер защиты и прибегать к ним лишь в случае серьезных нарушений прав человека, когда возможность причинения невосполнимого ущерба является реальной, например когда под угрозой оказываются жизнь или физическая неприкосновенность жертвы. По мнению государства-участника, в настоящем сообщении не отражены обстоятельства, свидетельствующие о возможности причинения невосполнимого ущерба.

4.5 Государство-участник отмечает, что в настоящее время заготовка и транспортировка леса осуществляются на площади, не превышающей 254 га из общей площади лесного массива, принадлежащего государству и предоставляемого для оленеводства Комитету пастухов Муоткатунтури, которая составляет 36 тыс. га. Этот район включает территорию Национального парка Лемменьоки, на которой, несомненно, запрещена любая лесозаготовительная деятельность. Район лесозаготовок состоит из небольших отдельных участков, на которых в целях естественного восстановления леса применяется семенно-лесосечная рубка. Девственные леса между лесосеками остаются нетронутыми.

4.6 Государство-участник отмечает, что Центральный лесохозяйственный совет Финляндии своевременно и до того, как он приступил к своей деятельности по заготовке и транспортировке леса, провел переговоры с Ассоциацией оленеводов Муоткатунтури, к которой принадлежат и авторы сообщения; планы и график лесозаготовок не вызвали возражения у этой Ассоциации. По мнению государства-участника, письмо, упомянутое в пункте 4.3, выше, свидетельствует о необходимости координации разнообразных и различающихся интересов, преобладающих в образе жизни группы меньшинства саами. Наконец, государство-участник отмечает, что некоторые авторы осуществляли вырубку в своих собственных лесах, что, как утверждается, свидетельствует о "безвредности" лесозаготовительной деятельности в рассматриваемом районе.

4.7 В свете вышеизложенного государство-участник, с учетом обстоятельств дела, считает просьбу, выраженную в соответствии с правилом 86 правил процедуры, неуместной и просит Комитет отклонить ее в соответствии с правилом 86. Тем не менее в ожидании окончательного решения Комитета оно обязуется не разрабатывать планы дальнейшей заготовки и транспортировки леса в рассматриваемом районе и сократить объем ведущихся лесозаготовок на 25 процентов.

4.8 Государство-участник признает, что настоящее сообщение является приемлемым, и обязуется как можно скорее подготовить свои замечания по существу этой жалобы.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости настоящего сообщения на своей пятьдесят шестой сессии. Он принял к сведению аргументацию государства-участника в пользу отклонения просьбы о принятии временных мер защиты по данному делу и его заявление о том, что настоящее сообщение отвечает всем критериям приемлемости. Тем не менее Комитет рассмотрел вопрос о том, отвечает ли данное сообщение критериям приемлемости в соответствии со статьей 2, статьей 3 и подпунктами а) и б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, и пришел к выводу, что сообщение отвечает таким критериям и что требование авторов сообщения на основании статьи 27 следует рассмотреть по существу.

5.2 Таким образом, 14 марта Комитет признал сообщение приемлемым и отклонил просьбу о принятии временных мер защиты.

Замечания государства-участника по существу дела и комментарии адвоката по этим замечаниям

6.1 В своем представлении на основании пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник дополняет и уточняет факты, представленные авторами сообщения. Оно напоминает, что часть пастбищных земель, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури, — район, где преобладает сосновый лес, пригодный для оленеводства в зимнее время, — находится на территории Национального парка Лемменьоки. В отношении процесса консультаций между Национальной лесопарковой службой (в дальнейшем именуемой НЛПС; прежнее название — Центральный лесохозяйственный совет) и местными оленеводами саами государство-участник отмечает, что представители НЛПС установили контакт с председателем ассоциации владельцев оленей Дж. С, который, в свою очередь, пригласил представителей НЛПС на внеочередное заседание Комитета пастухов Муоткатунтури, состоявшееся 16 июля 1993 года. На этом заседании были обсуждены планы лесозаготовок и согласованы поправки к ним: возврат к использованию зимних дорог и исключение северной части из района лесозаготовок. Из протоколов окружного суда в Инари (28 июля 1993 года) следует, что на этом заседании было высказано два мнения: одно мнение в поддержку авторов, а другое — против них. Комитет пастухов Муоткатунтури не делал никаких заявлений, направленных против НЛПС.

6.2 Государство-участник далее напоминает, что некоторые саами являются владельцами лесов и занимаются лесным хозяйством, а другие поступают на службу в НЛПС и выполняют функции, связанные с лесным хозяйством. Оно подчеркивает, что приведенное авторами сопоставление территорий, предназначенных для лесозаготовок, не является показательным, поскольку оно не относится к лесохозяйственной деятельности. Вместо этого было бы лучше сопоставить планы НЛПС с планами лесозаготовок в частных лесах в районе Ангели. Так, НЛПС планирует к 2005 году осуществление лесозаготовок на площади 900 га, тогда как региональный план по частным лесам в районе Ангели (1994—2013 годы) включает восстановление лесов на площади 1150 га путем использования метода семенных деревьев.

6.3 Государство-участник напоминает, что жалобы авторов сообщения рассматривались местными судами (например, окружным судом в Инари, Апелляционным судом в Рованиеми и Верховным судом). В распоряжении суда каждой инстанции находилась обширная документация, на основе которой осуществлялось разбирательство по этому делу, в частности в свете статьи 27 Пакта. Суды всех трех инстанций отклонили жалобы авторов, прямо ссылаясь при этом на статью 27. Государство-участник добавляет, что требования статьи 27 постоянно учитываются властями государства-члена при применении и осуществлении ими национального законодательства и рассматриваемых мер.

6.4 В контексте вышеизложенного государство-участник утверждает, что, учитывая признание авторами в Верховном суде правильности установления фактов Апелляционным судом в Рованиеми, оно, в сущности, просит Комитет еще раз взвесить и оценить эти факты в свете статьи 27 Пакта. Государство-участник заявляет, что у национального судьи гораздо больше шансов рассмотреть это дело во всех его аспектах, чем у любой международной инстанции. Оно добавляет, что Пакт был включен в финское законодательство Актом парламента и что его положения непосредственно применяются всеми финскими органами власти. Таким образом, нет необходимости заявлять — как это предпочитают делать авторы сообщения — о том, что финские суды воздерживаются от толкования положений Пакта и ждут, когда Комитет выразит свое мнение по "пограничным инцидентам и новым событиям". В том же контексте у авторов сообщения нет оснований утверждать, что толкование статьи 27 Пакта Верховным судом и Апелляционным судом является "минималистическим" или "пассивным".

6.5 Государство-участник признает, что община саами представляет собой этническую общину по смыслу статьи 27 Пакта и что авторы сообщения как члены этой общины имеют право на защиту на основании данного положения. Оно анализирует практику Комитета, касающуюся статьи 27 Пакта, включая соображения по сообщениям № 167/1984 (Б. Оминьяк и члены группы "Озеро Лубикон" против Канады), № 197/1985 (Кито против Швеции) и № 511/1992 (И. Лянсман против Финляндии), и признает, что понятие "культура" по смыслу статьи 27 охватывает оленеводство как существенный элемент культуры саами.

6.6 Государство-участник также признает, что "культура" по смыслу статьи 27 предусматривает защиту традиционных укладов жизни национальных меньшинств в той степени, в какой они имеют существенное значение для культуры и необходимы для ее выживания. Не все меры или их последствия, которые определенным образом изменяют прежние условия, можно истолковывать как незаконное ущемление права меньшинств пользоваться своей культурой. Именно этими соображениями руководствовался Парламентский комитет по конституционному праву, заявивший, что согласно обязательствам Финляндии по международным конвенциям оленеводство, которым занимаются саами, не должно становиться объектом необоснованных ограничений.

6.7 Государство-участник ссылается на общие замечания Комитета по статье 27 55/, в которых признается, что защита прав в соответствии со статьей 27 направлена на обеспечение "выживания и постоянного развития культурных, религиозных и социальных особенностей соответствующих меньшинств" (пункт 9). Оно далее ссылается на ratio decidendi соображений Комитета по сообщению № 511/1992 (И. Лянсман и др. против Финляндии), где утверждается, что государства-участники по вполне понятным причинам, возможно, стремятся поощрять экономическое развитие и разрешать экономическую деятельность и что меры, которые оказывают определенное ограниченное воздействие на образ жизни лиц, принадлежащих к тому или иному меньшинству, не обязательно означают нарушение положений статьи 27. Государство-участник утверждает, что настоящее сообщение во многих отношениях похоже на сообщение № 511/1992, а именно: а) ответственность за деятельность, являющуюся предметом спора, вновь возлагается на государство-участника; б) меры, являющиеся предметом спора, оказывают лишь некоторое ограниченное воздействие; в) экономическая деятельность и занятие оленеводством были соответствующим образом согласованы; и д) предыдущие и перспективные планы лесозаготовок были прямо учтены при вынесении решений по этому делу местными судами.

6.8 Кроме того, государство-участник ссылается на решение Верховного суда Норвегии по сопоставимому делу, в котором местные саами оспаривали факт затопления небольшого земельного участка после сооружения плотины гидроэлектростанции. В этом деле для Верховного суда также решающее значение имела степень фактического ущемления интересов местных саами, которая была признана слишком незначительной для того, чтобы поднимать вопрос о защите меньшинств в соответствии с международным правом. Мотивировка Верховного суда впоследствии была одобрена Европейской комиссией по правам человека. Государство-участник приходит к выводу о том, что, как показывает прецедентная практика Комитета, не все меры, которые ставятся в вину государству, означают отказ в правах, предусмотренных в статье 27: этот принцип, как утверждается, должен применяться и в настоящем деле.

6.9 Тем не менее в связи с утверждением авторов сообщения о том, что разные права и интересы не могут быть согласованы и что право саами на занятие оленеводством должно преобладать над осуществлением других прав, таких, например, как право на заготовку и транспортировку леса, государство-участник заявляет, что интересы как лесного хозяйства, так и оленеводства могут быть и были учтены и согласованы в рамках запланированных или планируемых мер, касающихся лесного хозяйства. Этим, как правило, занимается НЛПС. В районе, указанном авторами, и во всем регионе, где ведется оленеводческое хозяйство, согласование не только возможно, но и имеет существенное значение, поскольку оленеводством занимаются на всей территории, населенной саами. Отмечается, что такой тип согласования был прямо одобрен Комитетом в его соображениях по сообщению № 511/1992 (пункт 9.8), где было признано, что "для обеспечения соответствия экономической деятельности положениям статьи 27 она должна осуществляться таким образом, чтобы авторы и впредь могли с пользой для себя заниматься оленеводством". Государство-участник добавляет, что меры, касающиеся лесного хозяйства, могут принести пользу для оленеводства во многих отношениях и что многие оленеводы одновременно занимаются лесным хозяйством.

6.10 По мнению государства-участника, авторы всего лишь поставили перед Комитетом те же вопросы, которые они ставили перед местными судами, в частности какие виды мер в

55/ Общие замечания № 23 [50], принятые в апреле 1994 года.

соответствующих районах могут инициировать возникновение "порогового уровня", выше которого эти меры могут считаться "отказом" — по смыслу статьи 27 — саами в их праве пользоваться своей культурой. При рассмотрении этого дела в местных судах было признано, что ущерб, причиняемый оленеводству заготовкой и транспортировкой леса и строительством дорог, ниже этого порогового уровня. Государство-участник считает, что авторы не представили новых оснований, которые помогли бы Комитету оценить вопрос "порогового уровня" как-либо иначе, чем это сделали местные суды.

6.11 В этом контексте государство-участник заявляет, что если понятие "отказ" по смыслу статьи 27 будет толковаться так же широко, как это делают авторы сообщения, то тогда оленеводы саами, в сущности, получают право отвергать любой вид деятельности, который может ущемлять интересы оленеводства даже в незначительной степени: "право вето подобного типа в отношении мелкомасштабной разумной законной деятельности землевладельцев и других землепользователей было бы предоставлено пастухам, занимающимся оленеводством, и одновременно оказало бы существенное влияние на систему принятия решений". В то же время законодательство, регулирующее разработку полезных ископаемых, а также существующие планы землепользования стали бы "почти бесполезными". Это, как подчеркивает государство-участник, не может быть целью и задачей Пакта и статьи 27. Следует отметить далее, что, поскольку право саами на занятие оленеводством не ограничивается районом, принадлежащим государству, решение Комитета окажет значительное воздействие на то, каким образом частные лица смогут использовать и эксплуатировать принадлежащие им земли в районе оленеводства.

6.12 По мнению государства-участника, приверженность Комитета принципу "эффективного участия членов общин меньшинств в принятии затрагивающих их решений" 56/ — принципу, который был подтвержден в соображениях по сообщению № 511/1992, — в полной мере проявилась в рассматриваемом деле. Район, в котором сосуществуют и, возможно, вступают в конфликт интересы лесного хозяйства и оленеводства, является частью территории, принадлежащей Комитету пастухов Муоткатунтури (юридическому лицу, отвечающему за вопросы, касающиеся оленеводства). Государство-участник и Комитет пастухов договорились о проведении постоянных переговоров, в рамках которых происходит согласование интересов лесного хозяйства и оленеводства. Государство-участник утверждает, что опыт такого переговорного процесса является удачным и что он гарантирует право саами на занятие оленеводством в соответствии со статьей 27. НЛПС поддерживает постоянный контакт с Комитетом пастухов Муоткатунтури, членами которого являются авторы.

6.13 Государство-участник поясняет, что оленеводство отчасти было преобразовано в деятельность, в рамках которой используются возможности, предлагаемые лесным хозяйством. Пастухи используют дороги, построенные для целей лесного хозяйства: государство-участник напоминает, что в находящихся в частной собственности лесах в районе, принадлежащем Комитету пастухов Муоткатунтури, лесозаготовки осуществляются теми, кто занимается оленеводством. Кроме того, государство-участник отмечает, что практика ведения лесного хозяйства саами не отличается от соответствующей практики других собственников частных лесов. Если сравнить методы ведения лесного хозяйства и лесозаготовок в районах, находящихся под управлением НЛПС, с методами лесозаготовок, которые используются в частных лесах и саами, то более щадящие методы ведения лесного хозяйства, используемые НЛПС, и ручная лесозаготовка учитывают интересы оленеводства в большей мере, чем лесозаготовительная деятельность в частных лесах, осуществляемая с применением специальной техники. НЛПС намерена осуществлять лесозаготовки вручную, что является более естественным методом по сравнению с механизированной заготовкой и транспортировкой леса, которая осуществлялась в частных лесах в районе Ангели зимой 1993/94 года. Кроме того, ручные лесозаготовки больше соответствуют традиционному образу жизни и культуре саами и, таким образом, имеют меньшие последствия для них.

6.14 В заключение государство-участник отмечает, что озабоченность авторов сообщения по поводу перспектив оленеводства была надлежащим образом учтена в настоящем деле. Несмотря на то что заготовка и транспортировка леса и тракторные колеи временно будут иметь ограниченные

56/ Общее замечание № 23 [50], пункт 7.

негативные последствия для зимних пастбищ, используемых для выпаса оленей, по мнению государства-участника, не было приведено доказательств, свидетельствующих о том, что это может причинить существенный и длительный ущерб, который помешает авторам сообщения продолжать занятие оленеводством в рассматриваемом районе в его нынешнем масштабе. Таким образом, авторам не отказано в праве пользоваться своей культурой по смыслу статьи 27 Пакта.

7.1 В своих комментариях авторы с самого начала отмечают, что заготовка и транспортировка леса в районе Пихьярви, который входит в состав района, указанного в их жалобе, была завершена в марте 1996 года. Негативные последствия заготовки и транспортировки леса для северных оленей, как утверждается, в основном носят долгосрочный характер. Однако авторы и другие оленеводы уже отмечали, что северные олени не пасутся в районах лесозаготовок и в "девственных лесах", растущих между этими районами. Таким образом, зимой 1996 года значительная часть зимних пастбищ, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури, стала недоступной для оленей. Это привело к значительному увеличению объема работы оленеводов и к дополнительным затратам по сравнению с предыдущими годами.

7.2 По утверждению авторов, некоторые негативные последствия заготовки и транспортировки леса проявятся лишь через несколько лет или даже десятилетий. Например, в случае наступления особенно суровой зимы, во время которой прочный ледяной покров не позволит оленям выкапывать в снегу ягель, многие олени могут пасть от голода из-за отсутствия их природного резервного корма — лишайника, растущего на старых деревьях. Если сильные ураганы повалят на землю оставшиеся деревья, возникнет реальная опасность того, что обширные территории останутся вовсе без деревьев, в результате чего будет постоянно сокращаться площадь зимних пастбищных земель, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури.

7.3 Адвокат отмечает, что вследствие низкой экономической выгоды от оленеводства многим оленеводам приходилось искать дополнительные источники дохода. Эта тенденция усилилась после того, как большинству комитетов пастухов пришлось сократить поголовье оленей в своих стадах. Необходимость сокращения поголовья оленей была вызвана нехваткой пастбищных земель и плохим состоянием существующих истощенных пастбищ. В подобной ситуации районы, пригодные для зимних пастбищ, являются поистине критическим ресурсом, который определяет масштабы сокращения поголовья оленей, принадлежащих каждому оленеводческому комитету. В целях выживания авторам самим пришлось развивать другие виды экономической деятельности помимо оленеводства. Они работают мясниками в других оленеводческих комитетах, работают на местных частных владельцев земли или занимаются мелкомасштабными лесозаготовками в собственных частных лесах. Однако все они предпочли бы работать исключительно оленеводами.

7.4 Что касается масштабов уже осуществленных лесозаготовок, то адвокат передает четыре фотографии, в том числе сделанные с помощью аэрофотосъемки, которые, как утверждается, позволяют четко осознать характер и последствия лесозаготовительной деятельности: в районах лесозаготовок на площади до 20 га деревьев почти не осталось, а все старые деревья, на которых обильно рос лишайник, были вырублены.

7.5 Авторы сообщения не согласны с замечаниями государства-участника о масштабах и характере лесозаготовок, ибо они вводят в заблуждение, поскольку упомянутые государством-участником 254 га касаются лишь уже завершенных лесозаготовок, тогда как НЛПС планирует продолжить лесозаготовки в указанном в жалобе районе. В порядке сравнения с более крупным районом авторы напоминают о длительной и обширной деятельности по заготовке леса в Паадарскайди — другой части района зимних пастбищ Комитета пастухов Муоткатунтури. Как утверждается, последствия лесозаготовительной деятельности в Паадарскайди вызывают тревогу, поскольку олени просто покинули этот район. Авторы также оспаривают замечания государства-участника о методах лесозаготовок и утверждают, что так называемая семенно-лесосечная рубка также наносит вред оленеводству, поскольку животные по целому ряду причин избегают такие леса. Кроме того, существует опасность того, что ураганы повалят семенные деревья и этот район постепенно останется совсем без деревьев.

7.6 Адвокат подчеркивает, что если двое из авторов сообщения и пытались обеспечить себе дополнительный доход за счет лесного хозяйства, это не было продиктовано их свободным выбором и никоим образом не говорит о том, что лесозаготовительная деятельность может стать частью образа жизни саами. Он критикует замечания государства-участника, в которых этот аргумент используется против авторов вместо того, чтобы служить серьезным показателем изменений, которые угрожают культуре саами и их образу жизни. Утверждается, что попытка государства-участника представить "ручные лесозаготовки" как близкие традиционному образу жизни и культуре саами абсолютно беспочвенна и искажает факты.

7.7 Авторы конкретно указывают масштабы различных проектов лесозаготовок в этом районе. В отведенном Комитету пастухов Муоткатунтури районе общей площадью 255 тыс. га около 36 тыс. га занимают леса, находящиеся в ведении НЛПС. Наиболее пригодные зимние пастбища, принадлежащие Комитету пастухов Муоткатунтури, находятся в гуще лесов именно на этих контролируемых государством территориях. Частные леса занимают площадь около 14 600 га и принадлежат 111 различным собственникам. Площадь каждого из этих частных лесов в основном не превышает 100 га, и они, как правило, находятся вдоль основных дорог. Соответственно, эти леса менее пригодны для выпаса оленей по сравнению, например, со стратегически важными зимними пастбищами, указанными авторами сообщения в настоящем деле.

7.8 Авторы оспаривают утверждение государства-участника об "эффективном участии" Комитета пастухов Муоткатунтури и их самих в процессе переговоров. Напротив, по их утверждению, при подготовке государственными лесохозяйственными органами своих планов лесозаготовок никаких переговоров или реальных консультаций с местными саами не проводилось. В лучшем случае Председателя Комитета пастухов Муоткатунтури ставили в известность о таких планах. По мнению авторов, установленные финскими судами факты говорят не в пользу точки зрения государства-участника. Кроме того, саами в целом недовольны тем, как государственные лесохозяйственные органы осуществляют свои полномочия "землевладельцев". 16 декабря 1995 года парламент саами обсудил опыт проведения лесозаготовительными органами государства-участника консультаций с саами по поводу планов лесозаготовок. В принятой резолюции отмечается, в частности, что, "по мнению парламента саами, существующая система консультаций между Центральным лесохозяйственным советом и руководителями оленеводческого хозяйства действует неудовлетворительно".

7.9 В отношении заготовки и транспортировки леса в районе Ангели авторы отмечают, что, даже если согласиться с утверждением государства-участника, "переговоры" были начаты лишь после того, как авторы возбудили судебное разбирательство с целью предотвращения лесозаготовок. Местные саами "случайно узнали" о существующих планах лесозаготовок, по поводу которых авторы сообщения возбудили судебное разбирательство. По утверждению авторов, то, что государство-участник называет "переговорами" с местными оленеводами, является всего лишь приглашением председателей оленеводческих комитетов на ежегодные заседания лесохозяйственного совета, на которых их информируют о краткосрочных планах лесозаготовок. Авторы подчеркивают, что этот процесс не предусматривает никаких реальных консультаций с саами. Они хотели бы оказывать более существенное влияние на процессы принятия решений, касающихся лесозаготовительной деятельности на их территории, и опровергают мнение государства-участника о том, что опыт существующего процесса консультаций якобы является удачным (см. пункт 6.12, выше).

7.10 В связи с заявлением государства-участника о том, что авторы фактически добиваются от Комитета переоценки доказательств, которые уже были тщательно изучены и взвешены местными судами, авторы утверждают, что единственное, чего они добиваются от Комитета, — это толкования статьи 27, а не "переоценки доказательств", как это предполагает правительство. Они отвергают замечания государства-участника о роли национального судьи как неуместные (см. пункт 6.4, выше).

7.11 В отношении замечаний государства-участника, приведенных в пункте 6.7, выше, авторы в основном согласны с теми положениями этих замечаний, которые касаются ответственности правительства за ущемление прав саами и оценки местными судами всей соответствующей деятельности и ее последствий. Они решительно не согласны со вторым положением этих замечаний,

а именно с тем, что согласованные и применяемые меры оказывают лишь ограниченное воздействие. В первом деле Лянсмана Комитет в своей окончательной оценке мог ограничиться уже завершенной деятельностью. Настоящее дело касается не только тех лесозаготовок, которые уже завершены, но и всей будущей лесозаготовительной деятельности в указанном в жалобе географическом районе. Так, зимние пастбища, являющиеся предметом спора в настоящем деле, имеют для местных саами стратегическое значение: лесозаготовки причиняют оленеводству долгосрочный или постоянный ущерб, который сохраняется даже после прекращения самой деятельности. Таким образом, "ограниченное воздействие" добычи камня на горе Риутусваара, лежавшее в основе первого дела 57/, нельзя использовать в качестве критерия для вынесения решения по настоящему делу, в котором негативные последствия, как утверждается, имеют совершенно иные масштабы.

7.12 Точно так же авторы сообщения не согласны с утверждением государства-участника о наличии соответствующего согласования интересов оленеводства и экономической деятельности и отмечают, что, как правило, планы лесозаготовок разрабатывались без участия авторов или местных саами.

7.13 Авторы оспаривают оценку государством-участником воздействия уже осуществленных лесозаготовок на возможность авторов продолжать занятие оленеводством. Они считают, что осуществленные лесозаготовки и, тем более, последующие запланированные лесозаготовки не позволят им продолжать заниматься с пользой для себя оленеводством. Оптимистическая оценка, данная правительством, резко отличается от оценки, данной Апелляционным судом в Рованиеми, который признал, что лесозаготовки могут нанести "значительный" и "долговременный" ущерб местным саами. Однако местные суды не запретили запланированную лесозаготовительную деятельность, поскольку они установили пороговый уровень для применения статьи 27, взяв за основу вынужденный "отказ от занятия оленеводством", а не возможность "продолжать с пользой для себя заниматься оленеводством" 58/.

7.14 В дополнение к вышеизложенному авторы представляют информацию о недавних изменениях, касающихся прав саами в Финляндии. Несмотря на позитивный характер этих изменений в отношении конституционных поправок и официального признания власти парламента саами, они оказались негативными и ненадежными в других отношениях, например в отношении экономического благополучия саами, которые в основном живут за счет оленеводства и связанной с ним деятельности. Авторы далее ссылаются на находящееся на рассмотрении Верховного административного суда Финляндии дело, касающееся прав на разработку месторождений, на которые претендовали финские и иностранные компании на территории саами. Основной правовой основой для административных апелляций, поданных саами по этому делу, была статья 27 Пакта; в решении от 15 мая 1996 года Верховный административный суд отклонил заявки 104 компаний, которые ранее были одобрены министерством торговли и промышленности, и вернул их в министерство для пересмотра. Решение по существу этого дела еще не принято.

7.15 Авторы делают вывод о том, что в целом лесозаготовки, проведенные лесохозяйственными органами государства-участника в указанном в сообщении районе, имели "прямые негативные последствия для авторов и оленеводов саами в районе Ангели и для Комитета пастухов Муоткатунтури в целом". Эти и последующие лесозаготовки, запланированные соответствующими органами государства-участника, вызовут серьезные долгосрочные и даже постоянные негативные последствия для них. По мнению авторов, такой вывод вполне обоснован документально и подтвержден решениями Апелляционного суда в Рованиеми и Верховного суда по этому делу.

8.1 В дополнительных замечаниях от 27 июня 1996 года государство-участник отвергло как необоснованные пояснения авторов, касающиеся так называемой экономической непригодности некоторых участков в районе лесозаготовок. Оно отмечает, что в отношении возможных потерь

57/ См. соображения по сообщению № 511/1992 (И. Лянсман и др. против Финляндии), принятые 26 октября 1994 года.

58/ См. примечание 3, пункт 9.8.

молодняка оленей после суровой зимы 1996 года такие потери обусловлены исключительно поздним наступлением весны и глубоким снежным покровом, который сохранялся необычайно долгое время. Такая ситуация была характерной для всего оленеводческого района, и поскольку потери ожидалась на всей территории этого района, то, соответственно, был увеличен объем дополнительных кормов для оленей. Государство-участник отмечает, что причиной, заставившей сократить поголовье оленей, стали не меры, связанные с лесным хозяйством, а размер оленеводческого хозяйства; постоянное истощение пастбищных районов является общеизвестным фактом. Наконец, государство-участник считает "самоочевидным", что выборочная семенно-лесосечная рубка является более щадящим методом лесозаготовок по сравнению со сплошной лесосечной рубкой.

8.2 В отношении лесозаготовительной деятельности, осуществляемой самими авторами, государство-участник отмечает, что частные землевладельцы обладают самостоятельной властью в вопросах, касающихся лесозаготовок в их собственных лесах. Трудно представить, чтобы собственники оленей занимались лесозаготовкой, если ее последствия для оленеводства и культуры саами были столь пагубными, как это утверждают авторы.

8.3 Государство-участник вновь заявляет, что процессы, с помощью которых ассоциации оленеводов или пастухи участвуют в принятии затрагивающих их решений, являются эффективными. Сам вопрос об "эффективном участии" обсуждался на совещании с участием НЛПС, Ассоциации комитетов оленеводов и различных комитетов оленеводов, которое состоялось 19 февраля 1996 года в Ивало. На этом совещании система переговоров, изложенная государством-участником в его представлении, сделанном на основании пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, была признана полезной. Государство-участник заявляет также, что, вопреки утверждению авторов сообщения, со стороны Комитета пастухов Муоткатунтури не было негативной реакции на планы лесозаготовок, первоначально представленные НЛПС. Государство-участник выражает сожаление по поводу того, что авторы склонны лишь частично ссылаться на его комментарии и замечания, что искажает подлинный смысл замечаний финского правительства.

8.4 В связи с вопросом о воздействии лесозаготовительной деятельности на возможность авторов заниматься оленеводством государство-участник вновь ссылается на мотивировку Апелляционного суда в Рованиеми, который пришел к выводу о недоказанности того факта, что "лесозаготовки на территории, указанной в ходатайстве, и строительство дорог в силу любых других причин, упомянутых [авторами], помешают им совместно с другими членами их группы пользоваться культурой саами путем занятия оленеводством". По мнению государства-участника, такой вывод полностью совместим не только с формулировкой статьи 27 Пакта, но и с пунктами 9.6 и 9.8 соображений Комитета по первому делу Лянсмана: соответственно, эти меры не причиняют такого значительного и долгосрочного вреда, который хотя бы временно помешал авторам продолжать заниматься оленеводством.

9.1 В дополнительных комментариях от 1 июля 1996 года авторы оспаривают некоторые из замечаний государства-участника, приведенных в пункте 8.1, выше. В частности, они оспаривают утверждение правительства о том, что выборочная семенно-лесосечная рубка представляет собой более щадящий способ лесозаготовок по сравнению со сплошной лесосечной рубкой, и заявляют, что в экстремальных климатических условиях района, являющегося предметом спора, так называемая "выборочная рубка", после которой на каждом гектаре остается не более 8—10 деревьев, имеет те же последствия, что и сплошная рубка. Кроме того, негативные последствия для оленеводства являются такими же из-за усиления воздействия ураганов, которые могут повалить оставшиеся деревья.

9.2 Авторы утверждают, что если правительство приводит аргумент о том, что выборочная рубка приводит к более умеренным по сравнению со сплошной рубкой последствиям, то следует сделать единственный вывод о том, что любую дальнейшую лесозаготовительную деятельность в районе, являющемся предметом спора, следует отложить до тех пор, пока не будут получены объективные научные данные о том, что леса в районе, в котором уже проведены лесозаготовки, — районе Пихьярви — восстановлены. Авторы отмечают далее, что в представлении правительства допущена явная ошибка, когда в нем говорится, что "лесозаготовки не затрагивают района зимних пастбищ в

Пихьярви", поскольку район, в котором уже проведены лесозаготовки, даже самой НЛПС именуется "Пихьярви" и находится в районе зимних пастбищ Комитета пастухов Муокатунтури.

9.3 По вопросу об "эффективном участии" авторы заявляют, что совещания, подобные совещанию, состоявшемуся 19 февраля 1996 года, на которое ссылалось государство-участник (см. пункт 8.3, выше), не являются надлежащим механизмом, обеспечивающим эффективное участие. Это подтвердил парламент саами 14 июня 1996 года, когда он вновь заявил об отсутствии удовлетворительного сотрудничества между НЛПС и комитетами оленеводов. Авторы отрицают, что они каким-либо образом исказили содержание предыдущих представлений государства-участника, заключений Апелляционного суда в Рованиеми или соображений Комитета по первому делу Лянсмана.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это требуется положениями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола. Вопрос, который предстоит решить Комитету, заключается в том, являются ли заготовка и транспортировка леса в районе площадью 3 тыс. га на территории Комитета пастухов Муокатунтури (членами которого являются авторы), то есть уже осуществляемая и предстоящая заготовка и транспортировка леса, нарушением прав авторов в соответствии со статьей 27 Пакта.

10.2 Не вызывает сомнения тот факт, что авторы являются представителями меньшинства по смыслу статьи 27 Пакта и в качестве таковых имеют право пользоваться собственной культурой. Не вызывает сомнения и то, что оленеводство является важным элементом их культуры; тот факт, что некоторые из авторов занимаются другими видами экономической деятельности с целью получения дополнительного дохода, не влияет на этот вывод. Комитет напоминает, что экономическая деятельность может подпадать под действие статьи 27, если она является важным элементом культуры какого-либо этнического общества 59/.

10.3 Согласно статье 27, представителю меньшинства нельзя отказывать в его праве пользоваться своей культурой. Меры, которые в силу своего воздействия сводятся к отказу в таком праве, несовместимы с обязательством по статье 27. Однако, как отметил Комитет в своих соображениях по сообщению № 511/1992, меры, которые оказывают определенное ограниченное воздействие на образ жизни и жизненный уклад лиц, принадлежащих к тому или иному меньшинству, не обязательно означают отказа в правах, предусмотренных статьей 27.

10.4 Важнейший вопрос, который предстоит решить в настоящем деле, состоит в том, действительно ли лесозаготовки, уже осуществленные в районе, указанном в сообщении, а также такие лесозаготовки, которые были утверждены на предстоящий период и продлятся несколько лет, имеют такие масштабы, что можно вести речь об отказе авторам в праве пользоваться собственной культурой в данном районе. Комитет ссылается на пункт 7 своего общего замечания по статье 27, согласно которому меньшинства или группы коренного населения имеют право на защиту традиционной деятельности, такой как охота, рыболовство или оленеводство, и необходимы меры, "направленные на обеспечение эффективного участия членов общин меньшинств в принятии решений, которые их затрагивают".

10.5 Тщательно изучив материалы, представленные ему сторонами, и должным образом приняв во внимание тот факт, что между сторонами нет согласия по вопросу о долгосрочном воздействии уже осуществленной и запланированной деятельности в области заготовки и транспортировки леса, Комитет не может сделать вывод о том, что уже осуществляемая, а также запланированная деятельность представляет собой отказ авторам в праве пользоваться своей культурой. Бесспорно, что

59/ Ср. соображения по сообщению № 197/1985 (Кито против Швеции), принятые 27 июля 1988 года, пункт 9.2; по сообщению № 511/1992 (И. Лянсман и др. против Финляндии), принятые 26 октября 1994 года, пункт 9.1.

в процессе разработки планов лесозаготовки с Комитетом пастухов Муоткатунтури, членами которого являются авторы, проводились консультации. В ходе консультаций Комитет пастухов Муоткатунтури не выразил негативного отношения к этим планам. На оценку, данную Комитетом, не влияет тот факт, что этот консультационный процесс признан авторами неудовлетворительным и обладает возможностями для более активного взаимодействия. Отсюда следует, что власти государства-участника при принятии решения, касающегося наиболее подходящих методов ведения лесного хозяйства, то есть методов заготовки и транспортировки леса, выбора районов лесозаготовок и строительства дорог в районах, указанных в жалобе, в действительности взвешивали интересы авторов и общие экономические интересы в этом районе. Внутренние суды конкретно рассматривали вопрос о том, является ли предлагаемая деятельность отказом в правах по смыслу статьи 27. Комитет, исходя из имеющихся у него данных, не может сделать вывод о том, что воздействие планов лесозаготовок окажется столь значительным, что будет представлять собой отказ авторам в их правах, предусмотренных в статье 27, или что в своем решении, подтвержденном Верховным судом, Апелляционный суд в свете имевшихся у него фактов неправильно истолковал и/или неправильно применил статью 27 Пакта.

10.6 В отношении будущей деятельности в области заготовки и транспортировки леса Комитет отмечает, что, по имеющейся у него информации, лесохозяйственные органы государства-участника утвердили планы лесозаготовок, которые, хотя и приведут к увеличению объема работы и дополнительным затратам для авторов и других оленеводов, как представляется, не угрожают самому выживанию оленеводчества. Судя по имеющимся данным, низкая экономическая рентабельность этого вида деятельности объясняется не тем, что государство-участник поощряет другие виды экономической деятельности в данном районе, а иными, внешними, экономическими факторами.

10.7 Комитет считает, что если в районе, являющемся предметом спора, будут утверждены планы лесозаготовок в более крупных масштабах по сравнению с теми, что уже были согласованы на предстоящие годы, или если станет возможным доказать, что воздействие уже запланированных лесозаготовок является более серьезным, чем это можно предположить в настоящее время, то тогда ему, возможно, придется рассмотреть вопрос о том, является ли это нарушением права авторов пользоваться своей культурой по смыслу статьи 27. Из предыдущих сообщений Комитету известно, что в районе проживания народа саами планируются и осуществляются другие крупномасштабные разработки, затрагивающие природную среду, такие как добыча камня. Несмотря на то что в связи с настоящим сообщением Комитет пришел к выводу о том, что факты этого дела не свидетельствуют о нарушении прав авторов, Комитет считает важным отметить, что при принятии мер, затрагивающих права, предусмотренные в статье 27, государство-участник должно учитывать, что, хотя отдельные виды деятельности сами по себе могут не являться нарушением указанной статьи, в совокупности они могут ущемлять право народа саами пользоваться своей культурой.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении статьи 27 Пакта.

Т. Сообщение № 692/1996: А.Р. Дж. против Австралии
(соображения, принятые 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

А.Р. Дж. [представлен адвокатом]

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Австралия

Дата сообщения:

6 февраля 1996 года
(первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 28 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 692/1996, представленного Комитету по правам человека г-ном А.Р. Дж. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является А.Р. Дж., гражданин Исламской Республики Иран, 1968 года рождения, содержащийся в момент представления своего сообщения под стражей в региональной тюрьме в Олбани, Западная Австралия. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 6, статьи 7, пунктов 1, 3 и 7 статьи 14, пункта 1 статьи 15 и статьи 16 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат.

Факты, представленные автором

2.1 Автор являлся членом команды судна Иранской судоходной компании и был арестован 15 декабря 1993 года в Эсперанс, Западная Австралия, за незаконный ввоз двух килограммов смолы каннабиса и владение ими в нарушение статьи 233В (1) Закона о таможене. Он пытался продать каннабис агенту таможенной службы, работавшему под прикрытием. В апреле 1994 года он был приговорен к пяти годам и шести месяцам лишения свободы; суд постановил, что он не может быть освобожден досрочно в течение двух лет и шести месяцев, которые истекли 7 октября 1996 года.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, лорд Колвилль, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Согласно правилу 85 правил процедуры Комитета г-жа Элизабет Эватт не принимала участия в утверждении настоящих соображений.

2.2 13 июня 1994 года автор подал в Департамент по делам иммиграции и этническим вопросам ходатайство о получении статуса беженца и охранного (постоянного) разрешения на въезд. 19 июля 1994 года на уровне первой инстанции он получил отказ в своем ходатайстве от должностного лица, представлявшего министра по делам иммиграции и этническим вопросам. По мнению этого должностного лица, г-ну Дж. в Исламской Республике Иран не угрожала какая-либо реальная опасность преследований, на основании которой можно было бы говорить о применении Конвенции 1951 года о статусе беженцев.

2.3 10 августа 1994 года автор подал заявление о пересмотре этого решения в Суд по рассмотрению дел беженцев. Пересмотр указанного решения еще не был завершен, когда 1 сентября 1994 года вступили в силу изменения, внесенные в действующие в Австралии Закон о миграции и Миграционные правила. Согласно новым правилам ходатайство автора должно было теперь рассматриваться как ходатайство о выдаче охранной визы. 10 ноября 1994 года Суд по рассмотрению дел беженцев подтвердил первоначальное решение от 19 июля 1994 года. Суд постановил, что опасения автора по поводу возвращения в Исламскую Республику Иран основывались на том, что в Австралии он был приговорен по делу, связанному с наркотиками, и что он не выдвинул каких-либо иных аргументов, которые подтверждали бы, что перед ним возникнут серьезные трудности, если ему придется возвратиться в свою страну.

2.4 Суд пришел к следующему заключению: "Суд сочувствует заявителю в том плане, что в случае возвращения последнего в Исламскую Республику Иран он может с большой долей вероятности быть подвергнут чрезвычайно суровому обращению, однако заявитель все же не может считаться беженцем. Заявитель должен испытывать вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований на основаниях, указанных в Конвенции, а именно по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Опасения же, испытываемые заявителем, не вытекают из каких-либо оснований подобного рода... [a] основываются исключительно на факте его осуждения за совершение преступного деяния".

2.5 В начале 1995 года судья Ли распорядился о продлении до 25 мая 1995 года конечного срока подачи автором ходатайства о вынесении приказа относительно пересмотра решения Суда по рассмотрению дел беженцев, а также о том, чтобы исправленное ходатайство, которое было подано 24 мая 1995 года, рассматривалось в качестве такового при пересмотре дела в Федеральном суде Австралии.

2.6 14 ноября 1995 года судья Френч объявил решение Федерального суда Австралии. Это решение содержало вывод, согласно которому автор не смог доказать ошибочность в чем-либо рассуждений Суда по рассмотрению дел беженцев или наличие каких-либо оснований, на которых его можно было бы считать подпадающим под меры защиты, предусмотренные в Конвенции. Несмотря на это, опасность, которой он может подвергнуться по возвращении в Исламскую Республику Иран, дает повод для серьезной озабоченности. В стране, имеющей определенные гуманитарные традиции, нельзя с легкостью игнорировать возможность того, что автор может быть подвергнут несправедливому судебному разбирательству, лишению свободы и пыткам. Федеральный суд, однако, не рассматривал вопрос о том, может ли автор быть возвращен в какую-либо иную страну или можно ли ему разрешить оставаться некоторое время в Австралии на каком-либо ином основании. Федеральный суд должен был выяснить, не допустил ли каких-либо ошибок Суд по рассмотрению дел беженцев, вынося свое решение о неприменимости к автору мер защиты, предусматриваемых в Конвенции о статусе беженцев. Поскольку в данном случае таких ошибок допущено не было, было решено отказать в ходатайстве.

2.7 В свете решения Федерального суда Комиссия по правовой помощи штата Западная Австралия сочла, что дальнейшая апелляция к пленуму Федерального суда Австралии будет бесполезной и что в этом отношении правовой помощи оказывать не следует. И все же автор подал в Комиссию по правовой помощи штата Западная Австралия просьбу сделать представление министру по делам иммиграции и этническим вопросам об осуществлении последним своих дискреционных полномочий по выдаче г-ну Дж. разрешения остаться в Австралии по гуманитарным причинам.

2.8 11 января 1996 года представитель Комиссии по правовой помощи штата Западная Австралия информировал автора о том, что министр не готов осуществить свои дискреционные полномочия, предусмотренные статьей 417 Закона о миграции, чтобы разрешить г-ну Дж. остаться в Австралии по гуманитарным причинам. Тогда адвокат высказал мнение о том, что вряд ли еще что-нибудь может быть сделано в интересах автора.

2.9 Руководство по рекомендациям гуманитарного характера содержит не являющийся исчерпывающим перечень указаний членам Суда по рассмотрению дел беженцев, а также должностному лицу, ответственному за их рассмотрение, или членам иных судов относительно выполнения ими своих рекомендательных функций. В Руководстве предусматривается следующее:

- a) в интересах Австралии как определенного человеческого социума добиваться обеспечения того, чтобы лица, не удовлетворяющие техническим характеристикам определения "беженец", не были возвращены в страны их происхождения, если имеются разумные основания предполагать, что по возвращении их личная безопасность может быть подвергнута серьезной, конкретно на них направленной угрозе;
- b) в интересах общества защита, предоставляемая на гуманитарных основаниях, но вытекающая не из международных обязательств, а из позитивных соображений дискреционного порядка, должна предоставляться лишь тем лицам, которые действительно испытывают в ней острую нужду;
- c) осуществляемая в качестве дискреционной меры выдача разрешений на пребывание в стране по гуманитарным причинам должна ограничиваться лишь исключительными случаями, содержащими элементы угрозы личной безопасности и тяжких человеческих страданий;
- d) процедура установления статуса беженца не должна распространяться на случаи благотворительного характера, касающиеся, в частности, семейных затруднений, экономических тягот или медицинских проблем, которые не связаны с серьезными нарушениями прав человека;
- e) не предполагается рассмотрение ситуаций общего характера, связанных с проведением в других странах различий между отдельными группами или элементами общества;
- f) Руководство должно применяться только по отношению к лицам, обстоятельства и характеристики которых дают им разумные основания полагать, что по возвращении их личная безопасность может быть подвергнута серьезной угрозе в результате целенаправленных действий соответствующих лиц в стране, куда они возвращаются;
- g) для обеспечения того, чтобы предусмотренные в рамках данного процесса средства защиты ограничивались лишь случаями, действительно того требующими, соображения гуманитарного порядка не следует распространять на любое лицо, которое i) имеет возможность отправиться в безопасную для себя третью страну; ii) может впоследствии уменьшить степень предполагаемой опасности, переехав в какой-либо безопасный регион в пределах страны происхождения; или iii) добивается возможности проживания в Австралии главным образом в целях обеспечения для себя более широких социальных, экономических или образовательных возможностей.

2.10 Было заявлено, что дело автора сообщения было также передано для принятия соответствующих мер в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. На момент представления настоящего сообщения в Комитет ответа из Управления еще не последовало.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что Австралия нарушит статью 6, если ему придется возвратиться в Исламскую Республику Иран. Считается установленным фактом, что лица, совершившие преступления, связанные с наркотиками, подлежат юрисдикции исламских революционных трибуналов, и существует реальная возможность того, что автор может подвергнуться преследованию на том основании, что он был признан виновным в совершении преступления, которое имело отношение к иранскому государственному учреждению — а именно к Иранской судоходной компании, служащим которой являлся автор, — и что такое преследование может завершиться назначением высшей меры наказания.

3.2 Заявляется, что вынесение смертных приговоров за совершение преступлений, связанных с наркотиками, является в Исламской Республике Иран обычной практикой. Автор указывает, что смертные приговоры, выносимые исламскими революционными судами по итогам разбирательств, в ходе которых не соблюдаются международные стандарты надлежащей правовой процедуры, нарушают право на жизнь, охраняемое статьей 6, равно как и противоречат положениям второго Факультативного протокола об отмене смертной казни, к которому присоединилась Австралия.

3.3 Автор утверждает, что его депортация в Исламскую Республику Иран является нарушением статьи 7 Пакта, а также статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. И хотя в статье 7 Пакта об этом прямо не говорится, сознательная выдача другому государству заключенного, в отношении которого имеются серьезные основания предполагать, что там он может подвергнуться угрозе пыток, явно противоречит предмету и цели этой статьи. Была сделана ссылка на решение Европейского суда по правам человека в деле Soering v. United Kingdom 60/, а также на решение Государственного совета Франции от 27 февраля 1987 года 61/. В свете информации, которая легко может быть получена из докладов, представленных в Комиссию по правам человека Организации Объединенных Наций, а также из докладов, подготовленных другими правительственными или неправительственными организациями, и с учетом комментариев, сделанных Судом по рассмотрению дел беженцев и судьей Френчем, принудительная репатриация автора в Исламскую Республику Иран может породить проблемы, связанные со статьей 7.

3.4 Утверждается, что если автора депортируют в Исламскую Республику Иран, то тем самым Австралия нарушит статью 14. Правонарушение, в совершении которого автор признан виновным, является по своему характеру преступлением против законов ислама, а исламские революционные трибуналы обладают юрисдикцией в отношении такого рода правонарушений. Считается общепризнанным, что революционные суды не соблюдают международно принятые нормы надлежащей правовой процедуры, что в них не действует право на обжалование и что обвиняемый обычно не представлен адвокатом. Эту точку зрения разделял и член Федерального суда Австралии судья Френч.

3.5 Автор утверждает, что любое преследование, которому в случае его депортации он может подвергнуться в Исламской Республике Иран, будет противоречить пункту 7 статьи 14 Пакта, поскольку над ним нависнет серьезная опасность дважды понести уголовную ответственность за одно и то же преступление. Таким образом, его насильственная депортация на родину будет, по всей видимости, равнозначна соучастию в двойном наказании за одно и то же преступление.

3.6 Далее автор заявляет о возможном нарушении статей 15 и 16 Пакта и пытается это обосновать. От имени своего клиента, которому в любой момент угрожает репатриация в Исламскую Республику Иран, адвокат добивается принятия временных мер защиты, предусмотренных правилом 86 правил процедуры.

60/ Series A No. 161 (1989).

61/ FIDAN's case [1987], Recueil Dalloz — Sirey 305—310.

Представленные государством-участником информация и замечания по вопросу приемлемости и существа сообщения

4.1 В своем представлении от 17 октября 1996 года государство-участник предлагает свои комментарии относительно как приемлемости, так и существа данного дела. В связи с утверждениями автора по поводу статьи 2 государство-участник выдвигает аргумент, согласно которому права, предусмотренные этим положением, являются по своему характеру дополнительными и связаны с другими конкретными правами, закрепленными в Пакте. Оно напоминает о толковании Комитета по поводу обязательств государства-участника, вытекающих из пункта 1 статьи 2, согласно которому, если государство-участник принимает решение, касающееся какого-либо лица, находящегося в пределах его юрисдикции, при этом неизбежным и прогнозируемым следствием такого решения будет нарушение предусмотренных Пактом прав этого лица в пределах какой-либо иной юрисдикции, то государство-участник само может оказаться нарушающим положения Пакта 62/. Однако государство-участник отмечает, что предыдущая практика рассмотрения дел в Комитете касалась случаев, связанных с экстрадицией, тогда как в отношении дела данного автора возникает проблема "неизбежных и прогнозируемых последствий" в контексте выдворения лица, которое было признано виновным в совершении серьезных преступлений, связанных с наркотиками, и не имело никаких юридических оснований для того, чтобы оставаться в Австралии: нельзя утверждать, что повторный судебный процесс по поводу преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, обязательно состоится или что это является целью возвращения г-на Дж. в Исламскую Республику Иран.

4.2 С точки зрения государства-участника, узкое толкование критерия "неизбежных и прогнозируемых последствий" позволяет осуществить такое толкование положений Пакта, которое уравнивает принцип ответственности государства-участника, закрепленный в статье 2 (как она истолкована Комитетом), и право государства-участника на осуществление принадлежащих ему полномочий относительно того, кому предоставлять право на въезд. По мнению государства-участника, такой толковательный подход позволяет сохранить целостность Пакта и избежать ненадлежащего использования Факультативного протокола лицами, въезжающими в Австралию с целью совершения какого-либо преступления и не имеющими реальных юридических оснований для выдвижения требований о предоставлении статуса беженца.

4.3 В том, что касается утверждений автора по поводу статьи 6, государство-участник ссылается на практику Комитета, получившую отражение в соображениях по сообщению № 539/1993 63/, и указывает, что, хотя статья 6 Пакта и не запрещает вынесение смертных приговоров, Австралия, присоединившись ко второму Факультативному протоколу к Пакту, взяла на себя обязательство не подвергать смертной казни ни одно лицо, находящееся в пределах ее юрисдикции, и отменить смертную казнь. Государство-участник выдвигает довод, согласно которому автору не удалось доказать свое утверждение о том, что неизбежным и прогнозируемым последствием его принудительного выдворения из Австралии будет нарушение прав, принадлежащих ему согласно статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункту 1 статьи 1 второго Факультативного протокола; эта сторона дела должна быть объявлена неприемлемой по статье 2 Протокола или отклонена как лишенная существенных оснований.

4.4 Государство-участник приводит ряд других аргументов, которые, по его мнению, свидетельствуют о том, что жизни автора в случае его возвращения в Исламскую Республику Иран не будет угрожать никакая реальная опасность. Во-первых, оно отмечает, что высылка — это не то же самое, что экстрадиция, поскольку экстрадиция производится на основании просьбы одного государства к другому относительно выдачи какого-либо лица для целей судебного преследования или

62/ См. пункт 6.2 соображений по сообщению № 469/1991 (Ч. Нг против Канады), принятых 5 ноября 1993 года, и соображения по сообщению № 470/1991 (Дж. Киндлер против Канады), принятые 30 июля 1993 года.

63/ См. соображения по сообщению № 539/1993 (Кит Кокс против Канады), принятые 31 октября 1994 года, пункт 16.1.

вынесения либо исполнения приговора, связанного с его преступным поведением. В соответствии с этим практически с полной вероятностью можно утверждать, что следствием просьбы об экстрадиции в принимающем государстве будет проведение судебного процесса над соответствующим лицом или исполнение приговора. С другой стороны, нельзя утверждать, что такие последствия обязательно наступят или предусматриваются как результат передачи такого лица в связи с обычной практикой его депортации или выдворения. Как считает государство-участник, когда речь идет о выдворении, решающим является вопрос о том, имеет ли принимающее государство очевидное намерение подвергнуть депортируемое лицо судебному преследованию. В отсутствие очевидного намерения организовывать какое-либо судебное преследование заявления типа тех, которые были выдвинуты автором, являются чисто спекулятивными.

4.5 Продолжая свои рассуждения по поводу утверждений, касающихся статьи 6, государство-участник заявляет, что в отношении автора сообщения постановление об аресте в Исламской Республике Иран не выносилось и что иранские власти никакого особого интереса к автору не проявляют. Поэтому, согласно информации, полученной от посольства Австралии в Тегеране, "...тот факт, что иранцы не добиваются помощи Интерпола по данному делу, является наиболее убедительным свидетельством того, что предполагаемая жертва не будет подвергнута по возвращении аресту или повторному тюремному заключению за совершение преступления, связанного с наркотиками. Эту точку зрения разделяют все посольства западных стран, которым приходилось заниматься подобными делами в недавнем прошлом".

4.6 Государство-участник отмечает, что через свое посольство в Тегеране оно консультировалось относительно конкретных обстоятельств дела, связанных с автором сообщения, с независимым адвокатом, практикующим в Исламской Республике Иран. Суть полученной консультации заключалась в том, что весьма маловероятно, чтобы иранский гражданин, уже отбывающий срок за рубежом за совершение какого-либо преступления (связанного с наркотиками), был подвергнут повторному судебному преследованию и в отношении него был вынесен повторный приговор. Единственная возможность этого относится к случаю, когда наказание, определенное за рубежом, считается иранскими властями чересчур мягким; приговор же о лишении свободы на срок в шесть лет они вряд ли сочтут таковым. Кроме того, как подчеркивает государство-участник, иранское законодательство не предусматривает вынесения смертного приговора за контрабанду двух килограммов смолы каннабиса; напротив, за контрабанду смолы каннабиса в объеме от 500 граммов до 5 килограммов оно предусматривает наказание в виде штрафа в размере 10—40 млн. риалов, 20—74 ударов плетью и 1—5 лет лишения свободы. В том что касается утверждения автора о существовании в Исламской Республике Иран обычной практики вынесения смертных приговоров по делам, связанным с контрабандой наркотиков, государство-участник отмечает, что ссылка на якобы существующую обычную практику вынесения смертных приговоров является недостаточной для подтверждения реальной опасности в тех конкретных обстоятельствах, в которых находится предполагаемая жертва; г-н Дж. не представил никаких доказательств, которые подтверждали бы, что лично ему может угрожать вынесение смертного приговора.

4.7 Расследование обстоятельств дела, проведенное самим государством-участником, не выявило каких-либо подтверждений того, что депортированным лицам, которые были осуждены за совершение преступлений, связанных с наркотиками, угрожает повышенная опасность, связанная с нарушением их права на жизнь. Так, посольство Австралии в Тегеране сообщает, что ему не известно о каких-либо случаях, когда иранские граждане подвергались бы судебному преследованию за совершение такого же или аналогичных преступлений. Согласно информации, полученной австралийским посольством от посольства другой страны, которому приходится заниматься большим количеством случаев, касающихся предоставления убежища, за последние годы это другое посольство имело дело с рядом аналогичных случаев и ни в одном из них лица, депортированные в Исламскую Республику Иран после отбывания тюремного заключения в стране этого посольства, по возвращении не имели проблем с иранскими властями. Как дополнительно сообщает государство-участник, по информации, полученной от других стран, депортировавших осужденных за контрабанду наркотиков иранцев, ни один из них не был подвергнут повторному аресту или привлечен к повторному судебному разбирательству.

4.8 С тем чтобы удостовериться в наличии или отсутствии реальной возможности того, что автору в Исламской Республике Иран может угрожать смертная казнь, государство-участник через свое посольство в Тегеране обратилось за юридической консультацией по вопросу о том, не повысит ли уголовное прошлое г-на Дж. риск привлечения к нему неблагоприятного внимания со стороны местных властей. По результатам полученной юридической консультации это предположение не подтверждается. Была получена дополнительная информация о том, что хотя в 1989 году автор уже подвергнулся аресту за потребление алкоголя и не был допущен к работе на нефтехимическом заводе, это вовсе не означает, что по возвращении в Исламскую Республику Иран он вновь будет подвергнут аресту или привлечет дополнительное неблагоприятное внимание.

4.9 В заключение государство-участник утверждает, что автору не удалось подкрепить доказательствами свое заявление о том, что по его возвращении в страну своего происхождения он может подвергнуться казни без суда. Оно утверждает, что иранские граждане, оказавшиеся в таком же положении, что и автор сообщения, ничуть не рискуют быть подвергнутыми внесудебной казни, пропасть без вести или оказаться без суда в заключении, где к ним могут быть применены пытки.

4.10 В том что касается утверждения автора касательно статьи 7 Пакта, государство-участник признает, что если бы г-на Дж. судили в Исламской Республике Иран, то, согласно исламскому уголовному кодексу, его могли бы приговорить к 20—74 ударам плетью. И все же, по мнению государства-участника, не существует реальной опасности того, что автор, если возвратится в Иран, будет вновь предан суду и получит повторный приговор. А поэтому оно считает данное утверждение необоснованным и несущественным.

4.11 Государство-участник приводит свои возражения, согласно которым утверждение автора о том, что его преследование в одном из исламских революционных судов нарушит его право, предусмотренное пунктом 7 статьи 14 Пакта, несовместимо с положениями Пакта и должно быть объявлено неприемлемым по статье 3 Факультативного протокола. В связи с этим государство-участник — ссылаясь на подготовительные материалы по принятию Пакта и на практику рассмотрения дел в Комитете — заявляет, что пункт 7 статьи 14 не гарантирует *ne bis in dem* в отношении национальных юрисдикций двух или более государств ^{64/}, а считает, что пункт 7 статьи 14 запрещает лишь наложение двойного наказания за одно и то же преступление в каком-либо конкретном государстве.

4.12 Согласно доводам государства-участника, его обязательство в отношении будущих нарушений прав человека каким-либо иным государством возникает лишь в связи со случаями, касающимися возможного нарушения самых основных прав человека, и не возникает в связи с утверждениями г-на Дж. по пунктам 1 и 3 статьи 14. Оно напоминает, что в своей предыдущей работе Комитет ограничивался случаями, когда предполагаемой жертве угрожала экстрадиция и когда жалобы касались нарушения статей 6 и 7. В связи с этим оно ссылается на практику Европейского суда по правам человека в деле *Soering v. United Kingdom*, в котором Суд, установив нарушение статьи 3 Европейской конвенции, все же заявил в отношении статьи 6 ^{65/}, что вопросы, возникающие в связи с этим положением, могут затрагиваться в решении об экстрадиции лишь в порядке исключения, когда лицо страдает или рискует пострадать ввиду явного отказа в надлежащей правовой процедуре в государстве, направившем запрос о его выдаче. В рассматриваемом же деле г-н Дж. утверждает, что ему не будет обеспечена надлежащая правовая процедура, но не приводит никаких доказательств, которые подтверждали бы, что, учитывая обстоятельства его дела, иранские суды наверняка нарушают его права, предусмотренные статьей 14, и что у него не будет никакой возможности противостоять таким нарушениям. Помимо этого, как считает государство-участник, нет никакой реальной опасности того, что право автора на юридическое представительство,

^{64/} Сообщение № 204/1986 (*А. П. против Италии*) объявлено неприемлемым в ходе тридцать первой сессии (2 ноября 1987 года), пункт 7.3.

^{65/} То есть статьи, эквивалентной статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

предусмотренное пунктом 3 статьи 14, будет нарушено. Это возражение государство основывает на заключении, полученном от посольства Австралии в Тегеране, в соответствии с которым:

"Относительно деятельности иранских революционных судов юридическое заключение Посольства состоит в том, что лицо, которому предъявлено обвинение в контрабанде наркотиков, имеет право пользоваться услугами адвоката... Обвиняемый может прибегнуть к услугам либо адвоката, назначенного судом, либо избранного им самим. В последнем случае избранный адвокат должен получить разрешение выступать в революционном суде. Тот факт, что полномочия адвоката утверждаются революционным судом, не нарушает независимости этого адвоката. В условиях существующей в Исламской Республике Иран системы адвокат, который знаком с практикой такого суда и сам известен суду, обычно может добиться для клиента большего. Существует также возможность пересмотра судебного вердикта и приговора в суде более высокой инстанции".

4.13 Что касается заявления автора относительно статьи 15, государство-участник полагает, что это утверждение выходит за сферу применения данного положения, а поэтому должно быть объявлено неприемлемым *ratione materiae* согласно статье 3 Факультативного протокола: хотя, по утверждению г-на Дж., если его будут судить по нормам иранского уголовного права, он будет приговорен к наказанию более строгому, чем то, которое он отбывает в Австралии, но он не поднимает вопрос об обратной силе, а значит, и не возникает вопроса о нарушении статьи 15.

4.14 И наконец, в том что касается заявления автора относительно статьи 16, государство-участник признает автора в качестве субъекта права и признает свою обязанность обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и подчиняющимся его юрисдикции, признаваемые в данном Пакте права. Оно отвергает утверждение автора относительно статьи 16 как лишённое оснований, а значит, и неприемлемое согласно статье 2 Факультативного протокола, или же, другими словами, как лишённое существа.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и вопросов существа

5.1 3 апреля 1996 года данное сообщение было переслано государству-участнику с просьбой представить информацию и замечания относительно приемлемости сообщения. Согласно правилу 86 правил процедуры Комитета государству-участнику было предложено воздержаться от каких-либо действий, которые могли бы привести к принудительной депортации автора в какую-либо страну, где ему может угрожать вынесение смертного приговора. 5 марта 1997 года Генеральный прокурор Австралии направил Председателю Комитета письмо с просьбой о снятии Комитетом своего предложения о применении временных мер защиты согласно правилу 86, указав, что автор был признан виновным в совершении серьезного уголовного преступления после того, как вступил на территорию Австралии с явным намерением совершить преступление. Иммиграционные власти государства-участника рассмотрели ходатайства автора полностью и внимательно. После того как 7 октября 1996 года г-н Дж. обрел потенциальное право на условное освобождение, он, в ожидании депортации, был помещен под иммиграционный арест согласно Закону о миграции 1958 года. Далее Генеральный прокурор указал, что автор будет содержаться под иммиграционным арестом до тех пор, пока Комитет не примет окончательного решения по его заявлениям, и настоятельно призвал Комитет принять решение по заявлениям г-на Дж. в первоочередном порядке.

5.2 На своей пятьдесят девятой сессии в марте 1997 года Комитет рассмотрел просьбу Генерального прокурора и отнесся к ней с вниманием. Он постановил, что с учетом имеющихся в Комитете материалов рекомендация о предоставлении временной защиты должна быть оставлена в силе и что вопрос о приемлемости и вопросы существа дела данного автора должны быть рассмотрены на шестидесятой сессии. Адвокату автора было предложено направить свои замечания относительно представления государства-участника своевременно к шестидесятой сессии Комитета. От адвоката никаких комментариев пока не поступило.

6.1 Комитет высоко оценивает тот факт, что государство-участник, даже оспаривая приемлемость заявлений автора жалобы, представило также информацию и замечания по существу утверждений

автора. Это дает Комитету возможность рассмотреть как вопрос о приемлемости, так и вопросы существа настоящего дела в соответствии с пунктом 1 правила 94 правил процедуры Комитета.

6.2 Согласно пункту 2 правила 94 правил процедуры Комитет не принимает решения относительно существа сообщения, не рассмотрев вопрос о применимости всех оснований приемлемости, указанных в Факультативном протоколе.

6.3 Автор утверждал о нарушениях статей 15 и 16 Пакта. Комитет, однако, отмечает, что в данном деле вопроса о якобы осуществляющемся применении уголовного законодательства в порядке обратной силы (статья 15) не возникает. Отсутствуют также какие-либо указания на то, что государство-участник не признает автора в качестве субъекта права (статья 16). Поэтому Комитет считает данные утверждения неприемлемыми согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Автор утверждал о нарушении пункта 7 статьи 14, поскольку считает, что повторное рассмотрение его дела в иранском суде в случае его депортации в эту страну подвергнет его опасности вторично понести наказание за одно и то же преступление. Комитет напоминает, что пункт 7 статьи 14 Пакта не гарантирует ne bis in idem в отношении национальных юрисдикций двух или более государств: это положение запрещает лишь вторичное привлечение к ответственности за совершение преступления, по которому уже было вынесено судебное решение в каком-либо конкретном государстве 66/. В соответствии с этим данное утверждение является неприемлемым ratione materiae согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимое с положениями Пакта.

6.5 Государство-участник считает, что утверждения автора относительно статей 6 и 7 и пунктов 1 и 3 статьи 14 являются неприемлемыми либо на основании их неподтвержденности, либо потому, что автора нельзя рассматривать в качестве "жертвы" нарушения этих положений по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. Кроме того, оно отвергает эти утверждения как лишённые оснований.

6.6 Мнение Комитета заключается в том, что с точки зрения приемлемости автор недостаточно обосновал свои утверждения относительно статей 6 и 7 и пунктов 1 и 3 статьи 14 Пакта. Что же касается того, станет ли он по смыслу статьи 1 Факультативного протокола "жертвой" нарушений вышеупомянутых положений, если государство-участник депортирует его обратно на родину, то здесь следует напомнить, что и Суд по рассмотрению дел беженцев, и судья Федерального суда Австралии (в своем единоличном решении) сочли вполне реальной опасностью того, что в случае депортации автора в Исламскую Республику Иран он может быть подвергнут чрезвычайно суровому обращению и что такая опасность вызывает серьезную озабоченность. Учитывая эти обстоятельства, Комитет полагает, что с точки зрения приемлемости автор выдвинул весьма состоятельный довод относительно того, что в случае его депортации в Исламскую Республику Иран он станет "жертвой" по смыслу Факультативного протокола и существует реальная опасность того, что в отношении лично него будут нарушены положения Пакта.

6.7 Поэтому Комитет пришел к выводу о том, что сообщение автора является приемлемым в той мере, в какой в нем, судя по всему, поднимаются вопросы, касающиеся статей 6, 7 и пунктов 1 и 3 статьи 14 Пакта.

6.8 Проблемным в данном деле является вопрос о том, будет ли г-н Дж. подвергнут реальной опасности (то есть неизбежному и прогнозируемому последствию) нарушения его прав согласно Пакту в случае его депортации Австралией в Исламскую Республику Иран. Государства-участники должны обеспечивать выполнение всех своих правовых обязательств, которые либо лежат на них согласно нормам внутреннего права, либо вытекают из соглашений с другими государствами, таким образом, чтобы это соответствовало положениям Пакта. В связи с этим имеет значение предусмотренная в пункте 1 статьи 2 Пакта обязанность государств-участников обеспечивать всем находящимся в

66/ См. пункты 7.3 и 8 решения по делу № 204/1986 (А. П. против Италии), объявленному неприемлемым 2 ноября 1987 года.

пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте. Право на жизнь является самым основным из этих прав.

6.9 Если какое-либо государство депортирует то или иное лицо, находящееся в пределах его территории и под его юрисдикцией, при таких обстоятельствах, что в результате возникает реальная опасность нарушения признаваемых в Пакте прав этого лица в пределах какой-либо иной юрисдикции, то такое государство-участник само может оказаться нарушителем положений Пакта.

6.10 В связи с возможными нарушениями статей 6, 7 и 14 Пакта в случае принятия Австралией решения о депортации автора в Исламскую Республику Иран возникают три относящихся к делу вопроса:

- а) Означает ли, что содержащееся в пункте 1 статьи 6 требование об охране права автора на жизнь и факт присоединения Австралии ко второму Факультативному протоколу к Пакту запрещают данному государству-участнику подвергать автора реальной опасности (то есть неизбежному и прогнозируемому последствию) быть приговоренным к смерти и лишиться жизни в обстоятельствах, несовместимых со статьей 6 Пакта, вследствие его депортации в Исламскую Республику Иран?
- б) Означает ли, что требования статьи 7 запрещают государству-участнику подвергать автора неизбежному и прогнозируемому последствию обращения с ним в нарушение статьи 7 в результате его депортации в Исламскую Республику Иран?
- с) Означает ли, что содержащиеся в статье 14 гарантии справедливого судебного разбирательства запрещают Австралии депортировать автора в Исламскую Республику Иран, если в результате такой депортации для него наступит неизбежное и прогнозируемое последствие в виде нарушения гарантий надлежащей правовой процедуры, закрепленных в статье 14?

6.11 Комитет отмечает, что пункт 1 статьи 6 Пакта следует рассматривать вместе с пунктом 2 статьи 6, который не запрещает вынесение смертных приговоров за наиболее тяжкие преступления. Австралия не обвиняет автора в совершении преступления, за которое полагается смертная казнь, но намеревается депортировать его в Исламскую Республику Иран, то есть в государство, где смертная казнь все еще существует. Если в Исламской Республике Иран автору будет угрожать реальная опасность, связанная с нарушением пункта 2 статьи 6, то это будет означать нарушение Австралией своего обязательства, предусмотренного в пункте 1 статьи 6.

6.12 В данном конкретном случае, как замечает Комитет, утверждение г-на Дж. о том, что его депортация в Исламскую Республику Иран будет означать для него "неизбежное и прогнозируемое последствие", выражающееся в нарушении статьи 6, опровергается доказательствами, представленными государством-участником. Во-первых, и это наиболее важно, государство-участник утверждает, что преступление, в совершении которого автор признан виновным в Австралии, не влечет за собой смертной казни по иранскому уголовному праву, максимальный срок тюремного заключения, к которому может быть приговорен автор за контрабанду такого количества каннабиса, за которое он был приговорен в Австралии, может составить пять лет, то есть меньше, чем в Австралии. Во-вторых, государство-участник проинформировало Комитет о том, что Исламская Республика Иран не проявляет никакого намерения подвергать автора аресту и судебному преследованию по обвинению в преступлении, за которое полагается смертная казнь, и что на г-на Дж. в его родной стране постановление об аресте не выписано. В-третьих, государство-участник привело состоятельный аргумент, согласно которому отсутствуют какие-либо прецеденты того, чтобы лицам, находившимся в аналогичной с автором ситуации, предъявлялись обвинения в совершении преступлений, наказуемых смертной казнью, и что в их отношении выносились смертные приговоры.

6.13 Несмотря на то что государства-участники должны помнить о своих обязательствах охранять право на жизнь находящихся под их юрисдикцией лиц при осуществлении своего права депортировать или не депортировать таких лиц, Комитет не считает, что формулировки статьи 6 в обязательном порядке требуют от Австралии воздерживаться от депортации какого-либо лица в то

или иное государство, где сохраняется смертная казнь. Материалы, которыми располагает Комитет, свидетельствуют о том, что как судебные, так и иммиграционные органы, которым приходилось заниматься данным делом, рассмотрели большое количество доводов относительно того, подвергнет ли автора депортация в Исламскую Республику Иран реальной опасности нарушения статьи 6. В свете этих обстоятельств, и особенно учитывая соображения, изложенные в пункте 6.12, выше, Комитет полагает, что Австралия не нарушит права автора, предусмотренные в статье 6, если приведет в исполнение свое решение о его депортации.

6.14 Оценивая в данном конкретном деле возможность того, что автор подвергнется реальной опасности нарушения статьи 7, следует привести соображения, аналогичные приведенным в пункте 6.12, выше. Комитет вовсе не безразлично воспринимает возможность того, что в случае повторного суда и вынесения повторного приговора в Исламской Республике Иран автору может быть назначено наказание в виде 20—74 ударов плетью. Но опасность того, что он подвергнется такому обращению, должна быть реальной, то есть она должна быть неизбежным и прогнозируемым последствием депортации. Согласно информации, представленной государством-участником, нет каких-либо подтверждений реального намерения иранского правительства подвергнуть автора судебному преследованию. Напротив, государство-участник представило подробную информацию по ряду аналогичных случаев депортации, когда судебное преследование в Исламской Республике Иран не возбуждалось. Поэтому приведенный государством-участником довод, согласно которому существует крайне малая вероятность того, что иранские граждане, уже отбывшие за рубежом наказание за преступления, связанные с наркотиками, могут быть повторно привлечены к суду и приговорены к новому наказанию, является достаточным для того, чтобы Комитет мог основывать на нем свою оценку возможности обращения с автором, которое могло бы составить нарушение положений статьи 7. Более того, обращение с автором, которое противоречило бы статье 7, маловероятно также и в свете прецедентов по другим делам о депортации, на которые ссылались государство-участник. На основании таких соображений можно сделать вывод о том, что депортация автора в Исламскую Республику Иран не подвергнет его в качестве неизбежного и прогнозируемого последствия такому обращению, которое противоречило бы статье 7 Пакта, а значит, в случае депортации г-на Дж. Австралия не нарушит статью 7.

6.15 И наконец, в том что касается предполагаемого нарушения пунктов 1 и 3 статьи 14, Комитет принял к сведению довод государства-участника, в соответствии с которым у этого государства возникает обязательство по поводу будущих нарушений прав человека каким-либо иным государством лишь в отношении тех случаев, которые касаются нарушений самых основных прав, но не в отношении возможных нарушений гарантий надлежащей правовой процедуры. С точки зрения Комитета, автор не смог представить существенные доказательства в поддержку своего утверждения о том, что в случае его депортации иранские судебные власти вполне могут нарушить его права, закрепленные в пунктах 1 и 3 статьи 14, и что у него не будет возможности противостоять таким нарушениям. В связи с этим Комитет принимает к сведению представленную государством-участником информацию, согласно которой предусмотрена возможность юридического представительства в трибуналах, в компетенцию которых может входить рассмотрение дела автора в Исламской Республике Иран, а также возможность пересмотра обвинительного вердикта и приговора, которые могут быть вынесены такими судами, в судах более высоких инстанций. Комитет напоминает о том, что не существует никаких подтверждений того, что в случае возвращения г-на Дж. в Исламскую Республику Иран он будет подвергнут судебному преследованию. Поэтому нельзя утверждать, что неизбежным и прогнозируемым последствием его депортации в Исламскую Республику Иран будет нарушение его прав, закрепленных в пунктах 1 и 3 статьи 14 Пакта.

7. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, не свидетельствуют о каких-либо нарушениях Австралией ни одного из положений Пакта.

У. Сообщение № 696/1996: Питер Блейн против Ямайки
(соображения, принятые 17 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Питером Блейном [представлен лондонской адвокатской фирмой "Аллен и Овери"]

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Ямайка

Дата сообщения:

3 мая 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 17 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 696/1996, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Питера Блейна в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является Питер Блейн, гражданин Ямайки, 27 лет, ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в окружной тюрьме Св. Екатерины на Ямайке. Он утверждает, что является жертвой нарушений Ямайкой статьи 7, пункта 2 статьи 9, пунктов 1, 2 и подпунктов а), b) и e) пункта 3, а также пункта 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор представлен лондонской адвокатской фирмой "Аллен и Овери".

Представленные факты

2.1 14 октября 1994 года автор и его обвиняемый Невиль Льюис 67/ были признаны виновными в убийстве г-на Хиггса и приговорены к смертной казни районным судом Кингстона. Поданная ими апелляция была отклонена Апелляционным судом Ямайки 31 июля 1995 года; в специальном разрешении на подачу апелляции Судебный комитет Тайного совета отказал 2 мая

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Текст особого мнения члена Комитета г-на Мартина Шейнина прилагается к настоящему документу.

67/ Сообщение Невилля Льюиса в Комитет по правам человека зарегистрировано как сообщение № 708/1996.

1996 года. Тем самым, как утверждается, были исчерпаны доступные внутренние средства правовой защиты.

2.2 В ходе судебного разбирательства версия обвинения состояла в том, что покойный, который 18 октября 1992 года спрашивал на перекрестке, как ему проехать в нужное место, подвез на своем автомобиле автора сообщения и его обвиняемого. Затем этот автомобиль видели 19 октября 1992 года, причем за рулем сидел обвиняемый, а автор сообщения и два других лица находились в нем в качестве пассажиров. Тело покойного было обнаружено 22 октября 1992 года в заболоченном озере; руки и ноги его были связаны кусками серой ткани, а еще один кусок ткани был обмотан вокруг шеи. Согласно выводу судебного патологоанатома, причиной смерти стало удушение удавкой.

2.3 На суде обвинение настаивало на приобщении к делу заявления, сделанного автором после предупреждения о том, что все им сказанное может быть использовано против него, и это заявление, как утверждало обвинение, автор сделал полиции добровольно 21 июля 1994 года. По вопросу о приемлемости этого заявления, сделанного после предупреждения, было проведено специальное заседание суда; при этом обвинение опиралось на показания суперинтенданта-детектива Джонсона, возглавлявшего следствие по делу об убийстве, суперинтенданта Реджинальда Гранта 68/ и инспектора Райта, который производил арест. В ходе вышеуказанного специального заседания г-н Джонсон показал, что такое заявление было сделано автором добровольно, что инспектор Райт не принуждал к нему автора и что за представление такого заявления никаких поблажек автору не обещали. Инспектор Райт показал, что, когда автор делал это заявление, самого инспектора в комнате не было и что ранее он не применял насилия к автору.

2.4 Помимо этого в ходе специального заседания сестра автора показала, что она пришла в полицейский участок 21 июля 1994 года; инспектор У. Грант 69/ сказал ей, что брат не желает делать никаких заявлений; она сказала автору, что будет лучше, если он сделает соответствующее заявление полиции, автор сказал ей, что от одного из полицейских ему "очень крепко досталось". По завершении этого специального заседания судья отклонил заявление адвоката о том, что обвинению не удалось доказать вне всяких разумных сомнений факт добровольного представления автором данного заявления.

2.5 В заявлении, которое автор сделал после предупреждения об ответственности за все данные им показания и которое обвинение использовало на суде в качестве доказательства, указывалось, что автор и его обвиняемый находились вместе с водителем в автомобиле, когда подобрали по пути двух приятелей обвиняемого. Когда автомобиль остановился, один из приятелей обвиняемого стал грабить водителя, угрожая тому пистолетом. После этого они засунули водителя в багажник автомобиля, но потом вынули его оттуда и связали. Затем они достали шнур от сумки для гольфа и обвязали им шею г-на Хиггса. После этого автор с одним из приятелей затянули шнур и задушили г-на Хиггса. Позже они утопили его в заболоченном озере.

2.6 Сообвиняемый автора дал на суде показания под присягой, из которых следовало, что зачинщиком этого преступления был автор и на нем лежит основная ответственность за удушение покойного и утопление тела в заболоченном озере Алкан.

2.7 Автор в ходе судебного разбирательства сделал заявление со скамьи подсудимых о том, что в автомобиле находились он, г-н Хиггс, его обвиняемый и два других их приятеля; что один из этих приятелей достал нож и приставил его к горлу г-на Хиггса и что г-н Хиггс пустился бежать, преследуемый ими. Автор заявил, что сам он оставался в автомобиле и что некоторое время спустя возвратился его обвиняемый, обозвал его "желторотым птенцом" и они вдвоем тронулись с места. Он сказал, что именно так заявлял в полиции и раньше.

68/ Не путать с инспектором У. Грантом.

69/ Не путать с суперинтендантом Реджинальдом Грантом.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что имело место нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10, так как его на протяжении примерно двух недель неоднократно избивали сотрудники полиции в различных полицейских участках. Однажды автора, по его утверждению, привели в помещение, где находилось шесть полицейских. Там его пинали ногами в живот и били по ступням ног, в другой раз его избili до потери сознания. Когда он потребовал медицинской помощи, ему сказали, что врача он увидит лишь после того, как подпишет несколько чистых листов бумаги. Когда он отказался сделать это, его избili вновь. В конце концов, не вынеся побоев, он подписал несколько чистых листов бумаги.

3.2 Автор также утверждает, что сделал заявление полиции потому, что сестра сказала ему, что так будет лучше.

3.3 Далее автор считает, что статья 7 и пункт 1 статьи 10 были нарушены также и потому, что в течение трех месяцев с момента представления ему обвинения и до начала судебного процесса его содержали в тесной камере вместе с по меньшей мере шестью другими заключенными. По его утверждениям, ему пришлось спать на полу, подстелив газеты.

3.4 Согласно заявлению адвоката, автору было предъявлено официальное обвинение в убийстве 21 или 22 июля 1994 года, то есть примерно две недели спустя после его ареста полицией. Утверждается, что это представляет собой нарушение пункта 2 статьи 9 и подпункта а) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.5 Автор жалуется на то, что его адвокат первый раз пришел к нему в общую тюрьму в Кингстоне только через два месяца. Как считает автор, встреча с адвокатом была короткой и после простого ознакомления адвоката отозвали по телефону. В следующий раз автор встретился с адвокатом на предварительном слушании. Он добавляет, что со времени предварительного слушания и до начала судебного процесса он больше не видел адвоката. В результате этого, как утверждает, автор не имел возможности надлежащим образом подготовиться к своей защите и, в частности, не мог посоветоваться с адвокатом о том, какие доказательства запросить и каких свидетелей вызвать от своего имени. Все это, как утверждает, явилось нарушением подпункта б) пункта 3 статьи 14.

3.6 Далее автор утверждает, будто в полиции ему подсказывали, что нужно говорить в ходе процесса, и именно это он повторил, выступая на суде с заявлением не под присягой со скамьи подсудимых. Согласно его утверждениям, он не имел возможности обсудить данный момент со своим адвокатом.

3.7 Помимо этого автор заявляет о нарушении подпункта е) пункта 3 статьи 14, которое связано с тем, что он хотел, чтобы его адвокат вызвал в качестве свидетеля девушку, с которой он в то время совместно проживал. По неизвестным причинам этот свидетель по его поручению не был вызван в суд.

3.8 Автор утверждает, что имело место нарушение пунктов 1 и 2 статьи 14, так как его дело полностью и во всех подробностях освещалось по радио, телевидению и в прочих средствах массовой информации еще до начала судебного процесса. Он настаивает на том, что освещение его дела в средствах массовой информации было для него весьма неблагоприятным и, очевидно, повлияло на мнение присяжных заседателей. А поэтому он считает, что не была обеспечена презумпция невиновности; более того, по причине неблагоприятного освещения в прессе, которое имело место до начала судебного разбирательства, автор потребовал удалить прессу из зала суда, но в этом требовании ему отказали.

3.9 Утверждается, что принятие судьей, ведшим процесс, в качестве доказательства заявления, сделанного автором после предупреждения об ответственности за данные показания, нарушило его право на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14. В этой связи автор утверждает, что: а) это заявление им было сделано не добровольно; б) при представлении этого заявления мировой судья не присутствовал; с) автора склонила к такому заявлению его сестра,

которой, в свою очередь, это рекомендовали несколько сотрудников полиции, говоря, что так "будет лучше"; и d) его арестовали 12 июля 1994 года, но тогда ему обвинения в убийстве не предъявили, хотя суперинтендант-детектив Джонсон свидетельствовал на суде, что на момент ареста для предъявления автору обвинения имелись достаточные доказательства. Адвокат подчеркивает, что тот факт, что автору не предъявили обвинение именно тогда, явился нарушением Судейских правил, а эти Правила являются весьма четкими и не позволяют полиции допускать задержки в предъявлении обвиняемым обвинений с целью доработки имеющихся доказательств. Как утверждается, это подкрепляет версию защиты, согласно которой данное заявление не было сделано добровольно.

3.10 Далее адвокат приводит довод, в соответствии с которым ведущий процесс судья обязан был изложить причины, по которым он решил считать заявление, сделанное после предупреждения об ответственности за показания, приемлемым для суда доказательством, и те основания, которые судья фактически привел, были недостаточными с точки зрения выполнения этой его обязанности. Адвокат также считает, что обвинение не смогло вынести бремя доказывания и доказать вне всяких разумных сомнений, что это заявление было сделано автором добровольно. В связи с этим адвокат жалуется на то, что инспектора Райта вызвали на специальное судебное заседание, тогда как инспектора Гранта — нет.

3.11 Автор также утверждает о якобы допущенном нарушении статьи 14 в плане рассмотрения поданной им апелляции. В соответствии с его заявлением на специальном судебном заседании он дал показания под присягой, но в протоколах судебных заседаний запись о них отсутствует и складывается такое впечатление, будто он показаний под присягой не давал вообще. Следовательно, как утверждается, автор был лишен права на то, чтобы его представитель продолжал процедуру обжалования и чтобы суд мог рассмотреть его апелляцию, основываясь на полном отчете обо всех показаниях и материалах, фигурировавших в ходе разбирательства.

3.12 Представлено также заявление о том, что данное дело ранее не передавалось в какую-либо иную инстанцию международного разбирательства или урегулирования.

Представление государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В своем представлении от 12 июля 1996 года государство-участник в целях ускорения процедуры поднимает вопрос о приемлемости сообщения, а также вопрос о существовании сообщения.

4.2 Касаясь утверждения автора о том, что после ареста его избивали, государство-участник отрицает факт нарушения Пакта. Оно ссылается на материалы проведенного в ходе процесса специального судебного заседания, по результатам которого судья не обнаружил никаких доказательств того, что заявление было сделано автором не добровольно, и указывает на то, что автор не представил никаких дополнительных доказательств, которые подтверждали бы это его утверждение.

4.3 В отношении утверждения автора о том, что заявление, сделанное им после предупреждения об ответственности за данные показания, было произвольно приобщено к делу судьей, государство-участник считает, что этот вопрос является вопросом фактов и доказательств и его, согласно практике рассмотрения дел в Комитете, следует оставить на усмотрение апелляционных судов. Государство-участник подчеркивает, что Апелляционный суд этот вопрос рассмотрел и никаких ошибок не обнаружил.

4.4 Что касается утверждения автора о том, что обвинение не вызвало инспектора Гранта в качестве свидетеля на проводившееся специальное судебное заседание, то, с точки зрения государства-участника, это не является нарушением Пакта. Государство-участник выдвигает довод, согласно которому защита могла воспользоваться своим правом на вызов требуемого ей свидетеля, когда стало ясно, что обвинение вызывать его не собирается.

4.5 По поводу утверждения автора о том, что в ходе специального судебного заседания он дал показания под присягой, но они не были занесены в протокол и это привело к нарушению его права

на обжалование, государство-участник заявляет, что изучит этот вопрос, но тут же добавляет, что в силу необычного характера данного утверждения оно хотело бы получить более точный отчет о тех обстоятельствах, при которых показания не были зарегистрированы в протоколе.

4.6 Более того, государство-участник не обязательно согласно с тем, что факт незанесения показаний в протокол судебного разбирательства составляет нарушение права автора на обжалование. Оно полагает, что такое нарушение могло иметь место лишь в том случае, когда незарегистрированные показания были бы такого рода, что, в случае ознакомления с ними Апелляционного суда, по делу было бы принято иное решение.

4.7 В связи с жалобой автора на то, как его дело освещалось в средствах массовой информации, государство-участник отмечает, что в судах Ямайки этот вопрос не поднимался и что по этой причине данная часть сообщения является неприемлемой на том основании, что не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

4.8 Что же касается жалоб автора в отношении адвоката, представлявшего его на процессе, государство-участник полагает, что государство нельзя винить в том, как тот или иной адвокат ведет дело, независимо от того, избирается ли этот адвокат частным путем или же назначается государством.

5.1 Отвечая на представление государства-участника, адвокат заявляет, что лицу, являющемуся жертвой пыток либо жестокого, бесчеловечного или унижающего его достоинство обращения, трудно подкреплять свои утверждения доказательствами из опасений репрессий и по причине отсутствия свидетелей, а также потому, что сотрудники полиции обычно защищают себя в коллективном порядке, поскольку речь идет о репутации полиции в целом. Адвокат обращает внимание Комитета на следующие факты, которые могут подтвердить утверждение автора о том, что до предъявления обвинения он подвергался в полиции побоям: обвинение ему предъявили по истечении двух недель содержания под стражей; инспектора Гранта на специальное судебное заседание не вызывали; сестра автора дала показания, согласно которым инспектор Грант сказал ей, что для автора будет лучше, если он сделает соответствующее заявление; а также были даны противоречивые показания о том, когда заявителю было предъявлено официальное обвинение — 21 или 22 июля 1994 года, то есть в тот день, когда он сделал заявление после предупреждения об ответственности за показания, или же днем позже. Утверждается также, что на специальном судебном заседании инспектор Райт дал неполные показания, заявив, что он предъявил автору обвинение 22 июля, в то время как перед присяжными он сказал, что, хотя документ о предъявлении обвинения он оформил 22 июля, в устной форме обвинение автору он предъявил 21 июля. Помимо этого адвокат напоминает о том, что в соответствии с общепринятой практикой рассмотрения дел Комитет может составить свою точку зрения на основе фактов, против которых не поступило возражений со стороны государства-участника.

5.2 Адвокат утверждает, что факт невызова инспектора Гранта в качестве свидетеля является грубым нарушением с точки зрения справедливого судебного разбирательства по уголовному делу, возбужденному в отношении автора.

5.3 Адвокат не приводит какой-либо дополнительной информации по поводу утверждения автора о том, что показания, данные им под присягой на специальном судебном заседании, не были зарегистрированы, но заявляет, что Апелляционный суд вполне мог бы прийти и к иному выводу относительно добровольности заявления, сделанного автором после предупреждения об ответственности за данные показания, если бы эти показания автора были суду представлены. Адвокат полагает, что контрольным в этом деле должен считаться вопрос о том, не привело ли данное упущение к возможности того, что процесс над автором не был справедливым.

5.4 По мнению адвоката, когда речь идет о нарушении одного из основных прав и когда существует возможность того, что тем самым нарушается какое-либо право того или иного лица, Комитет должен принять в свою юрисдикцию рассмотрение вопроса о правильности приобщения к материалам судебного процесса заявления, сделанного после предупреждения об ответственности за показания.

5.5 Что касается довода государства-участника, в соответствии с которым автором не были исчерпаны все внутренние средства судебной защиты, касающиеся досудебного освещения дела, адвокат заявляет, что ему не известны случаи, когда бы на Ямайке суды приостанавливали или прекращали рассмотрение дел по причине их неблагоприятного освещения в печати. Адвокат полагает, что после того, как ведущий процесс судья отказал в ходатайстве автора об удалении прессы из зала суда, уже не оставалось никаких эффективных средств правовой защиты.

5.6 По вопросу о подготовке защиты адвокат отмечает, что правовая помощь, предоставляемая государством-участником, находится на таком низком уровне, что дела, чреватые вынесением смертных приговоров, чаще всего берут неопытные адвокаты и что по причине низких гонораров адвокаты почти всегда сокращают время на подготовку судебных дел. Адвокат также указывает, что государство-участник так и не установило, как на самом деле адвокат вел себя по отношению к автору жалобы.

Решение о приемлемости и рассмотрение вопросов существа

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо из утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, принять решение по вопросу о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет установил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что, с точки зрения государства-участника, заявление автора о том, что освещение его дела в средствах массовой информации настроило присяжных против него, является неприемлемым на том основании, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет указывает на то, что этот вопрос в ходе судебного разбирательства ни автором, ни его адвокатом не поднимался. По этой причине Комитет считает данную часть сообщения неприемлемой.

6.4 В отношении утверждения автора о том, что он лишь однажды накоротке встретился со своим адвокатом до предварительного слушания и что у него не было времени надлежащим образом подготовиться к своей защите, Комитет отмечает, что ни автор, ни его адвокат на первоначальном этапе судебного разбирательства продлить время на подготовку защиты не требовали. Поэтому данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 В том что касается утверждения автора, согласно которому его адвокат не вызвал подругу автора в качестве свидетеля в суд, Комитет полагает, что государство-участник не может нести ответственности за ошибки, якобы допущенные адвокатом защиты, если только для судьи не было очевидно, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия. В данном же деле нет оснований полагать, что адвокат не поступал по своему наилучшему разумению, и данная часть сообщения объявляется поэтому неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.6 В связи с утверждением автора о том, что принятие судьей заявления, сделанного автором после предупреждения за данные показания, в качестве доказательства является нарушением пункта 1 статьи 14 на том основании, что обвинением не было доказано, что это заявление было сделано добровольно, Комитет отмечает, что данное утверждение относится к области оценки фактов и доказательств судьей. Ссылаясь на свою предыдущую практику рассмотрения дел, Комитет еще раз заявляет, что вопрос о том, как были оценены факты и доказательства, обычно надлежит рассматривать не Комитету, а апелляционным судам государств-участников. Имеющиеся в распоряжении Комитета материалы не свидетельствуют о том, что решение, принятое ведущим процесс судьей, было произвольным или равнозначным отказу в правосудии. Следовательно, данная часть сообщения является неприемлемой, поскольку, согласно статье 3 Факультативного протокола, она несовместима с положениями Пакта.

6.7 В отношении утверждения автора о том, что на специальном судебном заседании им были даны показания под присягой, которые зарегистрированы не были, Комитет принимает к сведению, что государство-участник предложило расследовать это утверждение, но запросило конкретизировать информацию относительно обстоятельств дела. Комитет отклоняет утверждение государства-участника, согласно которому дополнительную информацию должны представить автор или его адвокат, и выражает сожаление по поводу отсутствия информации о результатах — если таковые вообще имели место, — полученных по итогам обещанного государством-участником расследования. Несмотря на это, Комитет отмечает, что на основании протоколов разбирательства дела в суде можно сделать вывод о том, что специальное судебное заседание носило, по всей видимости, всесторонний характер. Для Комитета остается неясным, могла ли какая-либо часть этого заседания быть из протоколов исключена. В сложившихся обстоятельствах Комитет полагает, что ни автор, ни его адвокат достаточным образом свое утверждение не подкрепили и что, следовательно, эта часть сообщения является неприемлемой в соответствии с пунктом 2 Факультативного протокола.

6.8 Комитет принимает к сведению, что в целях ускорения процедуры государство-участник направило свои замечания по существу сообщения. Адвокат не выдвинул никаких возражений против рассмотрения вопросов существа на данной стадии рассмотрения дела.

7. В соответствии с этим Комитет объявляет остальные утверждения автора приемлемыми и без дальнейших задержек приступает к рассмотрению существа этих утверждений в свете всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 Автор утверждает, что официальное обвинение ему предъявили лишь спустя две недели после ареста, хотя сотрудники полиции показывали на суде, что имелось достаточно доказательств, на основании которых ему можно было предъявить обвинение. Комитет замечает, что, как по всей видимости вытекает из протоколов судебного разбирательства, в ходе перекрестного допроса суперинтендант Джонсон дал показания, согласно которым до 21 июля обвинение автору не предъявлялось, поскольку свидетель не знал точного имени автора, и в связи с этим 21 июля 1994 года было проведено опознание, на котором свидетель смог указать на автора. После того как свидетель указал на автора, последнему было предъявлено официальное обвинение. В данных обстоятельствах Комитет считает, что имеющиеся в его распоряжении факты не подтверждают нарушения пункта 2 статьи 9 и подпункта а) пункта 3 статьи 14.

8.2 В связи с утверждением автора о том, что он подвергался побоям с целью заставить его подписать признательные показания, Комитет отмечает, что это утверждение рассматривалось судьей и присяжными в ходе судебного разбирательства и было ими отклонено. Далее Комитет отмечает, что в своем заявлении, сделанном на суде со скамьи подсудимых, автор никоим образом не упоминал об избиении сотрудниками полиции. Хотя этот вопрос и поднимался в порядке обжалования, адвокат на нем не настаивал и суд не считал его существенным. Вывод Комитета состоит в том, что имеющаяся у него информация не позволяет принять решение о нарушении статей 7 и 10 Пакта.

8.3 В том что касается утверждения автора, согласно которому факт невызова обвинением инспектора Гранта в качестве свидетеля нарушил право автора на справедливое судебное разбирательство, Комитет отмечает, что если бы показания инспектора Гранта имели для обвиняемого существенно важное значение, его адвокат мог бы обратиться к судье с просьбой о вызове Гранта в суд. Судья по протоколу судебного разбирательства, адвокат этого не сделал. В сложившихся обстоятельствах факты, имеющиеся в распоряжении Комитета, не подтверждают нарушения пункта 1 или подпункта е) пункта 3 статьи 14.

8.4 Государство-участник не оспаривает утверждение автора о том, что он содержался в тесной камере вместе с шестью другими заключенными в течение трех месяцев с момента предъявления обвинения и до начала судебного разбирательства и что ему приходилось спать на полу, подстелив газеты. В отсутствие какого-либо ответа от государства-участника Комитет находит, что условия досудебного заключения, описанные автором, представляют собой нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта.

9. На основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет по правам человека считает, что имеющиеся в его распоряжении факты подтверждают нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта.

10. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективную правовую защиту с последующей компенсацией. Государство-участник обязано обеспечить недопущение аналогичных нарушений в будущем.

11. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, а также эффективное и гарантированное средство правовой защиты в том случае, если какое-либо нарушение установлено, Комитет обращается к государству-участнику с просьбой предоставить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в связи с настоящими соображениями Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета г-на Мартина Шейнина (несовпадающее)

[Подлинный текст на английском языке]

Я выражаю свое несогласие с решением Комитета о совместном рассмотрении вопроса приемлемости и вопросов существа настоящего дела. Тот факт, что государство-участник затронуло оба эти аспекта в своем представлении от 12 июля 1994 года и что адвокат заявителя представил подробные комментарии по существу дела, соответствует действительности. И все же адвокату заявителя никто прямо не предлагал представить свои комментарии по существу самого дела. Основываясь на тексте Факультативного протокола и опубликованном варианте текста правил процедуры Комитета, адвокат имел основания полагать, что у него еще будет возможность выступить по вопросам существа данного дела.

Выражаемая озабоченность усугубляется тем фактом, что рассматриваемое дело касается смертной казни и что государство-участник не ответило на жалобу автора, официально поданную согласно пункту 2 статьи 9 Пакта, но затрагивающую также вопросы, относящиеся к пункту 3 указанной статьи. Если бы при объявлении дела приемлемым был прояснен вопрос о том, был ли и когда автор доставлен в суд после предварительного заключения в полиции "12 или примерно 12 июля 1994 года" и сторонам было бы предложено представить новые материалы, то тем самым можно было бы пролить больше света на утверждения автора, касающиеся статей 7 и 10.

V. Сообщение № 702/1996: Клиффорд Маклоуренс против Ямайки (соображения, принятые 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Клиффордом Маклоуренсом

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Ямайка

Дата сообщения:

26 апреля 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 702/1996, представленного Комитету по правам человека г-ном Клиффордом Маклоуренсом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Клиффорд Маклоуренс, гражданин Ямайки, ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в окружной тюрьме Св. Екатерины, Спаниш-Таун, Ямайка. Он утверждает, что является жертвой нарушений со стороны Ямайки статей 6 и 7, пунктов 1—4 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 10, пункта 1, подпунктов а), b), с), d) и е) пункта 3 и пункта 5 статьи 14, а также статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Первоначально интересы автора представлял адвокат. После представления своего первоначального сообщения 26 апреля 1996 года автор отказался от услуг одной из адвокатских фирм со штаб-квартирой в Лондоне, которая сначала согласилась представлять его интересы; другая адвокатская фирма со штаб-квартирой в Лондоне согласилась принять его дело, но впоследствии автор отказался от услуг и этой фирмы.

Представленные факты

2.1 Автор был обвинен в убийстве Хоуп Рид 8 июля 1991 года на территории округа Сент-Эндрюс. В ходе судебного разбирательства в районном суде Кингстона, Ямайка, проходившем с 9 по 25 ноября 1992 года, он был признан виновным согласно предъявленному ему обвинению и 25 ноября 1992 года приговорен к смертной казни. По Закону (с поправками) о преступлениях против личности 1992 года автор попадает в разряд лиц, совершивших преступление, наказуемое смертной казнью. 30 ноября

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

1992 года он подал ходатайство о предоставлении ему разрешения на апелляцию; Апелляционный суд Ямайки рассматривал его апелляцию 14—17 марта 1995 года и отклонил ее 26 июня 1995 года. После этого автор подал ходатайство о специальном разрешении на апелляцию в Судебный комитет Тайного совета; Судебный комитет рассмотрел это ходатайство 28 марта 1996 года и отклонил его без объяснения причин. Тем самым, как утверждается, были исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

2.2 36-летняя банкирша г-жа Хоуп Рид была задушена электрическим проводом в ночь с 7 на 8 июля 1991 года; ее тело обнаружила служанка около 7 часов утра 8 июля. В это время ее муж и дети находились за рубежом. Из дома пропали телевизор и видеомэгафон, а когда было обнаружено тело, то выяснилось, что похищен и автомобиль.

2.3 В ходе судебного разбирательства обвинение основывалось главным образом на трех источниках доказательств: а) свидетельских показаниях двух лиц, у которых обнаружили похищенные из дома жертвы вещи и которые заявили, что эти вещи они получили от автора (каждому из них было предъявлено обвинение в хранении похищенного, но затем эти обвинения были сняты в обмен на свидетельские показания на суде в поддержку обвинения); б) признание, которое якобы было сделано и подписано г-ном Маклоуренсом; и с) доказательном материале в виде отпечатков пальцев, которые якобы были сняты со стабилизатора напряжения в доме жертвы и которые якобы совпадали с отпечатками пальцев автора. Версия защиты состояла в том, что автор не делал ни признания, ни какого-либо иного заявления; по мнению защиты, такое признание было скорее всего сделано другим лицом, а именно неким Хорасом Бекфордом, которого полиция арестовала на следующий день после убийства, но отпустила на свободу, не предъявив ему никаких обвинений.

2.4 Автор жалуется, что ввиду того, что его юридическому представителю не была обеспечена возможность подвергнуть Хораса Бекфорда перекрестному допросу или приобщить к доказательствам заявление, сделанное Бекфордом ранее, из дела была устранена существенная часть материалов, которые могли бы подтвердить версию защиты. Более того, несмотря на то что автор постоянно отрицал факт своего признания, из обвинительного вердикта присяжных, вынесенного всего через семь минут совещания, можно было сделать вывод о том, что, по убеждению присяжных, признание сделал именно он. Поскольку, как утверждает автор, в то время, когда им якобы было сделано заявление о признании, в полиции к нему применяли насилие, он считает, что ведший процесс судья должен был бы рассмотреть вопрос о том, было ли сделано такое признание добровольно, и вынести соответствующее решение о его приемлемости. Кроме того, он утверждает, что для дачи показаний не были вызваны два свидетеля, которые могли бы подтвердить его алиби.

2.5 В том что касается обжалования, адвокат автора привел для него немало оснований. Самые важные из них, о которых автор сам упоминает в своих письменных сообщениях в Комитет, касаются того, что ведший процесс судья действовал неправильно, когда представил присяжным вопрос о подлинности (предполагаемого) подписанного заявления о признании как вопрос факта. Адвокат возражал, что, поскольку, как утверждал г-н Маклоуренс, в то время, когда, согласно обвинению, было сделано такое признание, он подвергался в полиции побоям, вопрос о добровольности признания был тем существенным вопросом, который судья и должен был выяснить. Более того, по мнению адвоката, судья не предупредил присяжных о возможности ошибки при сравнении отпечатков пальцев ввиду недостаточного характера такого доказательного материала.

2.6 Апелляционный суд отклонил ходатайство об обжаловании на том основании, что ведший процесс судья не совершил ошибки, прекратив специальное судебное заседание, на котором должен был быть рассмотрен вопрос о добровольности якобы сделанного признания, поскольку обвиняемый прямо заявил о том, что никогда такого признания не делал, и поэтому вопрос о добровольности не возникал, а вопрос о подлинности признания был вопросом факта, решать который должны были присяжные. Он также счел, что судья дал правильные инструкции присяжным относительно того, как следует рассматривать доказательный материал в виде отпечатков пальцев.

2.7 И наконец, в Судебном комитете Тайного совета было заявлено, что основными причинами подачи апелляции было то, что ведший процесс судья действовал неправильно, когда распорядился о

прекращении созванного специального судебного заседания, и что он должен был вынести соответствующее решение по вопросу о приемлемости признания, которое якобы сделал автор. Не излагая мотивов своего решения, Тайный совет эту апелляцию отклонил.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что статья 7 Пакта была нарушена ввиду того, что он находился в камере смертников долгое время, то есть с 25 ноября 1992 года, и при этом ссылается, в частности, на "ужасающие условия, в которых приходится страдать тем, кто содержится в отделении для приговоренных к смертной казни окружной тюрьмы Св. Екатерины". В поддержку своего утверждения он ссылается также на решения, выносившиеся Судебным комитетом Тайного совета 70/ и Верховным судом Зимбабве 71/.

3.2 Автор утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 9, поскольку на момент его ареста обвинение еще не располагало теми тремя главными источниками доказательств, на которых оно основывало свою версию в ходе процесса, следовательно, арест следует считать незаконным. Он также считает, что нарушен пункт 2 статьи 9, поскольку ему не сообщили о причинах его ареста и не предупредили о том, что все сказанное им может быть использовано против него. Он также утверждает, что впервые об основаниях своего ареста он узнал лишь примерно через три недели после самого ареста, то есть когда его доставили на предварительное слушание 72/.

3.3 Утверждается, что Клиффорд Маклоуренс стал жертвой нарушений пунктов 3 и 4 статьи 9, поскольку к судье или судебному должностному лицу его доставляли с задержками. В связи с этим автор излагает следующую хронику событий:

— в субботу 13 июля 1991 года, то есть в день своего ареста, автора сразу же доставили в полицейский участок Констанс-Спринг, где продержали 45—60 минут;

— в тот же день его отправили в центр предварительного заключения в Рима: автор считает, что полиция приняла решение отправить его в Рима по собственной инициативе, не проконсультировавшись с судьей;

— во вторник 16 июля 1991 года его доставили из центра предварительного заключения в центральный полицейский участок Кингстона. Там его продержали один день, в течение которого допрашивали по поводу какого-то убийства;

— после этого автора вновь отправили в центр предварительного заключения в Рима, где содержали под стражей на протяжении нескольких недель. Перед судьей он впервые предстал 20 июля 1991 года; когда его доставили в суд в третий раз (точную дату автор не помнит), судья отдал распоряжение о переводе его в Общую тюрьму.

3.4 Автор заявляет, что после ареста его ни разу не проинформировали о том, что он имеет право на юридическое представительство или на подачу ходатайства о habeas corpus.

3.5 Автор утверждает, что были нарушены статья 7 и пункт 1 статьи 10, поскольку после того, как он был доставлен в полицейский участок Констанс-Спринг, его приковали наручниками к железному стулу и подвергли ударам железным прутом, листом алюминия и толстой книгой по голове, телу и

70/ Решение от 2 ноября 1993 года по делу Earl Pratt and Ivan Morgan v. Attorney General of Jamaica and Another.

71/ Решение Верховного суда Зимбабве от 24 июня 1993 года по делу Catholic Commission for Justice and Peace in Zimbabwe v. Attorney General for Zimbabwe et al.

72/ Последний аргумент был приведен в дополнительном представлении от 25 сентября 1996 года.

подошвам ног. В результате у него распухли ступни и он не мог ни нормально ходить, ни обуться. Он утверждает, что сотрудники полиции пытали его электротоком, прикрепляя провода к гениталиям и другим частям тела, и что он подвергался словесным оскорблениям и запугиванию, а некоторые полицейские даже угрожали его пристрелить.

3.6 По мнению автора, ход рассмотрения его дела в районном суде противоречил пункту 1 статьи 14 в том, что, несмотря на неоднократные и продолжительные попытки установить местонахождение Хораса Бекфорда, считавшегося главным свидетелем, последнего так и не смогли доставить в суд. В его отсутствие судья не позволил адвокату автора представить документальные свидетельства, подтверждающие, что сам г-н Бекфорд был арестован незадолго до ареста автора. Утверждается, что в отсутствие этого главного свидетеля суд над г-ном Маклоуренсом не мог быть справедливым.

3.7 По поводу якобы имевшего место нарушения подпункта а) пункта 3 статьи 14 автор указывает на то, что его никто не уведомлял об обвинениях, выдвинутых против него: об основаниях своего ареста он впервые узнал будучи доставленным на первое предварительное слушание. Он также утверждает, что знал о том, что задержавшие его лица были сотрудниками полиции, лишь когда был доставлен в полицейский участок. Он утверждает, что ни на одном из предварительных слушаний, когда его доставляли в суд, то есть примерно в 15 случаях до начала судебного разбирательства по его делу, он не имел доступа к адвокату. Суть таких судебных заседаний сводилась к тому, чтобы определить дату начала судебного разбирательства и продлить содержание автора в предварительном заключении. Ему дали возможность встретиться с адвокатом лишь незадолго до начала судебного разбирательства, в силу чего адвокат не имел времени для подготовки его защиты ^{73/}. Как утверждается, адвокат встретился с автором лишь после начала судебного разбирательства в предпоследний день второй недели процесса, после того как автор уже дал показания; более того, эта встреча длилась всего 10 минут. Как заявляется, это явилось нарушением подпункта б) пункта 3 статьи 14. Параллельно с этим автор утверждает, что тот факт, что в суд для дачи свидетельских показаний не были вызваны два свидетеля — а именно его подруга и один из его друзей, — которые, как считал автор, могли подтвердить его алиби, явился нарушением подпункта е) пункта 3 статьи 14.

3.8 Как заявляет автор, во второй раз он встретился с адвокатом лишь после того, как был признан виновным. Он, например, не имел возможности посоветоваться с адвокатом по порядку апелляционной процедуры, и хотя в заявлении об апелляции прямо указал, что желает присутствовать при рассмотрении своей апелляции, о дате рассмотрения апелляции его не уведомили. О том, что апелляция отклонена, он якобы узнал из прессы. Утверждается, что это явилось нарушением подпункта d) пункта 3 и пункта 5 статьи 14.

3.9 С точки зрения автора, длительность его досудебного содержания под стражей — 16 месяцев, — равно как и разрыв примерно в 31 месяц между признанием его виновным и отклонением поданной им апелляции, явилась нарушением его права быть судимым без неоправданной задержки, предусмотренного в подпункте с) пункта 3 статьи 14.

3.10 И наконец, автор утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 17 Пакта, поскольку его корреспонденция неоднократно и незаконно перехватывалась тюремными охранниками, а письма, которые он отправлял в управление тюрем, до адресатов не доходили.

Представленные государством-участником информация и замечания

4.1 В своем представлении от 15 июля 1996 года государство-участник не возражает против приемлемости данного сообщения и излагает свои комментарии относительно существа утверждений автора.

^{73/} Это заявление, представленное адвокатом автора, противоречит собственноручно написанному автором письму в Комитет, в котором он признает, что его адвокат, имеющий звание королевского адвоката, представлял его интересы на суде хорошо.

4.2 Государство-участник отвергает утверждение, согласно которому тот факт, что автор находится в камере смертников в течение трех с половиной лет, является нарушением статьи 7 Пакта. Оно заявляет, что крайний пятилетний срок подобного заключения был установлен в решении Судебного комитета Тайного совета от 2 ноября 1993 года по делу Pratt and Morgan и что нет никаких исключительных обстоятельств, которые делали бы этот крайний срок неприменимым в данном случае.

4.3 Государство-участник отрицает обвинение в нарушении пункта 1 статьи 9, согласно которому арест г-на Маклоуренса был необоснованным или что он был арестован по причинам, о которых ему не было сообщено. С точки зрения этого государства, для производства любого ареста "необходимо, чтобы существовали доказательства, которые в достаточной степени свидетельствовали о том, что соответствующее лицо могло совершить конкретное преступление. Тот факт, что впоследствии появились другие доказательства, на которые обвинение смогло опереться в ходе судебного разбирательства, не означает, что первоначально арест был произведен необоснованно". Более того, государство-участник указывает на то, что в том, что касается обвинений в нарушении пункта 2 статьи 9, автор должен представить доказательства по поводу того, что не имел представления о причинах своего ареста.

4.4 В отношении обвинений в нарушении пунктов 3 и 4 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 государство-участник отвергает утверждение, согласно которому 16-месячный разрыв между арестом и началом судебного разбирательства представляет собой неоправданную задержку, поскольку в этот промежуток времени было проведено предварительное слушание. К тому же тот факт, что 31-месячный разрыв между признанием автора виновным и решением Апелляционного суда хотя и был "чуть более длительным, чем было бы желательно", все же не привел к существенной несправедливости по отношению к автору.

4.5 Государство-участник решительно отвергает утверждение о том, что был нарушен пункт 1 статьи 10, поскольку автор после ареста якобы подвергся побоям и был принужден к подписанию признательного заявления. Во-первых, отсутствуют какие-либо медицинские подтверждения или любые иные доказательства, которые могли бы подкрепить данное обвинение. Во-вторых, этот вопрос во всей полноте рассматривался как на самом судебном заседании, так и в порядке обжалования и в обоих случаях заявления автора были отклонены. Ввиду того что этому вопросу в судах Ямайки была дана всесторонняя оценка, а также учитывая отсутствие каких-либо доказательств, подкрепляющих заявления автора, государство-участник считает, что Комитету не следует вновь поднимать этот вопрос.

4.6 По поводу заявления о нарушении пункта 1 статьи 14 государство-участник отмечает, что даже представитель автора согласен с тем, что предпринимались упорные усилия, хотя они и не увенчались успехом, по розыску считавшегося ключевым свидетелем Хораса Бекфорда. То, что этот свидетель не смог дать показания и защита не смогла проверить их достоверность, не может считаться обстоятельствами, приведшими к нарушению права автора на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, "ввиду отсутствия подробной информации" государство-участник отрицает факт нарушения подпункта b) пункта 3 статьи 14.

4.7 Государство-участник категорически отрицает, что автор не был проинформирован о своем праве на юридическое представительство, когда он в первый и во второй раз предстал перед судом. По вопросу о его присутствии при рассмотрении апелляции государство-участник отмечает, что признанное виновным лицо обычно не присутствует на слушании дела об апелляции. К тому же секретарь Апелляционного суда регулярно направляет уведомления о дате судебных слушаний по рассмотрению апелляций всем ходатаям: государство-участник считает, что автор такое уведомление получил, а значит, о дате рассмотрения апелляции ему было известно.

4.8 Касаясь нарушения подпункта e) пункта 3 статьи 14, состоявшего якобы в том, что два свидетеля, которые могли подтвердить алиби автора, не были вызваны в суд, государство-участник заявляет, что его нельзя винить в таком нарушении в отсутствие прямых доказательств того, что государство само тем или иным образом препятствовало появлению этих свидетелей на суде.

4.9 Государство-участник отрицает факт нарушения пункта 5 статьи 14, поскольку от имени г-на Маклоуренса поступило несколько оснований для обжалования, а сама апелляция рассматривалась Апелляционным судом фактически в течение целых трех дней.

4.10 И в заключение государство-участник отмечает, что голословное утверждение автора о том, что тюремные охранники перехватывали его почту, не является достаточным основанием для вывода о нарушении статьи 17. Ведь тот факт, что отправлявшиеся из тюрьмы письма могли не достичь предназначенных адресатов, вполне может быть объяснен и другими обстоятельствами помимо преднамеренного перехвата корреспонденции.

Рассмотрение вопросов существа

5.1 Комитет отмечает, что государство-участник в своем представлении от 15 июля 1996 года не возражает против приемлемости данного сообщения. Он рассмотрел вопрос о том, удовлетворяет ли это сообщение всем требованиям приемлемости, предусмотренным в Факультативном протоколе. По поводу жалобы автора на то, что тюремные власти произвольно перехватывали его корреспонденцию в нарушение статьи 17 Пакта, Комитет полагает, что автору не удалось доказать свои утверждения для целей приемлемости. Следовательно, этот аспект сообщения объявляется неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5.2 В том что касается других утверждений автора, то, согласно выводам Комитета, они являются приемлемыми, в силу чего Комитет приступает непосредственно к рассмотрению их существенной стороны. Он рассматривает настоящее сообщение в свете всей информации, представленной автором, его бывшим адвокатом и государством-участником, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

5.3 В связи с длительным содержанием в камере смертников, которое на момент представления сообщения длилось три года и пять месяцев, автор утверждает, что имело место нарушение статьи 7. Комитет еще раз заявляет о том, что длительное содержание в камере смертников само по себе, в отсутствие каких-либо иных отягчающих обстоятельств, не является нарушением статьи 7 Пакта. Какие-либо иные подобного рода обстоятельства помимо длительности заключения в данном деле не усматриваются; следовательно, в этом отношении нарушения статьи 7 допущено не было.

5.4 Автор жалуется на то, что в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 сотрудники полиции подвергли его после ареста побоям и другим мерам принуждения; государство-участник отвергает это обвинение. Комитет принимает к сведению, что инциденты, упомянутые автором, были подробно рассмотрены в суде первой инстанции и в Апелляционном суде. Не было представлено никаких материалов, которые подтверждали бы, что оценка доказательств этими инстанциями была произвольной или равнозначной отказу в правосудии. Поэтому Комитет не находит каких-либо нарушений статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

5.5 В том что касается утверждения о нарушении пункта 1 статьи 9, состоявшего якобы в том, что в постановлении об аресте автора не фигурировали три главных источника доказательств, на которые впоследствии опиралось обвинение, Комитет напоминает, что принцип законности нарушается в том случае, когда какое-либо лицо подвергается аресту или заключению под стражу на основаниях, прямо не предусмотренных во внутреннем законодательстве. В данном деле какие-либо указания на то, что г-н Маклоуренс был арестован на основаниях, не предусмотренных в законе, отсутствуют. Однако автор приводил довод, согласно которому его не уведомили в срочном порядке, в нарушение пункта 2 статьи 9, о причинах ареста. Государство-участник это обвинение в общих чертах отвергло и утверждало, что автор должен доказать, что причины ареста ему были неизвестны; однако недостаточно того, что государство-участник просто отвергает обвинения автора как не подкрепленные доказательствами или не соответствующие действительности. В отсутствие какой-либо информации от государства-участника о том, что автор был в срочном порядке уведомлен о причинах своего ареста, Комитет вынужден полагаться на заявление г-на Маклоуренса, согласно которому ему сообщили об обвинениях, на основании которых он был арестован, лишь когда он

впервые предстал перед судом на предварительном слушании, проведенном почти три недели спустя после его ареста. Такая задержка противоречит положениям пункта 2 статьи 9.

5.6 По поводу заявления о якобы имевшем место нарушении пункта 3 статьи 9 складывается впечатление, что автор впервые предстал перед судьей или другим должностным лицом, имеющим право осуществлять судебные полномочия, 20 июля 1991 года, то есть спустя неделю после того, как был взят под стражу. Государство-участник не ответило на обвинения по пунктам 3 и 4 статьи 9, а попыталось рассмотреть их скорее в контексте процессуальных и судебных задержек. Хотя значение фигурирующего в пункте 3 статьи 9 выражения "в срочном порядке" должно устанавливаться в каждом конкретном случае, Комитет ссылается на свое замечание общего порядка по статье 74/, а также на свою практику рассмотрения дел согласно Факультативному протоколу, в соответствии с которой задержки не должны превышать нескольких дней 75/. Задержка сроком в одну неделю в деле, касающемся смертной казни, не может считаться совместимой с пунктом 3 статьи 9. В том же самом контексте Комитет считает, что досудебное содержание под стражей в течение более 16 месяцев, имевшее место в случае с автором, является — в отсутствие удовлетворительных объяснений со стороны государства-участника или какого-либо иного обоснования, которое просматривалось бы в материалах дела, — нарушением его права по пункту 3 статьи 9 на судебное разбирательство "в течение разумного срока" или на освобождение.

5.7 В связи с заявленным нарушением пункта 4 статьи 9 не оспаривается тот факт, что сам автор не подавал habeas corpus. Автор также утверждает, что ему никто не сообщал о наличии у него такого права и что в ходе предварительного слушания он не имел доступа к своему юридическому представителю. Государство-участник категорически настаивает на том, что автор был проинформирован о своем праве на юридическое представительство, когда его впервые доставили в суд. Основываясь на имеющихся в его распоряжении материалах, Комитет считает, что автор мог бы потребовать рассмотрения законности своего содержания под стражей, когда его в первый раз доставили на предварительное слушание по его делу и когда его уведомили о причинах ареста. Поэтому Комитет не может прийти к выводу о том, что г-н Маклоуренса лишили возможности потребовать незамедлительного рассмотрения в суде вопроса о законности его содержания под стражей.

5.8 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 14, которое якобы имело место в связи с тем, что считавшийся главным свидетелем Хорас Бекфорд не присутствовал на суде и что судья не вынес никакого решения относительно добровольного характера предполагаемого заявления о признании автором своей вины и дал неадекватные инструкции относительно приемлемости доказательного материала в виде отпечатков пальцев. Право на справедливое судебное разбирательство в независимом и беспристрастном суде не означает абсолютного права вызывать для дачи показаний на судебном заседании любого конкретного свидетеля; не всегда нарушением надлежащей судебной процедуры является тот случай, когда для обеспечения присутствия в суде соответствующего свидетеля принимаются все возможные меры, которые, однако, не приносят результата, хотя это может зависеть и от характера свидетельских показаний. В данном же конкретном деле адвокат признает, что предпринимались "неоднократные усилия" к тому, чтобы обеспечить присутствие Хораса Бекфорда. По вопросу о добровольности якобы имевшего место заявления о признании вины и о приемлемости доказательного материала в виде отпечатков пальцев Комитет напоминает, что оценку всех фактов и доказательств по тому или иному конкретному делу обычно дают апелляционные суды государств-участников Пакта. Комитет не должен подвергать сомнению оценку, данную таким доказательствам этими судами, если только не будет установлено, что сама оценка была дана произвольно или каким-либо иным образом была равнозначна отказу в правосудии, чего он в данном деле также не усмотрел. Комитет не считает, что автор установил факт нарушения пункта 1 статьи 14.

74/ Замечание общего порядка № 8 [16] от 27 июля 1982 года, пункт 2.

75/ См. соображения по сообщению № 373/1989 (Леннон Стивенс против Ямайки), принятые 18 октября 1995 года, пункт 9.6.

5.9 В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 14 Пакта каждый, кто обвиняется в совершении уголовного преступления, имеет право "быть в срочном порядке и подробно уведомленным... о характере и основании предъявляемого ему обвинения". Г-н Маклоуренс утверждает, что никто его официально не уведомлял о выдвигаемых против него обвинениях и что впервые он узнал о причинах своего ареста, когда был доставлен на предварительное слушание. Комитет указывает, что предусмотренная в подпункте а) пункта 3 статьи 14 обязанность уведомлять обвиняемого сформулирована более четко, чем предусмотренная в пункте 2 статьи 9 аналогичная обязанность в отношении арестованного. До тех пор пока соблюдается пункт 3 статьи 9, подробно уведомлять обвиняемого о характере и основании предъявляемого ему обвинения незамедлительно после ареста не обязательно. На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет делает вывод, согласно которому нарушение подпункта а) пункта 3 статьи 14 допущено не было.

5.10 Право обвиняемого иметь достаточно времени и возможности для подготовки своей защиты является важным аспектом гарантии справедливого судебного разбирательства и важным аспектом принципа равенства средств. В тех случаях, когда обвиняемому угрожает вынесение смертного приговора, ему и его адвокату должно быть предоставлено достаточно времени для подготовки защиты на суде. Установление того, какое время может считаться достаточным, требует оценки конкретных обстоятельств каждого конкретного дела. Автор также утверждает, что он не мог добиться присутствия на суде двух свидетелей, которые могли подтвердить его алиби. Однако Комитет отмечает, что, судя по имеющимся в его распоряжении материалам, ни адвокат, ни автор не подавали ведшему процесс судье жалобу на то, что для подготовки защиты им было предоставлено недостаточно времени. Если адвокат или автор полагали, что подготовились еще недостаточно, они должны были попросить отложить судебное разбирательство. Кроме того, имеются разночтения в том, как этот вопрос излагает сам автор: если в сообщениях своему представителю в Комитете он утверждает, что адвокат, который вел его дело на суде, не имел времени для подготовки защиты, то в своем письме в Комитет от 1 октября 1996 года он пишет, что на суде имел "отличного" представителя. И наконец, отсутствуют какие-либо указания на то, что решение адвоката не вызывать двух свидетелей, которые могли бы подтвердить алиби автора, не было результатом его собственной профессиональной оценки ситуации или что — если просьба о вызове этих двух свидетелей для дачи показаний все же была подана — судья в такой просьбе отказал. Следовательно, нет никаких оснований для того, чтобы считать подпункты б) и е) пункта 3 статьи 14 нарушенными.

5.11 Автор заявляет о нарушениях подпункта с) пункта 3 и пункта 5 статьи 14, в подтверждение чего ссылается на "неоправданные задержки" в проведении уголовного процесса по его делу. Комитет отмечает, что, по признанию самого государства-участника, разрыв сроком в 31 месяц между судебным разбирательством и отклонением апелляции является "более длительным, чем это было бы желательно", но при этом оно ничем такую задержку не обосновывает. В сложившихся обстоятельствах Комитет приходит к выводу, в соответствии с которым 31-месячный разрыв между признанием подсудимого виновным и рассмотрением его апелляции является нарушением предусмотренного в подпункте с) пункта 3 статьи 14 права автора на проведение суда по его делу без неоправданной задержки. Комитет замечает, что в отсутствие каких-либо обоснований со стороны государства-участника такой же вывод был бы сделан в аналогичных обстоятельствах и по другим делам.

5.12 Касаясь адекватности юридического представительства интересов автора в ходе судебного процесса и при рассмотрении поданной им апелляции, Комитет напоминает, что юридическое представительство должно обеспечиваться всем лицам, которым угрожает вынесение смертного приговора. В рассматриваемом деле не вызывает сомнения тот факт, что на первых судебных заседаниях представительство интересов г-на Маклоуренса обеспечено не было, хотя, согласно утверждениям государства-участника, он был тогда проинформирован об имеющемся у него праве на юридическую помощь. С другой стороны, позже он добился услуг юридического представителя и, по его собственному признанию, представительство это на суде было удовлетворительным. По вопросу об апелляции Комитет отмечает, что, судя по заявлению об обжаловании, датированному 30 ноября 1992 года, автор не просил Апелляционный суд назначить ему адвоката, располагал средствами нанять юридического представителя своими силами и назвал имена двух адвокатов, которые представляли его интересы в ходе судебного разбирательства. На первых порах автор не проявлял желания быть

представленным в ходе рассмотрения его апелляции. И все же при рассмотрении апелляции он имел представителя, а из находящихся в распоряжении Комитета материалов дела не ясно, продолжал ли автор в марте 1995 года настаивать на том, чтобы его представитель при рассмотрении апелляции присутствовал. В сложившихся обстоятельствах Комитет не имеет возможности прийти к какому-либо выводу относительно подпункта d) пункта 3 статьи 14.

5.13 Комитет полагает, что вынесение смертного приговора в итоге судебного разбирательства, на котором не были соблюдены положения Пакта, если подача новой апелляции в отношении этого приговора невозможна, является нарушением статьи 6 Пакта. Как Комитет отмечал в своем замечании общего порядка 6 [16], положение о том, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом, который не противоречит положениям Пакта, означает, что "гарантии процедурного характера должны соблюдаться, включая право на справедливое судебное разбирательство независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр обвинительного вердикта и приговора судом высшей инстанции". В данном деле, поскольку окончательный смертный приговор был вынесен без должного соблюдения требований статьи 14, Комитет вынужден постановить, что здесь также имело место нарушение статьи 6 Пакта.

6. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пунктов 2 и 3 статьи 9, подпункта с) пункта 3 статьи 14, а следовательно, и статьи 6 Пакта.

7. Комитет полагает, что в соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта г-н Маклоуренс имеет право на эффективное средство судебной защиты, предполагающее смягчение смертного приговора.

8. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, а также эффективное и гарантированное средство правовой защиты в том случае, если какое-либо нарушение установлено, Комитет обращается к государству-участнику с просьбой предоставить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в связи с настоящими соображениями Комитета.

W. Сообщение № 707/1996: Патрик Тейлор против Ямайки
(соображения, принятые 14 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Патриком Тейлором [представлен лондонской адвокатской фирмой "Герберт Смит"]

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Ямайка

Дата сообщения:

14 июня 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 707/1996, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Патрика Тейлора в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором данного сообщения является Патрик Тейлор, гражданин Ямайки, механик и водитель такси, ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в окружной тюрьме Св. Екатерины на Ямайке. Согласно его утверждениям, он стал жертвой нарушений со стороны Ямайки пункта 3 статьи 2, статей 6 и 7 и пунктов 2 и 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10, а также подпунктов b), c) и d) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат г-жа Пола Ходжес из лондонской адвокатской фирмы "Герберт Смит".

Факты, представленные автором

2.1 Вместе со своими сообвиняемыми, братом Десмондом Тейлором и Стивом Шоу 76/, автор был признан окружным судом округа Сент-Джеймс, Монтего-Бей, Ямайка, виновным в совершении убийства семьи Педдлар и приговорен 25 июля 1994 года к смертной казни по четырем пунктам, не

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Текст особого мнения члена Комитета г-на Нисуке Андо прилагается к настоящему документу.

76/ Сообщения Стива Шоу и Десмонда Тейлора Комитету по правам человека зарегистрированы как Сообщения № 704/1996 и 705/1996, соответственно.

предусматривающим наказания в виде смертной казни 77/. Судья постановил, что, поскольку одновременно было совершено несколько убийств, автора можно признать виновным в совершении убийства, наказуемого смертной казнью. 24 июля 1995 года поданная автором апелляция была отклонена Апелляционным судом Ямайки. 6 июня 1996 года было оставлено без удовлетворения ходатайство автора о предоставлении ему специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета.

2.2 27 марта 1992 года были обнаружены разлагающиеся трупы Хоррета Педдлара, его жены Марии Райт и двух их сыновей Мэттью и Юзефа. Их "забили до смерти", нанеся раны на голове, теле и конечностях.

2.3 В тот же день автора, его брата Десмонда и несколько других членов семьи Тейлор забрали на допрос, после чего всех, кроме автора, в течение дня отпустили на свободу. Автора же оставили под стражей в полицейском участке Барнет, Монтего-Бей, до 21 апреля 1992 года. Членов семьи Тейлор допрашивали по причине того, что между семьями Педдлар и Тейлор существовали враждебные отношения. За Десмондом числился признанный судом долг перед г-ном Педдларом, а оба Тейлора ранее уже обвинялись в нападении на последнего; следствие по тому уголовному делу прекращено еще не было. Автора повторно арестовали 4 мая 1992 года.

2.4 В отсутствие свидетелей-очевидцев версия обвинения основывалась на заявлении, которое автор якобы сделал 4 мая, находясь под стражей в полиции. В присутствии одного из сотрудников полиции автору устроили очную ставку с его сообвиняемым Стивом Шоу. На ней Шоу сказал автору: "Я шел по Джуни-Лоун, когда увидел приближающихся ко мне Марка (Патрик Тейлор был известен также как Марк), Боксера (Десмонда) и Президента. Тогда-то я и заметил Марка, Президента и Боксера. Мы с Марком подошли к воротам и видели, как Боксер и Президент вошли во двор и зарезали находившихся там людей". Тогда, как утверждает, Патрик произнес "Кучерявый" (имя, под которым известен Шоу), заплакал и сказал: "Боксер ведь просил нас ничего не говорить. Ну ладно, сэр. Я пошел вместе с ними, но никогда не принимал всерьез их разговоры о том, чтобы убить находящихся там людей".

2.5 Версия защиты состояла в том, что, кроме того, что было сказано на очной ставке с сообвиняемым Шоу, никаких иных доказательств против автора не имелось, либо в том, что он не совершал ничего иного, кроме как находился вблизи места совершения этих убийств. Версию полиции автор отрицал. Со скамьи подсудимых он сделал заявление, в котором отрицал какое-либо свое участие в убийствах, а также то, что он приближался к дому Педдларов.

2.6 По заявлению адвоката, автор практически не имеет возможности получить предусмотренные в конституции средства защиты, поскольку беден, а Ямайка не предоставляет правовой помощи для подачи ходатайств, предусмотренных в конституции. При этом адвокат ссылается на практику рассмотрения дел в Комитете по правам человека 78/. Поэтому он утверждает, что для целей подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

3.1 По мнению адвоката, факт непредоставления государством-участником правовой помощи для подачи ходатайств, предусмотренных в конституции, составляет нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта и

77/ Вынося автору приговор, судья заявил следующее: "Г-н Тейлор, вас признали виновным в совершении тяжкого убийства, не наказуемого смертной казнью, но, учитывая тот факт, что одновременно было убито несколько человек, вы приговариваетесь к наказанию в виде смертной казни, которое вы понесете в соответствии с законом".

78/ См. соображения по сообщению № 445/1991 (Линден Чемпейни, Делрой Палмер и Освальд Чисхольм против Ямайки), принятые 18 июля 1994 года.

связанного с ним пункта 1 статьи 14, поскольку государство не обеспечило эффективное средство правовой защиты при установлении прав автора. С точки зрения адвоката, разбирательство, проводимое в созданном на основании конституции суде, должно отвечать требованиям справедливого разбирательства согласно условиям, сформулированным в пункте 1 статьи 14, включая право на получение правовой помощи.

3.2 Автор утверждает, что имело место нарушение пунктов 2 и 3 статьи 9 Пакта, поскольку его арестовали 27 марта 1992 года и содержали под стражей в течение 26 дней, не предъявляя в это время никаких обвинений. Повторно автора арестовали 4 мая 1992 года, а уведомили его о том, что он обвиняется в совершении убийства, и предупредили об ответственности за все данные им показания лишь 7 мая 1992 года. Утверждается, что его в течение 29 дней продержали в предварительном заключении и только потом официально предупредили об ответственности за все данные им показания либо дали возможность встретиться с адвокатом. Адвокат добавляет, что никто автору в срочном порядке не сообщал о предъявляемом ему обвинении, как того требует пункт 2 статьи 9, и не доставлял в срочном порядке к какому-либо судебному должностному лицу, как того требует пункт 3 статьи 9. При этом делается ссылка на практику рассмотрения дел в Комитете 79/, согласно которой принято, что предварительное заключение не должно превышать нескольких дней.

3.3 Автор заявляет, что были нарушены его права в соответствии с пунктом 3 статьи 9 и подпунктом с) пункта 3 статьи 11 Пакта в том, что он не был в срочном порядке доставлен в суд. В связи с этим адвокат утверждает, что для этого срок в два года и четыре месяца с даты первого задержания 27 марта 1992 года и до даты судебного разбирательства 18 июля 1994 года является более чем достаточным, поскольку настоящий вопрос не является таким уж сложным, хотя речь идет о четырех убийствах.

3.4 Далее адвокат утверждает, что автор является жертвой нарушения подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14, поскольку до того момента, как он впервые предстал перед судьей, он не имел адвокатского представительства. Впоследствии он имел возможность проконсультироваться со своим адвокатом лишь в течение 8—10 минут. В период, предшествовавший судебному разбирательству, автор, хотя и имел возможность несколько раз видаться со своим нанятым частным образом адвокатом (КА Гамильтоном), встречался с ним всегда лишь на очень короткое время и ни на одной из стадий процесса адвокат не интересовался мнением автора по поводу доказательств, представленных обвинением. Автор просил вызвать одного свидетеля, но адвокат этого не сделал. В день, когда автору выносили обвинительный вердикт, адвокат в суде отсутствовал 80/.

3.5 Далее адвокат заявляет, что справедливость судебного разбирательства была опорочена ввиду того, что автору и его брату было назначено для защиты одно и то же лицо. Доказательный материал против обоих братьев был совершенно различным, так как в отношении автора имелись свидетельские показания, согласно которым он лишь находился на месте преступления, в то время как брат его был активным участником убийств. Налицо явный конфликт интересов с точки зрения защиты каждого из них. Поэтому адвокат приводит довод, согласно которому государство-участник не смогло обеспечить автору надлежащее представительство по смыслу подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14.

3.6 Адвокат заявляет, что приведение смертного приговора в исполнение могло бы быть правомерным, если бы было осуществлено незамедлительно, а человек, признанный виновным, не подвергнулся бы в течение долгого времени еще и дополнительному наказанию в виде бесчеловечного обращения, однако оно может стать неправомерным, если вышеупомянутый приговор будет исполнен по истечении довольно длительного срока нахождения этого человека в невыносимых условиях. В связи с этим адвокат ссылается на дело Pratt and Morgan как на прецедент, на основе которого можно

79/ См. соображения по сообщению № 336/1988 (Филастре против Боливии), принятые 5 ноября 1991 года, пункт 6.4, а также замечание общего характера № 8.

80/ Данное заявление протоколами судебного разбирательства не подтверждается.

сделать вывод, что приведение в исполнение смертного приговора может стать неправомерным, если последующие условия содержания осужденного — будь то с точки зрения сроков или физических страданий — приобретают форму бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания. Адвокат считает, что такой подход отвечает структуре Пакта, в соответствии с которым нахождение в заключении может стать противоправным в случае его неоправданного продления или тогда, когда физические условия содержания опускаются ниже признанных минимальных стандартов. Автора приговорили к смертной казни, но не к смерти по истечении продолжительного периода бесчеловечного обращения. Адвокат утверждает, что приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного автору, будет противоречить положениям конституции и явится нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

3.7 Согласно утверждению адвоката, условия, существующие в окружной тюрьме Св. Екатерины, равнозначны нарушению прав автора, предусмотренных в статье 7 и пункте 1 статьи 10. При этом делается ссылка на выводы различных докладов неправительственных организаций, в которых речь идет об условиях содержания в тюрьме Св. Екатерины. По словам адвоката, реальные условия, в которых автор находится в отделении смертников, таковы, что ему, помимо прочего, приходится по 23 часа в сутки сидеть в закрытой камере без водопровода и канализации, надлежащей вентиляции и естественного освещения, спать без матраца или просто на цементной койке. Утверждается также, что на состояние автора оказывают воздействие и общие условия, существующие в этой тюрьме. Адвокат утверждает, что предусмотренные в Пакте права автора как личности нарушаются, независимо от того, что он отнесен к какой-то категории, а именно к категории смертников: нарушаются не только права смертников, но и всех других заключенных, содержащихся в аналогичных условиях. В связи с этим адвокат считает, что нарушение положений Пакта не перестает быть нарушением просто потому, что одновременно с автором от таких же лишений страдают и другие. Утверждается, что условия, в которых автор содержится в тюрьме Св. Екатерины, равнозначны жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

3.8 Более того, адвокат заявляет, что условия, существующие в камере и тюрьме в целом, не отвечают основным и самым необходимым требованиям принятых Организацией Объединенных Наций Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и равнозначны нарушению статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. При этом делается ссылка на практику рассмотрения дел в Комитете 81/.

3.9 В заключение адвокат утверждает, что вынесение смертного приговора в итоге судебного разбирательства, на котором не было соблюдено какое-либо положение Пакта, если подача новой апелляции в отношении этого приговора невозможна, является нарушением пункта 2 статьи 6 Пакта. В связи с этим адвокат заявляет следующее: "Вынесение смертного приговора, когда, как это имеет место в настоящем случае, государству-участнику известно, что осужденный будет в течение длительного времени находиться в условиях, которые существуют в отделении смертников (и которые противоречат положениям Пакта), и когда этот осужденный затем действительно попадает в такие условия (которые сами по себе равнозначны нарушению положений Пакта), равносильно нарушению предусмотренной правом обязанности охранять принадлежащее человеку право на жизнь. Принадлежащее заявителю право на жизнь не перестает существовать после вынесения смертного приговора. Вынесенный компетентным судом смертный приговор дает скорее законное право государству лишить осужденного жизни предусмотренным в конституции образом, который не

81/ См. соображения по сообщению № 458/1991 (Альберт Уома Муконг против Камеруна), принятые 21 июля 1994 года, пункт 9.3. Вынося свое постановление относительно общих условий содержания заключенных, Комитет заметил, что определенные минимальные стандарты условий содержания заключенных (то есть Минимальные стандартные правила обращения с заключенными) должны соблюдаться независимо от уровня развития государства-участника. Следует отметить, что эти требования являются минимальными и они, с точки зрения Комитета, должны соблюдаться всегда, даже если экономическое или бюджетное положение страны делает задачу соблюдения данных обязательств нелегким.

должен противоречить какой-либо международной норме. Но вплоть до того момента, пока смертный приговор будет приведен в исполнение, право индивида на жизнь сохраняется. Поэтому право на жизнь подчиняется действию всех применимых международных норм, в том числе предусмотренных в Пакте относительно охраны гражданских и политических прав, а также в принятых Организацией Объединенных Наций Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными. Помещение заявителя в условия полицейского участка в Монтего-Бей, а также в условия отделения для смертников равнозначно нарушению статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта, сопряженному с нарушениями положений принятых Организацией Объединенных Наций Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Кроме того, нарушение статей 9 и 14 равнозначно нарушению статьи 6".

3.10 Представлено также заявление о том, что данное дело ранее не передавалось в какую-либо иную инстанцию международного разбирательства или урегулирования.

Представленные государством-участником информация и замечания и комментарии адвоката по ним

4.1 В своих замечаниях от 19 сентября 1996 года государство-участник не выдвигает каких-либо возражений против приемлемости данного дела, а обращается скорее непосредственно к существу сообщения.

4.2 Касаясь утверждения о нарушении пунктов 2 и 3 статьи 9, основывающихся на том, что автор провел в предварительном заключении 29 дней до момента предъявления официального обвинения в убийстве, государство-участник заявляет, что этот срок предварительного заключения можно разделить на две части, причем первая из них составила 26 дней, по истечении которых автор был выпущен на свободу, а вторая, с 4 мая 1992 года, — три дня нахождения под стражей, по истечении которых ему было предъявлено обвинение в совершении убийства. Государство-участник признает, что предварительное заключение в течение 26 дней является нежелательным, но не согласно с тем, что трехдневный срок пребывания под стражей является нарушением положений Пакта.

4.3 По поводу обвинений в неоправданной задержке со слушанием дела автора, выразившейся якобы в том, что автор провел в заключении с момента своего задержания и до начала судебного разбирательства два года и четыре месяца, государство-участник отрицает, что подобная задержка представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14, в частности потому, что в этот период велось предварительное следствие.

4.4 В отношении утверждений о необеспечении надлежащего юридического представительства в нарушение подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14 государство-участник заявляет, что тот факт, что автор не имел своего юридического представителя в ходе предварительного следствия, не может быть поставлен в вину государству-участнику, поскольку автор всегда имел возможность затребовать такого представителя. В связи с утверждением автора, согласно которому его встречи с адвокатом длились лишь короткие промежутки времени, а также в связи с жалобой на то, как адвокат вел его дело в ходе судебного разбирательства, государство-участник считает, что возлагать на него ответственность за это нельзя. Аналогичным образом государство-участник полагает, что если между двумя братьями существовал конфликт интересов, поскольку против них были выдвинуты разные обвинения, то тогда сам автор или его брат должны были обратиться с просьбой о том, чтобы их представляли разные адвокаты.

4.5 В том что касается утверждений по поводу статьи 7 и пункта 1 статьи 10, государство-участник полагает, что автор еще не отсидел в камере смертников тот пятилетний срок, после которого можно ссылаться на прецедентное решение по делу Pratt and Morgan, а в отношении Комитета государство-участник указывает, что, согласно постановлению самого Комитета, длительное содержание под стражей само по себе не является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением.

4.6 Касаясь утверждения о нарушении пунктов 1, 2 и 3 статьи 14, согласно которому автор якобы не имел возможности получить правовую помощь для целей предусмотренной в конституции защиты

своих прав, государство-участник в своем толковании не считает, что Пакт обязывает государство оказывать правовую помощь для подачи ходатайств, предусмотренных в конституции. Вместе с тем государство-участник признает, что бедность может ограничить возможности клиента в плане доступа в Верховный суд в целях получения предусмотренного в конституции средства правовой защиты.

4.7 Государство-участник заявляет, что, поскольку не было допущено нарушений ни одного из положений Пакта, то не может быть и нарушения статьи 6.

5.1 В своих комментариях к материалу, представленному государством-участником, адвокат не возражает против совместного рассмотрения вопроса о приемлемости и вопросов существа данного дела. Она еще раз заявляет о том, что задержка в 29 дней с предъявлением автору обвинения является нарушением пунктов 2 и 3 статьи 9.

5.2 Адвокат не снимает своих утверждений о том, что автор является жертвой нарушений подпунктов b) и d) пункта 3 статьи 14, ставших результатом неполучения им надлежащего юридического представительства: автор не имел адвоката, когда впервые предстал перед судом; у него было слишком мало времени, чтобы проконсультироваться с адвокатом и подготовить свою защиту, и наконец, его интересы представлял тот же адвокат, который представлял интересы и его брата, хотя здесь явно был конфликт интересов.

5.3 В своем дополнительном представлении от 6 мая 1997 года адвокат приводит заявление некоего Гленроя Ходжеса, которое якобы подтверждает утверждение автора о том, что, когда тот находился в полиции, у него не было очной ставки со своим сообщаемым Стивом Шоу.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и вопросов существа

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо из утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет установил, как того требует подпункт a) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Касаясь утверждения автора, согласно которому тот факт, что с момента признания его 25 июля 1994 года виновным он провел два года и восемь месяцев в камере смертников, является нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10, Комитет заявляет, что он по-прежнему считает 82/, что содержание в камере смертников в течение определенного времени не является нарушением положений Пакта в отсутствие каких-либо иных отягощающих обстоятельств. В рассматриваемом деле, как считает Комитет, ни автор, ни его адвокат не представили достаточных для целей приемлемости доказательств того, каким образом проведенные автором в камере смертников 28 месяцев, в течение которых он ожидал возможности подать апелляцию по поводу признания себя виновным, могли повлечь нарушение прав автора, предусмотренных в Пакте. Поэтому Комитет постановляет, что данная часть сообщения является неприемлемой.

6.4 В связи с утверждениями автора о том, что он встречался со своим защитником, старшим адвокатом (г-ном Гамильтоном, КА), всего лишь несколько раз и не более чем на 8—10 минут, что он не имел юридического представителя до того момента, пока не закончилось предварительное слушание, и что адвокат не прислушался к его советам, в частности не вызвал свидетеля, которого, по мнению автора, следовало бы вызвать, Комитет отмечает, что адвокат был на начальном этапе нанят частным образом, и считает, что на государство-участника нельзя возлагать ответственность за ошибки, якобы допущенные адвокатом защиты, если только для судьи не было очевидным, что

82/ См. соображения по сообщению № 558/1994 (Эррол Джонсон против Ямайки), принятые 22 марта 1996 года.

поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия. В рассматриваемом деле нет оснований полагать, что адвокат руководствовался чем-либо иным помимо максимально разумной, с его точки зрения, оценки ситуации, и поэтому данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 В том что касается утверждения автора, согласно которому его защита страдала изъятиями, поскольку его интересы представлял тот же самый адвокат, который представлял интересы и его брата, тогда как существовал конфликт интересов, поскольку против каждого из братьев были выдвинуты разные обвинения, Комитет указывает, что интересы автора представлял старший адвокат (г-н Гамильтон, КА); что ранее оба брата частным образом наняли адвоката для защиты их интересов на предварительном слушании; что до того, как был составлен список присяжных, адвокат прежде всего обратился с просьбой о том, чтобы дело автора рассматривалось в рамках отдельного судебного разбирательства и чтобы его, то есть адвоката, назначили в качестве защитника, предоставляемого в порядке правовой помощи, по делам обоих братьев. Из протоколов судебных заседаний явствует, что автор имел своего представителя на предварительном слушании в лице того же самого королевского адвоката, который позже представлял его интересы и в ходе судебного разбирательства. Помимо этого Комитет отмечает, что в ходе судебного разбирательства адвокат задавал свои вопросы от имени каждого из братьев отдельно. По мнению Комитета, не было никаких факторов, которые способствовали бы возникновению конфликта интересов с точки зрения представительства обоих обвиняемых ни тогда, когда адвоката нанимали частным образом, ни тогда, когда он действовал в порядке правовой помощи; поэтому вышеприведенные утверждения по-прежнему считаются не подкрепленными доказательствами и, следовательно, данная часть сообщения является неприемлемой.

6.6 Что же касается новых доказательств, представленных адвокатом 6 мая 1997 года, то этот вопрос следовало бы поднимать в национальных судах. На этом основании Комитет считает, что данная часть сообщения является, согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, неприемлемой ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.7 Комитет замечает, что после отклонения в июне 1996 года ходатайства автора о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета автор исчерпал, для целей Факультативного протокола, внутренние средства правовой защиты. Учитывая обстоятельства данного дела, Комитет полагает целесообразным приступить к рассмотрению вопросов его существа. В связи с этим он принимает к сведению тот факт, что государство-участник не заявило возражений против приемлемости жалобы и представило свои замечания по существу дела. Комитет напоминает, что, как предусматривает пункт 2 статьи 4 Факультативного протокола, получившее уведомление государство должно представить письменные объяснения, разъясняющие существо сообщения, в течение шести месяцев с момента его передачи Комитету в целях получения замечаний по вопросам существа. Комитет вновь заявляет, что, если государство-участник того пожелает, этот срок в интересах правосудия может быть сокращен 83/. Кроме того, Комитет отмечает, что адвокат автора дал свое согласие на рассмотрение существа дела на данной стадии его рассмотрения.

7. В соответствии с этим Комитет объявляет остальные требования приемлемыми и без дальнейших промедлений приступает, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола, к рассмотрению их существа с учетом всей информации, которая была представлена ему сторонами.

8.1 Автор жалуется на то, что его содержат в камере смертников в ужасающих и вредных для здоровья условиях, причем эти жалобы подтверждаются сообщениями, которые прилагаются к направленному адвокатом представлению; ни эти сообщения, ни утверждения автора государством-участником не опровергаются. В представлении адвоката кратко изложены основные моменты таких сообщений и показано, что подобные условия влияют на состояние самого автора как заключенного,

83/ См. соображения по сообщению № 606/1994 (Клемент Френсис против Ямайки), принятые 25 июля 1995 года, пункт 7.4.

находящегося в камере смертников. С точки зрения Комитета, описанные в представлении адвоката условия, которые непосредственно влияют на состояние самого автора, таковы, что представляют собой нарушение его права на гуманное обращение и права на уважение человеческого достоинства, а поэтому противоречат пункту 1 статьи 10.

8.2 Автор утверждал, что непредоставление правовой помощи для целей подачи предусмотренного в конституции ходатайства само по себе составляет нарушение положений Пакта. Установление процессуальных прав по рассмотрению дел в Конституционном суде должно соответствовать требованиям справедливого разбирательства, предусмотренным в пункте 1 статьи 14 84/. В данном конкретном деле Конституционный суд должен был установить, не были ли в ходе процесса нарушены гарантии справедливого судебного разбирательства при вынесении автору обвинительного вердикта. В таких случаях применение требования справедливого судебного разбирательства в Конституционном суде должно отвечать принципам, закрепленным в подпункте d) пункта 3 статьи 14. Из этого следует, что в тех случаях, когда лицо, признанное виновным и добивающееся предусмотренного в конституции рассмотрения нарушений, допущенных в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, не располагает достаточными средствами для оплаты правовой помощи в целях получения полагающегося ему по конституции средства правовой защиты и когда того требуют интересы правосудия, правовая помощь должна предоставляться государством. В настоящем случае отсутствие правовой помощи лишило автора возможности проверки нарушений, допущенных в ходе судебного разбирательства его дела, при справедливом судебном разбирательстве в Конституционном суде, что, таким образом, является нарушением положений статьи 14.

8.3 Автор заявляет, что в течение 29 дней ему не предъявлялось обвинения и ему не была обеспечена возможность в срочном порядке предстать перед судом. В настоящем случае автор в течение 26 дней содержался в заключении, был отпущен и позже вновь арестован и содержался под стражей, а затем предстал перед судебным органом; Комитет отмечает, что государство-участник само признало, что произошла задержка в 26 дней, которая является нежелательной, хотя отрицает, что задержка либо на этот период, либо еще на три дня может представлять собой нарушение положений Пакта. В данных условиях Комитет, невзирая на аргументы государства-участника, находит, что содержание автора в предварительном заключении в течение 26 дней без предъявления ему обвинения явилось нарушением пункта 2 статьи 9 Пакта. Тот факт, что государство-участник не создало условий, при которых автор мог бы предстать перед судом на протяжении 26 дней своего предварительного заключения, а также в течение трех дней после своего повторного ареста, является нарушением пункта 3 статьи 9.

8.4 В связи с утверждением автора, что судебное рассмотрение его дела не было начато без неоправданной задержки, составившей необоснованно долгий срок в 28 месяцев между арестом и фактическим началом судебного разбирательства, Комитет полагает, что разрыв в два года и четыре месяца между арестом и началом судебного разбирательства, в течение которых автор содержался в заключении, является нарушением его права на рассмотрение дела в разумный срок или на освобождение. Длительность данного периода такова, что равнозначна нарушению права автора на рассмотрение дела в суде без неоправданной задержки. Поэтому Комитет постановляет, что имело место нарушение пункта 3 статьи 9 и подпункта c) пункта 3 статьи 14.

8.5 Комитет придерживается мнения, согласно которому вынесение смертного приговора в итоге судебного разбирательства, на котором не были соблюдены положения Пакта, если подача новой апелляции в отношении этого приговора невозможна, является нарушением статьи 6 Пакта. В данном деле, поскольку окончательный смертный приговор был вынесен без должного соблюдения предусмотренного в статье 14 требования о справедливом судебном разбирательстве, следует сделать вывод о том, что здесь имело место нарушение права, охраняемого статьей 6 Пакта.

84/ См. соображения по сообщению № 377/1989 (Карри против Ямайки), принятые 29 марта 1994 года, пункт 13.4.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пунктов 2 и 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10, пункта 1 и подпункта с) пункта 3 статьи 14, а следовательно, и статьи 6 Пакта.

10. Комитет полагает, что в соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство судебной защиты, предполагающее смягчение наказания.

11. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, а также эффективное и гарантированное средство правовой защиты в том случае, если какое-либо нарушение установлено, Комитет обращается к государству-участнику с просьбой представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в связи с настоящими соображениями Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо

[Подлинный текст на английском языке]

Мое мнение не расходится с соображениями Комитета, но я хотел бы обратить внимание на некоторые схожие моменты в данном сообщении и в Сообщении № 708/1996, Невиль Льюис против Ямайки (см. два особых мнения, прилагаемых к этому сообщению):

- 1) в обоих делах наряду с автором фигурирует обвиняемый и интересы автора и обвиняемого противоречат друг другу, причем и тот и другой придерживаются различных версий в изложении фактов;
- 2) задержка между арестом и началом судебного разбирательства у автора по рассматриваемому делу составила 26—28 месяцев, а у автора Сообщения № 708/1996 — 23 месяца;
- 3) в отношении обоих дел государство-участник утверждает, что в эти сроки велось предварительное следствие.

Учитывая эти аналогии и пытаясь сохранить логику в оценке соответствующих фактов по обоим делам, я не могу убедить себя в том, что задержка в 26—28 месяцев между арестом автора и началом судебного разбирательства может быть целиком поставлена в вину государству-участнику и является нарушением пункта 3 статьи 9 (см. пункт 8.4).

Х. Сообщение № 708/1996: Невиль Льюис против Ямайки (соображения, принятые 17 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Невилем Льюисом [представлен лондонской адвокатской фирмой "С. Дж. Бервин и Ко."]

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Ямайка

Дата сообщения:

24 мая 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 17 июля 1997 года,

завершив рассмотрение сообщения № 708/1996, представленного Комитету по правам человека от имени г-на Невилля Льюиса в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

утверждает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является Невиль Льюис, гражданин Ямайки, ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в окружной тюрьме Св. Екатерины на Ямайке. Он утверждает, что является жертвой нарушений статей 6, 7, 9, 10 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет г-н Дэвид Стюарт, солиситор лондонской фирмы "С. Дж. Бервин и Ко."

Представленные факты

2.1 Автор и его обвиняемый Питер Блейн были признаны виновными в убийстве некоего Виктора Хиггса и 14 октября 1994 года районным судом Кингстона приговорены к смертной казни. Поданная ими апелляция была отклонена Апелляционным судом 31 июля 1995 года, а 2 мая 1996 года было отклонено ходатайство автора о специальном разрешении на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета. Автор заявляет, что тем самым были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Он утверждает, что не имеет возможности воспользоваться предусмотренным

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Тексты четырех особых мнений членов Комитета Нисуке Андо, лорда Колвилла, Раджсумера Лаллаха и Мартина Шейнина прилагаются в добавлении к настоящему документу.

конституцией средством правовой защиты по причине своей бедности, поскольку Ямайка не оказывает правовой помощи по представлению ходатайств, предусмотренных в конституции.

2.2 11 ноября 1992 года, то есть примерно через три недели после обнаружения трупа г-на Хиггса, автор был арестован и помещен под стражу в полицейском участке Лайонел-Таун. На допросе в полиции автор сначала отрицал свою причастность к данному делу. Однако он утверждает, что неоднократно подвергался побоям, в результате чего согласился подписать чистые листы бумаги. Согласно его утверждениям, эти листы бумаги впоследствии использовали для того, чтобы сфальсифицировать его заявление, которое обычно делается после предупреждения об ответственности за данные показания и в котором он якобы признался, что находился вместе с Блейном на месте преступления, и обвинил Блейна в совершении убийства. (Вопрос о достоверности данного заявления автора в ходе судебного разбирательства не поднимался. Напротив, адвокат автора заявил на суде, что для него это заявление было полностью приемлемым.)

2.3 После того как автор сделал заявление в полиции, его перевели в центральный полицейский участок Кингстона и предъявили ему обвинение в убийстве г-на Хиггса. Неделю он провел в грязной камере, где вместе с ним находилось еще семь заключенных. Автор заявляет, что не имел контактов со своим адвокатом до момента доставки его в суд на первое предварительное слушание, которое состоялось приблизительно через неделю после предъявления ему обвинения. На этом слушании автор увидел двух своих сообвиняемых, одного из которых он знал под именем "Гарфилд", а вторым был Сесиль Салмон. Слушание было отложено.

2.4 После того как слушание было отложено, автора оставили в предварительном заключении в окружной тюрьме Св. Екатерины, где он находился в камере вместе с другими заключенными, которых было от 18 до 25. В конце концов сообвиняемые автора 85/ были отпущены под залог, но сам автор остался под стражей в полиции. 23 февраля 1993 года состоялось предварительное расследование и дело было передано в районный суд Кингстона для проведения судебного разбирательства. Автор находился в предварительном заключении в общей тюрьме Кингстона. Автор заявляет, что его содержали вместе с другими заключенными, которые уже были признаны виновными, в камере, где не было элементарных санитарно-технических устройств.

2.5 5 октября 1994 года началось судебное разбирательство по делу автора и его сообвиняемого Питера Блейна 86/. На суде версия обвинения состояла в том, что г-н Хиггс, американский бизнесмен, путешествовавший в автомобиле "хонда", в 5 часов вечера 18 октября 1992 года остановился на перекрестке, чтобы спросить дорогу. Автор и Блейн подсели к нему в автомобиль и предложили показать дорогу. Четыре дня спустя труп г-на Хиггса был найден в заболоченном озере. Днем раньше нашли его автомобиль, внешний вид которого был несколько изменен — заменили номера и поставили тонированные стекла. Жертву удушили лентой серой ткани, которую затянули ему на шею. Такой же тканью ему связали руки и ноги, а тело попытались утопить, привязав в качестве груза кусок рельса. Обвинение представило свидетелей, которые видели, как автор и его сообвиняемый садились в автомобиль жертвы, свидетеля, который помогал тонировать стекла автомобиля, а также полицейского, который остановил обвиняемого, когда тот находился за рулем этого автомобиля 19 октября 1992 года. Были представлены медицинские заключения, согласно которым причиной смерти явилось удушение удавкой в виде куска ткани. В качестве доказательств были приведены и заявления обоих обвиняемых, сделанные после предупреждения о том, что все данные показания могут быть использованы против них.

2.6 Сообвиняемый автора Питер Блейн сделал со скамьи подсудимых заявление не под присягой, в котором признался, что 18 октября 1992 года находился в автомобиле вместе с Хиггсом, а также с

85/ На основании протоколов судебного разбирательства можно сделать вывод о том, что во время суда над автором его сообвиняемые находились в заключении по обвинению в соучастии после события преступления.

86/ Блейн, как представляется, был арестован лишь 12 июля 1994 года.

автором сообщения и двумя другими молодыми людьми. Он обвинил автора в том, что именно тот задумал похитить автомобиль Хиггса, а самого Хиггса убить.

2.7 Автор дал свидетельские показания под присягой, в которых заявил, что на Хиггса напал именно Блейн и что именно Блейн принудил автора к соучастию, хотя последний умолял Блейна отпустить Хиггса. По просьбе автора был вызван другой свидетель, полицейский, который подтвердил, что автор выразил готовность сотрудничать с полицией. В ходе судебного разбирательства интересы автора представлял королевский адвокат, который был нанят для него его бывшей подругой. Он якобы беседовал с этим адвокатом всего за 30 минут до начала судебного разбирательства, а потому не смог обсудить с ним вопрос о показаниях.

2.8 15 декабря 1994 года автор написал омбудсмену жалобу по поводу того, что в полиции его принудили подписать чистые листы бумаги, а также того, что, когда он оказался в суде 5 октября 1994 года, его адвоката там еще не было и к нему подошел детектив, который сказал ему, какие давать показания, и именно этому совету автор последовал 87/. В своем ответе от 21 марта 1995 года омбудсмен посоветовал автору поднять эти вопросы в порядке обжалования и направить заявление о противоправном поведении со стороны полиции для расследования в Департамент по рассмотрению жалоб на действия полиции.

2.9 20 июня 1995 года секретарь Апелляционного суда уведомил автора о том, что в порядке правовой помощи его интересы будет представлять адвокат, который ранее не имел отношения к данному делу. Автор был также проинформирован о том, что слушание его дела состоится в течение недели, которая начинается с 10 июля 1995 года. Автор заявляет, что никогда не встречался с этим своим адвокатом. Апелляция рассматривалась по трем основаниям, связанным с тем, что судья дал неправильные инструкции присяжным заседателям.

Жалоба

3.1 В том что касается событий, которые происходили до начала судебного разбирательства, автор утверждает, что стал жертвой нарушения статей 7, 9, 10 и пункта 2 статьи 14 Пакта. Он напоминает, что подвергся после ареста жестоким побоям, его принудили подписать чистые листы бумаги, содержали под стражей вместе с осужденными заключенными, а также что он пробыл в заключении 23 месяца до начала судебного разбирательства. Автор утверждает, что такая задержка с началом судебного разбирательства по его делу объясняется тем фактом, что в отсутствие показаний Блейна против автора не было достаточных доказательств. В связи с этим он утверждает, что имело место нарушение пункта 2 статьи 14. Помимо этого автор заявляет, что факт его нахождения в заключении постоянно препятствовал ему в подготовке своей защиты и что впервые он встретился со своим нанятым частным образом адвокатом лишь за 30 минут до начала судебного разбирательства. Это, согласно его утверждениям, является нарушением подпункта b) пункта 3 статьи 14.

3.2 В том что касается самого судебного разбирательства, автор утверждает, что подробное освещение его дела в средствах массовой информации до начала и в ходе судебного процесса ущемило его право на справедливое судебное разбирательство, а также право, связанное с презумпцией невиновности. В связи с этим автор заявляет, что он просил суд в начале судебного разбирательства удалить прессу из зала заседания, в чем ему было отказано 88/. В то время, когда шло судебное разбирательство, средства массовой информации ошибочно сообщили, что автор сознался в соучастии в убийстве г-на Хиггса. На суде адвокат автора заявил об этом судье, ведущему

87/ Данное утверждение, как представляется, противоречит утверждению о том, что автор встретился со своим адвокатом за полчаса до начала судебного разбирательства. Кроме того, из протокола судебного заседания явствует, что автор давал показания во второй половине дня 11 октября 1994 года и при этом руководствовался советами своего адвоката.

88/ Протоколами судебных заседаний это заявление не подтверждается.

процесс, после чего тот дал инструкции присяжным не обращать внимания на сообщения, которые появляются по данному делу в средствах массовой информации.

3.3 Далее автор утверждает, что судья не проинструктировал должным образом присяжных в отношении показаний, данных обоими обвиняемыми друг против друга. Помимо этого, как заявляет автор, он также хотел, чтобы его адвокат вызвал для дачи показаний с его стороны подругу автора, но ее не вызвали, что явилось нарушением подпункта е) пункта 3 статьи 14.

3.4 Автор утверждает, что задержки в судебном процессе по его делу (три с половиной месяца между арестом и предварительным расследованием, 16 месяцев между арестом и предъявлением обвинения и почти два года между арестом и началом судебного разбирательства) составляют нарушение пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.5 В том что касается апелляции, автор утверждает, что адвокат, предоставленный ему в порядке оказания правовой помощи и выступавший в поддержку его апелляции, не мог надлежащим образом обеспечить подготовку апелляции, поскольку до слушания он с автором не встречался. Утверждается, что это является нарушением подпункта b) пункта 3 статьи 14.

3.6 Согласно утверждениям автора, вынесение смертного приговора, с учетом всех вышеупомянутых нарушений положений Пакта, является нарушением статьи 6 Пакта.

3.7 Автор утверждает, что условия содержания его в камере смертников блока "Гибралтар" тюрьмы Св. Екатерины представляют собой нарушение статьи 10 Пакта. Он заявляет, что в блоке царят грязь, вонь и он кишит насекомыми. Он утверждает, что находится в камере 24 часа в сутки и его выпускают всего лишь на 5 минут. В камере нет искусственного освещения, и ему разрешают свидания только раз в неделю на 5 минут. Автор также заявляет о нарушении пункта 3 статьи 10, поскольку якобы пенитенциарная система Ямайки на практике не имеет целью добиться социальной реабилитации и исправления заключенного. В этом контексте автор упоминает о чрезмерной загруженности тюрем, а также о том, что выносятся слишком много приговоров о назначении в качестве наказания смертной казни.

3.8 Кроме того, заявляется, что данный вопрос не находится на рассмотрении в какой-либо иной инстанции международного разбирательства или урегулирования.

Замечания государства-участника и комментарии автора по ним

4.1 В своем представлении от 23 сентября 1996 года государство-участник отмечает, что в соответствии с утверждениями автора с ним якобы плохо обращались в полиции во время его первоначального задержания. Далее государство-участник отмечает, что автор обратился с письмом к омбудсмену, который ответил на это письмо и порекомендовал автору обратиться в Департамент по рассмотрению жалоб на действия полиции. Однако автор не пошел по такому пути и не поднимал этого вопроса ни на одной из стадий судебного разбирательства по его делу. Поэтому государство-участник считает, что данное утверждение является неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.2 Государство-участник отрицает факт нарушения статьи 9 Пакта. В отношении жалобы автора на то, что ему не разрешали видеться с адвокатом, государство-участник указывает, что будет расследовать данный вопрос.

4.3 По вопросу о длительном досудебном содержании автора под стражей государство-участник считает, что отказ в освобождении автора под залог не является нарушением положений Пакта. По мнению государства-участника, существуют обстоятельства, когда соответствующее лицо нельзя освободить под залог, и оценку таких обстоятельств может лучше всего дать мировой судья. В обязанности государства входит регулярное изучение обстоятельств содержания под стражей того или иного лица в целях установления возможных изменений в таких обстоятельствах, которые

оправдывали бы освобождение этого лица. Это, как заявляет государство-участник, было сделано, а потому здесь нет никакого нарушения статьи 9 и пункта 2 статьи 14 Пакта.

4.4 В том что касается продолжительности досудебного содержания под стражей, то, согласно объяснениям государства-участника, на протяжении 23 месяцев велось предварительное следствие и автор неоднократно доставлялся в суд. Таким образом, с точки зрения государства-участника, данная задержка не является неоправданной и не нарушает положений Пакта. Что же касается трехмесячной задержки между арестом автора и проведением предварительного слушания, то, как объясняет государство-участник, в этот промежуток времени автора неоднократно доставляли в суд, а значит, как утверждается, эта задержка также не является неоправданной и не означает нарушения положений Пакта. По мнению государства-участника, не является нарушением Пакта и срок в 16 месяцев между арестом автора и предъявлением ему обвинения, поскольку в это время автор неоднократно предстал перед судом и было проведено предварительное расследование.

4.5 По поводу утверждения автора о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14, поскольку якобы в средствах массовой информации его дело освещалось таким образом, что это могло настроить против него присяжных, государство-участник заявляет, что автор имел все возможности поднять этот вопрос либо в ходе судебного разбирательства, либо в порядке обжалования, но этого не сделал. Поэтому государство-участник считает данный аспект сообщения неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.6 В связи с утверждением автора о нарушении его права иметь достаточно времени и возможности для подготовки своей защиты, поскольку ему препятствовало в этом длительное нахождение под стражей и тот факт, что его контакты с адвокатом, защищавшим его в ходе судебного разбирательства, были минимальными, а с адвокатом, представлявшим его интересы в порядке обжалования, он не встречался вообще, государство-участник отрицает, что досудебное содержание под стражей может само по себе помешать в подготовке защиты настолько, что в результате этого судебное разбирательство становится несправедливым. По вопросу о юридическом представительстве государство-участник по-прежнему придерживается точки зрения, согласно которой в его обязанности входит назначение компетентных адвокатов для представительства лиц, нуждающихся в правовой помощи. Но за то, как адвокат ведет дело, государство-участника считать ответственным, согласно положениям Пакта, нельзя.

4.7 Государство-участник отмечает, что автор также жалуется на инструкции, которые судья давал присяжным, и подчеркивает, что, по признанию самого Комитета, данный вопрос относится к юрисдикции апелляционных судов.

4.8 В том что касается утверждения автора по поводу подпункта е) пункта 3 статьи 14, государство-участник отмечает, что автор не смог объяснить, почему для дачи показаний не была вызвана его подруга. Государство-участник считает, что само государство нельзя винить за то, что эту подругу не вызвали в суд, если только это не стало следствием каких-либо действий со стороны государственных органов.

5.1 В своих комментариях к представлению государства-участника адвокат утверждает, что рассматриваемое сообщение является приемлемым и что государство-участник не смогло ответить на ряд вопросов, поднятых в сообщении, и это следует рассматривать как признание их приемлемости. По существу сообщения адвокат отмечает, что государство-участник обязалось расследовать причины, помешавшие автору встретиться с тем или иным адвокатом, а также что существует еще ряд вопросов, требующих расследования со стороны государства-участника до того, как Комитет сможет дать свою оценку вопросам существа данного дела.

5.2 В связи с доводом государства-участника, согласно которому утверждение автора по поводу плохого обращения с ним в полиции является неприемлемым на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты, адвокат напоминает, что 15 декабря 1994 года автор направил письменную жалобу омбудсмену. 21 марта 1995 года он получил от омбудсмана ответ, в котором ему советовали обратиться в Департамент по рассмотрению жалоб на действия полиции, находящийся в Кингстоне.

Адвокат подчеркивает, что в это время автор уже находился в камере смертников и, учитывая свое уязвимое положение, когда тюремные охранники могли в любую минуту применить по отношению к нему жестокость и запугивание, практически не имел возможности подать жалобу в Департамент по рассмотрению жалоб на действия полиции. Адвокат указывает, что любому заключенному всегда трудно доказать факты применения пыток или плохого обращения, и, ссылаясь на прецедент рассмотрения в Комитете дела Рамирес против Уругвая 89/, утверждает, что в том случае, когда автор приводит необходимые подробности соответствующих действий, простого отрицания государством-участником, сформулированного в общих выражениях, недостаточно. Адвокат считает, что автор не имел разумных оснований рассчитывать на положительные результаты своей жалобы в Департамент по рассмотрению жалоб на действия полиции и что, напротив, подача такой жалобы привела бы лишь к репрессиям со стороны охранников. Поэтому он принял решение такую жалобу не подавать, а прибегнуть к имевшимся в его распоряжении другим средствам правовой защиты в виде подачи апелляции и обращения в международные судебные органы.

5.3 Адвокат отмечает, что государство-участник не опровергло утверждения автора относительно условий содержания в отделении для смертников, которые, как было заявлено, сами являются нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

5.4 В том что касается досудебного содержания автора под стражей, адвокат заявляет, что ранее автор к судебной ответственности не привлекался и поэтому не знал, как себя вести с полицией. Утверждается, что в полиции обманным путем его заставили дать показания против самого себя, а за это государство-участник должно нести ответственность.

5.5 Адвокат считает, что государство-участник не смогло ответить на утверждения автора, касающиеся несоблюдения в его деле презумпции невиновности, в частности если учесть тот факт, что обвиняемого вместе с ним по этому же делу Питера Блейна арестовали 12 июля или около 12 июля 1994 года, то есть примерно за три месяца до начала судебного разбирательства.

5.6 Что касается задержки в 23 месяца между арестом и судебным разбирательством, то, как отмечает адвокат, государство-участник отрицало, что данная задержка является неоправданной, но не предложило расследовать ее причины. Адвокат утверждает, что длительное нахождение автора в тюремном заключении носило исключительно несправедливый характер, поскольку он не имел возможности встречаться со своими адвокатами для надлежащей подготовки собственной защиты. По его словам, такое нарушение является нарушением обязательств государства-участника, предусмотренных в пункте 3 статьи 9, а в конечном счете и нарушением права автора на жизнь, охраняемого согласно статье 6 Пакта. С точки зрения адвоката, даже если согласиться с тем, что трехмесячная задержка между арестом и предварительным слушанием не была неоправданной, так как автора неоднократно доставляли в суд, то данный аргумент не может выдвигаться государством-участником в качестве оправдания 16-месячной задержки между арестом автора и предъявлением ему обвинения 6 апреля 1994 года. Утверждается, что власти не имели права держать автора в заключении до ареста его сообвиняемого Блейна в июле 1994 года и что это является нарушением подпункта с) пункта 3 статьи 14.

5.7 По вопросу об освещении дела в средствах массовой информации и о той предубежденности, которую такое освещение породило против автора и его сообвиняемого, адвокат заявляет, что и автор, и его сообвиняемый предпринимали попытки удалить прессу из зала суда еще до начала первого слушания, но в этом им отказали. Далее утверждается, что полиция разослала прессе фотографию из паспорта автора, что дало повод предполагать его причастность к данному убийству. Автор продолжает утверждать, что тот факт, что его имя связывалось с данным преступлением, повредил ему в ходе судебного разбирательства и нанес вред интересам правосудия, а это является нарушением пункта 1 статьи 14. Касаясь выдвинутого государством-участником аргумента, согласно которому автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, адвокат заявляет, что ему не известно ни одно дело из практики судов Ямайки, когда суд отложил бы или отменил судебное разбирательство

89/ См. соображения по сообщению № 4/1977, принятые Комитетом на его десятой сессии 23 июля 1980 года.

по причине недоброжелательного освещения в прессе. Поэтому он считает, что в распоряжении автора не оставалось какого-либо эффективного средства правовой защиты, поскольку судья, ведший процесс, отказал в требовании удалить прессу из зала суда. Согласно мнению адвоката, этот вопрос в качестве основания для обжалования поднимать было нельзя ни в Апелляционном суде Ямайки, ни в Судебном комитете Тайного совета.

5.8 В связи с вопросом о недостатке времени и отсутствии возможностей для подготовки апелляции автора адвокат напоминает, что интересы автора в ходе рассмотрения поданной им апелляции представлял назначенный в порядке правовой помощи адвокат, который даже не встретился с автором, чтобы обсудить с ним его дело, хотя автор в письменном виде сообщил тому адвокату, что располагает важной информацией. В целом, как считает адвокат, государство-участник предоставляет обвиняемым из числа неимущих лишь минимальную правовую помощь. В результате дела, чреватые вынесением смертных приговоров, часто берут неопытные адвокаты, а по причине низких гонораров они почти всегда сокращают время на подготовку судебных дел.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо из утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, принять решение по вопросу о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет установил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что с точки зрения государства-участника заявление автора о том, что освещение его дела в средствах массовой информации настроило присяжных против него, является неприемлемым на том основании, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет указывает, что этот вопрос в ходе судебного разбирательства ни автором, ни его адвокатом не поднимался, хотя поднимать его должны были именно они. По этой причине Комитет считает данную часть сообщения неприемлемой.

6.4 Далее Комитет отмечает, что, по мнению государства-участника, утверждение автора о том, что после ареста он подвергся побоям, является неприемлемым, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет указывает, что этот вопрос в ходе судебного разбирательства ни автором, ни его адвокатом не поднимался, хотя поднимать его должны были именно они, и что защита автора в ходе судебного разбирательства частично строилась на добровольности признания и на том, что он сотрудничал с полицией. По этой причине Комитет считает данное утверждение неприемлемым.

6.5 В связи с утверждением автора, согласно которому инструкции, данные судьей присяжным, были неправильными, Комитет ссылается на свою предыдущую практику рассмотрения дел и вновь заявляет, что рассматривать, какие конкретные инструкции давал присяжным ведший процесс судья, как правило, должен не Комитет, а апелляционные суды государств-участников, если только не установлено, что такие инструкции присяжным носили явно произвольный характер или были равнозначными отказу в правосудии. Имеющиеся в распоряжении Комитета материалы не подтверждают, что инструкции, которые давал ведший процесс судья, или манера ведения им судебного разбирательства страдали подобными недостатками. В соответствии с этим данная часть сообщения объявляется, в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола, неприемлемой как несовместимая с положениями Пакта.

6.6 Что касается утверждения автора о том, что адвокат не вызвал его подругу для дачи свидетельских показаний в ходе судебного разбирательства, то Комитет полагает, что государство-участник не может нести ответственности за ошибки, якобы допущенные адвокатом защиты, если только для судьи не было очевидным, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия. В рассматриваемом деле нет оснований полагать, что адвокат руководствовался чем-либо иным

помимо наиболее уместных, с его точки зрения, действий, и поэтому данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.7 Комитет полагает, что автору не удалось доказать для целей приемлемости, что он стал жертвой нарушения пункта 3 статьи 10. Поэтому данная часть сообщения объявляется неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.8 Комитет принимает к сведению, что государство-участник проявило готовность к тому, чтобы данное сообщение было рассмотрено по существу, поскольку оно не возражало против его приемлемости. Комитет принимает также к сведению довод адвоката, согласно которому государству-участнику необходимо будет расследовать еще целый ряд вопросов. Тем не менее Комитет считает, что имеющаяся в его распоряжении информация является достаточной для того, чтобы приступить к рассмотрению данного сообщения по существу.

7. В сложившихся обстоятельствах Комитет объявляет остальные утверждения автора приемлемыми и приступает к рассмотрению существа этих утверждений с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 Согласно утверждениям автора, задержка в 23 месяца между его арестом и началом судебного разбирательства является неоправданно долгой и представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта. В соответствии с пунктом 3 статьи 9 арестованный имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Комитет заявляет, что аргументы, представленные государством-участником, не объясняют должным образом, почему автор, не будучи отпущенным под залог, в течение 23 месяцев не предстал перед судом. Комитет придерживается точки зрения, согласно которой, в контексте пункта 3 статьи 9 и в отсутствие удовлетворительного объяснения такой задержки со стороны государства-участника, задержка в 23 месяца, в течение которых автор находился в заключении, является необоснованной и представляет собой нарушение данного положения. В сложившихся обстоятельствах Комитет не считает необходимым рассматривать вопрос о нарушении подпункта с) пункта 3 статьи 14.

8.2 Имея в виду вышеупомянутую задержку, автор также утверждал, что было нарушено его право на презумпцию невиновности, поскольку такая задержка была вызвана тем, что полиция не могла обнаружить его обвиняемого, а в отсутствие обвиняемого достаточных доказательств против автора не имелось. Комитет отмечает, что автору предъявили обвинение до того, как был задержан его обвиняемый, а это свидетельствует о том, что против автора имелись доказательства *prima facie*, достаточные для того, чтобы передать его дело в суд. В сложившихся обстоятельствах Комитет постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты не подтверждают нарушения пункта 2 статьи 14.

8.3 Помимо этого автор утверждал, что длительное нахождение под стражей препятствовало ему в подготовке своей защиты, поскольку он не имел возможности свободно консультироваться со своим адвокатом. В связи с этим Комитет принимает к сведению, что государство-участник пообещало расследовать причины, по которым автору не разрешали встречаться с адвокатом. Тем не менее Комитет отмечает, что автор никогда не заявлял о том, что ему не разрешали встречаться с адвокатами, и что первая его встреча с адвокатом состоялась неделю спустя после ареста. В рассматриваемом деле информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не свидетельствует о том, что наложенные на автора ограничения препятствовали ему в подготовке своей защиты в такой степени, что это явилось нарушением подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта. В связи с этим Комитет также отмечает, что ни автор, ни его адвокат на начальной стадии судебного разбирательства не требовали предоставить им больше времени для подготовки защиты.

8.4 Что касается утверждения автора о том, что он не имел эффективного представительства при рассмотрении апелляции, поскольку назначенный ему в порядке правовой помощи адвокат с ним не советовался, Комитет указывает, что автора заранее проинформировали, кто его будет представлять на апелляции, его уведомили о дате слушания и адвокат автора выступал при рассмотрении апелляции от его имени. Комитет напоминает о своей практике рассмотрения дел, в соответствии с которой,

согласно подпункту d) пункта 3 статьи 14, суд должен обеспечить, чтобы ведение дела адвокатом не было несовместимым с интересами правосудия. В рассматриваемом деле ничто в манере ведения адвокатом автора дела по апелляции не свидетельствует о том, что он не предпринимал наиболее уместных, с его точки зрения, действий для защиты интересов своего клиента. Поэтому Комитет делает вывод, согласно которому имеющаяся в его распоряжении информация не свидетельствует о нарушении подпункта d) пункта 3 статьи 14.

8.5 Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало утверждения автора, касающиеся статьи 10 Пакта, в соответствии с которыми а) автор после своего ареста провел неделю в грязной камере с семью другими заключенными; б) в общей тюрьме его содержали в одной камере с уже осужденными заключенными, где отсутствовали элементарные санитарно-технические устройства; и с) камера, в которой он содержится в отделении смертников, грязная, вонючая и кишит насекомыми, а он находится в ней круглые сутки, за исключением пятиминутных промежутков, когда выносят парашу, а также за исключением времени на свидания, которые ему разрешают раз в неделю на пять минут. В сложившихся обстоятельствах Комитет постановляет, что факты, представленные автором, составляют нарушение пункта 1 и подпункта а) пункта 2 статьи 10 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

10. Комитет полагает, что в соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта г-н Невиль Льюис имеет право на эффективное средство судебной защиты, включая компенсацию. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения в будущем не повторялись.

11. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, а также эффективное и гарантированное средство правовой защиты в том случае, если какое-либо нарушение установлено, Комитет обращается к государству-участнику с просьбой предоставить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в связи с настоящими соображениями Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

А. Особое мнение члена Комитета лорда Колвилля (несовпадающее)

[Подлинный текст на английском языке]

1. Учитывая обстоятельства данного дела, я не могу согласиться с тем, что задержка в 23 месяца, прошедших с момента ареста автора до начала судебного разбирательства, является нарушением пункта 3 статьи 9 Пакта. Ключевым здесь является вопрос о сделанном им заявлении, которое, как он утверждает согласно пунктам 2.2 и 3.1 настоящих соображений, было добыто у него обманным путем после того, как его подвергли побоям в полиции.

2. Это заявление, в котором содержалось его признание в причастности к убийству жертвы, было центральным моментом защиты автора в ходе судебного разбирательства по его делу, и таковым оно и должно было стать. Вопреки утверждению автора, изучение протокола судебного разбирательства показывает, что это заявление было сделано добровольно и в присутствии мирового судьи, который прибыл туда для этого по просьбе сотрудника полиции, ответственного за данное дело. Адвокат и сам автор, когда давал показания под присягой, подтвердили на суде, что так оно и было: автор никогда не жаловался на то, что это заявление было получено у него таким образом, как он теперь это утверждает. Напротив, оно было существенной частью его защиты, когда он пытался доказать, что признание его виновным (в котором не было практически никаких сомнений) должно было произойти по статье 2 (2) Закона (с поправками) о преступлениях против личности 1992 года, предусматривающей обвинение в убийстве, не наказуемом смертной казнью, поскольку, как утверждал автор, он "сам не применял насилия по отношению к тому человеку в начале или в ходе нападения на него", — см. решение Апелляционного суда от 31 июля 1995 года, пункты 17—18. В порядке защиты автор пытался и по-прежнему пытается переложить вину за применение насилия на своего сообвиняемого Питера Блейна. Такая линия защиты (которая среди юристов системы общего права получила название "утопи подельника") имела бы очень мало шансов на успех в рамках надлежащей судебной процедуры, примером которой являются положения пункта 2 статьи 14 Пакта, если только те же самые присяжные не участвовали бы и в принятии решения о признании виновным Питера Блейна.

3. В данном случае такая линия защиты автора успеха не имела, что, по-видимому, объясняется грубыми несовпадениями между тем, что автор изложил в своем заявлении, сделанном в присутствии мирового судьи, и показаниями, которые он дал в ходе судебного разбирательства. И все же для него было существенно важно дать показания под присягой и подвергнуть себя перекрестному допросу со стороны обвинения и адвоката своего сообвиняемого (что и произошло в действительности), чтобы попытаться быть признанным виновным по статье, не предусматривающей смертной казни.

4. Сообвиняемый автора Питер Блейн после совершения убийства скрывался, и его задержала портовая полиция Ямайки при попытке покинуть страну. Автор не мог оказать помощи в задержании Блейна, но автору было важно, чтобы его судили не одного и чтобы те же самые присяжные рассматривали и дело Питера Блейна. Жалоб, связанных с тем, что автор пытался освободиться под залог, независимо от перспектив успешности такого шага, не поступало, и по этому поводу он никакой информации не предоставляет.

5. Что же касается утверждения автора, приведенного в пункте 3.1 настоящих соображений, согласно которому без показаний Питера Блейна против автора было недостаточно доказательств для передачи его дела в суд, то это полностью противоречит: а) его первоначальному заявлению; б) показаниям под присягой, данным им в ходе судебного разбирательства; и с) принятой им самим линии защиты, которая состояла в том, чтобы переложить всю ответственность за связанные с убийством действия, наказуемые смертной казнью (в отличие от действий, не наказуемых смертной казнью), на своего сообвиняемого Питера Блейна.

6. В связи с этим я полагаю, что существенные права автора, предусмотренные в Пакте, в связи со всем вышеизложенным либо не упоминались, либо не нарушались.

В. Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо (несовпадающее)

[Подлинный текст на английском языке]

Внимательно прочитав особое мнение лорда Колвилля, я не могу согласиться с той частью соображений Комитета (пункт 8.1), в соответствии с которой 23-месячная задержка в данном деле между арестом автора и началом судебного разбирательства является нарушением пункта 3 статьи 9 Пакта.

В связи с этим Комитет отмечает, что "аргументы, представленные государством-участником, не объясняют должным образом, почему автор, не будучи отпущенным под залог, в течение 23 месяцев не предстал перед судом" (там же). Однако, как утверждает государство-участник, "на протяжении 23 месяцев велось предварительное следствие и автор неоднократно доставлялся в суд" (пункт 4.4). Более того, лорд Колвилль в своем мнении (особое мнение, пункт 4) разъясняет, что "автору было важно, чтобы его судили не одного и чтобы те же самые присяжные рассматривали и дело Питера Блейна", которого вместе с ним обвиняли в совершении того же самого убийства и который, вероятно, был арестован в начале июля 1994 года, то есть примерно через 20 месяцев после ареста автора (соображения по сообщению № 696/1996, пункты 2.1 и 3.4). Так, лорд Колвилль отмечает, что "жалоб, связанных с тем, что автор пытался освободиться под залог.., не поступало и по этому поводу он никакой информации не предоставляет" (особое мнение, пункт 4).

Все вышеизложенное означает для меня, что задержка в 23 месяца между арестом автора и рассмотрением его дела в суде не обязательно была вызвана бездействием государства-участника, а скорее всего она объясняется выгодой для самого автора. Поскольку в соответствии с установившейся практикой рассмотрения дел в Комитете продление сроков рассмотрения дел в судах по причине поведения авторов не следует вменять в вину соответствующему государству-участнику, я не могу поддержать ту часть настоящих соображений, в соответствии с которой 23-месячная задержка между арестом автора и началом судебного разбирательства представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта.

С. Особое мнение члена Комитета г-на Раджсумера Лаллаха (несовпадающее)

[Подлинный текст на английском языке]

Я не могу согласиться с тем соображением Комитета, согласно которому в данном деле имело место нарушение пункта 3 статьи 9. Комитет основывался в своих выводах, во-первых, на том, что срок в 23 месяца, прошедший с момента ареста автора и до начала суда над ним, был необоснованным, а во-вторых, на том, что государство-участник не представило какого-либо удовлетворительного объяснения продолжительности этого срока.

Государство-участник представило объяснения, которые, по моему мнению, являются вполне уместными. Мы имеем полное право рассматривать их в контексте других соответствующих факторов, присутствующих в материалах данного дела. Представленные объяснения и материалы дела свидетельствуют о следующем: сначала полиция провела следствие; на базе материалов следствия состоялось предварительное расследование дела в суде, куда автор доставлялся неоднократно; по завершении процедуры подготовки материалов дела для передачи его в суд дело автора было передано в суд для проведения судебного разбирательства; судебное разбирательство не пошло обычным путем, поскольку полиции удалось арестовать обвиняемого, и следует предполагать, что необходимо было провести соответствующее предварительное расследование в отношении причастности к делу обвиняемого, чтобы можно было провести объединенный судебный процесс над автором и его обвиняемым по совершенному ими вместе преступлению. Как мне представляется, при данных обстоятельствах нельзя утверждать, что срок, прошедший с момента

передачи дела обвиняемого в суд и до начала его рассмотрения, был необоснованным, хотя на первый взгляд он и выглядит несколько затянутым.

Стоит отметить, что автор — если ему казалось, что процедура затягивается, — и не добивался, как представляется, судебного постановления о рассмотрении его дела в разумные сроки.

D. Особое мнение члена Комитета г-на Мартина Шейнина (частично несовпадающее)

[Подлинный текст на английском языке]

Я разделяю соображения Комитета по тем моментам, в которых было установлено нарушение положений Пакта.

Но помимо этого автор жаловался также и на нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта, а в заявлении, представленном его адвокатом, приводятся факты, относящиеся к недельной задержке перед тем, как автор после взятия под стражу полицией впервые предстал перед судом. Поскольку государство-участник не смогло осветить этот вопрос или представить какую-либо информацию о том, что автора действительно доставляли в суд в течение первой недели его пребывания под стражей, я полагаю, что было также нарушено закрепленное в пункте 3 статьи 9 право лица, задержанного по уголовному обвинению, быть в срочном порядке доставленным к судье или к другому должностному лицу суда.

После того как были установлены неоднократные нарушения положений Пакта, я считаю, что единственным верным средством правовой защиты, которое можно было бы рекомендовать, является замена смертного приговора другим, более мягким наказанием.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

Решения Комитета по правам человека, объявляющие сообщения неприемлемыми
в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту
о гражданских и политических правах

A. Сообщение № 579/1994: Клаус Веренбек против Австралии
(решение, принятое 27 марта 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Клаусом Веренбеком
<u>Жертва:</u>	автор сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Австралия
<u>Дата сообщения:</u>	31 мая 1993 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 27 марта 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Клаус Веренбек, гражданин Германии, который во время подачи жалобы содержался под стражей в Австралии. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пункта 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10, статей 14, 16 и 26 Пакта. Пакт вступил в силу для Австралии 13 ноября 1980 года, а Факультативный протокол — 25 декабря 1991 года.

Факты, представленные автором

2.1 5 июня 1989 года автор был задержан в аэропорту Брисбейна по подозрению в незаконном ввозе наркотиков в Австралию. Его официально арестовали и предъявили обвинение 7 июня 1989 года, и он предстал перед мировым судом Брисбейна. 8 марта 1990 года после четырехдневного судебного разбирательства он был осужден по этому обвинению и 23 марта 1990 года приговорен к 13 годам и четырем месяцам тюремного заключения с рекомендацией провести в заключении по меньшей мере шесть с половиной лет. Хотя адвокаты автора говорили ему, что обжалование не возымеет действия, автор подал апелляцию в Уголовный апелляционный суд 23 апреля 1990 года. 12 июня 1990 года автору была предоставлена отсрочка в исполнении приговора и по рекомендации председательствующего судьи ему была предоставлена правовая помощь. 29 октября 1990 года апелляция автора на судебное решение об осуждении была отклонена и ему было отказано в прошении о разрешении на обжалование приговора.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-жа Лаура Могхайцель, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин и г-н Максвелл Ялден.

2.2 Обвинение утверждало, что 5 июня 1989 года автор попал на территорию Австралии из Таиланда рейсом международной авиалинии. При досмотре его багажа сотрудниками таможни было обнаружено, что у одной из сумок автора имелось фальшивое дно, где был спрятан героин. Вес героина составил 5,3469 килограмма, а содержание чистого героина — 3,635 килограмма. На допросе автор заявил, что ему сказали, будто бы эта сумка весьма ценная и ему заплатят 32 000 долл. США после ее доставки. Однако он отрицал, что знал, что перевозит героин. По обнаружении героина автор оказал содействие полиции, действуя согласно договоренности о передаче сумки, в результате чего могли быть арестованы другие подозреваемые.

2.3 Автор сообщает, что совершенно не знал, что в сумке спрятано что-либо ценное; согласно его утверждению, он считал, что ему заплатят 32 000 долл. США за перевозку планов строительства и бизнес-планов, находившихся в сумке. Далее автор сообщает, что после ареста он действовал согласно указаниям полиции, когда общался с тайскими связными, что полиция создавала компрометирующие его ситуации и что из этих событий нельзя сделать вывода о его виновности.

2.4 Автор обжаловал свое осуждение, в частности на том основании, что у него не было достаточно времени для консультаций с адвокатом, он был нездоров во время судебного разбирательства, зачастую не мог следить за переводом с английского на немецкий в ходе слушания дела, из-за погрешностей в переводе допустил ошибки, неблагоприятно сказавшиеся на его защите, и что свидетели защиты не вызывались. В решении Апелляционного суда указывалось, что, хотя было проведено расследование по вопросу перевода, адвокату автора не удалось далее развить этот пункт.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его досудебное содержание в заключении на протяжении девяти месяцев было чересчур длительным и является нарушением пункта 3 статьи 9 и подпункта с) пункта 3 статьи 14.

3.2 Автор также утверждает, что является жертвой нарушения статьи 10, поскольку ему не было предоставлено соответствующего медицинского лечения во время заключения, в результате чего во время судебного разбирательства он плохо себя чувствовал.

3.3 Автор заявляет, что сначала его представлял нанятый частным образом адвокат, но в результате финансовых затруднений этот адвокат прекратил действовать в его интересах всего за десять дней до передачи дела на рассмотрение, которое состоялось 22 сентября 1989 года. 19 сентября 1989 года ему была предоставлена правовая помощь. Во время слушаний по передаче дела на рассмотрение его представлял некий адвокат, и он хотел бы, чтобы этот адвокат защищал его в суде. Однако 5 марта 1990 года, за 11 дней до начала судебного разбирательства, в тюрьме его посетил новый адвокат с целью подготовки защиты, который затем представлял его в суде. Автор утверждает, что это является нарушением его права, согласно подпунктам b) и d) пункта 3 статьи 14, иметь достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты и соотноситься с выбранным им самим защитником. Он также утверждает, что подготовка его защиты в Апелляционном суде была недостаточной, поскольку адвокат, предоставленный ему в рамках правовой помощи, впервые посетил его лишь за семь дней до начала слушаний по апелляции.

3.4 Далее автор утверждает, что в его деле были нарушены подпункты a) и f) пункта 3 статьи 14, поскольку он не был информирован подробно и на понятном ему языке о выдвинутых против него обвинениях. Он заявляет, что лишь немного знает английский язык и поэтому зависел от письменного и устного перевода. Он утверждает, что из-за плохого качества устного перевода во время судебного разбирательства он понимал лишь половину того, что говорилось, и в результате были допущены ошибки, пошедшие ему во вред. В частности, он по ошибке отрицательно ответил на вопрос, может ли он представить доказательства для своей защиты. Хотя автор поставил адвоката в известность о своей неудовлетворенности переводом, тот не принял никаких мер для улучшения перевода. Кроме того, автор утверждает, что перевод его заявлений с немецкого на английский язык содержит ошибки.

3.5 Автор также утверждает, что свидетели в его защиту не вызывались, хотя он неоднократно обращался с просьбой об этом к адвокату. Он сообщает, что желал вызвать немецких свидетелей, чтобы те дали показания в отношении его характера и засвидетельствовали, что он ехал в Австралию с намерением заниматься бизнесом, а не контрабандой героина. Он утверждает, что тот факт, что в его защиту не были вызваны свидетели, является нарушением подпункта е) пункта 3 статьи 14.

3.6 Далее автор утверждает, что его приговор — 13 лет и четыре месяца тюремного заключения — является слишком суровым и представляет собой нарушение статьи 26. В связи с этим он поясняет, что в 1991 году гражданин Ливана, задержанный в аэропорту с двумя килограммами героина, спрятанного в сумке, был оправдан судом. Автор полагает, что обстоятельства этого дела были аналогичными, в частности ни ливанец, ни он сам не знали, что в сумке спрятан героин, и утверждает, что его осуждение нарушает его право на равную защиту со стороны закона. В этом контексте он также утверждает, что якобы имело место нарушение статьи 16 Пакта.

3.7 Автор сообщает, что, согласно австралийскому законодательству, апелляция в Апелляционный суд может рассматриваться только по юридическим основаниям. Он утверждает, что это является нарушением пункта 5 статьи 14 в плане пересмотра его приговора, поскольку повторное слушание может быть назначено, только если Апелляционный суд постановит, что была допущена юридическая ошибка. Далее он утверждает, что при апелляции был нарушен подпункт d) пункта 3 статьи 14, поскольку он не присутствовал на слушании, хотя отмечал, что желает этого.

3.8 Автор сообщает, что после отклонения апелляции его адвокат заявил ему, что дальнейшее рассмотрение дела невозможно, и не уведомил его о возможности обжаловать решение в Верховном суде. Поскольку в Верховный суд дело надо было представить в течение 21 дня с даты решения суда нижней инстанции, а сам автор был не в состоянии сделать это и нуждался для этого в юридическом представительстве, автор утверждает, что ему было отказано в пересмотре дела судом высшей инстанции в нарушение пункта 5 статьи 14.

3.9 Наконец, автор заявляет, что во время перевода из одной тюрьмы в другую в 1991 году пленки с переводами на немецкий язык оригиналов записей судебного разбирательства на английском языке были утеряны. Поскольку их не удалось разыскать, ему была выплачена компенсация в размере 995 долл. США. Автор считает эту сумму недостаточной и требует компенсации в размере 5911 долл. США.

Замечания государства-участника по поводу приемлемости

4.1 В конце января 1996 года государство-участник представило свои замечания по поводу приемлемости сообщения.

4.2 Что касается жалобы автора относительно статьи 9 Пакта, государство-участник отмечает, что автор содержался в предварительном заключении с 5 июня 1989 года до 4 марта 1990 — до вступления в силу Факультативного протокола 25 декабря 1991 года. По этой причине государство-участник утверждает, что жалоба неприемлема согласно принципу *ratione temporis*. В связи с этим государство-участник ссылается на судебную практику Комитета, в соответствии с которой проверкой приемлемости *ratione temporis* является то, продолжают ли предполагаемые нарушения прав человека после даты вступления в силу Факультативного протокола для соответствующего государства-участника или влекут ли они за собой последствия, которые сами по себе составляют нарушение Пакта после этой даты. Далее государство-участник ссылается на решение Комитета по сообщению № 520/1992 (Э. и А.К. против Венгрии, объявлено неприемлемым 7 апреля 1994 года), в котором Комитет отметил, что продолжающееся нарушение следует толковать как "следующее за вступлением в силу Факультативного протокола подтверждение действием или четким последствием предыдущих нарушений". Государство-участник сообщает, что жалоба автора по статье 9 Пакта стоит отдельно от остальных жалоб по предполагаемым нарушениям и что, вынося автору приговор, судья принял во внимание время, проведенное автором под стражей до суда. По мнению государства-участника, это указывает на то, что инкриминируемое нарушение не имело продолжения или последствий, что делает жалобу неприемлемой *ratione temporis*.

4.3 Что касается жалобы автора по статье 10 Пакта о том, что ему не было обеспечено надлежащее медицинское лечение во время содержания под стражей, государство-участник отмечает, что это, как утверждается, имело место до 8 марта 1990 года и потому жалоба неприемлема ratione temporis.

4.4 Кроме того, государство-участник сообщает, что автор не представил достаточного обоснования своей жалобы, как требуется правилом 90 (b) правил процедуры Комитета. Государство-участник отмечает, что автор не сообщил подробностей своего якобы имевшего место недомогания, как и не представил подробностей относительно отсутствия, как он утверждает, медицинского лечения. Государство-участник отмечает, что жалоба автора рассматривалась Уголовным апелляционным судом, который ее отклонил. Государство-участник также ссылается на материалы по тюремному заключению автора за соответствующий период времени, в которых указано, что он прошел медицинский осмотр при поступлении в тюрьму 3 июля 1989 года и затем еще три осмотра и что с медицинской точки зрения отклонений не было обнаружено. Во время этих осмотров автору предоставлялся переводчик, и в материалах не содержится жалоб на медицинское лечение. В материалах указывается, что автор постоянно жаловался на холод и что ему были выданы дополнительные одеяла. По этой причине государство-участник утверждает, что жалоба неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

4.5 Что касается жалоб автора по статье 14 Пакта, государство-участник, отмечая, что судебное разбирательство по делу автора проходило с 5 по 8 марта 1990 года и что его апелляция была отклонена Уголовным апелляционным судом 23 апреля 1990 года, утверждает, что его жалобы неприемлемы ratione temporis. Более того, государство-участник утверждает, что жалоба неприемлема ratione materiae.

4.6 Что касается юридического представительства автора, государство-участник отмечает, что, согласно Пакту, не существует права на выбор адвоката, если правовая помощь оказывается бесплатно, равно как и права на постоянное представительство одним и тем же адвокатом. Государство-участник подчеркивает, что автор непрерывно пользовался услугами государственного защитника, предоставленного комиссией по правовой помощи штата Квинсленд. Государство-участник далее сообщает, что автор не представил обоснования своей жалобы на то, что у него не было времени на подготовку защиты. Государство-участник отмечает, что государственный адвокат, представлявший автора во время судебного разбирательства, обладает опытом и компетентен в защите уголовных дел и что он в начале процесса был удовлетворен тем, что дело должным образом подготовлено. В этом контексте государство-участник указывает, что вопрос о подготовленности защиты обвиняемого в уголовном процессе может являться предметом только профессиональной оценки.

4.7 Что касается представительства по апелляции, государство-участник отмечает, что автору была предоставлена правовая помощь для подачи апелляции 7 июня 1990 года. Адвокат имел опыт обжалования и ему в помощь был выделен клерк по апелляциям. В этом контексте государство-участник утверждает, что по смыслу апелляции от клиента не требуется подробных указаний, если они вообще нужны, и что поэтому встречу за семь дней до подачи апелляции можно считать достаточной. Если бы адвокат чувствовал себя неподготовленным, он бы попросил об отсрочке. По этой причине государство-участник заявляет, что жалоба автора необоснованна.

4.8 Что касается жалобы автора по подпункту а) пункта 3 статьи 14, то государство-участник сообщает, что автор ее не обосновал. Государство-участник ссылается на данные под присягой показания полицейского констебля, владеющего немецким и английским языками, о том, что автор был подробно уведомлен о выдвинутых против него обвинениях на немецком языке вечером 7 июня 1989 года.

4.9 Государство-участник утверждает, что автор не представил обоснования своей жалобы по подпункту f) пункта 3 статьи 14. Государство-участник сообщает, что автору были предоставлены бесплатные услуги по письменному и устному переводу Государственной службой письменного и устного перевода. Во время судебного разбирательства устный перевод обеспечивала выпускница

университета Квинсленда, обладающая всеми необходимыми познаниями, родным языком которой является немецкий. За время ее работы с 1989 по 1994 год она отлично справлялась со своими обязанностями и не имела жалоб или выражений недовольства со стороны клиентов. Государство-участник далее ссылается на стенограмму слушания дела, из которой следует, что судья давал четкие указания по переводу всего говорившегося в суде. Государство-участник также отмечает, что автор не представил данных о масштабе или характере якобы имевших место ошибок в письменном переводе.

4.10 Что касается конкретной жалобы автора относительно того, что из-за плохого качества устного перевода он отрицательно ответил на вопрос о том, располагает ли он показаниями в свою защиту, государство-участник ссылается на стенограмму слушания и отмечает, что автор не вызывался в качестве свидетеля во время слушания. Во время прямого обращения к автору непосредственно после оглашения вердикта о виновности он выглядел растерянным, и слушание было отложено для прояснения возможных недоразумений. По этой причине государство-участник заявляет, что эта часть сообщения также неприемлема из-за отсутствия обоснования. Далее государство-участник ссылается на постановление Апелляционного суда по делу автора, в котором говорится, что адвокат автора, изучив вопрос письменного перевода и побеседовав с переводчицей, не счел возможным поднимать этот вопрос. Государство-участник заявляет, что правильность переводов является вопросом факта, установленного Апелляционным судом, и что Комитет не правомочен пересматривать решение Апелляционного суда.

4.11 В отношении утверждения автора, будто в его защиту не вызывались свидетели, государство-участник заявляет, что у автора были те же полномочия, что и у обвинения, обеспечивать явку свидетелей в суд и вести их допрос или перекрестный допрос. Государство-участник утверждает, что вопрос о том, вызывать или не вызывать свидетелей защиты, находился в профессиональном ведении юридического представителя автора. Государство-участник ссылается на судебную практику Комитета, согласно которой государство-участник не может нести ответственность за ошибки, якобы допущенные адвокатом защиты, если только для судьи не было очевидным или должно было быть очевидным, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия (Перера против Австралии, сообщение № 536/1993, объявлено неприемлемым 28 марта 1995 года). Государство-участник заключает, что автор не представил обоснованную жалобу по статье 2 Факультативного протокола.

4.12 Что касается утверждения автора, будто было нарушено его право согласно пункту 5 статьи 14, поскольку законодательство Австралии допускает апелляции только по юридическим основаниям, что не является фактическим пересмотром решения суда, то государство-участник заявляет, что процедура апелляции в Квинсленде соответствует пункту 5 статьи 14 и что Уголовный апелляционный суд Квинсленда пересмотрел обвинительный приговор автора и наказание по приговору. В этом контексте государство-участник разъясняет, что, согласно уголовному кодексу Квинсленда, для апелляции по обвинительному приговору по юридическим основаниям разрешение не обязательно, тогда как для апелляции по обвинительному приговору по фактическим основаниям и апелляции по наказанию по приговору такое разрешение необходимо. В уголовном кодексе особо оговорено, что Апелляционный суд должен давать разрешение на апелляцию, если вердикт суда присяжных не обоснован или не может быть подкреплён доказательствами, если решение было ошибочным с юридической точки зрения и если была допущена судебная ошибка.

4.13 В отношении утверждения автора, что он не присутствовал на слушании апелляции, хотя выражал желание, государство-участник ссылается на замечание общего порядка № 13 Комитета (принятое на двадцать первой сессии Комитета), где разъясняется, что в подпункте d) пункта 3 статьи 14 имеется в виду, что "обвиняемый или его адвокат должен иметь право действовать внимательно и безбоязненно при использовании всех имеющихся средств защиты и право обжаловать разбор дела, если они считают, что он был несправедливым". Государство-участник утверждает, что подпункт d) пункта 3 статьи 14 не содержит абсолютного требования присутствия обвиняемого на слушании апелляции, если он представлен адвокатом. Государство-участник также заявляет, что автор не показал, что его личное присутствие на слушании апелляции больше соответствовало бы интересам правосудия. Государство-участник заключает, что жалоба неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

4.14 Что касается жалобы автора относительно того, что в нарушение пункта 5 статьи 14 он не был уведомлен о возможности апелляции в Верховный суд, что фактически помешало ему добиться пересмотра судом более высокой инстанции, государство-участник утверждает, что это положение не гарантирует иного права помимо единичного обжалования в суде более высокой инстанции. Государство-участник отмечает, что представитель автора по апелляции считал, что обращение за специальным разрешением на апелляцию в Верховный суд не имеет шансов на успех. Далее государство-участник заявляет, что беседы адвоката с клиентами лежат вне сферы ответственности государства-участника. Более того, государство-участник отмечает, что правительство Квинсленда сообщило, что стандартной процедурой является уведомление каждого клиента о его правах на апелляцию в Верховный суд и что клерк по апелляциям, приданный защите автора в то время, напоминает, что автора тогда же уведомили о его праве.

4.15 Относительно жалобы автора по статье 26 государство-участник утверждает, что она является неприемлемой *ratione temporis*. Оно также заявляет, что жалоба неприемлема из-за отсутствия обоснования. В связи с этим государство-участник отмечает, что оправдание другого лица по уголовному обвинению, согласно Федеральному закону о таможене, не может иметь отношения к осуждению автора, поскольку суд рассматривает каждое дело по существу.

4.16 Что касается жалобы автора по статье 16 Пакта, государство-участник утверждает, что факты дела не составляют оснований для жалобы по этой статье, поскольку автор имел те же юридические права, что и любое другое лицо, предстающее перед судом в Австралии.

4.17 В отношении жалобы автора на то, что он потерял шесть пленок (с переводами на немецкий язык подлинных записей на английском языке) при переводе из одной тюрьмы в другую и что он не получил достаточной компенсации, государство-участник разъясняет, что размер выплаченной компенсации определялся расходами автора на перевод этих пленок. Государство-участник утверждает, что жалоба является неприемлемой *ratione temporis*, поскольку пленки были утеряны до 26 июня 1991 года, то есть до вступления в Австралию в силу Факультативного протокола, и что не существует продолжающихся последствий, которые сами по себе составляли бы нарушение Пакта. Кроме того, государство-участник отмечает, что эта жалоба автора не подпадает под действие Пакта и что он не исчерпал все внутренние средства правовой защиты в отношении своего утверждения.

5.1 В письме от 1 марта 1996 года автор комментирует представление государства-участника. Он утверждает, что его сообщение приемлемо *ratione temporis*, поскольку события, в отношении которых он выдвигает жалобу, имеют продолжающиеся последствия, так как он все еще находится в тюрьме.

5.2 Что касается продолжительности его предварительного заключения, он утверждает, что это явилось нарушением его прав согласно пункту 3 статьи 9 и подпункту с) пункта 3 статьи 14, и заявляет, что приговор меньшей длительности, вынесенный судьей, не компенсирует эти нарушения.

5.3 В отношении своей жалобы по статье 10 Пакта автор ссылается на газетные статьи, в которых описывается состояние австралийских тюрем, и добавляет, что в тюремной системе никогда всерьез не воспринимались его жалобы. Он повторяет, что был вынужден предстать перед судом во время болезни.

5.4 Относительно своей жалобы на то, что у него не было достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты, автор утверждает, что после предварительного слушания дела 22 сентября 1989 года его впервые посетил адвокат лишь за 11 дней до начала судебного разбирательства в марте 1990 года. Он заявляет, что поэтому у него было всего 11 дней для подготовки к защите и что этого было недостаточно. Автор далее утверждает, что, согласно подпунктам b) и d) пункта 3 статьи 14, он имеет право сам выбирать себе защитника, предоставляемого ему безвозмездно.

5.5 Что касается устного перевода во время судебного разбирательства, автор утверждает, что не понимал всего, что происходило во время слушания, несмотря на указания судьи переводчице и несмотря на ее квалификацию. Далее он заявляет, что если бы его адвокат по апелляции лучше его консультировал, он несомненно смог бы выдвинуть аргументы в обоснование апелляции.

5.6 В отношении своих жалоб по статьям 16 и 26 Пакта автор ссылается на свое первоначальное сообщение и повторяет свои доводы. Он далее ссылается на публикации, описывающие уровень коррупции в Квинсленде, и утверждает, что регулярно совершаются сделки между полицией, судебными властями и ливанскими наркосиндикатами.

5.7 Относительно утеранных пленок автор отмечает, что на практике не существует дальнейших внутренних средств правовой защиты, поскольку никто не располагает достаточными средствами для того, чтобы добиваться пересмотра в Верховном суде. Он утверждает, что полученная компенсация не покрывает стоимости пленок.

Дальнейшее представление государства-участника и комментарии автора по нему

6.1 В сентябре 1996 года государство-участник вновь подтвердило свою позицию о неприемлемости сообщения. Оно повторило, что жалобы автора относительно медицинского лечения в исправительном центре Брисбейна (ИЦБ) неприемлемы *ratione temporis*, так как он содержался там лишь с июня 1989 года по сентябрь 1989 года. Государство-участник добавляет, что ИЦБ был частично закрыт в ноябре 1989 года, а полностью — в июле 1992 года после соответствующей рекомендации Комиссии по наблюдению за исправительными заведениями Квинсленда.

6.2 Что касается утеранных пленок автора, государство-участник утверждает, что автор не исчерпал доступных внутренних средств правовой защиты в виде судебного пересмотра. Оно разъясняет процедуру пересмотра и отвергает утверждение автора о том, что пересмотр в Верховном суде Квинсленда будет слишком дорого стоить, поскольку надо заплатить лишь сбор за подачу заявления в размере 154 долл. Кроме того, заявитель имеет право обратиться в суд с просьбой относительно распоряжения об отмене этого сбора, если он не располагает достаточными средствами. Если бы автор воспользовался этим средством правовой защиты, суд мог бы передать дело на дальнейшее рассмотрение и присудить компенсацию в большем размере, если бы это было законным и уместным.

7. В своих комментариях автор разъясняет, что подача прошения о пересмотре дела в Верховном суде Квинсленда относительно компенсации за утеранные пленки более невозможна, поскольку истек срок подачи такого прошения. Он заявляет, что своевременно не был поставлен в известность властями о том, что может подать такое прошение. Он напоминает о решении Верховного суда по прошению о пересмотре дела, поданному другим заключенным, которое, по мнению автора, показывает бесперспективность этой меры.

8. Как государство-участник, так и автор уведомляют Комитет, что после условно-досрочного освобождения автора он покинул Австралию и в настоящее время проживает в Германии. Автор добавляет, что оставляет в силе свое сообщение.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

9.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Что касается продолжительности предварительного заключения автора — девять месяцев, — Комитет отмечает, что оно продолжалось с 5 июня 1989 года по 4 марта 1990 года и тем самым имело место до вступления в силу для Австралии Факультативного протокола. Соответственно, эта жалоба неприемлема *ratione temporis* в том, что относится к пункту 3 статьи 9 и к подпункту с) пункта 3 статьи 14.

9.3 В отношении жалобы автора на то, что ему не было предоставлено соответствующее медицинское лечение во время предварительного заключения в нарушение пункта 1 статьи 10, Комитет также отмечает, что это имело место до марта 1990 года, то есть опять-таки до вступления в

силу для Австралии Факультативного протокола. По этой причине данная жалоба также неприемлема ratione temporis.

9.4 Относительно жалобы автора на то, что ему было отказано в праве общаться с выбранным им самим защитником, Комитет отмечает, что с самого начала автор был представлен защитником, сначала частным образом нанятым адвокатом, а затем различными адвокатами в рамках правовой помощи. Комитет напоминает, что подпункт d) пункта 3 статьи 14 не дает обвиняемому права выбирать предоставляемого безвозмездно защитника. Что касается подпункта b) пункта 3 статьи 14, автор не указал, что ему когда-либо отказывали в доступе к защитнику, с которым он хотел общаться. Поэтому Комитет считает, что автор не представил жалобы согласно статье 2 Факультативного протокола и что, соответственно, эта часть сообщения является неприемлемой.

9.5 Что касается жалобы автора на то, что у него не было достаточно времени и возможностей на подготовку своей защиты, Комитет отмечает, что ничто в представленной автором информации не указывает на то, что он жаловался защитнику или суду до или во время судебного разбирательства на то, что у него не было достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты, и его защитник также не уведомлял суд о том, что не готов предоставить защиту. Комитет считает, что автор не представил обоснования своей жалобы для целей приемлемости и что эта часть сообщения также неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.6 В отношении жалобы автора по подпункту a) пункта 3 статьи 14, Комитет отмечает, что, хотя автор ссылается на это положение, он не представил каких-либо фактов в поддержку своего утверждения, что он не был в срочном порядке и подробно уведомлен на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения. Эта часть сообщения неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.7 Что касается утверждения автора о плохом качестве устного перевода, причинившем ущерб его защите, Комитет отмечает, что из стенограммы слушания явствует, что судья регулярно вмешивался при заслушивании свидетелей, с тем чтобы облегчить работу переводчика. Государство-участник далее показало, что переводчик во время слушания дела автора обладал всеми необходимыми профессиональными познаниями. Подпункт f) пункта 3 статьи 14 обязывает государств-участников предоставлять бесплатную помощь компетентного переводчика, если обвиняемый не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке. В данном случае такой переводчик государством-участником был предоставлен, и Комитет отмечает, что в документах дела не отражены какие-либо проблемы с устным переводом. При подобных обстоятельствах эта часть сообщения неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.8 В отношении жалобы автора на то, что в его защиту не вызывались свидетели, что является нарушением подпункта e) пункта 3 статьи 14, Комитет отмечает, что защита имела право вызывать любых свидетелей, но защитник автора, руководствуясь своим профессиональным мнением, решил не делать этого. Комитет считает, что государство-участник не может нести ответственности за ошибки, якобы допущенные адвокатом защиты, если только для судьи не было очевидным или должно было быть очевидным, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия. В данном случае нет оснований полагать, что защитник не поступил так, как он считал наиболее правильным, и поэтому эта часть сообщения неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.9 Относительно жалобы автора на то, что он является жертвой нарушения статей 26 и 16 Пакта, Комитет отмечает, что каждое уголовное дело рассматривается по существу и что само по себе оправдание одного обвиняемого и осуждение другого не возбуждает вопросов признания как личности или равенства перед законом. По этой причине эта часть сообщения неприемлема согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимая с положениями Пакта.

9.10 Что касается жалобы автора по пункту 5 статьи 14, Комитет отмечает, что фактически апелляция автора относительно обвинительного приговора и наказания по приговору была заслушана и показания пересмотрены Апелляционным судом. По этой причине эта часть сообщения неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.11 В отношении апелляции в Верховный суд Комитет замечает, что если законодательством предусмотрена возможность дальнейшей апелляции, вступают в действие гарантии статьи 14 и вследствие этого у осужденного есть право использовать эту апелляцию. В настоящем случае Комитет отмечает, что автор не представил для целей приемлемости обоснования своей жалобы на то, что ему было отказано в праве подать апелляцию в Верховный суд. По этой причине эта часть сообщения неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.12 В завершение Комитет считает, что вопрос о пленках с переводом на немецкий язык подлинных записей на английском языке, утерянных во время перевода из одной тюрьмы в другую, не составляет предмета разбирательства согласно Пакту. По этой причине эта часть сообщения неприемлема согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимая с положениями Пакта.

10. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

В. Сообщение № 593/1994: Патрик Холланд против Ирландии
(решение, принятое 25 октября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено: Патриком Холландом

Жертва: автор сообщения

Государство-участник: Ирландия

Дата сообщения: 8 июня 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 25 октября 1996 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Патрик Холланд, гражданин Ирландии, родившийся 12 марта 1939 года, во время представления сообщения отбывающий тюремное заключение в Ирландии. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ирландией статей 14 и 26 Пакта. Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Ирландии 8 марта 1990 года.

Факты, представленные автором

2.1 Автор был арестован 6 апреля 1989 года по разделу 30 Закона о преступлениях против государства 1939 года и обвинен в хранении взрывчатых веществ в противозаконных целях. Его дело, вместе с делами четырех обвиняемых, слушалось 27 июня 1989 года в Особом уголовном суде, он был признан виновным и приговорен к десяти годам тюремного заключения. При обжаловании приговора Апелляционный суд 21 мая 1990 года сократил приговор до семи лет тюремного заключения, сочтя, что решение Особого суда могло создать впечатление, будто он был осужден по более серьезному обвинению, а именно за хранение взрывчатых веществ с целью предоставления их другим лицам, которые могут угрожать жизни людей. Автор был освобожден из тюрьмы 27 сентября 1994 года.

2.2 На слушании дела в Особом уголовном суде автор признал себя виновным якобы из-за того, что его адвокат сказал ему, что "в этом суде они поверят полиции" и что, если он не признает себя виновным, его приговор будет более суровым. В этом контексте автор заявляет, что один из его обвиняемых, не признавший себя виновным, действительно был приговорен к более длительному сроку тюремного заключения.

2.3 Автор заявляет, что против него не было улик, но полиция утверждала, что он им признался, что знал о взрывчатых веществах в своем доме. Не было представлено магнитофонной записи якобы сделанного автором признания; он не подписывал никакого признания.

2.4 Автор разъясняет, что в апреле 1989 года в его доме гостил его знакомый А. М., приехавший из Англии, чтобы узнать, можно ли взять в аренду ресторан или пивную. 3 апреля 1989 года к ним присоединился П. У., друг А. М., приехавший в Дублин, чтобы присутствовать на судебных слушаниях. Автор утверждает, что раньше не был знаком с П. У., но разрешил ему остановиться в своем доме. Автор, у которого было собственное полиграфическое предприятие, большую часть времени работал, приходя домой только поспать или поесть. Во время ленча 6 апреля 1989 года полиция ворвалась к нему в дом и арестовала его, А. М. и П. У. и четвертого знакомого — бывшего

коллегу, находившегося у автора в гостях. Взрывчатые вещества были найдены в черной сумке, но автор отрицает, что знал об этом.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что судебное разбирательство его дела было несправедливым, поскольку Особый уголовный суд не является независимым и беспристрастным судом, что составляет собой нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. В связи с этим автор разъясняет, что конституция Ирландии допускает создание "особых судов" для рассмотрения правонарушений в случаях, когда установлено, что обычные суды не могут обеспечить действенное осуществление правосудия и соблюдение общественного спокойствия и порядка. Автор отмечает, что то, какие дела будут переданы особому суду, решает правительство. Автор приводит цитату из раздела 39 Закона о преступлениях против государства, где предусматривается, что члены особых судов назначаются и отзываются по усмотрению правительства. Размер вознаграждения, если оно выплачивается, определяется министерством финансов. Члены особых судов не обязательно должны быть членами судебной системы; могут также назначаться барристеры и солиситоры с опытом работы не менее семи лет и высокопоставленные служащие сил обороны.

3.2 Автор утверждает, что особые суды представляют угрозу равенству обращения с обвиняемыми в преступлениях, поскольку независимость членов таких судов не защищена. В этом контексте автор ссылается на решение в его деле, которое создавало впечатление, что он осужден за более тяжкое преступление, чем то, в котором он обвинялся.

3.3 Далее автор утверждает, что в тюремной системе он подвергался дискриминации, потому что "боролся за свои права" через обращения в суды, чтобы установить свое право на условно-досрочное освобождение. Он заявляет, что двое из его сообвиняемых, получившие такой же приговор, были переведены в тюрьму открытого типа в 1992 году и в начале 1993 года, в то время как автор был переведен в тюрьму открытого типа только в начале 1994 года. Автор указывает, что из тюрьмы открытого типа даются регулярные увольнительные домой на выходные, в то время как он не смог получить разрешение на посещение сестры в больнице до того, как она умерла 22 декабря 1993 года; он был отпущен под честное слово с 22 по 27 декабря 1993 года после смерти сестры.

Представление государства-участника и комментарии автора

4.1 В представлении от 5 декабря 1994 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо *ratione temporis*, поскольку содержание жалобы автора относится к судебному разбирательству его дела Особым уголовным судом 27 июня 1989 года, то есть до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему для Ирландии.

4.2 Государство-участник далее утверждает, что сообщение неприемлемо, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Государство-участник отмечает, что суть жалобы автора заключается в том, что ему не было обеспечено справедливое разбирательство независимым и беспристрастным судом и что, по его утверждению, он не виновен в правонарушениях, в которых его обвиняли. Однако автор снял заявление о своей невиновности, не оставив суду иного выбора, кроме как принять его признание и вынести ему соответствующий приговор. Государство-участник заявляет, что автор мог бы быть оправдан, если бы заявил о своей невиновности. Оно оспаривает предположение автора о том, что лица, судимые особыми уголовными судами, неизбежно осуждаются.

4.3 Государство-участник далее заявляет, что автор не требовал, чтобы судьи Особого суда дисквалифицировали себя на том основании, что они не являются независимыми и беспристрастными. В связи с этим государство-участник отмечает, что фактически автор не высказывал какого-либо предубеждения в отношении судей слушавшего его дело суда. По-видимому, выдвигаемый им довод заключается в том, что способ назначения и отзыва членов суда мог привести к отсутствию независимости и беспристрастности, а не в том, что он имел такие последствия.

4.4 Государство-участник разъясняет, что Особый суд подвергается судебному контролю со стороны Верховного суда. Лицо, заявляющее о нарушении конституции или естественной справедливости, может запросить от Верховного суда приказ, аннулирующий решение Особого уголовного суда или воспрепятствующий ему действовать вопреки конституции или правилам естественной справедливости. Если у автора были основания утверждать, что его дело не получило справедливого разбирательства в Особом суде, он мог запросить приказ о судебном пересмотре от Верховного суда, чего он не сделал.

4.5 В этом контексте государство-участник ссылается на решение Верховного суда в деле Экллза 1/, где утверждается, что правительство не имеет законного права прекращать пребывание в должности отдельных членов Особого суда в связи с несогласием с их решениями. Суд постановил, что несмотря на то, что прямые конституционные гарантии независимости судей не применимы к Особому суду, он обладает косвенной гарантией независимости при выполнении своих функций.

4.6 Государство-участник также утверждает, что автор мог заявить на слушании своей апелляции, что его осуждение несостоятельно по причине отсутствия независимости судей. Государство-участник отмечает, что автор, тем не менее, не обжаловал свой обвинительный приговор и не утверждал, что Особый суд пристрастен или лишен независимости.

4.7 Далее государство-участник заявляет, что автор не показал, что он лично является жертвой предполагаемого нарушения. Государство-участник ссылается на довод автора, согласно которому при применимом законодательстве независимость суда не может быть гарантирована. Государство-участник считает, что это довод *actio popularis*, поскольку автор не утверждает, что судившие его судьи были фактически лишены независимости или были к нему пристрастны, и не указывает на какие-либо недостатки в судопроизводстве. В этом контексте государство-участник ссылается на решение Европейской комиссии по правам человека по делу Экллза 2/, которая постановила, что Особый суд является независимым по смыслу статьи 6 Европейской конвенции.

4.8 Государство-участник разъясняет, что статьей 38 Конституции предусматривается, что особые суды могут учреждаться законом для рассмотрения дел о правонарушениях в случаях, когда в соответствии с таким законом может быть установлено, что обычные суды неспособны обеспечить эффективное отправление правосудия и соблюдение общественного мира и порядка. Закон о преступлениях против государства 1939 года предусматривает создание таких особых судов, если правительство убеждено, что обычные суды неспособны обеспечить эффективное отправление правосудия и соблюдение общественного мира и порядка, и если оно издает соответствующий указ. Любой подобный указ правительства может быть аннулирован резолюцией Нижней палаты Парламента. Особый уголовный суд был впервые создан в 1939 году и просуществовал до 1962 года. В 1972 году в связи с положением, обусловленным беспорядками в Северной Ирландии, Особый уголовный суд был воссоздан.

4.9 Разделом 39 Закона о преступлениях против государства контролируется назначение членов суда. Государство-участник подчеркивает, что, за немногими исключениями, с 1972 года члены Особого уголовного суда во время своего назначения были судьями обычных судов и что с 1986 года суд состоял только из действующих судей. С момента создания суда в 1972 году в него не назначались служащие сил обороны.

4.10 Разделом 40 Закона предусматривается, что решения Особого уголовного суда принимаются согласно мнению большинства и что личные мнения не раскрываются. В соответствии с разделом 44 Закона обвинительные приговоры и наказания по приговору Особого уголовного суда можно обжаловать в Уголовном апелляционном суде в том же порядке, что и приговоры и наказания Центрального уголовного суда. Не существует норм доказательственного права, применимых в Особом

1/ Eccles V. Ireland [1985] I.R. 545.

2/ Eccles e.a. V. Ireland, Application N°. 12839/87, decision of 9 December 1988.

уголовном суде, которые не применялись бы в обычных судах, за исключением положений, позволяющих сбор доказательств по поручению в Северной Ирландии.

4.11 Наконец, государство-участник ставит Комитет в известность о том, что суд, перед которым предстал автор, состоял из судьи Верховного суда, судьи окружного суда и окружного судьи. Государство-участник добавляет, что ему неизвестно о каких-либо сомнениях относительно личной беспристрастности и независимости членов суда.

5.1 8 февраля 1995 года автор сообщает свои замечания по представлению государства-участника. Он повторяет, что члены Особого суда могут отзываться с должности по усмотрению правительства и что поэтому не существует гарантий их независимости и беспристрастности.

5.2 Что касается довода государства-участника, согласно которому его сообщение неприемлемо вследствие исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку он снял заявление о своей невиновности, автор разъясняет, что после того, как он заявил о своей невиновности, его адвокат обратился к суду с просьбой о кратком перерыве. Затем он подошел к автору и посоветовал ему признать себя виновным, поскольку он находится в Особом уголовном суде и заявление о невиновности повлечет за собой приговор в 12 лет лишения свободы. Поэтому он признал себя виновным.

5.3 В отношении довода государства-участника, согласно которому автор не потребовал от судей суда первой инстанции, чтобы они себя дисквалифицировали, не потребовал аннулирования результатов судебного разбирательства путем судебного пересмотра и не обжаловал свой обвинительный приговор, а также не воспользовался отсутствием, согласно его утверждениям, независимости суда как основанием для апелляции, автор утверждает, что не мог проделать ничего из вышеперечисленного, поскольку его собственный защитник уже велел ему признать себя виновным, а сам он еще ничего не знал о договорах Организации Объединенных Наций по правам человека. Автор отмечает, что как непрофессионал он полагался на своих юридических советников, которые подвели его и не подняли эти вопросы. В связи с этим автор замечает, что знает многих людей, которые не смирились и не признали суд и были осуждены за одно только это.

Дальнейшее представление государства-участника

6.1 По просьбе Комитета государство-участник в дальнейшем представлении от 2 июля 1996 года комментирует приемлемость жалобы автора на то, что он подвергался дискриминации в тюремной системе, и разъясняет законодательство и практику, относящуюся к решению передать дело автора в Особый уголовный суд.

6.2 Что касается утверждения автора, будто он является жертвой дискриминации, государство-участник подтверждает, что двое его сообвиняемых, которые были приговорены к шести годам тюремного заключения, были переведены в тюрьму открытого типа до истечения сроков их заключения, а что автор и еще один его сообвиняемый содержались в закрытом учреждении вплоть до их освобождения. Далее государство-участник разъясняет, что в отношении сообвиняемых, переведенных в тюрьму открытого типа, применено обычное 25-процентное сокращение сроков заключения и они были освобождены примерно на шесть месяцев раньше. Третий сообвиняемый отбывал весь срок в особо охраняемой зоне и был освобожден за 36 дней до истечения срока заключения.

6.3 Государство-участник разъясняет, что вопрос о переводе автора в тюрьму открытого типа рассматривался, но, поскольку у автора были друзья и родственники в Дублине, а все учреждения открытого типа располагались за пределами Дублина, было решено, что лучше будет, если он останется в закрытом учреждении в Дублине. Автору было предложено досрочное освобождение с 27 июня 1994 года, то есть за три месяца до истечения срока. Однако он отказался покинуть тюрьму, поскольку ему негде было жить. Затем он был освобожден 22 сентября 1994 года, на четыре дня раньше.

6.4 Государство-участник отмечает, что перевод из тюрьмы закрытого типа в тюрьму открытого типа является льготой, предоставляемой некоторым заключенным на основании их поведения, местожительства и других имеющих отношение к делу соображений, но не является правом, на которое все заключенные могут в равной мере претендовать. Дается ссылка на решение Европейского суда по правам человека в деле Эшингдейна (14/1983/70/106).

6.5 Далее сообщается, что с автором обращались так же, как и с другими заключенными, а решение оставить автора в закрытом учреждении в Дублине было принято, как и решения о переводе двух его обвиняемых в учреждение открытого типа за пределами Дублина, на основании личных и семейных обстоятельств и имело целью облегчить сообщение между заключенными и их близкими. Кроме того, сообщается, что, если Комитет все же решит, что с автором обращались иначе, чем с другими заключенными, такое обращение основывалось на разумных и объективных критериях и не являлось дискриминацией.

6.6 Государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимое с положениями Пакта. Далее утверждается, что жалоба автора неприемлема по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку автор имел возможность добиваться судебного пересмотра приказа министра юстиции о переводе его в Уэйтфилдский центр заключения в Дублине, а не в тюрьму открытого типа. Автор также имел возможность возбудить иск по якобы имевшему место нарушению конституционных прав, поскольку статья 10.1 конституции защищает право всех граждан на равенство перед законом. Отмечается, что автор не воспользовался имевшимися в его распоряжении средствами правовой защиты.

7.1 Что касается процедур, определяющих, будет ли дело рассматриваться в Особом уголовном суде, государство-участник разъясняет, что государственный прокурор в соответствии с законом принимает решение о том, будет ли дело рассматриваться обычным уголовным судом или Особым уголовным судом согласно части V Закона о преступлениях против государства. Прокурор не зависит от правительства и полиции в исполнении своих функций. Законом о преступлениях против государства предусматривается, что определенные правонарушения подпадают под действие этого закона. Когда какое-либо лицо обвиняется в правонарушении, подпадающем под действие этого закона, государственный прокурор, согласно разделу 47 (1) Закона, может распорядиться, чтобы это лицо предстало перед Особым уголовным судом по делу о таком правонарушении. Автору было предъявлено обвинение в хранении взрывчатых веществ в противозаконных целях, что, согласно разделу 47 (1) Закона, является правонарушением, подпадающим под его действие.

7.2 Для слушания дел в Особом уголовном суде имеется комиссия из девяти судей, назначаемых правительством, все они являются судьями Верховного суда, выездного окружного суда или окружного суда. Назначение членов суда для слушания какого-либо дела находится исключительно в ведении судей из этой комиссии. Государство-участник решительно отвергает любое предположение о том, что судьи Особого уголовного суда не являются независимыми или были пристрастны к автору.

7.3 Государство-участник разъясняет, что решение предъявить автору соответствующее обвинение, а также решение передать дело автора в Особый уголовный суд основывалось на оценке имеющихся доказательств, о которых государственному прокурору сообщила полиция Ирландии.

7.4 Государство-участник разъясняет, что можно оспаривать учреждение Особого уголовного суда, поскольку это подлежит конституционному надзору. Также можно оспаривать конституционность различных аспектов законодательства, относящихся к Особому уголовному суду. Было предпринято несколько таких попыток. Однако автор не пытался возбудить иск в этом отношении.

7.5 Государство-участник разъясняет, что также можно оспаривать передачу дела в Особый уголовный суд путем судебного пересмотра решения государственного прокурора. Тем не менее все соответствующие правовые прецеденты относятся к делам, в которых обвиняемому вменялось правонарушение, не подпадающее под действие Закона о преступлениях против государства, а государственный прокурор при этом постановил, что обвиняемый предстанет перед Особым

уголовным судом. Если бы автор воспользовался этим средством правовой защиты, ему бы пришлось доказать, что государственный прокурор действовал mala fides.

7.6 Государство-участник повторяет, что сообщение следует признать неприемлемым.

Комментарии автора по представлению государства-участника

8.1 В своих комментариях по представлению государства-участника автор подчеркивает, что его основная жалоба заключается в том, что Особый уголовный суд является незаконным, поскольку при его создании не было сделано сообщение в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Пакта. Он утверждает, что невозможно избежать обвинительного приговора в Особом суде, и повторяет, что, когда он заявил о своей невинности, его адвокат сказал ему, что приговор будет менее суровым, если он признает свою виновность, после чего он так и поступил.

8.2 Автор повторяет, что ему не было позволено покинуть тюрьму, чтобы успеть посетить умирающую сестру в декабре 1993 года, но что ему была предоставлена увольнительная после ее смерти для присутствия на похоронах.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

9.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Комитет принимает во внимание довод государства-участника о том, что сообщение неприемлемо ratione temporis. Комитет ссылается на свою предыдущую судебную практику и повторяет, что он не вправе рассматривать сообщение, если предполагаемые нарушения имели место до вступления в силу Пакта для соответствующего государства-участника, если только предполагаемые нарушения не продолжаются или не имеют продолжающихся последствий, которые сами по себе являются нарушением. Комитет отмечает, что, хотя автор был осужден и приговорен судом первой инстанции в июне 1989 года, то есть до вступления в силу Пакта для Ирландии, его апелляция была отклонена 21 мая 1990 года, то есть после вступления в силу Пакта для Ирландии, а его тюремное заключение длилось до августа 1994 года. При данных обстоятельствах Комитет не лишен ratione temporis возможности рассмотреть сообщение автора.

9.3 Что касается жалобы автора на то, что судебное разбирательство по его делу было несправедливым, поскольку он предстал перед Особым уголовным судом, созданным в нарушение статьи 14 Пакта, Комитет отмечает, что автор признал себя виновным во вменявшемся ему преступлении, не обжаловал свой обвинительный приговор и не выдвигал возражений относительно беспристрастности и независимости Особого суда. В этом контексте Комитет отмечает, что автор постоянно был представлен защитником и из дела следует, что он воспользовался своим правом обратиться в Верховный суд с прошениями по другим вопросам, но не поднимал вышеуказанного спорного вопроса. В данных обстоятельствах Комитет постановляет, что автор не выполнил требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола об исчерпании доступных внутренних средств правовой защиты.

9.4 В отношении утверждения автора о том, что он подвергался дискриминации, поскольку не был переведен в тюрьму открытого типа одновременно со своими сообвиняемыми, Комитет отмечает, что государство-участник утверждает, а автор не отрицает, что у автора имелась возможность добиваться судебного пересмотра этого решения. В данных обстоятельствах Комитет считает, что эта жалоба также неприемлема согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

10. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;

- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

С. Сообщение № 601/1994: Э. Дж. и К. М. Дрейк против Новой Зеландии
(решение, принятое 3 апреля 1997 года, пятьдесят девятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Эваном Дрейком и Карлой Марией Дрейк
<u>Жертва:</u>	авторы сообщения и новозеландские ветераны
<u>Государство-участник:</u>	Новая Зеландия
<u>Дата сообщения:</u>	20 февраля 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 3 апреля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются Эван Джулиан и Карла Мария Дрейк (урожденная Дриссен), граждане Новой Зеландии, представляющие сообщение от своего имени и от имени граждан и жителей Новой Зеландии, содержащихся японцами в заключении во время Второй мировой войны, или их вдов и детей (далее — новозеландские ветераны). Они утверждают, что являются жертвами нарушения Новой Зеландией подпункта а) пункта 3 статьи 2 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляют г-н Х. К. Зиман, председатель, и г-н Э. У. Гартрелл, заместитель председателя Новозеландского комитета действий бывших жертв войны с Японией.

Факты, представленные авторами

2.1 Г-жа Дрейк родилась 6 сентября 1941 года на Суматре, родители — граждане Нидерландов. В 1958 году она вместе с родителями иммигрировала в Новую Зеландию. Она получила новозеландское гражданство в 1964 году. В 1942 году, когда ей было семь месяцев, она была вместе с матерью, сестрой и двумя братьями заключена в лагерь для интернированных лиц в Брастаги, Суматра. В июле 1945 года она была переведена в лагерь в Аек Паминке, также на Суматре. Когда в октябре 1945 года лагерь был освобожден, она страдала от тяжелого недоедания, еще не начала ходить и перенесла тяжелые инфекционные заболевания, включая дизентерию, желтуху, коклюш и дифтерию, причем ей ни разу не была оказана медицинская помощь; ее тело было покрыто язвами, от некоторых остались шрамы, которые все еще заметны. После освобождения на складах лагеря было обнаружено большое количество посылок Красного Креста с продовольствием и медикаментами. Автор утверждает, что ужасные последствия пережитого ею в первые четыре года жизни, о чем она впоследствии подробнее узнала из дневника, который вела ее мать, будучи интернированной, отравили ее детство и юность и продолжают до сих пор оказывать на нее воздействие.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, лорд Колвилль, г-н Омран аш-Шафеи, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кируга, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин и г-н Данило Тюрк.

2.2 Второй автор, г-н Эван Джулиан, был пилотом истребителя Королевских воздушных сил в эскадрилье "Ураган-232". Он сражался в Сингапуре, на Суматре и Яве. После того как он попал в плен к японцам, он был перевезен на грузовом судне из Батавии в Сингапур, затем в Сайгон, на Формозу (где пробыл 18 месяцев), в Японию, Корею и в Мукден в Маньчжурии. Он утверждает, что условия его заключения и перевозки из одного места в другое (буквально утрамбованные на тесных нарах, при отсутствии элементарной гигиены, питаясь помоями, без воздуха, когда люди ежедневно десятками умирали) были ужасом в чистом виде. Он утверждает, что все еще страдает от последствий и стал наполовину калекой.

2.3 Авторы заявляют, что после сдачи голландской Вест-Индии японцы заключили в лагеря три основные группы новозеландских ветеранов: служащих вооруженных сил, гражданских лиц мужского пола возрастом от 10 лет и женщин и детей. Авторы утверждают, что условия содержания в японских лагерях были бесчеловечными. Регулярно применялись пытки и другие виды жестокого обращения. Заключенных заставляли совершать длинные переходы в тяжелых условиях, а многих выбивавшихся из сил охранники расстреливали. Они принуждались к рабскому труду при тропической жаре без защиты от солнца. Отсутствие крыши над головой, пищи и медикаментов приводило к болезням и смерти. В этом контексте упоминается решение Международного военного суда по Дальнему Востоку от ноября 1948 года, в котором идет речь о совершенных в лагерях зверствах (стр. 395—448 английского текста) и делается вывод, что жестокое обращение, пытки и казни без суда и следствия в отношении военнопленных и гражданских интернированных лиц были общей практикой и носили характер целенаправленной политики японских вооруженных сил, что является вопиющим нарушением законов ведения войны и гуманитарного права.

2.4 В августе 1945 года после капитуляции Японии перед союзническими силами полностью раскрылась ужасная судьба пленных на Дальнем Востоке. Новозеландские ветераны были в заключении у японцев в неопишуемых условиях, почти без продовольствия, без защиты от стихии, только с той медицинской помощью, которую они сами могли себе оказать, и без защиты от множества тропических и прочих заболеваний. Подавляющее большинство заключенных принуждались к рабскому труду на строительстве дорог и аэродромов. На некоторых из них в Мукдене проводили медицинские эксперименты. Многие были перевезены в бесчеловечных и антисанитарных условиях в Японию для работы в доках, на верфях, на угольных и медных рудниках.

2.5 Вследствие варварских условий в лагерях освобожденные узники были в плохом физическом состоянии, жестоко страдали от таких заболеваний, вызванных недоеданием и нехваткой витаминов, как бери-бери и пеллагра, от малярии и от других тропических заболеваний, туберкулеза, тропических язв и последствий плохого физического обращения. Утверждается, что непосредственно вследствие этого новозеландские ветераны все еще в значительной степени страдают от остаточных форм инвалидности и расстройств здоровья.

2.6 Хотя в результате мирного договора 1952 года между Японией и союзными силами новозеландские ветераны в конце концов получили некоторое номинальное возмещение ущерба, оно не явилось достаточной компенсацией за рабский труд и грубые нарушения прав человека, которые они пережили.

2.7 Авторы отмечают, что в 1987 году Новозеландский комитет действий бывших жертв войны с Японией представил петицию в Комиссию по правам человека Организации Объединенных Наций в соответствии с процедурой, установленной в резолюции 1503 (XLVIII) Экономического и Социального Совета, в связи с грубыми нарушениями прав человека, совершенными Японией по отношению к взятым в плен новозеландским военнослужащим и интернированным гражданским лицам, содержавшимся в качестве военнопленных. В 1991 году Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств подтвердила толкование, сформулированное ее Рабочей группой по сообщениям, согласно которому "процедура, установленная на основании резолюции 1503 (XLVIII) Экономического и Социального Совета, не может применяться в качестве механизма возмещения или удовлетворения требований в связи с претензиями о предоставлении компенсации за физические страдания или иные лишения в ходе второй мировой войны".

2.8 Авторы утверждают, что они исчерпали все внутренние средства правовой защиты. Заявляется, что после многолетних попыток переговоров с целью получения компенсации для новозеландских ветеранов неизменной позицией правительства Новой Зеландии остается, что возмещение, причитающееся новозеландским военнопленным и гражданским интернированным лицам, уже было предусмотрено в Договоре о мире с Японией.

2.9 Авторы повторяют, что положения мирного договора не предусматривают возмещения ущерба, причиненного ветеранам как лицам, заключенным под стражу во время войны по решению правительства Японии, и что, конкретнее, положения мирного договора не касались компенсации за грубые нарушения прав человека и рабский труд. Далее заявляется, что, как вопрос права, правительство Новой Зеландии не имеет законных полномочий или мандата лишать их права на применение средств правовой защиты в связи с грубыми нарушениями их прав. В поддержку этого довода авторы ссылаются на Гаагскую конвенцию от 18 октября 1907 года, третью Женевскую конвенцию 1949 года, Протокол I к Женевским конвенциям и юридические комментарии, подготовленные Международным комитетом Красного Креста, а также на исследование по вопросу о праве на компенсацию в связи с грубыми нарушениями прав человека, представленное Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Специальным докладчиком г-ном Тео ван Бовеном.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что новозеландские ветераны все еще страдают от значительных физических, психических и психологических расстройств и нетрудоспособности, вызванных их содержанием под стражей. Эти остаточные формы инвалидности и расстройства здоровья продолжают по сей день, весьма отрицательно влияют на жизнь новозеландских ветеранов и остаются постоянным предметом беспокойства для них и членов их семей. В этом контексте делается ссылка на подготовленный Канадской пенсионной комиссией "Доклад об исследовании инвалидности и проблем гонконгских ветеранов 1964—1965 годов", выводы из которого, как утверждается, применимы ко всем бывшим военнопленным и гражданским интернированным лицам, содержавшимся в плену Японией. Далее дается ссылка на доклад, подготовленный профессором Густавом Гинграсом, под названием "Последствия бесчеловечных условий содержания и рабского труда военнослужащих канадского контингента гонконгских вооруженных сил, оказавшихся в плену японского правительства: 1941—1945 годы", где раскрывается природа и степень тяжести остаточных форм инвалидности и расстройств здоровья, от которых в настоящее время страдают гонконгские ветераны и другие военнопленные и гражданские интернированные лица государств-союзников.

3.2 Авторы утверждают, что действия правительства Новой Зеландии, заключившего в 1952 году мирный договор с Японией и снявшего с Японии дальнейшие обязательства по выплате возмещений, являются прямым нарушением международного права и продолжают оказывать воздействие на основные права человека новозеландских ветеранов. В этом контексте утверждается, что правительство Новой Зеландии прямо ссылается на мирный договор в обоснование того, что оно не поддерживает притязания новозеландских ветеранов на компенсацию на международных форумах. В сообщении говорится, что результатом продолжающейся деятельности правительства Новой Зеландии в связи с этим явилось лишение "права на средство правовой защиты", закрепленного в подпункте а) пункта 3 статьи 2 Пакта.

3.3 Далее авторы утверждают, что своими действиями правительство Новой Зеландии подвергает новозеландских ветеранов дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта, поскольку оно не оказывает надлежащей финансовой помощи и не предоставляет компенсацию за остаточные формы инвалидности и расстройства здоровья, от которых страдают авторы.

Представление государства-участника по вопросу о приемлемости и комментарии авторов по нему

4.1 В представлении от 30 января 1995 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо ratione materiae и ratione temporis.

4.2 Что касается заявления авторов о том, что, заключив мирный договор с Японией, правительство Новой Зеландии лишило их средства правовой защиты в нарушение подпункта а) пункта 3 статьи 2, государство-участник отмечает, что Комитет по правам человека постановил, что эта статья может применяться только в связи с предполагаемым нарушением материального права, гарантируемого Пактом, и что право на средство правовой защиты возникает только после того, как установлено нарушение какого-либо права, охраняемого Пактом 3/. Хотя авторы также заявляют о нарушении статьи 26 Пакта, они не утверждают, что были лишены средства правовой защиты в связи с нарушением статьи 26, но независимо от этого ссылаются на пункт 3 статьи 2. Вследствие этого государство-участник утверждает, что данная жалоба неприемлема как несовместимая с положениями Пакта, согласно статье 3 Факультативного протокола.

4.3 В отношении утверждения авторов, будто тот факт, что правительство не предоставило средства правовой защиты за несправедливость, допущенную по отношению к авторам во время их содержания в плену Японией, и за остаточные формы инвалидности и расстройства здоровья, является нарушением статьи 26 Пакта, государство-участник ссылается на определение дискриминации, данное Комитетом 4/. Государство-участник заявляет, что авторы не указали, в чем с ними обращались иначе, чем с другими гражданами Новой Зеландии, чем их выделяли или в чем с ними обращались иначе, чем с остальными ветеранами войны в отношении получения воинских пенсий или доступа к услугам здравоохранения. В этом контексте государство-участник разъясняет, что воинские пенсии (за инвалидность или гибель при исполнении служебных обязанностей), пенсии ветеранам (получившим высокую степень инвалидности в результате службы в военное время) и особые пособия полагаются всем ветеранам, проживавшим в Новой Зеландии на момент начала Второй мировой войны. Более того, все граждане имеют доступ к системе общественного здравоохранения.

4.4 Государство-участник также отмечает, что Комитет определил, что статья 26 сама по себе не содержит какого-либо обязательства в отношении вопросов, которые могут быть предусмотрены законодательством 5/. Государство-участник отмечает, что авторы утверждают, будто они подверглись дискриминации со стороны правительства, которое не предоставило им финансовой помощи и компенсации, но они не утверждают, что было принято дискриминационное законодательство, и не обосновали, каким образом административные действия могли вылиться в дискриминацию. Поэтому государство-участник заявляет, что авторы не доказали наличия достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела. Государство-участник утверждает, что жалоба авторов по статье 26 неприемлема как несовместимая с положениями Пакта и по причине недостаточной обоснованности.

4.5 Наконец, государство-участник ссылается на судебную практику Комитета, согласно которой он компетентен рассматривать только нарушения, которые якобы имели место не раньше даты вступления в силу Факультативного протокола для соответствующего государства-участника 6/. В этом контексте государство-участник разъясняет, что оно подписало мирный договор с Японией в сентябре 1951 года, что Пакт вступил в силу для Новой Зеландии 28 марта 1979 года, а Факультативный протокол — 26 августа 1989 года. Что касается довода авторов, согласно которому подписание мирного договора имеет продолжающиеся последствия, государство-участник утверждает, что авторы не показали, что сами последствия являются нарушением Пакта. В этом контексте

3/ Государство-участник ссылается на решения Комитета по сообщениям **№** 268/1987 (М.Г.Б. и С. П. против Тринидада и Тобаго) и 343, 344 и 345/1988 (Р.А.В.Н. и др. против Аргентины).

4/ Замечание общего порядка **№** 18, пункт 6.

5/ См. соображения по сообщению **№** 172/1984 (Брукс против Нидерландов), пункт 12.4.

6/ Государство-участник ссылается на решения Комитета в отношении сообщений **№** 343, 344 и 345/1988 (Р.А.В.Н. и др. против Аргентины), 117/1984 (М.А. против Италии) и 174/1984 (Дж. К. против Канады).

государство-участник отмечает, что авторы не привели ни одного примера действий правительства после вступления в силу Факультативного протокола для Новой Зеландии в подтверждение своего заявления о продолжающихся нарушениях. По этой причине государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо ratione temporis.

5.1 В своих замечаниях на представление государства-участника авторы отмечают, что существует дискриминация гражданских лиц, находившихся в заключении у императорской японской армии, поскольку воинские пенсии выплачиваются только военнослужащим и их иждивенцам. Далее они сообщают, что имеет место дискриминация ветеранов, находившихся в японском плену, поскольку воинский персонал, находившийся в немецком плену, в 1988 году получил от правительства Новой Зеландии выплаты ex gratia, в то время как находившимся в японском плену такие выплаты не производились.

5.2 Далее авторы указывают, что ветераны, не проживавшие в Новой Зеландии на момент начала Второй мировой войны, не получают воинских пенсий и что воинские пенсии платятся только по узкому перечню конкретных форм инвалидности.

5.3 В отношении определения дискриминации авторы полагают, что выражение "другие обстоятельства" относится к конкретным группам или классам общества и поэтому применимо к их делу. В этом контексте авторы указывают, что у государства-участника имеется прямая обязанность оказывать защиту против дискриминации. Авторы утверждают, что существующее законодательство подвергает дискриминации гражданских интернированных лиц, поскольку они не имеют никакой возможности получить воинскую пенсию, хотя они подвергались такому же обращению, как интернированные военнослужащие. Аналогичным образом факт выплаты ex gratia военным, интернированным Германией, при отсутствии выплат ex gratia военным, интернированным Японией, считается проявлением дискриминации. В этом контексте авторы разъясняют, что подразумевавшейся причиной выплат ex gratia было то, что из-за отсутствия договора или соглашения с Германией жители Новой Зеландии не могли претендовать на компенсацию от правительства Германии. Авторы указывают, что, поскольку Новая Зеландия заключила мирный договор с Японией в 1951 году, они не могут претендовать на компенсацию от правительства Японии, и указывают, что тем самым их положение является аналогичным и поэтому им тоже должны были быть произведены выплаты ex gratia.

5.4 Авторы считают, что заключение мирного договора с Японией носит дискриминационный характер, поскольку был совершен отказ от их прав на получение компенсации, в то время как в противном случае, согласно международному праву, они бы имели право на средство правовой защиты. В этом контексте они утверждают, что подтверждение этого отказа, поскольку государство-участник отказывается содействовать им в выдвижении претензии против Японии, является нарушением jus cogens и принципов международного права. Поскольку у государства-участника не было права отказываться от претензий авторов, утверждается, что продолжающееся подтверждение договора государством-участником является проявлением дискриминации, лишая авторов права на средство правовой защиты. В этом контексте авторы заявляют, что условие отказа от прав, а именно тяжелое положение экономики Японии, более не существует.

5.5 Далее авторы утверждают, что вследствие пережитого ими во время Второй мировой войны у них имеются другие потребности, нежели у обычных граждан, и что право пользоваться системой общественного здравоохранения, на которое ссылается государство-участник, не учитывает перенесенные ими нарушения прав человека.

5.6 В отношении утверждения государства-участника о неприемлемости их сообщения ratione temporis авторы ссылаются на судебную практику Комитета 7/, когда Комитет постановил, что предполагаемая дискриминация имела продолжающиеся последствия и что вследствие этого Комитет

7/ Решения Комитета по сообщениям № 196/1985 (Гей против Франции) и R. 6/24 (Лавлейс против Канады).

компетентен рассматривать жалобу. Авторы утверждают, что мирный договор с Японией имеет продолжающиеся последствия, поскольку он остается в силе, и потому дискриминация все еще имеет место. После ратификации Новой Зеландией Факультативного протокола продолжающееся бездействие государства-участника уже само показывает, что нарушение прав авторов продолжается.

5.7 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, авторы ссылаются на предшествующую практику Комитета, согласно которой судебная тяжба не всегда является эффективным методом 8/. Авторы утверждают, что они просили премьер-министра рассмотреть данный вопрос, на что тот ответил отказом. Они считают, что отказ в поддержке со стороны правительства означает, что внутренние средства правовой защиты не существуют или неадекватны.

Дальнейшее представление государства-участника и комментарии авторов по нему

6.1 В дальнейшем представлении в мае 1996 года государство-участник отмечает, что авторы не представили какой-либо имеющей отношение к делу информации, подтверждающей их первоначальное утверждение о том, что, заключив мирный договор с Японией, правительство нарушило права авторов по статье 26 Пакта. В связи с этим государство-участник разъясняет, что бывшие военнопленные, находившиеся в японском плену, получили компенсацию в соответствии со статьей 16 договора — в 1962 и 1963 годах 9/ и в 1973 году. Государство-участник повторяет, что жалоба неприемлема, поскольку является несовместимой с положениями Пакта и недостаточно обоснованна для целей приемлемости.

6.2 Что касается утверждения авторов, будто тот факт, что гражданские интернированные лица не могут претендовать на воинские пенсии, которые полагаются военнослужащим и их иждивенцам, является нарушением статьи 26, государство-участник разъясняет, что воинские пенсии начисляются согласно Закону о воинских пенсиях 1954 года бывшим служащим вооруженных сил независимо от того, на каком театре военных действий они служили и каков был характер их службы. На эти льготы могут претендовать только те гражданские лица, которые несли службу за рубежом в связи с какими-либо боевыми действиями или чрезвычайной ситуацией в ином качестве, чем служащие вооруженных сил, если эта служба оплачивалась правительством Новой Зеландии.

6.3 Государство-участник отмечает, что различия между служащими вооруженных сил и гражданскими лицами никак не связаны с тем, что гражданские лица могли быть интернированы Японией. Государство-участник утверждает, что различие, проводимое в законодательстве, основывается на разумных и объективных критериях. В связи с этим государство-участник разъясняет, что, согласно Закону о воинских пенсиях 1954 года, пенсии предоставляются для компенсации смерти или инвалидности, вызванной, приписываемой или усугубленной службой во время войны на стороне Новой Зеландии за рубежом. Они не рассчитаны на компенсацию за содержание под стражей как таковое. Государство-участник указывает, что авторы не представили доказательств prima facie нарушения статьи 26, поскольку не было показано, каким образом это различие наносит ущерб признанию, пользованию или осуществлению каких-либо прав или свобод группы гражданских лиц.

6.4 Что касается утверждения авторов о том, что статья 26 была нарушена, поскольку воинские пенсии выплачиваются только за строго определенные виды инвалидности, государство-участник отмечает, что они не утверждают, что порядок и критерии начисления не применяются ко всем в равной мере. Вследствие этого государство-участник заявляет, что авторы не имеют претензий согласно статье 2 Факультативного протокола, и ссылается в этом отношении на судебную практику Комитета.

8/ См. сообщения Комитета по сообщению № 167/1984 (Оминаяк против Канады).

9/ Согласно заявлению государства-участника, получено 2943 новозеландских фунта 0 шиллингов 2 пенса и 531 фунт стерлингов 12 шиллингов 0 пенсов, которые были распределены, соответственно, среди 114 и 110 бывших военнопленных из числа военнослужащих.

6.5 В отношении утверждения авторов о дискриминации в отношении воинского персонала, находившегося в плену у Японии, по сравнению с воинским персоналом, находившимся в плену у Германии, государство-участник признает, что в 1987 году была выделена сумма в 250 000 долл. США для выплаты компенсации тем военнопленным, которые содержались в германских концентрационных лагерях. Государство-участник разъясняет, что приняло эту меру, поскольку было ясно, что в отсутствие окончательного мирного договора с Германией перспективы получения какой-либо компенсации невелики. Компенсация выплачивалась только тем, кто содержался не в обычных лагерях для военнопленных, в силу неоправданно сурового с ними обращения. Государство-участник утверждает, что выплачиваемая компенсация была рассчитана на определенную отдельную группу лиц в признание их исключительных обстоятельств 10/. Государство-участник отмечает, что бывшие военнопленные, находившиеся в японском плену, уже получили компенсацию согласно статье 16 мирного договора с Японией. Государство-участник утверждает, что различное обращение со служащими вооруженных сил, находившимися в германских концентрационных лагерях, и прочими военнослужащими, находившимися в германском или японском плену, разумно и объективно и не составляет нарушения статьи 26 Пакта. Вследствие этого государство-участник считает, что жалоба неприемлема, поскольку несовместима с положениями Пакта и недостаточно обоснована для целей приемлемости.

6.6 Наконец, государство-участник замечает, что выплаты бывшим военнопленным, находившимся в германских концентрационных лагерях, производились в 1988 году, а Факультативный протокол вступил в силу для Новой Зеландии 26 августа 1989 года. Далее государство-участник отмечает, что авторы не утверждают, будто дискриминационные выплаты имеют якобы продолжающиеся последствия. По этой причине государство-участник, ссылаясь на судебную практику Комитета, утверждает, что жалоба неприемлема ratione temporis.

7.1 В своих комментариях авторы утверждают, что различие между бывшими военнопленными, содержащимися в германских концентрационных лагерях, и теми, кто содержался в японских лагерях, не может быть разумно или объективно обосновано и является явно дискриминационным, поскольку условия в японских лагерях были хуже, чем в германских концентрационных лагерях, и поэтому являются таким же исключением. Кроме того, на компенсацию не могут претендовать все гражданские интернированные лица. В этом контексте авторы заявляют, что выплаты, согласно статье 16 мирного договора с Японией, были ничтожными 11/ в свете грубых нарушений прав человека и резко отличаются от выплат ex gratia, произведенных правительством бывшим военнопленным, содержащимся в германских концентрационных лагерях.

7.2 Далее авторы отмечают, что по отношению как к Германии, так и к Японии правительство несет ответственность за то, что жертвы не могут претендовать на компенсацию непосредственно от соответствующего государства — в случае Германии из-за отсутствия мирного договора, а в случае Японии из-за заключения мирного договора с отказом от претензий на компенсацию. Поэтому они утверждают, что компенсация только военнопленным, содержащимся в германских концентрационных лагерях, а не тем, кто содержался в Японии, представляет собой различную трактовку схожих ситуаций, что является дискриминацией.

7.3 Поскольку жертвы все еще страдают от последствий жестокого обращения с ними японцев, авторы утверждают, что продолжается нарушение статьи 26 в том плане, что им не предоставлено какого-либо возмещения и правительство Новой Зеландии по-прежнему отказывается заняться их делом.

7.4 В этом контексте авторы разъясняют, что в японских лагерях воинский персонал и гражданские лица содержались вместе и что различие между лагерями военнопленных и

10/ Из более чем 80 претендентов были выбраны для получения компенсации только 24 лица, которым были выплачены суммы от 5000 до 13 000 долл. США.

11/ По 15 ф. ст. каждому из 214 человек, без учета личных обстоятельств.

концентрационными лагерями не всегда проводилось. Обращение японцев с пленными являлось нарушением соответствующих международных норм и конвенций, что признано в решении Международного военного суда по Дальнему Востоку. Авторы утверждают, что для оправдания различий между различными группами людей следует применять критерии по существу и что государство-участник таких критериев не выдвинуло, основываясь только на месте заключения (Германия или Япония), а не на условиях содержания (что также является нарушением прав человека).

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

8.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2 Часть сообщения авторов касается утверждения, будто Новая Зеландия, заключив мирный договор с Японией 1952 года, отказалась от их права на компенсацию, кроме предусмотренной договором. В связи с этим Комитет вновь ссылается на установленную им судебную практику, согласно которой он не вправе рассматривать сообщение, если предполагаемые нарушения имели место до вступления в силу Пакта. В данном случае авторы не показали, что после вступления в силу Пакта Новой Зеландией были совершены какие-либо действия в подтверждение мирного договора, которые имели бы последствия, сами по себе являющиеся нарушением Пакта Новой Зеландией после этой даты. Далее, Комитет отмечает, что предполагаемая неспособность Новой Зеландии гарантировать авторам право на получение компенсации от Японии не может квалифицироваться как нарушение какого-либо из закрепленных в Пакте прав *ratione materiae*. В силу вышеизложенного данная часть сообщения авторов является неприемлемой.

8.3 Что касается утверждения авторов, что они являются жертвами дискриминации, поскольку бывшие военнослужащие, находившиеся в германских концентрационных лагерях во время второй мировой войны, получили выплаты *ex gratia* от Новой Зеландии в 1988 году, тогда как авторы (гражданское лицо и бывший военнослужащий) таких выплат не получили, Комитет отмечает, что, хотя Пакт вступил в силу для Новой Зеландии в 1979 году, Факультативный протокол вступил в силу только в 1989 году. Приняв во внимание возражение государства-участника *ratione temporis* против приемлемости этой жалобы, основанное на предшествующей судебной практике Комитета, Комитет заключает, что не имеет права рассматривать жалобу авторов по существу. В силу вышеизложенного данная часть сообщения является неприемлемой.

8.4 Авторы утверждают, что тот факт, что Новая Зеландия не обеспечила им средство правовой защиты за несправедливость, причиненную им во время содержания в японском плену, и за остаточные формы инвалидности и расстройства здоровья, является нарушением статьи 26 Пакта. Эта жалоба относится к различию, которое, как утверждается, проводится между военными и гражданскими ветеранами, а также между воинским персоналом, находившимся в японском плену и находившимся в германском плену. Авторы и группы, которые они представляют, включают как гражданских, так и военных ветеранов.

8.5 В отношении утверждения, будто лишение гражданских интернированных лиц права претендовать на выплаты, согласно Закону о воинских пенсиях, является дискриминацией, Комитет отмечает, что, согласно имеющейся в его распоряжении информации, целью этого закона является именно предоставление права на пенсионное обеспечение за инвалидность и смерть тех, кто во время войны находился на новозеландской военной службе за рубежом, а не обеспечение компенсации за содержание в плену или за нарушения прав человека. Иначе говоря, если инвалидность является результатом воинской службы во время войны, для права на пенсионное обеспечение неважно, содержалось ли данное лицо в заключении или подвергалось ли жестокому обращению захватившей его в плен стороной. Учитывая предыдущую судебную практику Комитета 12/, согласно которой различия в обращении, основанные на разумных объективных критериях, не являются дискриминацией по смыслу статьи 26 Пакта, Комитет заявляет, что жалоба авторов несовместима с положениями Пакта и вследствие этого является неприемлемой согласно статье 3 Факультативного протокола.

12/ См., в частности, сообщения Комитета по сообщениям № 172/1984 (Брукс против Нидерландов), пункт 13; 180/1984 (Даннинг против Нидерландов), пункт 13; 182/1984 (Зваан де Вриес против Нидерландов), пункт 13; 415/1990 (Поже против Австрии), пункт 7.3; и 425/1990 (Нифс против Нидерландов), пункт 7.2. См. также замечание Комитета общего порядка № 18 (Недискриминация), пункт 13.

8.6 Далее авторы утверждают, что состоявшие на военной службе являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта, поскольку, согласно Закону о воинских пенсиях, пенсии выплачиваются только за строго определенные виды инвалидности. Комитет отмечает, что авторы не представили информации о том, как это влияет на их личное положение. Тем самым авторы не обосновали свою жалобу для целей приемлемости, и в силу этого данная часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

9. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику, авторам и адвокату авторов.

D. Сообщение № 603/1994: Андрес Баду против Канады
(решение, принятое 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Андресом Баду
[представлен г-ном Стюартом Истванфи]

Жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 11 июня 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения является г-н Андрес Баду, гражданин Ганы, во время представления проживавший в Канаде, где он подал прошение о предоставлении ему статуса беженца. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой пунктов 1 и 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9, и 13, пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта. Его представляет г-н Стюарт Истванфи, адвокат из Монреала.

Факты, представленные автором

2.1 Автор, родившийся 29 ноября 1960 года, утверждает, что был активным участником Демократического движения Ганы (ДДГ) — группы, противостоящей Временному совету национальной обороны (ВСНО), который сформировал правительство Ганы. Как утверждается, 14 июня 1991 года дом автора подвергся обыску тремя агентами службы безопасности, которые нашли письма, относящиеся к деятельности ДДГ; затем автор был арестован, избит, взят под стражу и ему было предъявлено обвинение в хранении подстрекательских документов. 20 июня 1991 года автор был переведен в больницу для лечения в результате жестокого с ним обращения. При помощи своей семьи он бежал из больницы и скрылся. 30 июня 1991 года автор узнал, что он объявлен в розыск. Вслед за этим он, изменив внешность, покинул страну.

2.2 Автор прибыл в Канаду 8 июля 1991 года. Он подал прошение о предоставлении ему статуса беженца на том основании, что он испытывает вполне обоснованный страх преследования за свои политические убеждения и принадлежность к определенной социальной группе. Слушание по его прошению проводилось 17 февраля 1992 года двумя членами комиссарий отделения по делам беженцев Канадского управления по иммиграции и делам беженцев в Монреале, провинция Квебек.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кироба, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин и г-н Данило Тюрк.

** Г-н Максвелл Ялден не принимал участия в принятии решения в соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета.

16 сентября 1992 года отделение по делам беженцев отклонило прошение автора о признании его политическим беженцем. Разрешение на обжалование было выдано Федеральным судом, но апелляция была отклонена решением от 6 января 1994 года 13/.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его прошение о предоставлении ему статуса беженца не было беспристрастно рассмотрено в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. Он заявляет, что оба члена комиссии на слушании были настроены против него. Он уверяет, что один из членов комиссии, некая г-жа Вулф, основывалась на ложной и недостоверной информации, которую она получила вне зала заседаний и на которую автор не имел возможности отреагировать. Далее автор сообщает, что второй член комиссии, некий г-н Сордзи, сам родом из Ганы, имеет те же этнические корни, что и г-н Роулингс, глава ганского режима, публично выражал поддержку режиму в Гане и в прошлом действовал против политических беженцев из Ганы.

3.2 В поддержку своего утверждения о том, что г-н Сордзи был пристрастен, автор разъясняет, что в Гане имеет место крайне серьезный этнический конфликт и что в рамках действующего военного режима преобладает племя эве, к которому принадлежит г-н Сордзи, в то время как сам автор принадлежит к племени ашанти. Автор утверждает, что в силу этого беженцы из Ганы опасаются давать показания перед лицом, происходящим из племени эве, и потому не могут рассказать всего. В этом контексте заявляется, что г-н Сордзи был одним из ведущих членов Ассоциации обеспокоенных уроженцев Ганы, пока в 1988 году эта организация не распалась, не придя к соглашению по вопросу о том, следует ли помогать беженцам из Ганы. Утверждается, что г-н Сордзи ожесточенно противостоял оказанию помощи беженцам из Ганы и утверждал, что все так называемые беженцы из Ганы являются экономическими мигрантами. В поддержку своих утверждений автор представляет данные под присягой заявления, сделанные ганцами, ныне проживающими в Канаде.

3.3 Далее автор утверждает, что формулировки решения, принятого отделением по делам беженцев, ясно показывают предубеждение администрации против обращающихся за получением статуса беженцев из Ганы. В этом контексте упоминается о якобы существующем соглашении между западными державами отрицать масштаб нарушений прав человека в Гане. В поддержку своего утверждения автор ссылается на доклад Рабочей группы по страновой оценке по Гане, явившийся результатом межправительственных консультаций, которые проходили в Канаде в 1992 году. Кроме того, утверждается, что г-н Сордзи представлял монреальское отделение на проходившем 25 марта 1992 года совещании региональных директоров Управления по иммиграции и делам беженцев по положению в Гане. Автор заявляет, что присутствие г-на Сордзи на этом совещании было совершенно неуместно ввиду его личной предвзятости. В сообщении говорится, что в докладе по итогам этого совещания содержатся весьма ошибочные оценки. Утверждается, что в нескольких случаях члены комиссии делали заявления по положению с правами человека в Гане, которые являлись вопиющей ложью, по вопросам, ранее получившим иную оценку Федерального апелляционного суда.

3.4 В отношении слушания дела автора перед этими двумя членами комиссии утверждается, что его допрашивали в очень агрессивной манере и часто перебивали. Его якобы спрашивали про статьи в журнале, который он никогда не читал, касавшиеся событий, о которых ему ничего не было известно. Это, как утверждается, показывает, что члены комиссии действовали недобросовестно.

3.5 Далее автор заявляет, что вышеописанные события и факты также являются нарушением Канадой пункта 1 статьи 2 и статьи 26 Пакта, поскольку он подвергался дискриминации из-за своего этнического происхождения и политических убеждений.

13/ Вследствие изменения законодательства апелляция автора фактически рассматривалась как прошение о судебном пересмотре отделом судебных разбирательств федерального суда и была отклонена. См. пункты 4.4 и 4.5, ниже.

3.6 Далее автор заявляет, что многие политические оппозиционеры в Гане приговариваются к смерти и что государство-участник, высылая его обратно в Гану, поставит автора в очень опасные условия, которые могут повлечь нарушение его права на жизнь, в нарушение статьи 6 Пакта. Автор также утверждает, что депортация лица, просьба которого о предоставлении статуса беженца была выслушана не беспристрастным, а предубежденным судом, представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, согласно смыслу статьи 7, и является нарушением пункта 1 статьи 9 Пакта. Далее утверждается, что высылка автора не была бы произведена во исполнение законно принятого решения, как того требует статья 13 Пакта, поскольку член комиссии г-н Сордзи превысил свои полномочия, принимая решения по поводу того, заслуживают ли доверия претенденты на статус беженца из Ганы.

3.7 Автор утверждает, что, отклонив его апелляцию, Федеральный суд неправильно применил канадское законодательство и тем самым устранил единственную доступную автору возможность обращения за помощью, в нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта.

3.8 Автор заявляет, что канадским законодательством предусматривается пересмотр дела после принятия решения и гуманный и благожелательный пересмотр, но утверждает, что эти средства правовой защиты бессодержательны и иллюзорны. Поэтому он утверждает, что отвечает требованиям подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

Представление государства-участника

4.1 В своем представлении от 16 октября 1995 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо, и предоставляет информацию относительно принятых в нем процедур определения статуса беженца.

4.2 Государство-участник напоминает, что автор прибыл в Канаду 8 июля 1991 года и заявил о своем намерении добиваться статуса беженца. У него не было действующей визы, как и действующего паспорта, удостоверения личности или проездных документов. 22 августа 1991 года было принято решение о том, что автор обладает правом требования *prima facie* согласно Конвенции об африканских беженцах, и был издан приказ об условной высылке.

4.3 17 февраля 1992 года два члена комиссии отделения по делам беженцев Управления по иммиграции и делам беженцев заслушали автора, с тем чтобы установить, соответствует ли он определению беженца, данному в Конвенции, согласно Закону об иммиграции. Государство-участник разъясняет, что просьба удовлетворяется, если хотя бы один из членов комиссии признает, что заявитель соответствует определению. На слушании автор был представлен адвокатом, были представлены показания о положении в стране, автор дал устные показания и к делу был приобщен ряд вещественных доказательств.

4.4 16 сентября 1992 года члены комиссии постановили, что не существует серьезной вероятности того, что автор будет подвергаться преследованиям, если вернется в страну, гражданином которой является. Автор подал прошение о разрешении на апелляцию в Федеральный апелляционный суд. Разрешение было получено 21 января 1993 года. 1 марта 1993 года в законодательство были внесены изменения, в соответствии с которыми апелляция автора стала рассматриваться как прошение о судебном пересмотре судьей отдела судебных разбирательств Федерального суда. Автор подал прошение на основании ошибок в праве и в фактах, в том числе предполагаемого предубеждения со стороны учреждения и личной предвзятости членов комиссии, разбиравших его просьбу.

4.5 6 января 1994 года судья отклонил прошение о судебном пересмотре. Судья счел, что заключение Управления о том, заслуживает ли автор доверия, находится в сфере рассмотрения или компетенции Управления. Он далее указал, что доказательства пристрастности членов комиссии отсутствуют. В частности, в отношении г-на Сордзи судья счел, что в полученных под присягой письменных показаниях против г-на Сордзи не содержится объективного подтверждения или обоснования обвинений в предвзятости. Судья добавил: "Было бы заблуждением утверждать, что г-н Сордзи, прибывший в Канаду в 1968 году и ставший гражданином Канады в 1976 году, из-за родовой

вражды и розни не может должным образом, объективно и справедливо, выполнять обязанности, возложенные на него парламентом".

4.6 Государство-участник отмечает, что автор мог обжаловать решение судьи в Федеральный апелляционный суд, но не сделал этого.

4.7 Государство-участник подчеркивает, что автор мог воспользоваться иными процедурами пересмотра после того, как было отклонено его прошение о предоставлении убежища. Он мог добиваться гуманного и благожелательного пересмотра своего дела согласно разделу 114 (2) Закона об иммиграции 14/, чего он не сделал.

4.8 По процедуре пересмотра после принятия решения относительно предоставления статуса беженца в Канаде (ПРСБК), учрежденной в феврале 1993 года, лица, которые не были признаны беженцами в соответствии с положениями Конвенции, могут подать прошение о предоставлении права проживать в Канаде, если по возвращении в свою страну они подвергнутся риску для жизни, риску того, что против них будут приняты крайние меры, или риску бесчеловечного обращения. 5 апреля 1995 года автор был поставлен в известность о том, что служащий, проводивший пересмотр после принятия решения, постановил, что автор не относится к этой категории лиц.

4.9 Государство-участник сообщает, что 8 июня 1995 года автор добровольно выехал из Канады в Гану.

4.10 Государство-участник утверждает, что сообщение автора неприемлемо, поскольку внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Во-первых, он не опротестовал решение отдела судебных разбирательств Федерального суда, принятое в январе 1994 года, которым суд отклонил его прошение к Федеральному апелляционному суду о пересмотре по причине предубеждения членов комиссии. Во-вторых, автор не добивался гуманного и благожелательного пересмотра согласно статье 114 (2) Закона об иммиграции. В-третьих, автор не подал заявление о судебном пересмотре в отделе судебных разбирательств Федерального суда Канады отрицательного решения по ПРСБК; государство-участник разъясняет, что, ходатайствуя о судебном пересмотре, автор имел бы право выдвигать, согласно Канадской хартии прав и свобод, доводы, аналогичные тем, которые он выдвигает в своем сообщении Комитету. Автор также мог подать декларативный иск, оспаривая конституционность любого положения Закона об иммиграции.

4.11 Далее государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку не было представлено обоснования нарушений прав, определяемых Пактом. В отношении жалоб автора по статье 6 государство-участник заявляет, что высылка автора из Канады не представляет нарушения его права на жизнь *prima facie*, поскольку его жалобы были отклонены компетентными органами и он не использовал возможности судебного пересмотра этих отрицательных решений.

4.12 Что касается жалоб автора по статьям 9 и 13, государство-участник заявляет, что эти статьи не гарантируют широкого права на убежище или права оставаться на территории государства-участника. Автору было разрешено остаться в Канаде для вынесения решения по его ходатайству о статусе беженца, и он выехал добровольно после отклонения его иска после полномасштабного слушания с возможностью судебного пересмотра. В этом контексте государство-участник ссылается на соображения Комитета в деле Маруфиду против Швеции 15/.

14/ Согласно разделу 114 (2) Закона об иммиграции претендующий на статус беженца может просить о гуманном и благожелательном пересмотре с целью установить, являются ли чрезвычайные обстоятельства основанием для въезда в страну. Пересмотр включает оценку риска, одним из критериев которой является наличие несоразмерных лишений. При наличии разрешения можно добиваться судебного пересмотра отрицательного решения в отделе судебных разбирательств Федерального суда.

15/ См. соображения по сообщению № 58/1979, принятые 9 апреля 1981 года.

4.13 В отношении жалобы автора по пункту 1 статьи 14 Пакта государство-участник утверждает, что рассмотрение дел по предоставлению статуса беженца относится к публичному праву и потому не определяется термином "гражданский процесс", применяемым в статье 14 Пакта. В этом контексте государство-участник ссылается на свои представления в отношении сообщения № 236/1987 (В. Р. М. Б. против Канады) 16/.

4.14 Кроме того, государство-участник заявляет, что, даже если считать, что рассмотрение дел Управлением по иммиграции и делам беженцев является "гражданским процессом", существуют достаточные гарантии его независимости 17/ и это позволяет утверждать, что оно представляет собой независимый суд по смыслу пункта 1 статьи 14. Государство-участник далее утверждает, что комиссия из двух членов, принявшая решение по иску автора, была беспристрастной. В связи с этим государство-участник отмечает, что ни автор, ни его адвокат не поднимали вопроса о разумном подозрении в предубеждении непосредственно во время слушания в отделе по делам беженцев. Государство-участник также ссылается на то, что отдел судебных расследований Федерального суда отклонил обвинения в предубеждении, выдвинутые автором. Что касается предвзятости, как утверждает автор, со стороны учреждения, государство-участник заявляет, что решение по делу автора было принято на основании предъявленных в ходе слушания доказательств и что среди этих доказательств отсутствовали доклады, на которые ссылается автор. Далее государство-участник утверждает, что существуют достаточные правовые гарантии для того, чтобы исключить любое правомерное сомнение в беспристрастности суда как учреждения.

4.15 В отношении жалобы автора по статье 7, в том что его депортация представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее его достоинство обращение, поскольку его иск не был рассмотрен беспристрастным судом, государство-участник ссылается на свой довод, изложенный выше, и утверждает, что суд был беспристрастным и что по этой причине жалоба автора неприемлема.

4.16 Что касается утверждений автора, будто ему было отказано в равенстве перед законом, поскольку один из членов комиссии был из племени эве, государство-участник сообщает, что утверждения об отказе в праве на равенство не имеют какой-то фактической или правовой основы и по этой причине их следует объявить неприемлемыми.

4.17 Наконец, государство-участник заявляет, что Комитет по правам человека не является "четвертой инстанцией", компетентной давать переоценку фактам или пересматривать применение национального законодательства, если нет четких доказательств того, что рассмотрение дел в национальных судах носит произвольный характер или составляет собой отказ в правосудии. В отсутствие таких доказательств государство-участник утверждает, что жалобы автора неприемлемы.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

5. Конечным сроком представления адвокатом комментариев по замечаниям государства-участника было 27 ноября 1995 года. Письмом от 29 мая 1997 года адвокат был поставлен в известность о том, что Комитет рассмотрит приемлемость сообщения на своей шестидесятой сессии в июле 1997 года. Никакого представления не было получено.

16/ Объявлено неприемлемым 18 июля 1988 года.

17/ Члены управления назначаются губернатором с одобрения совета на срок до семи лет и набираются из всех слоев канадского общества. Они могут быть отозваны только по ограниченному набору оснований после расследования, которым руководит судья, внештатный судья или бывший судья Федерального суда Канады. Управление по иммиграции и делам беженцев действует автономно и имеет отдельный бюджет. Решения отдела по делам беженцев могут быть отменены судом общего права.

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник заявляет, что сообщение неприемлемо по причине того, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Он также принимает во внимание утверждение адвоката о том, что пересмотр после принятия решения и гуманный и благожелательный пересмотр бессодержательны. В этом контексте Комитет ссылается на его судебную практику, согласно которой простое сомнение в эффективности внутренних средств правовой защиты не избавляет автора от необходимости исчерпать их. Далее Комитет отмечает, что автор имел возможность обжаловать решение отдела судебных разбирательств Федерального суда в Федеральном апелляционном суде и что автор мог воспользоваться правом судебного пересмотра отрицательного результата пересмотра после принятия решения, однако он не воспользовался этими возможностями. В связи с этим сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

а) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно подпункту б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение государству-участнику и адвокату автора.

Е. Сообщение № 604/1994: Жозеф Нарти против Канады
(решение, принятое 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Жозефом Нарти
[представлен г-ном Стюартом Истванфи]

Жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 15 июня 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения является г-н Жозеф Нарти, гражданин Ганы, во время представления сообщения проживавший в Канаде, где он подал прошение о предоставлении ему статуса беженца. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой пунктов 1 и 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6, статей 7, 9, 13, пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта. Его представляет г-н Стюарт Истванфи, адвокат из Монреаля.

Факты, представленные автором

2.1 Автор, родившийся 20 февраля 1959 года, утверждает, что с 1978 года являлся активистом студенческого движения и что в 1989 году он стал вице-президентом Союза студентов Такоради. Он поддерживал Революционный совет вооруженных сил (РСВС), который пришел к власти после переворота 4 июня 1979 года и был предшественником Временного совета национальной обороны (ВСНО), находившегося у власти во время прибытия автора в Канаду. 15 июля 1989 года министр образования поставил автора в известность о том, что он был отобран для стажировки в Болгарии в течение шести месяцев. 17 августа 1989 года автор вылетел из Ганы на самолете вместе с другими студентами, отобранными для стажировки. Во время полета им сообщили, что местом их назначения является Ливия, а не Болгария, и что им предстоит полугодовая подготовка в области военной разведки.

2.2 После прибытия студентов в Ливию у них отобрали паспорта и направили в учебный военный лагерь. Им было велено не пытаться общаться с кем-либо из Ганы. После шести месяцев подготовки студентам сообщили, что им предстоит продолжать подготовку на протяжении еще 18 месяцев. Расстроенный автор обратился с письмом к Союзу студентов Такоради в Гане, обвиняя министра

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин и г-н Данило Тюрк.

** Г-н Максвелл Ялден не принимал участия в принятии решения в соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета.

образования во лжи, осуждая правительство за разбазаривание скудных ресурсов и предостерегая других студентов от участия в учебных программах за рубежом. Автор отправил письмо в феврале 1990 года. В тот же день он был арестован, ему было предъявлено письмо, его избили и заставили подписать заявление, содержания которого он не знал. Ему сказали, что известят председателя ВСНО. Затем он был помещен в тюрьму Тажуара в Ливии.

2.3 Первого сентября 1991 года друг помог автору бежать. Ему удалось покинуть Ливию с помощью третьего лица, которое 15 сентября 1991 года посадило его в самолет, направлявшийся в Канаду.

2.4 Автор прибыл в Канаду 16 сентября 1991 года и немедленно подал прошение о предоставлении ему статуса беженца. Он утверждал, что опасается за свою жизнь из-за того, чему он был свидетелем в Ливии, из-за высказывавшихся им убеждений и потому, что он нарушил закон ВСНО. Его иск был рассмотрен 10 марта 1992 года двумя членами комиссии отделения по делам беженцев Канадского управления по иммиграции и делам беженцев в Монреале, провинция Квебек. 29 сентября 1992 года отделение по делам беженцев отвергло иск автора о признании его политическим беженцем. Отделение по делам беженцев сочло, среди прочего, что отсутствуют доказательства того, что правительство Ганы принудительно направляет людей в Ливию. Разрешение на обжалование было выдано Федеральным судом, но апелляция была отклонена решением от 20 января 1994 года 18/.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его прошение о предоставлении ему статуса беженца не было беспристрастно рассмотрено, в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. Он заявляет, что оба члена комиссии на слушании были настроены против него. Он уверяет, что один из членов комиссии, некая г-жа Вулф, основывалась на ложной и недостоверной информации, которую она получила вне зала заседаний и на которую автор не имел возможности отреагировать. Далее автор сообщает, что второй член комиссии, некий г-н Сордзи, сам родом из Ганы, имеет те же этнические корни, что и г-н Роулингс, глава ганского режима, публично выражал поддержку режиму в Гане и в прошлом действовал против политических беженцев из Ганы.

3.2 В поддержку своего утверждения о том, что г-н Сордзи был пристрастен, автор разъясняет, что в Гане имеет место крайне серьезный этнический конфликт и что в рамках действующего военного режима преобладает племя эве, к которому принадлежит г-н Сордзи. Автор утверждает, что в силу этого беженцы из Ганы опасаются давать показания перед лицом, происходящим из племени эве, и потому не могут рассказать всего. В этом контексте заявляется, что г-н Сордзи был одним из ведущих членов ассоциации обеспокоенных уроженцев Ганы, пока в 1988 году эта организация не распалась, не придя к соглашению по вопросу о том, следует ли помогать беженцам из Ганы. Утверждается, что г-н Сордзи ожесточенно противостоял оказанию помощи беженцам из Ганы и утверждал, что все так называемые беженцы из Ганы являются экономическими мигрантами. В поддержку своих утверждений автор представляет данные под присягой заявления, сделанные ганцами, ныне проживающими в Канаде.

3.3 Далее автор утверждает, что решение, принятое отделением по делам беженцев, не может быть обосновано имеющимися доказательствами и что формулировки этого решения ясно показывают предубеждение администрации против обращающихся за получением статуса беженцев из Ганы. В частности, заявляется, что отделению были представлены достаточные доказательства того, что Гана насильно вербует людей в Ливию. В этом контексте упоминается о якобы существующем соглашении между западными державами отрицать масштабы нарушений прав человека в Гане. В поддержку своего утверждения автор ссылается на доклад Рабочей группы по страновой оценке по Гане, явившийся результатом межправительственных консультаций, которые проходили в Канаде в

18/ Вследствие изменения законодательства апелляция автора фактически рассматривалась как прошение о судебном пересмотре отделом судебных процессов Федерального суда и была отклонена. См. пункты 4.4 и 4.5, ниже.

1992 году. Кроме того, утверждается, что г-н Сордзи представлял монреальское отделение на проходившем 25 марта 1992 года совещании региональных директоров Управления по иммиграции и делам беженцев по положению в Гане. Автор заявляет, что присутствие г-на Сордзи на этом совещании было совершенно неуместно ввиду его личной предвзятости. В сообщении говорится, что в докладе по итогам этого совещания содержатся весьма ошибочные оценки. Утверждается, что в нескольких случаях члены комиссии делали заявления по положению с правами человека в Гане, которые являлись вопиющей ложью, по вопросам, ранее получившим иную оценку Федерального апелляционного суда.

3.4 Далее автор заявляет, что вышеописанные события и факты также являются нарушением Канадой пункта 1 статьи 2 и статьи 26 Пакта, поскольку он подвергался дискриминации из-за своего этнического происхождения и политических убеждений.

3.5 Далее автор заявляет, что многие политические оппозиционеры в Гане приговариваются к смерти и что государство-участник, высылая его обратно в Гану, поставит автора в очень опасные условия, которые могут повлечь нарушение его права на жизнь, в нарушение статьи 6 Пакта. Автор также утверждает, что депортация лица, просьба которого о предоставлении статуса беженца была выслушана не беспристрастным, а предубежденным судом, представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, согласно смыслу статьи 7, и является нарушением пункта 1 статьи 9 Пакта. Далее утверждается, что высылка автора не была бы произведена во исполнение законно принятого решения, как того требует статья 13 Пакта, поскольку член комиссии г-н Сордзи превысил свои полномочия, принимая решения по поводу того, заслуживают ли доверия претенденты на статус беженца из Ганы.

3.6 Автор утверждает, что, отклонив его апелляцию, Федеральный суд неправильно применил канадское законодательство и тем самым устранил единственную доступную автору возможность обращения за помощью, в нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта.

3.7 Автор заявляет, что канадским законодательством предусматривается пересмотр дела после принятия решения и гуманный и благожелательный пересмотр, но утверждает, что эти средства правовой защиты бессодержательны и иллюзорны. Поэтому он утверждает, что отвечает требованиям подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

Замечания государства-участника

4.1 В своем представлении от 16 октября 1995 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо, и предоставляет информацию относительно принятых в нем процедур определения статуса беженца.

4.2 Государство-участник напоминает, что автор прибыл в Канаду 16 сентября 1991 года и заявил о своем намерении добиваться статуса беженца. У него не было действующей визы, как и действующего паспорта, удостоверения личности или проездных документов. 30 октября 1991 года было принято решение о том, что автор обладает правом требования *prima facie* согласно Конвенции об африканских беженцах, и был издан приказ об условной высылке.

4.3 10 марта и 3 апреля 1992 года два члена комиссии отделения по делам беженцев Управления по иммиграции и делам беженцев заслушали автора, с тем чтобы установить, соответствует ли он определению беженца, данному в Конвенции, согласно Закону об иммиграции. Государство-участник разъясняет, что просьба удовлетворяется, если хотя бы один из членов комиссии признает, что заявитель соответствует определению. На слушании автор был представлен адвокатом, были представлены показания о положении в стране, автор дал устные показания и к делу был приобщен ряд вещественных доказательств.

4.4 29 сентября 1992 года члены комиссии постановили, что не существует серьезной вероятности того, что автор будет подвергаться преследованиям, если вернется в страну, гражданином которой является. Автор подал прошение о разрешении на апелляцию в Федеральный апелляционный суд.

Разрешение было получено 26 января 1993 года. 1 марта 1993 года в законодательство были внесены изменения, в соответствии с которыми апелляция автора стала рассматриваться как прошение о судебном пересмотре судьей отдела судебных разбирательств Федерального суда. Автор подал прошение на основании ошибок в праве и в фактах, в том числе предполагаемого предубеждения со стороны учреждения и личной предвзятости членов комиссии, разбиравших его просьбу.

4.5 20 января 1994 года судья отклонил прошение о судебном пересмотре. Судья счел, что выводы комиссии в целом подтверждаются представленными доказательствами. Он далее указал, что доказательства пристрастности членов комиссии отсутствуют. В частности, в отношении г-на Сордзи судья счел, что делавшиеся им замечания не показывают его неблагоприятного отношения к автору. Судья также указал, что выдвинутые против него обвинения носят весьма общий характер и основываются на полученных под присягой письменных показаниях, свидетельствующих о вражде между племенем эве (к которому он принадлежит) и племенами ашанти и акан, в то время как автор принадлежит к племени га. Кроме того, судья заметил, что ни автор, ни его адвокат не поднимали вопроса о разумном подозрении в предубеждении во время слушания дела, хотя в суде они утверждали, что это предубеждение хорошо известно в ганской общине.

4.6 Государство-участник отмечает, что автор мог обжаловать решение судьи в Федеральный апелляционный суд, но не сделал этого.

4.7 Государство-участник подчеркивает, что автор мог воспользоваться иными процедурами пересмотра после того, как было отклонено его прошение о предоставлении убежища. Он мог добиваться гуманного и благожелательного пересмотра своего дела согласно разделу 114 (2) закона об иммиграции 19/, чего он не сделал.

4.8 По процедуре пересмотра после принятия решения относительно предоставления статуса беженца в Канаде (ПРСБК), учрежденной в феврале 1993 года, лица, которые не были признаны беженцами в соответствии с положениями Конвенции, могут подать прошение о предоставлении права проживать в Канаде, если по возвращении в свою страну они подвергнутся риску для жизни, риску того, что против них будут приняты крайние меры, или риску бесчеловечного обращения. 5 апреля 1995 года автор был поставлен в известность о том, что служащий, проводивший пересмотр после принятия решения, постановил, что автор не относится к этой категории лиц. 24 апреля 1995 года адвокат автора ходатайствовал о получении разрешения на судебный пересмотр в отделе судебных расследований Федерального суда Канады. Впоследствии он не предпринял дальнейших шагов по представлению материалов ходатайства с подтверждающими его письменными показаниями, полученными под присягой. 26 мая 1995 года адвокат подал прошение об освобождении его от обязанностей адвоката автора по причине отказа последнего от сотрудничества. 29 августа суд отклонил ходатайство автора о разрешении на пресмотр, поскольку письменные показания, полученные под присягой, не были представлены вовремя.

4.9 Государство-участник разъясняет, что, поскольку автор не покинул Канаду добровольно, был издан приказ о его депортации и выдан ордер на его арест.

4.10 Государство-участник утверждает, что сообщение автора неприемлемо, поскольку внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Во-первых, он не опротестовал решение отдела судебных разбирательств Федерального суда, принятое в январе 1994 года, которым суд отклонил его прошение к Федеральному апелляционному суду о пересмотре по причине предубеждения членов комиссии, что он мог сделать без получения разрешения. Во-вторых, автор не добивался гуманного и

19/ Согласно разделу 114 (2) Закона об иммиграции претендующий на статус беженца может просить о гуманном и благожелательном пересмотре с целью установить, являются ли чрезвычайные обстоятельства основанием для въезда в страну. Пересмотр включает оценку риска, одним из критериев которой является наличие несоразмерных лишений. При наличии разрешения можно добиваться судебного пересмотра отрицательного решения в отделе судебных разбирательств Федерального суда.

благожелательного пересмотра согласно статье 114 (2) Закона об иммиграции. В-третьих, автор не довел до конца ходатайство о судебном пересмотре отрицательного решения по ПРСБК; государство-участник разъясняет, что, ходатайствуя о судебном пересмотре, автор имел бы право выдвигать, согласно Канадской хартии прав и свобод, доводы, аналогичные тем, которые он выдвигает в своем сообщении Комитету.

4.11 Далее государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку не было представлено обоснования нарушений прав, определяемых Пактом. В отношении жалоб автора по статье 6 государство-участник заявляет, что высылка автора из Канады не представляет нарушения его права на жизнь *prima facie*, поскольку его жалобы были отклонены компетентными органами и он не довел до конца ходатайство о судебном пересмотре этих отрицательных решений.

4.12 Что касается жалоб автора по статьям 9 и 13, государство-участник заявляет, что эти статьи не гарантируют широкого права на убежище или права оставаться на территории государства-участника. Автору было разрешено остаться в Канаде для вынесения решения по его ходатайству о статусе беженца, и приказ о его депортации был издан только после отклонения его ходатайства после полномасштабного слушания с возможностью судебного пересмотра.

4.13 В отношении жалобы автора по пункту 1 статьи 14 Пакта государство-участник утверждает, что рассмотрение дел по предоставлению статуса беженца относится к публичному праву и потому не определяется термином "гражданский процесс", применяемым в статье 14 Пакта. В этом контексте государство-участник ссылается на свои представления в отношении сообщения № 236/1987 (В.Р.М.Б. против Канады) 20/.

4.14 Кроме того, государство-участник заявляет, что, даже если считать, что рассмотрение дел Управлением по иммиграции и делам беженцев является "гражданским процессом", существуют достаточные гарантии его независимости 21/, и это позволяет утверждать, что оно представляет собой независимый суд по смыслу пункта 1 статьи 14. Государство-участник далее утверждает, что комиссия из двух членов, принявшая решение по иску автора, была беспристрастной. В связи с этим государство-участник ссылается на рассмотрение отделом судебных разбирательств Федерального суда обвинений автора в предвзятости. Что касается предвзятости, как утверждает автор, со стороны учреждения, государство-участник заявляет, что решение по делу автора было принято на основании предъявленных в ходе слушания доказательств и что среди этих доказательств отсутствовали доклады, на которые ссылается автор. Далее государство-участник утверждает, что существуют достаточные правовые гарантии для того, чтобы исключить любое правомерное сомнение в беспристрастности суда как учреждения.

4.15 В отношении жалобы автора по статье 7, в том что его депортация представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее его достоинство обращение, поскольку его иск не был рассмотрен беспристрастным судом, государство-участник ссылается на свой довод, изложенный выше, и утверждает, что суд был беспристрастным и что по этой причине жалоба автора неприемлема.

4.16 Что касается утверждений автора, будто ему было отказано в равенстве перед законом, поскольку один из членов комиссии был из племени эве, государство-участник сообщает, что

20/ Объявлено неприемлемым 18 июля 1988 года.

21/ Члены управления назначаются губернатором с одобрения совета на срок до семи лет и набираются из всех слоев канадского общества. Они могут быть отозваны только по ограниченному набору оснований после расследования, которым руководит судья, внештатный судья или бывший судья Федерального суда Канады. Управление по иммиграции и делам беженцев действует автономно и имеет отдельный бюджет. Решения отдела по делам беженцев могут быть отменены судом общего права.

утверждения об отказе в праве на равенство не имеют какой-либо фактической или правовой основы и по этой причине их следует объявить неприемлемыми.

4.17 Наконец, государство-участник заявляет, что Комитет по правам человека не является "четвертой инстанцией", компетентной давать переоценку фактам или пересматривать применение национального законодательства, если нет четких доказательств того, что рассмотрение дел в национальных судах носит произвольный характер или является отказом в правосудии. В отсутствие таких доказательств государство-участник утверждает, что жалобы автора неприемлемы.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

5. Конечным сроком представления адвокатом комментариев по замечаниям государства-участника было 27 ноября 1995 года. Письмом от 29 мая 1997 года адвокат был поставлен в известность о том, что Комитет рассмотрит приемлемость сообщения на своей шестидесятой сессии в июле 1997 года. Никакого представления не было получено.

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник заявляет, что сообщение неприемлемо по причине того, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Он также принимает во внимание утверждение адвоката о том, что пересмотр после принятия решения и гуманный и благожелательный пересмотр бессодержательны. В этом контексте Комитет ссылается на его судебную практику, согласно которой простое сомнение в эффективности внутренних средств правовой защиты не избавляет автора от необходимости исчерпать их. Далее Комитет отмечает, что автор имел возможность обжаловать решение отдела судебных разбирательств Федерального суда в Федеральном апелляционном суде и что автор не довел до конца ходатайство о судебном пересмотре отрицательного результата пересмотра после принятия решения. В связи с этим сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

а) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение государству-участнику и адвокату автора.

F. Сообщение № 632/1995: Герберт Т. Поттер против Новой Зеландии
(решение, принятое 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Гербертом Томасом Поттером
[представлен г-ном Майклом Киддом]

Жертва: автор сообщения

Государство-участник: Новая Зеландия

Дата сообщения: 6 апреля 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 28 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Герберт Томас Поттер, гражданин Новой Зеландии, в настоящее время содержащийся в тюрьме Маунт Иден в Окленде, Новая Зеландия, духовный лидер организации "Фонд развития общины Сентерпойнт". По его утверждению, он является жертвой нарушения Новой Зеландией пункта 3 статьи 9 и статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом г-ном Майклом Киддом.

Факты, представленные автором

2.1 В 1990 году автор был осужден и приговорен к трем с половиной годам тюремного заключения за хранение и распространение наркотиков. Незадолго до освобождения ему было предъявлено обвинение в изнасиловании, затем измененное на менее серьезное обвинение в непристойном нападении, в лжесвидетельстве и дополнительное обвинение в сговоре с целью распространения наркотиков. В целом он был приговорен к тринадцати годам и четырем месяцам тюремного заключения 22/.

2.2 Автор обжаловал свой второй приговор; его апелляция была отклонена в апреле 1993 года. Автор не подавал апелляцию в Судебный комитет Тайного совета в Лондоне, поскольку 24 февраля 1994 года ему было отказано в правовой помощи для этой цели. В силу этого адвокат утверждает, что апелляция к Тайному совету не является внутренним средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано по смыслу пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

* В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

22/ Из представления государства-участника следует, что автор был осужден и приговорен вторично 27 ноября 1992 года к семи с половиной годам тюремного заключения за непристойное нападение на малолетних; третий раз, 28 января 1994 года, к двум годам тюремного заключения за правонарушения, связанные с наркотиками, и в четвертый раз, 8 февраля 1994 года, к четырем месяцам тюремного заключения за лжесвидетельство.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что были нарушены его права по пункту 3 статьи 9 Пакта: хотя в 1990 году полиция располагала достаточными уликами против него, обвинение в непристойном нападении на малолетних было ему предъявлено и он был приговорен к семи с половиной годам тюремного заключения только после отбытия им предыдущего срока по обвинениям, связанным с наркотиками, когда его должны были освободить условно-досрочно. Ему был вынесен приговор по совокупности преступлений. Адвокату было сообщено, что автор был осужден по совокупности преступлений еще на два года за сговор с целью распространения наркотиков и еще на четыре месяца за лжесвидетельство, что явилось результатом разбирательства его первого дела в 1990 году. Адвокат заявляет, что с г-ном Поттером обращались как с "заключенным особого разряда", указывая, что совокупность его приговоров делает его заключенным с одним из самых больших сроков тюремного заключения в Новой Зеландии.

3.2 Автор заявляет о нарушении статьи 14 в том, что он не получил справедливого судебного разбирательства. Он утверждает, что г-н Питер Уильямс, адвокат во время первого судебного разбирательства дел, сообщил ему, что судья, председательствовавший на процессе, "неблагожелательно пошутил по поводу Сентерпойнта". В деле нет ничего, подтверждающего это утверждение, которое вследствие этого остается необоснованным. Далее автор заявляет, что огласка, предшествовавшая слушанию, затруднила отбор беспристрастных присяжных; в связи с этим адвокат отмечает, что в Новой Зеландии не существует системы письменного опроса присяжных заседателей. Адвокат далее утверждает, что обвинения, по которым автор был осужден, относятся к событиям более чем двенадцатилетней давности, не связанным с насилием. Автор заявляет, что его прихожане, давшие против него показания, получили до начала слушания дела денежные суммы в виде компенсации от некоего государственного учреждения. Далее в сообщении утверждается, что замена обвинения в изнасиловании, исковая давность по которому невелика, менее серьезным обвинением в непристойности с целью преодолеть исковую давность, является нарушением статьи 14 Пакта.

3.3 Автор утверждает, что в тюрьме подвергался дурному обращению. Ему было отказано в надлежащей стоматологической помощи по поводу зубов, выбитых во время нападения на него другого заключенного; ему также отказали в витаминных добавках к пище и в подходящих ему очках для чтения. В его переписку вмешиваются, он получает почту с опозданием, он подвергается полному личному досмотру при обычных посещениях, и посещения других лиц ему разрешаются с ограничениями. Кроме того, адвокат утверждает, что власти не предоставили ему защиты, когда в 1993 году на него напал другой заключенный, и по поводу этого нападения не было произведено дознание.

3.4 Адвокат утверждает, что г-н Поттер подвергся дискриминации со стороны органов, решающих вопросы условного освобождения заключенных, поскольку то, что ранее он был отнесен к разряду заключенных, которым требуется наименее строгий надзор, его хорошее поведение и отсутствие в совершенных им правонарушениях насилия не были учтены при вынесении решения о его условно-досрочном освобождении. Адвокат сообщил, что судья Сесили Раштон, член комиссии по условно-досрочному освобождению, сказала г-же Поттер, что когда в августе 1998 года будет пересматриваться срок содержания ее мужа в тюрьме, вопрос о досрочном освобождении стоять не будет.

Информация государства-участника и комментарии автора по ней

4.1 В представлении 7 декабря 1995 года государство-участник заявляет, что сообщение неприемлемо. В отношении жалобы автора на нарушение пункта 3 статьи 9, в том что полиция не сразу предъявила ему все обвинения, а дождалась, пока он стал подпадать под условно-досрочное освобождение после отбытия своего первого срока, и уж потом предъявила ему новые обвинения, государство-участник утверждает, что нет оснований полагать, что автор незамедлительно не предстал перед судом и его дело не было заслушано в разумные сроки по какому-либо из четырех обвинений против него.

4.2 Государство-участник считает, что сообщение неприемлемо как несовместимое с положениями Пакта и что автор не обосновал свои обвинения. В этом отношении государство-участник сообщает следующее:

- в 1989 году новозеландская полиция получила сведения, согласно которым автор был замешан в поставках наркотиков взрослым и подросткам общины Сентерпойнт. После расследования он был арестован и ему было предъявлено обвинение в поставках диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД) и в хранении и поставках метилендиокси метамфетамина ("экстази"). Согласно обвинению правонарушения имели место с октября 1988 по сентябрь 1989 года;
- судебное разбирательство по делу автора состоялось 23 марта 1990 года, его признали виновным и приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения за поставку ЛСД и к двум годам заключения за поставку "экстази", которые следовало отбывать последовательно;
- в конце 1989 года в полицию поступил ряд жалоб на г-на Поттера, в которых он обвинялся в сексуальных надругательствах над детьми и молодыми людьми в общине Сентерпойнт. На протяжении следующих 18 месяцев проводилось расследование, во время которого были получены дополнительные жалобы аналогичного содержания. Г-н Поттер был арестован 27 мая 1991 года и ему было предъявлено обвинение в нескольких случаях изнасилования и непристойного нападения в связи с предполагаемыми сексуальными надругательствами над пятью различными истицами. Утверждалось, что правонарушения имели место с 1978 по 1984 год. Все истицы в это время проживали в общине Сентерпойнт и были младше 16 лет, когда, как утверждалось, имели место эти правонарушения. Одновременно были предъявлены обвинения жене автора в связи с некоторыми из этих правонарушений;
- г-н Поттер был отпущен на поруки в связи с обвинениями в сексуальных надругательствах 20 декабря 1991 года в ожидании его вероятного условно-досрочного освобождения из тюрьмы по приговору, вынесенному после первого слушания;
- до второго судебного разбирательства 27—29 апреля 1992 года было заслушано несколько досудебных ходатайств, относящихся к вопросам, рассматриваемым Комитетом по правам человека: значительный срок между датами предполагаемых правонарушений и датами подачи жалоб, вопрос согласия в отношении обвинений в изнасиловании, вопрос о том, что является собой "нападение" в правонарушении "непристойное нападение", и вопросы, относящиеся к приемлемости доказательств;
- автор предстал перед судом 29 октября 1992 года по обвинению в 8 случаях изнасилования и 13 случаях непристойного нападения. Г-же Поттер было совместно с ее мужем предъявлено обвинение по 5 случаям изнасилования и 5 случаям непристойного нападения. Она признала себя виновной в 5 случаях непристойного нападения. Суд присяжных признал г-на Поттера виновным в 13 случаях непристойного нападения. 27 ноября 1992 года он был приговорен в совокупности к семи с половиной годам тюремного заключения;
- 2 июня 1992 года автору совместно с двумя другими членами общины Сентерпойнт было предъявлено обвинение в заговоре с целью поставки контролируемых наркотических средств ("экстази"). Эти правонарушения якобы имели место в период с 1 мая 1988 года по 25 мая 1992 года. Участие в них автора стало известно полиции только 24 мая 1991 года после обыска в его камере в тюрьме Охура, в частности после осмотра жесткого диска его компьютера. Он предстал перед судом 29 сентября 1993 года и был приговорен к двум годам тюремного заключения 28 января 1994 года;
- 23 апреля 1992 года автору было предъявлено обвинение в 3 случаях лжесвидетельства во время слушания в 1990 году его первого дела, связанного с наркотиками, где он показал, что давал членам общины Сентерпойнт упаковки с сухим молоком и сахаром, а не с "экстази".

Он признал себя виновным и 8 февраля 1994 года был приговорен к четырем месяцам тюремного заключения.

4.3 Что касается заявления о нарушении статьи 14 Пакта, государство-участник утверждает, что заявления автора являются полностью необоснованными; замечание, сделанное судьей во время судебного разбирательства, тогда как автор был приговорен судом присяжных, огласка, предшествовавшая слушанию, наряду с тем, что законодательством Новой Зеландии не предусмотрено проведение письменного опроса присяжных, нельзя считать нарушением прав автора по статье 14. Право автора на обжалование было соблюдено, поскольку его осуждение было обжаловано и новозеландский Апелляционный суд решением *ex-parte* отклонил апелляцию. Вынесенный на обсуждение "вопрос права" (как следует толковать "нападение" в термине "непристойное нападение") был рассмотрен судьей в решении от 28 октября 1992 года и во время досудебного рассмотрения в апреле 1992 года. В этом отношении государство-участник утверждает, что автор не обосновал свою жалобу.

4.4 В отношении утверждений автора, что с ним несправедливо обращаются, что его считают "заключенным особого разряда", государство-участник отрицает наличие доказательств того, что процесс осуществления правосудия применялся к автору иначе, чем к другим заключенным, обвиняемым в аналогичных преступлениях. Утверждение, будто все события произошли более 12 лет назад и не были связаны с насилием, необоснованно, как разъясняется в пункте 4.2, выше. В заявлении о том, будто сексуальное надругательство не связано с насилием, игнорируется, что насилие — это неотъемлемая часть любого сексуального преступления. Государство-участник отвергает обвинения адвоката в том, будто жертвы получали деньги от некоего государственного учреждения, чтобы свидетельствовать против автора: на самом деле жертвы получили компенсацию за личный ущерб согласно закону реабилитации после несчастных случаев 1992 года, согласно которому жертвам сексуальных надругательств выдается компенсация, чтобы помочь им оправиться от соответствующих последствий. Компенсация, предоставляемая согласно этому закону, никоим образом не связана с проведением уголовного разбирательства и не зависит от того, возбуждено ли дело против предполагаемого правонарушителя и дает ли жертва показания в ходе слушания дела.

4.5 Что касается утверждения автора о том, что в тюрьме с ним плохо обращались, государство-участник считает, что г-н Поттер основывается на предполагаемых нарушениях Стандартных минимальных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций, в то время как Комитет компетентен только рассматривать предполагаемые нарушения прав, установленных Международным пактом о гражданских и политических правах. Далее государство-участник утверждает, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты, так как он мог воспользоваться процедурой подачи административной жалобы согласно Закону об исправительных учреждениях 1954 года и Правилам деятельности исправительных учреждений 1961 года (с дополнениями), а также обратиться к омбудсмену. Он мог воспользоваться средствами правовой защиты, обратившись к новозеландскому Закону о билле о правах в местном суде, если он считал, что администрация тюрьмы не приложила достаточных усилий для защиты его неприкосновенности в тюрьме.

4.6 В отношении предполагаемой дискриминации со стороны комиссии по условно-досрочному освобождению государство-участник утверждает, что у автора есть право на судебный пересмотр решений комиссии по условно-досрочному освобождению в Верховном суде. Оно отмечает, что автор письменно обращался к регистратору оклендского окружного суда относительно возможного пересмотра решения комиссии, но официального прошения не подал. В связи с этим он не исчерпал внутренних средств правовой защиты в этом отношении.

5. В своих комментариях адвокат повторяет утверждения, что с автором обращались как с "заключенным особого разряда", что обвинения не были ему предъявлены своевременно, что его дело не было заслушано беспристрастно, что он не смог подать апелляцию в Тайный совет, что с ним дурно обращались в тюрьме и что комиссия по условно-досрочному освобождению подвергла его дискриминации. В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты адвокат считает, что

средства правовой защиты, называвшиеся государством-участником, недоступны автору, поскольку он находится в тюремном заключении, и поэтому нет необходимости их исчерпывать.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что соображения, по которым сообщение может быть признано приемлемым, включают, среди прочего, достаточную обоснованность представленных жалоб, которые не являются злоупотреблением правом представления. В отношении жалобы автора на то, что слушание его дела было несправедливым, поскольку оно состоялось спустя много лет после правонарушения и поскольку он предстал перед судом по обвинению в непристойном нападении в тот период, когда истек срок давности по обвинениям в изнасиловании, Комитет отмечает, что из стенограммы судебного заседания очевидно, что судья дал указание присяжным оправдать г-на Поттера по обвинениям в изнасиловании по правовым основаниям. В связи с этим Комитет также отмечает, что обвинения относятся к ряду событий, охватывающих длительный период времени вплоть до недавнего прошлого (с 1978 по 1992 год). В связи с этим Комитет считает, что жалоба автора не была обоснованной. Что касается утверждения, что судебное разбирательство было пристрастным из-за значительной огласки, которая ему предшествовала, то этот вопрос мог быть поставлен перед судьей на слушании; тот факт, что этого не было, означает, что не были выполнены требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. В отношении остальных утверждений о несправедливом судебном разбирательстве, в частности о том, что на свидетелей повлияла компенсация, полученная от государственного учреждения, то этот вопрос также должен был быть поставлен перед апелляционным судом. То, что автор этого не сделал, означает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны и в этом отношении.

6.3 Что касается предполагаемого дурного обращения с автором в тюрьме, то Комитет не принимает довод государства-участника о том, что он не компетентен рассматривать вопросы содержания в заключении какого-либо лица, если такие вопросы рассматриваются согласно Стандартным минимальным правилам обращения с заключенными Организации Объединенных Наций, поскольку эти нормы являются ценным руководством для толкования Пакта. Несмотря на это, из дела явствует, что автор никогда не подавал жалобы на дурное обращение ни судебным органам Новой Зеландии, ни омбудсмену. В целях подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола истец должен прибегнуть ко всем средствам как в судебной, так и в административной сфере, с помощью которых он может достичь разумной степени удовлетворения жалобы. Вследствие вышеизложенного в этом отношении требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола не были выполнены.

6.4 Что касается дискриминации, которой якобы подвергла автора комиссия по условно-досрочному освобождению, Комитет принимает во внимание довод государства-участника, согласно которому, хотя автор и обращался в письменной форме к регистратору суда, чтобы узнать о возможности пересмотра решения комиссии по условно-досрочному освобождению, но официальная просьба о пересмотре не поступала. В связи с этим здесь применимы те же соображения, что и в пункте 6.3, выше.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно статье 2 и подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

Г. Сообщение № 643/1994: Петер Дробек против Словакии
(решение, принятое 14 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Петером Дробеком [представлен юридическим центром Кингсфорда, Австралия]

Жертва:

автор сообщения

Государство-участник:

Словакия

Дата сообщения:

31 мая 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 14 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения, датированного 31 мая 1994 года, является Петер Дробек, гражданин Австралии, родившийся в Братиславе. Он утверждает, что является жертвой нарушения Словакией статей 2, 17 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для Словакии 12 июня 1991 года. После распада Чешской и Словацкой Федеративной Республики Словакия сообщила о правопреемстве в отношении Пакта и Факультативного протокола, которые вступили в силу с первого дня существования новой республики — 1 января 1993 года. Автор представлен адвокатом.

Факты, представленные автором

2.1 Автору предстояло унаследовать от отца и дяди определенную собственность в Братиславе, экспроприированную по декретам Бенеша № 12 и 108 от 1945 года, согласно которым вся собственность, принадлежавшая этническим немцам, была конфискована. В 1948 году коммунистическим режимом была конфискована вся частная собственность, используемая для получения дохода. После падения коммунистического режима Чешская и Словацкая Федеративная Республика приняла закон 87/1991 23/, а после создания государства Словакия ее правительство учредило процедуру, по которой можно вернуть собственность, захваченную при коммунистическом

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Текст особого мнения членов Комитета Сесилии Медины Кироги и Экарта Клайна прилагается к настоящему документу.

23/ См. соображения Комитета по сообщению № 516/1992 (Симунек и др. против Чешской Республики), принятые 19 июля 1995 года, и по сообщению № 586/1994 (Адам против Чешской Республики), принятые 23 июля 1996 года.

режиме. Тем не менее законодательство о реституции не охватывает конфискацию, произведенную по декретам Бенеша.

2.2 Автор предпринимал усилия, с тем чтобы воспользоваться законодательством о реституции и добиться возвращения своей собственности. 23 мая 1993 года его жалобы были отклонены местным судом Братиславы. Адвокат утверждает, что суд не рассматривал вопросы дискриминации и расовой несправедливости, от которых пострадал автор. В этом отношении он заявляет, что, поскольку ему недоступны эффективные внутренние средства правовой защиты, с помощью которых он мог бы получить возмещение за расовую дискриминацию, которой он подвергался, внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он является жертвой нарушения статей 2 и 26 Пакта правительством Словакии, поскольку оно одобрило этническую дискриминацию, имевшую место до принятия Пакта, приняв закон, согласно которому компенсация предоставляется тем, чьи земли были экспроприированы по экономико-идеологическим причинам, но не предоставляется тем, у кого они были экспроприированы по этническим мотивам. Адвокат утверждает, что статью 2 Пакта вместе с его преамбулой следует толковать следующим образом: права, утверждаемые Пактом, проистекают из присущего человеческой личности достоинства, а нарушение, совершенное до вступления Пакта в силу, было подкреплено принятием в 1991 году дискриминационного законодательства и решениями словацких судов в 1993 и 1995 годах.

3.2 Автор утверждает, что имело место нарушение статьи 17 в том, что с членами его семьи обращались как с преступниками, их чести и репутации был нанесен серьезный ущерб. В связи с этим автор заявляет, что, пока правительство Словакии не восстановит их в правах и не вернет их собственность, оно будет по-прежнему нарушать положения Пакта.

Замечания государства-участника и комментарии автора по ним

4. 11 августа 1995 года сообщение было передано государству-участнику в соответствии с правилом 91 правил процедуры Комитета. От государства-участника не было получено представления в соответствии с правилом 91, несмотря на напоминание, направленное ему 20 августа 1996 года.

5.1 В своем письме от 10 августа 1995 года адвокат уведомил Комитет, что в отношении имущественной претензии автора внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и что 9 февраля 1995 года сессия городского суда отклонила апелляцию автора на решение местного суда Братиславы 24/. В отношении иска автора по дискриминации средств правовой защиты никогда не имелось.

5.2 В последующем письме от 23 июля 1996 года адвокат утверждает, что органы власти Словакии подвергают дискриминации лиц немецкого происхождения.

Соображения по приемлемости

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что оспариваемый закон вступил в силу на территории Словакии в 1991 году, когда страна все еще была частью Чешской и Словацкой Федеративной Республики, то есть до присоединения Словакии к Пакту и Факультативному протоколу в январе 1993 года. Но принимая во

24/ Автор представляет текст решения на словацком языке и в переводе на английский язык.

внимание, что Словакия продолжала применять положения закона 1991 года и после января 1993 года, сообщение не является неприемлемым ratione temporis.

6.3 Хотя жалоба автора касается имущественных прав, которые как таковые не защищаются Пактом, он утверждает, что закон 1991 года нарушает его права по статьям 2 и 26 Пакта, поскольку он применяется только к лицам, чье имущество было конфисковано после 1948 года, и тем самым исключает компенсацию за имущество, отобранное у этнических немцев по декрету 1945 года, принятому докоммунистическим режимом. Комитет уже имел повод утверждать, что законы, относящиеся к имущественным правам, могут нарушать статьи 2 и 26 Пакта, если они по своей природе дискриминационны. Вследствие этого вопрос, который в данном случае предстоит решить Комитету, заключается в том, входит ли в эту категорию закон 1991 года применительно к истцу.

6.4 В своих соображениях по сообщению 516/1992 (Симунек против Чешской Республики) Комитет отметил, что закон 1991 года является нарушением Пакта, поскольку из сферы его применения исключены лица, чья собственность была конфискована после 1948 года лишь потому, что они не являлись гражданами страны или не проживали в ней после падения коммунистического режима в 1989 году. Настоящий случай отличается от соображений по приведенному выше делу, так как автор в данном случае не утверждает о якобы дискриминационном обращении в плане конфискации собственности после 1948 года. Вместо этого он утверждает, что закон 1991 года носит дискриминационный характер, поскольку в соответствии с ним компенсация не предоставляется жертвам конфискаций, проведенных в 1945 году по декретам докоммунистического режима.

6.5 Комитет настойчиво утверждает, что не всякое различие или дифференциация в обращении являются дискриминацией согласно смыслу статей 2 и 26. Комитет считает, что в настоящем случае законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии для компенсации жертвам этого режима, не является дискриминационным *prima facie* согласно смыслу статьи 26 лишь потому, что, как утверждает автор, оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами. Автор не обосновал такую претензию в соответствии со статьями 2 и 26.

6.6 Автор утверждает, что Словакия нарушила статью 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, не устранив предполагаемое обращение с его семьей как с преступниками со стороны органов власти Словакии. Комитет считает, что автор не обосновал это конкретное утверждение.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику, автору и его адвокату.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение членов Комитета
г-жи Сесилии Медины Кироги и г-на Экарта Клайна

[Подлинный текст на английском языке]

Автор сообщения утверждает, что государство-участник подвергло его дискриминации, приняв закон 87/1991, согласно которому компенсация предоставляется лицам, чьи земли были конфискованы коммунистическим режимом, и не предоставляется лицам немецкого происхождения, чьи земли были конфискованы по декретам Бенеша.

Комитет объявил это сообщение неприемлемым из-за недостаточного обоснования иска автора. Мы не согласны с этим решением. Автор приводит четкие причины, по которым он считает, что подвергается дискриминации со стороны государства-участника: он так считает не только потому, что закон 87/1991 распространяется лишь на собственность, захваченную при коммунистическом режиме, а не на конфискации по декретам 1945 года, проводившиеся с 1945 по 1948 год докоммунистическим режимом; автор заявляет, что принятие закона 87/1991 отражает поддержку Словакией дискриминации, которой лица немецкого происхождения подвергались сразу после окончания Второй мировой войны. Далее он добавляет, что эта дискриминация со стороны органов власти Словакии продолжается по настоящее время (пункты 3.1 и 5.2). Поскольку статья 26 Пакта должна уважаться всеми органами власти государств-участников, законодательные акты также должны отвечать ее требованиям; соответственно, закон, который является дискриминационным по любому из оснований, приводимых в статье 26, будет нарушением Пакта.

Государство-участник не отреагировало на обвинения автора. Иск по дискриминации, в котором поднимается вопрос по существу дела, — не оспаривавшийся государством-участником на этапе рассмотрения приемлемости — требует рассмотрения по существу. Вследствие этого мы делаем вывод, что данное сообщение следовало объявить приемлемым.

Н. Сообщение № 654/1995: Кваме Уильямс Аду против Канады
(решение, принятое 18 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Кваме Уильямсом Аду [представлен г-ном Стюартом Истванфи]
<u>Жертва:</u>	автор
<u>Государство-участник:</u>	Канада
<u>Дата сообщения:</u>	28 декабря 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 18 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения является Кваме Уильямс Аду, гражданин Ганы, во время представления проживавший в Канаде, где он подал прошение о предоставлении ему статуса беженца. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой пунктов 1 и 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6, статей 7, 9 и 13, пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Стюарт Истванфи, адвокат из Монреала.

Факты, представленные автором

2.1 Автор родился 16 ноября 1968 года. По его утверждению, он был одним из лидеров ассоциации молодежи Эсаазе в области Ашанти, а также футболистом популярного местного клуба; он пользовался известностью и был естественным лидером в своем районе. Его отец — помощник вождя в местной структуре племен. В марте 1992 года представители военного правительства Ганы прибыли в Эсаазе, чтобы заручиться поддержкой кандидатуры Джерри Роулингса на пост президента. Автор и президент ассоциации молодежи открыто продемонстрировали свою оппозицию кандидатуре г-на Роулингса, начав кампанию против правительства, для чего устроили обход домов местных жителей. Той же ночью автор был арестован и более пяти месяцев содержался под стражей в плохих условиях. Бывший тренер футбольной команды Кумани, используя подкуп, сумел организовать побег автора в сентябре 1992 года.

2.2 Автор прибыл в Канаду 17 сентября 1992 года. Он подал прошение о предоставлении ему статуса беженца на том основании, что он испытывает вполне обоснованный страх преследования за свои политические убеждения и принадлежность к определенной социальной группе. Слушание по его прошению проводилось 10 мая 1993 года двумя членами комиссии отделения по делам беженцев

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кироба, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин и г-н Данило Тюрк.

** Г-н Максвелл Ялден не принимал участия в принятии решения в соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета.

Канадского управления по иммиграции и делам беженцев в Монреале, провинция Квебек. Отделение по делам беженцев отклонило прошение автора о признании его политическим беженцем. Его просьба о предоставлении ему разрешения на обжалование решения была отклонена 28 июня 1994 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его прошение о предоставлении ему статуса беженца не было беспристрастно рассмотрено в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. Он сообщает, что один из членов комиссии на слушании, некий г-н Сордзи, был настроен против него; в связи с этим автор утверждает, что слушание не удовлетворяло требованиям, предъявляемым к компетентному, независимому и беспристрастному суду. В поддержку своего утверждения о предвзятости г-на Сордзи автор разъясняет, что в Гане имеет место серьезный этнический конфликт и что в рамках действующего военного режима преобладает племя эве, к которому принадлежат г-н Сордзи и г-н Роулингс, президент Ганы, в то время как сам автор принадлежит к другой этнической группе. Адвокат заявляет, что, вопреки мнению Федерального суда Канады, племенные связи в Гане глубоко укоренились и не распадаются от физического перемещения лиц. Автор утверждает, что в силу этого беженцы из Ганы опасаются давать показания перед лицом, происходящим из племени эве, и часто сами себе противоречат; это потом используется для того, чтобы оспорить правдивость их показаний. Утверждается, что г-н Сордзи заявлял, что все так называемые беженцы из Ганы являются экономическими мигрантами. В связи с этим адвокат отмечает, что г-н Сордзи является сторонником правительства Ганы и тот факт, что он в качестве судьи рассматривает прошения своих соотечественников о предоставлении им статуса беженца, является нарушением права на справедливое разбирательство дела. Адвокат прилагает полученные под присягой письменные показания видных членов ганской общины в Монреале, чтобы доказать, что г-н Сордзи издавна славится своей неприязнью к претендующим на статус беженца из Ганы.

3.2 Далее автор утверждает, что лексика решений, принятых отделением по делам беженцев, свидетельствует о явном предубеждении администрации против обращающихся за получением статуса беженцев из Ганы. В этом контексте упоминается о том, что в отношении Ганы якобы существует предвзятая политическая линия, согласно которой не признается реальное положение дел в этой стране; адвокат добавляет, что комиссия приложила немалые усилия, чтобы признать рассказ его клиента не заслуживающим доверия, хотя, как представляется, он согласуется с тем, что известно о положении дел в Гане на настоящий момент.

3.3 Адвокат заявляет, что вышеописанные события и факты также являются нарушением Канадой пункта 1 статьи 2 и статьи 26 Пакта, поскольку автор подвергся дискриминации из-за своего этнического происхождения и политических убеждений.

3.4 Далее автор заявляет, что в Гане лица, осужденные за политические преступления, часто приговариваются к смертной казни и что государство-участник, выслав его в Гану, поставит автора в трудное положение, поскольку он окажется в очень опасных условиях, которые могут повлечь нарушение его права на жизнь, что противоречит положениям статьи 6 Пакта. Адвокат утверждает, что депортация лица, прошение которого о предоставлении статуса беженца было рассмотрено не беспристрастным, а предубежденным судом, представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 7 и является нарушением пункта 1 статьи 9 Пакта. Далее заявляется, что депортация автора не была бы произведена во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом, как того требует статья 13 Пакта, поскольку член комиссии г-н Сордзи, как утверждается, превысил свои полномочия, принимая решения по поводу того, заслуживают ли доверия претенденты на статус беженца из Ганы.

3.5 Адвокат утверждает, что, отклонив апелляцию автора, Федеральный суд неправильно применил канадское законодательство и тем самым устранил единственную доступную автору возможность обращения за помощью в нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта.

3.6 Далее адвокат заявляет, что канадское законодательство предусматривает пересмотр после принятия решения и гуманный и благожелательный пересмотр, однако, по его утверждению, эти средства правовой защиты бессодержательны и иллюзорны. В связи с этим он утверждает, что по смыслу пункта 2 статьи 5 Пакта внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Замечания государства-участника

4.1 В своем представлении от 23 июля 1996 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо и представляет информацию относительно действующих в нем процедур определения статуса беженца.

4.2 Государство-участник напоминает, что автор явился в иммиграционную службу в Монреале с просьбой о предоставлении ему статуса беженца 17 сентября 1992 года. Он утверждал, что прибыл в Канаду на грузовике из Нью-Йорка, после того как, покинув Гану, добрался до Буркина-Фасо на автомобиле и затем совершил авиаперелет в Нью-Йорк с промежуточными остановками где-то в Африке и в Швейцарии. 5 ноября 1992 года было признано, что автор обладает правом требования *prima facie* в соответствии с Конвенцией об африканских беженцах, и принято решение об условной депортации с обязательством покинуть Канаду в течение одного месяца после любого отрицательного решения Управления по иммиграции и делам беженцев.

4.3 10 мая 1993 года два члена комиссии отделения по делам беженцев Управления по иммиграции и делам беженцев заслушали автора, чтобы определить, подпадает ли он под определение беженца, данное в Конвенции о беженцах, согласно Закону об иммиграции. Государство-участник разъясняет, что просьба удовлетворяется, если хотя бы один из двух членов комиссии признает, что заявитель соответствует определению. На слушании автор был представлен адвокатом (который представлял его со времени первого собеседования со служащими иммиграционного управления 13 октября 1992 года), были представлены показания о положении в стране, автор дал устные показания и к делу был приобщен ряд вещественных доказательств. Государство-участник подчеркивает, что ни автор, ни его адвокат не выдвигали каких-либо возражений по составу комиссии.

4.4 15 октября 1993 года комиссия постановила, что автор не является беженцем согласно положениям Конвенции об африканских беженцах. Она нашла показания автора не заслуживающими доверия из-за несоответствий в его рассказе и из-за неправдоподобия некоторых событий, описанных автором. В частности, комиссия отметила, что в то время, когда, как утверждает автор, он был арестован за противодействие агитации за кандидата на пост президента от Национального демократического конгресса Роулингса, эта партия еще не существовала, а о кандидатуре Роулингса было объявлено лишь через три месяца после событий, описываемых автором. Затем автор подал прошение о предоставлении ему разрешения на обжалование решения в отдел судебных разбирательств Федерального суда 25/. Прошение автора основывалось на ошибках в праве и в фактах, в том числе на заявлениях, основанных на обоснованном подозрении в пристрастности со стороны члена комиссии г-на Сордзи. 28 июня 1994 года его прошение было отклонено без объяснения причин. Возможностей для дальнейшего обжалования не существует.

4.5 17 января 1994 года автор, представленный новым адвокатом, подал прошение о повторном слушании его дела в отделении по делам беженцев для рассмотрения новых показаний. 22 марта 1994 года его прошение было отклонено, поскольку в компетенцию отделения не входит повторное рассмотрение дела для заслушивания новых показаний; оно может повторно рассмотреть дело только в том случае, если отделением был нарушен какой-либо принцип естественного права или допущена ошибка в фактах.

25/ В контексте иммиграции суд применяет для предоставления разрешения критерий, заключающийся в том, представил ли заявитель "достаточно убедительные доводы" или "серьезный вопрос, требующий разрешения".

4.6 Согласно процедуре пересмотра после принятия решения относительно предоставления статуса беженца в Канаде лица, которые не были признаны беженцами в соответствии с положениями Конвенции об африканских беженцах, могут подать прошение о предоставлении им права проживать в Канаде, если по возвращении в свою страну они подвергнутся риску для жизни, риску того, что против них будут приняты крайние меры, или риску бесчеловечного обращения. Адвокат автора (новый) подал сведения, включая не представленные ранее показания. 23 апреля 1995 года автор был поставлен в известность о том, что должностное лицо, проводившее пересмотр после принятия решения по просьбе, пришло к выводу, что автор не относится к этой категории лиц. Автор не обращался за судебным пересмотром этого решения.

4.7 12 апреля 1995 года автор не явился на слушания по подготовке его добровольного отбытия из Канады. Государство-участник заявляет, что ему неизвестно о местопребывании автора в настоящее время.

4.8 Государство-участник утверждает, что сообщение автора неприемлемо, поскольку внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Во-первых, автор не добивался гуманного и благожелательного пересмотра согласно статье 114 (2) Закона об иммиграции 26/. Государство-участник опровергает утверждение автора о том, что это средство правовой защиты и пересмотр после принятия решения бессодержательны. Оно отмечает, что адвокат автора основывался на статистических данных, согласно которым в 99 процентах случаев результат отрицательный, но заверяет, что эти данные относятся к положению дел до введения процедуры пересмотра после принятия решения относительно предоставления статуса беженца в Канаде, когда такой пересмотр проводился формально, без заявлений от лица претендентов. Государство-участник утверждает, что в определенных случаях процедура пересмотра эффективна.

4.9 Автор также не обратился за разрешением на судебный пересмотр отрицательного решения по процедуре пересмотра после принятия решения относительно предоставления статуса беженца в Канаде в отдел судебных разбирательств Федерального суда. Государство-участник разъясняет, что в ходе пересмотра автор имел бы право, согласно Канадской хартии прав и свобод, предоставить доводы, аналогичные тем, которые он выдвигает в своем сообщении Комитету. Решения отдела судебных разбирательств можно было бы (при наличии разрешения) обжаловать в Федеральном апелляционном суде, а затем, при наличии разрешения, в Верховном суде.

4.10 В завершение государство-участник разъясняет, что автор также мог подать деклараторный иск, оспаривая конституционность любого положения Закона об иммиграции, или возбудить дело в отделе судебных разбирательств Федерального суда о нарушении его прав согласно Хартии.

4.11 Государство-участник приходит к выводу, что в распоряжении автора имелись вышеупомянутые внутренние средства правовой защиты, которыми он был обязан воспользоваться, прежде чем обращаться в международный орган. Сомнения, которые могли иметься у автора по поводу эффективности этих средств правовой защиты, не освобождают его от необходимости исчерпать их.

4.12 Далее государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку не было представлено обоснования нарушений прав, предусматриваемых Пактом. В отношении жалоб автора на основании статьи 6 государство-участник заявляет, что депортация автора из Канады не представляет собой нарушение его права на жизнь *prima facie*, поскольку его жалобы были отклонены компетентными органами власти после их полного рассмотрения с возможностью судебного пересмотра. В этой связи государство-участник ссылается на соображения Комитета по сообщению Нг

26/ Государство-участник разъясняет, что это — процедура общего пересмотра, в основном по усмотрению сотрудника иммиграционной службы, целью которой является решение по поводу того, следует ли облегчить какому-либо лицу допуск в Канаду по гуманитарным и благожелательным соображениям. Во внимание принимается широкий диапазон обстоятельств, включая риск чрезмерно жестокого обращения, положение дел в соответствующей стране и любые новые обстоятельства.

против Канады 27/, в которых Комитет пришел к выводу, что выдача заявителя стране, где он подвергается риску смертной казни, не является нарушением пункта 1 статьи 6, поскольку решение о выдаче не было произвольным и было принято после должного разбирательства. Государство-участник добавляет, что автор еще не исчерпал всех средств правовой защиты.

4.13 В том что касается жалоб автора на основании статей 9 и 13, государство-участник заявляет, что данными статьями не предоставляется в широком смысле слова право на убежище или право оставаться на территории государства-участника. Автору было разрешено остаться в Канаде для вынесения решения по его прошению о предоставлении статуса беженца, и приказ о его депортации был издан только после отклонения его иска после полномасштабного слушания с возможностью судебного пересмотра. В этом контексте государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу Маруфиду против Швеции 28/.

4.14 В отношении жалобы автора на основании пункта 1 статьи 14 Пакта государство-участник утверждает, что слушания по вопросу о предоставлении статуса беженца относятся к публичному праву и потому не определяются термином "гражданский процесс", применяемым в статье 14 Пакта. В этом контексте государство-участник ссылается на свои представления в связи с сообщением № 236/1987 (В.Р.М.Б. против Канады) 29/.

4.15 Кроме того, государство-участник заявляет, что даже если считать, что разбирательства, проведенные Управлением по иммиграции и делам беженцев, являются "гражданским процессом", существуют достаточные гарантии независимости 30/, позволяющие утверждать, что оно представляет собой независимый суд по смыслу пункта 1 статьи 14. Государство-участник далее утверждает, что комиссия из двух человек, принявшая решение по прошению автора, была беспристрастной. В связи с этим государство-участник отмечает, что обвинения в пристрастности, выдвинутые автором, касаются конкретно г-на Сордзи, а не члена комиссии, выполнявшего функции председателя и составившего решение. В связи с этим государство-участник напоминает, что жалоба автора была бы удовлетворена, даже если бы только председатель комиссии пришел к заключению, что автор является беженцем согласно Конвенции о беженцах. Государство-участник утверждает, что выдвигаемые автором обвинения в пристрастности необоснованны, о чем свидетельствует отклонение его прошения о судебном пересмотре отделом судебных разбирательств Федерального суда, который, очевидно, счел, что автор не представил "достаточно убедительные доводы", доказывающие наличие предубеждения. В этом контексте государство-участник ссылается на аргументированные решения Федерального суда по аналогичным обвинениям г-на Сордзи в пристрастности 31/. Государство-

27/ См. соображения по сообщению № 469/1991, принятые 5 ноября 1993 года.

28/ См. соображения по сообщению № 58/1979, принятые 9 апреля 1981 года.

29/ Объявлено неприемлемым 18 июля 1988 года.

30/ Члены Управления назначаются губернатором с одобрения совета на срок до семи лет и набираются из всех слоев канадского общества. Они могут быть смещены только по ограниченному набору оснований после расследования, которым руководит судья, сверхштатный судья или бывший судья Федерального суда Канады. Управление по иммиграции и делам беженцев действует автономно и имеет отдельный бюджет. Решения отдела по делам беженцев могут быть отменены судом общего права.

31/ В частности, государство-участник приводит выдержки из решения Федерального суда по делу Бадю против министра по делам занятости и иммиграции, принятого 15 февраля 1995 года, в котором судья отметил:

"Было бы заблуждением предполагать, что г-н Сордзи, который прибыл в Канаду в 1968 году и стал гражданином Канады в 1976 году, неспособен, по причине родовой вражды и розни, надлежащим образом объективно и справедливо исполнять обязанности, возложенные на него

участник также ссылается на стенограмму слушания, из которой явствует, что со стороны г-на Сордзи не было какого-либо недолжного вмешательства, и на текст решения, где полностью изложены причины, по которым показания автора не были сочтены заслуживающими доверия. Государство-участник отмечает, что тот факт, что г-н Сордзи родом из Ганы и принадлежит к племени эве, сам по себе не создает оснований для обоснованного подозрения в пристрастности. В этом контексте государство-участник разъясняет, что Управление по иммиграции и делам беженцев полагается на служащих, у которых есть личный опыт пребывания в странах, из которых прибывают лица, претендующие на статус беженца, которые знают эти страны или их язык. Согласно практике канадского суда, это желательная составляющая процедуры определения соответствия статусу беженца.

4.16 В отношении жалобы автора на основании статьи 7, что его депортация представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее его достоинство обращение, поскольку его прошение не было рассмотрено беспристрастным судом, государство-участник ссылается на свою приведенную выше аргументацию и утверждает, что суд был беспристрастным и по этой причине жалоба автора неприемлема.

4.17 Что касается утверждений автора, будто ему было отказано в праве равенства перед законом, поскольку один из членов комиссии был из племени эве, государство-участник сообщает, что утверждения об отказе в праве на равенство не имеют фактической или правовой основы и по этой причине их следует признать неприемлемыми.

4.18 Наконец, государство-участник заявляет, что Комитет по правам человека не является "четвертой инстанцией", компетентной осуществлять переоценку фактов или пересматривать применение национального законодательства, за исключением случаев, когда имеются доказательства того, что разбирательства в национальных судах носят произвольный характер или представляют собой отказ в правосудии. В отсутствие таких доказательств государство-участник утверждает, что жалобы автора неприемлемы.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

5. Конечным сроком представления адвокатом комментариев по замечаниям государства-участника было 30 августа 1996 года. Письмом от 29 мая 1997 года адвокат был поставлен в известность о том, что Комитет рассмотрит вопрос о приемлемости сообщения на своей шестидесятой сессии в июле 1997 года. Никакого представления не было получено.

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение о приемлемости сообщения согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Государство-участник заявляет, что сообщение неприемлемо по причине того, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, в то время как адвокат автора утверждает, что пересмотр после принятия решения и гуманный и благожелательный пересмотр бессодержательны. Комитет ссылается на собственную практику, согласно которой сомнения в эффективности внутренних средств правовой защиты не освобождают автора от необходимости их исчерпания. В данном случае автор не воспользовался правом на судебный пересмотр отрицательного результата пересмотра после принятия решения. В связи с этим сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.3 В отношении утверждения автора о том, что слушание его дела не было справедливым, после того как отдел судебных разбирательств Федерального суда отклонил прошение автора о

парламентом". Суд постановил, что представленные в качестве доказательств письменные показания, полученные под присягой, являются в высшей степени субъективными и не содержат объективного подтверждения или обоснования обвинений.

предоставлении ему разрешения на обжалование решения, которое было основано, в частности, на утверждении о предвзятости, все внутренние средства правовой защиты оказались исчерпанными. Автор заявляет, что разбирательство по его делу не было справедливым, поскольку один из двух принимавших в нем участие членов комиссии родом из Ганы и принадлежит к племени эве и отличается враждебным отношением к беженцам из Ганы, о котором, как утверждается, хорошо известно членам ганской общины в Монреале. Тем не менее ни автор, ни его адвокат не выдвигали возражений против участия этого члена комиссии в слушании, пока прошение автора о предоставлении ему статуса беженца не было отклонено, несмотря на то что основания для пристрастного отношения одного из членов комиссии были хорошо известны автору и/или его адвокату в начале слушания. В связи с этим Комитет считает, что автор не обосновал, для целей приемлемости, свое утверждение о нарушении его права на справедливое разбирательство беспристрастным судом. При данных обстоятельствах Комитету нет необходимости принимать решение о том, явилось ли решение по делу о предоставлении автору статуса беженца определением "его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе" согласно смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 и подпунктом b пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и адвокату автора.

I. Сообщение № 658/1995: ван Орд против Нидерландов
(решение, принятое 23 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Якобом и Янтиной Хендрикой ван Орд
<u>Жертва:</u>	авторы
<u>Государство-участник:</u>	Нидерланды
<u>Дата сообщения:</u>	4 ноября 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 23 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются Якоб ван Орд и Янтина Хендрика ван Орд, урожденная де Бер, граждане Соединенных Штатов Америки, проживающие в Соединенных Штатах Америки. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Нидерландами статей 2, 3, 5, 6, 7, 12, 14, 15, 16, 17, 23 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также его преамбулы.

Факты, представленные авторами

2.1 Авторы родились в Нидерландах, соответственно, 16 января 1920 года и 13 декабря 1924 года. В 1949 году они поженились и эмигрировали в Соединенные Штаты Америки; в 1954 году они получили американское гражданство, утратив голландское. Они по-прежнему проживают в Соединенных Штатах Америки.

2.2 В 1972 году г-н ван Орд заключил соглашение с Sociale Verzekeringsbank (SVB) (Банком социального обеспечения) — учреждением, осуществляющим голландские программы социального страхования. В соответствии с соглашением он стал участником голландской программы пенсионного обеспечения по старости (AOW, Algemene Ouderdomswet), внося добровольные взносы. Он заплатил взносы за предыдущие годы начиная с 1957 года, когда в Нидерландах была учреждена пенсионная программа, и, соответственно, мог рассчитывать на голландскую пенсию по достижении 65 лет. Пенсия, на которую он мог рассчитывать, составляла 62% от полного размера пенсии, причитающейся состоящему в браке мужчине, поскольку в соответствии с законодательством процентная доля, приходящаяся на годы отсутствия в Нидерландах со дня, когда ему и его жене исполнилось по 15 лет, до 1 января 1957 года, из общей суммы вычитается. Граждане Нидерландов, которым исполнилось 15 лет до 1 января 1957 года и которые постоянно проживали в Нидерландах, по достижении ими 65 лет получают в рамках программы AOW пенсию в полном размере.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

2.3 Г-н ван Орд получил право на пенсионное обеспечение с 1 января 1985 года. 25 июня 1985 года ему была предоставлена временная пенсия до окончательного расчета суммы, на которую он имеет право претендовать, а 7 февраля 1991 года ему была установлена пенсия, составляющая 58 процентов от полного размера пенсии состоящего в браке мужчины, плюс дополнительные выплаты для его жены — 66 процентов максимальных дополнительных выплат.

2.4 1 апреля 1985 года в программу AOW были внесены изменения, отражающие изменения роли женщин в обществе. До этого пенсии для супружеских пар рассчитывались на основе взносов, выплачивавшихся мужчиной, и на основе его права, с 1 апреля 1985 года право на пенсионное обеспечение для замужних женщин стало рассчитываться на основе их собственных прав.

2.5 12 февраля 1991 года авторы были поставлены в известность о том, что, поскольку г-же ван Орд исполнилось 65 лет 13 декабря 1989 года, дополнительные выплаты, рассчитанные только на жен, не достигших пенсионного возраста, удерживаются из их пенсии за период с декабря 1989 года. В то же время с 1 декабря 1989 года г-же ван Орд ретроактивно начисляется пенсия, составляющая 58 процентов от полного размера пенсии состоящей в браке женщины, поскольку она не платила взносы с 1985 по 1988 год (включительно). Банк SVB предоставил г-же ван Орд возможность выплатить взносы за период с 1985 по 1988 год, но она этого не сделала.

2.6 16 апреля 1991 года г-н ван Орд был извещен о том, что в соответствии с договором между Нидерландами и Соединенными Штатами Америки, который вступил в силу 1 ноября 1990 года, размер его пенсии был пересмотрен на основании договора и увеличен до 86 процентов от полной пенсии состоящего в браке мужчины. Размер пенсии г-жи ван Орд был повышен до 76 процентов от полной пенсии состоящей в браке женщины.

2.7 После пересмотра программ социального обеспечения в Нидерландах выплаты в рамках программы AOW, включая выплаты по добровольным соглашениям, с 1 января 1990 года были обложены в качестве доходов налогом. 31 марта 1992 года авторы были извещены, что им следует заплатить 1152 гульдена с полученных ими в 1990 году сумм. Они отказались платить, и 12 октября 1993 года Налоговое управление выдало предписание об уплате налогов. Однако 6 июля 1994 года предписание было отменено и сумма налога была аннулирована, поскольку было установлено, что в соответствии с законодательством взносы, выплаченные авторами за восемь лет до 1990 года, следует учитывать как отрицательный доход, уравновешивающий доход начиная с 1990 года, поэтому обязанности по уплате налога не наступает.

2.8 Авторы не согласились с определением размера их пенсии, утверждая, что, поскольку они заключали соглашение с SVB, оно не могло быть изменено в одностороннем порядке на основании поправок к законодательству. 27 марта 1992 года Апелляционный совет (Raad van Beroep) в Амстердаме отклонил жалобу автора, постановив, что определение SVB размера пенсий авторов соответствовало закону. Та часть жалобы авторов, которая относилась к налогообложению их пенсий, была признана Советом неприемлемой, поскольку в его компетенцию не входит рассмотрение вопросов налогообложения.

2.9 Затем авторы подали апелляцию на это решение в Центральный апелляционный совет (Centrale Raad van Beroep), который 22 апреля 1994 года отклонил ее. Центральный совет счел, что авторы добровольно присоединились к голландской национальной программе пенсионного обеспечения и что эта программа регулируется законодательством, в которое могут вноситься поправки без предварительного согласия авторов. Управление заключило, что это условие в неявном виде содержалось в соглашении между SVB и авторами, и отметило в связи с этим, что авторы выиграли от увеличения размера пенсий согласно договору между Нидерландами и Соединенными Штатами Америки, который так же формально не является частью пенсионного соглашения.

2.10 31 августа 1994 года Европейская комиссия по правам человека признала жалобу авторов неприемлемой, поскольку поднимаемые в ней вопросы не представляют собой какого-либо нарушения прав и свобод, установленных Европейской конвенцией или ее протоколами.

2.11 В последовавшем за этим письме авторы заявляют, что, как им стало известно, граждане Австралии, Новой Зеландии и Канады, ранее бывшие гражданами Нидерландов, которые добровольно присоединились к программе пенсионного обеспечения по старости AOW, выплатив страховые взносы, получают пенсии без вычетов, в то время как размер пенсии граждан США сокращается пропорционально времени, проведенному за пределами Нидерландов после достижения ими 15 лет и до 1 января 1957 года. Далее они заявляют, что с других участников программы никакие налоги не удерживались. По утверждению авторов, власти Нидерландов сообщили им, что это — следствие различных договорных обязательств между Нидерландами и Канадой, Новой Зеландией и Австралией, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки — с другой стороны.

Жалоба

3. Авторы утверждают, что вышеизложенное является нарушением их прав по Пакту, поскольку они были произвольно лишены своей собственности в нарушение преамбулы Пакта, которая ссылается на Всеобщую декларацию прав человека. Далее они утверждают, что являются жертвами нарушения:

- статьи 2 Пакта, поскольку они подверглись дискриминации по признаку гражданства и им не было предоставлено эффективных средств правовой защиты;
- статьи 3, поскольку состоящие в браке женщины не обладают равными правами с состоящими в браке мужчинами;
- статьи 5, поскольку правительство Нидерландов ограничило права человека;
- статьи 6, поскольку, как утверждается, сокращение размера пенсии авторов в нарушение договорных обязательств нанесло ущерб их жизни;
- статьи 7, поскольку частичная конфискация пенсионных выплат, на которые имели право авторы, является жестоким и унижающим достоинство обращением или наказанием;
- статьи 12, поскольку они были подвергнуты наказанию за эмиграцию в Соединенные Штаты Америки;
- статьи 14, поскольку независимые и беспристрастные суды поставлены вне закона статьей 120 Конституции Нидерландов, которая исключает конституционный пересмотр законодательства судебными властями; в этой связи также утверждается, что им было отказано в содействии в поиске адвоката и в услугах переводчика, что санкции применялись без соблюдения должных процедур и что судами были созданы неоправданные задержки из-за отсылки их в другие суды;
- статьи 15, поскольку они были подвергнуты наказанию после того, как полностью выплатили свою долю, предусмотренную в соглашении, и наказание было наложено в отсутствие уголовного преступления;
- статьи 16, поскольку правосубъектность г-жи ван Орд не была ретроактивно признана до тех пор, пока она не достигла 65 лет, а затем она подверглась наказанию путем конфискации у нее пяти лет пенсионного обеспечения, право на которое она приобрела как участник брачного союза;
- статьи 17, поскольку Налоговое управление Нидерландов выдало предписание об уплате налогов за 1990 год; хотя впоследствии предписание было отменено и сумма налога аннулирована, авторы утверждают, что ущерб их репутации уже был нанесен;
- статьи 23, поскольку авторам было отказано в статусе супружеской пары;

— статьи 26, поскольку правительство Нидерландов не защитило право авторов на равную защиту закона и подвергает их дискриминации по признаку гражданства.

Замечания государства-участника и комментариев авторов

4. В представлении от 22 ноября 1995 года государство-участник отмечает, что авторы не ставили перед голландскими судами вопрос о нарушении их прав согласно Пакту, и утверждает, что в связи с этим сообщение является неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты.

5.1 В своем ответе от 7 февраля 1996 года авторы утверждают, что в представлении Нидерландов нет искренности и что они поднимали вопрос об элементах нарушения их прав человека и конституционных прав в своих жалобах в суды, но суды полностью проигнорировали это. Далее они замечают, что, хотя они и ссылались на конституцию, они не могли сослаться на права согласно Пакту, поскольку в то время не располагали его текстом. Они добавляют, что все еще пытаются найти средство правовой защиты в системе голландского правосудия, но все их петиции в соответствующие органы власти игнорируются.

5.2 В следующем письме, датированном 22 февраля 1996 года, авторы утверждают, что судебная система в Нидерландах не является ни независимой, ни беспристрастной.

6.1 В следующем представлении от 9 октября 1996 года государство-участник признает, что авторы, хотя и не ссылались на конкретные статьи Пакта, фактически ставили вопрос о существовании прав, защищаемых статьями 2, 3, 14, 23 и 26, перед судами и что внутренние средства правовой защиты в этом отношении были исчерпаны.

6.2 Тем не менее государство-участник утверждает, что жалобы авторов в соответствии со статьями 5, 6, 7, 12, 15, 16 и 17 не ставились по существу перед судом и соответствующими органами власти и что авторы не возбуждали дела в гражданском суде, где они могли бы сослаться на эти права. В связи с этим государство-участник утверждает, что в этом отношении средства правовой защиты не были исчерпаны.

6.3 Далее государство-участник отмечает, что сообщение в той части, которая касается жалоб в соответствии со статьями 5, 6, 7, 12, 14, 15 и 16, является неприемлемым по причине несовместимости с положениями Пакта. В отношении жалобы автора в соответствии со статьей 5 государство-участник утверждает, что речь не идет о лишении или чрезмерном ограничении прав, гарантированных Пактом. Что касается статей 6 и 7, государство-участник сообщает, что изменение денежной суммы, получаемой авторами в рамках пенсионной программы, никоим образом не является нарушением их права на жизнь или их права не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию и что иное толкование противоречило бы четким формулировкам этих положений.

6.4 В связи с жалобой авторов в соответствии со статьей 12 государство-участник сообщает, что никогда не вмешивалось в право авторов покинуть любую страну. Юридические последствия свободно принятого авторами решения эмигрировать в Соединенные Штаты Америки нельзя рассматривать как незаконное вмешательство государства-участника согласно положениям статьи 12. В отношении жалобы в соответствии со статьей 14 государство-участник отмечает, что авторы не обосновали свои утверждения о том, что их дело не получило справедливого разбирательства. Государство-участник разъясняет, что, согласно статье 120 Конституции, принятые парламентом законодательные акты не могут оспариваться судом на основании инкриминируемой неконституционности и что эта статья никоим образом не ограничивает независимость судебной власти.

6.5 В отношении жалобы авторов в соответствии со статьей 15 государство-участник отмечает, что ее положения относятся только к уголовному праву, в то время как в настоящем деле речь идет о вопросах социального обеспечения. Что касается статьи 16, государство-участник утверждает, что отсутствует обоснование того, каким образом оно могло нарушить ее положения.

7.1 В своем комментарии по представлению государства-участника авторы утверждают, что, если в соответствии со статьей 15 даже преступникам предоставляются гарантии того, что они не будут ретроактивно лишены прав, она, несомненно, должна применяться к законопослушным гражданам. Что касается довода государства-участника относительно статьи 6 Пакта, авторы не согласны с тем, что нарушение права на жизнь имеет место, только если кто-либо умирает, и заявляют, что "обман клиентов, от которых были получены деньги в обмен на письменное обещание определенных благ для поддержания их в старости", является посягательством на жизнь.

7.2 Авторы заявляют, что все вопросы, поднятые в их сообщении, они довели до внимания голландских судов и органов власти, даже если, возможно, конкретные статьи Пакта и не были процитированы ими. Авторы отмечают, что они пытаются исчерпать внутренние средства правовой защиты на протяжении семи лет и что это не приносит никаких результатов. Они утверждают, что семь лет — это срок, выходящий за любые разумные временные рамки. Авторы отмечают, что они продолжают свои попытки воспользоваться местным средством правовой защиты не потому, что верят в возможность чего-то добиться, но потому, что хотят дать голландским властям и судебным органам возможность сохранить престиж.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

8.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2 Комитет считает, что жалобы авторов в соответствии со статьями 6, 7, 12, 15, 16, 17 и 23 Пакта основываются на толковании этих статей, которые противоречат их формулировкам и смыслу. В связи с этим данная часть сообщения является неприемлемой согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимая с положениями Пакта.

8.3 Далее Комитет считает, что авторы не представили достаточных доказательств, для целей приемлемости, в поддержку своего утверждения о том, что слушания по определению их прав на пенсии не были справедливыми. В этом контексте Комитет отмечает, что авторы в своей жалобе не обосновали, каким образом статья 120 Конституции могла повлиять на независимость и беспристрастность суда при разбирательстве их дела. В связи с этим жалоба является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

8.4 Комитет принял к сведению утверждение авторов о том, что они подвергались дискриминации по признаку гражданства, поскольку: а) размер их пенсий уменьшен с учетом периода с момента достижения ими 15 лет до 1 января 1957 года, когда они проживали вне Нидерландов, в то время как он не уменьшен для граждан Нидерландов, проживающих в Нидерландах, и б) размер их пенсий уменьшен и они должны платить с них налоги, в то время как другие бывшие граждане Нидерландов, являющиеся теперь гражданами Канады, Австралии или Новой Зеландии, не испытывают подобных ограничений.

8.5 В отношении этой жалобы Комитет отмечает, что не вызывает разногласий тот факт, что критерии, используемые для определения прав авторов на пенсионное обеспечение, применяются в равной мере ко всем бывшим гражданам Нидерландов, ныне проживающим в Соединенных Штатах Америки, и что авторы также извлекают пользу из заключенного между Нидерландами и Соединенными Штатами договора, в результате которого размер их пенсий достиг более высокого уровня, чем по первоначальной договоренности. По мнению авторов, то, что бывшие граждане Нидерландов, ныне проживающие в Австралии, Канаде и Новой Зеландии, пользуются иными льготами, является дискриминацией. Тем не менее Комитет отмечает, что сравниваются различные категории лиц и что льготы, о которых идет речь, являются следствиями заключенных по отдельности двусторонних договоров, которые неизбежно отражают соглашения, основанные на взаимности. Комитет ссылается на собственную практику, согласно которой дифференциация, основанная на

разумных и объективных критериях, не равнозначна запрещенной дискриминации по смыслу статьи 26 32/.

8.6 В связи с этим Комитет постановляет, что факты, представленные авторами, не составляют спорного вопроса согласно статье 26 Пакта и что поэтому авторы не представили жалобы согласно статье 2 Факультативного протокола. Вследствие вышеизложенного эта часть сообщения является неприемлемой.

9. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и авторам.

32/ В частности, соображения Комитета по сообщению № 182/1984, (Зван-де Вриес против Нидерландов), принятые 9 апреля 1987 года.

Ж. Сообщение № 659/1995: Б. Л. против Австралии
(решение, принятое 8 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено: г-жой Б. Л.
Жертва: автор
Государство-участник: Австралия
Дата сообщения: 17 декабря 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 8 ноября 1996 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автор сообщения является Б. Л., гражданка Германии, в настоящее время проживающая в Гэлстоне, Австралия. Она утверждает, что является жертвой нарушения Австралией статьи 1, пунктов 1, 2 и 3 статьи 2 и статей 7, 14, 16, 17 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты, представленные автором

2.1 28 января 1992 года автор и ее муж подали жалобу на своих соседей (г-на и г-жу Киркнесс) в связи с работами, проводившимися на дамбе в соседствующих владениях; у владения соседей есть право прохода и проезда через владения автора. Когда автор снесла возведенные соседями сооружения, г-н и г-жа Киркнесс 25 мая 1992 года подали в суд иск о возмещении ущерба.

2.2 Автор утверждает, что строительство велось без должного разрешения и что она обратилась за судебной помощью в Совет Хорнсби с отрицательным результатом. Затем она возбудила дело в суде права справедливости Верховного суда, но как решение, так и результат обжалования были не в ее пользу. Судебные разбирательства продолжались три года — с 1992 по 1994 год. Автор получила уведомление о ходатайстве по обвинению ее в неуважении к судебным решениям, поскольку она отказалась подчиниться приказу суда разрешить строительство в своих владениях.

2.3 Автор частным образом нанимала адвокатов по собственному выбору (шесть различных адвокатов) вплоть до слушания апелляции, где ей пришлось защищать себя самой, поскольку ни один адвокат не согласился вести ее дело.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что австралийская правовая система и юристы коррумпированы, и возлагает ответственность за это на государство-участника. В связи с этим она сообщает, что, поскольку ей пришлось самой себя представлять в суде, у нее возникли проблемы со здоровьем, вызванные стрессом. Она заявляет, что тот факт, что ей пришлось защищать себя самой перед судом на языке, не являющемся ее родным, и без юридической подготовки, является нарушением Пакта.

3.2 Далее автор утверждает, что суды в Австралии относятся с предубеждением к женщинам и иммигрантам. В связи с этим автор сообщает, что ее не допустили в зал заседаний, пока судья знакомил адвокатов с обстоятельствами дела, якобы потому, что появление ее и ее мужа "раздражало"

судью. Она также утверждает, что один из судей накричал на нее, когда она в зале суда потеряла сознание, и обвинил ее в притворстве. Далее она утверждает, что при объявлении решения судья Уиндейер 1 февраля 1994 года заявил следующее: "Без преувеличения можно сказать, что стороны данного процесса или некоторые из них, видимо, намерены судиться до самой смерти, что потребует значительных средств, которые можно было бы употребить на лучшие цели, чем тратить их на оплату судебных расходов". Автор утверждает, что все вышеизложенное является нарушением статьи 1, пунктов 1, 2 и 3 статьи 2 и статей 7, 14, 16, 17 и 26 Пакта, однако не обосновывает свое утверждение.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

4.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Комитет отмечает, что обвинения в дискриминации и предубеждении со стороны австралийского суда не были обоснованы для целей приемлемости: они остаются лишь общими рассуждениями и никоим образом не показывают, каким образом могли быть нарушены права автора, установленные Пактом. В связи с этим Комитет приходит к выводу, что автор не представил жалобу по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

5. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору и, для сведения, государству-участнику.

К. Сообщение № 661/1995: Поль Трибуле против Франции
(решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено:

Полем Трибуле [представлен г-ном Аленом Лестурно, адвокатом из Франции]

Жертва:

автор

Государство-участник:

Франция

Дата сообщения:

25 мая 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения является Поль Трибуле, гражданин Франции, родившийся в 1929 году. Он утверждает, что является жертвой нарушения Францией пункта 1 и подпунктов с) и е) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат (Ален Лестурно).

Факты, представленные автором

2.1 8 февраля 1982 года было основано акционерное общество "Иннотек Юроп" с целью содействия промышленному применению разработанных одним из канадских университетов процессов биопереработки овощных отходов в белковый корм для животных. В компании было 10 акционеров, включая автора и г-на Моришона, юрисконсульта. В тот же день автор был назначен председателем и директором-распорядителем компании с согласия основных директоров.

2.2 В течение 1983 года отношения между партнерами в компании ухудшились, и 15 апреля 1983 года аудитор подал в отставку вследствие разногласий по поводу размеров командировочных расходов автора. 8 марта 1984 года г-н М. Боттон оставил пост директора, который был передан другому акционеру. На общем собрании 28 июня 1984 года директор г-жа Слободзян была снята с этого поста и заменена г-ном Моришоном. 3 сентября 1984 года автор, в свою очередь, был освобожден от обязанностей председателя и директора-распорядителя.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кируга, г-н Фаусто Покар, г-н Хулио Прадо Вальехо, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

** Г-жа Кристин Шане не принимала участия в принятии решения в соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета.

2.3 13 октября 1986 года по приказу коммерческого суда (tribunal de commerce) Безансона управление компанией, у которой на тот момент было обязательств примерно на 1 млн. 300 тыс. французских франков, было передано под судебный надзор (redressement judiciaire). 18 марта 1991 года по судебному приказу состоялась ликвидация компании.

2.4 Что касается предпринятых автором правовых действий, то свой первый иск он подал 28 сентября 1984 года за введение в заблуждение против г-на Моришона, который, как утверждает автор, уверил его в платежеспособности компании. 8 февраля 1985 года после сообщения судьи коммерческого суда Безансона о положении дел в компании "Иннотек" прокурор, состоящий при суде Безансона (tribunal de grande instance), направил дивизионному комиссару отдела уголовных правонарушений города Дижона (service de renseignements de la police judiciaire) просьбу начать расследование. 18 июня главный прокурор Безансона, приняв во внимание, что против автора выдвигаются серьезные обвинения в злоупотреблении фондами компании (abus de biens sociaux), приказал возбудить уголовное дело, и на следующий день был назначен следственный судья. 9 сентября 1986 года автор подал еще один иск по поводу угроз, введения в заблуждение и злоупотребления бланковой подписью, утверждая, что акционеры скрыли от него конкретный размер задолженности компании.

2.5 13 января 1987 года автору было предъявлено обвинение в злоупотреблении фондами и кредитами компании, а также в предъявлении претензий на необоснованные командировочные расходы. 7 сентября 1987 года в связи с внутренними организационными проблемами суда прокурор приказал назначить нового следственного судью; в тот же день судья был назначен. 10 февраля 1988 года автор уведомил следственного судью, что он не сможет присутствовать на слушании, назначенном на 11 февраля. 11 и 15 февраля следственный судья заслушал показания двух бывших акционеров, выступавших в качестве свидетелей.

2.6 26 мая и 9 и 17 июня 1988 года автор подал три новых иска. 19 июня следственный судья издал приказ о передаче их на рассмотрение, а на следующий день — приказ о слиянии расследования по поводу злоупотребления фондами компании и некоторых исков автора, по которым были возбуждены уголовные дела о возмещении ущерба. 12 июня 1990 года следственный судья еще раз заслушал автора. 26 декабря 1990 года автор направил письмо министру юстиции, в котором утверждал, что назначенный судом управляющий компании "Иннотек" не предложил программы оздоровления с тех пор, как управление компанией было передано под судебный надзор, и что при рассмотрении его исков имели место значительные задержки. 12 февраля 1991 года прокурор поставил следственного судью в известность о жалобах автора. Тем не менее 15 марта 1991 года автор, хотя и был вызван следователем, не явился из-за производственной занятости.

2.7 26 апреля 1991 года следственный судья вновь заслушал автора, а 4 января 1992 года издал новый приказ о передаче дела на рассмотрение. Через два дня председатель суда Безансона снова назначил другого следственного судью в связи с внутренними организационными проблемами работы суда. 27 мая 1992 года прокурор подал свое последнее представление против автора и приказом от 30 июня 1992 года направил дело автора на слушание в уголовный суд (tribunal correctionnel). Иски, поданные автором в 1984, 1986 и 1988 годах, были, однако, отклонены следственным судьей на том основании, что следствие не выявило достаточных доказательств введения в заблуждение, угроз, попыток вымогательства обещания силой или принуждением, отказа от подписи, мошенничества или злоупотребления бланковой подписью с чьей-либо стороны против автора.

2.8 8 и 9 июля 1992 года автор подал апелляции на приказы как об отклонении его исков, так и о передаче его дела в уголовный суд. Решениями от 9 декабря 1992 года отдел обвинений (chambre d'accusation) Апелляционного суда Безансона отклонил апелляции автора и подтвердил изданные приказы. 18 декабря 1992 года автор подал апелляцию в Кассационный суд, который, убедившись, что автор отказался от апелляции, решениями от 4 мая 1993 года констатировал этот факт. В отношении последней апелляции автора на решение отдела обвинений от 9 декабря 1992 года, касающееся одного из приказов об отклонении поданных автором исков, Кассационный суд 1 февраля 1994 года постановил отклонить эту апелляцию исходя из того, что отдел обвинений отреагировал на основные

представления истца и изложил основания, по которым он счел, что нет достаточных доказательств совершения кем бы то ни было инкриминируемых правонарушений.

2.9 На слушании в уголовном суде 8 сентября 1993 года автор просил об очной ставке с некоторыми свидетелями и об аудиторской экспертизе. Решением от 22 сентября 1993 года уголовный суд приговорил автора к двум месяцам тюремного заключения (условно) и наложил на него штраф в размере 20 тыс. французских франков, придя к выводу, что факты позволяют с уверенностью заключить, что автор растратил капитал компании в своекорыстных целях и что он виновен в совершении правонарушений, в которых он обвинялся. 4 октября 1993 года автор и прокурор обжаловали судебное решение об его осуждении, но основания для обжалования были получены судом только 7 декабря 1993 года, в день слушания дела. Решением от 21 декабря 1993 года Апелляционный суд Безансона приговорил автора к 10 месяцам тюремного заключения (условно) и наложил на него штраф в размере 25 тыс. французских франков на основании того, что автор использовал счета компании, включая свой текущий счет в качестве партнера, для уплаты собственных долгов и долгов близких ему людей, не принимая во внимание кредитно-финансовое положение компании.

2.10 22 декабря 1993 года автор подал апелляцию в связи с этим решением в Кассационный суд. 29 марта Кассационный суд назначил судью для доклада по делу. 1 и 5 августа 1994 года, соответственно, автор и судья подали дополнительные состязательные бумаги и доклад. 19 августа 1994 года был назначен генеральный адвокат, а решением от 28 ноября 1994 года Кассационный суд отклонил апелляцию автора.

Жалоба

3.1 По мнению автора, в решении уголовного суда даже не была упомянута его просьба об экспертизе счетов компании и об очной ставке с некоторыми свидетелями. Он утверждает, что это является нарушением пункта 1 и подпункта е) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.2 Автор утверждает, что судебное разбирательство по его делу не было справедливым, поскольку Апелляционный суд Безансона вынес более суровый приговор, чем уголовный суд первой инстанции, на основании фактов, не входивших в первоначальные обвинения, по которым он не имел возможности должным образом защитить себя. Автор утверждает, что это является нарушением пункта 1 статьи 14.

3.3 Г-н Трибуле заявляет, что он является жертвой нарушения пункта 1 статьи 14, поскольку Апелляционный суд Безансона, который должен был вынести решение по существу дела, не является независимым и беспристрастным судом. Он отмечает, что один из судей Апелляционного суда также выступал в качестве судьи в отделе обвинений того же суда, когда он 9 декабря 1992 года выносил решение по апелляциям автора на изданные следственным судьей приказы об отклонении исков. По мнению автора, согласно принципу разделения функций расследования и вынесения решений, этому судье не должно было быть разрешено принимать решение по существу дела. В связи с этим адвокат ссылается на решение Европейского суда по правам человека в деле Пьерсака. Тем не менее этот вопрос не был доведен до сведения ни Апелляционного, ни Кассационного суда.

3.4 Наконец, г-н Трибуле заявляет о нарушении подпункта с) пункта 3 статьи 14 в связи с допустимой продолжительностью судопроизводства по его делу. Он отмечает, что судебные разбирательства продолжались девять лет и девять месяцев с начала расследования, приказ о котором был отдан 8 февраля 1985 года, до даты принятия решения Кассационным судом. С даты вынесения обвинения, 13 января 1987 года, до даты принятия решения Кассационным судом разбирательства продолжались семь лет и 10 месяцев. В обоих случаях автор считает, что продолжительность судебных разбирательств превышала требования, предусмотренные в Пакте.

Замечания государства-участника о приемлемости и комментарий автора

4.1 В своих замечаниях от 4 апреля 1996 года, представленных согласно правилу 91 правил процедуры, государство-участник просит Комитет признать сообщение неприемлемым главным образом по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты, а также потому, что г-н Трибуле не подпадает под определение "жертвы" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. В отношении первой причины государство-участник отмечает, что автор не воспользовался средствами, предусмотренными национальным законодательством, которые в случае обоснованности его утверждения позволили бы устранить нарушения Пакта, указываемые в его сообщении Комитету. Так, в своем обращении в Кассационный суд с просьбой о судебном пересмотре решения отдела апелляций по уголовным делам (*chambre des appels correctionnels*) Апелляционного суда Безансона 21 декабря 1993 года автор не довел до сведения Кассационного суда доводы, касающиеся продолжительности судебных разбирательств, беспристрастности судьи, который также принимал участие в рассмотрении этого вопроса в отделе обвинений Апелляционного суда, или отсутствия реакции уголовного суда на его просьбу об экспертизе и очной ставке со свидетелями. По поводу этого последнего утверждения государство-участник отмечает, что автор не повторил свою просьбу об очной ставке со свидетелями и об экспертизе в Апелляционном суде Безансона. В отношении утверждения, подвергающего сомнению беспристрастность судьи Апелляционного суда, правительство отмечает, что автор не воспользовался эффективным средством правовой защиты — ходатайством об отводе судьи, — которое дало бы председателю Апелляционного суда возможность рассмотреть жалобу по существу.

4.2 Государство-участник напоминает, что, подавая дополнительные состязательные бумаги в Кассационный суд 1 июня 1994 года с просьбой отменить решение Апелляционного суда от 22 сентября 1993 года, автор не упомянул в них ни одну из вышеупомянутых жалоб. Соответственно, Кассационный суд отмечает, что доводы, выдвинутые автором, "который ограничивается тем, что подвергает сомнению верность понимания судьями существа и обстоятельств дела в состязательном процессе, не могут быть приняты". Государство-участник ссылается на практику Комитета, согласно которой нельзя считать внутренние средства правовой защиты исчерпанными, если заявители не представили национальным органам власти, даже по существу, жалобы, которые они затем направляют в Комитет 33/.

4.3 Что касается вопроса о беспристрастности судьи Апелляционного суда Безансона, который участвовал в работе отдела обвинений того же суда, государство-участник отмечает, что автор мог бы подать ходатайство об отводе этого судьи в соответствии со статьями 668 и 669 Уголовно-процессуального кодекса. Поскольку автор не воспользовался этим средством правовой защиты, он едва ли может оспаривать беспристрастность этого судьи перед Комитетом. В отношении отсутствия реакции уголовного суда на просьбу об аудиторской экспертизе и очной ставке со свидетелями, государство-участник обращает внимание на то, что в представлениях, которые были получены Апелляционным судом в день слушания 7 декабря 1993 года, автор не требовал ни такой экспертизы, ни очной ставки со свидетелями. По мнению государства-участника, именно автор должен был подать любую такую просьбу в Апелляционный суд и, в частности, дать оценку по существу всем нарушениям Пакта в соответствии со статьей 509 Уголовно-процессуального кодекса (*Code de Procédure Pénale*), где указывается, что "Апелляционный суд рассматривает обстоятельства постольку, поскольку они отражены в апелляции, и в соответствии с положением истца...".

4.4 В дополнение к этому государство-участник считает, что автор не может считаться жертвой, как утверждает, нарушений статьи 14. Что касается жалобы на нарушение пункта 1 статьи 14 в отношении пристрастности одного из судей и принципа разделения функций расследования и вынесения решений, государство-участник, поддерживая принцип разделения функций, утверждает, что необходимо тщательно рассмотреть факты в деле автора, чтобы определить, до какой степени один и тот же судья был в курсе одних и тех же составляющих дела на различных стадиях судебного разбирательства. Государство-участник указывает, что автор отозвал из отдела обвинений свою апелляцию на изданный следственным судьей приказ о передаче дела в уголовный суд. Таким

33/ См., например, решение по сообщению № 243/1987 (*С.Р. против Франции*), 5 ноября 1987 года, пункт 3.2.

образом, следует определить, являются ли подозрения автора объективно оправданными ^{34/}, если судья, участвующий в работе отдела апелляций по уголовным делам, ранее, в отделе обвинений, всего лишь подтвердил приказы следственного судьи об отклонении исков автора. В отделе обвинений судья, о котором идет речь, должен был только принять решение о правомерности издания приказов об отклонении исков, поданных автором против его бывших партнеров; выносить же решение по обвинениям, выдвинутым против автора, от него не требовалось. Государство-участник замечает, что следует различать природу фактов, представленных судье в отделе обвинений и касавшихся только исков самого автора, и обвинений, по которым автор предстал перед уголовным судом; факты в этих двух случаях различны, поскольку в одном случае г-н Трибуле является истцом, а в другом — обвиняемым.

4.5 В связи с этим государство-участник приходит к выводу, что в данном случае функции судьи в отделе апелляций по уголовным делам совместимы и что, следовательно, автор не может претендовать перед Комитетом на статус жертвы в этом отношении. Государство-участник также отмечает, что прецедентное право Европейского суда по правам человека, на которое ссылается автор, неприменимо непосредственно в данном случае и что оно претерпело ряд изменений (особенно в решении по делу Сарайва де Карвальо) ^{35/}.

4.6 По вопросу о том, что разбирательство по делу автора не было справедливым, поскольку Апелляционный суд, как утверждается, вынес более суровый приговор, чем тот, который был ранее вынесен уголовным судом, на основании фактов, не являвшихся частью первоначальных обвинений, государство-участник отмечает, что Апелляционный суд, давая оценку поведению автора, в частности того факта, что он нарушал отдельные положения Закона об акционерных обществах (loi sur les sociétés) от 24 июля 1966 года, всего лишь дал оценку одной из составляющих дела, представленного для свободного обсуждения сторон, ничего не добавляя к первоначальным обвинениям. Очевидно, что Апелляционный суд не мог вынести более суровый приговор, чем тот, который вынес автору суд первой инстанции, на основании деяний, не наказуемых в рамках уголовного права: только более жесткая оценка действий г-на Трибуле, наказуемых в рамках уголовного права, послужила причиной более сурового приговора, вынесенного Апелляционным судом. По мнению государства-участника, это еще одна причина, по которой автор не подпадает под определение жертвы.

4.7 В отношении жалобы на нарушение подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта государство-участник отмечает, что ввиду сложности дела и поведения самого автора продолжительность судопроизводства, составившая семь лет и 10 месяцев, оправданна. Во-первых, автор сам подал несколько исков против своих бывших партнеров, что, по мнению государства-участника, усложнило судебное разбирательство. Во-вторых, из-за большого числа выдвинутых автором взаимосвязанных обвинений против своих бывших партнеров потребовалось длительное и тщательное расследование всех обвинений истца. В этом отношении следственный судья, отметив связь между исками, поданными против автора, и исками, поданными самим автором, 20 июня 1988 года принял решение объединить судопроизводство по этим делам: множество исков и встречных исков усложняли дело и увеличивали объем работы следственного судьи.

4.8 Государство-участник утверждает, что поведение автора заметно повлияло на задержки в судебных разбирательствах. В двух случаях автор не явился на слушания, проводившиеся следственным судьей (в феврале 1988 года и в марте 1991 года). Точно так же бывшие партнеры автора, против которых он подал иски, не проявили особого стремления помочь следствию. Что касается продолжительности судебного разбирательства, государство-участник отмечает, что автор подавал многочисленные иски и апелляции в вышестоящие суды неподобающим образом и что он один несет ответственность за продолжительность разбирательств. Напротив, внутренние суды

^{34/} Делается ссылка на прецедентное право Европейского суда по правам человека — постановление по делу Сарайва де Карвальо от 22 апреля 1994 года, серия А № 286-В, пункт 35, стр. 10.

^{35/} Делается ссылка на решения по делу Хаусшильдт против Дании, постановление от 24 мая 1989 года, и делу Нортъе против Нидерландов, постановление от 24 августа 1993 года.

проявили большое усердие: например, Апелляционный суд, в который автор обратился 4 октября 1993 года, вынес решение 21 декабря 1993 года; слушания в Кассационном суде также прошли должным образом.

5.1 В своих комментариях адвокат вновь утверждает, что при расследовании дела были допущены чрезмерные задержки в нарушение подпункта с) пункта 3 статьи 14. Он напоминает, что 26 декабря 1990 года автор направил министру юстиции письмо с жалобой на продолжительность судебных разбирательств, и добавляет, что подача жалобы на нарушение принципа разумных сроков в Кассационный суд, который в уголовном судопроизводстве является судом последней инстанции, не имела бы смысла в отношении длительности предшествующих судебных разбирательств. Адвокат считает, что требование, согласно которому продолжительность уголовного судопроизводства должна оспариваться перед апелляционным судом высшей инстанции, равносильно отрицанию смысла охраняемого права.

5.2 Адвокат утверждает, что внутренние организационные проблемы суда Безансона, на которые ссылается государство-участник, не оправдывают чрезмерных задержек в рассмотрении дела его клиента. Что касается действий самого автора, адвокат отмечает, что нельзя ставить г-ну Трибуле в вину то, что он использовал все доступные ему внутренние средства правовой защиты для охраны своих прав и обеспечения себе защиты. То, что автор обжаловал приказ о передаче дела в уголовный суд, но затем отозвал свою апелляцию, само по себе не является веским доводом, оправдывающим чрезмерную продолжительность судопроизводства.

5.3 По мнению адвоката, аргументация государства-участника по поводу неприемлемости жалобы в отношении более сурового приговора, вынесенного Апелляционным судом, является непозволительной, поскольку автор особо подчеркнул в своей апелляции в Кассационный суд, что уголовный судья не имеет права выносить решения по каким-либо фактам, кроме содержащихся в официальных обвинениях. В сообщении утверждается, что именно это является нарушением принципа справедливого разбирательства, гарантируемого пунктом 1 статьи 14 Пакта.

5.4 Адвокат утверждает, что автору необязательно ссылаться конкретно на соответствующее положение Пакта, — достаточно "существенной" взаимосвязи между нарушением и одним из прав, гарантируемых этим документом. По его мнению, тот факт, что ни автор, ни его адвокат не основывали свою жалобу на положениях Пакта, "не позволяет заключить, что внутренний суд не воспользовался возможностью, предоставленной государством и является целью правила исчерпания внутренних средств правовой защиты...".

5.5 В отношении утверждения, что автор не подпадает под определение жертвы по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, адвокат отмечает, что проводимое правительством различие между функциями одного и того же судьи в отделе обвинений и в отделе апелляций по уголовным делам Апелляционного суда Безансона недопустимо, поскольку этот довод не относится к положению жертвы. Во-первых, государство-участник подчеркивает, что следственный судья в июне 1988 года издал приказ об объединении расследования злоупотребления фондами компании с некоторыми из исков, поданных автором против его бывших партнеров. Поэтому по закону его дело составляло единое целое. Затем эти же факты излагаются в заключительном обращении прокурора от 17 мая 1992 года, которое привело к осуждению г-на Трибуле.

5.6 По мнению адвоката, факты, о которых заявляется, действительно взаимосвязаны, поскольку имеется тесная связь между утверждениями, содержащимися в исках, поданных автором, и обвинениями, выдвинутыми против него в этом же контексте. В сообщении делается ссылка на статью 39 Уголовно-процессуального кодекса, которая воспрещает следственному судье, под страхом признания ничтожности, "принимать участие" в вынесении решений по уголовным делам, о которых он был осведомлен в качестве следственного судьи. В силу вышеизложенного судья, принимавший участие в работе отдела обвинений Апелляционного суда Безансона, не имел права участвовать и в работе отдела апелляций по уголовным делам того же суда, когда он принимал решение по существу дела.

5.7 Кроме того, адвокат отмечает, что государство-участник не показало, что осуждение не оказало на автора личностного воздействия. Очевидно, что Апелляционный суд в одностороннем порядке вынес более суровый приговор, чем тот, который был вынесен судом первой инстанции, на основании составляющих фактов, не упомянутых в обвинении, и без заслушивания другой стороны. Использованная Апелляционным судом мотивация позволила ему дать характеристику тому, что в его решении даже именуется "недобросовестностью" автора, а Кассационный суд, со своей стороны, вообще не рассматривал этот пункт. В связи с этим автор имеет полное право утверждать, что он является жертвой нарушения пункта 1 статьи 14. Адвокат добавляет, что не следует смешивать отсутствие права считаться жертвой, которое должно быть определено при рассмотрении вопроса о приемлемости жалобы, и доводы по существу, которые относятся непосредственно к предполагаемому нарушению и которые следует учитывать при принятии каких-либо решений.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Автор утверждает, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта е) пункта 3 статьи 14 на том основании, что уголовный суд Безансона не выполнил его просьбу о проведении экспертизы счетов его компании и об очной ставке между некоторыми свидетелями по делу, и что один из судей, участвовавших в работе отдела апелляций по уголовным делам Апелляционного суда Безансона, также принимал участие в работе отдела обвинений того же суда как инстанции, осуществлявшей пересмотр изданных следственным судьей приказов от отклонении исков автора. В этом отношении государство-участник делает вывод, что утверждение неприемлемо, поскольку не были исчерпаны все имеющиеся средства правовой защиты. Комитет отмечает, что автор не подавал эти жалобы ни в Апелляционный, ни в Кассационный суд. Например, он не ходатайствовал об отводе судьи, который участвовал в работе как отдела обвинений, так и Апелляционного суда в соответствии со статьями 668 и 669 Уголовно-процессуального кодекса, а это средство правовой защиты позволило председателю Апелляционного суда Безансона вынести оценку этой жалобы по существу. Комитет напоминает, что, хотя от заявителей не требуется ссылаться на конкретные положения Пакта, которые, по их мнению, были нарушены, они должны представить в национальный суд по существу ту жалобу, которую затем подают в Комитет. Поскольку автор не подавал этих жалоб ни в Апелляционный, ни в Кассационный суд, эта часть сообщения признается неприемлемой согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Автор утверждает, что Апелляционный суд вынес более суровый приговор, чем уголовный суд первой инстанции, на основании фактов, которые не входили в первоначальное обвинение и по которым он не имел возможности защитить себя. Комитет отмечает, что автор действительно подавал на это жалобу в своих дополнительных исках в Кассационный суд; поэтому его нельзя упрекнуть в неисчерпании доступных внутренних средств правовой защиты в этом отношении. Тем не менее из материала дела следует, что Апелляционный суд Безансона основывался на тех же обвинениях, что и суд первой инстанции, но дал более жесткую по сравнению с судом первой инстанции оценку некоторым действиям, в которых обвинялся автор, включая несоблюдение некоторых положений Закона об акционерных обществах от 24 июля 1966 года. Комитет напоминает, что оценка фактов и доказательств в каждом конкретном деле обычно относится к компетенции апелляционных судов государств — участников Пакта, за исключением тех случаев, когда можно установить, что оценка доказательств была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. Поскольку в данном случае подобного несоблюдения правил отмечено не было, эта часть сообщения является неприемлемой согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимая с положениями Пакта.

6.4 Автор утверждает, что продолжительность расследования его дела и судебных разбирательств была чрезмерной и явилась нарушением подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта. Государство-участник отметило, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты в этом отношении, поскольку он не подавал соответствующую жалобу в Кассационный суд. Адвокат автора утверждал, что это

средство правовой защиты не возымело бы действия. Комитет ссылается на собственную практику, согласно которой сомнения в эффективности доступного средства правовой защиты не освобождают автора сообщения от необходимости его исчерпания. В этих обстоятельствах Комитет признает данную часть сообщения неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно статье 3 и подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику, автору и его адвокату.

L. Сообщение № 674/1995: Людвик Э. Каабер против Исландии
(решение, принятое 5 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено: Людвиком Эмилем Каабером
Жертва: автор
Государство-участник: Исландия
Дата сообщения: 12 октября 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 5 ноября 1996 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Людвик Эмиль Каабер, гражданин Исландии, проживающий в Рейкьявике, Исландия. Он утверждает, что является жертвой нарушения Исландией статей 2 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты, представленные автором

2.1 Автор является самозанятым лицом, работающим в Рейкьявике переводчиком и юристом.

2.2 Будучи самозанятым лицом, автор, в соответствии с исландским налоговым законодательством, обязан декларировать в качестве дохода сумму, сопоставимую с той, которую бы он заработал, если бы выполнял аналогичную работу в качестве наемного работника. В соответствии с разделом 4 Закона № 55/1980 каждое самозанятое лицо обязано вносить в пенсионный фонд "по меньшей мере 10 процентов" своей расчетной заработной платы. Поскольку эти 10 процентов входят в облагаемый налогом доход автора, весь 10-процентный взнос облагается налогом.

2.3 В отношении наемных работников нормативы отчислений в пенсионный фонд определяются коллективными трудовыми соглашениями как в государственном, так и в частном секторе. Согласно нормативам, 4 процента заработной платы работника удерживаются и перечисляются в пенсионный фонд. Еще 6 процентов заработной платы работника вносятся работодателем и перечисляются непосредственно в пенсионный фонд. Таким образом, налогом облагаются 40 процентов взноса наемного работника в пенсионный фонд, поскольку они входят в налогооблагаемый доход работника, в то время как у самозанятого лица налогом облагаются все 100 процентов взноса в пенсионный фонд. Работодатель, выплачивающий взносы в пенсионный фонд, относит их на счет "эксплуатационных расходов".

2.4 В своей налоговой декларации за 1992 год автор вычел взнос в пенсионный фонд из своего налогооблагаемого дохода. В июле 1992 года он получил письмо от местного налогового органа (*skattstjóri*), уведомлявшего его, что его налогооблагаемый доход был увеличен на сумму, соответствующую его взносу в пенсионный фонд. В ответном письме в местный налоговый орган автор выразил протест против такой практики и запросил подробных разъяснений. В октябре 1992 года он получил письмо из налогового управления, в котором утверждалось, что эти взносы не являются "эксплуатационными расходами" по смыслу раздела 31 Закона о подоходном налоге. В этом разделе приводятся общее описание и неисчерпывающий перечень расходов, подлежащих вычетам из облагаемых сумм. В вышеуказанном письме содержалась ссылка на решение Государственного

финансового управления (Ríkisskattanevnd), посредством которого некоему налогоплательщику было отказано в просьбе о вычете определенных расходов из облагаемой суммы, поскольку "было доказано, что заявитель уплачивал данные сборы исключительно в своих интересах".

2.5 Затем 6 ноября 1992 года автор обратился в Государственное финансовое управление, S.I.R.V. (Yfirskattanevnd) (в которое было преобразовано Ríkisskattanevnd). После обмена несколькими письмами (в которых автор, в частности, ставил перед Управлением вопросы процедуры, а также высказывал свои сомнения в беспристрастности членов Управления), S.I.R.V. 5 ноября 1993 года сообщило о своем решении. В частности, в решении Управления утверждалось: "Установлено, что взносы в пенсионный фонд делались исключительно для обеспечения собственной пенсии истца. В связи с этим нельзя считать, что данные платежи производились для получения дохода от независимого предпринимательства автора, и они не подлежат вычету из облагаемой суммы согласно разделу 31.1 Закона № 75/1981 о налоге на доходы и имущество...". Будучи уведомленным о решении Управления, автор подал жалобу омбудсмену по некоторым вопросам процедуры рассмотрения заявлений в Управлении, в частности относительно его обязанности, согласно исландскому законодательству (Закон № 32/1992), подробно обосновывать свои решения. 11 февраля 1994 года омбудсмен дал письменный ответ, к которому прилагались письменные ответы председателя S.I.R.V. омбудсмену.

2.6 11 февраля 1994 года автор направил письмо прокурору, в котором выражал сомнения по процедуре рассмотрения заявлений в S.I.R.V., и в частности сомнения в беспристрастности членов Управления. Через две недели он получил ответ, сводившийся к тому, что принятие каких-либо мер невозможно.

2.7 Автор утверждает, что практика налогообложения, против которой он выступает, применяется в Исландии на протяжении примерно 13 лет, в результате чего в казну Исландии поступает примерно 300 млн. исландских крон в год. Автор заявляет, что в некоторых случаях налоговые органы принимали эти взносы в пенсионный фонд к вычету из облагаемой суммы, например в случае самого автора в 1990 и 1991 годах.

2.8 Что касается вопроса исчерпания внутренних средств правовой защиты, автор сообщает, что он имеет возможность оспорить решение S.I.R.V. в национальном суде Исландии. Однако в связи с этим он упоминает о конкретном иске некоего самозанятого лица относительно его права вычесть 60 процентов суммы своего взноса в пенсионный фонд из налогооблагаемого дохода, который был подан в суд первой инстанции в Исландии в 1994 году. Решение по этому делу ожидалось в октябре 1995 года. Автор заявляет, что, по его мнению, это решение будет не в пользу истца и что, если бы он сам возбудил иск, решение по его делу, несомненно, было бы таким же, как и в деле, находящемся в процессе рассмотрения. Поэтому он утверждает, что в его случае внутренние средства правовой защиты будут бесполезны.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что в Исландии используется различный подход к самозанятым лицам и наемным работникам в том, что касается налогов, которыми в соответствии с применимым налоговым законодательством исландское правительство облагает взносы в пенсионный фонд. Он утверждает, что это различие является незаконной дискриминацией.

3.2 Автор утверждает, что правительство Исландии нарушает законы страны, а также основные конституционные принципы и принципы международного права, позволяя налоговым органам применять подобную практику.

Представление государства-участника и комментарии по нему автора

4.1 В представлении от 21 февраля 1996 года государство-участник заявляет, что сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Государство-участник разъясняет, что автор мог подать апелляцию на решение Государственного финансового управления от 5 ноября 1993 года в окружной суд, а при необходимости — в Верховный суд.

4.2 Государство-участник отмечает, что недавно окружной суд Рейкьявика вынес решение по идентичному делу. На это решение была подана апелляция в Верховный суд, который еще не вынес заключения.

5.1 В своих комментариях по представлению государства-участника автор, воспользовавшись возможностью, добавляет к своей жалобе, что он также является жертвой нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку Государственное финансовое управление нельзя считать независимым судом.

5.2 В отношении своей жалобы в соответствии со статьей 26 Пакта автор отмечает, что никаким законом в Исландии самозанятым лицам не запрещается пользоваться теми же вычетами из облагаемых сумм, какими пользуются наемные работники. Тем не менее налоговые органы иначе трактуют правовые нормы.

5.3 Автор признает, что он мог бы возбудить дело и потребовать от суда признания решения Государственного финансового управления недействительным на том основании, что S.I.R.V. не полностью обосновало свое решение. Тем не менее он утверждает, что если бы иск был удовлетворен, то дело бы только вернулось в S.I.R.V., а он не уверен, что S.I.R.V. после такой передачи дела следовало бы законной процедуре. Далее автор заявляет, что такая передача привела бы к слишком долгим судебным разбирательствам. Кроме того, автор утверждает, что он не может выносить на суд такие вопросы, как злоупотребление S.I.R.V. государственной властью. Автор также заявляет, что требование, чтобы он дожидался результата апелляции правительства на решение окружного суда Рейкьявика по аналогичному делу, только уменьшило бы вероятность того, что такие жалобы, как его, будут подаваться в Комитет. Далее автор сообщает, что не убежден, что дело, находящееся в Верховном суде, совершенно идентично его собственному.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что автор не оспаривает утверждение, согласно которому он мог бы обжаловать решение Государственного финансового управления в суде, а только заявляет, что сомневается в эффективности обжалования. Комитет ссылается на собственную практику, согласно которой сомнение в эффективности внутренних средств правовой защиты не освобождает автора от необходимости их исчерпания. В связи с этим сообщение признается неприемлемым согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

М. Сообщение № 679/1996: Дарвиш против Австрии
(решение, принятое 28 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Мохамедом Рефаатом Абдохом Дарвишем
Жертва: брат автора, Салах Абдох Дарвиш Мохамед
Государство-участник: Австрия
Дата сообщения: 31 марта 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 28 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Мохамед Рефаат Абдох Дарвиш, брат Салаха Абдоха Дарвиша Мохамеда, гражданина Египта, в настоящее время находящегося в тюремном заключении в Австрии. Автор сообщает, что его брат не может сам подать жалобу из-за условий своего заключения. Он утверждает, что его брат является жертвой нарушения Австрией статей 7 и пунктов 1, 2 и 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты, представленные автором

2.1 Брат автора был арестован в конце января 1992 года и был обвинен в убийстве своей бывшей жены Эльфриды Пацг, совершенном 29 января 1992 года. В ходе расследования его брату было также предъявлено обвинение в том, что он умышленно навлек ложные подозрения на бывшего мужа жертвы Курта Майера. 12 ноября 1992 года брат автора был признан виновным в совершении преступлений, в которых он обвинялся, и приговорен уголовным судом города Граца к пожизненному тюремному заключению. 6 мая 1993 года Верховный суд Австрии отклонил апелляцию. Как утверждается, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

2.2 Согласно обвинению, 29 января 1992 года Эльфрида Пацг умерла в результате нанесения ей нескольких ударов по голове, удушения и 21 ножевой раны (кухонным ножом).

2.3 По утверждению автора, обвинение главным образом основывалось на показаниях, данных неким д-ром Цигойнером в качестве эксперта, и на показаниях некоего Милана Ребы, а также на том факте, что 14 июня 1988 года жертва назначила подсудимого своим единственным наследником. В своих показаниях д-р Цигойнер свидетельствовал о том, что подсудимым двигали ненависть, ярость, ревность, склонности к садизму и месть, а также эгоизм. Милан Реба показал, что вечером примерно

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Данило Тюрк и г-н Максвелл Ялден.

в то время, когда это произошло, он заметил человека на балконе квартиры покойной, а на суде опознал в подсудимом этого человека.

2.4 Защита брата автора строилась на его алиби и на том факте, что в ходе предварительного расследования Милан Реба показал, что не опознал человека на балконе.

2.5 4 февраля 1993 года адвокат брата автора подал апелляцию по основаниям, которые в основном касались суровости наказания и оценки показаний. В отношении оценки показаний он указал на то, что показания, данные Миланом Ребой в суде, не соответствуют предыдущим показаниям, данным в ходе расследования. Он также отметил, что на одежде подзащитного не было найдено следов крови и что между покойной и подзащитным всегда существовали хорошие отношения, поэтому у него не было мотивов для убийства. Он утверждал, что суд нарушил принцип "in dubio pro reo" и переложил бремя доказывания на подзащитного. Верховный суд Австрии отклонил апелляцию 6 мая 1993 года.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что его брат является жертвой нарушения статьи 7 Пакта в связи с условиями его содержания под стражей. Он утверждает, что после ареста его брату не была оказана медицинская помощь по поводу перелома кисти и поэтому его рука теперь искалечена. Далее автор утверждает, что после вынесения решения судом его брат в течение восьми дней содержался в одиночной камере, куда не попадал дневной свет, и что ему вводили медикаменты, повлиявшие на его умственные способности. Автор утверждает, что при таких условиях содержания под стражей его брат совершил попытку самоубийства, перерезав себе вены.

3.2 Далее автор отмечает, что из-за содержания в одиночной камере автор не смог вовремя подать апелляцию.

3.3 В отношении подпункта а) пункта 3 статьи 14 автор отмечает, что его брат был арестован в больнице, куда он обратился за медицинской помощью по поводу сломанной кисти, что ему не были сообщены причины его ареста и что у него не было возможности известить свою семью или египетское посольство о своем аресте. Автор утверждает, что оснований для задержания его брата не было, поскольку против него не было доказательств, в частности на его одежде не было обнаружено следов крови и не было свидетельств того, что его брат находился на месте преступления.

3.4 В отношении пунктов 1 и 2 статьи 14 автор сообщает, что во время слушания дела его брат не считался невиновным и что на него было возложено бремя доказывания. Он утверждает, что суд не смог доказать вину его брата, поскольку доказательства отсутствовали. Далее автор утверждает, что суд не принял во внимание рапорт полиции и свидетельства друзей его брата, которые могли доказать, что отношения между его братом и покойной были хорошими, и что прокурор скрыл документы, доказывавшие, что его брат не знал о последнем завещании покойной в его пользу.

3.5 В отношении подпункта е) пункта 3 статьи 14 автор утверждает, что некий Набилль Тадрусс в ходе предварительного расследования дал показания, согласно которым подсудимый находился вместе с ним дома во время инцидента, но что прокурор скрыл соответствующие документы. По словам автора, в суде его брату не было разрешено вызвать этого свидетеля.

3.6 Далее автор утверждает, что был нарушен подпункт f) пункта 3 статьи 14, потому что судебный переводчик-палестинец неверно перевел слова его брата; однако он не разъясняет свою жалобу и не приводит примеров неверного перевода.

3.7 В сообщении заявляется, что этот же вопрос не представлялся на рассмотрение в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

Замечания государства-участника и комментарий автора

4.1 В представлении от 23 мая 1996 года государство-участник напоминает факты ареста и судебного разбирательства. Сообщается, что бывшая жена г-на Дарвиша была убита 29 января 1992 года примерно в 6 часов утра путем нанесения ей нескольких сильных ударов кулаком по голове и удушения; ей также был нанесен 21 удар кухонным ножом. 30 января 1992 года в 19 часов г-н Дарвиш был взят под стражу в травматологической больнице города Граца, куда он поступил 29 января 1992 года в 9 час. 40 мин. с травмами, которые, по его утверждениям, он получил в дорожно-транспортном происшествии в то же утро. Он был переведен в центр для содержания под стражей задержанных правонарушителей окружного уголовного суда города Граца 1 февраля 1992 года в 18 час. 30 мин.

4.2 12 ноября 1992 года окружной уголовный суд города Граца признал его виновным в предумышленном убийстве своей бывшей жены и в клевете на ее первого мужа в ходе предварительного расследования путем выдвижения против него ложных обвинений. 6 мая 1993 года его апелляция была отклонена Верховным судом.

4.3 Государство-участник утверждает, что автор не доказал, что он имеет право подать жалобу в Комитет от имени своего брата. Государство-участник считает, что предполагаемой жертве ничто не мешает подать собственное сообщение согласно Факультативному протоколу. По мнению государства-участника, по этой причине сообщение является неприемлемым.

4.4 Далее государство-участник отмечает, что автор обращался к секретарям Европейской комиссии по правам человека. Оно напоминает об оговорке в подпункте а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, согласно которой Комитет не рассматривает какое-либо сообщение от частного лица, если этот же вопрос уже рассматривался Европейской комиссией. По мнению государства-участника, тем самым Комитет лишен возможности рассмотреть данное сообщение.

4.5 В отношении утверждения о том, что брату автора не была оказана медицинская помощь по поводу сломанной кисти, государство-участник заявляет, что это утверждение является злоупотреблением права представления. Оно напоминает, что ему была оказана медицинская помощь в травматологической больнице города Граца и что по мере необходимости ему предоставлялось медицинское обслуживание. Государство-участник в качестве примера приводит тот случай, когда 31 января 1992 года он был доставлен в больницу, поскольку пожаловался на боль в руке во время допроса. Он также подвергался регулярным медицинским осмотрам, и его обследовал специалист по судебной медицине, который нашел, что перелом не мог быть получен таким образом, как показывает г-н Дарвиш. Кроме того, государство-участник заявляет, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, поскольку он не воспользовался средствами правовой защиты по разделам 120—122 Кодекса исполнения уголовных приговоров, которые также применимы к находящимся в предварительном заключении.

4.6 Государство-участник также отвергает жалобу в соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 14 Пакта как злоупотребление правом представления. Государство-участник отмечает, что протокол первого допроса г-на Дарвиша, проведенного в 22 час. 35 мин. 30 января 1992 года, показывает, что ему было сообщено о причинах его ареста. Кроме того, 31 января 1992 года он был уведомлен о том, что может распорядиться, чтобы его доверенное лицо, адвокат или консульство его страны были поставлены в известность о его аресте. Государство-участник представляет копию бланка, подписанного братом автора, где указываются фамилии двух лиц и адвоката, которые, по его желанию, должны быть уведомлены об аресте, но где не упоминается консульство Египта.

4.7 Далее государство-участник заявляет, что утверждения о том, что для содержания брата автора под стражей не было достаточных оснований и что была нарушена презумпция невиновности, совершенно безосновательны. В этой связи государство-участник отмечает, что брат автора был единогласно признан виновным жюри присяжных в составе восьми человек.

4.8 В отношении утверждения о том, что свидетелю защиты, обеспечивавшему алиби, не было разрешено давать показания, государство-участник отмечает, что, как показывает стенограмма слушания дела, этот свидетель был подробно опрошен, но отнюдь не обеспечил ему алиби. Государство-участник добавляет, что во время первой очной ставки с этим свидетелем брат автора по-

арабски попросил его обеспечить ему ложное алиби, но свидетель отказался сделать это. Судебный переводчик известил суд об этом инциденте. Государство-участник заявляет, что в данных обстоятельствах эта жалоба является злоупотреблением правом представления.

4.9 Государство-участник отвергает утверждение автора, будто переводчик неверно переводил слова его брата. По мнению государства-участника, подоплекой жалобы на переводчика явилось его сообщение суду об инциденте со свидетелем. Затем этот переводчик был заменен другим, и ни обвиняемый, ни его адвокат не выдвигали претензий к его переводу.

5.1 В письме от 5 июля 1996 года автор заявляет, что мизинец на руке его брата заметно искривлен и что это является следствием халатности австрийских органов власти. Он также напоминает, что его брату вводились медикаменты, которые повлияли на его память, и указывает, что его брат неоднократно содержался в камере без света и что он был болен.

5.2 Автор утверждает, что для осуждения его брата не было доказательств. Он напоминает, что на одежде его брата не было следов крови, а на ноже — отпечатков пальцев. Автор также заявляет, что прокурор скрыл документы, в которых свидетель, обеспечивавший алиби, показал, что его брат находился с ним во время убийства.

5.3 Автор заявляет, у его брата имеется право на правильное истолкование и что присутствовавшие на суде люди пытались сообщить судье, что переводчик переводил неверно.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Государство-участник утверждает, что автор обращался в секретариат Европейской комиссии по правам человека, и напоминает об оговорке согласно подпункту а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. Однако Комитет убедился, что жалоба автора официально не рассматривается и не рассматривалась Европейской комиссией. По этой причине сообщение не является неприемлемым.

6.3 Что касается утверждения автора, будто его брату не оказывалась медицинская помощь, Комитет полагает, что если дело и обстояло таким образом, нет данных о том, что он жаловался тюремным властям или использовал процедуру, предусмотренную разделами 120—122 Кодекса исполнения уголовных приговоров. В связи с этим данная часть сообщения является неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Часть жалобы автора в соответствии со статьей 14 Пакта относится к оценке фактов и доказательств судьей и жюри присяжных. Комитет ссылается на собственную практику и повторяет, что оценка фактов и доказательств в основном относится к компетенции апелляционных судов государств-участников, а не Комитета, за исключением тех случаев, когда может быть установлено, что оценка была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. Имеющиеся в распоряжении Комитета материалы не дают оснований полагать, что при судебном разбирательстве дела имелись подобные недостатки. Соответственно, эта часть сообщения является неприемлемой как несовместимая с положениями Пакта согласно статье 3 Факультативного протокола.

6.5 Комитет считает, что остальные утверждения автора не были обоснованы и что по этой причине они неприемлемы в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.6 Государство-участник заявило, что автор не уполномочен представлять сообщения от имени своего брата, поскольку последний мог сам представить свою жалобу Комитету. Поскольку сообщение является неприемлемым по иным основаниям, Комитет считает, что нет необходимости рассматривать это утверждение государства-участника.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

Н. Сообщение № 698/1996: Гонсало Бонело Санчес против Испании
(решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Гонсало Бонело Санчесом
[представлен адвокатом г-ном Хосе Луисом Масоном Коста]

Жертва: автор

Государство-участник: Испания

Дата сообщения: 21 сентября 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения от 21 сентября 1995 года является Гонсало Бонело Санчес, гражданин Испании, проживающий в Севилье, Испания. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для Испании 25 апреля 1985 года. Автор представлен адвокатом г-ном Хосе Луисом Масоном Коста.

Факты, представленные автором

2.1 29 августа 1994 года автор, дипломированный фармацевт, обратился в Ассоциацию фармацевтов Кадиса (Colegio Oficial de Farmacéuticos de Cádiz) за разрешением на открытие аптеки. Он собирался открыть аптеку в пригороде Кадиса Сан-Роке и в своей просьбе руководствовался требованиями Королевского указа 909/78 (Real Decreto 909/1978). Решением от 10 октября 1985 года его просьба была отклонена на том основании, что новая аптека будет расположена недостаточно далеко от центра города и поэтому не будет отделена от него естественным или искусственным барьером. Автор подал апелляцию в испанский Генеральный совет ассоциаций фармацевтов (Consejo General de Colegios Oficiales de Farmacéuticos), которая также была отклонена 14 мая 1986 года.

2.2 Затем автор подал административную жалобу (recurso contencioso administrativo) в Территориальный суд Севильи (Audiencia Territorial). 20 января 1989 года административное решение Генерального совета от 14 мая 1986 года было отменено на том основании, что требование отделения аптеки каким-либо барьером является незаконным, поскольку оно содержится в Министерском приказе (Orden Ministerial) 1979 года, который не может иметь большую силу, чем Королевский указ; автор получил разрешение открыть аптеку.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин и г-н Максвелл Ялден.

2.3 Испанский Генеральный совет ассоциаций фармацевтов (Consejo General de Colegios Oficiales de Farmacéuticos), в свою очередь, подал апелляцию в Верховный суд Испании (Tribunal Supremo). 25 марта 1991 года решение Территориального суда (Audiencia Territorial) было отменено и автору было отказано в являвшемся предметом спора разрешении. В своем постановлении Верховный суд признал, что, согласно Королевскому указу 909/78, требуется только, чтобы новая аптека обслуживала не менее 2 тыс. человек, в то время как Министерским приказом дополнительно установлено, что новая концентрация населения должна быть отделена от существующего поселения естественным или искусственным барьером. Суд установил, что Министерский приказ не может иметь большую силу, чем Королевский указ, поскольку это нарушило бы иерархический принцип, но он отметил далее, что в случае автора требование отделения не было полностью соблюдено.

2.4 8 июля 1994 года Особая палата Верховного суда (Sala Especial de Tribunal Supremo) отклонила просьбу автора о пересмотре (recurso de revisión). Последующая апелляция автора (recurso de amparo) в Конституционный суд была объявлена неприемлемой 13 февраля 1995 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что постановление Верховного суда от 25 марта 1991 года было произвольным и лишило его права на равенство перед судом в нарушение пункта 1 статьи 14. В связи с этим его адвокат отмечает, что Верховный суд обычно выносит решения в пользу открытия аптек, и прилагает копии двух подобных постановлений 36/. Однако адвокат сам указывает на то, что в постановлении Верховного суда заявляется, что упоминаемая судебная практика не соответствует фактам в деле автора.

3.2 Адвокат заявляет также о нарушении пункта 1 статьи 14 в отношении отклонения апелляции автора (recurso de amparo). В связи с этим он утверждает, что судьи Конституционного суда не сами принимают решение о неприемлемости, но что решения обычно готовятся группой юристов (cuerpo de letrados), работающих в рамках Конституционного суда, а судьи только подписывают их. Наконец, адвокат утверждает, что автору было отказано в праве на справедливое разбирательство Конституционным судом, когда он отклонил его просьбу об amparo, поскольку возможность обжалования была предоставлена только прокуратуре (Ministerio Fiscal).

3.3 Автор утверждает, что в результате несправедливых и пристрастных судебных решений, а также применения законодательства, которое он считает пережитком средневековья и которое относится только к фармацевтам, занимающимся приготовлением и отпускаем лекарственных препаратов, он подвергся дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

4.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Комитет внимательно изучил материалы, представленные автором, и ссылается на свою установленную практику 37/, согласно которой толкование внутрисударственного законодательства является в основном прерогативой судов и органов власти соответствующего государства-участника. В данном случае, поскольку автор не представил обоснований того, что закон истолковывался и применялся произвольно или что его применение было равносильно отказу в

36/ Постановления третьей палаты Верховного суда от 19 сентября 1983 года и 28 февраля 1986 года, в которых Королевский указ 909/1978 трактуется широко, то есть согласно принципу pro aperture.

37/ См., в частности, решение Комитета в сообщении № 58/1979 (Анна Маруфиду против Швеции, пункт 10.1, соображения, принятые 9 апреля 1981 года).

правосудии, что явилось бы дискриминацией в нарушение статьи 26 Пакта, Комитет считает, что сообщение является неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола.

4.3 Что касается жалобы автора относительно нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта в связи с отклонением его апелляции Конституционным судом, Комитет внимательно изучил представленные автором материалы. Он считает, что адвокат автора не обосновал для целей приемлемости, каким образом тот факт, что прокуратура (Ministerio Fiscal), защищая общественные интересы, может обжаловать отклонение recurso de amparo, или каким образом то, как Конституционный суд устанавливает свою повестку дня и проводит слушания, является нарушением права автора на справедливое судебное разбирательство согласно пункту 1 статьи 14 Пакта.

5. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору и его адвокату и, для сведения, государству-участнику.

О. Сообщение № 700/1996: Тревор Л. Джарман против Австралии
(решение, принятое 8 ноября 1996 года, пятьдесят восьмая сессия)

Представлено: Тревором Л. Джарманом
Жертва: автор
Государство-участник: Австралия
Дата сообщения: 31 августа 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 8 ноября 1996 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Тревор Л. Джарман, гражданин Австралии, в настоящее время проживающий в Шеппартоне, Австралия. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией статей 14, 16 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты, изложенные автором

2.1 29 июня 1984 года автор продал свою страховую компанию компании "Немур Верити Проперти Лтд." с условием исполнения договора в течение 10 лет до 30 июня 1994 года. Автор должен был оставаться управляющим по меньшей мере три года. Он утверждает, что юридическая фирма "Маршалл Ричардс энд Ассошиейтс", которая выполняла работы для его компании, в 1994 году в судебном порядке потребовала от него оплатить два счета, датированных, соответственно, 1981 и 1984 годами, по которым, как он утверждает, истек срок исковой давности 38/. Судя по всему, автор защищал себя сам.

2.2 Автор сообщает, что его дело не получило справедливого и публичного разбирательства компетентным и независимым судом, поскольку судья имел друзей в адвокатской фирме, с которой судился автор, и по этой причине члены суда позволили истцу подать иск, по которому истек срок давности. Ему был вынесен приговор об уплате долга, и на обжалование был отведен 21 день. Он не сделал этого вовремя и подал апелляцию через три месяца. Судья отказался принять апелляцию после истечения установленного срока ее подачи, поскольку автор не доказал, что задержка была вызвана чрезвычайными обстоятельствами. Далее автор сообщает, что он был лишен правовой помощи комиссией по предоставлению правовой помощи штата Виктория. В сообщении утверждается, что суд не обладал достаточной юрисдикцией и что постановление суда было незаконным и противоправным.

Жалоба

3. Автор утверждает, что вышеизложенное является нарушением статей 14, 16 и 26 Пакта. Он утверждает, что подвергся дискриминации со стороны судебной системы, поскольку не является профессионалом в этой области. Далее он утверждает, что его право на признание его правосубъектности и его право на равное обращение были нарушены, поскольку ему не было

38/ Срок исковой давности по долгам в штате Виктория, Австралия, составляет шесть лет.

разрешено подать апелляцию через три месяца после истечения срока ее подачи, в то время как истцу было разрешено взыскать задолженность двенадцатилетней давности.

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

4.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Комитет внимательно изучил материалы, представленные автором, и считает, что в отношении его утверждения о несправедливом судебном разбирательстве информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не подтверждает для целей приемлемости, каким образом предполагаемое несоблюдение правил при слушании его дела могло бы составить нарушение его права на справедливое судебное разбирательство согласно статье 14.

4.3 Далее Комитет считает, что выдвигаемые автором обвинения в дискриминации и непризнании его правосубъектности не были обоснованы для целей приемлемости: они никоим образом не показывают, каким образом могли быть нарушены права автора в соответствии со статьями 16 и 26 Пакта. В связи с этим Комитет приходит к выводу, что автор не представил жалобы по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

5. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение автору и, для сведения, государству-участнику.

Р. Сообщение № 755/1997: Кларенс Т. Малони против Германии (решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Кларенсом Т. Малони

Жертвы: автор и его трое детей, Бенедикт, Малика и Константин

Государство-участник: Германия

Дата сообщения: 15 марта 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения является Кларенс Т. Малони, гражданин Соединенных Штатов Америки, родившийся 23 августа 1934 года и в настоящее время проживающий в Индии. Он утверждает, что является жертвой нарушения статей 17, 23 и 24 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представляет сообщение также от имени своих трех детей — Бенедикта (родившегося 27 июня 1981 года), Малики (родившейся 15 февраля 1982 года) и Константина (родившегося 22 сентября 1987 года). Факультативный протокол вступил в силу для Германии 25 ноября 1993 года 39/.

Факты, изложенные автором

2.1 Автор вступил в брак с Барбарой Сабас, гражданкой Германии, в 1981 году. Прожив несколько лет в Бангладеш, они переехали в Германию. В марте 1989 года супруга автора подала на развод. Суд по семейным делам города Мизбах условно предоставил ей право на раздельное жительство, временную опеку, алименты и средства на содержание детей. Автор, который в то время находился за пределами страны, утверждает, что суд не связывался с ним до вынесения решения.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин и г-н Максвелл Ялден.

** Г-н Экарт Клайн не принимал участия в принятии решения в соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета.

39/ Присоединяясь к Факультативному протоколу, Федеративная Республика Германия сделала следующую оговорку:

"компетенция Комитета не распространяется на сообщения [...], в которых осуждается нарушение прав, восходящее к событиям, имевшим место до вступления в силу Факультативного протокола для Республики Германии, [...]".

2.2 Автор предпринял попытку добиться полной или совместной опеки, но был поставлен в известность, что, согласно германскому законодательству, совместная опека возможна только при наличии согласия обоих родителей. Автор, не видевшийся с детьми с рождества 1988 года, подал 8 декабря 1989 года просьбу о предоставлении ему права посещать детей. Постановлением от 18 декабря 1989 года суд города Мизбаха отказал автору в праве на посещение детей. Из текста постановления следует, что против автора рассматриваются уголовные обвинения в сексуальных посягательствах в отношении его несовершеннолетних детей — Бенедикта и Малики.

2.3 Из документов дела следует, что 3 января 1990 года автор был осужден за сексуальные посягательства в отношении своих несовершеннолетних детей — Бенедикта и Малики, а также за невыплату средств на содержание детей и условно приговорен к полутора годам тюремного заключения с испытательным сроком в три года 40/. 10 февраля 1995 года, после того как автор был арестован в январе 1995 года при въезде в Германию, суд опять потребовал от него уплаты средств на содержание детей (чего он, по всей видимости, не делал с 27 января 1993 года) и продлил испытательный срок до шести лет, то есть до 27 апреля 1996 года. В своем сообщении автор неоднократно заявляет, что не собирается выплачивать средства на содержание детей, пока ему не разрешат с ними видаться.

2.4 6 июля 1994 года после судебного разбирательства, продолжавшегося пять лет и три месяца, суд города Мизбаха вынес решение о разводе и присудил единоличную опеку матери детей. Автору было отказано в праве на посещение детей. При обжаловании Высокий суд (Oberlandesgericht) в Мюнхене своим решением от 17 мая 1995 года 41/ подтвердил отказ автору в праве на посещение детей. Автор заявляет, что тем самым внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что полный отказ в праве на посещение детей, включая отказ в праве видаться с детьми в присутствии третьего лица, является нарушением статьи 23 Пакта. Он также утверждает, что Суд по семейным делам умышленно затянул судопроизводство, чтобы помешать ему обжаловать решение и въехать в страну.

3.2 Далее автор утверждает, что была нарушена статья 17 Пакта в связи с выдвигаемыми против него бывшей женой беспочвенными обвинениями в том, что он является половым извращенцем и собирается похитить детей. В этом контексте он утверждает, что его бывшая жена на протяжении многих лет посещает психотерапевта и что из-за своего характера она потеряла связь с большинством своих родных и друзей. По словам автора, его бывшая жена настроила детей против него, используя методику интенсивного суггестивного допроса, в результате чего теперь дети верят в то, что они подвергались сексуальным посягательствам с его стороны, и утверждают это. В этом контексте автор ссылается на заключение экспертизы, согласно которому доказательств того, что его дочь Малика подвергалась сексуальным домогательствам, нет.

3.3 Автор также заявляет, что он не имел возможности общаться с детьми путем переписки или по телефону, поскольку ему не сообщали их адреса. Когда же в ноябре 1995 года он узнал адрес, его письма были перехвачены. После того как бывшая жена автора направила в Высокий суд письмо с жалобой на то, что автор пытается установить контакты с детьми, Высокий суд постановил, что отцу следует воздержаться от подобных контактов. В сообщении утверждается, что это также является нарушением статьи 17 Пакта.

40/ Автор не представил копию постановления Уголовного суда. Суд города Мизбаха по семейным делам в своем решении от июля 1994 года ссылается на постановление Уголовного суда как на основание для отказа автору в праве на посещение детей.

41/ Копия постановления не представлена.

3.4 Автор также утверждает от имени своих детей, что была нарушена статья 24 Пакта, поскольку Германия не предоставила им защиты и поддерживала заблуждения их матери относительно их отца. В этом контексте он ссылается на то, что, по некоторым признакам, у его сына имеются склонности к самоубийству. Он также жалуется, что дети теперь носят фамилию своей матери, хотя по закону их фамилия все еще Малони, и что они не имеют возможности общаться со своими единокровными братьями и сестрами в Америке или в Индии. В сообщении заявляется, что это является нарушением статьи 24, поскольку государство-участник не сохранило фамилию детей и их культуру (американские и индийские корни).

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

4.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Автор заявляет о нарушениях Пакта, поскольку его бывшая жена выдвинула против него обвинения в половых извращениях и ему было отказано в общении с детьми. Комитет напоминает, что оценка фактов и доказательств относится в основном к компетенции судов государств-участников, а не Комитета, за исключением тех случаев, когда можно установить, что решение суда было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии. Комитет отмечает, что, как показывают судебные решения по этому делу, автору было отказано в контактах с его детьми на основании его осуждения за сексуальные посягательства в отношении двух из его детей. В этих обстоятельствах Комитет считает, что автор не представил обоснований, для целей приемлемости, того, что представленные им факты являются нарушением статей 17 и 23 Пакта. Поэтому данная часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

4.3 Что касается жалоб автора от имени своих детей, Комитет отмечает, что он не предпринял каких-либо шагов с тем, чтобы подать эти жалобы в суд, который, как явствует из дела, по-прежнему осуществляет над ними юрисдикцию. Поэтому данная часть сообщения является неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты согласно подпункту b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

5. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору и, для сведения, государству-участнику.

Q. Сообщение № 758/1997: Хосе М. Гомес Наварро против Испании
(решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Хосе Мария Гомесом Наварро
[представлен г-ном Х.Л. Масоном Коста]

Жертва: автор

Государство-участник: Испания

Дата сообщения: 19 сентября 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Хосе Мария Гомес Наварро, гражданин Испании, проживающий в Картахене, Испания. Он утверждает, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 14, подпункта с) статьи 25 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для Испании 25 апреля 1985 года. Автор представлен адвокатом г-ном Хосе Луисом Масоном Коста.

Факты, изложенные автором

2.1 Автор, состоявший на государственной службе в течение 23 лет и работавший в Административной службе (Cuerpo Administrativo), имеет диплом юриста, в разное время занимал достаточно ответственные посты. Его жалоба состоит в том, что он не получил продвижения по службе; 13 сентября 1991 года он подал прошение о продвижении по службе, в котором ему было отказано решением Министерства государственных дел (Ministerio para las Administraciones Públicas) от 5 ноября 1991 года на том основании, что он не выдержал один из трех конкурсных экзаменов.

2.2 Автор утверждает, что при решении вопроса о продвижении по службе испанских государственных служащих во внимание не принимаются ни заслуги, ни профессиональные навыки. Он заявляет, что органам власти следовало бы руководствоваться именно этими двумя критериями при продвижении по службе государственных служащих, и утверждает, что это требование содержится в Конституции Испании 1978 года (пункт 2 статьи 23).

2.3 Автор утверждает, что подвергся дискриминации в 1976 году, когда правительство издало постановление (Decreto-Ley 14/1976), которым был учрежден Отдел казначейской службы (Cuerpo de Gestión de la Administración del Estado). Согласно этому постановлению все государственные служащие административной службы, работавшие на тот момент в Казначействе (Ministerio de Hacienda), автоматически были включены в штат вновь созданного Отдела казначейской службы. В результате

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин и г-н Максвелл Ялден.

этого автор и те его коллеги, которые на тот момент не работали в казначействе, не были включены во вновь созданное подразделение. Автор утверждает, что постановление 1976 года имело катастрофические последствия для его карьеры.

2.4 В 1984 году был принят Закон о реформе государственной службы № 30/1984 (Ley 30/1984 de Reforma de la Función Pública). Этот Закон явился правовым основанием для продвижения по службе широкого круга государственных служащих. Нормативами, введёнными Законом о реформе, были установлены различные критерии, регулировавшие продвижение по службе различных категорий государственных служащих.

2.5 Автор утверждает, что он несправедливо подвергся дискриминации, поскольку другие государственные служащие продвигались по службе без сдачи конкурсных экзаменов, в то время как ему пришлось сдать три разных экзамена. Он также утверждает, что, хотя некоторые государственные служащие продвигались по службе без доказательств того, что у них имеется диплом, другие, как и он сам, должны были представить доказательства того, что они окончили курс в колледже.

2.6 После того как ему было отказано в продвижении по службе в 1991 году, автор подал административную жалобу (recurso contencioso administrativo) в Верховный суд (Audiencia Nacional) в Мадриде. 5 декабря 1994 года Верховный суд (Audiencia Nacional) поддержал решение Министерства государственной службы; Суд пришел к выводу, что это решение было принято в полном соответствии с Законом. 13 марта 1995 года дальнейшая апелляция автора (recurso de amparo) в Конституционный суд была признана неприемлемой.

Жалоба

3.1 Адвокат считает, что вышеизложенные факты являются нарушением подпункта с) статьи 25 и статьи 26 Пакта.

3.2 Автор отмечает, что он выдержал первые две части конкурсного экзамена, но не выдержал третью, которая, по его мнению, была необязательной. Он утверждает, что подвергся дискриминации, поскольку на следующий год третья часть экзамена была отменена. Он считает, что такое положение дел является нарушением его права быть допущенным на общих условиях равенства к государственной службе в своей стране, что предусмотрено подпунктом с) статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах.

3.3 Далее адвокат утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 14, в связи с тем что Конституционный суд не принял апелляцию его клиента (recurso de amparo). В этом отношении он утверждает, что судьи Конституционного суда не сами принимают решение о неприемлемости, но что решения обычно готовятся группой юристов (cuerno de letrados), работающих в рамках Конституционного суда, а судьи только подписывают их. Адвокат утверждает, что нечеткость формулировок решения Конституционного суда также свидетельствует о нарушении пункта 1 статьи 14. Наконец, адвокат заявляет, что автору было отказано в праве на справедливое разбирательство Конституционным судом, когда он отклонил его прошения об amparo, поскольку правом на подачу апелляции (recurso de suplica) обладает только прокуратура (Ministerio Fiscal).

Вопросы и процедуры, рассматриваемые Комитетом

4.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Комитет считает, что утверждения автора о дискриминации и отказе ему в праве быть допущенным на общих условиях равенства к государственной службе в своей стране не были обоснованы для целей приемлемости: утверждения, рассматриваемые Комитетом, не позволяют установить связь между ними и тем, как могли быть нарушены права автора в соответствии с

подпунктом с) статьи 25 и статьей 26 Пакта. В связи с этим Комитет приходит к выводу, что автор не представил жалобу по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

4.3 Что касается жалобы автора относительно нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта в связи с отклонением его апелляции Конституционным судом, Комитет внимательно изучил представленные автором материалы. Он считает, что адвокат автора не обосновал для целей приемлемости, каким образом то, что прокуратура (Ministerio Fiscal), защищая общественные интересы, может обжаловать отклонение апелляции recurso de amparo, или то, как Конституционный суд устанавливает свою повестку дня и проводит слушания, являются нарушением права автора на справедливое судебное разбирательство согласно пункту 1 статьи 14 Пакта.

5. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- а) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;
- б) препроводить настоящее решение автору и его адвокату и, для сведения, государству-участнику.

R. Сообщение № 761/1997: Ранжит Сингх против Канады
(решение, принятое 29 июля 1997 года, шестидесятая сессия)*

Представлено: Ранжитом Сингхом
Жертва: автор
Государство-участник: Канада
Дата сообщения: 20 января 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании, состоявшемся 29 июля 1997 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости**

1. Автором сообщения является Ранжит Сингх, гражданин Канады, проживающий в Эдмонтоне, провинция Альберта, Канада. В своем представлении автор утверждает, что он является жертвой нарушения Испанией статьи 7, пункта 2 и подпункта а) пункта 3 статьи 14, статей 17 и 26 Пакта.

Факты, представленные автором

2.1 29 апреля 1986 года автор был отчислен с одного из курсов последипломного обучения при кафедре расстройств коммуникативных функций университета Западного Онтарио, где он проучился два года. Автор был вызван на заседание комитета последипломного обучения кафедры расстройств коммуникативных функций 29 апреля 1986 года, где ему сообщили причины, по которым на кафедре было принято решение об его отчислении: они были связаны с неоднократными случаями враждебного, оскорбительного и агрессивного поведения автора по отношению к различным сотрудникам кафедры, а также с недостаточным количеством баллов, которые автор набрал в ходе своих занятий (69 процентов), в то время как проходной балл по клиническому практикуму на кафедре 42/ составлял 70 процентов. Тем не менее автор утверждает, что настоящие причины его отчисления связаны с инцидентом, имевшим место 27 апреля 1986 года, когда был совершен умышленный поджог кабинета преподавателя учебных курсов, где в то время спал автор, поскольку его дом был уничтожен пожаром за месяц до этого. По словам автора, сотрудники кафедры подозревали его в совершении поджога, хотя официального обвинения в уголовном правонарушении ему предъявлено не было.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-н Томас Бургенталь, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилль, г-жа Элизабет Эватт, г-жа Пилар Гаитан де Помбо, г-н Экарт Клайн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар и г-н Мартин Шейнин.

** Г-н Максвелл Ялден не принимал участия в принятии решения в соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета.

42/ Письмо комитета последипломного обучения кафедры, а также протокол заседания комитета, на котором присутствовал автор, воспроизведены в книге, озаглавленной "Нарушение доверия", опубликованной автором и прилагаемой к сообщению.

2.2 7 мая 1986 года автор представил подробное изложение своего дела декану факультета последиplomного обучения и подал прошение о разрешении обжаловать решение комитета последиplomного обучения кафедры. Кафедру расстройств коммуникативных функций попросили представить свою точку зрения; в ее представлении декану факультета аспирантуры говорится, что кафедрой были рассмотрены три основных фактора, прежде чем было принято решение об отчислении автора с курса: а) недобор автором баллов по клиническому практикуму; б) его в высшей степени настороженное и воинственное отношение к преподавателям; с) его враждебное, оскорбительное и агрессивное поведение по отношению к некоторым преподавателям, в двух случаях проявившееся в высказываниях, которые были расценены как угрозы безопасности и физической неприкосновенности сотрудников кафедры, их семей и имущества.

2.3 Специальный комитет 18 и 24 июня 1986 года заслушал автора и сотрудников кафедры расстройств коммуникативных функций. Через два дня автор получил письмо от декана факультета последиplomного обучения, в котором его уведомляли, что комитет единогласно отклонил его прошение о восстановлении на том основании, что академическая успеваемость автора в 1984—1985 годах была на грани между удовлетворительной и неудовлетворительной (71,8 процента); что когда кураторы предпринимали усилия по обеспечению обратной связи и корректировке его деятельности, возникали трудности; что автор не набрал проходного балла по программе восстановления речи. Автор, утверждая, что в этом решении специальный комитет сфабриковал чисто академические причины его отчисления, обжаловал это решение в академическом наблюдательном совете, слушания в котором состоялись 3 октября 1986 года. Наблюдательный совет отклонил апелляцию автора, чем завершилась процедура апелляции в системе университета.

2.4 11 января 1989 года автор, представленный адвокатом, подал иски против университета и 14 частных лиц в Верховный суд Онтарио, который 19 августа 1992 года отклонил иски автора на том основании, что суд не был убежден, что ответчики действовали со злым умыслом по отношению к автору и что принятое факультетом решение было основано на злостной клевете. Тем не менее суд, приняв во внимание медицинские заключения, согласно которым состояние здоровья автора в настоящее время явилось результатом того, что он вынужден был оставить программу аудиологии, присудил автору неденежную компенсацию общего ущерба на сумму 40 тыс. канадских долларов, но обязал истца выплатить ответчикам судебные издержки в размере 28 184 канадских долларов. Автор подал апелляцию на это решение в Апелляционный суд Онтарио, который отклонил ее 18 октября 1993 года на том основании, что университет воспользовался надлежащими процедурами и применил свои обычные нормативы и что судья заключил по представленным ему данным, что существует достаточное фактическое обоснование решения университета. Верховный суд Канады отказал автору в разрешении на обжалование 5 мая 1994 года.

2.5 6 мая 1996 года автор обратился в Суд королевской скамьи провинции Альберта с просьбой об отмене решения Верховного суда провинции Онтарио, обязавшего его оплатить судебные издержки; его прошение было отклонено на том основании, что Суд провинции Альберта должен уважать решение Апелляционного суда провинции Онтарио, должным образом оценившего все показания по данному делу.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что является жертвой нарушения его прав человека канадской судебной системой и университетом Западного Онтарио, и ссылается на статью 7, пункт 2 и подпункт а) пункта 3 статьи 14, статьи 17 и 26 Пакта.

3.2 Автор утверждает, что, будучи заподозренным сотрудниками университета Западного Онтарио в совершении тяжкого уголовного правонарушения, он был отчислен из университета, с продолжительными последствиями для своей профессиональной и частной жизни, в нарушение пункта 2 статьи 14 Пакта. Он утверждает, что, поскольку ему не было предъявлено официального обвинения в уголовном правонарушении, он был лишен возможности защищаться от подозрений сотрудников университета в нарушение подпункта а) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.3 Ссылаясь на принятое в качестве доказательства канадским судом письмо сотрудника университета от 14 мая 1986 года, где описываются инкриминируемые автору случаи проявления насилия, в том числе удары колющим оружием, и приводится данная ему сотрудником университета провинции Альберта, где он раньше учился, характеристика его как опасного психопата, автор заявляет, что эта клевета нанесла огромный урон его доброму имени, репутации и доверию к нему в общине в нарушение статьи 17 Пакта. В сообщении утверждается, что клевета привела к потере статуса и возможностей трудоустройства.

3.4 Автор утверждает, что по его поводу проводили расследования и его подозревали в совершении серьезных преступлений потому, что некоторые сотрудники университета путали его с другим человеком по фамилии Сингх, замешанным во взрыве бомбы на борту трансатлантического авиалайнера, и потому, что его обычно считают сикхом. Следовательно, по утверждению автора, основной причиной такого обращения с ним является его этническое происхождение, что противоречит положениям статьи 26 Пакта.

3.5 Наконец, автор утверждает, что тот факт, что государство-участник не предоставило социального обеспечения ему и находящимся на его иждивении детям, когда он был не в состоянии обеспечивать свою семью вследствие того, что ему пришлось покинуть университет, является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в нарушение статьи 7 Пакта.

Соображения по вопросу приемлемости

4.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Комитет отмечает, что большинство утверждений автора относится к оценке фактов и доказательств по его делу, данной органами управления университета Западного Онтарио и канадскими судами, рассматривавшими жалобы автора. Комитет напоминает, что оценка фактов и доказательств в каждом конкретном деле является в основном прерогативой судов и апелляционных инстанций государств — участников Пакта. В задачи Комитета не входит пересмотр оценки фактов и доказательств, данной национальными судами, за исключением тех случаев, когда можно установить, что судьи национальных судов явно нарушили свое обязательство быть беспристрастными или иным образом поступили произвольно или что решение (решения) суда было (были) равносильны отказу в правосудии. На основании имеющихся у Комитета материалов нельзя заключить, что суды государства-участника, рассматривавшие данное дело, действовали каким-либо образом, противоречащим положениям статьи 14. Как Верховный суд провинции Онтарио, так и Апелляционный суд провинции Онтарио и Суд королевской скамьи провинции Альберта подробно заслушивали претензии автора и отклоняли их как безосновательные, вынося аргументированные решения. То, что эти решения были не в пользу автора и что автор продолжает выражать недовольство ими, само по себе не является спорным вопросом согласно Пакту. Соответственно, эта часть сообщения неприемлема как несовместимая с положениями Пакта.

4.3 Автор утверждает, что решения не в его пользу, вынесенные университетом Западного Онтарио и канадским судом, являются нарушениями статьи 7, пункта 2 и подпункта а) пункта 3 статьи 14 и статей 17 и 26 Пакта. Комитет считает, что на основании представленных автором материалов в данном случае не возникает спорных вопросов в соответствии с этими положениями. Во-первых, нет доказательств ни по одному из оспариваемых решений, будь то решения органов управления университета или решения канадских судов, что обращение с автором было иным, чем с другими гражданами Канады по причине его этнического происхождения. Во-вторых, Комитет считает, что непредоставление социального обеспечения автору или его семье после его отчисления из университета Западного Онтарио не составляет спорного вопроса согласно статье 7. В-третьих, поскольку автору никогда не предъявлялось обвинения в каком-либо уголовном правонарушении, речь не может идти о нарушении презумпции невиновности и гарантиях защиты, предусмотренных пунктом 3 статьи 14. Наконец, Комитет отмечает, что проведение судебных разбирательств в соответствии с требованиями статьи 14 не поднимает спорных вопросов согласно статье 17 Пакта.

Соответственно, в отношении всех вышеизложенных утверждений автор не подал жалобу согласно смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

5. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору и, для сведения, государству-участнику.